

Д.В. СКРЫНЧЕНКО

Обрывки
ИЗ
МОЕГО
ДНЕВНИКА

Д.В. СКРЫНЧЕНКО

Обрывки
из
МОЕГО
ДНЕВНИКА

Д.В. СКРЫНЧЕНКО

Обрывки
ИЗ
МОЕГО
ДНЕВНИКА

МОСКВА «ИНДРИК» 2012

УДК 82–94
ББК 63.3(0)6
С 45

Скрынченко Д.В.

Обрывки из моего дневника / Предисловие и подготовка текста В.Б. Колмакова; Примечания А.Б. Арсеньева, В.Б. Колмакова, В.А. Скрынченко. – М.: Индрик, 2012. — 408 с., ил.

ISBN 978-5-91674-144-5

Эмигрантский дневник Дмитрия Васильевича Скрынченко (1874–1947), русского богослова, журналиста, историка, педагога, – уникальное свидетельство о жизни русской эмиграции в Югославии. Записи в дневнике с небольшими перерывами охватывают период с января 1920 г. по ноябрь 1943 г. Они знакомят с повседневной жизнью русских беженцев на Балканах, что делает эти записи ценным документом эпохи. В дневнике можно также найти суждения автора о белом движении, положении Русской Православной Церкви за рубежом, русской культуре в эмиграции, о жизни и событиях в тогдашней Югославии. Страницы дневника проникнуты попытками понять причины смуты, поразившей Россию в начале XX в.

Книга предназначена для всех, кто интересуется историей русской эмиграции.

ISBN 978-5-91674-144-5

© Колмаков В.Б., предисловие, подготовка текста, 2012
© Издательство «Индрик», оформление, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ОБРЫВКИ ИЗ МОЕГО ДНЕВНИКА.....	27
1920.....	29
1921.....	71
1922.....	86
1923.....	93
1924.....	104
1925.....	108
1926.....	113
1927.....	134
1928.....	160
1929.....	180
1930.....	194
1931.....	203
1932.....	220
1933.....	238
1934.....	269
1935.....	291
1936.....	312
1937.....	323
1938.....	335
1939.....	337
1940.....	339
1941.....	345
1942.....	351
1943.....	352
КОММЕНТАРИИ	355
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	399

ПРЕДИСЛОВИЕ

19 августа 1931 г. Дмитрий Васильевич Скрынченко сделал следующую запись в своем дневнике: «Все постепенно стирается из памяти, а между тем переживаемая эпоха чрезвычайно интересна, и чрез некоторое время разные мелочи жизни, наблюдения, впечатления и т. п. будут очень важны для истории. Писать дневник особенно следовало бы нам, эмигрантам, у которых, в силу пережитых страданий, особенно обострено чутье. Из коротких заметок, листков, разбросанных по разным тетрадочкам, я хотел бы составить нечто последовательное. Но удастся ли мне это сделать, не знаю...»¹

К счастью, ему это все-таки удалось. Многие годы Дмитрий Васильевич вел дневник, который представляет собой уникальное произведение эпохи. Это бесценное свидетельство жизни за границей русского беженца, человека образованного, преданного России, искренне страдающего за судьбу Отчизны и своей семьи. Благодаря сохранившимся страницам дневника мы можем судить о жизни русского эмигранта в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев на протяжении двух с лишним десятилетий. Дневник – это погружение в повседневность, за которой, если всмотреться, можно увидеть тектонические сдвиги истории. Он ценен тем, что в нем, как, наверное, во всяком дневнике, можно найти ответ на вопрос: как жил русский человек в эмиграции, о чем думал, на что надеялся.

Жизнь Дмитрия Васильевича Скрынченко буквально впитала в себя несколько эпох. Он родился, когда в России на троне был Александр II, а умер в эмиграции в Югославии, где после войны уже начали строить социализм. Он был многогранной личностью – блестящий публицист, педагог, богослов, деятель церкви, политик регионального масштаба. Дмитрий Васильевич придерживался консервативных взглядов, заслуживших в среде либеральной русской интеллигенции презрительное отношение. Но он отстаивал такие ценности, как православная вера, церковь, русское государство, семья, национальная история.

Жизненный путь Д.В. Скрынченко был традиционным для выходца из сельских церковнослужителей: родился он в с. Песковатка Бобровского уезда Воронежской губернии 21 сентября (ст. ст.) 1874 г. в семье псаломщика. После духовного училища и духовной семинарии в Воронеже последовала Казанская духовная академия. А затем

---

¹ Скрынченко Д. Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). С. 1.

до 1912 г. он преподавал в Минской духовной семинарии, и в эти же годы был редактором «Минских епархиальных ведомостей», редактировал правоконсервативную газету «Минское слово». После годичного пребывания в Житомире Д.В. Скрынченко с 1913 г. жил в Киеве и преподавал во 2-й Киевской гимназии. Он писал для «Киевлянина», который издавал правый политик В.В. Шульгин, а с 1914 г. сотрудничал в газете «Киев». В это время Д.В. Скрынченко выдвинулся в число ведущих консервативных публицистов своего времени. В период Директории С. Петлюры в декабре 1918 – январе 1919 г. Д.В. Скрынченко был брошен новыми властями в тюрьму. Он чудом уцелел в феврале–августе 1919 г., когда в Киеве свирепствовал красный террор и многие представители русской интеллигенции были уничтожены. В ноябре 1919 г. перед новым вступлением красных в Киев Д.В. Скрынченко был вынужден бежать. После долгих скитаний он нашел приют в Югославии, в г. Нови-Сад. Ему удалось быстро овладеть сербским языком, и вскоре он был принят преподавателем истории и русского языка в сербскую гимназию, в которой проработал до 1941 г.

Покидая Киев, Д.В. Скрынченко, как и многие беженцы, не представлял да и не мог представить себе, что ждет его впереди. Все уехавшие из Киева надеялись вскоре вернуться, полагая, что разлука будет недолгой. Но оказалось, что они уезжали навсегда. Путь беженцев лежал на юг. Полуголодные, в холоде, они лишь на 19-й день прибыли на берег Черного моря. Благодаря помощи сестры В.В. Шульгина Л.В. Могилевской, которая дала Д.В. Скрынченко 5000 рублей «керенками», он смог купить место на пароходе, отходившем в Болгарию. Корабль взял курс на Варну, где на спасительный берег высаживались тысячи беженцев из России. Сделав краткую остановку в Софии, Д.В. Скрынченко 12 февраля 1920 г. прибыл в столицу Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев Белград, а затем уехал в Сремские Карловцы, небольшой город неподалеку от столицы Воеводины Нови-Сада.

Балканское государство, куда приехал Д.В. Скрынченко, было образовано 1 декабря 1918 года. Отношение Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев к Советской России было подчеркнуто враждебным. Правящие круги опасались экспорта революции из коммунистической России, поэтому королевское правительство воздерживалось от любых контактов с СССР. Именно по этой причине в Югославии нашли приют тысячи эмигрантов из России. Югославянское Королевство действовало вполне сознательно, разрешая русским беженцам осесть на Балканах. Еще в 1920 г. югославское правительство откликнулось на обращение генерала Врангеля с просьбой о приеме русских беженцев, заручившись при этом согласием Франции оказывать им материальную помощь. Деньги на нужды беженцев французское правительство выделяло до 1925 г. включительно². «Этот шаг Белграда был во многом вызван прагматичными интересами: нищая, разоренная войной Сербия, в которой человек с высшим образованием был редкостью, получила в свое распоряжение ценнейшие научные кадры Российской Империи»³.

В балканском королевстве в начале 20-х гг. нашли приют более 35 тыс. выходцев из России, которые образовали почти 300 колоний⁴. Государство предо-

² Алексеева Е.В. Российская эмиграция в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев. 1920–1941 годы // Отечественная история. 2000. № 1. С. 33.

³ Задохин А.Г., Низовский А.Ю. Пороховой погреб Европы. М., 2000. С. 172.

⁴ Косик В.И., Тесемников В.А. Вклад русской эмиграции в культуру Югославии // Педагогика. 1994. № 5. С. 84. По мнению В.Д. Козлитина, в 1921–1923 гг. в Королевстве СХС проживало от 40 до 70 тыс. русских беженцев. – Козлитин В.Д. Российская эмиграция в Королевстве сербов,

ставляло русским беженцам права автономии и самоуправления, что было важнейшим фактором поддержания русской этнокультурной общности. На практике, как указывает В.Д. Козлитин, «основное содержание работы правлений колоний состояло в получении из Белграда и выдаче ее членам отпускаемых денежных ежемесячных ссуд»⁵.

Балканы, куда устремились русские беженцы, были сельским миром, в котором более 80% населения проживало в деревнях и около половины было неграмотным⁶. Этот фактор осложнял процесс адаптации русских, так как среди них процент образованных людей был несравненно выше. В июне 1920 г. была создана Державная комиссия по приему и размещению русских беженцев. Для эмигрантов это была самая высшая и влиятельная инстанция в межвоенный период⁷. По данным Державной комиссии по делам русских беженцев, всего число русских эмигрантов в 1923 г. составило 45 тыс. человек, из них с высшим и средним образованием было около 75%⁸. Среди гражданских беженцев (их было около 47% от общего количества эмигрантов) 65% составляли люди интеллектуального труда⁹.

Самой сложной проблемой для невольных изгнанников было обретение новой социальной идентичности и проживание в иной национальной и культурной среде. Основой возникновения идентичности могла бы стать работа, но она доставалась далеко не всем. Перед прибывавшими в Сербию русскими беженцами, естественно, вставал вопрос, на что жить. У большинства средств к существованию не было, а даже если что-то и оставалось, то в России, куда путь им был заказан. Еще летом 1919 г. югославское правительство ввиду усилившегося наплыва беженцев предоставило прибывавшим из России право льготного размена бывших русских денег на местную валюту. За 1000 «думских»¹⁰ рублей давали 800 динар, хотя рыночная цена их не превышала 110–115 динар¹¹. Весной 1920 г. льготный обменный курс изменился: 1 тыс. рублей меняли на 600 динар, а с 1 июля помощь была ограничена 400 динарами одиноким беженцам в виде ссуды или субсидии¹². Но с апреля 1921 г. началось сокращение ссуд на 10–25%, а затем и больше¹³. Вот характерная запись в дневнике Д.В. Скрынчен-

---

хорватов и словенцев (1919–1923) // *Славяноведение*. 1992. № 4. С. 14; *Алексеева Е.В.* Российская эмиграция в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев // *Отечественные архивы*, 1995. № 6. С. 20. По оценке М. Раева, в Королевстве СХС в 1922 г. проживало 33500 русских // *Раев М.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994. С. 39. По сведениям М. Йовановича, Королевство СХС приняло более 40 тыс. русских беженцев. – *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. М., 2005. С. 34; по другим сведениям, в стране осели почти 44 тыс. бывших русских подданных. – *Русские в Сербии*. Белград, 2009. С. 48.

⁵ *Козлитин В.Д.* Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. С. 7.

⁶ *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. С. 142–143.

⁷ С 1920 по 1927 г. во главе ее стоял Л. Йованович, председатель Народной скупщины, а в 1927–1940 гг. – президент Сербской Академии наук А. Белич.

⁸ *Сибиновић М.* Руска емиграција у српској култури XX века – значај, оквири и перспективе проучавања // *Руска емиграција у српској култури XX века*. Београд, 1994. Т. 1. С. 5–6.

⁹ *Глигоријевић Б.* Руска православна црква између два рата // *Руска емиграција у српској култури XX века*. С. 53.

¹⁰ Денежные знаки Российской империи, выпускавшиеся с апреля 1917 без царского герба.

¹¹ *Козлитин В.Д.* Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. С. 7.

¹² Там же. С. 9.

¹³ Там же. С. 14.

ко 10 марта 1920 г.: «После утомительной процедуры удалось разменять 1000 рублей думских за 600 дин.»¹⁴.

С 19 февраля 1920 г. Д.В. Скрынченко по рекомендации епископа Тимишоарского Георгия (Летича) проживал в монастыре «Великая Ремета», где усиленно изучал сербский язык. Этот монастырь был одним из 14 расположенных на склонах Фрушской Горы. «Два склона спускаются в долину, покрытые лесами, виноградниками, фруктовыми садами. Эта местность зовется „Сербским Афоном“»¹⁵. Многие из этих монастырей гостеприимно распахнули свои двери перед русскими беженцами. «У них, – вспоминал митрополит Евлогий, – находили приют и архиереи, и генералы, и профессора»¹⁶. Как отмечает А.Б. Арсеньев, многие фрушкогорские монастыри пребывали к этому времени в весьма запущенном состоянии, свидетельства чего, кстати, разбросаны по страницам дневника Д.В. Скрынченко¹⁷.

1 марта 1920 г. Д.В. Скрынченко побывал на приеме у начальника Новисадского отдела министерства просвещения, где ему предложили место преподавателя русского языка в женской гимназии Нови-Сада, а также дали двухмесячный отпуск для изучения сербского языка¹⁸. Это было хорошее начало, если учесть, что тысячи вынужденных эмигрантов искали хоть какую-нибудь работу. Нам, имеющим дом и семью, трудно представить себе чувства, охватывающие на чужбине человека, который лишен крова, привычного и устоявшегося круга общения, семейного тепла, да к тому же погружен в непривычную языковую и культурную среду. Потеря социальной идентичности, на которую накладывалась нужда и отсутствие контактов с Родиной, пагубно действовала на многих эмигрантов. Постоянное чувство тоски, с которым не было сил бороться, – вот доминантное чувство, поглощавшее беженцев. «Милая Родина, как хотел бы тебе отдать свои последние силы, как тяжело, мучительно есть кусок хлеба на чужбине, даже у своих братьев-славян», – записал в дневнике Д.В. Скрынченко¹⁹.

Осев в каком-нибудь месте, русские беженцы стремились по мере возможности воспроизвести структуры русской жизни. «Даже попав в чужое окружение, – отмечает М. Раев, – они хотели жить, работать и творить как неотъемлемая часть России»²⁰. Очень точно охарактеризовал комплекс переживаний беженцев М. Йованович: «Русский человек в изгнании разрывался между необходимостью обеспечения хлеба насущного, мыслью о скорейшем возврате на родину и осознанием того, что его жизни вне родины, в эмиграции, должен прийти конец»²¹. Воспроизводя привычные структуры повседневности, беженцы воссоздавали психологическую атмосферу прошлой жизни со всеми присущими ей сторонами. К сожалению, склоки и раздоры составляли горестную сторону жизни русских эмигрантов. Покинув Родину, русские сохраняли нетерпимость, убежденность, что истина одна и она уже постигнута. Крайний догматизм наслаивался на политические утопии, которыми долго жила первая эмиграция. Очень точно охарактеризовал духовную ситуацию в эмигрантской среде Н.А. Бердяев:

¹⁴ Скрынченко Д. Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). С. 13.

¹⁵ Евлогий, митрополит. Путь моей жизни. М., 1994. С. 336.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Арсеньев А. Руска интелегенција у Војводини // Руска емиграција у српској култури XX века. Т. 1. С. 75.

¹⁸ Скрынченко Д. Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). С. 11.

¹⁹ Там же. С. 65.

²⁰ Раев М. Россия за рубежом. С. 14–15.

²¹ Йованович М. Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. С. 385.

«Свобода мысли в эмигрантской среде признавалась не более, чем в большевистской России. На меня мучительно действовала злобность настроений эмиграции. Было что-то маниакальное в этой неспособности типичного эмигранта говорить о чем-либо кроме большевиков, в этой склонности повсюду видеть агентов большевизма»²².

Русская колония в Нови-Саде была одной из наиболее многочисленных в Королевстве СХС и насчитывала около 2 тыс. человек²³. Всего в Бачке, Банате, Баранье и Среме (территория Воеводины), по оценке А.Б. Арсеньева, поселилось примерно 7–8 тыс. русских беженцев²⁴. «Уют опрятного и многонационального придунайского города, близость столицы (75 км), соседство со Сремскими Карловцами, где обосновались Синод русской Православной Церкви во главе с митрополитом Антонием (Храповицким) и штаб Главнокомандующего русской армией ген.-лейтенанта П.Н. Врангеля, – способствовали тому, что Нови-Сад оказался удобным для временного проживания на чужбине. Русские „переименовали“ его на свой манер в *Новый Сад*»²⁵.

Кроме изучения языка, жизнь Д.В. Скрынченко в монастыре была наполнена думами о семье и бесчисленными слухами о ситуации в России. 16 апреля 1920 г. он записал следующее: «Среди русских самые разнообразные слухи: Киев будто бы в руках Петлюры, Махно взял Полтаву, Москву крестьяне, Антанта признала Украину и т. п.; все это жадно ловится... Бедные скитальцы...»²⁶. Очень убедительно описал подобную ситуацию А.Н. Толстой, одно время бывший эмигрантом. «Красные одолели, междоусобная война кончилась, но мы, русские эмигранты в Париже, все еще продолжали жить инерцией бывшей борьбы. Мы питались дикими слухами и фантастическими надеждами. Каждый день мы определяли новый срок, когда большевики должны пасть, – были несомненные признаки их конца»²⁷. Русские беженцы не хотели верить в то, что большевики захватили власть надолго. За невероятными слухами ясно просматривается вопрос, который для Д.В. Скрынченко был главным: как живет оставшейся в Киеве семье? После занятия Киева красными жена Дмитрия Васильевича Александра Ивановна осталась с четырьмя детьми и матерью. Чтобы выжить, продавали на толкучке все, что было ценного, но и этих денег в условиях инфляции не хватало. Как жена бежавшего от советской власти, Александра Ивановна находилась под подозрением и вскоре была арестована. Ее обвиняли в том, что она воспитывает детей в антибольшевистском духе. Тем не менее в условиях коммунистического режима она сохранила веру, потому что только она могла дать надежду находившимся в отчаянии людям.

Находясь за границей, Д.В. Скрынченко не мог жить, применяя выражение В.В. Розанова, «около церковных стен», поэтому он активно участвовал в жизни Русской Православной Церкви за рубежом. С 8 по 20 ноября (21 ноября – 2 декабря) 1921 г. в Сремских Карловцах в здании гимназии работал Русский Всеаграничный Церков-

²² Бердяев Н.А. Самопознание. Опыт философской биографии. М., 1991. С. 222.

²³ Русские в Сербии. Белград, 2009. С. 171.

²⁴ Арсеньев А. Руска интелигенција у Војводини // Руска емиграција у српској култури XX века. Т. 1. С. 72.

²⁵ Арсеньев А. У излучины Дуная. Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999. С. 16.

²⁶ Скрынченко Д. Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). С. 24.

²⁷ Толстой А.Н. Открытое письмо Н.В. Чайковскому // Полн. собр. соч. Т. 13. М., 1949. С. 11–12.

ный Собор в составе 109 делегатов²⁸. Одним из них был Д.В. Скрынченко. В списке членов Собора он обозначен в качестве секретаря Русского Всеаглицкого Церковнаго Соборанія²⁹. В Протоколе № 2 от 10 (23) ноября, когда проходили выборы Президиума, читаем, что Д.В. Скрынченко получил 52 голоса и был избран секретарем Собора³⁰.

С Карловацкаго собора начался новый процесс в жизни русскаго православія. На Соборе митрополит Антоній (Храповицкій) настоял на включеніи в текст заключительнаго документа тезиса о восстановленіи в Россіи династіи Романовых³¹. Его позиция привела к тому, что внутри церковной эмиграции началось заметное размежевание. Митрополит Евлогій предлагал занять более взвѣшенную позицию, заключающуюся в том, что «Романовыхъ долженъ призвать народъ и не наше дѣло предупреждать его волю»³². Однако в Посланіи Русскаго Всеаглицкаго Церковнаго Собора «чадамъ Русской Православной Церкви в разсеяніи и изгнаніи сущимъ» Соборъ призвалъ вернуть «на все-россійскій престолъ Помазанника, законнаго Православнаго царя Дома Романовыхъ»³³. За это Посланіе выказалось, какъ вспоминалъ митрополитъ Евлогій, 2/3 Собора. В его воспоминаніяхъ можно найти списокъ участниковъ, не подписавшихъ «Посланіе». Фамиліи Д.В. Скрынченко въ этомъ списокѣ нѣтъ. Концептуально позиция Собора была подкреплена статьей митрополита Антонія, напечатанной въ «Дѣяніяхъ Собора» въ качествѣ приложенія. Понимая политику какъ «всѣ соприкасающееся народнои жизни, начиная съ правоваго положенія Церкви въ государствѣ, церковная власть и церковныя Соборы должны участвовать въ политической жизни и съ этихъ сторонъ предъявлять ей опредѣленныя требованія»³⁴, митрополитъ Антоній выработалъ теоретическое обоснованіе решенія Собора въ поддержку монархіи, въ которой многіе беженцы, и не только они, видели гарантію стабильнаго Россійскаго государства и церкви. Практическая сторона дѣла заключалась въ томъ, что Соборъ предложилъ отречься отъ «завоеваній» Февральской революціи «черезъ признаніе преступнымъ низверженія Царствующей династіи»³⁵. Этимъ документамъ и по сей день трудно дать однозначную оценку, но зададимъ вопросъ: подъ какимъ знаменемъ можно было собрать, какъ того хотѣли участники Собора, русскихъ эмигрантовъ, разбросанныхъ по многимъ странамъ? Можно, конечно, утверждать, что стремленіе восстановить монархію говоритъ о неадекватномъ воспріятіи ситуации въ Россіи,

²⁸ Арсеньевъ А. «Русскіе люди... всколыхнули наше местечко» // Родина. 2003. № 10. С. 102; Арсеньевъ А. Русская эмиграція въ Сремскихъ Карловцахъ. 2-е изд., испр. и доп. Сремски Карловци, 2008. С. 49–52.

²⁹ Дѣянія Русскаго Всеаглицкаго Церковнаго Собора, состоявшагося 8–20 ноября (21 ноября – 3 декабря) въ Сремскихъ Карловцахъ въ Королевствѣ С., Х. и С. Сремскіе Карловцы, 1922. С. 14, 30, 36; Никонъ (Рклицкій), архіепископъ. Жизнеописаніе Блаженнейшаго Антонія, Митрополита Киевскаго и Галицкаго. Т. VI. N. Y., 1960. С. 11.

³⁰ Дѣянія Русскаго Всеаглицкаго Церковнаго Собора, состоявшагося 8–20 ноября (21 ноября – 3 декабря) въ Сремскихъ Карловцахъ въ Королевствѣ С., Х. и С. С. 30.

³¹ Политическая исторія русской эмиграціи. 1920–1940. Документы и матеріалы. М., 1999. С. 657.

³² Косикъ В.И. Русская церковь въ Югославіи. М., 2000. С. 32; Косикъ В.И. Русская церковь въ Югославіи // Славяновѣденіе. 1996. № 6. С. 67; Троицкій С.В. Исторія самочинной карловацкой организаціи // Церковно-историческій вѣстникъ. 2001. № 8. С. 18–68.

³³ Никонъ (Рклицкій), архіепископъ. Жизнеописаніе Блаженнейшаго Антонія, Митрополита Киевскаго и Галицкаго. Т. VI. С. 29–30.

³⁴ Политическая исторія русской эмиграціи. 1920–1940. С. 660.

³⁵ Там же. С. 661.

но ведь участников Собора питала искренняя любовь к Родине и вера в ее скорейшее возрождение³⁶. К тому же монархической идеи, как считает М. Йованович, придерживалось 80–90% политически активных эмигрантов³⁷. О монархической направленности Собора говорит факт обструкции, которую делегаты устроили бывшему спикеру Государственной Думы М.В. Родзянко, изгнав его из собрания как якобы «главного виновника революции»³⁸. По воспоминаниям митрополита Вениамина (Федченкова), на Соборе правые оказали серьезное давление на присутствующих³⁹. Все это означало, что «в 1921 г. на Соборе в Карловцах политические эмоции одержали верх над церковным сознанием»⁴⁰. Ситуация, сложившаяся на Соборе, была отражением разногласий среди русских беженцев, которые мучительно искали ответ на вопрос о будущем политическом строе в России и спорили о причинах крушения империи.

Решения Карловацкого Собора не были признаны Патриархом Тихоном (Белавиным), что достаточно быстро привело к расколу в Русской Православной Церкви. В ответе на Послание Собора Патриарх признал его решения политизированными и не выражающими официального голоса Русской Православной Церкви. В августе 1922 г. Патриарх прислал в Карловцы указ, осуждающий занятия политикой заграничной частью Русской Православной Церкви. Он отстранил митрополита Антония и передал в управление митрополиту Евлогию все приходы РПЦ за границей. После получения из Москвы указа патриарха Тихона от 5 мая 1922 г. Высшее церковное управление за границей было закрыто⁴¹.

Митрополит Антоний решению Патриарха подчинился, но вскоре в Сремских Карловцах был создан Архиерейский Синод РПЦЗ. Русские беженцы в Королевстве СХС поняли решение Патриарха Тихона как принятое под давлением большевиков. Большинство епископов, оказавшихся за пределами Родины, поддерживали Антония, который к этому времени изменил свою позицию и отказался подчиняться Московскому Патриарху. Таким образом, за границей возникло два центра Православия, один из которых – Синод во главе с Антонием в Сремских Карловцах, а другой – во главе с архиепископом (с 1922 г. митрополитом) Евлогием⁴². Главной причиной разногласий между митрополитами Антонием и Евлогием были политические расхождения. Антоний стоял на позиции монархизма, что подтверждало его специальное послание к русской эмиграции 1929 г. В нем митрополит убеждал русских беженцев признать царем Кирилла Владимировича, чьи права на престол, равно как и репутация, были весьма спорными⁴³. В свою очередь митрополит Евлогий был носителем

³⁶ Среди участников Собора насчитывалось около 30 монархистов, вернувшихся из Бад-Рейхенгалле (Германия), где проходил Высший монархический Совет. – *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995. С. 121.

³⁷ *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах 1920–1940. С. 49.

³⁸ *Евлогий, митрополит.* Путь моей жизни. С. 363.

³⁹ *Вениамин (Федченков), митрополит.* На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 338–339.

⁴⁰ *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. С. 133.

⁴¹ *Архиепископ Никон (Рклицкий).* Жизнеописание Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого. Т. VI. С. 44.

⁴² *Троицкий С.В.* О неправде Карловацкого раскола. Paris, 1960. С. 86–87.

⁴³ *Сергеев С.М.* Митрополит Антоний (Храповицкий) // Великие духовные пастыри России. М., 1999. С. 468. Романов Кирилл Владимирович (1876–1938) в 1924 г. провозгласил себя «Главой Императорского Дома Романовых», передав в 1938 г. этот титул своему сыну Владимиру Кирилловичу (1917–1992).

комплекса более либеральных взглядов и не настаивал на монархическом принципе. Кроме того, истоки конфликта, по мнению югославского исследователя, лежали в канонической сфере: карловацкая группа епископов исповедовала ортодоксальные взгляды, в то время как парижская группа иерархов во главе с Евлогием тяготела к умеренной модернизации православной церкви⁴⁴. «Митрополит Антоний, – записал в дневнике Д.В. Скрынченко, – настроен твердо в отношении отколовшегося митрополита Евлогия. По словам Антония, Евлогий попал в руки масонов и левого священника о. С. Булгакова, бывшего профессора политической экономии в Московском университете»⁴⁵. В 1926 г. митрополит Евлогий прибыл на заседание Архиерейского Синода в Сремские Карловцы. В повестке дня значился «пересмотр взаимоотношений Синода и западноевропейских епархий». Вопрос намеревались обсудить одним из первых, но на следующий день он был перенесен в конец повестки дня. Тогда возмущенный Евлогий покинул Синод. В письме Синоду он писал, что не признает «карловацкого учреждения, упраздненного Патриархом Тихоном, законной канонической властью над собою»⁴⁶. Он утверждал, что власть Синода имеет только моральный, но не канонический характер. С точки зрения Евлогия, карловацкий Собор незаконно присвоил высшую власть в церкви. В ответ в январе 1927 г. Собор епископов в Карловцах запретил Евлогия в священнослужении и прервал с ним молитвенное общение. Это был полный разрыв. Но Евлогий получил поддержку от Вселенского Патриарха Василия III, который в ответ на обращение к нему Евлогия заявил, что «вынесенное против Вас запрещение со стороны так называемого Архиерейского Синода за границей – являются деяниями канонически незаконными и никакой посему церковной силы не имеющими»⁴⁷. Ситуация в Православии стала еще более тревожной, когда в 1927 г. митрополит Сергей выпустил «Декларацию» о лояльности церкви по отношению к советской власти. Она была, конечно, отвергнута Архиерейским Собором в Карловцах. Сербский митрополит Варнава⁴⁸, бывший воспитанник Санкт-Петербургской духовной академии, выступил с инициативой примирения двух течений в русском зарубежном Православии, однако успеха не имел. Каждая из сторон считала себя правой. «Если из Москвы шли упреки и критика в нарушении церковных канонов со стороны так называемых карловчан, то в Белграде говорили о несвободе, порабощении церкви в России»⁴⁹. Многие страницы дневника Д.В. Скрынченко посвящены конфликту между «Белградской» и «Парижской» православными церквями. Раскол в русской церкви носил политический характер, что отмечали многие, в том числе и бывшие русские дипломаты в изгнании. Так, В.А. Маклаков писал Е.В. Саблину в сентябре 1938 г., что «разошлись наши церкви специально на политическом вопросе и что это разделение поддерживается той же самой политикой...»⁵⁰. Таким образом, зарубежное русское Православие оказалось расколотым и ослабленным, что не могло не сказаться на его влиянии и авторитете.

⁴⁴ Глигоријевић Б. Руска православна црква између два рата. С. 58.

⁴⁵ Скрынченко Д. Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). С. 150.

⁴⁶ Евлогий, митрополит. Путь моей жизни. С. 375.

⁴⁷ Политическая история русской эмиграции. 1920–1940. С. 681.

⁴⁸ Варнава (Петр Росич, 1880–1937), с 1930 по 1937 г. патриарх Сербской православной церкви.

⁴⁹ Косик В.И. Русская церковь в Югославии. С. 39.

⁵⁰ Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940. Сб. документов в 2 кн. Кн. 2: 1938–1940. М., 1998. С. 113.

К митрополиту Антонию у Д.В. Скрынченко было сложное отношение. Он любил его как духовного владыку, но не принимал политической ориентации. 20 сентября 1927 г. под псевдонимом Д. Залужный он опубликовал в выходившем в Белграде «Новом времени» статью «Митрополит Антоний»⁵¹. В ней Д.В. Скрынченко сделал акцент на постоянном стремлении Антония восстановить патриаршество, т. е. вернуться к «утерянной каноничности нашей Церкви», а также отметил страстную веру, всегда переполнявшую великого иерарха⁵². Вспоминая о хиротонии Антония во епископа, Д.В. Скрынченко писал: «Кто присутствовал на этом торжественном чине, тот не может забыть особенно одного момента: чтения Антонием „Верую“; это было чтение энтузиаста, фанатика; так читают те, которые или сами себя сжигают на костре, или их ведут на муки»⁵³. Митрополит Антоний, по словам Д.В. Скрынченко, отзывался о статье следующим образом: «Вы правду написали, и мне редко приходилось читать более верные строки»⁵⁴. Когда 20 сентября 1932 г. исполнилось 36 лет епископского служения митрополита Антония, Д.В. Скрынченко посетил его в Сремских Карловцах и от Новисадского прихода вручил подарок – кожаный бювар. На обеде, который устроил в честь Антония сербский патриарх Варнава, Д.В. Скрынченко «выразил Патриарху и сербскому епископату благодарность за то внимание, которое оказано ими митрополиту Антонию, видя в этом внимание к прошлой России и русскому народу»⁵⁵.

Не имея возможности вернуться на родину, Д.В. Скрынченко пытался получить разрешение на въезд в Югославию своей семьи, но советские власти разрешения на выезд не дали: «Получил ужасное письмо из Киева: семье не позволено выехать из России. Господи, сжался над нами...»⁵⁶. Д.В. Скрынченко все время пытался помочь семье, неоднократно посылал в СССР переводы. Иногда они доходили, иногда его обманывали соотечественники, присваивая с таким трудом отложенные суммы. Эти страницы больно читать, понимая, что Д.В. Скрынченко как человек, имевший в России высокий социальный статус (он был надворным советником) и содержавший семью из пяти человек, очутился за границей и оказался бессилен что-либо изменить в жизни своих родных, помочь им материально и морально. К середине 30-х гг. переписка с женой и детьми прекратилась – в Советском Союзе начался Большой террор, когда даже переписываться с родственниками за границей стало смертельно опасно.

В эмиграции начала 20-х гг. активно обсуждался вопрос о характере и направлении развития советской власти. Тактический разворот большевиков в сторону НЭПа привел к появлению сменовеховства: в Праге в июле 1921 г. вышло знаменитое издание «Смена вех». Идеологом нового движения был известный историк Николай Васильевич Устрялов⁵⁷. Сменовеховство внесло новый аспект в понимание русской революции. Если правая часть эмиграции считала ее антинациональной, то сменовеховство настаивало на том, что революция вполне национальна, а большевизм эволюционирует и является новой формой существования русского государства. Идея внутреннего перерождения советской власти была заманчивой. В нее верили, не понимая, что НЭП был временным маневром кремлевской верхушки. В советской власти некоторых эми-

⁵¹ Издание «Нового времени» было возобновлено в 1921 г. М.А. Сувориным.

⁵² Залужный Д. Митрополит Антоний // Новое время (Белград). 1927, 20 сентября. С. 2.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Скрынченко Д. Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). С. 186.

⁵⁵ Там же. С. 308.

⁵⁶ Скрынченко Д. Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). С. 116.

⁵⁷ См.: Агурский М.С. Идеология национал-большевизма. М., 2003.

грантов привлекала сила, стремление восстановить имперское могущество, порядок, совершить всеобщее обновление⁵⁸. Дмитрий Васильевич не мог не знать о новой идеологии, которая достаточно широко распространилась в эмигрантских кругах. Свою позицию он высказал в статье «Эволюция большевизма», в которой признался, что «оторванный от Отечества, Родины, семьи, я сам начал изредка верить, что большевизм действительно эволюционирует...»⁵⁹. В отличие от сменовеховцев он считал, что «меняются методы действий, и в них часто видят эволюцию, а между тем цель всегда остается постоянной». Он с горечью писал, что европейцы безучастно наблюдают за гибелью России. «И нет новой Бичер-Стоу, которая заставила бы затрепетать уснувшую европейскую совесть и освободить новых рабов – белых». В конце статьи он обратился к сербам: «А вы, братья славяне! Слышите ли вы муки вашего русского брата или тоже так думаете, что русский большевизм эволюционирует?»⁶⁰

В дальнейшем Д.В. Скрынченко обрисовал возможную модель буржуазного развития России, которая могла бы предотвратить события 1917 года. По его мнению, «монархический строй, но бессловесный, со справедливым решением земельного вопроса и с хорошей школой... мог бы предотвратить смуту»⁶¹. В 30-х гг. взгляды Д.В. Скрынченко на русскую историю испытали влияние идей Ивана Лукьяновича Солоневича⁶². В эмигрантских кругах на смену теории «официальной народности» пришла теория «народной монархии». В ней возрождалась архетипическая идея, согласно которой царь рассматривался как покровитель народа, защитник слабых и нуждающихся, утверждался принцип единения царя с народом без представительных учреждений и бюрократии. Эти идеи были сформулированы И.А. Солоневичем, который утверждал, что монархия должна быть не сословной, а общенародной. Он считал, что дворянство «немыслимо не только в качестве носителя власти, но и в качестве ее соучастника»⁶³. Солоневич прекрасно понимал всю архаичность сословного строя в XX в. и в России видел «гниение дворянского правящего слоя, который и довел Россию до революции». При этом он исходил из традиционного для консервативного дискурса принципа единства национализма и Православия, которое является основой монархической власти. Именно национализм как интегрирующий принцип должен стремиться к ликвидации сословий и каст. Вместо деления на социальные группы он предлагал принцип государственной службы, нечто вроде корпоративного государства с подчинением частных интересов общенациональным⁶⁴. Путь к бессловесной монархии должен начинаться с диктатуры бонапартистского типа с последующим восстановлением монархии. Дмитрий Васильевич был знаком с идеями Солоневича и писал, что он «во всех нас поднял веру в возрождение России и скорое свержение большевизма»⁶⁵.

⁵⁸ *Омельченко Н.А.* Политическая мысль русского зарубежья. Очерки истории (1920 – начало 30-х гг.). М., 1997. С. 69.

⁵⁹ *Рус. Еволюція большевизма* // Застава (Нови Сад). 1922. Бр. 257 (11 нов.). С. 1.

⁶⁰ Там же. С. 2.

⁶¹ *Скрынченко Д.* Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). С. 229.

⁶² Солоневич Иван Лукьянович (1891–1953), русский мыслитель, публицист и политический деятель. Разработал учение о народной монархии, изложенное в книге «Народная монархия».

⁶³ *Солоневич И.А.* Политические тезисы Российского Народно-Имперского (штабс-капитанского) движения // Политическая история русской эмиграции 1920–1940. Документы и материалы. С. 402–403.

⁶⁴ Там же. С. 397.

⁶⁵ *Скрынченко Д.* Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). С. 379.

К середине 30-х гг. в результате мучительных размышлений сформировался взгляд Д.В. Скрынченко на возможное будущее России: «По-моему, если русский народ хочет иметь такое государство, которое он имел, то должен сделать следующее: отказаться от республиканской формы правления с ее жалким „демократизмом“, отказаться от монархии с ее безразличным отношением к главенствующему, т. е. русскому народу, на долгое время, приблизительно лет на 100, должен установить у себя беспощадную диктатуру не партии, не личности, а русского народа: всё в государстве должно быть лишь в руках русских, все чиновники, особенно на высших постах, должны быть лишь русские, инородцы могут приниматься лишь на маленькие, и то незначительные должности, вроде здешних контрактualных чиновников, каковыми являемся в большинстве мы, русские, язык государственный и литературный может и должен быть только русский и, конечно, прежде всего русская школа. Никакой другой школы быть не должно»⁶⁶. Его позиция была нацелена на создание этнократического государства, что предполагало растворение нерусского населения в русском. Опыт XX в. показал, что реализовать такого рода идеи мирным путем невозможно.

Большую часть времени Д.В. Скрынченко отнимала работа в гимназии. В июне 1932 г. женскую гимназию, в которой он работал, слили с мужской. Это грозило увольнениями в первую очередь для русских, работавших в системе просвещения. «Что будет с нами и, в частности, со мной, один Бог знает», – записал Д.В. Скрынченко в дневнике. В этой гимназии он работал до лета 1936 г., а затем был переведен в мужскую, где ему было легче: не было того климата злобы и доносов, который отравлял ему жизнь в женской гимназии. В основном он преподавал латинский язык и историю, а иногда при необходимости географию и математику. Положение его нельзя назвать устойчивым – каждый год как «контрактualному профессору» ему предлагалось продлить контракт, к тому же подобное положение означало более низкое по сравнению с сербами жалование. А между тем это был уже его 15-й год работы в сербской гимназии. В 1936 г. положение контрактualных преподавателей ухудшилось. Прошел слух, что работающих по контракту с апреля 1937 г. будут увольнять или переведут на поурочную (почасовую) оплату, что в любом случае означало бы понижение жизненного уровня⁶⁷. Это возможное ухудшение не ускользнуло от внимания бывшего русского посланника В.Н. Штрэндтмана⁶⁸. В письме принцу-регенту Павлу 1 сентября 1936 г. он писал, что «министерство внутренних дел, за весьма редкими исключениями, отказывается принимать эмигрантов в югославское подданство, что лишает их права искать себе заработок даже на иностранных предприятиях...»⁶⁹.

На основании эмигрантского дневника Д.В. Скрынченко можно сделать одно парадоксальное наблюдение – по работе и вне ее он все время общался с сербами, свободно говорил по-сербски, но в то же время он позиционировал себя глубоко изолированным от сербского общества. Скорее всего, это стремление сохранить национальную идентичность и не интегрироваться в иную культуру объяснялось глубокой

⁶⁶ Там же. С. 371.

⁶⁷ Там же. С. 383.

⁶⁸ Штрэндтман Василий Николаевич (1877–1963), бывший 1-й секретарь русской миссии в Белграде, посланник правительства Колчака в Королевстве СХС, в 20–30-х гг. занимался вопросами помощи российским беженцам, был начальником управления по делам российских эмигрантов, до 1934 г. был уполномоченным Российского общества Красного Креста в Югославии.

⁶⁹ Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940. Сб. документов в 2 кн. Кн. 2: 1938–1940. С. 410.

верой в возвращение на Родину, которая сбросит власть большевиков. Несмотря на неприязнь отдельных сербов, Д.В. Скрынченко пользовался уважением в учительской среде. На банкете в марте 1927 г., когда гимназия провожала директора М. Балубджича, переведенного в другую гимназию, последний сказал следующее: «Господа, в нашей среде есть один человек, который обладает любящим сердцем к детям, хороший семьянин и нежный отец; он большой патриот, любит труд и любит нашу школу; это Д.В. Скрынченко; семь лет он работает здесь, и я себе не представляю новисадской женской гимназии без Дмитрия Васильевича и Дмитрия Васильевича без нашей гимназии, я знаю, как его любят дети, и радуюсь, что наша школа имеет такого идеалиста-педагога»⁷⁰.

В середине 20-х гг. стало ясно, что вернуться в Россию невозможно, режим большевиков укрепился и надежд на его крушение нет. Проницательный и умный митрополит Антоний резюмировал ситуацию следующим образом: «Нам надо готовиться к долгому сидению здесь»⁷¹. Эмиграция, которую многие беженцы сначала рассматривали как временное состояние, превратилась в постоянное. Поэтому перед мыслящей частью эмигрантов волей-неволей встал вопрос, чему же должна посвятить себя столь значительная масса людей. Ответ на этот вопрос дал великий русский писатель И.А. Бунин, который говорил, что «миссия русской эмиграции, доказавшей своим исходом из России и своей борьбой, своими ледяными походами, что она не только не за страх, но и за совесть не приемлет ленинских градов, ленинских заповедей, миссия эта заключается ныне в продолжении этого неприятия»⁷². И.А. Бунин сумел объяснить причины ухода нескольких миллионов людей из России, потому что советская пропаганда и европейские коммунисты изображали русских беженцев как злобных капиталистов и помещиков, которых не успела добить Красная армия. Бунин говорил от лица эмиграции: «Мы, так или иначе, не приняли жизни, воцарившейся с некоторых пор в России, были в том или ином несогласии, в той или иной борьбе с этой жизнью и, убедившись, что дальнейшее сопротивление наше грозит нам лишь бессмысленной гибелью, ушли на чужбину»⁷³. В речи, которая стала широко известна среди русских беженцев, И.А. Бунин призвал хранить веру в Бога и Россию, которая, как он верил, сумеет отряхнуться от ярма большевизма. Его речь вселила веру во многих русских, волею судеб оказавшихся за пределами отчизны. Эмигрантская жизнь была связана с горьким осознанием того, что вернуться к «отеческим гробам» не удастся, почему следует сохранить для потомков ту Россию, которую беженцы унесли в своем сердце.

Стремление исполнить миссию русской эмиграции закономерно привело Д.В. Скрынченко к сближению с теми людьми, кто стремился сохранить русскую культуру за рубежом. В 1924 г. русские беженцы основали в Любляне Русскую Матицу – общество, нацеленное на сохранение русской культуры. Оно было создано по образцу сходных обществ – Матиц, возникших во многих славянских странах⁷⁴.

⁷⁰ Скрынченко Д. Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). С. 187.

⁷¹ Там же. С. 127.

⁷² Бунин И.А. Миссия русской эмиграции (Речь, произнесённая в Париже 16 февраля 1924 г.) // Бунин И.А. Публицистика 1918–1953 годов. М., 2000. С. 147.

⁷³ Там же. С. 148.

⁷⁴ Матица Сербская была основана в 1826 г. группой сербских торговцев во главе с литератором и юристом Й. Хаджичем для материальной поддержки журнала «Летопис», который издавался в Нови-Саде с 1824 г. В основе семантики названия лежал образ пчелиного улья (по-сербски одно из значений слова «матица» — пчелиная матка) как символ национального

В Любляне Русскую Матицу возглавлял профессор Александр Дмитриевич Билимович, а с 1931 г. – профессор Евгений Васильевич Спекторский⁷⁵. Новисадское отделение Русской Матицы возникло не на пустом месте. Еще в ноябре 1922 г. при активном участии Александры Анатольевны Розеншильд фон Паулин был основан Русский национальный кружок, который в 1925 г. был переименован в Новисадское отделение Русской Матицы. Когда Д.В. Скрынченко был в Любляне, А.Д. Билимович просил его открыть отделение Матицы в Нови-Саде. «Но я, – писал Д.В. Скрынченко, – пережив много в России вследствие общественной деятельности, решительно отказался от этого и посоветовал А. Д-чу обратиться непосредственно к г-же Розеншильд, а по возвращении в Новый Сад советовал последней открыть отделение Матицы; она послушалась, тем более что ее кружок начал замирать»⁷⁶. Александра Розеншильд фон Паулин была прекрасной преподавательницей (она учила французскому и русскому), сотрудничала в литературных и педагогических журналах, писала стихи, многие из которых были опубликованы. Ее перу принадлежат драмы-мистерии, статьи о русской литературе, философии, эстетике⁷⁷. Д.В. Скрынченко характеризовал ее как «энергичную, но крайне самолюбивую барышню», у которой, видимо, не хватало опыта и настойчивости в повседневной общественной работе. Она собиралась передать Матицу вместе с ее имуществом кружку любителей изящных искусств, но общее собрание решило сохранить Русскую Матицу и избрать нового председателя. В результате 13 ноября 1927 г. Д.В. Скрынченко стал председателем Русской Матицы.

Русская Матица работала в Нови-Саде до апреля 1941 года. К концу 1928 г. новисадское отделение Матицы насчитывало 185 членов, в 1933 г. – 275, а в 1941 – 152⁷⁸. В 1933 г. в библиотеке Русской Матицы имелось 3500 книг⁷⁹. Деятельность в Русской Матице давала возможность Д.В. Скрынченко уйти от горьких мыслей о семье и Родине. В его дневнике можно найти пронзительную запись: «Общественная работа дала новую струю моей психологии, отвлекла меня от личных, углубленных страданий, и я с энергией, всегда присущей мне, отдался ей... В отношении лично меня теперь злора как-то стихла: созданное мною крупное культурное дело у всех на виду, и почти все утихомирились... Злобствуют открыто лишь так называемые „кирилловцы“ за непризнание Матицей и мною великого князя Кирилла Владимировича императором, за то, что в библиотеке Матицы среди императоров не висит портрет „императора Кирилла“. Но Бог с ними: вести борьбу с ними я не собираюсь»⁸⁰.

Д.В. Скрынченко ставил своей целью объединить все русские организации в Нови-Саде, но эта задача оказалась невыполнимой: «Наклонность к ссорам и разделению среди русских оказалась сильнее, чем я предполагал»⁸¹. Стремление к обособлению, склоки и вражда, обострявшиеся статусом беженцев, подрывали силы эмиграции, ослабляли веру в будущее. «Дальше от них, дальше, – писал Д.В. Скрынченко, –

очага. – См.: *Мыльников А.С.* Народы центральной Европы: формирование национального самосознания XVIII–XIX вв. СПб., 1997. С. 104.

⁷⁵ *Арсеньев А.* У излуины Дуная. С. 108.

⁷⁶ *Скрынченко Д.* Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). С. 149.

⁷⁷ *Арсеньев А.* У излуины Дуная. С. 115–123.

⁷⁸ Там же. С. 106.

⁷⁹ *Скрынченко Д.* Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). С. 324.

⁸⁰ Там же. С. 195.

⁸¹ Там же. С. 201. Об этом же говорят записи от 3 и 17 июня 1923 г.

зарыться в книги, в работу для нации, ее культуры, русской человечности, дальше от кирилловцев, от программочек...»⁸²

Д.В. Скрынченко испытывал то амбивалентное отношение к эмиграции, о котором так проникновенно написал живший в изгнании А.И. Куприн: «Но всё нехорошее, что о ней можно сказать, совершенно поглощается тем, что она есть прямое следствие большевистского режима. По смыслу своего бытия, она представляет отрицание самого отрицательного, самого безмерно злого явления в мировой истории – воинствующего русского коммунизма – и таким образом в глазах моих рисуется не отрицательным, а положительным явлением»⁸³. Образ Родины, которую оставил Д.В. Скрынченко, был цельным и глубоким. Он хотел сохранить его; возможно, по этой причине он не принял проведенную советской властью модернизацию русской орфографии. Большая часть русских изданий за рубежом печаталась по старым правилам, которые напоминали о потерянной Родине. Стоит привести интересное наблюдение А.И. Доронченкова, согласно которому правые по убеждениям беженцы до конца следовали традиционным правилам орфографии, а левые – меньшевики, эсеры и сменовеховцы – довольно быстро перешли на новое правописание⁸⁴. Действительно, одной из первых на новую орфографию перешла ежедневная сменовеховская газета «Накануне», издававшаяся с 1922 г. в Берлине. Страницы дневника Д.В. Скрынченко, напротив, написаны с применением старой орфографии. Русские эмигранты не приняли введенную большевиками новую орфографию, потому что ее использование рассматривалось как косвенное признание незаконной советской власти⁸⁵. Характерный факт: в начале апреля 1923 г. собрание Союза русских педагогов в Югославии приняло резолюцию по правописанию, в которой старая орфография связывалась с творчеством «великих писателей – Пушкина, Тургенева, Гоголя, Достоевского – и ученых во времена расцвета русской науки, культуры и искусства»⁸⁶. На самом деле модернизация русской орфографии была подготовлена еще императорской Академией наук, но ввиду войны реформу отложили. Для большевиков почти готовая реформа оказалась ценной находкой – они получили возможность даже в орфографии подчеркнуть начало иных времен⁸⁷.

В Новисадском историческом архиве историк русской эмиграции А.Б. Арсеньев обнаружил любопытные документы, которые проливают свет на работу Д.В. Скрынченко в Русской Матице. 11 января 1930 г. он отправил прошение Городскому совету Нови-Сада, в котором просил выделить из городского бюджета 12 тыс. динар. Деньги требовались для приобретения книг – Матица содержала библиотеку с бесплатной читальней, аренда которой составляла боле 10 тыс. динар в год. Кроме того, как писал Дмитрий Васильевич, Русская Матица устраивала бесплатные лекции и готовила к

⁸² Там же. С. 216.

⁸³ Куприн А.И. Мы, русские беженцы в Финляндии... Публицистика (1919–1921). СПб, 2001. С. 265.

⁸⁴ Доронченков А.И. Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. СПб., 2001. С. 77.

⁸⁵ Л. Андреев писал в январе 1919 г.: «Я не хочу по новому правописанию, которое я лично не признаю и которое введено не законным государственным путем, а декретом». – Андреев Л. S.O.S. Дневник (1914–1919). Письма (1917–1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918–1919). М.; СПб., 1994. С. 167.

⁸⁶ Миленковић Т. Друштва руских научника у Југославији // Руска емиграција у српској култури XX века. Т. 1. Београд, 1994. С. 67.

⁸⁷ См.: Раев М. Россия за рубежом. С. 68–69.

открытию курсы русского языка для местного населения⁸⁸. Мы не знаем, что ответил Горсовет, но записи в «Дневнике» говорят о том, что местная городская администрация достаточно регулярно помогала Русской Матице.

Д.В. Скрынченко удалось собрать сведения о погибших в Австро-Венгрии русских военнопленных, а на собранные по подписке деньги благодаря Русской Матице на Успенском кладбище в Нови-Саде и Петроварадинском военном кладбище были поставлены мемориальные восьмиконечные каменные кресты, которые, к сожалению, до нашего времени не сохранились⁸⁹. Вот запись из дневника: «Сегодня освящен второй памятник при многочисленном собрании русских и местных жителей; освящение совершал и хорошую речь сказал митрополит Антоний. Памятники сделаны по проекту инженера Ю.Н. Шретера и под его наблюдением... Деньги на постройку памятников дали местные жители, которые вообще отнеслись сочувственно. Лишь свои, русские, и здесь мешали постройке памятников. Как мешали – не хочу говорить, Бог с ними. Дело сделано. Рассеемся ли мы или умрем, но хоть эти памятники будут говорить о том, что русские эмигранты заботились здесь не только об устройении своей личной жизни...»⁹⁰

В феврале 1937 г. в Нови-Саде Русская Матица, как и многие русские зарубежные организации, отмечала 100-летие со дня смерти А.С. Пушкина. С его именем было связано появление первого (и, пожалуй, единственного) праздника, объединившего всех эмигрантов, – Дня русской культуры. По точному выражению П.Б. Струве, зарубежная Россия складывалась из трех вер. Прежде всего, вера в Бога, вера в недалекую реставрацию и вера в культуру, особенно в литературу, как в средство спасения и возрождения России. «В 1924 г. в Эстонии по инициативе союза русских просветительных и благотворительных обществ был устроен праздник, названный Днем Русского Просвещения»⁹¹. На следующий год в Праге ряд русских академических и студенческих организаций подписали призыв, в котором они обращались к русским эмигрантам «с предложением устройства ежегодного „дня русской культуры“, считая это одним из желательных способов объединения всех русских людей. Таким днём мы предлагаем избрать 8 июня нового стиля (26 мая старого стиля) – день рождения Пушкина, более чем кто наложившего печать своего творческого гения на язык русского народа»⁹². В 1924 г. в Эстонии был проведен первый День русского просвещения, который был приурочен к 125-летию рождения А.С. Пушкина. Инициатором его проведения стал Союз русских просветительных и благотворительных обществ. Идея чествования А.С. Пушкина побудила секретаря союза в Праге А. Беме предложить установить ежегодный русский праздник, общий для всей эмиграции, и назвать его «День русской культуры»⁹³. До нас дошло извещение, которое написал Д.В. Скрынченко в мае 1928 г.: «10 июня 1928 г. Матица и все русские организации, которые объединены вокруг нас, празднуют „День русской культуры“»⁹⁴. Торжество должно было начаться

⁸⁸ Историјски архив Новог Сада. Ф. № 9.189.

⁸⁹ Арсеньев А. У излуцины Дуная. С. 109.

⁹⁰ Скрынченко Д. Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). С. 245.

⁹¹ Филин М.Д. Пушкин как русская идеология в изгнании // «В краю чужом...» Зарубежная Россия и Пушкин. Рыбинское подворье, 1998. С. 19.

⁹² Раев М. Россия за рубежом. С. 270–271.

⁹³ Струве Н. Русская эмиграция и Пушкин // Струве Н. Православие и культура. М., 2000. С. 317.

⁹⁴ Скрынченко Д. Дан Руске културе у Новом Саду // Застава (Н. Сад). 1928. № 118 (24 маја).

молебном в Соборной церкви. Затем предполагались две лекции – проф. Е. Спекторского и профессора мужской гимназии серба С. Баницы, а вечером должен был состояться концерт. К юбилею великого поэта эмигрантские круги готовились тщательно и заранее. В 1937 г. празднование юбилея А.С. Пушкина в Европе проходило в 24 государствах и 170 городах, где жили русские беженцы⁹⁵. За год до празднования в Париже был образован Пушкинский комитет, председателем которого стал бывший дипломат В.А. Маклаков, а его товарищами – И.А. Бунин и П.Н. Милюков⁹⁶. Интерес к Пушкину в среде русских беженцев был далеко не случайным. Культ Пушкина в эмиграции утверждали в противовес советской филологии, которая усиленно занималась изучением творчества Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина, писателей-народников⁹⁷. 10 февраля в кафедральном соборе Нови-Сада была отслужена панихида по великому русскому поэту, а 7 марта состоялось торжественное заседание, которое посетил заместитель бана (мэра) Нови-Сада Св. Раич, а также епископ Ириней (Чирич). Речь о значении творчества А.С. Пушкина для русской культуры произнес Д.В. Скрынченко. Он акцентировал внимание на том, что «напрасно большевики стараются присвоить себе Пушкина, который ни по своему воспитанию, ни по мыслям, ни по целям не подходит к большевической идеологии»⁹⁸. Торжественная часть и концерт проходили в зале Спомен-Дома (Дома памяти) Короля Александра I, причем зал был полон. Фотографию об этих событиях поместил парижский еженедельник «Иллюстрированная Россия»⁹⁹.

Начало новой мировой войны инспирировало вопрос: на чьей стороне стоит русская эмиграция? Невзирая на значительное количество организаций, русская эмиграция самостоятельной политической силы не представляла. «Бессильная, сброшенная со счетов истории, на чьей стороне может она стоять? Она только наблюдатель мировой катастрофы и исполняет роль и приказы той страны, где должны жить», – записал Д.В. Скрынченко¹⁰⁰. Положение русской эмиграции осложнялось тем, что в июне 1940 г. Югославия установила дипломатические отношения с СССР. Причиной тому стала реальная угроза со стороны Германии. «Русская эмиграция, – как отмечает А. Арсеньев, – восприняла этот факт настороженно»¹⁰¹. Более того, признание Югославией СССР поставило русскую эмиграцию в тяжелое положение. Русской эмигрантской прессе было категорически запрещено выступать с критикой советской власти. Через три недели после установления дипломатических отношений с СССР газета «Царский вестник», издававшаяся Н.П. Рклицким, была закрыта¹⁰². Признание СССР было предпринято югославским правительством после того, как практически вся Европа была оккупирована Германией. Несмотря на беспокойство немцев, дальнейшего сближения между Югославией и СССР не произошло. В марте 1941 г. югославское руководство

⁹⁵ *Филин М.Д.* Пушкин как русская идеология в изгнании // «В краю чужом...» Зарубежная Россия и Пушкин. С. 21.

⁹⁶ *Струве Н.* Русская эмиграция и Пушкин. С. 319.

⁹⁷ *Доронченков А.И.* Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбах России. СПб., 2000. С. 17.

⁹⁸ *Скрынченко Д.* Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). Прил. к с. 386.

⁹⁹ *Иллюстрированная Россия* (Париж). 1937. № 15. С. 11.

¹⁰⁰ *Скрынченко Д.* Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). С. 397.

¹⁰¹ *Арсеньев А.* У излучины Дуная. С. 169.

¹⁰² *Русский корпус на Балканах во время II Великой войны. 1941–1945. Воспоминания соратников и документы.* Сб. второй. СПб., 1999. С. 16.

решило присоединиться к Тройственному пакту (Берлин – Рим – Токио). А 25 марта в Вене делегация Югославии во главе с премьером Д. Цветковичем подписала протокол о присоединении к оси Берлин – Рим – Токио¹⁰³. Таким образом, Югославия стала союзником фашистской Германии. Однако в Белграде и провинции начались протесты, с осуждением присоединения к пакту выступил глава Сербской православной церкви патриарх Гавриил.

Массовые демонстрации подтолкнули группу проанглийски настроенных офицеров во главе с командующим ВВС Югославии генералом Душаном Симовичем к совершению государственного переворота. Принц-регент Павел и правительство Цветковича были свергнуты. Пытаясь найти противовес возможной агрессии, правительство Д. Симовича подписало в Москве договор о дружбе и ненападении между Югославией и СССР. В ответ 6 апреля, в Вербное воскресенье, немцы начали бомбить Белград, а 13 апреля заняли его. После подписания 17 апреля 1941 г. в Белграде акта безоговорочной капитуляции Югославия перестала существовать. Провозглашенное С. Кватерником хорватское государство получило Срем, Венгрии отошли Бачка и Баранья вместе с Нови-Садом, который был переименован в Уйвидек. Военное управление венгры осуществляли до 16 августа 1941 г., а затем учредили гражданскую администрацию в связи с принятием закона о присоединении этих территорий к Венгрии¹⁰⁴.

Эмигрантские организации в Воеводине были распущены, после 22 июня 1941 г. в рядах русских беженцев началось интенсивное размежевание: одни желали поражения СССР, другие сочувствовали борьбе СССР против гитлеризма. Судя по всему, последних было больше. Доподлинно неизвестно, какую позицию занимал Д.В. Скрынченко, но, судя по его записям в дневнике и учитывая сформировавшееся у него еще в годы Первой мировой войны негативное отношение к немцам, он скорее был обронцем, чем пораженцем.

Венгерские власти приравняли русских к остальным гражданам так наз. «объединенных венгерских территорий»¹⁰⁵. Сам Нови-Сад был отрезан от Белграда новыми границами, отчего контакты с русскими колониями в других городах стали редкими, а иногда совсем невозможными. К тому же венгры в Бачке запретили выпуск газет на славянских языках. В апреле 1941 г. все русские эмигрантские организации были распущены, в том числе и Русская Матица. В сентябре 1941 г. Д.В. Скрынченко остался без работы, и чтобы выжить, ему пришлось продавать вещи. Он был вынужден съехать с «насиженной» квартиры, в ремонт и усовершенствование которой было вложено немало сил, и переехал жить в помещение Русской Матицы. В октябре 1941 г. венгерские власти разрешили открыть русские среднеобразовательные классы, в которых могли учиться дети русских эмигрантов. Это разрешение было дано Русскому Красному Кресту в Уйвидеке. На курсах работало 13 преподавателей, среди которых священник Владимир Родзянко, Д.В. Скрынченко, А.А. Сердюкова, М.С. Чернцов и другие¹⁰⁶. Дмитрий Васильевич преподавал географию, космографию и математику. В ноябре 1941 г. на курсах обучалось 35 человек.

В октябре 1941 г. в Уйвидеке была открыта русская гимназия¹⁰⁷. В 1942 г. ее директором стал Д.В. Скрынченко. По его впечатлениям, венгры относились к рус-

¹⁰³ *Задохин А.Г., Низовский А.Ю.* Пороховой погреб Европы. С. 182–183.

¹⁰⁴ *Стругар В.* Югославия в огне войны 1941–1945. М., 1985. С. 22.

¹⁰⁵ *Арсеньев А.* У излучины Дуная. С. 172.

¹⁰⁶ *Скрынченко Д.* Обрывки из моего дневника (рукопись в архиве автора). С. 405.

¹⁰⁷ *Шкаровский М.В.* Русская церковная эмиграция на территории Венгрии в 1939–1945 гг. // www.religare.ru/2_56523.html

ским неплохо, исправно платили пенсии и пособия, но в сентябре 1944 г., когда советские войска подошли к границам Венгрии, гимназия закрылась. Вместе с тем война стала тяжелейшим испытанием для оставшихся в Нови-Саде русских. В январе 1942 г. венгры проводили карательную операцию против действовавших в Бачке партизан. Как пишет А.Б. Арсеньев, «город был в осаде и без телефонной связи с внешним миром»¹⁰⁸. Жертвами венгерских репрессий всего стало около 3500 человек, среди которых были и русские¹⁰⁹. Венгерские войска ввиду наступления Красной армии и активизации партизан начали покидать Бачку в первых числах октября 1944 г., а 23 октября Нови-Сад был освобожден¹¹⁰. Можно только догадываться, какие противоречивые чувства и мысли посещали Д.В. Скрынченко после того, как в Нови-Сад вошла Красная армия. Это была, с одной стороны, военная сила большевиков, которые сломали жизнь в России Дмитрию Васильевичу и его семье, а с другой – это была реальная сила, которая разбила Германию. «После прихода Красной армии в Воеводину, – пишет А.Б. Арсеньев, – почти всем русским пришлось писать автобиографии и заручиться характеристиками по месту работы»¹¹¹. Мы не знаем, получил ли Д.В. Скрынченко характеристику из новисадской гимназии, но, кажется, он не был арестован, хотя органы СМЕРШ активно «просеивали» остатки русских беженцев. Несколько человек из них было расстреляно, других, например В.В. Шульгина, жившего в Сремских Карловцах, арестовали и вывезли в СССР. Русская эмиграция была опасна для Москвы не только потому, что состояла из людей, готовых бороться с советской властью. К середине 40-х гг. таковых было не так уж много. Большая часть беженцев откровенно не принимала советскую власть и «всеми доступными способами разоблачала как саму коммунистическую доктрину, так и ее порождение – неприглядную советскую действительность и господствовавший в стране террор»¹¹². Русскую Матицу новые власти открыть не разрешили. Да и людей, которые могли бы заниматься сохранением русской культуры, становилось все меньше. К тому же по распоряжению советского военного управления уже «в ноябре 1944 г. почти вся периодика и часть книжного фонда Библиотеки Русской Матицы в Нови-Саде была сожжена»¹¹³.

В октябре 1945 г. прошли выборы в Учредительную скупщину Югославии, на которых победил Народный фронт во главе с коммунистами. А 29 ноября того же года была провозглашена Федеративная Народная Республика Югославии. Осенью 1945 г. Д.В. Скрынченко был приглашен в новисадскую техническую школу преподавать русский язык, который стал обязательным предметом в послевоенной Югославии. Местных кадров для преподавания русского не хватало, и тогда на помощь призвали тех русских, кто был связан с преподавательской деятельностью и не сотрудничал с оккупантами. Образовавшееся на Балканах государство установило самые близкие отношения с СССР, тем более что в русских снова увидели освободителей от чужеземного ига. Одним из результатов сближения стало основание в Нови-Саде Общества по культурному сотрудничеству Воеводины с СССР. Это общество стало последним

¹⁰⁸ Арсеньев А. У излучины Дуная. С. 174.

¹⁰⁹ Стругар В. Югославия в огне войны 1941–1945. С. 89. По сведениям А.Б. Арсеньева, во время репрессий погибло 19 русских эмигрантов. – Арсеньев А. У излучины Дуная. С. 174.

¹¹⁰ Там же. С. 250.

¹¹¹ Арсеньев А. У излучины Дуная. С. 177.

¹¹² Русский корпус на Балканах во время II Великой войны. С. 7.

¹¹³ Арсеньев А. У излучины Дуная. С. 144. Прим. 2.

местом работы Д.В. Скрынченко, он занимал «скромную должность библиотекаря»¹¹⁴. Д.В. Скрынченко помогал работе общества, передав ему остатки библиотеки Русской Матицы. В рукописном отделе Матицы Сербской А.Б. Арсеньев обнаружил прошение Д.В. Скрынченко, в котором он обращался к руководству «Общества по культурному сотрудничеству Воеводины с СССР» с просьбой принять его в члены общества. Прощение это датируется 14 июля 1946 г. Председателем Общества в это время был Васа Стаич, который с 1935 г. был председателем Матицы Сербской; с ним Д.В. Скрынченко в те годы состоял в деловой переписке и хорошо его знал. Конечно, В. Стаич помнил главу Русской Матицы в Нови-Саде, и Д.В. Скрынченко был принят. Вот что значилось в прошении: «На основании пп. 6 и 7 Устава данного общества прошу Правление Общества принять меня в члены Общества. Мое желание – принести пользу Обществу в осуществлении его целей. Родился я в России в 1874 году, состоял преподавателем и директором среднего учебного заведения. Сюда прибыл в 1920 году, в январе, с разрешения Попечителя Одесского учебного округа от 16 декабря 1919 года за № 5221–1239 „для изучения истории славянских народов и их быта“»¹¹⁵. Членство Д.В. Скрынченко в «Обществе», как полагает А.Б. Арсеньев, дало ему возможность получить от новых властей комнату. После войны многие частные дома были национализированы и уплотнены. Д.В. Скрынченко дали жилье неподалеку от библиотеки Общества дружбы в самом центре города. Общество вело просветительскую работу, из СССР стали поступать книги, газеты, журналы. Поэтому Д.В. Скрынченко читал те советские книги, что без ограничений стали доступны в новой Югославии. Из них он делал выписки, которые сохранились в архиве Матицы Сербской¹¹⁶. Эти выписки, которые датируются мартом 1946 г., весьма показательны, они свидетельствуют о существенном изменении взглядов Д.В. Скрынченко на СССР. Выписки озаглавлены «Мелочи из русской жизни и истории». Вот что писал Дмитрий Васильевич в предисловии: «В СССР издано за последнее время много интересных книг исторического характера, которые рисуют русское прошлое до освобождения крестьян от крепостного права и перед настоящей революцией. Все эти книги ясно показывают, почему так успешна была русская революция и почему царский строй был таким гнилым»¹¹⁷. В выписках представлены обширные цитаты из воспоминаний Д.В. Григоровича, А.П. Керн, А.Я. Панаевой и зарубежных писем С. Есенина.

В начале 1945 г. Д.В. Скрынченко получил известия от своей семьи. Перед уходом немцев из Киева Александра Ивановна и три дочери двинулись на Запад, они не хотели связывать свою судьбу с советской властью. Уехали Мария с сыном Игорем (муж Марии Павел Гершельман был расстрелян в 1937 г.), Ирина с дочерью Светланой и мужем Игорем Бабаниным, Нина с мужем Львом Савинским и дочерью Татьяной. Сын Анатолий с женой и тремя детьми остался в Киеве. Беженцы ехали в товарном вагоне через Ровно и Варшаву, пережили по дороге два крушения – на железных дорогах в тылу немцев проявляли активность партизаны. В Вене, где нашлась работа на бумажной фабрике, наладилась переписка с Дмитрием Васильевичем, но он не смог выехать из Нови-Сада, в это время он болел, не было средств, к тому же Красная армия стремительно приближалась к Вене. Столицу Австрии бомбили, и когда советские войска вошли в пригороды Вены,

¹¹⁴ Арсеньев А. У излучины Дуная. С. 179–180.

¹¹⁵ Рукописно оделење Матице Српске. Инв. бр. 9.192.

¹¹⁶ Они были обнаружены проживающим в Нови Саде Алексеем Борисовичем Арсеньевым и любезно предоставлены автору.

¹¹⁷ Рукописно оделење Матице Српске. Инв. бр. М.9.774.

вся семья Скрынченко покинула ее. Где пешком, где на поезде они добрались до Мюнхена, где прожили до 1947 г. Из столицы Баварии они отправились в Марсель и через три недели плавания добрались до Аргентины, которая стала их второй родиной. В 1948 г. дочери Дмитрия Васильевича получили известие, что он умер от разрыва сердца. Кто-то переслал им дневник и воспоминания, которые дошли до нас.

В апреле 1947 г. в Нови-Саде в бюллетене Общества был опубликован некролог. «Член нашего Общества Дмитрий В. Скрынченко, профессор, скончался 30 марта 1947 г. Профессор Скрынченко проживал в Югославии почти 30 лет. Ученики новисадской гимназии вспоминают профессора Скрынченко как доброго воспитателя и человека. Как только наше Общество возникло, профессор Скрынченко, несмотря на то что был в годах, продолжал как можно больше помогать работе нашего Общества, вложив много труда в дело налаживания библиотеки. Кроме того, профессор Скрынченко был одним из первых, кто с любовью учил нашу молодежь русскому языку. Его последнее выступление перед общественностью состоялось в нашем Обществе с лекцией о восьмисотлетию основания Москвы»¹¹⁸. Похоронили его в «Русской парцеле» Успенского кладбища Нового Сада, могила его цела, в 2002 г. на ней был возобновлен православный крест¹¹⁹. В Нови-Саде память о Дмитрии Васильевиче Скрынченко сохранилась. Не так давно вышла о нем статья в «Энциклопедии Нови-Сада»¹²⁰.

Ряд дневниковых высказываний Д.В. Скрынченко можно расценить как резкие или, говоря языком постмодерна, неполиткорректные. Но следует помнить, что за ними стоит острая боль о России, ее людях, ее исторической судьбе.

И последнее. Актуальность «Эмигрантского дневника» удивительна – она заключается в постоянном обращении к национальному началу, которое Д.В. Скрынченко понимал как сохранение и сбережение языка, культуры и единства России.

В изгнании Д.В. Скрынченко регулярно делал записи, которые в начале 30-х гг. привел в порядок и перепечатал на машинке в соответствии с дореволюционной русской орфографией. Записи дневника охватывают с небольшими перерывами период с января 1920 г. до ноября 1943 г. Подлинник дневника хранился в Сиднее (Австралия) у Татьяны Львовны Крохмалевой (1941–2012; к сожалению, пока Дневник готовился к печати, она скончалась), старшей дочери Нины Дмитриевны Скрынченко. Копия дневника получена от внучки Д.В. Скрынченко Светланы Царевской, проживающей в Буэнос-Айресе. Им я выражаю глубокую признательность за содействие. Они поведали многое о жизни Д.В. Скрынченко и его семьи из того, что не сохранили документы.

Проживающий в Киеве внук Дмитрия Васильевича Владимир Скрынченко любезно представил многие документы, сохранившиеся от его деда, за что ему особая благодарность. Он же копировал фотографии к дневнику и принимал участие в составлении комментариев.

Особой благодарности заслуживает проживающий в Нови-Саде (Сербия) историк русской эмиграции в Югославии Алексей Арсеньев. Издание дневника Д.В. Скрынченко не состоялось бы без его бескорыстной и заинтересованной помощи. Его усилиями была восстановлена могила Д.В. Скрынченко в Нови-Саде, он обнаружил и переслал мне ряд документов, связанных с жизнью Д.В. Скрынченко на чужбине. Большая часть комментариев принадлежит его перу. Им же просмотрены имеющиеся в дневнике тексты на сербском.

¹¹⁸ Билтен Друштва за културну сарадњу Војводине са СССР. 1947. № 4. С. 27.

¹¹⁹ Усилиями Алексея Борисовича Арсеньева.

¹²⁰ Арсеньев А. Скрынченко Д.В. // Энциклопедија Новог Сада. Књ. 25. Нови Сад, 2005. С. 94–95.

Кроме того, в издании были использованы материалы д.и.н., ведущего научного сотрудника Института славяноведения РАН Виктора Косика, чьи профессионализм и отзывчивость заслуживают особой благодарности.

Текст печатается в соответствии с правилами современной русской орфографии. Пропущенные слова помещены в квадратные скобки, точки в квадратных скобках означают нечитаемый текст. Авторские сокращения оставлены без изменений, они позволяют сохранить колорит отстоящего от нас на семьдесят с лишним лет текста.

ОБРЫВКИ ИЗ МОЕГО ДНЕВНИКА

Все постепенно стирается из памяти, а между тем переживаемая эпоха чрезвычайно интересна и через некоторое время разные мелочи жизни, наблюдения, впечатления и т. п. будут очень важны для истории. Писать дневник особенно следовало бы нам, эмигрантам, у которых, в силу пережитых страданий, особенно обострено чутье. Из коротких заметок, листков, разбросанных по разным тетрадочкам, я хотел бы составить нечто последовательное. Но удастся ли мне это сделать, не знаю: я чрезвычайно занят. К тому же много заметок исчезло, особенно тех, которые я писал в Одессе в 1919–1920 гг.

Новый Сад. 19-VIII-1931.

Я покинул Киев и мою семью 22 ноября по нов. ст. Я уехал поездом, который дан был для эвакуации, и в том числе для эвакуации сотрудников «Киевлянина». В этой газете мне много раз говорили, что пора подумать об отъезде из Киева с семьей, но как-то не хотелось об этом думать. Мы все еще надеялись... Но вот пришло крушение «белых», и покатались волны беженцев. Я взял с собой одеяло, вязаную курточку, думку и направился в редакцию газеты. Шел снежок. Моя маленькая дочка Марусечка¹ на салазках повезла мои «вещи» со мной в редакцию. Мы попрощались... Дальше сотрудники газеты, во главе с Павлой Витальевной Могилевской², поехали на вокзал, где получили в поезде два вагона. Уместились, стоим, поезд не идет все, и так до утра... Сколько раз я порывался пойти домой, но пугали, что поезд может отойти каждую минуту.

Итак, я отчалил от Киева без семьи. Жена³ была нездорова и особенно сын Толечка⁴. Да жена вообще не хотела ехать без своей мамы, а последняя категорически отказалась покинуть Киев; она была того убеждения, что большевики надолго, если не навсегда, воцарятся в России, а умирать вне нее она ни за что не хотела. Она умерла после от голоду...⁵

Едем. Дорогой откуда-то сами таскаем дрова для поезда. В вагоне стоят двое наших часовых с ружьями, на случай набега банд, махновцев и т. д. На пути видим разрезанные чемоданы, поломанные вещи – результат подобных набегов. Со мной в вагоне ехали: В.И. Терebinский⁶, профессор, с женой З.И. Ткач-Бурлак (невенчанной) и сыном Сережей; сотрудники Ивановы, после вернувшиеся в Киев, Л.В. Могилевская, ее родственник, после поехавший назад, но умерший от сыпняка, и др., которых уже не помню.

На 19-й день приехали, наконец, в Одессу. Меня приютил бывший мой товарищ школьный – священник Д.В. Авсенов. Я спал в нетопленной комнате: дров не было... В Одессе часто виделся с директором Киев. I гимназии Н.В. Стороженко⁷, с которым сидел я в Лукьяновской тюрьме в декабре 1918 г. – январе 1919 г.⁸ Немного сотрудничал я в «Великой России» В.В. Шульгина⁹. Сын Лины Витальевны Ф.А. Могилевский вел тогда выборную кампанию в городскую думу, составив так называемый «христианский блок», который и победил. Таково было настроение против еврейства... (Дальше я переписываю из сохранившейся заметки).

1920-й год

1 января. Тоска невыразимая. Дело дошло до слез, как было в тюрьме киевской в прошлом году...

2 января. Был у митрополита Платона¹⁰; настроен он плохо. Разруха, безвластие и беспорядки в Добровольческой Армии его угнетают; думает ехать в Сербию и взять меня с собою. Киевлян здесь бесконечное количество. Назову известных мне: Марья Ст. Черненко (из нашего паевого дома в Киеве) с сыном Сашей, моим учеником Киев. гимн., проф. Гр.В. Демченко¹¹, проф. Терebinский, проф. М.Н. Ясинский¹², проф. Е.В. Спекторский¹³, проф. Суслов, Кушакевич, Поснов,¹⁴ Ардашев¹⁵, Богаевский (умер в Софии)¹⁶, В.В. Зеньковский (бывший министр исповеданий Украинской республики)¹⁷, проф. Бубнов¹⁸, преподаватели – Остряб, Тимошок, Еленевский, дирек. А.Брюхатов (теперь в Белграде)¹⁹, Лабути, Москаленко, проф. Афанасьев (умер в Белграде)²⁰, окружн. инспектор А.В. Липеровский, К. Щербина, Кругликов-Гречаный, А.В. Стороженко²¹, В. Бутович, Г.А. Вишневский²² (теперь судья в Новом Саду, усиленно доказывавший сербам, что он сербского происхождения), А.А. Никольский²³, В. Шульгин, В. Иозефи, А.И. Савенко (сотрудн. «Киевлянина», вернувшийся в Киев, скрывавшийся под чужим именем и умерший от сыпняка, один сын его замучен в «чрезвычайке», а другой погиб на белом фронте), Кирста, инженер, Триумфов, С.Г. Грушевский (не-украинец), А.В. Кокорев, прот. А. Корсаковский, инспектор Дух. Акад. архимандрит Тихон²⁴, епископ киев. Михайловского монастыря Никодим²⁵, М.А. Гижицкий²⁶ (который устроил комедию избрания в гетманы Павла Скоропадского, теперь живет в Смедереве в Югославии и занимался недавно виноградарством), мой ученик по киев. II гимн. Файбищенко – еврей и др.

Ближе познакомился с митрополитом Платоном. Хороший оратор, но лукавец и духовный паяц. В Одессе по ночам налеты грабителей, стрельба... З.И. Ткач-Бурлак собирается уезжать с мужем в Сербию, советовала мне тоже; согласился; А.В. Могилевская, эта прекрасная и добрая женщина, дала мне 5000 руб. «керенками», и я с Терebinскими, на каком-то старом корабле «времен Очакова»²⁷, два дня ехали до Варны. Я поместился на палубе и получил ревматизм, ибо было довольно холодно. Помню, какая-то русская труппа тоже ехала туда, причем на палубе она откалывала гопака... над бездной... да и чему радовались?

В Варне нас приняли болгары хорошо, особенно архиеп. Симеон; поместили нас в гимназии, где после нас имели пребывание писатели Е. Чириков²⁸ и Федоров²⁹, причем первый плакал и каялся за русскую интеллигенцию, ненациональную, непатриотическую.

Из Варны я с Терebinскими проехали в Софию; я чуть не отморозил ноги в холодном вагоне. В Софии был в Народном Собрании, куда пропуск мне дал председатель г. Атанасов. Был у своего товарища по Академии Бурова³⁰, женатого на русской. Они меня упрашивали остаться на службе здесь, но я не мог простить болгарам союз их против России и устремился в Сербию.

В Софии обращают на себя внимание памятники, посвященные русско-турецкой войне 1877–1878 гг.; прекрасна статуя имп. Александра II на коне, стоящая против Народного Собрания; очень красив, величествен храм во имя св. Александра Невского, построенный в воспоминание этой войны. Город очень красив, расположен под горой Витошей; мы жили в юнкерском училище; кроме Терebinских тут жил и проф. Ренненкамф³¹; я ему почему-то понравился, и он тяготил меня своим постоянным вниманием. В Софии обращает на себя внимание довольно хороший музей памятников старины; много тут остатков от времен римского владычества, напр.: Траяна, Марка Аврелия Философа, Септимия Севера. Город тогда назывался Ульпия Сердика; интересно разрешение римских императоров ветеранам на женитьбу от 93 г. по Рождеству Христову; местная старина также богата: мельница из Шумлы доисторического времени: сохранились черные зерна жита, колонна времен болгар. короля Крума Омортага (819–823 гг.)³², рукописное евангелие XIV ст. из Пловдива (Филиппополя), минея XIII ст. из Габрова и др.

Сколько я пробыл в Болгарии, не помню; из Одессы я выехал, кажется, 20 января, в Белград прибыл 12 февраля 1920 г. Проехали величественные горы Балканы, оставались в Цариброде, Пироте, Нише, где осмотрел старый собор. Ниш и Белград произвели плохое впечатление своим восточным характером и грязью.

Дальше пишу по записной книжечке, где многое записанное карандашом уже стерлось.

Белград, 12 февраля 1920 г. н.с. Был у министра просвещения Павла Маринковича³³. По вопросу о месте для меня предложил придти в понед. к началу средней наставы Живаковичу. Министр в разговоре со мной сказал: Хорватия стремится к тесному единению с Сербией, больше, чем Сербия, особенно молодежь, Фиуме нам не дают, но получить ее – наш дальнейший этап... О румынах министр выразился насмешливо, счеты с ними еще будут; с болгарами возможен не только мир, но и дружба, нужно, чтобы не разжигались национ. страсти.

Был у воен. нашего агента, генер. Артамонова³⁴. Был у епископа Нишского Досифея³⁵, окончившего рус. Дух. Академию. Он мне рассказывал о болгарских зверствах над сербами; в одной только Нишской епархии вырезано 78 священников; Досифей был в плену в Болгарии 3 года и пользуется теперь в Сербии большой популярностью. С графом, ныне покойным, В.А. Бобринским³⁶ они ездили по Сербии, говорили речи, молились о России.

14 февраля 1920 г. В 6 час. 40 мин. выехал в Сремские Карловцы; на пути познакомился с 2-мя русскими шоферами, один был шофером у Павла Скоропадского; советовали всюду быть осторожным и не особенно доверчивым. Был у епископа Георгия Летича³⁷ и просил его дать местожительство в к. л. монастыре. Епископ очень любезен, красив, выхолен, культурен. Летич – епископ Тимишварский и теперь управляет Карловацкой митрополией; правосл. сербское население живет здесь около 200 лет, нац. самосознание у сербов – большое, католичества они не боятся, наоборот; в Гргетегском монастыре на Фрушской Горе живет проф. Киев. дух. Академии Федор Титов³⁸.

По словам Летича, в Карловацкой митрополии до полутора миллиона православных. Здание, где помещается епископ, шикарно, настоящий дворец; в былые времена Австрия отпустила православным сербам 30000 десятин земли. Епископ ставит моей обязанностью жизни в монастыре досмотр за рабочими на виноградниках. Мне назначен монастырь Великая Ремета³⁹, в полутора часах ходьбы от Карловцев.

Познакомился с бывшим ректором богословия архиман. Викентием Вуичем⁴⁰: умен, образован, дипломатичен, хитер. С библиотекарем патриархии прот. Дмитрием Руварцем⁴¹ он показывал мне патр. библиотеку и оригинальное соч. выдававшего себя за потомка сербских королей Дюрдя Бранковича⁴², умершего в австрийской тюрьме в крепости Эгере; в рукописной книге нарисован и портрет Бранковича, – борода у него доходит до пальцев на ногах. Дворец в Карловцах построил патриарх Бранкович, умерший в 1907 г.; в патриаршей столовой-трапезной находится прекрасная картина Пайи Йовановича⁴³ «Сеоба Срба», т. е. переселение сербов в пределы австрийские в 1690 году при патриархе Арсении Черноевиче⁴⁴. Дворец строил Влада Николич⁴⁵, который теперь живет в Карловцах. Закончена постройка в 1891 г.

Во дворце дан приют русскому генералу М.А. Хрущеву⁴⁶ с женой и дочкой (теперь она уже замужем).

15 февр. 1920 г. Был у члена Академии Наук Любомира Стояновича (ныне, когда это пишу, 19 авг. 1931 г., уже умершего)⁴⁷. Он мне многое говорил о Сербии; конституция здесь введена в 1869 г.; это сделала либеральная партия, во главе которой был Иован Ристич⁴⁸. Партия управляла после русско-турецкой войны до 1880 г. при князе Милане Обреновиче⁴⁹, который стал королем в 1882 г.; будучи во внутренней политике консервативной, она на выборах 1880 г. провалилась; победила оппозиция, расколовшаяся на а) напредняков и б) радикалов под влиянием Светозара Марковича⁵⁰, ученика Чернышевского; во главе напредняков был Милутин Гарашанин⁵¹, а радикалов – Никола Пашич⁵². Напредняки, вначале очень прогрессивные, сделались консерваторами; радикалы правили страной после отречения короля Милана, сделались оппортунистами, без всяких принципов, и тогда из них выделились независимые радикалы, к которым пристал Любомир Стоянович и которые шли вместе с социалистами до войны 1912 г. Напредняки, либералы и независимые (самостални) радикалы объединились в демократическую заедницу⁵³.

Л. Стоянович любит Россию, верит в ее воскресение, что будет она единой, но на федеративных началах; С-ч республиканец, желает автономного устройства для Хорватии, Черногории, Срема и т. п.

Был у директора Карловацкой гимназии Радивоя Врховца⁵⁴, очень симпатичного и культурного человека, ныне председателя Сербской Матицы в Новом Саде.

Из доклада серба о Северном фронте против большевиков: англичане презирали русских, занимали командные места в армии, вели команду на англ. языке, несмотря на протесты русских. Протестующих разжаловали в рядовые; объявления делались на англ. языке. Словом, англичане просто оккупировали рус. север. Из финляндцев образовали отряд под управлением большевика Токоя, и это для борьбы с большевиками. Среди карелов вели пропаганду, чтобы они высказывались за независимость Карелии под протекторатом Англии, карелы же зависели от англичан, получая от них хлеб; переводчиком у англичан был Марко Босняк, который все передавал русским; карелы говорили: мы 700 лет были с русскими, такими же и останемся, и не пошли на фронт; русские крестьяне поняли англичан, видя, что они лишь эксплуатируют Россию и делают ее, признав Латвию, Эстонию и др. Американцы приехали не для борьбы против большевиков, а ради железных дорог... Русские и сербы должны были подчиняться англичанам. Около Медвежьей горы, где заседали большевики, английский командир запретил французам стрелять, ибо «это ему мешает спать». Большевики бросили массу прокламаций на всех языках, и большевизм был среди английских, и особенно французских и итальянских солдат. Английские офицеры и солдаты занимались лишь

торговлей; бутылку виски продавали по 200–300 рублей вместо 13. Когда русский солдат захотел курить, англ. офицер сказал ему: вот папироска, пожалуйста 3 с полов. рубля; английские солдаты крали из вагонов, американские крали организованно; англ. солдаты грабили китайцев-пленных... Англичане отпечатали в Лондоне несколько миллионов царских рублей, прибавив на них сверху «Северная Россия»; продукты из магазинов английских продавались лишь за эти деньги и за золото, которое они забирали себе. Водка, виски, амер. джин... Французы также стали конкурировать в такой продаже, но англичане им запретили. Финский батальон Токоя взбунтовался и хотел разрушить жел. мост; англичане повели с ним переговоры, пока... сербы не разоружили этот батальон. В Архангельске взбунтовались пленные большевики. Англичане стали уничтожать военные материалы, а затем ушли совсем, отдав приказ сербам немедленно покинуть фронт, под угрозой, что они останутся без защиты и спасения на англ. судах. Так изменнически окончилась эпопея «помощи союзников» русским. Союзники не хотели победы над большевиками. Среди американцев 50% немцев...

На вопрос гр. В.А. Бобринского об отношении на фронте сербов и русских Марко Босняк сказал, что было самое полное единение: «Сербь не десятки, а сотни лет останутся в долгу у России. Великую и свободную Россию создаст только сам русский народ».

Получил рубашку, кальсоны, чулки и три носовых платка от какого-то рус. комитета через А.И. Шиллинга⁵⁵; я совсем обносился.

16 февр. 1920 г. Живу пока на Космайской ул. в Белграде, где размещены эмигранты; вчера заведывающий этой квартирой для русских беженцев в д. № 24 А.И. Шиллинг сказал мне, что мне можно будет прожить здесь еще лишь два дня, ибо приезжает новая волна в 250 семейств. Придется-таки уезжать в монастырь по указанию епис. Летича. Займусь там сербским языком и наукой.

Архиереи церквей на территориях, вошедших в состав Югославии, составили 13–26 мая 1919 г. акт объединения церквей. Председателем Архиер. Синода – черногорский митрополит Бан Митрофан⁵⁶; входят: от Серб. церкви еписк. Мефодий, от Карловцев – викарный епископ Илларион Зеремский⁵⁷, от Боснии и Герцеговины – еп. Зворнишко-Тузланской епархии и он же экзарх Далмации Илларион Радонич⁵⁸, администратор Карловацкой патриархии еп. Георгий Летич.

Был в Министерстве просвещения и у еп. Досифея.

17 февр. 1920 г. Был у проф. Белгр. универ. Станоя Станоевича⁵⁹. Гордый, надутый серб из бывшей Австрии. Он не верит в сепаратизм хорватов.

Был в Минист. просвещения; есть место преподавателя в 3-й Белград. гимназии, но я, не зная сербского языка, не счел возможным занять эту должность; поучусь месяца два и тогда буду просить места, если к тому времени нельзя будет вернуться в Россию. 18 фев. утром выезжаю в монастырь Великая Ремета. Купил чемодан за 125 динар.

18 февр. 1920 г. Проснулся без 20 мин. 4 час. у., вышел с вещами на вокзал, прибыл в Карловцы, вещи носильщик перенес в патриаршую резиденцию к эконому иеромонаху Мефодию Субботину⁶⁰ (теперь он калека: в монастыре Првина Глава, где он стал игуменом, на него напал один мужик за увольнение брата из монастыря и изрезал ножом все его лицо так, что пища теперь у него вываливается изо рта); он обещал дать лошадей, ибо извозчик запросил 200 крон (50 динар).

Какая тоска на душе, как я хочу быть со своей милой семьей. Что с Шуруной, что с детьми? Господи, дай сил перенести разлуку! Воображаю, как тяжело будет в уединенном монастыре Великой Ремете... Дорогой один серб хвалил большевиков; со смехом он сказал: они не нравятся только господам.

Познакомился с товарищем прокурора Петрогр. окружного суда И.П. Федоровым⁶¹; он жил в Греции и констатировал их хорошее отношение к русским; хотел он в Карловцах наладить интерес к России, но ничего не вышло: интерес к России стал падать по мере развития успеха у большевиков. Ужинал в Патриаршем дворце, был тут епископ Илларион Зеремский, который после ужина курил, что было так необычно мне видеть; познакомился с председателем дух. консистории д-ром Максимилианом Хайдиным⁶², ныне епископом в Шибенике в Далмации; очень милый и образованный человек.

19 февр. 1920 г. Отправляюсь на патриарш. лошадях в Великую Ремету в 11 час. Прибыл и пообедал в час дня; не приветливо меня встретил наместник Милетий⁶³. Итак, один, на далекой чужбине, в уединенном монастыре, безлюдном (три монаха), вдали от милой семьи... Разговора не понимаю: именно «без языка», как писал Короленко⁶⁴. Тоска и тоска...

20 февр. 1920 г. По приезде мне дали закусить ветчины с кислой теплой капустой, и затем я пошел с провожатыми в Гргетегский монастырь отнести письмо от В.Н. Штрандтмана⁶⁵ и еп. Досифея к прот. Ф.И. Титову, проф. Киев. дух. Академии. Монастырь лежит во впадине Фрушской Горы, в полчаса ходьбы от Великой Реметы, среди гор, покрытых лесом, фруктовыми деревьями и виноградниками; летом и весной здесь, несомненно, очень красиво; красиво даже и теперь. Титов живет в Гргетеге уже месяц, изучает сербский язык; он очень пополнился, даже разжирел, но душевно неспокоен и часто плачет; в монастыре живут еще двое русских – кучер и дворник, из пленных солдат. Настоятель монастыря — архимандрит Данило Пантелич⁶⁶, очень милый и добрый человек; тут живет и его сестра, учительница на селе (архимандрит этот, после епископа в Шибенике, умер там); архимандрит и Титов проводили меня на половину пути назад.

Великая Ремета – один из самых старых монастырей на Фрушской Горе; по преданию, его освятил сербский первосвятитель св. Савва. Построен в виде четвероугольника, причем окна келий выходят наружу, а около внутренней стены идет коридор; среди этого квадрата двор с церковью; всюду сводчатые потолки. В монастыре всего лишь 3 иеромонаха – Милетий Бабич, управитель, о. Корнелиус (70 с лишком лет) и о. Кирилл, наместник; негласно заправляет всем кухарка Тета, заменяющая, несомненно, жену для Мелетия. Для Кирилла в роли жены является «паракуварица» (подкухарка), а о. Корнелиус по субботам уходит куда-то на село; он мне сказал, что женат, т. е. имеет незаконную жену, румынку, с которой живет более 20 лет... Жизнь здесь распределена так: в 8 ч. у. утренний кофе или кипяченое молоко, в 12 час. обед и в 7 ужин; сегодня был такой обед: суп скоромный с масляными сухариками, вкусное месиво из фасоли и слоеные пирожки с творогом; к обеду и ужину всегда подается вино.

Сегодня очень много гулял среди этой живописной местности с сербом и прислушивался к его языку; при посредстве немецких и латинских слов мне удавалось все понять. Сербский язык очень труден, хотя в нем и много коренных церковнославянских слов; в нем много застывших языковых окаменелостей, почему он кажется столь примитивным. Завтра утром пойду в Гргетегский монастырь, куда меня приглашал

архимандрит Данило. Мне отвели лучшую комнату; в ней мягкая кровать с двумя пуховыми подушками и таким же одеялом с пододеяльником, сверх одеяла положена ткань с сербским ручным шитьем, около стоит мраморный столик со свечой, посреди комнаты круглый стол, покрытый шерстяной скатертью, и два мягких кресла; у стены мягкая софа, над ней икона Божьей матери; около двери мраморный умывальник с двумя кувшинами, а над ним зеркало; на умывальнике: мыло, гребешок, большой глубокий таз с водой и графин; в другом углу чугунная печка, так называемая фуруна, а около нее глубокий металлический ящик для дров. Топят отлично, почти непрерывно, так что приходится открывать окно.

Был в 3 час. в церкви на вечерне, читал за псаломщика, храм святого Дмитрия Солунского; при входе в храм 3 фрески и каменная плита с церковнославянской надписью; прочитать ее не смог, ибо она основательно замазана мадьярами, но отчетливо видны годы 1733 и 1735; внутри храма на потолке фреска: благословляющий Христос. В алтаре на углах сводов две фрески Божьей Матери с младенцем, одна – очень старая; церковные книги большей частью из Москвы, два напрестольных евангелия: одно времени Алексея Михайловича 1657 г., и другое Петра I – 1716 г.; апостол Львовской печати 1654 г.

21 февр. 1920 г. Встал в 5 час. утра. Полное уединение. Тишина кругом; газет не вижу. К 12 час. пришел в Гретег, где обедал; на обед: лапша с курицей, жареная курица и слоеные сырники, вино. Вкусно. В 4 час. было подано кипяченое молоко; в 7 час. ужин: жареная курица и вермишель в масле. Так кормятся здесь в монастыре, а там, в России? Мне точно стыдно было так питаться...

Долго беседовал у архимандрита Даниила. России сербы не могут помочь живой силой, которой у них много погибло с 1912 г. Название Гретег, по-видимому, получилось от того, что сюда утек, убежал сын последнего сербского деспота Бранковича Григорий: Гргур-тек, а Ремета от мадьярского слова, означающего пустыню.

С проф. Титовым, протоиереем, разговаривали в отведенной мне комнате до полуночи. Он очень ругал митрополита Антония⁶⁷, который будто бы крайне бес тактно, по-большевицки, вел себя в Константинополе. М. Антоний будто бы ругал царя Николая II, хотел идти с визитом к украинскому послу Лотоцкому, но был удержан епископом Никодимом. Титов не раз злобно говорил об А.: «Негодяй, подлый». Титов был на Афоне, говорил об «имябожниках», нарисовал жуткую картину поведения на Афоне епископа Никона и петроградского преподавателя С.В. Троицкого⁶⁸, ныне приват-доцента Одесского университета (а теперь профес. университета в Субботице). По поводу того, что м. Антоний вошел чуть ли не в дружбу с киевскими украинцами и хотел читать в их храме шестопсалмие на украин. языке, причем известный украин. иезуит Павло Мазюкевич стал даже хвалить м. Антония (раньше он писал в газете об А. так: он даже борова может поставить во священники), Титов страшно возмущался и заявил, что украин. церков. собор не допускал в своем решении украинской фонетики в богослужении. Титов сказал, что консулом в Салониках православный болгарский еврей Серафимов, в Константинополе тоже православный еврей. С Титовым поехал из Одессы, направляясь в Иерусалим, епископ Павел, но вел себя настолько неприлично с девицами, что англичане поспешили удалить его из Иерусалима. Партийность среди серб. духовенства страшная: «нельзя шагу сделать, чтобы не наступить кому-либо на больное место». Поэтому Титов хотел бы поступить простым сельским священником.

22 февр. Ночевал в Гргетег. монастыре, буду и обедать, а к вечеру вернусь в Ремету. Был на литургии, служил о. Титов, я читал апостола. Обед: суп из курицы, жареная колбаса с капустой, оладьи в сахаре, жареная курица, слоенки с творогом, вино белое и красное, пред обедом дали коньяку. А там... голодает моя семья?

После вечерни Т. и архимандрит проводили меня в гору.

23 февр. 1920 г. Начался Великий пост. Пища скудная: капуста и картошка. Был в церкви и читал паремии⁶⁹.

24 февр. 1920 г. Усиленно изучаю сербский язык, можно сказать – весь день; очень устал; был в церкви и читал. Возвратившийся из Нового Сада серб Раде Закланович сообщил, что и в Сербии крестьяне ведут себя беспокойно и недоброжелательно к монастырям. Вообще большевизм имеет огромное влияние.

25 февр. 1920 г. Проснулся в 3 час у., встал в 5 ч., затопил печку, и буду заниматься сербским языком, к которому у меня пробуждается все больший интерес. Надпись над иконами 1-го яруса иконостаса: «Во славу Святой Троицы, в честь же св. вмч. (великомученика) Димитрия мироточца, обновися иконостас сей при владении всепресветлейшаго Императора Аустрийскаго и великаго воеводы Сербскаго Государя Франца Иосифа Перваго, и при святейшем Патриархе Сербском, Архиепископе митрополите Карловацком Господине Иосифе Раячиче настоянием Ириней, Игумена монастыря В. Реметы и Братства иждивением Г. Максима Никол. Мишковичев. Доктора лекаст. у кралевск. свеучил. унгарск. члена рождена в Ср(емских) Карлов. За спомен своих л. Господ. 1850».

Надпись на образе Спасителя: «Приидете благословеннии отца...»; на образе св. Иоанна Крестителя: «Аз видех и свидетельствовах о нем». Напечатано пред книгой «Србляк»: «Во славу св. единосущныя, животворящия и нераздельныя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа: Книга сия Правила Молебная св. Сербских Просветителей в себе содержащая: По благословию Преосвященнейшаго и Превосходительнейшаго Гдна Павла, Православнаго Архиепископа Карловацкаго, и всего в державе их цесар. кралев. величества обретающагося славено-сербскаго и валахийскаго народа Митрополита, и обоих цесарокралевских величеств тайнаго советника. Трудом и всяким прилежным тцанием собранная, и по возможности во всем исправленная, не меньше же и настояниемъ и иждивением Преосвященнаго Гдна Синесиа епископа Арадскаго, Иенопол-великоварадскаго и халмадскаго, и цесарекралевскаго величества дворнаго советника. В честь стопомянутых стителей (святителей), в пользу же и богомольстве святых обителей и церквей сербских, во воспоминание же и подражание православнаго сербскаго рода: напечатана во епископии Рымнической: в лето от сотворения мира ОСО от Ржтва же по плоти Бга Слова АУСА⁷⁰. При Архиереи тояжде святейшия епископии Кир Григорий».

Меня посетили в Ремете архимандрит Данило Пантелич и Ф.И. Титов. Архимандрит говорил: жену Франца Фердинанда эрцгерцога, графиню Хотек, не любили чопорные придворные. Франц Иосиф дал ей титул эрцгерцогини, но на приемах ей отводили последнее место, ниже даже двух малолетних княжон; она перестала являться на приемы. Не желая иметь ее императрицей, придворная партия затеяла войну; поводом к войне явилось после провокаторское убийство Четы в Сараеве. Провокаторство несомненно: обессиленная многолетней войной Сербия не могла бороться; цареубийства она не могла совершить; акт о следствии не был показан на требование русского императора. Англичане не позволили сербам разоружить болгар потому, что после успехов России над Австрией спешили захватить Дарданеллы, чтобы не дать их России...

Вечером Раде Закланович читал мне сербские стихотворения. Язык, достойный героического народа. Сила, выразительность.

26 февр. 1920 г. Стоит прекрасная весенняя погода, гулял около монастыря и учил сербский язык, а с сербом 3-чем говорил о сербской истории и литературе. 3-ч непременно хочет приехать в Россию. Я обещал устроить его в своей квартире...

27 февр. Вчера о. Мелетий дал мне кусок мыла, немного сахара и свечу. Сегодня встал в 6 ч. у.; разбудила церковная «звечка»: вместо звона бьют в «клепало», по старому церковному обычаю, а к тому же австрийские власти отобрали у церкви колокола. Австрия когда-то дала монастырям много земли – 34 млн. ютаров (ютар – меньше нашей десятины⁷¹), теперь Югославия отбирает эту землю, и монастыри находятся в страхе и волнении.

28 февр. Ночью буря. Выпал снег, это после прекрасной погоды. Сижу одинокий, вдали от милых деток, жены, знакомых, и только усиленно занимаюсь серб. языком. Зачем? И ради знания, и, может быть, куска хлеба...

29 февр. На дворе холодно. Сегодня буду причащаться. Странно: народ здесь не исповедует, а просто читают разрешительную молитву; да и народа-то нет в церкви, 6–7 детей; сербы не выговаривают «х» и поют: «и Св. Ду-у», вместо «песнь» поют «песан».

1 марта 1920 г. Вчера был в Гретеге и у Титова. Засиделся там, возвращался при месяце (с трудом шел по вязкой глинистой дороге в гору, сердце отказывалось работать). В 6 с полов. ч. у. выехал с 3-чем в Новый Сад; подморозило. В 8 ч. был в Карловцах, в 10 час. в Новом Саде. Местность красивая, представляю, как здесь всюду хорошо летом. Новый Сад, как и Карловцы, на Дунае, который широко, спокойно, но довольно быстро течет. Был у начальника отделения Министерства просвещения д-ра Милана Петровича⁷²; принял меня сердечно и сразу же предложил место преподавателя русского языка в женской гимназии Нового Сада, хотя он (язык) и не входит в программу, и дал мне отпуск на два месяца для дальнейшего изучения сер. языка. Новый Сад хороший провинциальный городок. Тоскливо. Зачем моя семья не со мной? В Карловцах был у прот. Руварца, взял две книги Нила Попова⁷³ об отношениях Сербии к России с 1806 г. Был у генерала Хрущова; жена его сказала мне, что в Белграде живут теперь 6 русских епископов с митрополитом Платоном, которые будут размещены по монастырям здесь. Как бы русские архиереи не оказались слишком притязательными... О, как хочется быть среди своей семьи...

2 марта. Тоскливо, тяжело. Прислуга монастырская относится заметно недоброжелательно. Монахи скупы, жмутся дать лишний кусок хлеба, не говоря уже о чашке молока, а между тем у них такое во всем богатство... Если бы я не занимался все время сербским языком, то пропал бы от тоски, несмотря на красоту местности.

4 марта. Написал письмо (сказать не умел) о. Мелетию о том, чтобы мне давали хотя за деньги два стакана молока, но едва ли будет успех: за деньги неудобно, а даром – для этого Мелетий слишком скуп. Не знаю, куда деваться от тоски. Я, кажется, уже стар, чтобы усвоить хорошо сер. язык. Перевожу и записываю перевод «Истории Сербского Народа» проф. Станоя Станоевича; если и не удастся напечатать, то хоть дети мои прочитают. Профессор написал мне на своей визитной карточке: «дозволяю г. Скрынченку да преводи „Историју Српског Народа“».

5 марта 1920 г. Был в Гргетеге, пошел развеять тоску, тем более, что чудный день. Когда утром в Ремете я пошел пить кофе, мне сказали, что нет кофе и сахару, а между тем монаст. служка Георгий пил кофе..., управителю монастыря неприятно, что тут появился лишний рот, да еще русский. В Гргетеге совсем иное отношение.

6 марта. Читаю для упражнения роман Л.Н. Толстого «Воскресение» на серб. языке; чувствую, что перевод плох; трудность этого языка в том, что в нем много слов одинаковых с русскими, но с другим значением, напр., «конац» значит нитка, «пролив» значит понос. Питание все ухудшается.

7 марта. Вчера после обеда пошел в монастырь Гргетег. Дивный день. Весна. Бабочки летают. Вспомнил моего милого Толечку, как он в прошлом году ловил на Владимирской горке в Киеве бабочек для коллекции; скрываясь от большевиков и украинцев⁷⁴, я лишь мельком тогда мог видеть детей... Сейчас сижу в парке Гргетега, около пчельника, и прислушиваюсь к звукам весны, пчел, птиц. Тихо, тихо кругом. Все застыло пред дивной красотой природы. Ах, как было бы хорошо, если бы со мной тут была моя семья; теперь она, наверное, голодает; отец, спасая свою жизнь, бросил их...; получается что-то невыносимое, и я часто осуждаю себя, зачем я уехал из Киева...

Вчера Титов долго сидел вечером в моей комнате; для м. Антония, инспектора дух. Академии архим. Тихона у него нет других слов, как «подлец», «негодяй», «бесчестный» и т. п. Русские епископы, прибывшие в Белград, ожидают здесь; Титов говорил, что архиепис. Георгий Ярошевский⁷⁵ с архимандритом Александром уже уехали в Крушедолский монастырь в пяти километрах. Пообедал в монастыре так, как и дома редко когда; вышел в Гргетегский сад-парк; там гуляли хорошо одетые девочки, одна меньше ростом моей Ниночки. Боже, как грустно стало... Сохрани их там, и их добрую, хорошую мать и бабушку. Титов, по своему характеру, тяжелый человек; всех критикует и очень резко; он хотел бы вызвать сюда свою семью и долго не возвращаться в Россию; он желал бы широкой автономии территориально политической и церковной Украине, но все же мыслит Россию единой; впрочем, если Украина дожила до культурной независимости, то пусть отделяется, но этого не будет, ибо слишком много и кровных, и политико-экономических связей между Великобританией и Украиной. Титов проводил меня в гору. Изумительно тепло: 34 градуса по Цельсию. Цветет миндальный орех. Вот где рай Божий..., но *нет рая в моей душе без детей, без семьи...*

Надо ехать в Белград купить летнее пальто; в моей меховой шубе стало жарко.

8 марта 1920 г. В Карловцах, куда пришел через 2 часа, был у Д. Руварца в библиотеке, ген. Хрущева, архиепископа минского Георгия Ярошевского, который завтра выезжает в Крушедолский монастырь, епископа Георгия Летича и др. Георгий говорил, что в Белграде живут митр. Платон, сумской еп. Митрофан⁷⁶, архиеп. Волинский Евлогий⁷⁷ и др.; Платон говорил, что еп. Феодор Переяславский⁷⁸ умер в Екатеринодаре от сыпняка, арх. Алексей в Новочеркасске. Георгий резко отрицательно относится к Добровольческой Армии. За обедом в патриархии карловацкий правительственный комиссар говорил, что в г. Вуковар было большевицкое выступление, но окружающие крестьяне убили двух коммунистов и устроили патриотическую манифестацию.

Выехал я пароходом в Белград в 2 ч. 40 м. за 8 дин. во II классе.

10 марта. В Белграде ночевал у киевского серба Милана Шевича, видел посланника В.Н. Штрандтмана, еп. Досифея, проф. Е.В. Спекторского, проф. Терebinского, Л.В. Могилевскую, Н.С. фон-Раабен⁷⁹, публициста еврея Рысса⁸⁰, который в Софии

хотел читать лекцию о большевизме, но кто-то положил адскую машинку, и в результате 8 чел. убитых и около 30 раненых.

После утомительной процедуры удалось разменять 1000 рублей думских за 600 дин.; разрешение № 371. Получил письма к Титову от Штрандтмана и еп. Досифея. В русском посольстве секретарями Н.С. Урсати⁸¹ и О.В. Клемм.

Был у митр. Платона; настроен он мрачно, даже прослезился и сказал: пропала Россия; он был у болгарского царя Бориса, который расплакался, говоря о России, и вообще очень понравился митрополиту; он бы дал войско против большевиков, но Франция все держит в ежовых рукавицах; царь прислал за митрополитом карету и встретил его с почестями; Престолонаследник Югославии Александр тоже очень понравился Платону и встретил последнего тепло; Платон вел переговоры с председателем совета министров г. Протичем⁸², читал мне свое письмо к нему о необходимости послать в Россию 6000 солдат для отвоевания сначала Одессы; это было ядром для спасения России, но дни Протича как министра сочтены; такое же письмо он послал регенту Александру, далее хотел ехать в Грецию в целях пропаганды, но французы не позволили; дети Титова в Добровольческой Армии и были целы, а жена и дочь вне Киева; мысль Титова отдать русский Афон под покровительство Сербии неудобна: это раздражает греков, а они теперь нам нужны; митрополит Афинский Мелетий и Александрийский Николай относятся хорошо к русским монахам на Афоне, но задача греков – упразднить русский Афон: туда уже русских не пускают, осталось лишь около 2000 монахов, они вымрут, а других не будет; положение русской Палестины очень плачевное, греки ее забирают в свои руки, отпустив для этого 30 миллионов драхм, т. е. 120 мил. дин.; Платон даже думает уехать к мадьярам – так велико его разочарование; Платон ожидает покушения со стороны большевиков. Епископ Никодим (киевский) должен был выехать в Крым, но по своей медлительности едва ли успел. Он и епископ Прокопий могут погибнуть от большевиков; по сведениям митрополита в Киеве, было необычайное истребление интеллигенции за деникинство; Платон будто бы разыскивал меня даже на «Тендре» (пароход, на котором я выехал), но нигде не нашел. Это, конечно, чепуха: митрополит, обещавший взять меня с собой во время эвакуации, вовсе не думал ни о ком, кроме себя. Это страшный эгоист и даже авантюрист. Профессор Спекторский вынес впечатление, что сербские профессора относятся несочувственно к русской профессуре, ректор Белгр. университета принял его холодно. Проф. Терebinский принят врачом военного госпиталя с жалованьем в 1180 дин. в месяц, подписал контракт на 3 месяца, снял квартиру из 2 комнат за 800 дин. ежемесячно. Видел я своего ученика по Киевской II гимназии Антонеvича; он зовет меня в Угорскую Русь, т. е. в Чехословакию, где бы я должен был непременно принять подданство; я, конечно, не поеду.

11 марта. Сегодня видел князя Жевахова⁸³, бывшего товарища Обер-прокурора Св. Синода; он с укоризной сказал: как это Вы не вывезли А.В. Стороженко. Такого обязательства на себя я не брал, хотя и звал ехать с собой этого почтенного человека. Русских здесь уйма, и чем дальше, тем больше они дискредитируют русское имя; многие имеют большие деньги и швыряют ими.

12 марта. Ночевал в Земуне у В.Н. Бутовича, приятеля А.В. Стороженко. Узнал, что расстреляны мой сослуживец по II киевской гимназии В.И. Кротов, далее Архимович⁸⁴, Базаревич⁸⁵, директор III киевской гимназии Бодянский, крайний царист, но ходивший по Киеву с учениками с большим красным бантом при объявлении революции; в Одессе умерли сотрудник «Киевлянина» Соболев, проф. Киевского универ-

ситета С.М. Богданов. Е.В. Антонович в Земуне, призывает меня в Угорскую Русь быть преподавателем и участвовать в газете, дал телеграмму об этом, не спросив еще меня, но ставит неприемлемое условие – принятие чешского подданства. А.В. Стороженко вернулся в Киев и скрывается там, редактор «Киевлянина» Литовченко остался там, В.В. Шульгин ушел с отрядом, А.И. Савенко ухал с англичанами на Принцевы острова. В Земуне живут М.А. Гижицкий, кн. Путятин, кн. Жевахов и др. Я был в Белграде два раза у А.В. Могилевской и проф. Терebinского. Получил в американском красн. Кресте 3 пары чулок, 3 нос. платка, 1 полотенце и кусок мыла. Был в Новом Саду у Веселина Диссаловича⁸⁶ в отделе Минист. просвещения; он сообщил, что я назначен преподавать русский язык в Новосад. жен. гимн. с платой 1500 крон в месяц, с отпуском на 2 месяца или даже на 4; буду усиленно заниматься серб. языком, чтобы оправдать такое доверие. У зубного врача Григоревича встретил жену быв. харьковского губернатора Катеринича⁸⁷; муж ее скоропостижно умер от припадка грудной жабы, когда его пришли арестовать чекисты.

13 марта. Поздно приехал в Карловцы, познакомился с ректором богословии Стойковым⁸⁸, проф. Дюричем⁸⁹, который, как студент Киев. Академии, прекрасно говорит по-русски. Падают снег, кислая погода. Арх. Георгий еще не ухал в Крушедол. Был у меня ген. Хрущов, много нелестного говорил об арх. Георгии. Последний говорит, что сербское духовенство окатоличилось в костюме, обычаях курить и т. п., старался дискредитировать проф. Титова, выражал недовольство, что сербы торжественно встретили французского кардинала и провели его, «еретика», чрез царские врата. Бестактность Георгия бросалась всем в глаза. С Мефодием Субботиным, управителем Реметы, случайно бывшим в Карловцах, я возвратился в Ремету. Было холодно; привез письма для Титова и книги ему от богослова Глумца. Затопил печку. Тепло. *Милые, дорогие мои детки! Живы ли Вы, сыты ли и тепло ли у Вас? Да хранит Вас Христос и Царица Небесная! Далеко от Вас в пустыне живет Ваш страдающий отец и друг.*

15 марта 1920 г. Вчера ходил в Гргетег, где так сердечен Данило Пантелич, ночевал здесь. До 1 часа ночи был у меня в комнате Титов. Он рассказывал, как при начале Украинской директории архиепископ Георгий и епископ Екатеринославский Агапит⁹⁰ стремились попасть в Киевские автокефальные митрополиты, как мит. Платон посылал письмо Агапиту, прося его приехать в Одессу, посланных заметили украинцы, узнали о письме и искали его у архиереев; Агапит, как мальчик, сначала запирался, сказав, что письма не получал, а потом передал его им. Сегодня, по просьбе архимандрита и Титова, я рассказал о том, как был арестован украинцами; при рассказе о страданиях жены и посещении ею меня 25 декабря 1918 г. вместе с детьми в Лукьяновской тюрьме, я расплакался... тяжело было вспомнить... Архимандрит Пантелич рассказывал, как приезжал в Загреб давать концерт с своим хором знаменитый Агренов-Славянский⁹¹. После концерта хорваты пригласили весь хор на ужин, причем сделали это тайком от сербов; последние, наконец, после поисков нашли, где находится великий гость, но они не могли попасть в залу, где хорваты пировали со Славянским, последний же ничего не знал обо всем этом. Тогда студенты-сербы запели пред дверьми «Взбранной воеводе победительная»; услышав неожиданно в католическом городе православное пение, Славянский попросил узнать, кто это поет, и узнав, что сербы, просил впустить их; тогда хорваты покинули залу, а сербы заняли их места и ужин продолжался..., но зато сербам пришлось платить за ужин...

16 марта. После вчерашнего расстройства какая-то тяжесть на душе. Я, Титов, архимандрит и его сестра долго вечером разговаривали; сербский язык был выразителен и красив. Ф.И. Титов очень ругает м. Антония, м. же Платона любит; оказывается, м. Платон товарищ Титова по семинарии, по фамилии Рождественский, овдовев, поступил в Киев. дух. Академию, где Титов был его профессором, а затем и подчиненным, когда Платон стал ректором Академии.

Служащий в Гргетеге солдат русский много пьянствует...

17 марта. Вчера игумен нашего монастыря Виссарион принес из Даля, имения Карлов. патриархии, необыкновенную весть: Гинденбург взял Берлин и провозгласил монархию, вернулся туда Вильгельм II... Если это так, то событие это будет иметь колоссальное значение и для России. Господи, помоги России, спаси ее... Затеплились надежды увидеть милую семью... Закланович увлекается Лениным, называя этого ирода гениальным человеком.

18 марта. Прочитал в Новосадской газете «Застава» (№ 61) следующее: Париж. 13 марта в Берлине сделан переворот. Гинденбург господин положения, взял в свои руки диктатуру; составлено чисто монархическое правительство; войска требуют возвращения Вильгельма; правительство разбежалось; государственным канцлером генерал Капп, и далее: «Социалисты издали манифест к народу, объявляя протест и общую забастовку против монархического переворота»⁹². Событие неизмеримого значения и для России. Боже, спаси ее, а мне дай счастье скорее быть около моей семьи. Снова хорошо на дворе. Солнце сияет по-летнему. Распустилась плакучая ива, зацвела яблоня, хотя листьев у нее почти нет.

Все больше убеждаюсь, насколько тяжел, болезненно самолюбив и в то же время хитер Титов; между прочим, он говорил мне, что митр. Платон и в Греции получал, под видом размена русских денег, большие деньги и все время занят заботами о своих родственниках... Титов считает проф. Киев. академии Н. Гроссу⁹³ худым профессором; будучи в качестве одного из экзаменаторов на гомилетике у Гроссу, Титов заметил следующие проделки: студенты отвечали лишь из 7 билетов, а один сказал, что от Дмитрия Ростовского не осталось проповедей на малороссийском языке; тогда Титов сказал студенту: «Как вам не стыдно так говорить! Да ведь недавно в Ростове вышел целый сборник проповедей Дмитрия Ростовского на этом языке»; этот укор был направлен профессору Гроссу. Профессора Поснова, находящегося теперь в Софии, Титов называет «негодяем»...

Сию в монастырском саду. Зеленеют поля. Деревья еще без листьев. Блеет большое стадо монастырских овец. Чирикают птички. А я один, один...

К вечеру получил из Министерства просвещения, «отделение за Банат, Бачку, Баранью», уведомление от 1 марта за № 6107 о назначении меня преподавателем в жен. Гимн. в Новом Саду на предмет – русский язык; в программе он не полагается, но милейший доктор Милан Петрович, начальник отделения, вводит его для желающих, и, сказал он, «я сам буду вашим учеником». Так. обр., я теперь серб. профессор. Постараюсь принести пользу братскому народу, а вместе с тем и России.

Закланович, призванный в войско, пишет мне из Скопле, что видел во Вранье председателя Гос. Думы Родзянку⁹⁴ с сыном. Прохвост: устроил против царя, который 3 раза выкупал его заложенное имение, революцию, а теперь и шатается по чужим странам.

20 марта. Архиеп. Георгий, по словам прибывшего из Карловцев о. Исаи Стратимировича, досель живет там; не хочет в монастырь. Появилась всюду эпидемия «испанки».

21 марта. Дождь, холодно, был в церкви. По-сербски занимаюсь так: изучаю грамматику, читаю вслух серб. стихи, роман Толстого «Воскресение», перевожу «Историю серб. народа» проф. Ст. Станоевича, а за обедом прислушиваюсь к живой серб. речи, вообще сегодня до переутомления занимался этим языком.

22 (9) марта. Холодно, топлю фуруну; а как там, в России? Там сегодня начало календарной весны, «жаворонки прилетели», говорит народ.

24 марта. Холодно. В монастыре испанка. Если бы не усиленные занятия языком, не знаю, что бы делал в этой добровольной тюрьме.

Против обыкновения сегодня начали «клепати», почему – так и не добился от о. Корнелия,⁹⁵ но когда началась служба, я увидел, что это совершается в первый раз в вел. посту здесь канон Андрея Критского и Марии Египетской. Однообразно, монотонно... Кажется, здесь умерли навсегда монастыри... живут три монаха, владеют прекраснейшей землей, виноградники, хорошо едят и пьют вина собственного изделия. Никакого значения для православия они не имеют; народ совершенно не посещает монастырей; тогда зачем они?

Был в Гргетеге. Титов в Белграде. Архимандрит как всегда любезен, читал серб. патриот. стихотворения, читал газеты; в Германии началась гражданская война, а здесь в городах всюду почти побеждают на выборах коммунисты, напр., в Загребе, Осиеке. И в Гргетеге перевожу «Историю» Станоевича, но все больше убеждаюсь, что это очень посредственная книга. Был в церкви, прекрасно служил архимандрит, но церковь пуста. Природа заметно и так пышно оживает, а на душе! Вернулся в Ремету, был в церкви, читался акафист Божьей Матери, а вечером дали суп с говядиной... И это в великий пост в монастыре; много тут своеобразного.

27 марта. Спал тревожно. Во сне был дома. Какие-то еврейки хотят обыскивать.

28 марта. Наш монастырь посетили: ректор Карловацкой богословии архиман. Викентий Вуич, проф. Н. Дюрич и Д. Стефанович⁹⁶. Мелетий прекрасно угостил гостей ветчиной, яичницей и старым монастыр. вином. Титов вернулся из Белграда. При отъезде Вуич, улыбаясь, стал штудировать стихи Тургенева «В дни тягостных сомнений ты одно мне утешение, о могучий русский язык... не будь тебя, тяжело было бы жить при виде всего совершающегося дома»⁹⁷. Последние слова архимандрит подчеркнул. После обеда пошел в Гргетег. Титов мне говорил: в Белграде избраны 3 новых епископа – Бойович⁹⁸, Николай Велимирович⁹⁹ и Ириней Чирич¹⁰⁰ (ныне новосадский); русские епископы вмешиваются в сербские дела, по отношению к сербам ведут себя высокомерно, за что они платят им недружелюбием; митрополит Димитрий¹⁰¹ (после патриарх, скончался) даже не отдал визита митроп. Платону. Платон совершенно дискредитировал себя: он просил обменять на динары 100 000 рублей, ему в этом отказали, поэтому он уехал из Сербии ни с кем не простившись; к Престолонаследнику Платон пошел один, без других рус. архиереев, что вызвало недоумение даже у Престолонаследника; в Белграде м. Платон хотел купить дом для своей замужней дочери, что тоже не понравилось сербам. А еще более оглушительный скандал в следующем: когда м. Платон ехал в Солунь, греческий таможенный чиновник на границе приказал вскрыть его чемоданы, причем нашел у него 2 миллиона рублей и др. денег и конфисковал их; его не пустят в Грецию, а теперь и в Югославию.

Русское офицерство ведет себя скверно: пьет по ресторанам, устраивает скандалы. Одна пьяная компания офицеров не хотела уходить из кафе, нагрубила полиции, за что была избита, двое до полусмерти; это было в Панчеве, где население потребовало удаления всех русских. Немудрено, что правительство Югославии не хочет пускать больше русских, а их скопилось на пароходах в Солуни очень много. Проф. М.Н. Ясинский (после проф. в Любляне, а теперь в отставке и получает пенсию) живет в Нише; от нервных переживаний у него клочками поседел волосы и выпадают. Титов возмущается поведением митрополита Платона, к которому относится в общем хорошо: он создал своей денежной аферой на границе международный скандал...

31 марта. Закланович, вернувшийся из войска вследствие близорукости, находит, что я сделал большие успехи в сербском языке; он великий патриот, обожает династию Карагеоргиевичей, особенно престолонаследника, боится за судьбу государства, где не-сербов больше, чем сербов.

1 апреля 1920 г. Вчера вечером у меня пили чай Закланович и монах Кирилл; будучи пьян еще из Ирига, откуда вернулся, последний разразился гневом по адресу России за то, что она всегда помогала Болгарии, сделала ее великой, а Сербия будто бы всегда стояла вне русского внимания и сама себя освободила... Сегодня в келье Кирилла играли с ним в карты какие-то сельские интеллигенты... И это мне необычно видеть у монаха.

2 апреля. По словам Заклановича, Карловцы интересны для сербского населения не только тем, что были в Австрии центром православия, но и тем, что здесь жил сербский поэт Бранко (Алексей) Радичевич¹⁰², первый начавший писать не на церковнославянском, а на чистом сербском языке в 30-х гг. XIX в. Он родился в Вуковаре, учился в Карловцах, был последователем Вука Караджича¹⁰³. На Духов день празднуется его «слава» на горе «Стражилово», где стоит памятник ему и куда стекается огромная масса сербов. Режут виноград, землю пахали в феврале и начале марта. Зазеленели поля молодыми всходами. Цветет абрикосовое дерево, хотя леса еще черны. Закланович сообщил следующее о монахе Корнелии: при австрийцах, живя в монастыре, где был портрет короля сербского Петра, Корнелий выбросил его, а повесил старого мадьярского Арпада и хорватского Звонимира. Будучи по недоразумению арестован австрийскими властями во время Великой войны и отвезен в Загреб, где сидел 17 дней в одиночке и 5 месяцев в общей камере и Р. Закланович, Корнелий страшно поносил Сербию и сербского короля. А теперь в его келье висит портрет последнего...

3 апреля. Ходил с Заклановичем в Крушедольский монастырь: видел надпись на стене монастыря о погребении здесь митрополита Арсения Черноевича в 1716 г., при котором совершилось известное переселение сербов в Австрию. Управитель Крушедольского монастыря архимандрит Анатолий¹⁰⁴, оказывается, австрофил, не любит русских. Некогда он был назначен австрийским правительством управителем Пакрачской епархии. На этот раз не удалось видеть место, где погребен сербский король Милан Обренович, австрофил. Из Крушедола пошли в Гргетег, а Закланович ушел затем в Дал. Вечером Титов много бранил митрополита Антония и Екатеринодарское Высшее церковное управление: вопреки соборным постановлениям отсюда стали назначать епископов. Титов сказал, что митрополит Платон и в начале 1919 г. в Одессе больше заботился о материальном благополучии себя и своей семьи, а теперь и вовсе; вообще Титов совершенно разочарован в русском епископате.

4 апреля. Был в церкви, после службы гуляли с Титовым. Сердце мое что-то болезненно работает, не без труда перехожу от Реметы в Гргетег, а сегодня надо будет сделать 11 верст в Карловцы для поездки в Белград. Пасмурно. Дождь на пути в Карловцы, сильно промок.

5 апреля. В Карловцах видел епископа Георгия Летича, архиепископа Евлаогия, архиепископа Минского Георгия, архимандрита Александра, епископа Иллариона Заремского (русского ученика, умер), в Белграде – Л.В. Могилевскую. По ее словам, отношение к нам сербов плохое и заслуженно: недавно русские офицеры вместе с мадьярами в одной гостинице потребовали исполнения немецкого национального гимна, сербские офицеры запротестовали, дошло чуть не до свалки...

З.И. Ткач-Бурлак считается приятельницей Л.В. Могилевской, а между тем какую чушь она несла мне про деньги, полученные будто бы «Киевлянином» от евреев за дело Бейлиса; противно слушать этот старый киевский вздор. Сербский священник Ружичич сказал мне, что митрополит Платон посылал сербским властям 100 000 рублей для обмена на динары, но ему их вернули... Веря в возвращение в Россию, купил 1000 рублей думских за 150 дин., донских за 55 дин., ночевал у Терebinских. В Белград прибыл деникинский министр, наш киевский профессор Ал.Д. Билимович¹⁰⁵; его назначали профессором Люблянского университета. В.В. Зеньковский, бывший министр исповеданий у гетмана Скоропадского, тоже прибыл. Профессор Н.М. Бубнов, как и профессор М.Н. Ясинский, живет в Нише. По словам Вани Могилевского¹⁰⁶, в Киеве в январе 1920 г. был страшный террор, расстреляно более 1000 человек. В.В. Шульгин с своим отрядом пробрался в Польшу, где интернирован в концентрационном лагере.

7 апреля. На обратном пути из Белграда был в Карловцах в соборе, служил Минский архиепископ Георгий. Народу в церкви в этот день Благовещения поразительно мало. Видел о. Н. Дюрича, окончившего Киевскую духовную академию. Он пригласил меня к себе на 3-ий день Пасхи. Боже мой, скоро будет 5 месяцев, как я расстался с семьей... Я так измучился, что мое сердце начинает болеть физически, с трудом поднимаюсь на пригорки и делаю путь в Карловцы. Возвратился в Ремету. Горит моя «фуруна». Опять один. Опять тоска... Да хранит вас Господь, мои дорогие малые детки, моя Шуруна...

9 апреля. Вчера в Гргетеге был в церкви. Сербское пение, монотонное, обычно не трогает, но когда сестра архимандрита и Паисий запели «Вечери твоя тайныя», то эта своеобразная и очень музыкальная мелодия с нотами тоски и страдания до того меня расстроила, что я заплакал; мысли опять в Киеве... Даю здесь вид Гргетегского монастыря.

Вечером на чтении Евангелий в этот великий Страстной Четверг я был в церкви великой Реметы. Народа нет, нет и свечей. Церкви и монастыри остались без народа, остались лишь никому не нужные, никчемные монахи и попы, не думающие о привлечении народа в церковь. И это в то время, когда католические храмы полны, и католики настроены фанатически. Цветут груши, яблони и т. д., отцветает бресква (персиковое дерево). Все время переводил с сербского; очень устал. Сейчас пойду на вынос Плащаницы.

12 апреля. В Великую Субботу я после обедни и обеда отправился пешком в Карловцы к о. Дюричу. Встретили меня хорошо. Пасхальная утренняя началась в 3 часа утра, обычая христосоваться нет, пение совсем иное, что усилило мое нерадостное

настроение. Служил Минский архиепископ Георгий. Разговения не было. На обедне был в Горней церкви, где и причастился. В 4 часа после полудня к Дюричам пришли архиепископ Минский Георгий, архимандрит Александр и генерал М.А. Хрущов. Мне положительно не нравится манера Георгия и Александра как-то свысока относиться к местному. Особенно они высмеивали Титова; о нем Александр сказал: он думает одно, говорит другое, а делает третье; Титов все время говорит, что хотел бы быть простым сельским священником, а между тем епископ Илларион Заремский привез известие, подтвержденное словами г-жи Дюрич, что Титов подал прошение о предоставлении ему университетской кафедры. Титова за это подняли на смех. Затем архиепископ Георгий рассказывал, что сам видел письмо Титова к архимандриту Августину Бошняковичу¹⁰⁷, где Титов подписывался: «член Всероссийского Синода». Архимандрит Александр сказал: это в лучшем случае легкомыслие, а в худшем – подлог; высмеивал архиепископ Георгий и митру Титова, что в Одессе не имели права давать Титову митры; Платона Георгий называет просто авантюристом: никто ему не давал полномочия действовать в Сербии от имени России, причем Георгий повторил о попытке Платона обменять 100000 рублей. Спалайкович¹⁰⁸ даже не принял Платона. Скандал... Теперь Платон поехал спекулировать на патриотизме в Афины и Америку. Платон выпросил у генерала Деникина 200000 руб., в Константинополе от русского представителя Шварца получил еще 50000 франков, т. е. разбогател на горе России, ибо курс франка стоит высоко; то же было и в Болгарии. Сплошное безобразие... *Все мысли в Киеве около семьи. Окончилась там служба Божия... сели все за стол, а отца нет.* Может быть, укоряют меня, зачем я бежал... О, мои родные, простите вашего изнервничавшегося отца: страдаю слишком много...

14 апреля 1920 г. На второй день Пасхи у Дюрича был архимандрит Вуич. Он иронизировал над тем, что русский архимандрит Александр только и занят шитьем себе новых костюмов и холением своей физиономии. Вуич говорил, что при эвакуации из Карловцев в Венгрию его библиотека была расхищена: пропала картина Верещагина, изображающая войну 1812 г. Вся богословия была занята немецкими и мадьярскими войсками. Во время прогулки нашей в патриаршем саду архимандрит Александр надел рясу сербского покроя, с букетом сирени, выложенный...

Я приехал в Белград, на улице встретил Л.В. Могилевскую и профессора Тереминского. Слухи: Петлюра около Киева, Павленко взял Одессу, Деникин уехал в Константинополь, Врангель принял командование в Крыму и взял Мелитополь. Получена шифрованная телеграмма «союзников» о том, чтобы Добровольческая Армия помирилась с большевиками, иначе союзники прекращают всякую поддержку, а в случае примирения обещают полную амнистию от большевиков. В России, особенно в Киеве и Одессе, страшный террор. Сербское общество в Белграде приготовило русским для разговенья стол на 800 человек, одни кварталы несли гусей, другие яйца, куличи и т. д. Профессор С.П. Троицкий говорил, что митрополиту Платону все-таки разменяли в Белграде 100000 р., что в марте прошлого года он образовал в Одессе канцелярию высшего церковного совета, посадил туда своих родственников, а при эвакуации увез 9 миллионов канцелярских денег. М.А. Гижицкий говорил мне в Земуне, что Н.В. Стороженко попал из Константинополя на Принцевы острова. Троицкий тоже страдает без семьи. Видел белградского митрополита Димитрия и благодарил его за то, что помог мне устроиться в монастыре Фрушкой Горы. Полковник Г.Г. Тимофеев говорил о варварском обращении американцев с русскими: их били, посылали на каторжные работы, клали на полу всвалку и т. п.

15 апреля. Был у Л.В. Могилевской. Она не верит в успех Крымской экспедиции; В.В. Шульгин находится в Польше на свободе. С.Г. Грушевский и Москвич, сотрудник «Киевлянина» (оказавшийся после шпионом на службе у большевиков), в Одессе теперь. Профессор А.П. Доброклонский¹⁰⁹ назначен профессором Белградского университета, а Г.В. Демченко – Субботического. Могилевская боится за судьбу В.В. Шульгина, ее брата; расстроена тем, что русские никак не могут ему простить того, что он взял отречение от царя. Причем она прослезилась: люди не понимают того, сказала она, что В.В. хотел смягчить положение царя и предохранить его от какого-либо грубого типа. Особенно боялись грубостей от А.И. Гучкова, но он вел себя сдержанно. Когда просматривался текст отречения, В.В. подсел к царю и сказал, что если бы царь пошел навстречу народу две недели назад, то ничего бы нынешнего не было. Царь совершенно равнодушно сказал: разве вы так думаете? Вообще царь производил странное впечатление.

Был у директора Петроградской гимназии С.В. Лаврова¹¹⁰, ныне преподавателя русского языка в Белградской I гимназии. Он сказал, что по постановлению союза преподавателей Югославии русский язык изгоняется из средней школы... Лавров уже два года не видел своей семьи, говорил о крайне предосудительном поведении здесь русских офицеров.

На улице меня назвала секретарша В.В. Шульгина Н.С. фон-Раабен. Почему-то начала говорить о том, что Шульгину насплетничали о ее флиртах, и он из ревности сделал ей при всех скандал. По ее словам, в руки большевиков с баржи попала вся секретная переписка «Азбуки», конспиративного противобольшевистского общества, руководимого В.В. Шульгиным. Тут работал некий проходимец Лопухин; последний в 1918 г. выдал большевику свидетельство и чек на миллион рублей от имени Шульгина.

Говорят, что из Константинополя в Белград приехали 3 офицера, замешанные в убийстве начальника штаба у Деникина генерала Романовского. Священник Ржичич рассказал о скверном впечатлении, оставленном митрополитом Платоном в Белграде, и о том, что греки отобрали у него деньги на границе.

16 апреля. Хотел ехать в Новый Сад и Ремету, но разразилась железнодорожная и пароходная забастовка. Зря толкаюсь по Белграду. Среди русских самые разнообразные слухи: Киев будто бы в руках Петлюры, Махно взял Полтаву, Москву крестьяне, Антанта признала Украину и т. п.; все это жадно ловится... Бедные скитальцы...

Ездил смотреть загородное место и парк Топчидер. Хорошо здесь, но поспешил возвратиться с трамваем, в виду возможности забастовки и трамваев.

17 апреля. Поезда не идут. Газета «Матэн» от 14 апреля № 13175 говорит о смертельном ранении Троцкого одним генералом, приговоренным к смерти; говорят о перевороте в Москве, сделанном Брусиловым вместе с крестьянами.

Л.В. Могилевская по рекомендации профессора Д.П. Кишенского¹¹¹ дала мне из какого-то комитета помощи 100 дин. и 1000 руб. добровольческих. С Л.В. ходил в парк Калимегдан, где видел памятник Доситею Обрадовичу¹¹²: изображен старик, в немецком костюме, с высокой и широкополой шляпой, книгой под мышкой, в позе идущего с палкой; подпись: «идя учи, гляди в века»; на обратной стороне призыв к общесербскому объединению без различия вероисповедания. После гуляния пил чай у Л.В. Пришел профессор Рейн¹¹³, бывший ректор Петроградской военно-медицинской академии и министр здравоохранения при Временном Правительстве. Бодрый старик, едет на

Волюнь продавать землю и лес. Из его разговоров с Л.В. видно, что она тоже продает там 400 десятин, в том числе около 100 дес. леса, продала две мельницы – евреям за 100 000 руб., из них 50 000 р. она перевела в фунты стерлингов, которые теперь сильно повысились в курсе.

Если забастовка не прекратится, завтра пойду на лекцию профессора Ал.Д. Билимовича. Скучно сидеть в Белграде, не учить сербский язык и тратить деньги.

18 апреля. Опять нет поездов. Был в кафедральном соборе и впервые мог купить свечу. Молился о спасении деток и жены.

Был на митинге сербов, требовавших Риеки-Фиуме. Прекрасные патриотические речи. Слушал хороший доклад профессора Билимовича, которому оппонировали профессор Зеньковский, киевский городской голова Бутенко¹¹⁴ и серб Шевич. Сущность доклада: надо интеллигенции, разжигавшей всегда классовую ненависть, заняться другой проповедью – идеи солидарности, сотрудничества классов.

19 апреля. 1920 г. Поезд опять не пошел. Жарко и пыльно в Белграде. Что делают в Киеве мои дорогие. Учится ли Марусечка и Толечка? Занимается ли с Ирочкой и Ниночкой Шуруна? Есть ли у нее для этого время? Познакомился с профессором Д.П. Кишенским, виделся с членом Государственной Думы И.И. Сазоновым, В.Н. Бутовичем, Ал.Д. Билимовичем. Князь Жевахов затевает экскурсию по Сербии.

20 апреля. Боясь опоздать на пароход, я спал лишь до половины второго часа утра, пароход отошел в 5 часов утра; на палубе ветрено, в каюте душно, хочется спать.

Вчера познакомился с помещиком Фингергутом¹¹⁵ и И.А. Железновым; Фингергут хочет получить от правительства участок земли из магнатских мадьярских имений Габсбургов, а затем купить его. Очень симпатичен Железнов. Он уже с проседью, но жена у него молодая, видно, вторая. Она была с маленькой девочкой. Об этой девочке Железнов рассказал следующее. Когда он шел по Москве, увидел такую картину: городской (милиционер) вел эту девочку в полицию. Подойдя к нему, Железнов узнал, что отец этой девочки, полковник, расстрелян, мать, бывшая сестрой милосердия, также убита. Дочка осталась без всяких средств и родных, рыдала, голодала. Железнов взял у него ребенка себе и, сам спасаясь от большевиков, скрывал и девочку. Он очень любил ее, ей 8 лет, но жена рада бы отделаться от девочки. Но Железнов сказал, что никогда не расстанется с девочкой. Трогательно. Я горячо пожал ему руку и просил его дать ей образование и вывести на дорогу...

На палубе я спросил одного по виду русского, не в Новый ли Сад он едет, а он мне: бите, бите, желая показать, что он не русский, а потом сказал: да, в Новый Сад... но я уже не стал с ним разговаривать. Жена его сидит на палубе в трауре, закрыла лицо руками и плачет. Бедная русская интеллигенция.

В Новый Сад пароход прибыл в половине второго. Был у директора женской гимназии Петра Летича¹¹⁶ и начальника отдела просвещения Павла Лютича¹¹⁷. Пешком добрался усталый до Карловцев (12 километров). Красива природа.

Лютич сказал мне, что теперь нет смысла преподавать русский язык, а начать надо с 1 сентября и советовал мне сербским языком, обещал выплатить все жалованье. Лютич глубокий патриот. Он говорит, что забастовка в Среме удалась потому, что все места здесь заняты, необходимо быстро организовать русских телеграфистов, инженеров, техников и т. д.; через 10 лет сербы все возьмут в свои руки, а сейчас трудна борьба, и он оказался прав. Надо написать Штрандтману об учете русских сил по

специальности и приспособлении их к работе здесь. (Русские действительно были хорошо использованы, но теперь оказываются лишь терпимыми, гражданами третьего сорта...)

21 апреля. Сильно утомленный я добрался до профессора Дюрича. Меня сердечно приняли и накормили. Переночевав, был у архиепископа Георгия, где застал архиепископа Евлогия и архимандрита Александра. Евлогий собирается ехать в Новый Сад, а Георгий с Александром в Крушедолский монастырь. Георгий говорил, что из Салоник сюда едет еще 4 архиерея. Перед обедом видел епископа Георгия Летича. Принял меня хорошо и дал мне бумагу о том, что я могу объехать все Фрушкогорские монастыри для ознакомления и чтобы меня всюду предупредительно принимали. После обеда у профессора Дюрича я на лошадях нашего монастыря отправился в Великую Ремету. Жарко, но после сильного ночного дождя сейчас необыкновенно хорошо. Как жаль, что со мной нет моей семьи... В Ремете все по-старому, только стало еще красивее: деревья оделись листвой, зеленеют поля, чистый воздух. Как все красиво и мило.

22 апреля. Спал хорошо. Ночью был дождь, на дворе пасмурно, но зато «благорас- творение воздух». Опять сижу за переводом истории профессора Станоевича. Прочитал рассказ на сербском языке Дюри Якшича¹¹⁸ «Сужань» (узник). Какой прекрасный здесь сербский язык, сила слова и выразительности! Сижу сейчас в саду, среди дивной природы. *Мои милые дети и Шуруна, и бедная, изнемогшая от горестей мама. Как бы было хорошо, если бы вы были здесь!* Если Бог поможет, я перетяну всех сюда и освобожу от российских мук.

23 апреля. Старый монах Корнелий говорил мне вчера, что он, будучи монахом, 28 лет жил с одной женщиной, имел от нее сына и что эта «жена» умерла лишь 2 года назад, т. е. он жил с нею, когда ему было уже 68 лет...

Прибыл вчера в Гргетег, где меня радушно встретили. Архимандрит много рассказывал из жизни сербов и швабов, как здесь называют немцев. Например, шваб и серб однажды нашли колбаску. При одинаковом дележе не мог быть сыт ни тот ни другой. Тогда серб предложил взять в зубы совместно колбаску, и кто перетянет, тот и получит ее целиком. Так и сделали. Во время усилий обоих серб говорит: швабе, крепко ли держишь колбаску. Шваб ответил: «я» (да), и серб моментально выхватил колбаску. Или: шваб и серб нашли ягненка, зашли в землянку и хотели его зажарить, но он оказался очень мал. Тогда они решили отдать ягненка тому, кто из них испугает другого. Шваб ходил около землянки, ревел, по-волчьи, но серб не испугался. Настала очередь пугать за сербом. Он вышел из землянки, сделал из кожи ягненка барабан и стал бить по нему и кричать: это не я украл, а шваб. Последний, думая, что на серба напал хозяин ягненка, испугался и убежал...

24 апреля. И вторую ночь провел в Геретеге. Вечером сидели в комнате Титова. Он страшно ругает митрополита Антония и говорит, что при встрече с ним может наговорить ему больших дерзостей. Рассказывал, что после бегства из Киева он жил у митрополита Платона вместе с Екатеринославским архиепископом Агапитом. Как последний рассказывал про свои отношения с украинцами и Петлюрой, и как об этих его рассказах на другой же день появлялось в газете «Родная Страна»: то писал Титов... За обедом митрополит Платон и все смеялись над недалеким Агапитом.

25 апреля. После обеда архимандрит Данило, Титов и я поехали на монастырских рысаках в Крушедол. Дорогу нам перескочил большой заяц, и мы смеялись, что, вероятно, нам будет неприятность. Нас ввели в хорошо обставленное помещение крушедольского архимандрита Анатолия, того самого, который был изыскан милостями австрийского двора. Это крепкий человек, с бегающими глазами; волосы и борода у него подстрижены. Он пригласил нас в свой просторный и увешанный портретами кабинет, разговаривал исключительно с архимандритом Данилом, не обращал на нас никакого внимания и не сказал нам ни одного слова. Ни я, ни Титов не обращались к нему с вопросами, ожидая, что хозяин заговорит же, наконец, с нами. Но он не заговорил, и мы молча скоро попрощались с ним...

Мы ходили осматривать достопримечательности монастыря. Прежде всего нас ввели в комнату, где находятся предметы, оставшиеся после смерти короля Милана Обреновича. Хорош сербский веноч из Старой Сербии и Македонии; из других предметов интересны шапки-короны сербских деспотов. В другой комнате были многочисленные ленты на венки, например, от Белградского офицерского дома. Из этих лент видно, что Милан пользовался среди сербов большими симпатиями, и переворот, возведший Карагеоргиевичей на сербский престол, был далеко не общенародным движением. В той же комнате находятся разные книги и рукописи с 1804 г., митра патриарха Бранковича, «дипломы» от русских царей, но все это не было нам показано. Затем мы осмотрели церковь, построенную, как говорил наместник, в 1416 г., а иконостас в 1653 г. Церковь, после турецких варварств в 1827 г., тогда же восстановлена, по стенам заполнена иконами, одежды на них из сербского быта. При входе в церковь с правой стороны находится небольшой памятник, воздвигнут князем Михаилом своей матери Любиче. На левой стороне прибита мраморная доска с украшениями, лентами, надписями, восстановленная в честь австрийского императора Франца Иосифа. Последний любил своего верного слугу – короля Милана. Австрийский император распорядился торжественно похоронить здесь этого короля. В храме много погребенных под полом патриархов, митрополитов и др. В алтаре крест сербского короля Александра Обреновича, сына Милана, убитого вместе с женой Драгой офицером Машиним. На престоле Евангелие, пожертвованное пострижеником этого монастыря Анделковичем, после архимандритом московского Донского монастыря. На престоле покрывало, шитое золотом и присланное Екатериной II. Следует отметить из русских предметов икону Казанской Божьей Матери, присланную по смерти короля Милана развенчанной королевой Наталией и поставленную там, где находится доска и киот от Франца Иосифа. При входе в церковь в стене видится каменная доска, где говорится о смерти в Вене первого сремского карловацкого патриарха Арсения в 1700 г., перенесенного в Крушедол в 1716 г. По словам архимандрита Пантелича, погребение короля Милана было очень торжественное: его тело везли через Новый Сад в вагоне Франца Иосифа. За телом ездили карловацкий патриарх, нынешний администратор Карловацкой патриархии епископ Георгий Летич и архимандрит Данило Пантелич. В Карловацком кафедральном соборе в присутствии многочисленных делегаций из Сербии был торжественно отслужен «парастос» (панихида), а затем тело на колеснице было везено в Крушедол. На всем пути стояли тысячи сербов из Срема, Баната, Бачки, а так как шел сильный снег, народ же стал ожидать проезда церемонии еще накануне и всю ночь, то разведены были костры. После осмотра церкви мы с Титовым зашли к архиепископу Минскому Георгию и архимандриту Александру, переехавшим наконец сюда на жительство. Они здесь страшно скучают, просто угнетены. Когда я уходил, архиепископ Георгий,

обняв меня за талию, сказал: «Ради Бога, заходите к нам, скука здесь страшная»... А что они сказали бы, будучи в моей Ремете. И я, как ни осуждал этих земляков за их язычок и усмешечки, очень пожалел их, пожалел Россию, владыки которой теперь вынуждены жить у австрийского выученика, иезуита и, быть может, врага Югославии, Анатолия. По возвращении в Гретег архимандрит Пантелич рассказывал, как произошло убийство короля Александра Обреновича и королевы Драги.

Чудно в Гретегском парке: после дождя все полно жизни, свежести. *Боже, как бы хорошо было тут моим деткам! Как они там живут, в голоде и страхе?*

26 апреля. Вчера возвратился в Ремету. Хорошая погода, переводил «Историю» Станоевича, устал, пойду гулять в горы. После обеда с одним сербом иду в Крушедол, на пути присели отдохнуть, и я пишу эти строки. Надо навестить Георгия.

27 апреля. В Крушедоле видел архиепископа Георгия, гулял вместе с архимандритом Анатолием, настроенным сдержанно. В комнате наместника Пантелеймона меня и моего спутника, по здешнему монашескому обычаю, угостили вином. 2 часа переводил сегодня Станоевича, устал, иду гулять в поле.

28 апреля. Сегодня проснулся в 3 ч. у., а встал в 4 ч., зажег свечу, запалил «фуруну»: греется мой киевский чайничек... Живы ли они там и как живут? Господи, спаси их! После ужина надо стирать белье, а то не в чем ходить. Завтра пойду в Гретег, а там и в Белград поеду. 6 мая день Ангела Шуруны и Толечки. Мои дорогие! Как далеко вы! Скоро у Марусечки и Толечки должны закончиться учебные занятия. Как они учатся, да и учатся ли, учатся ли Ирочка и Ниночка?¹¹⁹

29 апреля. 1920 г. Вчера и сегодня много сидел за переводом Станоевича, устал, а сегодня, к тому же, стирал: двое кальсон, рубашку, две пары носовых платков. Пошел в Гретег. Титов сейчас пишет письмо, а я *сиду в парке и люблюсь природой; кукует кукушка, поет соловей, а на душе... тоска*. Все думы там, дома: помнят ли, не забыли ли, а может быть бранят? Иной раз говорю себе: зачем я бежал, лучше было бы умереть около детей. Но дали ли бы мне умереть около них, а не в темном подвале чрезвычайки? Какая-то надежда говорит мне, что в этом году я увижу моих милых. Возвратился с сестрой архимандрита и о. Мелетием в Ремету. Белье мое высохло, но стирка моя все же плоховата.

30 апреля. Великая Ремета. Дивно на дворе. Читаю «Воскресение» Толстого на сербском языке, но и читать не хочется, все выпадает из рук: хочу, безумно хочу домой! сил нет... когда же, когда, наконец?..

1 мая. Сегодня в России праздник беснования: *реют красные тряпки*... сегодня Марусечка и Толечка сидят дома, не занимаются. Тоска все больше охватывает меня.

2 мая. Сегодня в наш монастырь пришел из Карловцев монах Исаия Стратимирович и сообщил, что карловацкие гимназисты пришли в Гретег и поют обедню. Тогда я поспешил туда же. Архимандрит Данило не пустил меня от обеда, который был чудесен: суп куриный, курица соус, сладкое в желтковом соусе, жареная баранина с салатом и много разных вин. Директор гимназии Радивой Врховац¹²⁰ с большой любезностью заявил, что желает видеть меня преподавателем истории в своей гимназии. За

обедом было до 30 человек. После обеда гимназисты и гимназистки в парке водили свое «коло» (танец). Они танцевали, а я думал о своих детках... Вчера был в Крушедоле архимандрит Александр, говорит, что я хорошо сделал, что покинул Киев, иначе, скрываясь от большевиков, я измучил бы и себя и семью, а пользы не принес бы, ибо работать не мог бы.

3 мая. Иду в Карловцы, чтобы ехать в Белград, сел отдохнуть под розой шиповника, среди виноградников, и наслаждаюсь трелью соловьев. Кажется, в первый раз в жизни я наблюдаю жизнь природы, а то всю жизнь было некогда! И как жаль, что я мало ходил на прогулки с детьми, когда они звали меня. А может быть, и лучше, что я ушел из Киева. Вспоминаю, как Шуруна, видя мою нервность, сказала, что лучше бы было, если бы я ушел куда-либо из дома на время террора. Поезд запоздал: я долго поджидал его с Дюричем. Дюрич сказал, что С. Троицкий назначен профессором университета в Субботицу на кафедру церковного права. Троицкий сообщал ему, как у митрополита Платона на границе греки отняли 2000000 динар, скрытых им. В Белграде ночевал в квартире у М. Шевича. Говорят о прекращении «размена» денег русских на сербские. Видел профессора Е.В. Спекторского, М.А. Гижицкого, С.В. Троицкого, м-ме Терebinскую. Они уже сняли большую квартиру за 1000 динар в месяц. Профессор Ясинский еще не устроился и с трудом проживает в Нише.

5 мая. Был у епископа Досифея, он говорит о недовольстве русских «разменом». Было собрание их по этому поводу, которое решило просить передать это дело в руки сербов... Профессор Ясинский избран в Загребский университет. Был у А.В. Могилевской. В.В. Шульгин находится неизвестно где; жена его Екатерина Григорьевна будто бы попала в Румынию, а потом переброшена назад в Россию (после это оказалось неверным; сейчас она в Праге). Был у профессора Терebinского, куда пришел профессор Спекторский. Последний передавал некрасивые вещи о митрополите Платоне: он совершил незаконный развод Керенского с женой, за что получил бриллиантовый крест на белый клобук. Он же устроил возмутительный развод помещика Бутовича ради военного министра Сухомлинова. Терebinский говорил, что однополчане плохо отзываются о Врангеле и что его командование такая же будет авантюра, как и деникинская... Возвратился в Карловцы, был у генерала Хрущева, Дюрича, епископа Георгия Летича.

6 мая. Ночевал у Дюрича. Ночью и сейчас дождь. Сегодня день ангела Шуруны и Толечки. Да хранит их и всех деток Христос. Поздравил с днем ангела епископа Георгия, он мне сказал, что в наш монастырь пришлют русского архимандрита Григория. По дождю, промокший, в глинистой грязи возвратился я пешком в Ремету.

8 мая. Был в Гргетеге. Архимандрит Данило расстроен тем, что крестьяне захватили монастырский луг и негде теперь собирать сена для лошадей. Полиция из г. Ирига, куда было сообщено по телефону, прискакала верхами, захватила крестьянских волов и угнала их в Ириг. Мужики озлоблены, архимандрит опечален, ибо он любит народ свой.

Сегодня Титов показался мне особенно невыносимым: он доказывал, что мало-русская церковь под константинопольским патриархом находилась в лучшем положении, чем под Москвой, а когда я ему указал, что это не совсем так, что авторитет константинопольского патриарха не оберег русскую церковь от унии и католических захватов, причем униаты даже киевскую св. Софию, захватив, превратили в скотный

двор, Титов рассердился и стал говорить мне колкости. Болезненно самолюбивый человек, недаром киевский протоиерей Трегубов называл Титова несносным человеком. Архиепископ Георгий и архимандрит Александр жаловались Хрущову на архимандрита Анатолия Крушедольского: например, он пьет кофе с сливками, а русским не дает, и они должны посылать в село за молоком. Хотя и несимпатичны эти русские двое скитальцы, но мне их жаль стало...

9 мая. Читал Лаза Лазаревича¹²¹ «Все позолотит народ». Сегодня в Гргетеге венчание какого-то белградского большого чиновника, а ночевать молодые приедут в Ремету. Зарезали здесь ягненка; свадьба, так сказать, за монастырский счет... В загребской газете «Речь» напечатано, что Киев занят поляками и украинцами; хотя это и не нравится, но я рад за детей и семью, что они могут быть спокойнее и не так голодны. Боже, когда я их увижу: изболелось сердце, особенно нервно я был настроен вчера!

11 мая 1920 г. Начал читать книгу И. Скерлица¹²² «История новой сербской литературы». Интересно. Читал по-сербски «Воскресение» и переводил дальше «Историю» Станоевича. После обеда ходил с о. Грубером в Крушедол. Архиепископ Георгий и архимандрит Александр угостили меня ромом, молоком и яйцами. Вернулся один при сильном ветре. Прочитал в «Русском Голосе», что Врангель приказал расстрелять бывшего одесского градоначальника Шиллинга, известного жулика и взяточника. Крушедольские опять жаловались на Анатолия. Надумал ехать в Белград.

12 мая. В Карловцах видел Дюрича и генерала Хрущова. Последний настроен мрачно: войска Врангеля передались большевикам, поляки взяли Киев... Еду в Белград паромом, билет 2 кл. 12 дин. Был в Топчидере у Л.В. Могилевской. В Белград приехал А.А. Никольский, бывший цензор в Киеве.

13 мая. Был у Никольского, который сообщил, что Н.В. Стороженко живет на Принцевых островах и часто бывает в Константинополе по желанию англичан, осведомляя их в русских вопросах. При «размене» получил за 1000 рублей 400 дин. Видел М.Н. Ясинского, бывшего Екатеринославского губернатора Д.Г. Яновского¹²³, галичанина Антоневица и угро-русса И. Мондича, В.Н. Бутовича, который в пятницу уезжает в Киев, Л.В. Могилевскую, Ф.Н. Левитскую¹²⁴. Возвратился в Карловцы, ужинал при патриаршем дворе, где были – архиепископ Евлогий, епископ Георгий из Будапешта, архимандрит Гргетегский Данило, генерал Хрущов. Епископ Георгий после ужина, когда подали вино, курил.

14 мая. Прибыл пешком в Ремету, где уже был архимандрит Григорий. Он много знает о деникинской эпопее; говорит, что много принесла зла женитьба Деникина на молоденькой сестре милосердия. После женитьбы он всего стал бояться и многое оставлять без внимания. В его окружении был ряд мерзавцев; не было тайной для него, что войска занимались грабежами, особенно части Шкуро.

16 мая 1920 г. Ходил с архимандритом Григорием в Крушедол. Архиепископ Георгий угостил нас. Приехал архиепископ Евлогий с архимандритом Данилом Пантеличем. Георгий сообщил, что греческое правительство предало суду митрополита Платона за то, что он скрыл имеющиеся у него в чемодане миллионы русских рублей. Из Крушедола отправился в Гргетег. Оказалось, что сердце мое стало изнашиваться, ибо

со мной был сердечный припадок. Евлогий в Гргетеге всем понравился. Архимандрит Данило дал мне рубашку. После обеда, к вечеру, я пошел в Ремету, в сопровождении архиепископа Евлогия, Титова, Данилы Пантелича и его сестры. В Ремете мы застали гостей – архиепископа Минского Георгия, архимандрита Александра, Анатолия крушедольского. Всех угощали вином, без закуски... При отъезде гостей монах Мелетий бросился подавать мантию, шляпу, перчатки архимандриту Анатолию, а не архиепископу Георгию. После обеда 16 мая пошел в Карловцы, чтобы пробраться в Земун и просить Бутовича передать известие обо мне моей семье.

18 мая 1920 г. Вчера был у Бутовича и передал ему маленькое письмо для моей семьи. О, если бы оно дошло! Сегодня именинница Ирочка. Хотел помолиться за нее и всех деток, но церковь была заперта. Молился мысленно. Был у епископа Досифея. Он мне сказал, что живущий со мною в Ремете архимандрит Григорий проходимец, что он погубил протоиерея Восторгова, что он, будучи в Новороссийске и узнав о какой-то контрабанде, припугнул контрабандистов, но примирился с ними за 100 000 руб. Тогда сам контрабандист рассказал об этом властям, и архимандрита посадили в тюрьму за вымогательство. Сообщил далее, что в Чехословакии перешло в православие до 100 000 человек и что может перейти весь народ, и оттуда просят Досифея приехать, через русское посольство. Титов назначен профессором богословия в Белградский университет. Видел А.Д. Билимовича, Спекторского, В.В. Зеньковского, который собирается ехать в Киев, Ваню Могилевского и их француженку «Зикоку». Донской женский институт размещен в Белой Церкви, в Банате. В прочность польского наступления и успех украинцев никто здесь не верит, но Бутович собирается ехать в Киев 5 июня. На мой вопрос в посольстве, нельзя ли перевезти сюда семью, Клемм сказал, что пока об этом нельзя ничего сказать.

19 мая. Из Белграда проехал в Новый Сад, где был у директора женской гимназии и в комиссионном магазине жены бывшего харьковского губернатора О. Катеринич.

20 мая 1920 г. Титов очень ловкий человек: свою поездку на Афон он представил так, как будто он много заботился об интересах сербских монастырей на Афоне. В это поверил епископ Нишский Досифей и русское посольство, и вот стараниями их Титов получил орден Св. Саввы II степени. В посольстве передали мне этот орден для вручения Титову, который я и отнес сегодня ему в Гргетег, а также и письма от его жены. Она со старшим сыном и дочерью убежала в Крым из Киева и таким образом спаслась. Мне стало еще тяжелее: значит, я лишь лишен своей семьи, милой, родной. Страшная тоска и боль охватили мою душу, и как ни упрашивал меня архимандрит Данило остаться, я ушел в Ремету.

По словам архиепископа Евлогия, митрополит Петроградский Питирим¹²⁵, друг Распутина, скончался в страшной нужде в больнице Екатеринодара. В пиджачке, остриженный, он с трудом вырвался от большевиков, пред смертью он позвал сенатора Кауфмана-Туркестанского и сказал ему, что у него под подушкой были деньги, но что эти деньги пропали после одного посещения к нему бывшего товарища Обер-прокурора Св. Синода князя Жевахова. Перед смертью митрополит Питирим имел и высказал твердое подозрение, что князь Жевахов уворовал у него эти деньги... Страшно такое разложение нашего высшего общества. Видел архиепископа Евлогия, он сегодня рукополагал во священники бывшего своего ученика по Холмской семинарии серба Протича. Обед в монастыре был такой: суп из курицы, сарма¹²⁶ и колбаса, ола-

дья, курица под соусом, вино. А там что? Голод, конечно, и мысль об этом отравляет мне все, каждый кусок тяжело идет в горло.

22 мая. Праздник Николая Чудотворца – престольный день в Гргетеге. Я пришел к обеду. Из русских здесь: Евлогий, Титов, архимандрит Григорий и некий Чернышев, помощник управляющего имением в селе Баньковцах. Служил Евлогий, проповедь говорил крушедольский Анатолий; народа нет. На торжественном обеде был следующий интересный обычай сечения хлеба (колача): хлеб режется на 4 части старейшим духовным лицом, в данном случае архиепископом Анатолием, при пении церковных песен. Тосты за Королевский дом, Георгия Летича и архиепископа Евлогия произнес архимандрит Пантелич, ему симпатично ответил Евлогий, а затем выскочил архимандрит Григорий и притом крайне несимпатично, так что неприятно было слушать. Обедало около 40 человек. Архимандрит Данило, видя мою задумчивость, просил меня остаться ночевать у себя. Вечером архимандрит Данило прекрасно пел своим бархатным баритоном сербские народные песни, а один светский интеллигент пел церковные песни. Можно ли себе что-либо подобное было видеть в России на званных вечерах? Чернышев рассказывал мне, как наш архимандрит Григорий напился, все старался прикоснуться к одной сербке, навязался к ней в гости... Архиепископ Евлогий ведет себя прекрасно; архимандрит Данило подошел ко мне, обнял и поцеловал, причем сказал: «Я полюбил архиепископа Евлогия, он мне очень нравится». Крестьян в церкви не было, а в парке полно. Музыка, вино, танцы. Многие девицы носят на груди колье из золотых дукатов, одеты чисто, как горожанки. На другой день обед: суп из курицы, творог, колбаса с капустой, колачи, коливо, жареный ягненок, вино бермет¹²⁷ и белое. После третьего блюда архимандрит Данило надел епитрахиль, освятил, кадя, коливо, помянул умерших (я мысленно – своих умерших родственников и замученных в чрезвычайке), затем все должны были, и в том числе архиепископ Евлогий, взяться за руки, образовали круг вокруг стола и, поднимая и опуская руки, пели вечную память. Это день поминовения умерших, связанный с «крестной славой», обычаем, который сохранился только у сербов и состоит в праздновании патрона той или иной фамилии. После обеда я с Титовым ездили на монастырских лошадях в Крушедол проститься с архиепископом Георгием, отъезжающим в Минск, принадлежавший к Польше. Вернулись с архиепископом Евлогием в Гргетег, где, после ужина, монахи пригласили меня и Титова к себе, где они танцевали «коло». Титов настоял на том, чтобы Евлогий рассказал Пантеличу об архиепископе Григории, иначе хотел сделать скандал. Надо ехать в Новый Сад – купить брюки, ибо обносился.

26 мая. В Карловцы пришли с о. Грубором, откуда я пришел в Новый Сад, ночевал на улице Петефи № 26. Вечером был в кинематографе «Аполло», видел, как мальчик без присмотра чуть не погиб под поездом. Это потрясло мои нервы, и ночь провел кошмарно: видел свою квартиру. Ирочка свалила мою чернильницу, на полу валялись какие-то черные кнопки, Ирочка с плачем убежала на кухню, она какая-то маленькая, и лица ее я не видел, в другой комнате плакал как будто Толечка, в третьей точно с грудным ребенком плакала Шуруна, Маруси и мамы не было. Ни одного лица не помню. Проснулся со страшным биением сердца... Купил нанковые штаны. На пароходе вернулся Карловцы в 1 ч., и пешком пришел в Ремету в 3 ч., жара страшная.

27 мая. Все время сижу под большим ореховым деревом и занимаюсь сербским языком. А мысли летят все туда, в далекий, дорогой Киев. Вспоминаю, как я сердился на

Толечку, Марусечку и Шуруну, после того как в подвал упала Ирочка, и стыдно становится за себя. Ах, как хотелось бы, чтобы многого в жизни не было из того, что было! Как ни темна политическая обстановка, я все же верю в скорый просвет в России... Необычно развязно ведет себя архимандрит Григорий, и здешние монахи отвечают ему тем, что просто не отвечают на его слова. Он валяется голый в монастырском саду, принимая солнечные ванны, хотя сад находится при проездной дороге. Служитель Марко сказал мне, что если архимандрит и дальше будет валяться голым на виду у проезжающих крестьян, то они побьют его камнями...

30 мая. Сегодня праздник Св. Троицы. Теперь Шуруна с детьми пошла в церковь, а мама, вероятно, была у ранней обедни. Уже 6 с половиной месяцев не вижу их и ничего о них не слышу. Сколько теперь они переносят ужасов от войны и большевиков. Пришел в Гргетег. Какая тут красота! Приехал из Баньковцев Чернышев сказать архимандриту Григорию, что управляющий Соколович принять его сейчас не может. Оказывается, нахальный архимандрит просил лошадей, чтобы на Троицу поехать в Баньковцы...

31 мая. Архимандрит Данило положительно страдает, видя, как крестьяне злобятся на него и не кланяются. Литургию служил Титов. После обеда я и Титов ездили в Баньковцы к Соколовичу, который мило нас принял. Вернулись в 10 часов вечера. Сидели до 1 часа ночи. Рассказывал мне, что униатский митрополит Андрей Шептицкий¹²⁸ хорошо принимал митрополита Антония, архиепископа Евлогия и епископа Никодима во Львове, за что власти были недовольны им...

1 июня 1920 г. После обеда вернулся в Ремету и пошел на «Страшилово», возвышение на Фрушкой Горе, где стоит памятник Бранку Радичевичу, национальному сербскому поэту. В этот день сербы совершают паломничество к памятнику, поэтому народу была масса. Алексей, прозвавший себя Бранком, Радичевич родился в 1824 г., умер в Вене в 1853 г. Он первым начал писать, под влиянием Вука Стефановича Караджича, на народном говоре, а не старым славяно-русским языком. Памятник составлен из камней сербских гор: Фрушкой, Ловчена в Черногории, Динары (на границе Далмации и Боснии), Клека (Хорватия), Вршачской Кулы (Банат), Плешивицы (Хорватия), Велебита (Ховатия), Авала (под Белградом). На каменной доске вырезано:

Много хтео, много започео,
Час умрли њега је помео,

т. е. много он хотел, многое начал, но смертный час ему помешал. На обратном пути я, Мелетий и Дерде (служба) пошли лесом, заплутались и после нескольких часов блуждания выбрались, наконец, и усталые добрались до монастыря. Даже Мелетий струхнул.

На обратной стороне своей карточки, которая наклеена выше, митрополит написал: «Моему старинному другу Дмитрию Васильевичу Скрынченко на память об его юности. М. Антоний. 1926 г.» (я был учеником митрополита Антония).

Архимандрит Григорий стал притчей во языцех здесь; никто его не уважает и смеется над его нахальством. О. Грубор рассказывает мне много из жизни сербов, которые, как малороссы, большие юмористы. Например, к одному бедному парикмахеру пришел бриться цыган. Сколько стоит, спросил он. Столько-то, а можно и джабе (даром). — Тогда, брат, меня брей джабе. Парикмахер взял тупую заброшенную бритву и без мыла и воды стал брить, у цыгана от боли аж глаза закатились. Вдруг парикмахер

услышал крик своей собаки на дворе. Что это, отчего она завывала, спрашивает серб цыгана. А может быть, ее кто-либо стал брить джабе, отвечал цыган... Сiju под орехом с архимандритом и одним селяком¹²⁹. На вопрос, почему сербы не ходят в церковь, селяк сказал: попы отучили нас от церкви, они сами ничего православного не исполняют, и мы тоже. Наши монахи – большевики... Приезжал в Ремету для осмотра епископ Георгий Летич, был и в нашей скромной общей с архимандритом комнате.

4 июня 1920 г. Ходил в Крушедол на почту и получил «Хрватску читанку»¹³⁰ Шапича и «Граматику» Маретича. В газете «Речь» прочитал, что большевики взяли Минск и что в Варшаве паника. Не чувствуется, когда я увижу деток.

5 июня. После обеда ходил в Гргетег, полил меня дождичек. Видел архиепископа Евлогия, Титова и Пантелича. Титов так самолюбив, что начинает быть недовольным на то, что архимандрит много внимания уделяет и архиепископу Евлогию. Готов просить себе другой монастырь. Жадный до денег, Титов недоволен тем, что Евлогий стал давать на чай. Евлогий рассказал, что архимандрит Григорий, по словам многих и в том числе Н.И. Антонова¹³¹, виновник расстрела протоиерея Восторгова и что он за 100 000 руб. покрыл одного контрабандиста; Евлогий через меня передал ему письмо, которое сам мне прочитал, о том, чтобы архимандрит печатно оправдался или уехал из Сербии...

7 июня. Вернулся из Гргетега, сiju под орехом и занимаюсь сербским языком. В Гргетеге прочитал в «Русской Газете», что в Киеве нет воды и электрического освещения, что люди давно не ели горячей пищи, носят воду из Днепра, и потому свирепствует тиф среди населения. Боже, спаси моих дорогих!

8 июня. Вчера видел во сне Шуруну, лицо ее было ласковое и, как всегда, мягкое и доброе, и мне весь день было легко на душе. Разговаривал с одной жительницей Гргетега, и она сказала, что крестьяне терпеть не могут архимандрита Данила, как и всех монахов, даже детей своих ругают за то, что они ему кланяются: «Он хорош только для себя и своей сестры». Мне жаль симпатичного и просвещенного архимандрита.

9 июня. По словам «Заставы», в Венгрии всюду закрыты масонские ложи. Гадал на картах, сердятся ли на меня за мой отъезд жена и дети. Может быть, они перестали и вспоминать меня. Это было бы страшно. Нервы натянулись... С служителем Марком ходил к источнику Убав, дорогой Марко сказал, что в нашем монастыре всем командует кухарка Т., с которой живет А., а с В. живет подкухарка К. и что вообще монастырь – яма; это впрочем я и сам давно подметил. Кормят нас неважно: нас, русских, держат в черном теле, и вообще здесь много хамства по отношению к русским... Данило Пантелич – исключение. Для монахов в монастыре всего много: и пищи, и вина, и веселья с гостями, которые постоянно наезжают покутить, и... любви.

11 июня. Был в Гргетеге, в парке там гуляли – Пантелич, Титов, Евлогий и Нишицкий епископ из Черногории Кирилл¹³², хиротонисанный в Петрограде при участии Евлогия. Кирилл – старый, но хорошо сохранившийся человек; он радуется объединению сербов, доволен, что Николай Черногорский¹³³, убежав из Черногории, облегчил объединение сербов, что он, получая русские деньги и русский хлеб для населения, продавал его мужикам и теперь является богачом, что черногорцы – герои: есть места,

где никогда не платили дани туркам и налогов; никогда бы австрийцы не взяли Ловчень, если бы князь Николай не изменил народу.

12 июня. Наместник Кирилл распорядился, чтобы нам, русским, не оказывалось служками никаких услуг...

13 июня. Вчера с утра я и о. Грубор пошли по монастырям. В Гргетеге нас оставили на обед. Из Гргетега пошли через село в г. Ириг. Жара. Нас сопровождал монах Илларион (ныне живет в Раковце). В Ириге накануне произошло убийство акцизного чиновника. Постоянно пьяный, как и его жена, он ночью ссорился с нею. Проходила пьяная компания молодежи, слыша крики, постучали чиновнику. Дальше – ссора, и акцизник был зарезан ножом... Отдохнув, пошли в монастырь Хопово. Место живописное, всюду виноградники, к счастью – в нем лишь один монах, Георгий Николитч. Правда, к русским он враждебен и встретил нас холодно, не дал ночевать и закусить, и мы должны были идти далее в монастырь Раваницу. Но заведывающий детским приютом сербских сирот, оставшихся после погибших на войне отцов, г. Симонович пригласил нас к себе, угостил и дал лошадей, на которых мы и приехали в Раваницу около 10 часов вечера. Нас радушно принял игумен протосинкель¹³⁴ Макарий Гаврилов. Тут были архиепископ Минский Георгий и архимандрит Александр. Хорошо переночевали. Был в обедне, приложился к мощам знаменитого сербского царя Лазаря (убит в 1389 г. на Косовом поле). Мысли мои опять около детей.

16 июня. Вчера Минский Георгий много раз называл митрополита Платона авантюристом и проходимцем, а протоиерея Титова хитрецом, эгоистом и жадным. О митрополите Антонии сказал: «Вы выбрали в Киеве митрополитом Антония. Если бы не Вы лично, то выбран был бы другой. Он и не малоросс, а я малоросс, и к тому же не самостоятельный». В 10 без малого часов утра вышли в монастырь Язак. Солнца нет, тихо, иногда перепадают капли мелкого дождика, чудно идти, дивная природа. Пришли в 11 часов утра. Монастырь запущен и как-то заброшен, похож на нашу Великую Ремету.

17 июня. В Язаке вчера обедал, причем нам рассказали, как лет 15 назад в монастырь приходил один русский художник Сирко, который, осматривая библиотеки, выкрадывал листы и затем убежал... Нечего сказать – приятно слушать... После обеда пошли в монастырь Малую Ремету, похожую скорее на помещичий дом. Настоятель Корнелий Зубович встретил нас хорошо, дал поужинать. Читаю после ужина старому монаху поэму о царе Лазаре, где говорится, что царь Душан, по указанию нимфы, нашел в лесу младенца Лазаря, будущего царя сербов; монах меня спрашивает: правда ли это? Характерный вопрос...

18 июня 1920 г. Дивный день. Сажу под деревом в монастыре Малая Ремета и перевожу историю Станоевича, которую захватил с собой. Мысли постоянно уходят в Киев... Познакомился с двумя сектантами – назорейями, вроде евангельских христиан; звали в свою богомольню. В 10 с половиной часов утра вышли в монастырь Бешеново и пришли в 11 с половиной, радушно встретил игумен Нестор Оштрич¹³⁵ (ныне покойный). В монастыре порядок и культурность. После обеда началась сильная гроза и полил дождь.

19 июня. Около часа дня приехал сюда крупный политический деятель, лидер демократической (вроде нашей кадетской) партии Милан Прибичевич¹³⁶. Он сказал о

себе: я европеец по образованию, но все время провожу с народом. Наша сила в организации селян. Его идеалом является единая без автономий Югославия, монархия с самой либеральной конституцией. Он – республиканец, каковым, по его мнению, должен быть всякий образованный человек, но стоит за монархию исключительно ввиду того ореола, каким окружено в народе имя Карагеоргиевичей. В 1903 г. он бросил службу австрийского офицера, ушел в Сербию для пропаганды своих идей. Несмотря на свое звание полковника, сочувствует России, но против вмешательства в ее внутренние дела. Его брат – министр внутренних дел, а после – просвещения Светозар Прибичевич¹³⁷, другой брат, когда-то редактор крестьянского листка, живет где-то на Косове, а третий – архимандрит Валериан¹³⁸ в Язаке, кандидат Киевской духовной Академии, бывший депутат Скупщины. Его мать живет тоже в этом монастыре... В Бешенове живет один русский рабочий Шевченко. По-русски не говорит, а на смешанном малорусско-сербском. По-русски он почти не знал.

20 июня. Опять тоска, страшная тоска по дому охватывает меня. Я начинаю думать: а вдруг несколько лет я не увижу детей и их рост, воспитание пройдет без меня? Это просто ужасно. Марусе теперь 13 с половиной лет, и через 3–4 года она будет уже взрослой. Боже мой! Толечке уже 11 лет, Ирочке 8 с половиной и Нинусе около 6 с половиной лет. *Мои дорогие детки, если бы вы могли видеть больное, вспыльчивое сердце бесконечно вас любящего отца, вы простили бы ему вспышки*, когда он готовил вас к гимназии. Не могу себе простить, что маленького Толю ставил с сердцем в угол, а Марусечку в пошлом году резко упрекал, что недосмотрела падение Ирочки в подвал дома... *Боже мой, люблю вас и бесконечно страдаю...*

21 июня. Опять тоска.

22 июня. Сегодня в 7 часов утра на монастырских лошадях уехал в Гретег. Титов бранит Евлогия, называя его негодяем... В Ремете архимандрит Григорий жалуется на нестерпимое обращение с ним в монастыре: не убирают его комнаты, не дают воды и т. п. Хотел ехать с монахом Митрофаном в Карловцы, тот обещал взять, а уехал тайком один. В ответ на сетования Мелетий сказал: «И сказал, сказал, мало ли что он сказал»... Кирилл сказал мне, что не имею права жить больше двух месяцев и что они добьются моего выселения из монастыря. Сколько злобы живет в этих мнимо монашеских душах. Я сказал Григорию, что он не умел себя поставить, и вот общие результаты.

24 июня. После вчерашнего расстройства у меня болит голова. Видел во сне Шуруну и маму, а Ирочка плакала от Нины; Шуруна хотела ее наказать, а Ниночка закричала: «Мамочка, не буду»... Тяжело. Захворал архимандрит Григорий. Наместник запретил слуге навещать его, а между тем ему нужна горячая вода и т. п. Больной чуть не плачет.

25 июня. Прибыл в Новый Сад, остановился на частной квартире. Тоска. Зачем я не настоял, чтобы и семья со мной уехала?

26 июня. Вернулся в Ремету, конечно пешком. Зубной врач Каленич сказал мне, что сербское население ненавидит монахов за их пьянство, кутежи и женщин и, особенно, за подыгрывание под австрофильство. Сегодня, за неимением просфор, литургию совершали на простом хлебе, для таинства причащения постоянно употребляют белое вино, ибо красное, как более редкое, монахи берегут для себя и гостей...

28 июня. Сегодня «слава» в монастыре Раванице. О. Грубор уехал из нашего монастыря.

29 июня. Сегодня закончил перевод «Истории» Станоевича, переводил 4 месяца, с 28 февраля. После обеда пришел в Гргетег. Ночевал. Архиепископ Евлогий отправился к графу В.А. Бобринскому, управляющему имением «Бэлье», принадлежавшим Габсбургам. С Евлогием я доехал до Крушедола. Здесь взял у сельского писаря свидетельство о семейном положении. Был в церкви «майки» Ангелины. На стене нарисованы лики святых; глаза у них выколоты. Это сделали турки, разбитые в 1716 г. и бежавшие отсюда. Был на экзамене в сельской школе. Дети хорошо и бойко отвечали.

1 июля. Еще 7 часов утра, а монах Кирилл уже пьян. Мелетий повез подарки в патриарший двор. Последний, Крушедол, Гргетег, где живут влиятельные лица, получают подарки от Мелетия, и все для него сходит благополучно.

2 июля. С Титовым нельзя не разойтись: он, благодаря Штрандтману и епископу Досифею, получает усиленный размен денег, а делает вид, что ничего не получает, бранит русский епископат, выдвигает все украинское. Лукавец, себялюбец.

3 июля. Прочитал в русской газете:

С Россией кончено... На последях
Ее мы прогнали, проболтали,
Пролузали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях¹³⁹.

Разве неправильно написал это М. Волошин?

4 июля. Кошмары не оставляют меня. Страдаю очень, подчас невыносимо, по семье. Живы ли дети, как они растут без меня, кто их готовит? Был в доме одного сремского крестьянина: это настоящий буржуй. Русские крестьяне и понятия не имеют о таком довольстве. Интересно: в главной комнате у него висят 4 вида портретов семьи Франца Иосифа; «при нем нам хорошо жилось, – сказал он, – а теперь все плохо, не знаем, что еще дальше будет».

7 июля 1920 г. Вчера был в Гргетеге, получил письмо от профессора Ясинского, где он пишет, что получил разрешение прожить полтора месяца в каком-либо фрушкогорском монастыре. Вчера в нашем монастыре началась «слава» (престольный праздник), приехали монахи из монастырей: Беочинского – Милутин и Никодим, Крушедолского – Пантелеймон, Раваничского – Емельян и Гордей. Они избрали из себя «славского игумена», торжественно ввели его в церковь и поминали за богослужением. После богослужения он сказал речь управителю Мелетию, а последний – ему. После хорошего ужина монахи до 2 часов ночи пили и пели в канцелярии.

Ночью видел сон: будто я вернулся в Киев, угрожала опасность ареста, но Шуруна меня успокаивала; лица всех как-то неясны. Сажу в саду, подошла старая девушка и говорит, что у нее брат в России, что надо молиться и верить в милость Божию. У меня навернулись слезы...

9 июля. Вчера на «славу» прибыли – Титов с сестрой Пантелича, крушедолский священник Драга Драгоевич, нерадинский Отлакакн и др. За обедом славский игумен

Милутин обратился с речью и ко мне. Я отвечал, но при упоминании о детях спазмы не дали мне продолжать... И на второй день, после литургии и панихиды по умершим в монастыре монахам, был прекрасный обед с бесконечным вином, подававшимся до поздней ночи. После обеда прибыла сестра епископа Георгия Летича, его племянница, дочь Хрущева Надя, консисторский бележник¹⁴⁰ Максимилиан Хайдын.

11 июля. Опять видел сон, почти одинаковый с прошлым. Иеромонах Митрофан говорил мне, что монастыри здесь умерли и потеряли вообще всякое значение и что мои опасения на этот счет вполне основательны. Ответы монахов и светских о том, что хотя сербы и не ходят в церковь, но любят ее и погибнут за нее, неискренни и неверны, что причины охлаждения народа к церкви – политиканствующее и часто само неверующее монашество. Католическое духовенство, как показала война, стоит много выше православного.

12 июня 1920 г. Опять видел какой-то кошмарный сон в связи со своими в Киеве. По поводу тоста Титова на «славе» о необыкновенной моральности сербского епископата иеромонах Митрофан сказал, что слова эти не отвечают действительности.

13 июля. Был в Новом Саду, пешком прибыл, устал.

14 июля. Видел во сне Шуруну в обеденной синей кофточке и Ниночку.

15 июля. Опять видел во сне Шуруну, веселую и странную: она спокойно, как о вполне нормальной вещи, сказала, что [...] Вернувшийся из Белграда архимандрит Григорий сказал, что по тамошним настроениям нам долго не видать России, может быть, лет 5. Это ужасно; а я живу верой, что еще в этом году увижу моих родных...

16 июля. Сегодня исполнилось 15 лет моего брака с Шуруной. Сейчас архимандрит Григорий отслужил молебен по этому случаю.

17 июля. Прихожу в трапезную; «сахару нет», говорят мне, но подали молоко; приходят монахи Мелетий, Кирилл. Им подается белый хлеб, сахар, ветчина... Надо терпеть. Впрочем, все это пустяки. Пишу лишь для характеристики.

18 июля. Видел во сне маму, хорошо одетую, Марусечку и Толечку, последнего неясно. Боже, какая тоска. Плакал опять. *Жить без семьи, без детей, не видеть их роста, воспитания – какая это страшная казнь!* Царица Небесная, помоги мне, поддержи меня. Тоска измучила мою душу.

19 июля. Приехал в Карловцы, а отсюда пешком в Новый Сад пришел. Получил размен за 1000 р. 400 дин.

20 июля. Был в Гргетеге и видел архиепископа Евлогия. Он говорит, что митрополит Антоний, как администратор, никуда не годится и что он – большой сквернослов. Евлогий возвратился от графа В.А. Бобринского, состоящего сербским комиссаром в имении Габсбургов в Баранье-Форцерглаке. Культура здесь поразительная. Бобринский живет здесь со своей большой семьей. Сам английского воспитания, он женат на крестьянке.

23 июля. Вчера был голоден. Сажу под орехом и занимаюсь «Историей сербов», чеха

Иричека¹⁴¹. Замечательная книга. В поле – картина: чабан сидит на ослике и гонит его в гору к овцам. Ослик упирается, а чабан немилосердно бьет его огромной дубиной, причем ругается страшными словами, особенно ругает Бога...

25 июля. Неожиданно, с оказией, приехал в монастырь Беочин. Церковь сухая, хорошая. После обедни познакомился с двумя живущими здесь сербскими архиереями – Гавриилом Змияновичем¹⁴² из Вршица и Дмитрием из Задара. Последний учился в Афинском университете, настоятель архимандрит Иоаким Чупич¹⁴³ учился в Черновицком университете¹⁴⁴. Гавриил резок, несдержан. Обед в Беочине: суп, жареная курица, голубцы (сарма) и вареная кукуруза, прекрасное вино. Ужин: сарма, жареная баранина с сладкими печеными яблоками. В этом монастыре видно что-то барское. После ужина меня пригласили в соседнюю комнату, где пьется кофе, где за вином разговаривали – Гавриил Змиянович, епископ Димитрий Бранкович¹⁴⁵, архимандрит Чупич и сербский протоиерей из Вены Н.А. Мишич (ныне покойный). Гавриилу около 76 лет, и, тем не менее, держится он бодро, ровно и выглядит как орел. Димитрий – болезненный человек, бежавший из Задара от итальянцев. Гавриил нападал на ненациональную русскую интеллигенцию, создавшую революцию во время войны. Он допускает вспышку большевизма и в Сербии. На мой вопрос, почему сербский народ не ходит в церковь, он сказал: народ считал нас, епископов, «мадьяронами». Димитрий добавил: это началось с 1868 г., когда нашей церкви дали автономию. Народ понял это так, что теперь он равен епископату и все может делать вместо него в церковно-административных делах. Получилась борьба, вдобавок – дипломатия многих епископов, и в результате – вражда в церкви или охлаждение. Мы засиделись до поздней ночи. Гавриил хвалил архиепископа Евлогия, понравившегося всем здесь.

26 июля. На монастырских лошадях прибыл в монастырь Раковац, где игуменом родственник епископа Георгия Летича, Досифей Попович¹⁴⁶. Здесь скромно пообедали. Церковь светлая, сухая, иконостас, как и в Беочине, в 4 яруса; церковные книги из России, минея времени царей Иоанна и Петра Алексеевичей. Страшная жара, а вечером тишина, душно. На сердце опять тоска. Хочу себе представить, как выглядят теперь мои дети: особенно подросла, вероятно, Ниночка, и от недоедания у нее спал с лица постоянный румянец. Толечка подтянулся, подрос, худ, бледен, Ирочка бледна, щурится от близорукости, Маруся становится барышней, а мать их и мама – сама худоба. Мне кажется, обо мне они так не страдают, как я о них. Вынуть бы сердце и поглядеть, что с ним...

28 июля. Вчера по железной дороге выехал из Раковца. В Новом Саду прочитал, что поляки разбиты большевиками. Хотя и тяжело, что это устраняет мне возможность видеть семью, но я рад, что зазнавшаяся шляхетская Польша разбита. Пишу в приемной зубного врача Каленича, прекрасного серба-патриота. Прибыл в Белград, видел Терebinских, фон-Раабен, Л. Могилевскую, княгиню М.А. Святополк-Мирскую,¹⁴⁷ епископа Досифея. Последний сказал, что скоро будут выборы патриарха сербского. Раабен сказала, что В. Шульгин отпущен в Крым. Мирская сказала: митрополита Антония зовут в Крым, епископ Таврический Вениамин¹⁴⁸ с крестом в руках шел против красноармейцев, епископ Никодим в Крыму, митрополит Платон – большой жулик, положение Врангеля тяжело, в Киеве ужасное положение вследствие голода, безводия и т. п. Бедная моя семья... Чувствую себя точно преступником, уйдя без нее, хотя

Святополк-Мирская говорит, что меня все равно убили бы, и семье моей не легче было бы. О профессоре Зеньковском профессор Вербицкий¹⁴⁹ сказал: этот человек всюду приспособится.

31 июля. Вернулся в Карловцы, а отсюда пешком – в Ремету, по грязи. Тут гости: жена венского протоиерея Мишича и градоначальник Ирига. Ему поставили отдельно красное вино, а на прощание загрузили повозку «дарами».

1 августа 1920 г. Сквернословие среди сербов настолько укоренилось, что даже малые дети ругаются самыми страшными ругательствами. Сегодня сын кухарки, имеющий около трех лет, так ругался, что страшно слушать. Конечно, он не понимает смысла своих слов.

2 августа. К нам пришли гости: архиепископ Евлогий, архиепископ Пантелич и Титов. Я давно не был в Гргетеге, и Пантелич сказал: ако брег не иде к Магомету, она Магомет иде к брегу (горе). Он, как и Евлогий, мил, Титов демонски мрачен и безмерно самолюбив. Сегодня за ужином я спросил, откуда у сербов имена – Рада, Зорка и т. п., когда в христианском календаре этого нет. Это рассердило сербов, а монах Митрофан сказал: мы, сербы, либералы, а вы, русские, ретрограды. Вы всегда любили и создавали Великую Болгарию и никогда не думали о Сербии. Даже теперь, в эту Великую войну, спросил я? Даже теперь, отвечали мне: вы сражались за Константинополь и не хотели допустить немцев в Багдад, а не ради Сербии.

3 августа. Сiju в парке Гргетега, получил письмо от сумского епископа Митрофана, который приложил и письмо к нему митрополита Антония, живущего сейчас на Афоне. Митрополита зовут в Крым. Для памяти о монастырях Раковце и Беочине: Раковцу принадлежит 1100 ютаров леса и около 120 ютаров пахотной земли, а Беочину – 1800 ютаров леса и 127 пахотной земли. В Раковце похоронен епископ Тимишварский Пантелеймон Живкович и в капелле карловацко-белградский митрополит известный Викентий Йованович¹⁵⁰. Среди ценностей находится митра его и митра карловацкого митрополита Павла Ненадовича¹⁵¹, деревянный потир 1890 г., окованный серебром, пояс воеводы, усыпанный бирюзой и жемчугом, и буздован¹⁵², серебряный дискос из Москвы, пожертвованный «боярыней Анной Михайловной» в 1702 г.

4 августа. Вчера перед ужином в гостиной Пантелича последний стал говорить, что фрушкогорские монастыри живут не по-монастырски. На это Титов сказал: наоборот, ваши монахи трудолюбивы, живут в атмосфере труда и порядка, а вот русские монастыри страшно распущены, погрязли в безделии, лени, разврате, например, киевский Михайловский монастырь. Меня поражает и оскорбляет эта титовская клевета. Перед кем он унижает русские монастыри, давшие великих подвижников и святых? Перед, например, Реметой, где всем управляет кухарка Тета...

5 августа. После ужина глядел на Большую Медведицу; было 9 часов. В это время она обычно была в Киеве против балкона нашего дома, и я с Толечкой и Марусей ее наблюдали. Быть может, они и сейчас смотрят на это звездное собрание... Сегодня за обедом в Гргетеге Титов опять порицал все русское, особенно офицерство и генералитет, а также русскую иерархию, причем сказал, что не хотел бы возвращаться в Россию...

6 августа. В 6 часов утра вышел в Ириг, пришел в 7 часов утра, зашел к учителю Крушевичу¹⁵³, выпил кофе и в 8 часов утра вышел в монастырь Раваницу, куда пришел в 9 с половиной часов утра. Пантелич рассказывал, как монахи встречают непрошенных гостей: эй, Йоцо, отпряги лошадей и дай им овса, причем показывает ему шиш... Минский Георгий, живущий в Раванице, рассказывал про епископа сумского Митрофана следующее: когда началась революция, он начал служить не по-епископски, а по-иерейски; когда, по желанию народа, ему подкладывали под ноги орлецы, он их отталкивал. Народ был оскорблен и жаловался патриарху. По мнению Георгия, или весь мир станет большевистским, или в Польше скоро решится судьба большевиков. Если же нет, то нескоро мы увидим Россию. Георгий считает епископа Вениамина авантюристом.

7 августа. Пешком вернулся в Ремету.

8 августа. Венский протоиерей Мишич сказал мне, что Вршачский епископ Гавриил Змиянович был избран карловацким патриархом, но австрийские власти его не утвердили, а это был австрофил. Раз как-то во время Великой войны в одной чешской семье он стал говорить – наш великий царь Франц Иосиф. Тогда в знак протеста Мишич и чешка удалились. Епископ имеет жену и детей, в молодости был «комитом», т. е. вождем чет¹⁵⁴ против турок в 1876 г.

9 августа. Ночью снилось, что я в руках большевиков... Такими кошмарами живет теперь вся интеллигентная Россия.

10 августа. Видел во сне Шуруну, хорошо одетую, сказала, что служит в цветочном магазине, о детях не говорила.

11 августа. Опять странный сон: видел Шуруну, к ней ходит некто Белозерский и водит ее в театр. Я просил ее не ходить и вернуться к прежней жизни, но ничто не помогло. Проснулся в тяжелом состоянии.

13 августа. Монах Митрофан, бывший военный австрийский священник, сказал мне, что русские пленники тысячами мерли здесь от голода. Он видел жуткие картины: пленники становились в очередь, чтобы лизнуть кастрюлю или вообще кухонную посуду... Сегодня у меня чисто в комнате: вымыл сам себе пол. Архимандрит Григорий говорил мне о Восторгове и редакторе «Московских ведомостей» Назаревском; когда последний был арестован и расстрелян, жена его стала укорять дочь Григория за то, что почему не арестован архимандрит Григорий.

15 августа. Крушедольский монах Арсений в присутствии многих гостей по поводу основания русскими монахинями в Кувеждине женского монастыря сказал: чего ради они хотят нас просвещать? И без них мы достаточно просвещены! Пусть идут просвещать свою Россию... Монастыри здесь летом служат местом для налета гостей.

16 августа. Видел во сне Толечку и Ирочку или Ниночку; я куда-то уходил, а они остались что-то охранять...

17 августа. Был в Новом Саду, получил жалованья за 5 месяцев – 1961 дин.

19 августа. Праздник Преображения Господня. Обедню служил архимандрит Григорий, присутствуют три женщины. Мысли мои в Киеве: представляю себе, как в прошлом году я с детками был в Трехсвятительской церкви, и спазм схватил мое горло... Сiju затем в комнате, раскладываю пасьянс и все загадываю о детях.

21 августа. Видел во сне Шуруну, и особенно ясно – Ирочку. Шуруна сказала: посмотри, у всех детей наших голубые глазки, а у Ирочки карие. Я взял Ирочку на руки, стал носить по комнате и целовать, личико ее было полненькое и спокойное, платице светло-желтое с пятнышками. А Ниночка в красном платице, несколько меньше ростом и как-то иная, все пугала Ирочку. И у меня сегодня приятно на душе, точно праздник.

22 августа. Ирочке пора поступать в гимназию. Могла ли Шуруна ее подготовить? Был в Банковцах, здесь служит русский пленный Василий Тюменцев из Томска, 5 лет не видел своей семьи...

23 августа. Епископ Сумской Митрофан мне пишет, что орлецы за богослужением он не стал употреблять потому, что раз поскользнулся на них, что сестра его вышла замуж не за еврея, а за католика и православию не изменяла, что сказали мне минский Георгий и архиепископ Евлогий.

24 августа. Видел во сне Толечку с Ирочкой или Ниночкой, а потом Марусечку.

26 августа. Завтра выезжаю на службу в Новый Сад. О, как много выстрадано и выплакано в Великой Ремете! Помогите, Господи, на новом месте и поскорее верните к деткам и семье.

27 августа 1920 г. С сегодняшнего дня живу в Новом Саду на Араньевой ул. № 3. Бродил в парке, тоска; в квартире ночует еще какой-то господин, мне неудобно, надо подыскивать другую комнату.

15 августа – 28 по н. с. Праздник Успения. Мысли мои в Киеве, около моих дорогих, сердце все выболело... В Новом Саду много русских. Сегодня видел в Соборной церкви генерала Воронцова¹⁵⁵, с которым во время украинской Директории сидел в Лукьяновской тюрьме. Он мне показал на бывшего градоначальника при гетмане Скоропадском генерала Ханукова¹⁵⁶.

30 августа. Сiju в городском парке. Ничто меня здесь не интересует: тоска, тоска... Вчера видел униатского священника Угро-России Мондыча, который мне жаловался на политиканство сербов, не желающих поддерживать православное движение в Угро-России, дабы «не оскорблять своих католиков». Мондыч был у новосадского архимандрита Димитрия, который назвал русское православие и русский народ «идиотским». Русских епископов, виденных им, например Евлогия, он называл идиотами...

31 августа. Переселился в новую квартиру – 6 шагов длины, 4 ширины, но это ничего, нет даже стола, но зато никто мне не мешает. Дай мне Боже поскорей услышать радостную весть о спасении России. Адрес мой: Кисачка ул. 21, кв. Дундерова, дом Саввы Стойковича. Познакомился с женой члена Государственной думы В.В. Антоновой.

3 сентября. Решил ехать в монастырь Раковац к профессору М.Н. Ясинскому, выехал поездом в 9 часов вечера, вследствие его опоздания, прибыл в 10, в темноте шли с одним селяком до 11 часов вечера. Монастырь заперт, пришлось ночевать у этого селяка; я шел, шагая по грязи, и думал: а там под другим небом живут они, мои родные, а я вынужден дышать чужим воздухом и слушать чуждую мне речь. Селяк состоит старостой; в доме две комнаты, мне отвели лучшую, пол глиняный, окна никогда не открываются, поэтому здесь сырой, спертый воздух, и наутро у меня болела голова. В комнате две кровати с пуховыми перинами, одеяла с пододеяльниками. Вообще как в городе, так и в селе тип кроватей и убранства их одинаковый. В кухне посуда вся эмалевая и в большом количестве, у крестьянина много колотых дров, есть виноградник. Куда нашим крестьянам до этих сремских мужиков: тут и довольство и сравнительная культурность. Утром пришел в монастырь, познакомился с игуменом Досифеем Поповичем. С профессором Михаилом Никитичем все время говорили о Киеве, говорил ему о своих муках и раскаянии, что покинул свою семью. М.Н. сказал, что и он бросил беспомощную старуху-мать, и что ни я, ни он своим пребыванием в Киеве не спасли бы семей, а сами могли бы погибнуть и, значит, даже для будущего семьи наше пребывание в Киеве было бы вредно. М.Н. сообщил мне: комиссар Киевского университета Мицкун был агентом Чрезвычайки. Когда скрывавшийся ректор университета Н.М. Цытович пришел в университет за своими вещами, Мицкун по телефону дал знать в Чрезвычайку, и Цытович был арестован. Что готовится арест профессора Ясинского, последнему сообщил внешне благообразный студент Прохорович, который, как оказалось, служил в Чрезвычайке... М.Н. был вечером до 10 часов утра у профессора Н.Я. Армашевского¹⁵⁷, который играл в карты дома, а в 12 часов ночи Армашевский был арестован. Жена Армашевского просила Ясинского уговорить Армашевского уехать из Киева, но Армашевский не хотел, не веря в возможность своего ареста, и был расстрелян...

Ясинский избран профессором Люблянского университета, но хотел бы поступить в Загребский.

4 сентября. С Досифеем Поповичем вернулся на монастырских лошадях в Новый Сад. Сегодня был у члена Государственной Думы Н.И. Антонова. Он собирается на днях ехать в Крым по вызову правительства Врангеля. У Антонова живет некий Н.А. Павловский¹⁵⁸, служивший начальником отделения в Канцелярии Государственной Думы. По его словам, А.И. Гучков поехал к царю за отречением из личной мести: царь Николай II не любил Гучкова и не хотел его принимать. В.В. Шульгин был лакеем у кадетской партии, и появление его у царя за отречением просто позор. Вовсе не хотел смягчить и облегчить тяжелые переживания царя, как я полагал. Шульгин в первые дни революции ездил в Петропавловскую крепость уговаривать гарнизон пристать к революции... Савенко, по словам Павловского, мелкая душонка из репортеров. С этим можно согласиться. Газета «Единство» напечатала, что войска Врангеля совершенно разбиты.

6 сентября. Вчера ездил в Карловцы, а оттуда в Ремету. В Карловцах видел Георгия Летича, Мирона Лакрачского, Георгия Будимского, Ириня Д-ра Чирича. С последним вернулся из Швейцарии архиепископ Евлогий с религиозного конгресса. Евлогий говорил, что католическая церковь не участвовала на конгрессе, ибо папа заявил, что истина – в католической церкви, пути к ней известны. Было 137 представителей разных христианских исповеданий. Греческие епископы явились в пид-

жаках; Евлогий в своей потрепанной рясе, и русская колония в Вевэ сшила ему рясу. Положение русских там бедственное. Великая княгиня Татьяна Константиновна, дочь поэта К. Р.¹⁵⁹, вдова князя Багратион-Мухранского, бедствует со своими двумя детьми. Большое участие в съезде принимал протоиерей Орлов, много помогающий эмиграции. Прекрасный русский храм в Женеве стал центральным местом работы конгресса. Евлогий служил тут три раза, служил и сербский епископ Ириней Чирич. Председатель съезда на праздник Преображения сказал в присутствии всего конгресса, что русская церковь сохранила всю прелесть мистицизма, что народам Запада надо искать Бога в русской церкви. Евлогий 3 раза говорил на конгрессе. Один раз призывал конгресс выступить с оружием в руках против большевиков, но всякая мысль о такой пропаганде среди держав была признана неприемлемой, как введение политики в церковь. Оказывается, русский язык введен в нашу гимназию факультативно, т. е. для желающих. Ничего из этого не получится, и надо думать о более надежном заработке, если с весны нельзя будет вернуться в Россию. Нельзя! Ужели? Страшно подумать!

8 сентября. Приезжал из Раковца ко мне профессор Ясинский. Газета «Балкан» в № 106 от 9 сентября пишет: «Серб не сгибается около церковных порогов, не бьет в грудь в религиозном безумии или фарисействе перед „чудотворными“ иконами. Серб не лижет образов святых, но серб любит свою народную церковь, чтит своих национальных священников и готов во всякое время, теперь даже, пролить кровь, если бы чужестранец или иноверец напал на его честь, на их достоинство...» О епископате: сербский епископат «за малыми исключениями в последние тридцать лет, особенно в годы войны, не стоял на высоте достоинства, на вершине национальной чести. Он был чем-то чужим, чем-то отвратительным для сербского народа, особенно в пределах бывшей монархии. Вследствие такого недостойного поведения его под чужой властью сербский народ в указанных пределах сделался равнодушным и к самой церкви. Сербские владыки так низко пали, что обратились в простых рабов и слуг Пешта и Вены. В продолжение войны против сербского народа ни один из них не проявил примера самопожертвования, примера мученичества. Им всем было хорошо, когда Сербия была распята, когда сербов вешали тысячами. Сербский народ стыдится их, презирает их теперь, требует их ухода; разве те, которые так унижительно совершали общественные молебствия о победе австрийского оружия, могут участвовать теперь в торжестве (восстановление Печской патриархии 12 сентября 1920 г.), которого меньше всего заслужили...» А наш профессор Титов, ползая перед сербскими епископами, говорил об их какой-то особой «моральности». В «Белградском дневнике» известный публицист Крста Цыцварич 7 сентября пишет о школе: «Наша общественная работа должна быть сконцентрирована, в первую очередь и главным образом, на том, чтобы национализироваться возможно больше, чтобы возможно больше мы сделали единой нацией, единой и неделимой. А чтобы сделаться единой нацией, полной осмысленности, мы должны прежде всего иметь единую школу, в которой бы преподавалось единым языком, через который прививали бы единый политический дух, в которой училась бы одна политическая вера. Мы не можем рассчитывать на церковь, так как у нас несколько церквей, которые не могут помириться между собой».

9 сентября. Сегодня заседание Педагогического совета гимназии под председательством Милана Йовановича¹⁶⁰. Мне дали 3 урока истории и 7 уроков русского языка. Выехал в Белград.

11 сентября. Был в Земуне у Курской иконы Божьей Матери, находящейся на квартире епископа Феофана¹⁶¹. Икону вызывают в Крым, и через неделю Феофан поедет туда, хотя и побаивается. В Белграде видел профессора Терebinского, профессора Спекторского, профессора Рейна, приват-доцента А. Соловьева¹⁶², Шапшалья¹⁶³, профессора Зеньковского, Л. Могилевскую, Раабен, А.А. Никольского, Ф.Н. Левицкую, княгиню Святополк-Мирскую. Всюду заметно разочарование в сербах. Терebinский уезжает в Крым, сын Могилевской Ф.А. арестован одесской чрезвычайкой и наверно расстрелян, В.Г. Йозефи, один из издателей «Киевлянина», умер в Чрезвычайке от сыпного тифа. В Киеве расстреляны: купец Пашковский, Идзиковский, В.Г. Тальберг... Сегодня с Л.В. Могилевской и Ф.Н. Левицкой обедали у Терebinских. Видел о. Мондыча. Он сообщил, что епископ Досифей вернулся из Чехословакии, где видел большое движение к православию, но президент Масарик отказал ему: в Чехию отнюдь нельзя пускать русских епископов. По словам Досифея, чехи боятся русской культуры и помогают разным государственным образованиям в России, т. е. они хорошо от австрийцев усвоили римский принцип: дивиде эт импера¹⁶⁴.

12 сентября. Вернулся через Карловцы. Из окна вагона слышал, как кто-то запел русский гимн «Б.Ц.Х.»...¹⁶⁵

13 сентября. На состоявшемся собрании русской колонии выяснилось, что русских в Новом Саду всего 350 человек, в том числе 83 детей. Занятия в гимназии отложены до 18 сентября.

18 сентября. Вчера был молебен, а сегодня дал первый урок по истории. Настроение тяжелое: за что я вынужден на старости лет ломать свой язык? Вспоминаю деток, как я был требователен к ним, уча их. *Мы, родители, смотрим на детей как на собственность.* Мы не заглядываем вперед, не предчувствуя, какие могут быть с нами катастрофы... Перед мной букварь, где миленькое стихотворение: «птичка летает, птичка играет, птичка поет»; вспомнил, как я учил Марусечку и Толечку, читая именно это стихотворение, и мне стало невыносимо...

19 сентября. Один русский офицер, бывший в плену у немцев с 1914 г., говорит, что немцы [...] не говоря уже о солдатах. Месяц тому назад Крста Цыцварич в статье «Долазе, долазе»¹⁶⁶ с восторгом ждал прихода сюда большевиков, предлагая без сопротивления подчиниться им. Теперь он пишет другое: «Турки и русские с евреями во главе движутся против Европы. Разве это не поход варваров против цивилизации?» «Ленин и Энвер лишь наследники Николая II и Абдул Гаида» (Беогр. Дневник, 1920 г. 18 сентября. № 159).

20 сентября. Урок русского языка провел хорошо. Ночевал у меня профессор Ясинский.

22 сентября. Сегодня с профессором Ясинским поехали в Белград, ночевали у Терebinских.

24 сентября. Вернулся из Белграда. Л.В. Могилевская говорит, что в случае поддержки Антанты Врангель победит. На него было несколько покушений, одно монархическое, с целью провозгласить регентом великого князя Николая Николаевича. Врангель мятеж ликвидировал...

Сегодня на уроке истории был у меня новый директор Милованов¹⁶⁷, нашел, что я тяжело говорю по-сербски, но утешал, что через несколько месяцев я вполне овладею им.

27 сентября 1920 г. Сегодня Воздвижение Креста Господня. *Дни теплые, прелестные, а как там?* Вчера утром выехал в Карловцы, а оттуда пешком в Ремету и Гретег. Видел всех монахов и архимандрита русского Григория Васильева. Евлогий уехал к графу В.А. Бобринскому. Титов невероятно растолстел. Пантелич повел нас на виноградник и угостил роскошным виноградом. *А там что?* Монах Митрофан в разговоре с нами резко клеймил сербское монашество: архимандрит Анатолий имеет несколько сожительниц, в том числе кухарку, которую затем монахи выгнали из монастыря. Архимандрит Беочинского монастыря Иоаким Чупич живет в Карловцах с женой одного «добровольца». Реметский Мелетий, будучи наместником в Беочине, посылал этой «жене» архимандрита сыр, мясо и т. д., чем и заслужил себе красный пояс и должность управителя Реметского монастыря. 70-летний монах в Ремете, по словам Митрофана, опять «женился», т. е. завел себе новую сожительницу...

28 сентября. Состоялось второе заседание Педагогического совета гимназии. История у меня взята ввиду моего слабого владения сербским языком. Получил 10 уроков географии и 6 уроков чистописания. Мне неприятно, что у меня взяли историю.

30 сентября. Был у профессора д-ра Милана Петровича, но не застал его дома. Когда его жена отворила дверь, то вздрогнула, испугавшись меня; очевидно, со своей бородой, необычной для сербов, и поношенной шляпой я кажусь каким-то пугалом: надо привести себя в порядок.

1–6 октября. Настроение тяжелое (сокращаю строки дневника: сплошь нытье и слезы).

9 октября. У меня началась дизентерия. Этого еще не хватало. Газеты говорят о заключении перемирия между большевиками и поляками. Теперь участь генерала Врангеля решена. Читаю «Дневник» Герцена; на с. 35 т. 1, изд. 1875 г., Женева, он пишет: «Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования? А между тем наши страдания – почка, из которой разовьется их счастье»¹⁶⁸. А за чье счастье страдаю я и мне подобные? Под все-то наша интеллигенция подкапывалась и подкопалась, и вот сидим теперь на реках балканских, сербских, египетских, французских и горько плачем, а евреи и их II-й Интернационал сидят на русских реках и убивают Россию и русских.

11 октября. Я совсем ослабел от дизентерии, не знаю, что и делать... В письме своем мне архиепископ Минский Георгий пишет: «С каким бы удовольствием я оставил „гостеприимную“ Сербию», а в другом месте: «милые сербы не желают нам ничего предлагать, как будто мы – набитые дураки и ни к чему не способны»... Сами виноваты: не умели беречь и любить свою страну, да и ты, Владыка, своим самодержавием вызывал и усиливал недовольство. Вот и ворчим теперь на всех.

13 октября. Дизентерия измучила. Я очень исхудал. Понос с кровью. Доктор Лаза Маркович¹⁶⁹ советует лечиться в больницу, но я боюсь больницы.

16 октября. Понос и боли.

18 октября. Понос. Как необдуманно покинул я Киев, на неделю-две; даже не взял фотографий своей семьи; хоть бы поглядеть на дорогие мне лица...

20 октября. Тяжело. О, дети мои, дети, Шуруна, чувствуете ли вы, как я страдаю по Вас? *Холодно в комнате, сижу в пальто и думаю о Киеве...*

22 октября. Понос. В хорватском «Обзоре» помещена речь Троцкого о необходимости уничтожить Врангеля. Близятся события страшные: или Врангель победит, и я увижу своих, или на несколько лет не видать нам России...

28 октября. Болезнь продолжается.

1 ноября. Болезнь продолжается. Истощился я очень.

2 ноября. Прочитал в «Политике» от 30 октября о том, что русский консул Емельянов¹⁷⁰, выдавая разрешение на «размен» денег, измышлял фамилии или брал фамилии живущих в России. Всего Емельянов украл на 1 миллион динар. Газета спрашивает, привлечет ли русский посланник к суду г. Емельянова или... «појео вук магарца» (т. е. оба мошенники). Вчера наставница Коич¹⁷¹ сообщала мне об этом как о скандале для русских. О, подлецы, подлецы!

3 ноября. Понос, а между тем появился ревматизм. Ногу не могу разогнуть в колене. Это сказываются результаты поездки зимой на палубе парохода из Одессы в Варну.

4 ноября. Нога распухла в колене и ее свело. Притронуться к ней не могу.

6 ноября. Понос и ревматизм. Я совсем калека беспомощный, даже обед некому принести... Сегодня весь день плачу: хочу видеть моих деток, мою семью. Со слезами молился об этом... пишу, а слезы льются...

7 ноября. Некого послать за доктором; наконец хозяин позвал русского доктора Плищенко¹⁷²; прописал втирания и компрессы... По его словам, бои идут уже на Перекопе, плохо Врангелю.

10 ноября. Представляю себе детей так: Маруся иронически улыбается, она с лентой и самолюбием, Толя прищуривается, возится с книгами или бабочками, иногда сердится, но быстро потухает. Ирочка близоруко смотрит на меня, веселенькая, улыбающаяся или иногда недовольная, без Маруси шагу сделать не желает, Ниночка – самостоятельная, бодрая, не отстает от Иры и Маруси, а Шуруна мирная, кроткая, всегда ровная, ласковая, самоотверженная мать... Где вы теперь и увижу ли вас когда-либо?

11 ноября. Сон: будто я иду где-то с Толечкой, по-видимому, в Киеве, причем мне надо явиться к большевистским властям. Я говорю Толечке, чтобы он шел домой, а он ответил, что ни за что не пойдет. Я посмотрел на него: он был бледен как стена... я бросился его целовать... Ночью болела нога.

13 ноября. Нога пухнет, температура поднимается. Л.В. Могилевская прислала сапоги от сына, чтобы не простужать дальше ногу... Приходил навестить меня директор Стеван Милованов. От боли не могу подняться с постели.

15 ноября. Не могу идти даже для ближайшей надобности. Жена наборщика Ипич принесла мне две палки. Могилевская прислала мне 90 дин. Дал Даринке, прислуге хозяина, 20 крон, а она не пришла даже печку затопить... 2 часа ночи, а спать не могу.

16 ноября. Пришла маленькая дочь наборщика Любица и возится около печки. Мне это приятно. Боли ноги сильные. Получил письмо от Минского Георгия, думает возвращаться в Минск, который скоро будет освобожден Балаховичем... Крым ликвидирован большевиками. Итак, конец надеждам на возвращение и свидание с семьей... Что будет с Россией, на кого теперь надеяться? Оздоровление должно придти только от крестьян. Но когда? Доктор П.И. Плищенко советует летом непременно ехать на минеральные воды.

21 ноября. Завтра год, как я покинул семью... Год... Тоска...

22 ноября. Проснулся в 3 часа утра. Боли. Сегодня годовщина, как я покинул детей, жену. Целый год, год необыкновенных страданий... Год тому назад Марусечка на салазках отвезла мои вещи. По мокрому снегу мы шлепали вместе. Она была в черном бархатном пальто и капоре с белой обшивкой; целый день я проторчал на вокзале, боясь отойти. Ум говорил, что я уезжаю надолго, а сердце иное... Ноге несколько легче.

24 ноября. После длительного перерыва был в гимназии, заниматься трудно. Княгиня М.А. Святополк-Мирская пишет, что меня записали в санаторию на первую вакансию для лечения ревматизма.

28 ноября. Сегодня выборы в сербскую конституанту¹⁷³.

30 ноября. В Воеводине победили радикалы, в Сербии проходят демократы и коммунисты.

1 декабря. По случаю праздника объединения южных славян в гимназии патристическую речь сказал Милан Йованович.

Из Министерства просвещения получена бумага о том, что я назначен контактным, но не профессором, как назначил меня д-р Милан Петрович, а лишь временным учителем. Я не знаю этих местных градаций, но ясно, что меня понизили. Впрочем, мне все равно.

15 декабря. Болит нога. *Сегодня вечером с криком пролетели над городом дикие гуси... может быть, они пролетали над Киевом?* Пошел порядочный снег. С 25 ноября стал составлять учебник истории Сербии для русских детей.

24 декабря. Приближается праздник Рождества Христова, третий, который я провожу вне семьи: в 1918 г. в Лукьяновской тюрьме, в 1919 г. в Одессе, а теперь в неудобном Новом Саде.

28 декабря. Был у меня генерал Хрущов и сообщил, что к Титову в Гргетег приехали жена и дочь. В Карловцы прибыл знаменитый харьковский протоиерей Вербицкий¹⁷⁴, который бывал в Харькове у мамы жены моей.

29 декабря. Вымыл себе с трудом пол.

31 декабря. Продолжаю читать интересную «Историю Хорватского народа» профессора Шишича¹⁷⁵ и историю словенской литературы.

1921-й год

1 января. Дай Бог, чтобы в Новом году я увидел своих дорогих. Вчера напечатано в газетах об аресте в Белграде заговорщиков-коммунистов. Минский архиепископ Георгий мне пишет, что ему тяжело сидеть без дела.

5 января. Был в Белграде, ночевал у Терebinских. В.И-ч говорит, что я напрасно уехал из Белграда, что я устроился бы тут. Обедал у Могилевской, где узнал, что В.В. Шульгин, желая на шаланде попасть в Одессу, попал в Румынию, где пробыл в течение двух месяцев, и теперь в Константинополе. Из Киева бежал с семьей Ю.А. Яворский¹⁷⁶ – преподаватель Киевской I гимназии, а епископ Никодим и архиепископ симферопольский Димитрий остались в Крыму. Профессор Д.П. Кишенский советует мне поступить преподавателем женского института в Белую Церковь. Виделся с профессором Спекторским, Ан.Д. Билимовичем¹⁷⁷ и А.А. Погодиным¹⁷⁸. Купил 100 франков за 222 дин. и 500 романовских руб. за 95 дин.

7 января. Сегодня праздник Рождества Христова. Был в сербской церкви, читалось послание патриарха Димитрия. На обед пригласил меня наборщик Ипич, чья дочка Любича помогала мне во время болезни. Г-н Ипич был в визитке. На полу была разбросана «Божична (рождественская солома) слама», на столе на блюде – немного соломы, орехи, возвращенная в комнату пшеница, калач, на нем деньги, свеча. Зажгли свечу (которая горела во время обеда), Любича прочитала «Отче наш», – это все у социал-демократа. Подали суп, сарму. Далее было «сечение калача»: хозяин с маленькой Любичей разрезал круглую сдобную булку на 4 части, из каждой вынул немного мякоти и сюда налил вина, которое высасывал он и Любича, после чего отец и дочь целовались; затем отец и его жена пропели 2 раза «Рождество Твое» и «Два днесь». Далее подан был слоеный пирог – «частница», который разломил пополам хозяин и я, и отсюда получили по кусочку все. В частнице был запечен серебряный рубль русский. Кому он достанется, тот и будет счастлив, – досталось старушке-матери наборщика. Далее продолжали обед: жареный поросенок, калач, печенье; была ракия (вроде водки) и прекрасное вино. Так живет наборщик и социал-демократ. А наши рабочие как жили, и как живут теперь мои милые, обливаясь теперь слезами от голода, холода и разлуки? Продолжаю составлять учебник по сербской истории.

9 января. Сегодня день рождения моей Марусечки. Был в церкви и со слезами молился за нее и всех моих страдальцев. От русского Красного Креста получил (от 27 декабря 1920 г. № 5230) извещение о предоставлении мне бесплатного лечения минеральными грязями моего ревматизма летом, если окажется где-либо там место.

14 января. Новый год. Молился в церкви, рядом стоял генерал Воронцов, сидевший со мной в Лукьяновской тюрьме. Сотрудник «Киевлянина» К.П. Бельговский, живущий в

Праге, пишет мне в ответ на мой запрос, что в Киеве, по полученному письму, нет ни света, ни воды. Боже, спаси их. Чех Кадлец подарил мне шелковый галстук и два воротничка.

15 января. Кадлец затащил меня в оперный театр, куда я избегал ходить, шла «Кавалерия Рустикана», все певцы – русские.

17 января. Начались занятия после рождественских святок.

19 января. Праздник Крещения. Водоосвящение на Дунае совершал новый сербский епископ Максимилиан Хайдын.

Вечером сдал на почту перевод лекции профессора Ясинского на сербский язык. Еще будучи в монастыре Раковце, профессор Ясинский, не зная сербского языка, упротсил меня делать ему переводы его лекций. Желая помочь беспомощному земляку, я взялся переводить, как умею.

21 января. Получил письмо от ученика моего по II киевской гимназии Александра Вадкова, хотел бы поступить учиться в гимназию, полагая, что я служу в мужской гимназии.

22 января. Видел сон: толпа народа. В полушубке идет солдат с женой; вдруг солдат стал стрелять в жену, отошедшую вперед. Промах, она бежит к двери, но отворить не может, тогда солдат приканчивает ее ружьем. Такой сон может присниться только человеку с нашей беженской психологией. Вчера директор мне сказал, будто я на уроке восхвалял мадьярскую культуру.

23 января. Продолжаю переводить лекции профессора Ясинского. Сегодня у меня ночевал профессор университета в Субботице С.В. Троицкий...

25 января 1921 г. Сегодня, после необычайно теплой, весенней погоды, выпал большой снег. Продолжаю переводить лекции для профессора Ясинского.

26 января. Профессор Ясинский умоляет меня переводить его лекции и дальше, в противном случае он откажется от профессуры. Дал ему телеграмму и написал ему письмо о согласии переводить, хотя я и занят. И болен, и не хочется, но надо помочь земляку и хорошему человеку.

27 января. Праздник Св. Саввы, национальный день всех сербских школ. Гимн этому святителю просто замечателен – и по мелодии, и по национальной струе. Впечатление на меня произвел огромное. Вот то, что всегда не хватало нашей школе. Мы всегда были космополиты, ну и дождались Интернационала... В 11 с половиной часов был в женской учительской школе, а в 3 с половиной часа в Матице¹⁷⁹, где председательствовал на торжественном собрании директор Карловацкой гимназии Радивой Врховац, а речь говорил профессор Люблянского университета Радойич¹⁸⁰.

28 января. Умер Ф.В. Воронцов от удара, в городской больнице. Он участник русско-турецкой войны. Памятен мне по тюрьме...

29 января. Видел во сне своих. Сегодня были торжественные похороны генерала Воронцова, сербы отдали ему все военные почести.

5 февраля. Ездил в Субботицу к профессору Г.В. Демченко узнать о сношениях с Киевом, но ни Демченка, ни Троицкого не застал там. Досадно. Субботица – большой и внешне культурный город, величественно здание городской думы, или варошской кучи. Город мадьярско-еврейский, а не сербский. В поезде ехало много русских-врангелевцев из Боки Которской. Жалко смотреть на них: что они покинули, куда едут, что найдут, без языка... Я уже год в Сербии, а с языком справляюсь нелегко... В Субботице случайно попал в редакцию газеты «Народ», где служит секретарем кубанский офицер. Жена и дочь его в России, и он их не видел уже 3 года. Он выступает на разных вечерах, где танцует лезгинку... По его словам, русских в городе до 500 человек, да и по селам все русские и русские. Отношение мадьяр к русским хорошее.

8 февраля. Именинница Маруся, помолился за нее, как и за всех них.

9 февраля. Болит голова и сердце, и все это от постоянных волнений за семью. Сегодня на улице едва мог сдерживать слезы. Прочитал в газете «Новая Россия» № 3 следующие страшные строки о России: «Детям скажете, когда с полей Галиции, заливая язвы, она бежала еще живая, мы могли как прежде еще грустить и веселиться. Детям скажете: к весне она хотела привстать. Мы кричали: пляши, эй, Дунька. Это мы нарядили болящую мать в красное трико площадной плясуньи. Лето пришло, она стонала, рукой не могла шевельнуть. Мы били ее кнутом, кто палочкой: ну, смейся, веселенькой будешь. Ты первая в мире. Ух, упирается, дохлая. Живей на канат и пляши в нашем цирке; тебе хлопают. Детям скажете: мы жили до и после. Ее на месте лобном еще живой мы видели – скажете: осенью тысяча девятьсот семнадцатого года – мы ее распяли...»

Разве не правда?

11 февраля. 1921 г. Продолжаю перевод лекций для профессора Ясинского. Получил за переводы 125 дин.

Составление учебника по сербской истории довел до 1804 г.

15 февраля. Изболелась душа по семье...

17 февраля. Вчера был у меня профессор Демченко из Субботицы. По словам его сына, бежавшего из Киева, террор там меньше, родственников эмигрантов большевики не трогают. Электричества и воды в Киеве нет. Все-таки легче стало на душе. Через Демченко попытаюсь послать письмо в Киев.

Получил письмо из Галиции от Ю.А. Яворского, бежавшего из Киева в ноябре. Положение там ужасное. И вот сижу все время в слезах...

19 февраля. Ночевал у меня проф. С.В. Троицкий.

20 февраля. Сербь обратились ко мне с просьбой устроить для них лекцию о русской культуре, а Правление русской колонии через председателя своего А.И. Келеповского¹⁸¹, бывшего губернатора в Риге, просило меня организовать это дело. Лекция и концертная часть состоялись в «Соколане» днем. Читал я по-сербски и, как сказала мне преподавательница наша д-р Вера Неделькович¹⁸², очень успешно. В концертной части с большим успехом выступали Беяева¹⁸³, Сибирякова¹⁸⁴, Ширай¹⁸⁵, Григорьев¹⁸⁶.

Прекрасно выступали сербские сокола и соколицы в ритмических играх. Два казака танцевали лезгинку.

22 февраля. Послал письмо домой через г-жу Яворскую и очень волнуюсь, как бы не пострадала Шуруна за него.

Был у меня генерал Хрущов и рассказал, как архимандрит Пантелич за обедом в патриархии за голову ухватился, узнав, что жена и дочь Титова останутся в монастыре до Троицы... Титов поступает бесцеремонно.

Словачка Ольга Мичатек¹⁸⁷ подошла ко мне в кофейной и благодарила за лекцию, просила придти к ним.

23 февраля. Сон: я во власти чекистов...

24 февраля. Опять сон: я во власти Троцкого...

Послал Яворской (Станиславов) 100 дин. для пересылки их моей семье.

Сегодня в учительской комнате говорили, что преподаватель немецкого языка еврей Рот¹⁸⁸, раввин, говорит на уроках скабрёзности ученицам, ковыряет в носу и палец вытирает о печь...

2 марта. У Влады Стояновича состоялось заседание, где прочитан отчет о сборе на вечер 20 февраля. Вечер дал 16000 крон; чистый приход поступил в пользу беженцев «Крымской эвакуации». Меня просили прочитать ее и на вечере 13 марта. Из русских, кроме меня и Келеповского, присутствовали графиня С.Н. Толстая¹⁸⁹, впоследствии запятнавшая себя грязной жизнью, и приват-доцент Московского университета С.С. Усов¹⁹⁰, сын профессора, тоже прославившийся потом своими кутежами.

9 марта. Ольга Яворская лично поедет в Киев и, значит, передаст деньги Шуруне.

10 марта. И.Д. Невеждин¹⁹¹ и Д.Д. Невеждин дали мне контрамарку в театр, где шла опера «Трубадур». Участвовали: Григорьев, В. Горская¹⁹², Ширай, Волконский¹⁹³, балерина Валина¹⁹⁴.

И.Д. Невеждин очень страдает по семье: он говорит, что если этим летом не вернется в Россию, то покончит с собой...

11 марта. Газеты, и в том числе «Общее Дело» Бурцева¹⁹⁵, полны сведениями о восстаниях в России, о пленении Зиновьева (Апфельбаума)¹⁹⁶, даже Ленина, и борьбе Троцкого против восставших с помощью китайцев. Значит, что-то действительно началось, и может быть час моего свидания с милыми недалек. В газетах напечатано о кошуnstвах большевиков с мощами Св. Митрофана и Тихона воронежских¹⁹⁷.

12 марта. Газеты трубят о восстаниях в России, особенно в Кронштадте. Дошло, значит, до кожи народа. Иначе и не могло быть: народ наш здоров, и исчезнуть со страниц истории он не может.

14 марта. В газетах то же. Боюсь за целостность своей семьи. Русская колония здесь служила панихиду по Александру II, было много сербов, желающих подчеркнуть свои симпатии к нам; это очень приятно нам.

15 марта. Ясинский пишет, что его лекция на моем сербском языке имела успех; слава Богу. Яворская из Станиславова пишет, что еще не получила моих 100 дин. для моей семьи.

17 марта. Известный здесь русофил Влада Стефанович¹⁹⁸ сказал, что он истратил на беженцев до 1000000 крон.

18 марта. Большевики победили, Кронштадт у них в руках... О, Боже... а я так хочу видеть мою семью...

20 марта. Сегодня в «Соколане» читал лекцию на тему «Россия и Сербия для славянства и Западной Европы». Встречена тепло. После был концерт, на котором с успехом выступали Николаевич¹⁹⁹, Беляева, Серебрякова, Горская. Восторженно встречена игра на балалайке г. Задорина²⁰⁰.

22 марта. Сегодня русские служили панихиду по великом князе Николае Николаевиче²⁰¹, о смерти которого распространились твердые слухи. Послал через «Трговачку Банку» 200 дин. Яворской для Киева.

29 марта. По приглашению г-жи Мичатек был на вечере словаков. Перед началом очень длинно читал о культурных связях чехословаков редактор чешско-словацкой газеты в Загребе Войта Режный. Общий тон – призыв к объединению. Лектор точно боится, что словаки вот-вот уйдут во враждебный лагерь, как сербы боятся этого относительно хорватов и словенцев. Лектор мало знает словацкий язык, и потому после нескольких слов по-словацки перешел на сербский язык, причем часто ссылался на французского ученого Дани, точно укрываясь под чужестранным крылышком. Приемы, хорошо известные и нам, где есть украинско-белорусский сепаратизм. Призывы, призывы, а между тем славянство расплывается: ссоры, ненависть... На вечере пели национальные словацкие песни и играли пьеску «Розмарин цветок». Много слов, одинаковых с русскими. Словацкий селяк на сцене – в белых широких штанах, белой рубаше с жилетом, с граблями и косой. Вечер устроила г-жа Мичатек (теперь живет в Словакии); ее родственник знал все славянские наречия, составил русско-сербский словарь, лучший до сих пор.

30 марта. По словам генерала Хрущева, митрополит Антоний, прибывший в Карловцы для жизни тут в патриархии, произвел на всех прекрасное впечатление. Епископ Гавриил²⁰² живет в монастыре Бешанове. Злогласный архимандрит Григорий получил священническое место в Банате, около Румынии (о нем ничего более не слышно). В Великой Ремете живет семья генерала Черепова²⁰³ – 4 человека.

31 марта. Подал прошение об уравнении в жаловании с местными преподавателями.

2 апреля 1921 г. Вчера пришел в Карловцы, ночевал у генерала Хрущева. Был у митрополита Антония, у которого был управляющий канцелярией Высшего Церковного Совета некий Махароблидзе²⁰⁴ (ныне прогнанный за воровство), затем пришел только что прибывший из Белграда инспектор Киевской духовной Академии архимандрит Тихон. Последний, живя в Софии, сумел не только письма, но и деньги пересылать в Киев; отношение болгарской интеллигенции к русским изменилось к худшему. Бывший ректор петроградского университета становится верующим. Профессор Поснов поносит все русское. Среди беженцев есть некий Зейн. Это, кажется, тот тип, который

с нами ехал из Одессы и все время пьянствовал. Он принял сан дьякона, потом его сбросил и уехал в Крым. Потом опять приехал, стал дьяконствовать и жульничать: болгары его несколько раз били.

Бостунич²⁰⁵, читающий теперь лекции о масонстве и большевизме, читал лекции большевикам перед их кровавыми театральными представлениями. Русские военнопленные в Болгарии стали большевиками, тогда их выслали в Одессу (до 15 тысяч человек). Увидав там, что это — большевизм, некоторые хотели вернуться в Болгарию, но лишь немногим это удалось. Ненависть болгар к сербам огромная.

Сегодня вечером я вернулся в Новый Сад.

7 апреля. Праздник Благовещения. Мысли в Киеве около моих милых... Читаю «Воспоминания» князя Е. Трубецкого²⁰⁶ и дневник З. Гиппиус²⁰⁷. Сильное впечатление. Был в церкви, помолился о своих. О, человеческое сердце, сколько ты можешь вытерпеть...

9 апреля. Бывший священник Гр. С. Петров²⁰⁸ читал в Матице Сербской лекцию «Драма лебедя». Присутствовала масса молодежи, горячо его принимавшая.

10 апреля. Сегодня митрополит Антоний служил здесь литургию, говорил проповедь, а в Матице Сербской читал лекцию об идеях Достоевского. Полагаю, что сербы плохо его поняли. Чай пил он у В. Стефановича, а обедал у Хаджи²⁰⁹, известного адвоката по Мармарош-Сигетскому процессу²¹⁰. На душе тоска, тоска...

12 апреля. Г. Петров читал лекцию в Матице Сербской на тему «Ценность жизни». Масса народу. Русские не любят Петрова, их было всего лишь трое. Петров был в нашей гимназии, держал речь, которая очень всем понравилась.

13 апреля. Петров читал лекцию преподавателям о воспитании молодежи, и очень хорошо.

19 апреля. Начался бронхит, повысилась температура.

22 апреля. Бронхит и ревматизм...

23 апреля. Болезнь продолжается. Получил письмо от Яворской, которая пишет, что польские власти арестовали ее деньги и письма за границей. И.Д. Невеждин был у меня и говорил, что жить ему без семьи невозможно и что «пора кончать жизнь»...

24 апреля. Вербное воскресенье. Любича Ипич принесла мне освященные вербочки и иконку Георгия Победоносца. Теперь у меня в комнате есть иконка. Боясь послать письма, я послал Ю.А. Яворскому, чтобы он переслал дочери своей составленное мною стихотворение:

Я молюсь за вас, детки родимые,
Все б отдал, чтоб прижать вас к груди.
Благослови их, Шуруночка милая,
А меня... о, молю, не суди!
Дни и годы идут все тоскливые,

Изнемог я, душою устал.
 Эти строки, слезами омытые,
 Как дитя, я, рыдая, писал...
 Не суди меня и ты, мама милая,
 Что довел вас до жизни такой.
 Толю, Иру, Марусю и Ниночку
 Лаской нежной согрей ты своей...
 За работой сижу ль я, как каторжник,
 Просыпаюсь, ложусь ли я спать,
 Я шепчу постоянно, страдальчески:
 Деток милых хочу увидеть...
 Деток милых, их мать добрую
 Осени Ты, Христос и Пречистая Мать,
 Я ж вдали буду петь песню скорбную,
 Петь, молиться за них и... рыдать...

Может быть, безопаснее для них получить стихотворение, при составлении которого я так много плакал...

28 апреля. Бронхит продолжается. Был на чтении 12 Евангелий. Как хорошо!

29 апреля. Нездоровится. От Яворской получил письмо о том, что в Киев она не едет. Опять крушение надежды связаться со своими.

1 мая. Святая ночь под Пасху. Настроение...

5 мая. Русские здесь скандалят: офицер Шеншин, пьянствовавший в ресторане и не хотевший уходить оттуда после 1 часа ночи, несмотря на требование полицейского, ударил последнего по лицу. Последний побил Шеншина и посадил в кутузку, где Шеншин (Иван) просидел 3 дня. 3 кубанца, пьяные, избили кого-то и были посажены на 1 день в полицию. Дочь графини С.Н. Толстой сошлась с чехом Баковским²¹¹, и все Толстые (8 человек) перешли на его содержание. Жена Баковского обругала Веру²¹² и оплевала ее лицо на улице. Графиня С. Толстая создает какие-то мифические общества из русских, выхлопывает у американского Красного Креста пособия и их прокучивает с компанией молодых людей, с которыми она скотски живет.

14 мая 1921 г. Сильный бронхит. Прибыл в Белград, остановился у Теребинских. В половине 12 час. пошла сильно кровь горлом. Зинаида Ивановна предложила пойти вместе к профессору Сиротинину²¹³ на исследование. Он нашел, что сердце здорово, но верхушки легких затронуты. Настроение у меня нехорошее. Купил 20 руб. золотых за 160 дин. и 1000 руб. «думских» за 35 дин.

15 мая. Кровь идет более густая и темная. Оставил ее у Теребинских для исследования в лаборатории и должен был уехать ради уроков. Сиротинин воспретил есть горячее, спиртные напитки, кофе и чай, а также курение.

17 мая. Крови мало. По ночам потею.

18 мая. Получил телеграмму от Терebinских о том, что в крови не найдено чахоточных следов. Слава Богу.

22 мая. С графом Леонидом Комаровским²¹⁴, сыном профессора московского университета, отправились по монастырям и посетили Великую Ремету, Гргетег и через Ириг – Раваницу, а также и Язак, где живет епископ Курский Феофан и при нем находится Чудотворная икона Божьей Матери. Просили епископа с иконой посетить Новый Сад.

30 мая. Курская икона Божьей Матери посетила Новый Сад. Русские опоздали к встрече, и старый протоиерей Чирич, вышедший встречать икону, сказал с досадой: Вы, русские, любите устраивать демонстрации, а сами на них не приходите...

4 июня. Сегодня случайно попал на именины матери И. Невеждина (возвратился после в Киев и недавно расстрелян), хотя мать и живет в Киеве.

Выделения из горла продолжают.

5 июня. Тоска...

На заседании педагогического совета инспектор подчеркнул необходимость руководствоваться в школе принципом национализма.

6 июня. Надо искать комнату, ибо хозяин сдал квартиру другим лицам и схитрил предо мною. Все более убеждаюсь, что местное население отличается неискренностью и что с ним надо быть осторожнее и недоверчивее.

9 июня. Надписи в клозете гимназии ужасны по своей циничности, затрагивают преподавателей и преподавательниц.

10 июня. Ольга Юлиановна пишет мне из Станиславова, что послала в Киев письмо с изложением содержания моего письма. Бог даст, удастся связаться с Киевом. Послал Саше Коровицкому, сыну законоучителя Киевской II гимназии о. Андрея, удостоверение о том, что он окончил эту гимназию. Такие же удостоверения послал и А. Вадкову и Владимиру Тимошкину.

17 июня. Окончились учебные занятия.

Получил от Саши Коровицкого, где пишет о страданиях своей семьи в Киеве и муках инспектора гимназии Миловидова.

19 июня. Праздник Святой Троицы. Если мои там живы, то теперь в церкви; помолился за них.

20 июня. Из Белграда вернулся И.Д. Невеждин, и как-то теплее стало от его рассказов. Вчера был у его кузины А.М. Заболотной, которая держит буфет в театре вместе с сестрой. Попал поэтому и в театр на «Трубадур». В главных ролях все русские – Горская, Траснянский²¹⁵, Ширай, Серебрякова, Григорьев (умер после во Франции), Фигуровский²¹⁶ управлял хором. Прошло прекрасно. Вечером попал на именины к М.М. Заболотной. Всего было вдоволь. Гости: инженер Погорецкий²¹⁷ с женой и братом ее, архитектор киевский Е.Ф. Ермаков²¹⁸, Эмилия Целестиновна

Позднякова²¹⁹, жена киевского владельца бань, живущая с Ермаковым, К.И. Кипп, жена киевского торговца металлическими предметами на Крещатике, помещик Г.Г. Харченко²²⁰ с женой²²¹, генерал А.И. Хануков и др. Харченко говорил о сенсационной телеграмме Ленина Антанте о необходимости спасти Россию от анархии. Не верится что-то...

23 июня. Видел во сне семью...

26 июня. Заметил у себя седину в бороде и усах... Хочу, так хочу домой.

29 июня. Сегодня Скупщина приняла конституцию, а сегодня идут слухи о покушении на престолонаследника, причем бомбой убито было 9 человек.

3 июля. Престолонаследник Александр невредим.

11 июля. У меня ревматизм и снова дизентерия.

12 июля. Сегодня на параде войск сербских (праздник Петра и Павла) познакомился с сербом Браниславом Коловичем²²², секретарем сербского посольства в Петрограде. Он говорит, что русские эмигранты напрасно мечтают о восстановлении старой России. Она будет республиканской, и вообще, на скорое возвращение в Россию рассчитывать нам нечего. Он осуждал меня за то, что я покинул семью в такое страшное время... Тоска... Говорят, что Н. Скаржинский²²³ докладывал о съезде монархистов в Рейхенгалле, причем намечают в цари какого-то Романова...

14 июля. Сегодня ездил в Белград и возвратился. Видел Матвея Антоновича Петровича²²⁴, бывшего редактора «Жизни Воляны» в Житомире, у которого я был постоянным сотрудником. Был в министерстве просвещения у референта Лазаря Бркича²²⁵ и спрашивал о судьбе своего прошения об уравнении с сербскими преподавателями в жаловании. Принял меня плохо.

...О, Господи, скорее бы в Россию! Милая Родина, как хотел бы тебе отдать свои последние силы, как тяжело и мучительно есть кусок хлеба на чужбине, даже у своих братьев-славян...

19 июля. 16-летие своего супружества отметил уединением. Сегодня в 3 часа утра выехал в Меленцы (Банат) для лечения ревматизма. В Старый Бечей прибыл около 6 ч. у., до парома шел 40 мин., переехал реку Тису и шел с вещами до села Враньева 9 километров, а отсюда на извозчике до Турского Бечея за 5 дин. Далее поездом до Меленцев за 2 с половиной дин. и извозчиком до минеральных вод («баня»), 3 дин. Комнату нанял, правильное конуру, за 5 дин. в день. Был у доктора Думича, который нашел сердце здоровым, а ревматизм сильный в левой стороне тела, прописал 28 ванн, от 9 до 10 часов утра, в грязи лежать 25 минут, в рапной ванне 10 минут, а после того дома лежать укутанным полтора часа. Масса больных, в том числе на костылях. В приемной доктора слышна только мадьярская и немецкая речь. И Толечка мой имеет ревматизм. По возвращении моем на родину буду его непременно лечить.

20 июля. Принял первую грязевую ванну и рапную (при температуре 39), болит голова. В половине 5 ч. сижу в парке Русанда, печет солнце, играет музыка, а на сердце

тоска, и какая тоска... Один, один, никому не нужен и больной... Господи, мой Господи, дай мне увидеть их, моих родных. Красный Крест платит за меня 200 дин., на харчи надо около 375 дин., у меня есть 330 дин., таким образом, хватит на пребывание в Меленцах.

Буря, страшная буря сгубила мою Родину, разбила миллионы семей..., я все же верю, что увижу мои дорогие личики: вдумчивое, несколько ироническое Марусечкино, любознательное, добродушное Толечкино, близорукое милое Ирочкино игривое, самостоятельное Ниночкино. О, детки мои, люблю Вас!

21 июля. Всего принимает ванн в день 400 человек, а норма 700-800 человек. Висит объявление о концерте русской певицы Папчинской. Пришел поддержать неведомую мне соотечественницу, зал пуст, я да курортная прислуга... Пение слабое, и все же лучше таким путем зарабатывать кусок хлеба, чем нищенством. Жалко русских, стыдно за Россию, до чего мы дошли! Получил от Русского Красного Креста 220 дин. через русскую сестру милосердия.

22 июля. Принимаю аккуратно ванны. Сегодня, когда сидел в парке, подошел ко мне русский, работающий черные работы на курорте. Он мне сказал: «Эх, теперь только, благодаря Троцкому, мы, русские, узнали, что такое была Россия. Богаче ее, даже культурней нет в мире. А сердце-то какое золотое. Вот здесь живут братья-славяне, а никакого братства-то нет, одно бессердечие... Эх, Боже мой!» Этот чернорабочий был русским офицером.

24 июля. Сегодня около моих окон промчалось семь фаэтонов: то была крестьянская свадьба. О таком богатстве, в котором здесь купаются крестьяне, русские мужики и понятая не имели! А мы всегда слышали: богатая Россия.

Ломит левая нога и рука. По случаю покушений на Королевича Регента и г. Драшковица вся печать требует строгих мер против коммунистов, и в том числе требует этого Крста Цицварич, который в прошлом году в статье «Долазе, долазе» требовал всю власть передать большевикам...

27 июля. Страшные сведения о голоде и холере в России. Характерная сценка: в кофейной сидит серб, перед ним кофе и рюмка ракии (вроде водки). Платя деньги, он, небрежно глядя на всех, подкидывает динар на чай лакею...

Доктор сказал, что у меня ревматизм в предсердечьи, а не только в ногах и руках, но все это пройдет.

29 июля. В сербских газетах печатаются потрясающие известия о голоде в России. *Сердце сжимается от боли за семью и Родину!*

4 августа. Вчера вечером собрались на беседу сербские учителя из Баната. Говорил преподаватель 3-ей Белградской гимназии Мирьянович, а также я. На совещании констатирован следующий любопытный факт: в Скопле один брат считает себя сербом и назначен директором гимназии, другой считает себя греком и гордится, что предком его был Аристотель, третий считает себя болгарин. Некто Еремич: наш народ реалистичен, идеалов не признает, к интеллигенции недоверчив. Серб из Панчева: наша интеллигенция партийно поделена и озлоблена. Седой протоиерей из Вршца и его жена доказывали необходимость второбрачия для священников: известного вождя из второго восстания сербов против турок Матвея Ненадовича князь Милош Обренович

приказал вторично оженить, хотя у этого священника имелась жена и от этого брака родился сербский поэт Ненадович.

В приемной доктора Думича бывший председатель Государственной Думы М.В. Родзянко громогласно сказал, что он собственноручно убил бы Керенского. О своей же ответственности он не вспомнил...

7 августа. Здесь жила русская еврейка-коммунистка. На днях она спешно собралась и уехала, а на другой день явилась полиция ее арестовать, но ее кто-то предупредил... Принял 19 ванн. Сердце плохо себя чувствует.

8 августа. Познакомился с сербом Николаем Мирковым, который передал следующий свой разговор с Родзянко. Родзянко: У вас Скупщина издала хороший закон в защиту государства. – Серб: А скажите, как у вас дошло до такой страшной революции? – Родзянко: У нас было страшное немецкое засилье, я должен был подать в отставку, ибо немецкие офицеры хотели меня расстрелять. Это привело к озлоблению народ; а тут еще царица-немка хозяйничала в России. – Серб: Да, но надо было вам, председателю *Государственной* Думы, понимать, куда это заведет; у нас интеллигенция и буржуазия не дали народу образования и потому его легко обманули. Вы, председатель Государственной Думы, стали во главе революции... Это – страшно! Было бы лучше, если б вас одного застрелили, тогда вы стали бы на защиту государственности, чем случилось все это кошмарное. Вы все хотели быть господами, мечтая о республике, и получили... Я вспоминаю фронт в Добрудже, где ваш Наследник царевич Алексей говорил нам, сербам, речь. У меня мурашки по телу бегали. Мне до слез жаль, что негодяи убили милого наследника... Родзянко сказал М. Сущинскому, что надо физически истребить евреев.

9 августа. Вчера всех русских вызвали в канцелярию для установления их личности. Явились: Родзянко, княгиня Оболенская, служащая классной дамой в институте в Турском Бечее, принцесса Крапоткина и др. Все они получили выговор за то, что не имели удостоверения от полиции. Ах, Родзянко, Родзянко, подлец ты эдакой, до чего довел ты Россию и нас!

10 августа. В «Балкане» от 10 августа № 204 помещена статья, в которой высказывается презрение к русским за то, что они осрамили славянство, не умея сбросить еврейское иго, а «Београдски дневник» говорит сегодня о Сербии как великой державе.

12 августа. Родзянко сказал бывшему офицеру Сущинскому: «Я еще пригожусь России». В «Београдском Дневнике» № 193 напечатано: «В данный момент, когда мы пишем это, Россию раздирают голод, холера и чума, и оттуда в Европу идет отчаянный крик о помощи, но Европа к нему так равнодушна. Даже и мы, православные, во время большевистского наступления на Польшу в прошлом году почти все сделали русскими, и мы теперь равнодушны к мукам России, и в целой нашей стране пальцем никто не пошевелит, чтобы помочь России. Большевики еще удерживают власть, но скоро их страна сделается одним лишь великим кладбищем. Несчастливая Россия, некогда, когда ты была сильна и могущественна, все тебе кланялись и все у тебя заискивали; а теперь все спокойно смотрят, как ты умираешь, все и даже малые Балканские народы, которых ты некогда освободила...» В № 185 «Общего Дела» напечатано: «После провала Капповского путча в прошлом году в Берлине, два ближайших его сотрудника – пол-

ковник Бауер и знаменитый венгерский шпион Требич-Линкольн (который задолго до Мировой войны стоял во главе германского шпионажа в Англии, приняв английское подданство, сделавшись английским священником и даже добившись избрания в члены английского парламента) посетили Будапешт, пытаясь завязать сношения с венгерским диктатором Хорти. Еврейское происхождение Требича-Линкольна сослужило ему плохую службу в Будапеште – адмирал Хорти его не принял... Требич-Линкольн вскоре перенес свою деятельность в Вену и Прагу и сфабриковал документы» и т.д... В № 45 «Руля» напечатано: «Судьбы Индии в настоящий момент находятся в руках трех английских евреев – Лорда Рединга, г. Монтегю (статс-секретарь по делам Индии) и сэра Вильяма Мейра – верховного комиссара».

14 августа. Принял 20 ванн. Сегодня выехал через Субботицу в Новый Сад. Меня провожали Миргородский, Сущинский, Грузевич-Нечай. Дорогой полиция, ввиду коммунистического движения, проверяла в вагонах документы.

15 августа. Возвратился в Новый Сад.

17 августа. Известный здесь русофил Влада Стефанович не верит ни в смерть царя Николая II, ни короля Петра.

21 августа. Был вчера у митрополита Антония. Он говорил мне о съезде в Рейхенгалле как о большом национальном событии, прошедшем единодушно и с подъемом, особенно хвалил Н.Е. Маркова²²⁶, Масленникова, Локтя²²⁷. По поручению съезда митрополит ездил в Копенгаген к императрице Марии Федоровне. Царица живет в особом дворце, выглядит молодо, у нее часто бывают А-р Ф. Трепов²²⁸ и генерал Безобразов²²⁹. Трепов интриган, наговорил, что Рейхенгальский съезд прошел со скандалами, поэтому царица сказала с упреком митрополиту: и что вы там все ссоритесь? – Митрополит сказал, что ничего подобного не было, что доказывает и голосование: из 106 голосов члены президиума получили по 105 голосов. На просьбу возглавить монархическое движение царица сказала, что согласна, но подписывать ни одного акта не будет. По словам царицы, из ее семьи кое-кто жив; но ничего определенного о царе Николае II не сказала. Профессор Таубе, имеющий будто бы хорошую информацию, уверяет, что убит лишь Николай II, а семья его жива и находится где-то в Сибири, что великий князь Михаил Александрович находится в Сиаме, а митрополит Антоний знает, что к нему в Сиам поехала его жена Брасова. На съезде был зять Распутина офицер Соловьев, о котором митрополит отзывался плохо. Митрополит верит в сравнительно скорое возвращение в Россию. У митрополита был С.Н. Гербель²³⁰, с которым я сидел в Лукьяновской тюрьме за время украинской Директории, и генерал Ирманов²³¹, пришедший пешком с семьей из Нового Сада затем, чтобы русский священник отслужил ему молебен, ибо сербское духовенство молебнов не служит. Так как русского священника случайно не оказалось, то митрополит сам отслужил молебен. Я заходил к киевлянину Пряслову²³², Розову²³³, приват-доценту киевского университета, сейчас преподающему в Карловацкой богословии (ныне он профессор Скопьянского университета).

Гулял пред обедом со знакомцем по Киеву В.А. Кармазовым²³⁴, секретарем русской колонии в Тителе, который рассказал мне следующую историю: вчера по делам колонии он поехал в Белград, на станции там потребовали документ о личности, и он предъявил свидетельство о том, что может постоянно ездить по делам колонии. Тем не менее, он был арестован и под охраной часового провел на станции среди ящиков и

мусора всю ночь, наутро его посадили в вагон, заперли на ключ и так доставили в Новый Сад. Рассказывая мне об этом, Кармазов заплакал... «А ведь я, – сказал он, – как русский офицер, учил своих солдат в России петь сербский гимн и сербские песни»... Арестовавший тыкал в Кармазова пальцем, грозил кулаком. Тот же Кармазов сказал, что когда начальник уезда предложил в одном собрании в Тителе помочь русским беженцам, то поднялся возмущенный крик: «наполе русских!» (т. е. вон!); председатель Новосадского окружного суда Лулич (ныне покойный) терпеть не может русских.

24 августа. Ломят ноги.

25 августа. С И.Д. Невеждиным отправились в монастыри на Фрушкой горе, ночевали в Великой Ремете. Живущий здесь генерал Черепов говорил, что по их штабным сведениям перехвачена телеграмма Ленина о том, что дни коммунистической власти сочтены... Были в монастыре Крушедол, где живет трое русских. Один русский полковник, Каппель, умер в Крушедоле. В Гргетеге я был у живущего тут знаменитого полтавского архиепископа Феофана²³⁵, бывшего друга Распутина. И здесь он живет как аскет, питаясь особым столом. По его словам, царская семья может быть жива, что убит похожий на царя человек, решивший спасти царя и севший вместо него в Ипатьевский дом. По лесу пришли в Хоповский монастырь, где теперь размещен русский женский Леснинский монастырь бывшей Холмской епархии.

27 августа 1921 г. в Хопове познакомился с старенькой игуменьей Екатериной, в отставке, урожденной графиней Ефимовской²³⁶. Настоящая игуменья Нина²³⁷ больна, фамилия ее Коссаковская. Их монастырь, бывший в Лесно, эвакуировался в Бессарабию, а отсюда был приглашен в Хопово заведывать воспитанием осиротелых детей. Воспитание должно было идти на английские средства, причем к делу была приставлена Екатерина. Но сербы хотели иметь воспитание в своих руках и поставили в монастырь сербку под именем тоже Екатерина. Ефимовская известила об этом англичан. Русские монахини, которых тут 60 человек, получают каждая по 100 дин. в месяц, на что должны содержать себя, монастырь и вносить налоги, а от монастырских земель не пользуются. Нас очень хорошо приняли: дали ветчины и чай с русским черным хлебом. Прекрасно пел женский монашеский хор на всенощной и литургии. Видел тут княгиню М.А. Святополк-Мирскую и нашего бывшего посланника В.Н. Штрандмана, которые сюда прибыли для бракосочетания сына княгини на дочери посланника. Одна монахиня, бывшая женой офицера, расстрелянного потом большевиками, по-моему, ненормальна. В 12 час. возвратились в Ремету, а отсюда в Карловцы. В патриаршем парке гулял с митрополитом Антонием и сербским патриархом Димитрием. Зашли потом к митрополиту, который читал нам письмо патриарха Московского Тихона, из которого видно, что епископ Андрей Уфимский (князь Ухтомский)²³⁸ сидит в тюрьме. Киевский Никодим управляет Таврической епархией. Состоялось в гимназии заседание педагогического совета перед началом нового учебного года. Опять не на Родине...

28 августа. Граф В.А. Бобринский прочитал, при большой аудитории, лекцию «Клевета и правда» о царской семье, очень хорошо.

31 августа. Вчера видел во сне преподавателя киевской II гимназии П.И. Хакало с ребенком, бледного, печального. Я его спросил, жива ли моя семья, на что он, не глядя на меня, печально сказал: да живы... Я проснулся, сердце усиленно билось.

4 сентября. Ноги ломят... Любовник «Верочки» графини Толстой выпущен из тюрьмы, и они скрылись из Нового Сада. В.Е. Келеповская говорила мне, что графиня С.Н. Толстая получает вещи из Красного Креста, раздает их своим близким, а остальные продает... По словам Акимускиной К.А., едущей в Скопле, русский офицер посажен в тюрьму за то, что хвалил мадьяр.

По словам В. Стефановича, русский инвалид Новицкий, имеющий жену в России, хотел жениться на сербке. Сегодня на выборах председателя русской колонии, прошедших бурно до безобразия, провален был прежний Келеповский, а избран граф В. Бобринский.

7 сентября. Началось учение в женской гимназии; я буду классным наставником во 2 классе. Сердце сжимается, когда подумаешь, что теперь с моими детьми; там, вероятно, не об учении думают, а о том, как бы не умереть с голоду.

18 сентября. Вчера чех Франия Кадлец заключал брак в городской думе с француженкой Наниной Фуко. Я впервые присутствовал при заключении гражданского брака и подписал договор в качестве свидетеля.

21 сентября. Ученицы IV и III классов гимназии вчера совершали экскурсию в монастырь Раковац, под наблюдением моим, Милана Йовановича, так называемого «баба», и наставницы Каракашевич²³⁹. Игумен Досифей Попович принял нас хорошо.

24 сентября. Видел во сне Марусечку где-то в поле: она встретила меня в розовом платье, довольная, с улыбкой, которая так характерна для нее.

25 сентября. Через Эмилию Целестиновну Познякову (ныне уже покойную) написал в Киев письмо на имя тети Н.П. Подольской от имени якобы ее дочери Людмилы Подольской, где спрашиваю о здоровье семьи.

1 октября. Кошмарный сон.

4 октября. Только что вернулся из Карловцев, где происходит церковный собор русских эмигрантов, с 31 сентября. Я был избран от Нового Сада, Футога и Карловцев. Речь епископа Челябинского Гавриила в церкви на молебне произвела на всех потрясающее впечатление: это сплошная тоска и слезы по утраченной Родине. Сильное впечатление оставило и моление перед чудотворной иконой Курской Божьей Матери всем собором. Когда прикладывались ко кресту у владыки Антония, он спросил меня, не именинник ли я, и этим напомнил, что я действительно именинник. Большое впечатление произвел на меня доклад профессора А.В. Карташова о жизни русских войск в Галлиполи, названном русскими «Голым Полем». Многие демонстративно вышли, не желая слушать этого сотрудника Керенского, что, между прочим, обидело митрополита Антония, гостем которого был Карташов. Собор осудил протоиерея Ф.И. Титова, нападавшего в сербской печати на русское духовенство. Собор признал необходимость восстановления в России монархии.

10 октября. Ю.А. Яворский пишет из Львова, что дочка его получила из Киева письмо для меня. Жду его с большим волнением и нетерпением.

11 октября. Сегодня получил письма от Шуруны и деток. Плакал от радости.

16 октября. Сегодня в «Матице Сербской» в 5 час. я делал доклад о работе Карловацкого церковного собора, выслушанный внимательно.

27 октября. Доселе мне снятся кошмары Чрезвычайки, хотя я и сидел только в тюрьме при Петлюре.

20 ноября. Сегодня еду помочь устроить брак киевлянки А.М. Невеждиной с д-ром А.Н. Поздняковым²⁴⁰ (ныне покойным).

25 ноября. С 20 ноября работаю в Карловцах на русском церковном соборе, причем я избран секретарем. Участники собора: митрополит Антоний, архиепископ Евлогий, архиепископ Анастасий²⁴¹, епископы – Гавриил, Серафим, Михаил, Вениамин; приезжал болгарский митрополит Стефан, но, по требованию Пашича, он не мог выступать на собрании и поспешил уехать. Русским он очень понравился: черный, красивый, благообразный. По его словам, в Болгарии 40.000 русских. Интересен доклад Н.Е. Маркова о монархическом правлении. Говорили: профессор Локоть, я, П.В. Скаржинский, граф В. Бобринский и др.

24 ноября снова получил письма моих милых из Киева, такие милые, такие трогательные. Ниночка пишет, чтобы я купил всем материи и ботинки. Дорогие мои деточки, как я счастлив сегодня!

Продолжаю перевод лекций для профессора Ясинского.

Среди русских ссоры, дразги, деления на партии, чуть не на касты... Опускаются руки, гибнет вера в людей.

11 декабря. Вчера был день рождения моей нежной Ирочки... Холодно у меня в комнате, не на что купить дров.

31 декабря. Всю неделю был болен. Завтра новый год по н. ст. Что несет он мне, и Родине. *Как там живут они?*

1922-й год

8 января. Вчера на празднике Рождества Христова был на обеде у директора женской гимназии Стевана Милованова, была еще наставница из нашей же гимназии. Обед прошел с соблюдением всех сербских обычаев, что мне очень нравится. Сначала дали по рюмке ракии, а перед самым обедом по чашечке подогретого красного вина. Блюда: суп, гусь с картофельным пюре, жареный поросенок, торт, кофе, «часница», в которой был запечен серебряный динар. Достался мне. Из-под скатерти тянули солому: у кого длиннее, тот дольше проживет. Гасили «божичну свечу» и напряженно глядели, в чью сторону склонится дымок: знак, что тот умрет в этом году. Дымок пошел кверху. После обеда был у сослуживицы Бояны Каракашевич, где с ее отцом секли калач. Отец (ныне покойный) говорил речь о России и наших страданиях. Вечером был у чеха Ф. Кадлеца.

10 января. Вчера был день рождения Марусечки, которой исполнилось 15 лет. Почти барышня...

16 января. Получил письмо от семьи. Ужасно там. Сердце надывается. Зовут меня домой, а как ехать, в Чрезвычайку попадешь... не знаю, что делать...

4 февраля. Сегодня получил от Министра просвещения указ о назначении меня «суплентом»²⁴², т. е. подпреподавателем. Жалования на 50 дин. в месяц больше.

9 февраля. Сегодня помолился за именинницу Марусечку. От гимназии был представителем на встрече нового новосадского епископа Ириния д-ра Чирича. Говорит на греческом, русском, французском, немецком, мадьярском, древнееврейском языках. Зима. Комнату не топлю, а все время сижу или в гимназии, или где-либо. Нет дров; но это пустяки, а *как там, в Киеве?*

15 февраля. Получил письмо из Константинополя от Николая Владимировича Стороженко, бывшего директора I Киевской гимназии и богатого помещика Полтавской губ. Брат его, милый Андрей Владимирович, известный знаток украинского вопроса, живет, скрываясь, в Киеве. Н.В. пишет, чтобы я пока и не думал о возвращении в Киев.

22 февраля. На дворе тает, но в моей комнате, выходящей окнами на север, холодно.

26 февраля. Масленица... Здесь она не существует.

5 марта. День рождения Толечки. Мне остается только вспоминать такие дни и... плакать...

11 марта. Был в Белграде. Л.В. Могилевская дала мне несколько денег, чтобы я мог послать пакет с провиантом в Киев. Горячее ей спасибо. Через Франко-Сербский банк отправил пакет от имени Л. Подольской.

15 марта. Русская колония совершала панихиду по всем погибшим от революции.

20 марта. Вчера русская колония встречала генерала П.Н. Врангеля: высокий, стройный, строгий, в черкеске, есть во внешности нечто похожее с гетманом Скоропадским. Мне он понравился, но что-то в нем показалось мне авантюристическим.

22 марта. Русские служащие в учреждениях с беспокойством говорят, что прибавка на дороговизну коснется лишь местных чиновников.

2 апреля. Холодно. Пишут о смерти Ленина... не верится.

6 апреля. Нансеновский комитет из Парижа извещает, что мои два доллара на посылку пакета в Россию получены. Болен был, с температурой до 39,4°.

15 апреля. Послал пакет в Россию за 10 долларов.

6 мая. День ангела Шуруны и Толечки... Как рад я полученному от них письму; Ирочка прислала нарисованные ею букетики роз.

18 мая. Шуруна зовет меня в Киев...

26 мая. В Белграде умерла жена профессора Е.В. Спекторского²⁴³.

6 июня. Завтра венчание Короля Александра на румынской принцессе Марии.

19 июня. С.Н. Гербель, которого я видел, настроен безнадежно.

21 июня. Ю.А. Яворский пишет, что благодаря проклятой руке украинской мафии, как он выражается, он не утвержден профессором университета в Братиславе, хотя и избран университетской коллегией.

1 июля. Шуруна пишет, что возвращаться мне нельзя. Она хотела бы вырваться из Киева, но много препятствий.

3 июля. Митрополит Антоний вчера читал здесь лекцию о патриаршестве.

5 июля. Красный Русский Крест прислал мне извещение о разрешении мне лечить ревматизм в Ковылячьей бане, т. е. на минеральных водах в Ковыляче.

11 июля. На пути в Ковылячу баню прибыл в г. Шабац, полуразрушенный в эту войну. Город захолустный. Имеется старая церковь, построенная при султанине Махмуде II. Она была перестроена на средства русского императора Николая I при князе Милоше Обреновиче. Церковь сейчас, как много пострадавшая от бомбардировки, возобновляется. В городе приличная гимназия, где служит русский преподаватель Долгоруков. Жена его, по происхождению молдаванская армянка или еврейка, покинула его, сошлась с преподавателем новосадской учительской женской школы И.И. Сергеевым (он теперь переведен в Сомбор, она же умерла после операции).

12 июля. Меня поместили вместе с сербскими инвалидами. Шумно, грязновато, но ничего. Купался в общем бассейне...

14 июля. Ковыляча Баня находится под горой Гучевом. Сегодня с двумя сербами я отправился туда утром в 7 ч. и пришли около 9 ч. На верху горы находится памятник, поставленный австрийцами на месте, где пало 3000 австрийцев. Чрезвычайно красивый вид на р. Дрину и боснийские горы. Памятник в виде остроконечной пирамиды. Работали его пленные итальянцы, нося с огромным трудом камни, обтесанные под горой. В лесу на горе живут дикие кабаны, серны. По словам инвалидов, с которыми я живу и которые сражались здесь, ожесточенное наступление против сербов вели здесь боснийцы и хорваты. Инвалиды с непередаваемой ненавистью и сарказмом говорят об хорватах, а боснийцев считают просто тупицами.

15 июля 1922 г. Читаю «Преглед српске книжевности» профессора Павла Поповича²⁴⁴. Рассказ серба-инвалида из-под Пожареваца о происхождении мухи в пределах Голубца, уничтожающей скот. Один раз Святой Георгий Победоносец приехал в это место, увидел девицу и попросил ее поискать у него в голове вшей. Положил ей голову на колени и заснул. Вдруг из Дуная вылезает змея («ала»). Девица закричала, стала будить Св. Георгия, но напрасно, она стала плакать, и от капнувшей на его лицо слезы Св. Георгий проснулся, вскочил на коня и вонзил в пасть змеи пику, затем отрубил ей голову. Но голова имела ноги, и змея быстро уползла в гору Голубац, от нее произошли ядовитые мухи, которые губительны для скота на пространстве до реки Моравы... Все это говорилось мне самым серьезным тоном...

18 июля. Ломота в руках и ногах. Встаю в 4 ч. у., сажусь в бассейн в 5 ч. у.

20 июля. Сажусь с книгой на горе, среди прекрасной растительности. Устроены хорошие дорожки. Вблизи сербы накладывают воз сена. Волы беспокойны от мух, и серб их ругает, а также ругал и Бога. «Крестная слава», как я уже говорил раньше, семейный праздник сербов. Каким образом у быков есть такая слава и как можно с ней поступать, это известно лишь ругающимся.

На деревьях перескакивала белка.

27 июля. Инвалиды ночью разговаривают и не дают спать. С 2 с половиной часов утра не сплю, в парке читал Скерлица «История новой сербской литературы». Сегодня осматривал инвалидские бараки генерал Матич (после был баном в Новом Саду, где и скончался). Я его спросил, не может ли он помочь мне получить разрешение на въезд сюда моей семьи. Ответ был отрицательный.

28 июля. Стало холодно. Надо уезжать из бани. Принял 17 ванн.

29 июля. Вчера с массажистом Израилевым, российским евреем, произошел такой инцидент: он присвоил себе кровать русского кадета, и тогда сербские инвалиды с негодованием заставили его освободить ее и удалиться из барака. Он ушел, а затем, возвратившись, заявил, что у него пропало 1200 дин. За обедом инвалиды подняли против такого дерзкого обвинения шум, причем особенно возмущался делопроизводитель министерства финансов Дёрдич. После обеда Израилев опять пришел и стал в отсутствие Дёрдича настраивать против него инвалидов: «Я – русский, – кричал он, –

воспитывался в любви к сербам», и далее: «я с королем Петром здоровался за руку, а с военным министром Васичем запанибрата; служу в военном госпитале, и у меня служат профессора Терebinский, Вербицкий, Сиротинин».

Сегодня выехал я к морю, в Эрцег Новый. Дорога красивая, лесом и горами.

6 августа. Был в Саввином монастыре. Сохранилась старая церковка, основанная в 1030 г. и возобновленная в 1831 г. В алтаре и по стенам вообще фрески с изображением Василия Великого, Иоанна Златоуста и др. св. Они изображены в фелони, с бородами, в подризниках, с омофором на плечах. На престоле евангелие московской печати 1768 г. Новая церковь очень красива, на стене висит рукопись митрополита Даниила от марта 1777 г., написанная славяно-русским языком.

12 августа. Был в городе Которе, прилепившемся к скалам, ехал чрез Зеленики, Кумбор, Балшич, Котору, Тиват, Белу, Ластопролив, Вериги, Присан, Пераст, видел развалины башни бана Пивлянина. Пераст тем интересен для нас русских, что в нем была, по желанию русского императора Петра Великого, «навигационная школа». До сих пор сохранилась там картина, изображающая русских. Сербская подпись на картине такова: «Кнезови или принципи (принцы): Борис Иванович Куракин – пашеног²⁴⁵ (шурин) царёв, Иаков Галицин, Дмитрие Галицин, Феодор Галицин, Гиврак Иглаков, Михайло Иглаков, Андрия Иглаков, Иван Данилович, Андрия Иванович Репнин. Властела или бойари: Аврам Теодорович брат царице Московске, Владимир Сараметов брат генералев, Иван Рижевски син великог благодрижителя, Михайло Врлисеv, Никита Иванович, Иврак Буторлин, Михайло Матускин». Подпись под картиной: «Марк Мартинович поучает князей и московских бояр, здесь переименованных, морским наукам и поведению». Бока Которская дала России много моряков, например, Комненовичей, Цотичей, Ивановичей, Накиченовичей, Дюрасовичей, Желаличей, Поповичей, Иличей, Матковичей и т. д., которые плавали под русским флагом.

23 августа. На обратном пути прибыл в Дубровник (Рагузу). Красивый средневековый приморский город-республика, с княжеским дворцом и древними церквями – Богородицы, Влаха и монастырей – францисканцев и доминиканцев. В церкви Святой Троицы икона Тициана «Вознесение». Был в музее. Хранитель музея очень нелюбезен. Все здесь хаотично, не систематизировано. Интересна голова акулы с огромной пастью, легко могущей проглотить человека. Слышал такую сербскую пословицу: «Ко више себе плуе, на образ (лицо) му пада», т. е. кто домогается чего-либо не по своим силам, спотыкается.

27 августа. В мои руки попало следующее интересное письмо председателя Скупщины д-ра Ива Рибара²⁴⁶ М.В. Родзянке, бывшему председателю Государственной Думы: «Господине, примио сам Ваш лист (т. е. письмо) који ме је силно обрадовао. Задовољан сам и сретан, да један велики син рускога народа као што сте Ви, полаже најбоље наде у будућност и величину наше државе и земље. Ја се надам, а и уверен сам чврсто (крепко), да ће Русија васкрснути (воскреснет) као једна јака (сильная) славенска држава која ће нашој држави и опет бити (будет) веран савезник, брат и искрени пријатељ. У васкрснућу Русије видим (вижу) напредак целокупне славенске расе, њен заједнички иступ и заједницу која ће нам у будућности бити потребна за очување ... јачину (силу) и самоодржање славенства. У том заједничком раду (работе) за (для) нашу опћу славенску ствар (дело) надам се, да ћемо се – ускоро наћи (скоро

встретимся). Изволите, Господине Председниче, и овом приликом примити уверење мог одличног штовања. Београд. 5.VIII.1921 г. д-р. Иво Рибникар, председник Народне Скупштине».

В «Общем деле» от 27 апреля 1921 г., т. е. с опозданием, прочитал: Президентом дальневосточной республики состоит «Тобельсон, выступающий под именем Краснощекова,²⁴⁷ эмигрант из Америки и бывший содержатель дома терпимости»... В виде последней инстанции англичанам было предложено поехать в Ростов к южнорусскому диктатору Фрумкину. Англичане заключали договор с представителем «Внешторга» товарищем Гольдманом».

В № 311 той же газеты от 23 мая 1921 г. пишется известному балетмейстеру Дягилеву²⁴⁸: «Сейчас, когда православная Русь молится, замаливает тяжкие свои грехи, вы не щадите даже эти чувства. У вас на сцене происходят форменные похороны... козы. В оркестре траурный марш, мужики несут гроб, плачут, бабы кричат, причитывают. Недостает только священника, но его заменяют главки Василия Блаженного среди кубистической декорации и кроткий лик Богоматери, с неугасимой лампадой над карикатурной постелью «глупого купца»...

Во главе кубанско-черноморской Чрезвычайки – Фельдман, комиссаром армии – Эпштейн». Берлинский «Руль» пишет: «Судьбы Индии в настоящий момент находятся в руках трех английских евреев – Лорда Рединга, Монтегю и сэра Вильяма Мейра – верховного комиссара. Антисемитическая печать рвет и мечет».

[...] Экзаменующихся 29 чел., в том числе наша наставница А.А. Розеншильд-Паулин²⁴⁹. Любопытно, что представитель Министерства Просвещения Йован Живонович²⁵⁰ объяснял правила экзамена по-мадьярски.

19 сентября. Получил письмо от сестры Доры²⁵¹. Пишет о голоде, все продала, муж ее умер. Возвращаться не советует.

23 сентября. Я и Розеншильд признаны выдержавшими экзамен. Экзаменаторами и довольно строгими были: директор мужской гимназии Васа Данилович²⁵², д-р Милан Петрович (ныне служит со мной в женской гимназии), по географии Влад. Маринкович²⁵³, и из сербского языка Милан Йованович, прозванный «баба». Из сербского языка отвечал о Петре Петровиче Негоше, по истории – о расселении сербов на Балканском полуострове и о бое на Иванковце. О расселении ответил отлично, а о бое забыл год и имя Гафиза-паши, по географии о значении Балканского полуострова и о рудном богатстве и промышленности.

26 сентября. Все дорожает, а надо помогать в Киев, между тем есть еще долг.

9 октября. Вчера получил от сербского писателя Велька Петровича²⁵⁴, служащего в министерстве просвещения, что я, за неимением «квалификации», не утвержден профессором гимназии. Вот тебе и экзамен сдал...

15 октября. Священник Алексей Русецкий из Еремич Минской губернии, мой сотрудник по «Минскому Слову», оказался здесь, был у меня, читал лекцию о Колчаке, сибирском ледяном походе и борьбе с большевиками в Приморье. У него я заметил что-то авантюристическое. Он уехал потом в пределы Польши, в Белоруссию. Мне вспомнилось, как в «Минском Слове» он пробрал исправника Сорокина, который привлекал меня к суду, ибо Русецкого я не выдал.

29 октября. Напечатал статью по-сербски в «Заставе» (№ 237 – 1922 г.) «Сибирская трагедия».

24 октября. Сегодня, по случаю победы сербов при Куманове²⁵⁵, профессор Милан Йованович произнес в гимназии речь. Говоря о исканиях сербами помощи на Западе, лектор ни звука не сказал о роли России на Балканах. Тяжело видеть это явное замалчивание России; рассказывая о случаях перемены веры сербами на католическую или униатскую, Йованович сказал: пусть проклято будет молоко тех матерей, которые вскормили изменников православию...

28 октября. Послал в Киев Нансеновскую продовольственную посылку. Из Киева давно нет вестей.

4 ноября. Вернулся из Белграда, где был в болгарском посольстве для выхлопотания визы для моей семьи. Болгары довольно грубо отказали. Просил З.И. Ткач-Бурлак сходить в отделение Лиги Наций.

6 ноября. А.В. Стороженко пишет страшное о состоянии в Киеве.

11 ноября. Сегодня в «Заставе» помещена моя статья «Эволюция большевизма». Был у вдовы композитора Изидоры Баич, шурина которой служит в министерстве иностранных дел, относительно переезда моей семьи сюда. Вчера был на лекции Страинича «О польском искусстве».

13 ноября. Приехал из Афин В.В. Гольцов-Богданов²⁵⁶. Под Афинами у него умерла жена от голода и холеры, на пути сюда из России. Труп ее был сожжен. Греки не выдали вещей мужу. Священник Миливой Йованович произнес речь, в которой подчеркнул, что Россия создала великую Болгарию, а о роли России для Сербии ничего не сказал...

3 декабря. Дал Добровольскому Гр. Гр.²⁵⁷ 180 дин. для отправки моим посылки в Киев.

7 декабря. На уроке у меня был инспектор Живойнович и остался очень доволен, а сегодня один русский за обедом рассказал мне, что он служил на фабрике «Графика», его хвалили как хорошего работника, а потом уволили, т. к. понадобилось место сербу.

9 декабря. Послал сегодня в Берлин 100 дин. некоему Лерху, чтобы он переслал их в Киев; дойдут ли?

11 декабря. В присутствии Живойновича, Милана Йовановича и директора Стевана Милованова дал сегодня практический урок из географии; объяснял о Балканских, Родопских и Карпатских горах в королевстве С.Х.С. Прошло хорошо. При объяснении детям я употребил незаметно для себя слова «ваша держава». После инспектор заметил мне неудобство таких слов: «Вы уже наш» – сказал он. «Ваш», а в правах меня не уравнивают (не уравнивали до сих пор, несмотря на 11 с лишним лет службы...). Письмо А.В. Стороженка о состоянии России удручающего характера. Ночью еду в Белград опять хлопотать о дозволении моей семье приехать сюда.

13 декабря. В Белграде был в министерстве иностранных дел, польском посольстве, русском консульстве, Державной комиссии, хлопоча о визе для семьи. Милан Йованович заговорил о моем выражении на уроке «ваша держава»: для меня оскорбление. Вы хотите этим показать русский «супериоритет» (превосходство), но это надо оставить. Какой болван: никакого тут «супериоритета» не было, а просто психологически язык не поворачивается иначе сказать (теперь, по прошествии лет, иное дело). Ученицы V класса, говоря о сербском языке, сказали: проще и красивее этого языка нет на свете... А у нас, бывало, все свое хаяли. Нет, даже шовинизм полезнее, чем наша космополитичность.

15 декабря. Хлопотал в городской думе о дозволении приезда сюда моей семьи. Градоначальник Жарко Стефанович,²⁵⁸ к которому меня не хотели пустить, сказал, что русских тут слишком много и что поэтому он не может разрешить въезда. Я сказал, что пусть разрешит лишь временно и что если моя семья будет выпущена из России и приедет в Югославию, то я обещаю сам покинуть Новый Сад. Не знаю, выдадут ли (выдали).

16 декабря. Польское консульство извещает меня от 15 дек. № 3363, что мне будет дана для семьи транзитная виза, если только Королевство Югославия выдаст удостоверение, что оно примет к себе мою семью.

18 декабря. Общее собрание русской колонии, и какое скандальное. Просто стыдно было присутствовать. «Београдски Цицвариев дневник» от 17 декабря 1922 г. № 330 с особым подчеркиванием приводит следующую выдержку из письма покойной царицы Александры Федоровны к царю: «А чего теперь хочет эта проклятая Греция. Это не звучит утешительно, пусть черт возьмет весь этот Балкан. А теперь еще и эта идиотская Румыния. Что она думает. Хоть бы пропали все эти балканские государства. Россия всегда была для всех них матерью, которая их любила и щедро помогала, а они после изменнически поворачивают нам спины и ведут войну против нас». Я не встречал такого письма. Было ли оно?

25 декабря. В «Балкане» за 24 декабря 1922 г. № 332 напечатано: Когда Мохаммед II²⁵⁹ в 1453 г. осаждал Константинополь, одни турки не хотели воевать, а другие настаивали. «Согласно нашему летописцу, турки говорили: а что касается того, что христиане придут на помощь Константинополю, то в это мы не веруем. Они всегда заняты своими интригами и более всего боятся один другого. Правда, у них много размышляют, объясняют, но мало делают. Что решат вечером, то переменят утром, даже когда и решат предпринять что-либо, то и тогда медлят приступить — просто теряют напрасно время. Вот почему не надо их бояться».

28 декабря. Старый Милан Йованович сказал: завтра экзамен для русских, они слабо знают наш язык, будем их проваливать, зря не пропустим... Шовинист... Получил письмо из дома: посылки мои «Ара» и Нансенов получены. Слава Богу.

30 декабря. В «Единстве» (демократическом органе) и «Заставе» (радикальском) напечатаны мои статьи о тяжелом положении русских чиновников здесь. Вчера мои ученицы принесли мне много старья для русских и для моей семьи. Это меня очень тронуло.

1923-й год

1 января нов. ст. Время бежит, а Родины все нет... в № 1 от сегодня в «Дячком (ученическом) листе» напечатано о Нансене: «Спустя сотни лет он, во всяком случае, будет провозглашен за святого»... Вчера ездил в Карловцы повидать митрополита Антония: он уезжает на 4-й день нашего Р. Х. на Афон. По-прежнему он большой шутник. Когда келейник (диакон) принес ему бумагу для подписи и сказал, что в ней есть ошибки, Антоний бросил фразу: «Насрать на них». Говоря о своей жизни в Харькове, м. Антоний передавал, как он, сопровождаемый многими, вошел в залу, где еще шли приготовления. Офицер, приводивший залу в порядок, ругал служителя трехэтажными словами, но, заметив митрополита, смутился, а последний на это сказал: «Видно, что патриот», а когда офицер, как бы ободренный этим, еще загнул, Антоний добавил: «и славянофил». Разумеется, все покатались со смеху.

2 января. Интересный концерт дали здесь русские артисты Юренев²⁶⁰ и г-жа Волевач²⁶¹. Какие крупные силы выбросила Россия!

5 января. Директор нашей гимназии Стеван Милованов уволен в отставку. Его место понадобилось для депутата Скупщины, радикала, Марка Вилича²⁶², а Милованов демократ. Замена радикалами демократов чиновников идет вовсю, таковы последствия парламентаризма. Корпорация выразила Милованову, как опытнейшему педагогу, свое сочувствие, на что он сказал: меня оскорбляет такое отношение, ну что ж? Я еще вернусь, когда выборы будут неблагоприятны радикалам (он не вернулся). Милованов был очень взволнован.

10 января. Греки не пустили митрополита Антония, уже имевшего визу, на Афон, и он вернулся в Карловцы.

12 января. Был в Белграде, ночевал у профессора Терebinского. В один вечер к нему собрались профессора – знаменитый Василий Николаевич Сиротинин, Федор Васильевич Вербицкий и сербский полковник, ученик русский, Драгуслав Попович (ныне покойный). Все мы играли в винт, причем Сиротинин, плохо играющий, волновался, а Вербицкий тонко над ним посмеивался. 12 января на обед пришли сюда – профессор Спекторский, Д.П. Кишенский и Антон Д. Билимович. Совещались, как вырвать русскую гимназию у директора Плетнева, социал-революционера. Был у Л.В. Могилевской. Баич в министерстве иностранных дел сказал мне, что сертификат для въезда сюда моей семьи я получу. Наконец-то!

14 января. Под Новый год в русской церкви служил епископ Ириней. Готовлю вещевую посылку в Киев из предметов, принесенных ученицами, при милom содействии законоучителя Косты Николича²⁶³.

21 января. У меня ночевал А.А. Никольский, прибывший из Белграда, бывший председатель цензурного комитета в Киеве. Он кандидат Киевской Духовной Академии.

30 января. Наша корпорация чествовала прощальным банкетом директора Стефана Милованова. Говорил речь и я. Литературный кружок учащихся гимназии тоже прощался с директором, причем все ученицы плакали...

4 февраля. Всеобщей плач был, когда директор прощался со всей гимназией. Директор принадлежал к демократической партии, но политикой никогда не занимался.

Вчера в нашу русскую церковку, при архиерейском доме, прибыл архиепископ Феофан с иконой Курской Божьей Матери. За неимением чтеца я читал на клиросе и доктор П.И. Плищенко.

На неделю Православия колония хотела пригласить митрополита Антония, но серб епископ Ириней, обиженный им за резкий отзыв, не хочет этого.

12 февраля. «Политика» сообщила, что 9 февраля в Польше убит митрополит Георгий Ярошевский. Это тот самый, о котором я не раз упоминал уже в своем «Дневнике». Снедаемый честолюбием, он тайно покинул Югославию, переехал в Бари в Италии, оттуда прибыл в Рим, завел сношения с папским двором, что-то там обещал и за это, при содействии римской курии, так сильной своим значением в католической Польше, был назначен православным митрополитом в Польше. Политика его, в ущерб Православии, настолько возмутила русских, что архимандрит Смарагда²⁶⁴, ректор Холмской духовной семинарии, убил его двумя выстрелами из револьвера. «Такой поступок старейшего духовного лица, — пишет газета „Речь“ в № 34, — возбудил во всей Польше большую сенсацию».

Своему ученику Гудим-Левковичу послал удостоверение об окончании Киевской II гимназии; рад, что могу быть полезным своим ученикам... Баич сообщил из министерства иностранных дел, что виза для моей семьи от 13 января 1923 г. за № 60 послана в Варшаву.

14 февраля. Послал вещевую посылку в Киев через А.М. Заболотного²⁶⁵, куда вошли: поношенное летнее пальто, старые перчатки, 3 детских платяца, 2 детские накидки, жакет, 3 куска мыла, 3 пачки иголок, катушка черных ниток, 3 катушки белых, 3 пары детских ботинок, 3 рубашки, 3 кальсон, 3 пары чулок, 3 носовых платка, 2 с половиной дюжины пуговиц, баночка вазелина, шерстяная юбка, — все это из подаренных вещей.

18 февраля. Граф С.А. Комаровский, сын известного профессора московского университета, прочитал лекцию по поводу книги профессора Арсеньева²⁶⁶ о пессимизме.

20 февраля. Послал удостоверение для университета, что Ар. Мак. Пищенко окончил нашу киевскую II гимназию.

Горе побежденным: двое русских зашли в кофейную. Перед уходом им подали счет за 21 чашку кофе. На протест им сказано: русские всегда не платят и скандалят. Другой случай: русский приходит в кофейную и вешает пальто на переполненную вешалку, оно падает, лакей, при общем одобрении, бранит русского. На шум приходит хозяин и говорит лакею: что ты шумишь, разве не знаешь, что русские — дикари и что они вешают свои одежды на деревьях в лесу, а не на вешалках...

1 марта. Милое письмо от семьи... Бывший член киевского окружного суда А.М. Чечот пишет мне, чтобы я возвращался в Киев, где положение моей семьи просто ужасно...

11 марта. С 1 марта здешние преподаватели получили квартирные деньги, русским не дали, на дороговизну русским дается меньше, служба моя в России не принята в расчет, и я получаю меньше учительницы рисования. В «Новом Времени» (11 марта) напечатано, что «по королевству СХС собрано на голодающих в России всего 6974 дин. 35 пара».

И на 10 человек не хватит.

20 марта. От Министерства Просвещения поступило разъяснение, что контрактные супленты, значит и я, не получают на дороговизну, а привременные учителя (низшая градация). Директор мужской гимназии сообщил, что Министерство Просвещения дозволило мне держать экзамен «спремности» (на право преподавания), а между тем я его выдержал еще в сентябре 1922 г. и получил удостоверение.

26 марта. Вчера профессор Е.В. Спекторский прочитал для русских в Матице Сербской лекцию «Государство и церковь». Пил у меня чай, поспал, а в 7 ч. в. я проводил его на вокзал. Спекторский передавал, что министр финансов Кумануди²⁶⁷, к которому пошли русские университетские профессора относительно жалованья за чтение лекций, сначала обещал по 30 дин. за лекцию, а потом стал сбавлять на 25 дин... Печатающие русскими профессорами своих трудов не всем приятно.

27 марта. В «Гласник Профессорского Друштва» (кн. III, янв.-фев., стр. 1–4) напечатана моя статья «О родительском зборовима и комитетима»²⁶⁸. Министерство просвещения разъяснило, что квартирная плата не дается русским преподавателям, а лишь югославянским.

2 апреля. Радость велика: получил письма от жены и деток.

5 апреля. Письмо от А.М. Чечота получил в церкви на Чистый Четверг, приготавлиаясь к причащению. Сообщение о близорукости Ирочки как ножом меня пронзило. Я стоял с глазами, полными слез.

6 апреля. Видел себя во сне во власти Чрезвычайки. В Великую Пятницу служил епископ Екатеринославский и новомосковский Гермоген²⁶⁹.

8 апреля. Пасха. Был у светлой заутрени. Холодно на дворе, холодно и в душе.

9 апреля. Терebinский не советует возвращаться в Россию. Близорукость Ирочки меня просто угнетает.

14 апреля. Невеждины получили из России разрешение вернуться на Родину.

22 апреля. Епископ Бачский и новосадский Ириней, в сослужении протоиерея Ф. Синькевича²⁷⁰, протоиерея Янкулова, харьковского протодиакона Вербицкого и нашего диакона, совершил освящение русской церковки в его доме. От Белграда были – княгиня Святополк-Мирская и инженер Аносов²⁷¹.

27 апреля. Сербское Профессорское Друштво (общество) прислало в нашу гимназию предложение, в котором, говоря о необеспеченности в материальном отношении преподавателей средней школы, настаивает, чтобы мы все подписали это предложение. Сущность его в том, что если правительство к 20 мая не улучшит материального положения

преподавателей, то будет объявлена всеобщая преподавательская забастовка. По этому поводу я подал следующее заявление: «Улучшение материального положения преподавательского персонала есть предмет, о котором не может быть двух слов: оно крайне необходимо, что более всего чувствуем мы, русские. Но для нас существует вопрос, имеем ли мы, русские, право вмешиваться во внутренние дела королевства СХС, хотя мы приняты и работаем на педагогическом поприще. Из того, что мы не приняты на службу в положении, какое имели в России, что мы не получаем одинакового со своими сербскими и мажарскими коллегами жалованья и прибавок на дороговизну, что нам не засчитана педагогическая служба в России, что нас подвергают экзаменам, ясно, что мы не равны с нашими сербскими коллегами. Следовательно, мы не имеем права решать вопросы, которые может решать преподаватель-серб, что так на нас смотрит и государство и само профессорское Общество, которое до настоящего времени не хлопотало об урегулировании нашего служебного положения; далее, мы не желаем, чтобы хоть кто-либо мог обвинить нас как разрушительный элемент, так как мы более чем кто-либо знаем, насколько опасны для государства разрушительные элементы; но мы совершенно согласны с принципиальными и справедливыми пожеланиями Профессорского Друштва и обещаем, что готовы подчиниться воле профессорской корпорации, которую выражает профессорское Друштво, так как мы уверены, что эта воля направлена не только на улучшение материального положения педагогической корпорации, но и на пользу государства»... Некоторые педагоги, например, Милан Йованович, остались недовольны таким заявлением.

29 апреля. Уехали в Киев Невеждины, сестра которых вышла замуж за коммуниста.

12 мая 1923 г. Тяжело. Какая-то тупая безнадежность и безразличие ко всему.

13 мая. Сегодня было общее собрание русского православного прихода для выбора члена Заграничного церковного собора под председательством митрополита Антония. Идет сильная агитация за П. Скаржинского, этого хитреца и политикана. Протоиерей Ф. Синькевич ведет себя крайне партийно, до неприличия, приход раскололся. Граф В.А. Бобринский, говоря в повышенном тоне против сторонников Синькевича, неожиданно выпалил: «Этот священник уже в течение нескольких месяцев нас оскорбляет». На это С. Мирович²⁷² крикнул Бобринскому: «Лжец». Бобринский срывается с места, но жена и друзья удерживают его. Антоний не реагировал на выходку Мировича и лишь объявил перерыв. Я ушел с собрания. После перерыва приступили прямо к выборам. Скаржинский провалился, избран граф С. Комаровский²⁷³. Как все это противно.

29 мая. Невеждиным, уехавшим в Россию через Варну, я передал для моей семьи 10 руб. золотом.

30 мая. Г.Г. Харченко познакомился с монахом Досифеем, рассказавшим следующее: еще во время короля Александра Обреновича были приглашены в монастырь Высокие Дечаны русские монахи. Прибыло из России и Афона 40 человек. Они попали в плен во время войны, а по окончании, когда хотели возвратиться в монастырь, им было сказано, что они не нужны. Лишь благодаря ходатайству русского посла их рассеяли по разным сербским монастырям.

3 июня. Группа монархического объединения поднесла в церкви адрес Синькевичу, которого обидел будто бы Бобринский. Глупцы, поделившиеся на партийные клеточ-

ки, преподносят шпильки один другому, не кланяются при встрече друг другу. Так они «спасают Россию», а политиканствующий поп радуется, видя в этом «духовную правду» и рост церковного самосознания...

9 июня. Министерство Просвещения требует от меня «дипломского экзамена»...

11 июня. В Болгарии свергнут режим Стамболийского²⁷⁴.

17 июня. Был в Белграде. Грызня среди русских отчаянная. Не хочется просто и писать о том. Сеньковский и Сербинович, заведующие хозяйством в русской столовой студентов и покровительствуемые Скаржинским, оказались ворами. Послал домой Нансеновскую посылку. Главный Просветный Совет решением от 4 марта признал за мною «квалификацию за профессора».

19 июня. Видел во сне своих, но лица, кроме Ниночки, как-то иные. Мы поднимались на гору. Надо было спускаться, но так как было круто, то я хотел искать другого пути, но Шуруна сказала: «Не надо искать. Вместе тут поднимались, вместе спускаться надо»...

Сегодня в преподавательской комнате у меня был разговор с преподавателем немецкого языка евреем Ротом. Этот господин отличается редкою среди евреев чертою – любовью к спиртным напиткам. На этот раз он был трезв, но в нерасположении, очевидно, после выпивки, к тому же чем-то был недоволен и рассержен. Он говорил следующее о роли евреев в России и вообще: евреи – колоссальная сила. В своей политике русской они действуют через все государства, особенно Англию, где все, особенно печать – наши. Нас 14 миллионов, и мы вместе с Англией и др. державами не позволим, чтобы в России был царизм. Там будет то, что нам угодно. Миром управляем мы, евреи, и наш капитал. Вот вам пример: когда мадьярский граф Ветлен прибыл в Лондон и Париж искать займа, председатель банковского консорциума сказал ему: вы и ваша власть – антисемиты, а таким евреи не могут дать денег. То же подтвердил ему один англичанин. Ллойд-Джордж, Бальфур и подобные – вот через кого мы действуем. Они – наша армия, и мы зададим всякую монархическую акцию в России. Никакого погрома в России евреев уже никогда не будет. Палестина будет нашим царством, центром, откуда мы будем править всем миром. Вы видите, что сказал на церковном соборе митрополит Антоний в Москве и весь собор: это наши идеи, наши еврейские мысли»...

Сижу на выпускном экзамене, председательствует представитель министерства просвещения Тоша Радивоевич. По немецкому языку спрашивает Рот. В петличке у него красный цветок...

В журнале «София» (I, Берлин, 1923) профессор П. Новгородцев²⁷⁵ пишет: «Демократия, как и всякая другая форма государства, сильна только тогда, когда над ней стоит справедливость, когда народ не забыл, что в мире есть Высшая Воля, пред которой народная воля должна преклониться... Будущее демократии, как и всякой другой формы, зависит от будущности религии» (с. 106)... Так говорит теперь бывший вождь русского демократизма.

22 июня. В той же книге философ Н. Бердяев высказывает следующие интересные мысли: «То, что представляется человеку освобождением, обретением индивидуальности и творческой энергией, есть порабощение его духовного существа природному круговороту, распадение личности... Пафос равенства есть пафос зависти к чужому бытию... современные общества одержимы страстью, которая переносит центр тяже-

сти жизни из творческого утверждения бытия в себе в завистливое отрицание бытия в другом; таким может быть лишь дряхлеющее общество... Человек без Бога перестает быть человеком... По многим признакам мы подходим к новой исторической эпохе, схожей с ранним темным еще средневековьем, к VII–IX векам, и многие из нас должны чувствовать себя последними римлянами... Через эту варваризацию нужно пронести немеркнущий свет... Христианство освободило человека от терзавших его демонов природы. Взойдет солнце нового христианского ренессанса; быть может, он будет в катакомбах... И потому без страха и уныния должны мы ступить из дня новой истории в ночь средневековья, пусть померкнет ложный и обманчивый свет... Россия не имела Ренессанса. Она осталась Востоком и остается Востоком и в наши дни... Быть может, мы, русские, способны принять участие лишь в христианском ренессансе. Но для этого мы должны пройти через великое покаяние и очищение, мы должны огнем выжечь суеверие и идолопоклонство лживого и разлагающегося гуманизма во имя христианской идеи человека... церковное и религиозное возрождение будет после революции творческое, а не просто реставрационное. Только им и может быть спасена Россия... Из недр церковных начнется творческое религиозное возрождение, которое будет продолжением подлинного, духовного, мистического русского православия. В церкви не может быть революции, не может быть и реформации, не должно быть и реставрации... Религиозное возрождение в России, без которого Россия не может быть спасена, будет мистическим, а не рационалистическим исполнением великих упований и чаяний христианства...»²⁷⁶

23 июня. Рот сказал, что их орган «Юдишес фолксблатт» субсидируется русскими и американскими евреями.

24 июня. Здесь, в пределах бывшей Австрии, жизнь сложилась по-своему и нам представляется странной во многом: г-жа одна и летчики ходили к одному русскому в гости. Хозяин вздумал подсматривать в щелочку дверную и подал в полицию заявление, что русские устроили тут дом свиданий. Некоторые особенно ухищряются пакостить русским. Инженер Ю.Н. Шретер²⁷⁷ шел с женой после 11 ч. ночи. Встречаются двое полицейских и требуют документы, ибо, дескать, женщина после 11 час. ночи не может ходить, если она не проститутка. Кончилось тем, что их препроводили в полицейский участок. Еще одна хозяйка нажаловалась на русского, его позвали в участок, где избили.

1 июля. Гулял в парке. Бабы-католички идут в какой-то процессии, неся впереди крест, дошли до ресторана в парке и сели за пиво... От Невеждиных получилось письмо о том, что они прибыли в Киев 19 июня.

16 июля. Выехал в Любляну.

17 июля. В 10 ч. утра приехал в Любляну к профессору Ясинскому Михаилу Никитичу. Ходили по городу. Особенно мне понравился огромный и дивный парк Тиволи, содержимый в большом порядке. Внутри дом Радецкого, воевавшего с Италией в 1857 г.²⁷⁸ В городе М.Н. показал мне дом, где останавливался император Александр I во время «Лайбахского» конгресса в 1819 г., и дом, где жил Наполеон²⁷⁹.

18 июля. Прекрасен городской музей, богат предметами геологическими, фауны и флоры Словении. Интересны сталактиты и сталагмиты из Адельбергского грота

(Постоинской ямы). Археологический и исторический отделы не богаты. Видел позолоченный бюст императора Николая I. Почему он здесь? Интересны зоологический и адриатический отделы.

Был в церкви иезуитов, колокольня которой представляет копию храма Спасителя в Иерусалиме; икон почти нет, есть бюст Игнатия Лойолы.

19 июля. Был в церкви св. Иакова, францисканском и доминиканском монастырях, гулял в парк «Тиволи», за 3-4 километра вглубь, обедал с М.Н. Ясинским у г-жи М.А. Андреевской, где были – барон В. Ром. Кнорринг²⁸⁰, К. Ламзаки. На обратном пути г-жа Ламзаки рассказывала об ужасах жизни в России. Чтобы не отдать своих вещей большевикам, она порубила шкаф, столы. «Не возвращайтесь в Россию, – сказала она, – иначе неизбежно погибнете». Ее невестка с ребенком 9 месяцев тому назад бежала в шторм на лодке парусной в Болгарию. Здесь издевательства над русскими были тоже ужасны: несколько раз полицейский начальник грозил отправить обратно в Одессу, но французский миноносец защищал русских от болгарского варварства. О евреях Ламзаки не может говорить без негодования. Вечером зашел к Ясинскому проф. Н.М. Бубнов и жена Грудинского, никогда не бывшего профессором, а здесь принятого в качестве профессора математики в университет. Она защищала евреев и бранила русских, как полагается щирой украинке.

20 июля. Был в городской крепости. Чарующий вид на горы Караванки, Камнишкия. Ко мне подошел русский студент и сказал, что отношение здесь к русским отрицательное. На одном заводе рабочий отозвал русского в сторону и сказал: «Проклятый Рус, я на тебя работаю»...

22 июля. В 7 час. утра вышли с Ясинским в замок Штробельгоф, по-словенски – бокальце, принадлежащий немецкой баронессе Мюллер фон Диттенгоф. Прибыли в 10 ч. 15 мин. утра, весь путь – настоящий рай, среди гор, ковра цветов, травы, леса. Мы пришли к князю (ныне покойному) В. Трубецкому²⁸¹, адмиралу Черноморского флота, прославившемуся преследованием «Гебена». Теперь он занимается торговлей шерстяными фабрикатами. Здесь оказался барон В. Кнорринг. Князь сказал: «Обидно сознавать, что всю жизнь специализировался на морском деле, а теперь приходится торговать на чужбине...» За обедом рассказывали много интересного. М.Н. Ясинский сказал: когда во время войны император Николай II прибыл в Киев, его встречали депутации и в том числе еврейская. При поднесении ею хлеба-соли Царь сказал: «Надо евреям любить Россию, он сожалеет, что они недостаточно ее любят», повернулся и, не взяв хлеба-соли, ушел.

24 июля. С Ясинским утром поехали в г. Камник. Дорога живописная. Через небольшой город прошли в пороховой завод (Барутану), к русскому немцу-инженеру В.В. Винтеру. Жена его родом из Курска. У них живут бесплатно жена и дочь Титова. С последней я ходил смотреть живописные окрестности Камника: горы, крупный сосновый лес. Тут много малины, пахнет грибами. Видна вершина гор Великий Гринтовец. У М.Н.-ча сердечные припадки, плохо настроен.

28 июля. Пишу в вагоне железной дороги на пути к Бледскому и Бохиньскому озерам. Проехали Шкофью Локу, Кран, Лесце (отсюда автомобильный путь до Бледа), Есенице. Гора Стол покрыта снегом. От станции Бохиньская Быстрица пошли пешком 2 часа до Бохиньского озера, взяли номер в отеле «Златорог». Величественная красота. От стан-

ции перед глазами снежный Триглав, озеро упирается в дикие горы, оно ледникового происхождения, как и Бледское, вода в озере синяя, точно морская, пошли на водопад «Савицу», около первого водопада проведена турбина для использования воды для электрической энергии. Главный водопад имеет высоту 60 метров. Здесь холодно, вода производит большой шум. Ночевали в «Златороге». Кошмарный сон. Рано утром с Лебедевым пошли назад к станции. Чудное утро, бисерная вода. Этими красотами должны бы наслаждаться детки мои, а не я, старый... Около 1 часа приехали на Блед. В вагоне словенцы пели «Волга, Волга», это очень популярная теперь тут песня.

2 августа. С М. Н-чем ходил на канал в Любляне. Вследствие болезненности М.Н. – нервный человек. Много говорил мне о жизни Киевского университета. По его словам, еврей Мицкун, бывший комиссаром университета, сказал снисходительно профессору Е.В. Спекторскому, умеющему приспособляться и к Мицкунам: «Вы – хороший человек». Большим подлецом был профессор Довнар-Запольский. Он ставил всякой хорошенькой курсистке условие – принадлежать ему. Его канцелярия как директора курсов была полна наложницами. Желая очистить место в университете для своей любовницы Полянской, профессор Довнар-Запольский использовал случай с профессором Сташевским, заключающийся в том, что Сташевский обвинен был в краже исторических документов из одного московского музея. Когда Сташевскому в профессорском совете предложено было подать в отставку, профессор А-р Д. Билимович предложил подать в отставку и Довнар-Запольскому. Тогда последний вызвал Билимовича на дуэль. Вызов был принят, но Довнар-Запольский струсил и увильнул от дуэли...

5 августа. Сегодня неожиданно появился здесь Н.В. Стороженко, бывший директор Киевской I гимназии, а ныне – инспектор классов в женском институте в Белой Церкви в Югославии. С ним я проходил целый день, осматривая город. Известный киевский адвокат Александр Кистяковский, из окон квартиры которого в Киеве видели убийство украинцами графа Келлера и который проживал здесь в г. Камнике, покончил самоубийством, бросившись под поезд: голова была отрезана. Кистяковский ни во что не верил и очень хандрил. Жена называла его женолюбом и упрекала его в неверности. Он имел любовницу в Белграде. Бабка его была еврейка...

Н.В. Стороженко говорил о вдохновенности и проникновенности церковной службы архиепископа Анастасия. В Константинополе он был в украинском посольстве у посла Лотоцкого и его заместителя Засядко. Н.В. в разговоре с Лотоцким отрекся, что у него брат – Андрей Владимирович, которого украинцы считают «злейшим врагом Украины». Виделся он и с Топор-Топорковским, умеренным украинцем, который все надежды возлагает на Симона Петлюру (убит в Париже евреем Шварцбардом), после которого должен придти украинский царь. Виделся он и с украинцем (а правильнее поляком) Тышкевичем, перешедшим в иезуитизм и мечтающим о слиянии церквей под главенством папы. В тоне Стороженка заметно недоброжелательство к великороссам. Я проводил Стороженка на станцию.

7 августа. Выехал я чрез Карловац к морю. Чехи заволокли Адриатическое побережье.

10 августа. 2 раза купался в море в Црквенице, вчера ходил в Винодол, где был в 1288 году выработан знаменитый Винодольский Статут²⁸², юридический памятник южных славян, сделал также прогулку в развалины средневекового замка хорватов Франкопанов.

17 августа. Возвратился в Новый Сад, получил дорогие письма из Киева.

19 августа. Королевским указом от 13 июля за № 11991 я назначен «профессором под уговором».

23 августа. В № 1324 «Цицваричева Дневника» напечатано следующее: «Мы, сербы, действительно какие-то „милостивые самарянки“. Всякого угощаем, даем пропитание и идем „по шерсти“, всюду проявляем мягкое и сострадательное сердце, одним словом „дураки для всякого, для дураков никто“. Нечто подобное и с братьями русскими: мы их приняли, оказали честь, угостили, а они нас... ногой в живот. Эти их аферы, фальсификации, кражи, большевистская пропаганда, изгнание русского генерала за шпионаж (Комиссаров), кража аэроплана (летчиком Лойко²⁸³) и т. д. и т. д. Наконец, чем можно объяснить выдачу и теперь еще жалованья некоторым русским, когда мы и сами не имеем чем платить своим чиновникам и уменьшаем бюджет. Здесь (в Липике) получает от нашего государства некая русская, а между тем она месит „пирог с маслом“ и ими кормит своих любимцев собак и кошек. До каких же пор будет так? Мы именно милостивые самарянки».

24 августа. К.А. Лабинский²⁸⁴ сообщил мне, на основании письма из Киева, об обновлении купола Скорбященской церкви, что на Сенной площади.

25 августа. Вышла газета графа В.А. Бобринского «Вера и Верность»²⁸⁵, признавшего великого князя Кирилла Владимировича «блюстителем престола» и единственно законным наследником Дома Романовых, под редакцией Сергея Бехтева²⁸⁶ (после рассорился с великим князем Кириллом и перешел в стан большевиков, жена его оказалась большевистской шпионкой, арестована была с Бехтевым в Германии. Они исчезли с новосадского горизонта).

6 сентября. Сегодня у Короля Александра родился сын, нареченный Стефаном, при крещении же Петром.

8 сентября. Вчера полунормальный о. Синькевич на заседании сестричества устроил скандал: удалил Г.Г. Харченко, кричал на сестер, стучал по столу... Министр просвещения за № 3652 от 4 марта 1923 г. сообщил директору обо мне, что «Главни Просветни Совет на своме 1333 редовном састанку дао мишљење да има квалификација за професора (под уговором)»... На памятнике Змая Йована Йовановича²⁸⁷ в Каменице (1833–1904) написано:

Хај, што Србин још се држи,
Крај свих зала,
Песма га је одржала,
Нбојзи хвала...

т. е. то, что серб еще держится, несмотря на все бедствия, это потому, что его поддерживала песня, ей спасибо. Известный австрофил Копитар²⁸⁸, по поводу борьбы сербского митрополита Стефана Стратимировича²⁸⁹ против новшеств введения сербского народного языка, пишет: «Он (Стратимирович) хочет в гордом своем невежестве и фанатизме держать народ без народной литературы до того момента, пока Божиим Провидением русский двуглавый орел не спустится и в Иллирии: тогда бы, конечно,

иллирийский язык мог быть проглочен русским тем легче, что, неразвитый и необработанный, мог тем меньше противодействовать»... «Может быть, государственное управление (Австрии) не будет укреплять союз австрийских сербов с русскими, который там прославляется; но ваша беззаботность ведет к этому» (Гласник Проф. друштва, 1923 г. янв.-фев. с. 53–54). «Просветни Гласник» (май–июнь, 1922 г.) дает такую характеристику сербам: «Ми смо народ парада, естетизма; ми се заносимо (увлекаемся), ми имамо снаге (силы), ми смо јунаци (герои) али смо и деца која се хоће да играју европејског народа (но мы и дети, которые хотят играть в европейцев); ми увек решавамо „велике“ проблеме, најновије, најмодерније, и то би имало да испуни нам живот (жизнь) и да нас прикаже међу првима» (т. е. то бы представило нас среди первых).

В клозете нашей гимназии всюду написаны невероятно циничные надписи. Свежий человек не может поверить, что это писали девочки.

Много работаю, читаю, а Родины, деток все нет и нет...

9 сентября 1923 г. Нам много надо поучиться от сербов и прежде всего в смысле патриотизма.

11 сентября. Послал в Киев денег на сумму 1 фунт стерлингов чрез генерала Ар. Заболотного, а он шлет чрез Барклайс Банк Лимитед в Лондон. Л.В. Могилевская прислала мне для моей семьи 1000 дин. Изумительно добрая женщина.

19 сентября. Русские не могут точно без скандалов: в Петроварадине арестованы двое.

27 сентября. Сын моей сестры Коля Вандышев²⁹⁰, окончивший московский университет, пишет, чтобы я не возвращался в Киев. Им тяжело живется в Воронеже.

14 октября. В № 8 «Веры и Верности» напечатана статья Д. Залужного «Слышишь ли, батько»²⁹¹.

20 октября. Прочитал в «Новом Времени», выходящем в Белграде под редакцией М.А. Суворина²⁹², следующую заметку: «Из частного письма из России: На днях я была свидетельницей такого факта: по улице быстро шла дама (измученное, отекавшее лицо) и вела за руку девочку лет четырех, которая все плакала, вырывалась и твердила: „Мамочка, милая, прости, я больше не буду просить есть“. Дама не обращала на нее внимания и быстро шла вперед. Дойдя до моста, она быстро схватила девочку на руки, бросила ее через перила и сама бросилась за нею в воду»... Страшное волнение охватило меня (да и сейчас, перечитывая это сообщение, переживаю необыкновенное волнение: все-таки мать не имела права так поступать).

1 ноября. В Болгарии убит министр Геннадиев, в Белграде умер крупный политический деятель, сторонник самого тесного сближения с хорватами Стоян Протич.

4 ноября. Интересную лекцию о работе иезуитов прочитал профессор Ляуданский²⁹³, по-видимому, и сам иезуит.

6 ноября. В Карловацкой богословии преподает латинский язык Розов, приват-доцент Киевского университета. Он мне говорил, что «пречанские» сербы, т. е. бывшие под

Австрией, не любят русских и злобно относятся к «сербиянцам», т. е. к сербам южнее Савы и Дуная; таков, например, протоиерей Димитрий Руварац, библиотекарь патриаршей библиотеки. Отказ свой выдавать книги Розову он мотивировал так: «Вы – русский»... Розов находит политику русских царей при Николае I очень плохой в нашем национальном отношении. Министр иностранных дел немецкий еврей Нессельроде, выходец из Португалии, родившийся в чужом подданстве, после поднятия русского флага адмиралом Невельским на Амуре потребовал спустить этот флаг и разжаловать Невельского, и только заступничество императора спасло Невельского и Амур, но и то по иным соображениям: «Раз поднят русский флаг, то спускаться он не должен». Очень шаблонную речь говорил здесь прибывший из Германии Н.Е. Марков (II-й).

17 ноября. Мыл пол, занятие довольно тяжелое. Среди русских крепнет мнение, что отношение сербов к нам все ухудшается. Читаю воспоминания кронпринца германского Вильгельма. Интересно читать, как разлагалось настроение страны и войска и как разложение делали именно социалисты.

20 ноября. После дивных дней заглодало; стал протапливать комнату.

22 ноября. Наш Рот, при преподавателе И. Санковиче, сказал: Пуанкаре²⁹⁴ работает с евреями. Его дело – наше дело. Мы должны очистить атмосферу после Гогенцоллернов, насадить нашу культуру и навести порядок. Мы, евреи, схватили немцев за горло.

24 ноября. Вчера был приятно удивлен, получив на расписке Киевского отделения Государственного банка пришпиленную фотографическую карточку (девичью) моей жены. От радости я ее поцеловал. Жаль, что у меня нет карточек моих деток. Эмигрант Приходченко²⁹⁵, социал-революционер, от которого ушла жена, убил своего 5-летнего сына, а затем 5 человек, игравших с ним в оркестре в пивной Винклера, заподозрив их в покровительстве бегству жены, троих ранил, а затем убил и себя. Д-р Плищенко говорит, что убийца болен сифилисом. Впечатление в городе сильное и для нас неприятное.

27 ноября. Сегодня в квартире А-ры А. Милорадович я читал доклад «Достоевский как пророк русской революции» при большом внимании собравшихся.

5 декабря. Вчера читал в квартире Милорадович свой доклад об украинском движении в 1917–1919 гг.

Настала зима, выпал небольшой снег.

27 декабря. Видел странный сон: моему Толечке сделали операцию. Лицо его бледное, как сейчас вижу и лицо оператора, неизвестного мне доктора. Совершенно необъяснимое происходит с нашей психикой во время сна.

30 декабря. На выборах в церковный совет до неприличия работало и агитировало «монархическое объединение». Я, как внепартийный, хотя и был одним из основателей нашей церкви, в Совет не выбран.

1924-й год

6 января. Взял для чтения в библиотеке Матицы Сербской т. VI «Истории государства Российского» Карамзина. Она не разрезана (как не разрезан и Герцен). Значит, со времени ее издания (русские книги посылались сюда сразу после выхода из печати), т. е. с 1853 г., ни один серб не взял ее в руки. Вообще поражает, что сербы ничего не читают по-русски, как и прежде не читали. Наши славянофилы очень заблуждались, посылая сюда книги. Русские издания в Матице оказались заброшенными на потолок, не зарегистрированными, и когда я приехал сюда, мог взять себе сколько угодно. Лишь в последние годы русские книги зарегистрированы, да и то на этом работал русский эмигрант...

9 января. День рождения Марусечки: был в церкви. На сочельник был у наборщика Ипича (ныне покойного), а на Рождество Христово – у бывшего директора Стевана Милованова. Настоящая зима, нападало много снега.

24 января. Читал лекцию я на тему «Смутное время на Руси» (1598–1613).

27 января. Я читал лекцию о Достоевском в Карловцах, присутствовал и митрополит Антоний, который после лекции сказал: «прекрасно», вообще чтение мое произвело впечатление.

29 и 31 января. Читал дальнейшие лекции о Смутном времени.

3 февраля. Сегодня при огромном стечении русской колонии состоялись похороны молодого князя Николая Волконского²⁹⁶, убитого в полиции городовым Андреем Хорватом. Процессию сопровождал командующий I армией генерал Милосавлевич, рота солдат и оркестр военной музыки. Обстоятельства убийства таковы. 1 февраля вечером около 9 час. Волконский шел из Нового Сада в Петроварадин с девочками Милич. Полиция почему-то забрала девочек в часть. Князь пошел их выручать, и ему их отдали. Одну из них он отвел в свою квартиру и, заперши ее, вышел на улицу. Стоявший тут полицейский, схватив его за рукав, грубо тащил его в часть, куда его и втокнули насильно. Во время допроса пришел полицейский Андрей Хорват, ставший резко поносить князя, ударил его резиновым жгутом и, когда упавший князь лежал в бессознательном состоянии на полу, пристрелил его... Газеты ограничились сообщением факта и легкой насмешкой над порядками в полиции...

14 февраля. Сегодня граф С.Л. Комаровский читал в своей квартире в кругу приглашенных доклад «Москва в ее святынях». Былая московская религиозность поразительна.

Перевел на русский язык строгую бумагу министра внутренних дел Вуичича по поводу убийства князя Волконского, посланную всем жупанам²⁹⁷.

28 февраля. Зима уже надоела. «Белградские Новости» от 27 февраля требуют удаления и даже изгнания русских из Королевства. Читал у А.Д. Игнатьева лекцию на тему «Смутное время при Шуйском» (1607 г.).

29 февраля. Выпал снег в колено.

2 марта. Видел «Вишневый сад» в игре художественников²⁹⁸ во главе с Германовой²⁹⁹. Так себе...

6 марта. 4, 5 и 7 марта был в театре художественников, видел «Дядю Ваню», «Екатерину Ивановну». Удивляюсь отсутствию чутья у труппы: дают нудную чеховщину тут, где это не в состоянии понять, и говорят: «Потому вы и пропали, что вы пассивная и безвольная нация», а в «Селе Степанчикове» доктор Лаза Маркович нашел и «маленького Распутина».

8 марта. «Борьба за жизнь» Диккенса сыграна прекрасно и производит бодрящее впечатление. Нет чеховского нытья. После представления случайно попал на представление художественников, устроенное Обществом сербских дам в «сербской читальне», познакомился с Германовой и Масалитиновым³⁰⁰. Я им сказал, что чеховщину не следовало бы показывать за границей, на это Германова сказала: «Не можем мы писать для себя сами пьесы. Что у нас есть, то и даем». Художественники едут в Субботицу и болгарскую Софию. Епископ Иринеи был на всех представлениях.

Русофил В. Стефанович с грустью мне сообщил, что его обманул бывший губернатор А.И. Келеповский: Стефанович подписал его векселя на сумму около 75000 динар, а Келеповский тайно уехал в Константинополь, жена же его В-ра Е-на отказалась уплатить проценты по векселям, сказав: пусть Стефанович придет ко мне, если ему что нужно... Стефанович сообщил об этом в Правление колонии, но какой толк из этого. Жена пишет, что у Ирочки вследствие плохой обуви отморожены ноги. Сердце сжалось от боли. Вчера с ученицами под руководством директора Марка Вилича ездили в село Чортановцы. О преподавателе мужской гимназии Иоване Гриче³⁰¹ Вилич сказал, что он занимался педерастией.

15 марта. Русские аристократы так обобрали Владу Стефановича, что он готов стреляться.

16 марта. Профессор Спекторский прочитал лекцию «Россия и Европа». В случае признания здесь большевиков надо русским эмигрантам готовиться к худшей доле. В Белграде сильно влияние масонства. Русские рабочие, руша старое здание Академии Наук для постройки нового, нашли подземный масонский храм.

18 марта. Получил письмо от милого когда-то товарища по Академии сирийского араба Антона Балляна из Назарета, после 22-х-летнего молчания.

21 марта. Сегодня получил письмо от семьи о том, что 13 марта 1924 г. умерла мама жены от голода. Бедная Шуруна, как она ее любила... Тяжело. Отслужил в русской церкви панихиду по ней.

4 апреля. В комнате холодно до того, что от дыхания виден пар.

Белградского раввина Алкалая, приехавшего сюда, торжественно встречали представители города, и сам жупан. Русские скандалы продолжают: сербские газеты пишут, что студент Дм. Данильченко уличен в фальсификаторстве и осужден.

24 апреля. Чистый Четверг; причащался в Успенской церкви. Страсти Христовы отстоял в русской церкви: служил епископ Гермоген. Видел прокурора Московской синодальной канторы Ф.П. Степанова³⁰², озлобленного на царя Николая II за то, что он когда-то сделал ему замечание за вычурное пение синодального хора в Москве.

18 августа. За посылку червонца в Киев заплатил 524 дин.

26 августа. Был у меня профессор М.Н. Ясинский.

9 сентября. Тяжелое настроение.

24 сентября. Великий князь Кирилл Владимирович объявил себя русским императором, 31 августа с. г. Чем бы дитя ни тешилось...

9 октября. Директор Марко Вилич позвал меня в кабинет и говорит: я дал о Вас такой отзыв, что как бы ни сменялись наши министры, Вас оценят и удержат на службе. Я очень доволен вашей честной службой.

11 октября. Преподавательница Иованка Хрвачанин³⁰³ при преподавателе Иоване Санковиче и д-ре Томе Иованович сказала в учительской, что не любит русских. Бестактно, не говоря уже о прочем.

23 октября. Л.В. Могилевская прислала для моей семьи 1000 дин. Сердечное ей спасибо.

2 ноября. Русский Григорьев в русской столовой убил из ревности русского Коневского, спокойно, смеясь. Ко мне явился бывший мой ученик по Киевской II гимназии Данильченко, сказал, что служит в «АЭГ», попросил 100 дин., я ему дал 200 дин., но после оказалось, что он исчез, надул номерную хозяйку, надул и меня, своего старого наставника, и лишил помощи моих голодных детей...

20 и 21 ноября был в Белграде, хлопотал о визе для Толечки, ибо Шуруна писала, что нужно сначала вызволить из России Толечку, пока он мал. В Министерстве внутренних дел Драголюб Саввич быстро дал мне разрешение на въезд Толи, 21 ноября подал в Министерство иностранных дел прошение о визе, чиновник Пашич сказал, что надо мне заручиться рекомендательным письмом. Этот чиновник, к которому я ходил с З.И. Ткач-Бурлак, сказал З.И.-не, отвечая на ее независимый тон: в другой раз я вас выброшу из канцелярии. Насколько Саввич был мил и предупредителен, настолько груб молоденький Пашич. Я обратился за рекомендацией к депутату Скупщины архимандриту Валериану Прибичевичу, окончившему русскую духовную академию, когда он выходил из храма, сопровождая патриарха Димитрия. Масса народа по случаю «крестной славы» патриаршей церкви, и тем не менее Прибичевич в патриаршей канцелярии написал письмо к товарищу министра иностранных дел Иовану Вучковичу, и мне сразу дали разрешение для Толечки. Спасибо глубокое Саввичу и Прибичевичу. Л.В. Могилевская рассказала мне, что сербские священники очень недовольны тем, что русские построили свою церковь, и требуют снятия с нее золоченого купола

и, кажется, добьются этого. Русские церкви полны, а сербские пустуют, наполняемые даже сербами. В русской церкви прекрасное пение. Смущаться нам не надо таким отношением: разные есть сербы, как различны и русские.

3 декабря. Сегодня из Белграда послал через Союз городов и земств в Киев 35 долларов и два червонца на расходы по приезду сюда Толечки и семьи, если то окажется возможным.

15 декабря. Слушал оперу «Севильский цирюльник»; невольно гордился русским искусством. Превосходна была Волевач, обладающая прекрасным колоратурным сопрано, а неделю тому назад с колоссальным успехом выступала в опере «Евгений Онегин» в партии Татьяны артистка Е.И. Попова³⁰⁴. Вчера русский девичий Институт из Великой Кикинды устроил дневное представление в сербском офицерском доме. Все было изящно, красиво, мягко, и опять приятно было видеть, что наши дети и на чужбине умеют показать красоту русск. культуры. Сегодня в нашей гимназии разыгрался такой инцидент: преподавательница Пашчан³⁰⁵ стала выражать возмущение тем, что русские заняли места сербов, которые должны идти на службу в Македонию, в то время как русские сидят в Новом Саду. Между тем всего-то русских педагогов здесь 8 чел.

21 декабря. Преподаватель И. Санкович, очень взрывчивый человек, сказал мне о своем разговоре с одним чиновником министерства финансов. Последний возмущался тем, что русские не собираются уезжать отсюда, что они хотят тут остаться, вероятно, навсегда, ибо они построили себе в Белграде даже церковь...

В № 70 «Вера и Верность» напечатана статья Д. Залужного «Смута 309 лет назад и ее главная причина», где подчеркивается антигосударственность дворянского класса³⁰⁶.

1925-й год

3 января. Имел неосторожность разговаривать вчера с преподавателем Санковичем о религии, о Боге, к каковым вопросам он отнесся резко отрицательно, а когда я ему заметил, что и позитивные науки держатся на гипотезах, например, теория Дарвина об эволюции, или атомистическая, то Санкович резко оборвал: «Вы держитесь поповских взглядов, вы, русские, упрямы как ослы в своем реакционерстве, за то вас и из России выгнали...»

С 6 по 9 января был в Белграде. В русской церкви служил митрополит Антоний, на другой день Рождества Христова проникновенно пел русский хор, особенно «Верую» Гречанинова под управлением протоиерея Беловидова³⁰⁷. Оказывается, сам патриарх Димитрий недоволен тем, что русские построили приличную церковь, затмившую сербскую церковку Св. Марка. Она стоит в нескольких шагах, здесь похоронен король Александр Обренович с супругой Драгой.

13 января. Митрополит Антоний подарил мне составленный им Катехизис. Перевел на сербский язык большую статью профессора А-ра Дм. Билимовича из политической экономии. Он остался очень доволен переводом и прислал 260 дин.

1 февраля. Окружной суд отказал мне в праве участия на выборах в Скупщину. В списки меня, как и других русских, внес какой-то сербский комитет. И слава Богу.

11 февраля. На выборах в Скупщину победил национальный блок. Нам, русским, надо учиться национализму у крепких духом братьев-сербов.

15 февраля. А.В. Стороженко пишет об ужасном положении в России; надо ехать в Белград хлопотать о визе сюда для моей семьи.

16 февраля. Был в Белграде и подал в Министерство Иностранных дел прошение о сертификате для въезда моей семьи, причем приложил рекомендательное письмо профессора-протоиерея Димитриевича.

4 марта. Ездил в Белград хлопотать о сертификате с рекомендательным письмом епископа Ириней Бачского. Депутат Скупщины архимандрит Валериан Прибичевич хотя и неохотно, но дал мне тоже рекомендательное письмо, а радикал Момчило Ивкович, женатый на русской, просто крикнул на меня.

11 марта. Послал Спалайковичу, бывшему сербскому посланнику в Петрограде, письмо с просьбой помочь мне получить сертификат.

12 марта. Весеннее время: расцвели абрикосы, миндальный орех синим с розоватым отливом цветом, а потом выпал снег; какая красота на белизне снега.

13 марта. Слава Богу, получил сертификат для семьи. В преподавательской комнате наставница Невенка Максим³⁰⁸ проговорила наставнице Невинке Грба³⁰⁹ циничный стишок и спросила меня, знаю ли его? (вот он:

Оженио се чича (старичок) Сима,
Сад ће бити пичке свима,
А кад чича млађи био,
Јебао је матер свима.

т. е. на старости лет женился дед Сима, и теперь женский половой орган его жены будет для всех, а когда он был молод, то е...л всех матерей...) Максим сказала затем еще какую-то циническую остроту, добавив: у нас вы это везде услышите, когда соберутся гости...

20 марта 1925 г. Сегодня в преподавательской комнате произошел такой инцидент: наставница Невинка Грба, дочь священника из Парабуча в Бачке, окончившая Загребский университет, неожиданно для меня обращается ко мне с такими словами: «Ваш царь Николай и был сволочь». – Я: «Вы не смеете оскорблять меня и Россию, Вы говорите слишком необдуманно». – Она: «А как Вы смеете так мне отвечать и оскорблять». – Я: «Повторяю, если бы вы подумали, то не позволили бы себе такой дерзости». – Она: «Вы и Распутина любите». – Я: «Оставьте меня в покое». – Она: «Идите в свою Россию; почему доселе не возвращаетесь?» Я: «Такой вопрос я слышал недавно в парикмахерской, но не могу понять, как интеллигентная девушка может задавать подобный вопрос». Она: «Вы опять оскорбляете меня». Я: «Есть предел терпению и для эмигранта». Она: «Зачем вы, русские, пришли сюда? Ваши женщины развратны; выставляют картинки с Распутиным и т. п. Почему не возвращаетесь домой?» Я: «Срок еще не настал; для Вас, бежавших на о. Корфу, Корсику, срок возвращения настал раньше. Наш срок затянулся». Она: «Идите и спасайте Россию от ее хаоса, а вы тут ее спасаете». Я: «Не заботьтесь о России, оставьте ее в покое».

Да спасет Господь Сербию от подобных настроений.

Депутат В. Прибичевич, отвечая на мое благодарственное письмо ему за содействие в получении визы, пишет: «Сваку срећу жели Вашој очекиваној породици, Вама и народу руском чији смо вечити дужници, Ваш архимандрит Валеријан». Умный серб не побоялся признать сербов вечными должниками России.

19 апреля. Святая Пасха. На душе теперь легче, ибо я полон ожиданий приезда моей дорогой семьи. С 6 по 18 апреля пробыл в русском монастыре в Хопове, куда ходил пешком, говел, причастился; говели еще тут бывший русский посланник Штрандтман с зятем, преподаватель Русско-Сербской гимназии в Белграде Л.М. Сухотин³¹⁰ с женой (составитель хороших учебников по русской и общей истории на русском и сербском языках), 3 казака и др.; во время исповеди, когда я говорил о наших барах, высшем дворянстве, его распущенности, священник Нелюбов³¹¹ сказал: да, они привели нас сюда. Казак Лукьяненко, пришедший в монастырь, кажется, из Шабача, дал мне прочитать письмо своей дочери из Кубани. В нем говорится: детям дают в России имена – Робеспьер, Солнце, Заря, Революция. Всех посещающих церкви, венчающихся увольняют со службы. Казаки говорили об убийствах во время революции: перед ямой зарубили 1200 казаков, недорубленных тоже бросали в яму. Один спасся, доплелся домой, но его

выдала большевикам сестра. Интересен этот Лукьяненко: пожертвовал из своих скудных заработков 2000 дин. в Хопово. Живя в Шабаце и заметив раз, что барышня сербка привела в церковь собачку, он пошел жаловаться к сербскому архиерею, но последний советовал не обращать на это внимания. Идя раз с сербским лесником и слушая, как тот оскорбительно отзывался о короле, Лукьяненко дал леснику по шее и сбросил его в ров. Интересны его переиначения сербских слов: он не скажет «шешир», а «шашир», «ракия» (водка) у него выходит «раку», «сербы» у него имеет ударение на последнем слоге. Обругал хозяина-сербка, когда вся его семья в Великую Пятницу пила и ела как в скоромный день. Сделал из кожи туфли одной сербке, когда другая, не любившая ходить в церковь, попросила его о том же, он предложил ей ходить в церковь, и ввиду ее отказа не исполнил ее просьбы. В Великую Субботу, проходя мимо кинематографа «Аполло» в Новом Саде, видел протоиерея Велю Миросавлевича³¹² выходящим оттуда. Идя в церковь на пасхальную заутреню, видел залитые огнями кафаны (вроде тракторов), откуда ревели музыка и слышались пьяные голоса. Как это необычно для нас!

20 апреля. В пасхальном номере газеты «Време» пишется о сербском народе: «Ти у својој највећој песни (о смерти майки Юговича) ниси узак, националан, него васионски», т. е. ты не узок и национален, а – вселенский. Далее сербский народ называется суровым и гениальным.

22 апреля. Вчера в 3 часа был в Петроварадине (ныне называется Новый Сад IV) на похоронах казачьего полковника Леонида Митрофановича Успенского³¹³, убитого вместе с двумя сербскими офицерами на первый день Пасхи. Убийца – часовой при пороховом погребке, арнаут, дезертир. Его возвратили на службу и присудили к двойному сроку службы. Мстя за это, он убил первых встречных офицеров и случайно проезжавшего на велосипеде Успенского, одетого в английскую военную шинель. Масса народу. На могилах горячую речь произнес сербский офицер, часть ее посвятив и Успенскому. Спасибо ему за его теплые слова о России и русском офицере. У убитого осталась жена Софья Севериновна, страдания ее велики. Во время процессии, когда гробы и огромная толпа вышли на небольшую площадь, пара откормленных коней одного селяка, сидевшего в трактире, заслышав музыку, бешено понеслась на толпу. Увидя колесницу с гробами, кони как вкопанные остановились перед ней, никто не пострадал.

29 апреля. Видел игру художественников в «Женитьбе», «Братьях Карамазовых», «Медее». Первая пьеса – сплошной лубок и шарж, но «Медее» прошла изумительно, несравненна была Германова. Гордостью и радостью исполняется сердце, когда видишь на чужбине, каких высот достигало русское театральное искусство.

12 мая. Сегодня на заседании Педагогического Совета нашей гимназии присутствовал инспектор д-р Диссалавич. Он сделал много дельных замечаний о нашем преподавании. Между прочим, по поводу преподавания Закона Божия г. протоиереем Миливоем Иовановичем инспектор сказал: не надо преподавать о чудесах, это не модерно. Надо преподавать Закон Божий в духе социальной морали...

8 июня. Все жду свою семью и боюсь, чтобы большевики не задержали ее. С другой стороны, боюсь и того, чтобы дети не загрустили без Родины.

Наставница Грба, репетирующая свою ученицу, добивалась тройки для нее из математики, которую преподает в нашей гимназии бывший прокурор Московской сино-

дальной конторы тайный советник Ф.П. Степанов. Она пошла на урок к нему, подсказывала этой ученице (Шуманя) и сама поставила ей тройку «на свою ответственность». А когда Степанов сказал, что Шуманя ничего не знает, то Грба в отсутствии Степанова стала говорить, что Степанов сам ничего не знает и что его дети не понимают. Когда такой разговор дошел до Степанова, то он, испуганный такими речами, дал Грбе право поставить тройку Шумане.

13 июня. Экзамен моих учениц 4 класса прошел хорошо, но я был очень утомлен. После обеда прилег соснуть и вижу сон: жена говорит – ну, надо идти из квартиры, забирай детей. Я хочу взять Толечку, но он не хочет. Я спрашиваю: ты, Толечка, не хочешь покидать нашу квартиру? Не хочу, папочка, говорит он со слезами и закрывая глазки. Он бледен, выглядит таким, каким был до моей эвакуации. В волнении я проснулся. Приедут ли они сюда?

18–10 июля. Ходили с А.П. Хануковым в монастырь Раваницу-Врдник, где почивают мощи сербского князя Лазаря, и в монастырь Язак, где приложились к иконе Курской Божьей Матери. Везде нас принимали очень любезно. Курский епископ Феофан угостил нас чаем. На обратном пути в Раванице к нам присоединись Шретеры, с которыми мы вернулись назад. Марья Александровна³¹⁴, замечательно интеллигентная и одухотворенная женщина, страдает сердцем и шла с трудом (она уже покойная теперь).

Служащий в окружном суде И. Орлов говорил мне, что русских там едва терпят... Да – загостились мы, пора бы и домой. Ах, если б можно было это...

У прокурора суда лежит без движения дело о еврее Комлоше, который был в России чекистом и расстреливал не только русских, но и сербских офицеров. Комлош гуляет на свободе...

21 июля. Ездил с В.С. Курочкиным,³¹⁵ наставником рисования в мужской гимназии, в Карловцы. Протоиерей Д. Руварац клеймил русских женщин, как якобы исключительных развратниц.

25–26 июля ходили с А.П. Хануковым в Крушедол и Великую Ремету.

1 августа. Получил по реквизиции квартиру из двух комнат и могу теперь устроить тут свою семью.

7 сентября. Кошмарный сон видел о Толечке. Ни писем, ни семьи нет. Все жду...

13 сентября. Молебен пред началом учебного года. Директор Мирко Вилич переведен областным инспектором просвещения, назначен директором Мирко Балубджич³¹⁶, снявший сан священник. Переведены в другие гимназии – Гавра Травань³¹⁷, Иоца Санкович, Никитович, А. Йованович, Н. Максич, Л. Максимович, Милутинович, А. Дюкич.

От семьи ни слуху, ни духу. Что это значит?

26 сентября. По близорукости перепутал расписание уроков, новый директор Мирко Балубджич рассердился, сделал мне резкий выговор и обещал записать в кондуит.

Волнует меня, что семья моя еще не выбралась из Киева, хотя сертификат ей послан давно.

29 сентября. Наставница Эмма Чехович³¹⁸, еврейка из Одессы, видя мой национализм, делается моим врагом. Как сказал мне Миливой Йованович, она в учительской комнате заявила, будто я называл нового директора «распопом», т. е. расстригой, и что она пойдет сказать об этом директору. А все дело в том, что муж ее, преподаватель Коммерческого училища, говорил в классе циничные вещи, был обвинен одним из родителей в развращении детей, вынужден был привлечь к суду этого родителя (Крстоношича), проиграл процесс и был уволен. Я, конечно, не скрывал своего осуждения г-на Чеховича³¹⁹, и отсюда гнев его жены. Целую неделю переделывал кушетку, купленную по случаю за 300 дин.

2 октября. Беженская психология: ссоры и дразги. Я перестал обедать у Лашкаревой³²⁰, и она клеветает, перестал лечить зубы у польки Соколовой-Жуковской³²¹, и она злится.

12 октября. Получил ужасное письмо из Киева: семье не позволено выехать из России. Господи, сжался над нами...

15 октября. А сердце все щемит: неужели не увижу моих деток и жену...

8 ноября. Преподаю географию и в мужской гимназии (V и VI кл.).

20 ноября. 16–17 ноября был в Белграде, хлопотал о транзитной визе для семьи. Посол меня не принял, а секретарь. В канцелярии один грек по-гречески говорил другому, чтобы он не тратил время на разговор с «Россом». Я знаю несколько по-гречески, возмутился и сказал: стыдно грекам, которые всегда были в фаворе в России, так относиться к русским. Изумленный тем, что я понял разговор, грек бросил в мою сторону: дидаскалос, т. е. учитель.

Да, дидаскалос, сказал я, и советую вам заглядывать в будущее...

Был и в немецком посольстве, приняли очень любезно, но у меня нет веры в успех; устал я и как-то отупел. Новый директор, увидев мою работу, стал меня хвалить, говоря преподавателю Санковичу: *этот Рус трудолюбив и не походит на других*, которые будто бы бездельничают тут.

11 декабря. На последнем заседании Педагогического совета некоторые наставницы, особенно Невинка Грба, Надежда Пащан и Йованка Хрвачанин, настаивали на том, чтобы учениц не водить в церковь по воскресеньям. Хрвачанин сказала мне после заседания, что она причащалась последний раз, когда ей было 11 лет. По словам преподавателя Санковича, наставница Пащан писала в министерство, что я, как русский, не смею преподавать географию Югославии...

Новый директор на днях женился, сняв рясу. Он хороший администратор и гимназию привел в порядок. Наставница Н. Грба, в присутствии Санковича и Веры Неделькович, сказала, что сербы не в состоянии создать культурного государства и что при Австрии тут был идеальный порядок, что она желала бы, чтобы Австрия снова вернулась сюда...

Из Киева пишут, что через неделю решится, пустят их сюда или нет.

Умерли А.И. Келеповский, бывший губернатор, и Г. Скоропадский³²², бывший член Государственной Думы, первый от сердечного припадка, второй – от осложненный ревматизма.

1926-й год

7 января. Праздник Рождества Христова; всю обедню проплакал, какое-то истерическое состояние; все думы и молитвы о детках, Шуруне.

25 января. Получил письмо из дома; особенно меня взволновали строки Толочки: высказанное мною предположение, что, может быть, ослабевают, как это теперь наблюдается, родственные чувства, расстроило до слез моего милого мальчика. Прочитав его письмо, я и сам едва могу сдерживать слезы.

Директор просмотрел и стилистически поправил мой доклад «О женском воспитании».

Вчера вечером, играя в винт у Г.Г. Харченко, скоропостижно скончался генерал Михаил Эрастович Мельгунов³²³, киевлянин, очень крепкий мужчина.

27 января. Сегодня на празднике Св. Саввы я прочитал свой доклад, который, видимо, понравился публике.

23 февраля. Много интересного рассказывала мне кузина И.Е. Анненкова, агронома, Ел. Ив. де-Сен-Лоран: а) на днях она видела сон, что дочь ее, студентка университета в Загребе, выдержала экзамен, а в полдень была получена телеграмма, подтверждавшая сон. б) Живя в Екатеринославской губернии, она раз в зеркале увидела мгновенную картину: горы, по ним спускаются русские воинские части с пушками, вдруг лошадь споткнулась, и сидевший на ней И.Е. Анненков полетел с нею с откоса. Дали телеграмму в Карпаты г. Анненкову, и видение полностью подтвердилось. в) Раз после обеда, легши отдохнуть, Е.И.-на почувствовала запах ладана, которым будто кто-то кадил. Она дала телеграмму болевшему отцу, и оказалось, что в этот именно момент он умер. г) В Глухове Черниговской губернии жила ее подруга, у которой был дядя – любитель лошадей. Он полюбил гостившую у него Е.И.-ну. По возвращении домой она, однажды гуляя в саду, читала книгу. Около одного куста вдруг слышит: «Леля»; Е.И. не придавала этому значения; но когда опять проходила около этого куста, послышался из него тот же голос, но громче. Е.И. хотя и была удивлена, но опять не придавала значения. При прохождении около куста в третий раз она услышала: «Леля, да иди же скорей». Е.И. перепугалась, бросила книгу и бежит домой. Так как голос принадлежал глуховскому дяде, то решили дать телеграмму, повезли ее на почту, но на пути получили встречное сообщение, что дядя подруги умер именно в этот день с именем «Леля» на устах...

Видел во сне всю семью, особенно ясно Толечку. Его кто-то побил по лицу; он был бледен; сердце мое сжалось.

12 марта. Сегодня преподаватель Йован Санкович (Йоца) на уроке философии озлобленно напал на представителей богословской науки и «попов», говоря, что все богословские книги надо спалить, а тех, кто бы хотел их ввозить в страну, надо отправлять

на 10 лет на каторгу. По его словам, директор Мирко Балубджич с этим согласен, и во всяком случае он радовался, что белградские коммунисты сорвали лекцию профессора Чубинского³²⁴.

Здесьние русские аристократы, погубившие Родину, теперь шумят своим монархизмом и овладели церковью при слабовольном митрополите Антонии (теперь ставшем ярым кирилловцем).

27 марта. Русские своей привязанностью к религиозным вопросам делают предметом насмешек среди сербов. Санкович передал мне следующий случай, слышанный им от директора Балубджича: бывший депутат скупщины М. Неделькович зашел в Карловцах к русскому генералу, который что-то писал. Что подельываешь, спросил он генерала. — Да пишу сочинение на тему о том, что будет с душой человека на девятый день после смерти... Санкович долго не мог успокоиться от смеха.

Сегодня в собрании прихожан я говорил о значении западно-русских братств.

Тяжелое впечатление производит позорная борьба, крайне вредная для молодого государства, между Радомиром Пашичем³²⁵, сыном знаменитого Николы Пашича, и зятем депутата Любы Йовановича Драгишей Стоядиновичем³²⁶.

30 марта. Был у меня Филипп Петрович Степанов, помещик Тульской губернии и прокурор Московской синодальной конторы, камергер. Он рассказывал о своей роли в появлении знаменитых «Сионских протоколов»: один раз в его имение прибыл сосед князь Долгоруков и предложил ему ознакомиться с одной рукописью, которую ему дала одна дама. Она, будучи сожительницей одного масона, пожелала остаться неизвестной. К Степанову ходил помещик Орловской губернии Нилус³²⁷. Последний напечатал эту рукопись, давши ей лишь свой заголовок. Нилус был большой оригинал: на вокзале, например, он не раньше будет пить чай, как перекрестивши широким крестом стакан. О «Сионских протоколах» тогда говорилось, что они — доклады одного русского еврея. Это вполне совпадает с тем, что писал мне Андрей Владимирович Стороженко 8 марта 1926 г., а именно, что составителем «Сионских протоколов» был гениальный еврей из города Сквиры Киевской губернии Ашер Гинцберг³²⁸ (1882–1884), живущий теперь в Лондоне и радующийся торжеству своих идей в России.

Санкович мне сказал, что задачей сербов является неуклонное сербизирование хорватов и словенцев и что рано или поздно, но это будет осуществлено. В Сербии была организация «Черная Рука» перед Великой войной. Ее член полковник Апис³²⁹ являлся к королю Петру и угрожал ему изгнанием, если он не будет исполнять желания этой организации. Апис был убит в Солуни.

31 марта. Письмо мне А.В. Стороженко: «Яриновка, 8 марта 1926 г. Дорогой Дмитрий Васильевич. Месяц тому назад я отправил Вам письмо с перечнем важнейших опечаток в книжке „Украинское движение“. Вы не откликнулись, я опасаюсь, дошло ли до Вас отправленное письмо.

Тем не менее хочу теперь, пользуясь спокойным досугом, ответить на поставленный Вами вопрос: кто наиболее виноват в гибели нашей несчастной, дорогой всем нам, родины. Сводя для ясности сложный исторический процесс к простейшей схеме, я с полным убеждением в безошибочности своего мнения скажу, что последний тридцатипятилетний период истории России с 1 марта 1881 г. (убийство Александра II) до 1 марта 1917 г. (свержение Николая II) был единоборством или дуэлью между русской императорской властью и международным мировым

жидовством. Дуэль велась на шпагах „до победного конца“; один из противников должен был погибнуть. Силы были неравные: многоголовый дракон жидовства и одинокий император. При каждой схватке наблюдавшая борьбу либеральная общественность по слепоте своей шумно ликовала, если обнаруживались признаки грядущей победы кагала. Наконец, императорская власть в полном изнеможении была пронзена и пала. Вместе с нею умерла и Россия. Народилась Большевия, о которой десятками лет грезил кагал.

Все загорелось из-за земельной собственности. После освобождения крестьян, в эпоху либеральных увлечений, Александр II снял с жидов всякие запреты. Очевидно, кагалом пущены были в ход какие-то тайные пружины. Между тем, вслед за освобождением крестьян, по многочисленным и уважительным причинам настала увековеченная в литературе Сергеем Терпигоревым (по псевдониму: Атавой)³³⁰ полоса «дворянского оскудения». Дворянские имения в так называемой «черте оседлости» быстро стали переходить в жидовские руки. На моей ближайшей родине, в Полтавщине, в районе каких-либо ста верст появились вдруг земельные тузы из жидов. *Вайнштейн* купил имение Старое, *Евзик Финкельштейн* – имение Ерковцы, *Нухим Лемберг* – имения Лазорки и Гонзеровщину, *Энхелес* – имение Остролучье, несколько имений – *Зорохович*. Имение дяди Н.Н. Стороженка Чевельча, с могилой моего деда, перешло в руки жида *Ароништейна*. Известный интендантский подрядчик в войну 1877–1878 гг. жид *Горвиц* (два его сына выкрестились и были расстреляны Чекой в Киеве в 1919 г.) приобрел огромное имение Городище. Покупка имения часто являлась заключительным звеном в цепи ростовщической эксплуатации его владельца жидом. Сжатая картина описываемого процесса, может быть, покажется Вам мертвенною и бледною, но для меня она полна движения и красок. Развертывалась она среди близких мне людей. Я переживал ее чувством в последних классах гимназии и будучи студентом университета. Живо помнятся те ужасные драмы, которые разыгрывались, когда членам разоренных жидами семейств приходилось покидать родные усадьбы. Почти мои сверстники Юра и Боря Рудановские пришли в такое возбуждение, что подожгли скирды сена Лемберга в бывшем имении их родителей. Их судили присяжные и оправдали. Я перечислил только ничтожную горсть фактов, которые совершались на огромном пространстве „черты оседлости“. Поименованы только жидовские тузы моей местности, сделавшиеся крупными землевладельцами. Более бедные жида покупали землю от мелкопоместных дворян по мелочам.

Если бы так продолжалось, то еще в конце XIX в. жидовское землевладение сделалось бы в России *преобладающим*, а вместе с тем – выросла бы их *политическая сила*. Но жидам хотелось еще большего: полной отмены черты оседлости, доступа в столицы и к правительственной службе. Не помню без справки, в каком году, Александр II спохватился и издал ограничительный закон относительно покупки имений. За это он был весьма скоро убит. Александр III принял мученическую смерть отца как вызов его на поединок жидами, и на их удар ответил майским законом 1882 г., по которому жида даже в черте оседлости лишались права селиться вне городов и приобретать какую бы то ни было собственность. Этот закон до того разозлил жидовство, что оно решило во что бы то ни было dokonать Россию. И вот я повторяю, что последние два царствования (Александра III и Николая II) были *поединком императорской власти с жидовским драконом*. Власть стремилась защитить русский народ от жидов, которые рвались его поработить. При Александре II жида могли быть гласными земских собраний. В 1883 г., когда я сделался гласным Переяславского земства го и Полтавского

губернского земских собраний, еще жида не были лишены этого права, и в Переяславском собрании заседали три „пурица“: Липман Аринштейн, Евзик Финкельштейн и Давид Каганов. Только в 1886 г., когда я был выбран председателем Переяславского уездного земского собрания, управы, жида были удалены из земств. Если бы я мог в письме хотя бегло рассказать фазисы поединка, Вы убедились бы, что мой взгляд вполне обоснован.

Жида против власти организовали революционный „христианский“ фронт, завербовав в него и тех немногих представителей обнищавшего дворянства, которых Вы называли в письме. Жида провоцировали погромы для дисциплинирования своих жидовских масс, для создания в Европе и Америке враждебного России „общественного мнения“ с помощью своей же жидовской печати. Не было уголка, где бы жида не работали против России и ее власти. Бывши председателем Переяславской земской управы, я стал замечать, что кто-то заражает наших учителей и учительниц марксизмом. Вскоре выяснилось, что по уезду ездит и развозит коммунистическую литературу жидовка Куперштейн. Кое-кого из учительского персонала пришлось удалить. Если бы Вы в царствование Александра III, как я служили, на уездных должностях, то Вы поражались бы той отчаянной борьбой, какая шла между русскими законами и жидами. Наш Переяслав в своем населении заключал 50% жидов (на 20 000 населения 10 000 жидов) и, живя в нем (1886–1892), я имел широкое поле для наблюдений над кипением жидовской жизни.

Под впечатлением майских законов в 1882 г. выступил на сцену гениальный жид из г. Сквир Киевской губернии *Ашер Гинцберг* и с 1882 по 1884 г. объезжал жидовские центры Европы, чтобы объединить умственные силы жидовства. Из его головы вышел план осуществить в России цели жидовского национализма с помощью марксового коммунизма. Он же разработал способы достижения жидами мирового господства. Его доклады на Базельском жидовском конгрессе 1897 г. попали потом в копии французского перевода в руки С.А. Нилуса и были им изданы в русском переводе под *неудачным* заглавием: „Протоколы Сионских мудрецов“³³¹. Это не „протоколы“, а „доклады“. Они первоначально были написаны по-древнееврейски и по-русски, а на французский язык были переведены для таких западноевропейских жидов, как Теодор Герцль³³² и Макс Нордау³³³, которые не владели этими языками. Ашер Гинцберг только на один год старше меня, он жив и пребывает сейчас в Лондоне, радуясь колоссальным достижениям жидовства с помощью его плана.

Ваш взгляд, будто Россия управлялась дворянством, это оптический обман. Жидовская печать поддерживала такой взгляд, вопреки живой действительности. Политическая роль дворянства кончилась вместе с падением крепостного права: оно очень быстро растеряло свои земли и обеднело благодаря целому ряду губительных для него правительственных мероприятий. „Дворянское оскудение“ – это не вымысел С. Терпигорева, а непреложный факт. Оставались *обломки старого сословия*. Попытка Александра III при создании института земских начальников опереться на эти обломки была *запоздалою*. У нас в Переяславе в 1890 г. не нашлось уже земельных дворян для 5 должностей земских начальников. Кое-как раздобыли одного, Измаила Яковлевича Романович-Славатинского, вызвав его из военной службы. 4 должности были замещены чиновниками по распоряжению полтавского губернатора. С трудом набиралось нужное число гласных. Земства не получили, вопреки мысли Александра III, сословного характера, а держались демократического направления.

Напрасно Вы думаете, будто бы дворяне не стремились поднимать крестьян до своего уровня. В каждом уездном городе Полтавской губернии содержались якобы дворянскими земствами мужские и женские гимназии, где учились дети казаков и крестьян. Вы посмотрели бы, какие прекрасные здания для гимназий имели мои родные города Переяслав и Пирятин. Большие села имели 4-х-классные училища, и не было самого маленького хутора, где не было бы одноклассной школы. Но под этим внешним блеском скрывалась внутренняя гниль, потому что учительский персонал имел на народ самое разлагающее влияние, будучи заражен то „марксизмом“, то „украинством“, то смесью того и другого. И источником этих зараз были жидаы. Учительство было втянуто в состав „христианского фронта“. Управлял всем Петербург, где стремления императорской власти преломлялись в канцеляриях, пополненных, главным образом, представителями *духовного сословия*. Здесь царило революционное настроение. Иной тайный советник был краснее нашего учителя. Детьми этих тайных советников пополнялись привилегированные учебные заведения: Лицей и школа Правоведения. О привилегиях дворянства не было уже и помина в последние 35–40 лет до революции. Дешевый кредит Дворянского Банка вел обыкновенно только к скорейшему переходу земли в Крестьянский Банк. Жидаы своею печатью до того заморочили русские головы, что люди видели то, чего не было, и не видели того, что было в действительности. За последнюю принимали миражи, искусно создаваемые жидаами. Много можно было бы написать о роли православной церкви в последних судьбах России, но когда-нибудь в другой раз. Не забывайте и пишите. В лесной глуши приятно иметь вести от приятелей».

Письма А.В. Стороженка и его брата Николая Владимировича, бывшего директора Киевской I гимназии, настолько интересны, что я считаю нужным цитировать их в своем дневнике. В письме от 1 января 1926 г. А.В. Стороженко пишет: «Мне показалось, что будто Ваша жизнь так тяжела, что Вы боитесь о ней писать, а сообщаете только о тех средствах, с помощью которых Вы отвлекаете мысли в сторону, чтобы не думать о безысходном горе и неизлечимой боли. Вы ни одним словом не упомянули в письме о самом главном: соединилась ли с Вами семья, или Вы продолжаете пребывать бобылем, а семья мучится в большевистском раю. Прошлым летом Вы мечтали, как Вы устроитесь с семьей, хотя тесно, но дружно, как будете наверстывать запущенное образование Толи. Неужели все Ваши мечты не сбылись, и Вы остались у разбитого корыта. Вчуже у меня щемит сердце, больно подумать о таком разочаровании после напряженной надежды.

Моя жизнь течет по-старому: один среди лесов и болот в польской семье коротаю время, посвящая его напряженной научной работе. Добрый друг мой, Марья Патрикеевна, сидит на Рейтарской улице в двух комнатах прежней квартиры. При ней внук и невестка. Андрей Андреевич (сын) служит фельдшером на стеклянном заводе...

Вот что удивительно: с нескольких сторон доходят до меня сведения, что правящие жидаы усаживают повсеместно своих собратий на *землю*. В Крыму, между Одессой и Херсоном, около Екатеринослава, много пустующей земли роздано жидаам. О том же пишут из Полтавщины: „Мужиков выселяют в Сибирь, а жидаами населяют наш край. Разве они пригодны для сельского хозяйства? Хиба жид або жывидка вмиют поратися бия скотыни? – говорят мужики. – От така лыха доля звалылася на наш край! Хай воны попануют трохы. Хоч бы весна скорыше, так и кортыть погуляты по наших широких степах, та руки сверблять трохы приборкаты от тых горбоносых, що пьют кровь з наших овечок“. Под овечками, очевидно, подразумеваются глупые мужики,

погнавшиеся за „панскими“ землями и попавшие в железные лапы жидов. Может быть, Рок ведет зазнавшихся жидов к тому, чтобы на земле их было легче и удобнее совершенно истребить?

Поляки тоже готовят себе невеселое будущее: на каждом шагу замечается потайное, но тем более злобное гонение православия и открытое стремление возможно скорее *ополячить* русское население посредством школы. Для последнего, т. е. ополячения, назначают учителей в русские школы из коренных польских местностей. Например, в Яриновке (Волинь) учительница из бывшей Радомской губернии. Школа на бумаге украинско-польская, но так как учительница не имеет ни малейшего представления об „украинской мове“, то она прямо учит детей по-польски, применяя методу Берлица³³⁴. Образования такая школа не даст, но, несомненно, засорит полонизмами местный язык, который, при помощи русской школы, на моих глазах начинал уже сближаться с общерусским. Своим отрицанием общерусского языка украинцы оказывают полякам большую услугу и помогают полячить население. С Николаем Владимировичем (братом) я не виделся шесть лет, а потому не могу понять, откуда у него появилось такое (украинствующее) настроение. В письмах ко мне оно тоже отражается. Вести с родины – грустные. После короткой передышки началось вновь острое гонение на православную церковь. Один монах из Киева пишет мне, что „воинствующее безбожие не дает возможности ни жить, ни действовать по христианской совести“. По-видимому, почти весь русский епископат перешел, за весьма редкими исключениями, на сторону „обновленцев“, или „живцов“, и еще с большою ревностью служит советскому строю... Главные удары сыпятся на белое духовенство и на рядовых монахов».

В письме от 5 февраля того же года Николай Владимирович Стороженко пишет: «...Ваши письма попали неудачно ко мне: как раз в то время, когда приехал ко мне старший мой сын Володя, с которым я не видался более года в связи с новыми осложнениями в наших жалких здешних имущественных делах. Прежде иметь какую-либо недвижимую вещь было приятно, но в наши дни, когда в организованных по масонскому плану республиках постепенно внедряются социалистические законы, владение даже самым малоценным имуществом является сущою пыткой. В Польше всюду просовывается еще нелепый польский шовинизм с его беспощадной ненавистью к русским. И вот нужно тратить огромные усилия, исписывать массу бумаг на прошения, чтобы отстаивать те жалкие крохи прежнего имущества, какие еще не отняты ненасытным государством, пожирающим, словно сказочный дракон, все достояния граждан, для блага которых оно якобы существует. На частных русских лицах отравленные социализмом поляки вымещают еще все те, созданные, главным образом, воображением, обиды, какие якобы претерпела Польша от России. Этим, между прочим, объясняется то, почему неверующие чиновники-социалисты всегда становятся на сторону католического духовенства в его столкновениях с православным из-за душ малорусов или белорусов на так называемых „всходних кресах“ ...

Догадка Ваша (о том, что Андрей Владимирович написал книгу „Украинское движение“) справедлива, но убедительно Вас прошу сохранить ее для себя и никому о ней не сообщать. Книга издана опрятно, но, к сожалению, допущено много опечаток. Поправьте важнейшие: на с. 6, строка 8 снизу не „городские“, а „гродские“ (польский термин), на с. 12, строка 6 снизу не „Руссия“, а „Руссияе“ (множественное число). С. 14, строка 4 сверху зачеркнуть „им“. С. 24 строка 4 снизу не „образом“, а „образцом“. С. 26 строка 9 снизу не „ближний“, а „ближайший“. С. 31 строка 4 снизу не „страшную“, а „странную“. С. 34 строка 8 сверху не „от 34 до 40 л.“, а „от 30 до 35 л.“. С. 36 строка 12 снизу не „в 1854 г.“, а „в 1834 г.“. С. 47 строка 4 снизу порядок слов перепутан: должно

быть „Вына та меды сытний“. С. 59 строка 10 снизу не „вспоминанию“, а „воспитанию“. С. 72 строка 4 сверху не „папстского“, а „папежского“ (от польского „папеж“ – папа). С. 81 строка 14 сверху не „старосте“, а „старостве“. С. 125 строка 1 сверху не „Тесіе“, а „Тасіе“. С. 139 строка 9 сверху не „вызов“, а „вывод“. С. 169 строка 10 сверху не „Каменченко“, а „Калениченко“. С. 182 строка 10 снизу не „старинного“, а „старшинского“. С. 200 строка 1 снизу пропущено „20 октября ст. ст. 1891 г.“. С. 226 строка 9 сверху не „ковцы“, а „ковуи“; „известные“.

Мелких опечаток, которые легко могут быть исправлены каждым грамотным, не перечисляю. При заглазном печатании чужими людьми обилие опечаток – вещь неизбежная. Упоминание о работе на Церковном Соборе таких-то и таких лиц чересчур ясно раскрывало бы происхождение книги, хотя я боюсь, что и так могут догадываться, а мстительность как иудеев, так и украинцев достаточно Вам известна.

Фамилия следователя – В.Б. Арндт. Он служит теперь в Москве, но по какой части, не знаю. Книга „протоколов“ (т. е. Союза приходских советов, мною организованного в Киеве. – Д.С.), конечно, погибла. Перебрасываясь от украинцев к большевикам, он, наверное, сам ее уничтожил. Тип этот – весьма гнусный. Даже вспоминать о нем противно (когда я был в Лукьяновской тюрьме, он обманом выманил у жены эту книгу. – Д.С.). Подумайте, не полезно ли было бы перевести эту книгу на сербский язык. Сын мой Яков служит в Белграде в Министерстве Градевина и своим положением доволен».

Николай Владимирович Стороженко от 4 января 1926 г. мне пишет: «...как грустно, что Вы никак не сможете вывезти своей семьи. Несомненно, что тут есть какая-то подкладка, т. к. с месяц назад сюда прибыли из Киева дочь (11 лет) и сын (13 лет) капельмейстера Крымского корпуса Тимофеева А.В.

...Переживает тяжелые обстоятельства в связи с политическим и экономическим крахом Польши. На днях читал в газетах, что для Польши имеются лишь два выхода: или броситься в объятия московских большевиков и погибнуть, или ввести наподобие Италии фашизм, но для этого нужно обрести второго Муссолини и быть не оголтелыми поляками, а энергичными итальянцами с древнеримскими традициями. Мне кажется, что Польша долго не просуществует, Германия наложит на нее со временем свою лапу, когда оправится. Яков Андреевич (сын А. В-ча) бежал из Польши, так как русским там жить нельзя вследствие дикого польского шовинизма, препятствующего найти хоть какой-либо заработок. У бедного Сергея Юлиановича Кулаковского отняли небольшой клочок земли, потому что его дядя по матери, бывший виленский городской голова Рублев, купил этот клочок у казны после конфискации имущества польского повстанца 1863 г. А.В. со старшим сыном Володей борются еще за 45 десятин из бывшего майората, которые были прикуплены моим отцом на публичных торгах по духовного имущества, но, кажется, лишатся их. Ни на какую службу – ни казенную, ни даже частную – не принимают...

Из Киева вести печальные. Жиды занимают наилучше оплачиваемые должности на советской службе, захватили лучшие квартиры в городе, с иголки их поотделявали, а гои ютятся в уплотненных, загрязненных и сырых комнатах. Ну, что же... Пусть радуются российские интеллигенты, что дождались, наконец, осуществления своей заветной мечты свержения „ненавистного царизма“.

На Ваш вопрос об „украинизации“ затрудняюсь дать определенный ответ. Проводимая с большой планомерностью и настойчивостью, она не может не оставить следа на будущее время. Целый ряд поколений привыкнет мыслить и выражать свои мысли на письме по-украински, все равно как с новым российским правописанием – к нему постепенно привыкают, как в свое время привыкли к гражданскому письму. Вновь

нарождающаяся на юге интеллигенция из среды народа пользуется исключительно украинским языком и свободно выражает на нем свои мысли. Дальнейшее его развитие всецело зависит от двух причин: появятся ли талантливые писатели, которые его тщательно обработают, и как сформируется политическая жизнь. Мне кажется, если русские (термин родовой) люди, жившие в московском царстве, могли называться москвичами, москвитянами, москвитами, то почему русские люди, живущие в Надднепррянской Украине, не могут называться украинцами. Ведь родовой термин „русс“, „русский“, „россиянин“ и „росс“, как для тех, так и для других, термин чужой (варяжский), усвоенный. Почему же рядом с ним не может быть и территориального термина – „московский“, „украинский“? Была Россия, может быть – и будет, хотя в старое воссоздание ее я плохо верю. Почему не быть и лингвистической разнице? Казалось бы, почему всем 150 миллионам славян не заговорить по-русски и не писать кириллицей, как на этом настаивает Штипа Радич³³⁵, а вот же каждый держится своего языка и своей азбуки. Почему бы всем романским народам не заговорить по-латыни, или германским – по-немецки? А вот же сколько различных языков, хотя и близких друг к другу! Была Россия как большая политическая организация, и все население, входившее в ее состав, поневоле говорило по-русски; распалась мощная политическая организация, и все стали говорить *как им удобнее*. А может быть, когда-нибудь все славяне заговорят по-русски. Приходить в бешенство при слове „Украина“ и говорить о нем с пеной у рта мне кажется лишнее. Если украинство, как говорил Костомаров, явление жизненное, то, несмотря на все препятствия, будет развиваться, если же нет, то оно когда-нибудь замрет. Во всяком случае – украинство – явление более безобидное, чем жидовский интернационал или московский большевизм...

От российских генералов (Алексеев, Рузский, Деникин и проч.) меня тошнит. Зеньковский не в СХС, а в Чехословакии, и редактированная им книга „Зарубежные дети“ – это предательство, все равно что опубликовать признание на исповеди».

10 мая 1926 г. неожиданный сюрприз: в бюджете Министерства народного просвещения мне назначена плата не по последнему контракту (42 200 дин. в год), а лишь 21 400...

Вчера закончил работу о смутном времени (1598–1613). Устал. Вчера служил в русской церкви митрополит Антоний, а после обеда был сервирован в русской столовой чай для него и епископа Ириней. Антоний сказал: «Нам надо готовиться к долгому сидению здесь».

В Англии колоссальная угольная забастовка.

Бывший министр и радикал, интимный друг Николы Пашича, цинично его скандализирует. Неприятно даже читать.

27 июня. Был в Белграде для урегулирования вопроса о жалованье, и это, слава Богу, удалось.

28 июня. Из дома получил тяжелое письмо. Господи, спаси их от отчаяния.

8 июля. Любиша Ипич, ученица 5 класса нашей гимназии, которая когда-то, будучи маленькой девочкой, помогала мне во время болезни, сообщила о преподавателе Санкович следующее: она ему открыто заявила, что его не понимает, ибо он говорит слишком быстро (это правда). Тогда Санкович, недовольный этим, а особенно тем, что она участвовала в подношении подарка Степанову, переведенному в гимназию в Бе-

лой Церкви, назвал ее идиоткой. Когда одна ученица, прося вызвать ее на поправку, сказала, что теперь знает математику, то Санкович сказал: если знаешь, то садись за кафедру и преподавай... Своеобразный педагог. Меня изумляет бездушие и жестокий формализм среди большинства здешних педагогов (светлым исключением служит д-р М. Петрович).

5–6 июля был в Белграде и благодарил Л.В. Могилевскую за помощь моей семье...

З.И. Ткач-Бурлак вырезали саркому во рту на правой щеке.

Из Аргентины приехала жена брата ее и привезла Сереже Теребинскому зеленого попугая.

28 августа. Идет скандальный раскол в газетах между архиерейским синодом в Карловцах, возглавляемым митрополитом Антонием, и митрополитом Евлогием в Париже, опирающимся, как говорят, на масонские круги. Заговорили о редукции русских преподавателей из гимназий.

29 августа 1926 г. Сегодня исполнилось 25 лет моей педагогической деятельности; вчера после всенощной о. Нил Малахов³³⁶ отслужил молебен, сказавши предварительно несколько теплых слов о моей деятельности, и пожелал, чтобы Господь помог поскорее соединиться мне с семьей. После того зашли ко мне батюшка, И.Е. Анненков, В.С. и Л.Г. Курочкины³³⁷, П.С. и В.В. Есауловы³³⁸ и В.Ф. Григорьев³³⁹.

Сегодня на Успенском кладбище хоронили киевлянина Н.В. Ковалевского³⁴⁰. Его жена сошлась с сербом, бароном Раячичем, который на свои деньги выписал ее мужа, мать и содержит в Белградском университете ее сына Николая. Покойному в прошлом году сделана была очень серьезная операция – удаление предстательной железы, но болезнь бросилась на почки.

20 сентября. 15 сентября в 8 часов утра я поехал на экскурсию через Загреб (Аграм) на Плитвичские озера в Лике, восточной части Хорватии. Участвовало 18 учениц и 6 наставников и наставниц – о. Миливой Йованович, Невинка Грба, Видосава Крстич³⁴¹, Вера Неделькович, Людмила Трускова³⁴² (чешка). В Загребе были: в театре на «Мадам Баттерфляй», археологическом музее, картинной галерее, основанной знаменитым югославянским епископом Штросмайером³⁴³, этнографическом музее, зоологическом саду в Максимире, старом городе, Марковой церкви (фрески XIII в.), католическом кафедральном соборе, Тушанце (сад). Ночью 16 сентября выехали по железной дороге на Огулин, встали на станции Врхник и автобусами прибыли на Плитвичские озера. Их 16, и они террасами спускаются все ниже и ниже. Масса водопадов. Передать красоту озер невозможно. Это надо лишь видеть. Это единственное место в мире по красоте. Вернулись в Новый Сад 19 сентября.

13 октября. Стоит летнее время. Вчера проводил И.Е. Анненкова, переведенного в Бачку Тополу. Уехала и Е.И. де-Сен-Лоран. На мои именины она подарила столовую и чайную серебряные ложки.

26 октября. Сегодня часть железнодорожного моста, построенного немцами на берегу Дуная, передвинули по рельсам и поставили на бык (кессон): один край стоял на железных колесиках, а другой на двух барках.

30 октября. Все время идут слухи о редукции русских. Полагаю, что это работа большевистских наемников.

2 ноября. Летняя погода.

С 8 сентября преподаю еще и в Препарандии, т. е. женской учительской школе, историю и географию.

28 ноября. Вчера в 5 часов вечера повесился на потолке директор мужской гимназии Йован Живойнович, прекрасный человек и славянин, друг русских. Страшное впечатление.

9 декабря. Падал снег.

10 декабря. Умер знаменитый Никола Пашич, русские боятся, как бы не переменялась к худшему политика в отношении к ним и как бы не взял силу большевистский сторонник Стипа Радич.

16 декабря. Сегодня напечатана в «Заставе» моя статья «Сенци (тени) неумрлог Николе Пашича».

19 декабря. По желанию нашей колонии читал доклад, посвященный памяти Пашича.

Из писем Н.В. Стороженка: от 12 февраля он пишет: «...ближе присмотревшись к (переведенному из Нового Сада в Белую Церковь) священнику Ф. Синькевичу, я не склонен к восхвалению его: он не обладает ни голосом, ни слухом, проповедывает по тетрадке, в проповедях высказывает зачастую неуместные мысли и употребляет неподходящие выражения, например, приветствуя прихожан с Новым годом, он сказал: „Многие из молившихся в этом храме в истекшем году умерли, и вы готовьте *рапорты*, чтобы представить в *небесную канцелярию* в наступившем году“. Или: „В небесной канцелярии ведется *статистика* всем человеческим поступкам“. Он сварлив, тщеславен, беспамятен, не обладает административно-организаторскими способностями, несмотря на окончание им курса академии и университета, в беседе неинтересен, и т. д. Но Бог с ним, он уже нас покинул, его заменил епископ Вениамин, который, как пишет Марков в „Двуглавом Орле“, „внезапно покинул Париж и резко порвал с Сергиевским подворьем“, разошедшись с митрополитом Евлогием, попавшим в сети еретиков Бердяева и Булгакова. Говорят, что и епископ Вениамин долго у нас не пробудет и поедет в Корею на помощь епископу Сергию японскому, его учителю. Епископу Вениамину всего 45 лет, он полон сил и энергии, у нас ему тесно».

В письме от 19 декабря Н.В. говорит, что преподает в институте историю и географию, а на Пастырских курсах – историю искусства. Далее он уже с похвалой отзывается о о. Синькевиче, и далее: «Как-то легче становится на душе, когда помолишься в обстановке нашего церковного благолепия, а не то, что у якобы православных сербов в пустой холодной церкви с полукатолическим обрядом. Видно, у нас в этом отношении иное настроение и иные потребности. Представьте себе, на днях я получил письмо из моей милой Кручи (Полтавской губернии) от тамошнего крестьянина, лет 40, середняка, приведу выдержку из него, могущую Вас поинтересовать по общему колориту: „Здравствуйте, глубокоуважаемый профессор, шлю Вам

из Кручи привет, низкий поклон и наилучшие пожелания. Много-много раз извиняюсь, что осмелился написать Вам несколько слов. Я в настоящее время живу в Круче, женился на дочери П.И. Бугая уже шесть лет, имею трое детей, занимаюсь хлебопашеством, а больше шью... Общество верующих произвело ремонт церкви, который обошелся в две с половиною тысячи рублей"... За семь лет моего пребывания за границей в первый раз получаю сообщение о церкви, где похоронены мои родители и предки с начала XVIII в. ...Может быть, отрезвляются... Послал Марфуше (незаконной дочери) 15 долларов. ...Послал в Прагу Русскому Архиву, во главе которого стоит профессор Кизеветтер³⁴⁴, несколько отрывков из моих воспоминаний, за которые и получил расчет по 50 дин. за писчий лист, но с приобретением в „собственность“; я прекратил дальнейшую пересылку, так как мне не по душе это условие. Между тем у меня накопилось до 150 писчих листов воспоминаний, начиная с детства, и я послал их одному знакомому в Берлин, с просьбой найти издателя... Читали ли Вы XVIII т. Архива Русской Революции и, в частности, выдержки протоколов заседания Совета Министров А.Н. Яхонтова³⁴⁵? И больно, и ужасно. Из кого состояло правительство во время страшной войны. Самый умный был все-таки Государь-Мученик, но безвольный, да и „один в поле не воин“. Принимать подданство пока не предполагаю, но ничего предосудительного в этом не вижу. На Вашем месте я не выписывал бы семьи – попасть сюда легче, а назад будет трудно возвращаться, а между тем возможны скорые радикальные перемены. У нас здесь был вчера Астров и кое-что об этом говорил».

Из письма А.В. Стороженка от 12 июля 1923 г.: «В Киеве пуд пшеничной муки – 140 миллионов руб., фунт сахару – 15 мил., фунт чаю – 150 мил., и прочее в том роде. Киевляне, получавшие американские посылки, очень обижены на американцев, зачем они закрыли свои учреждения помощи, не приносящие им никакого убытка. Ведь это не была благотворительность, а просто способ снабжать близких продовольствием и одеждой помимо препон, чинимых советской властью. Теперь все те предметы, которыми снабжали американцы, страшно вздорожали. Таким образом, выходит, что американские посылки регулировали и понижали рыночные цены. Действительно, трудно объяснить, зачем американцы так поступили. Вероятно, было давление жидов, которые хотят лишить русскую интеллигенцию последних способов спасения своей жизни. Моя жена пишет, что уже были случаи голодной смерти среди наших знакомых. Так умерла сверстница ее молодости, имевшая на Владимирской свой дом и оставшаяся в нищете после социализации этого дома. Она жила продажей вещей, а когда продавать более было нечего, по целым дням оставалась без пищи и скончалась на последнем непроданном диване, без всякой помощи, покрытая насекомыми, от голодного истощения... Если бы русский народ имел дело только со своими жидами, то он давно с ними справился бы. Но ведь за спиною жидовской власти в России стоит мировое жидовство, орудиями которого является и Северная Америка, и Англия, и Франция, не говоря уже о колоссальных капиталах, сосредоточенных в его руках. И вот русскому народу не под силу борьба с мировым жидовством, а подать помощь никто не хочет или не может. Читали ли Вы статьи митрополита Антония: „Христос Спаситель и еврейская революция“ (отдельная брошюра, Берлин, 1922 г.) и „Был ли Христос Спаситель космополитом или национальным патриотом“ („Церковные ведомости“, издававшиеся в Карловцах, № 5–6 и 7–8). Мне эти статьи очень не понравились и даже произвели на меня впечатление кощунства. Нельзя православному митрополиту воплотившегося Сына Божия лишать сияющей дымки Божественного обаяния и низводить на торжище суетливой и жестокой жидовской политики. Это

почти то же, что кощунственная поэма Блока „Двенадцать“. Я глубоко верю, что по человечеству Христос вовсе и не был евреем, так как Его Божественная Мать была из Назарета Галилейского, а в Галилее „языческой“ (Исайя IX, 1 и 1-ая кн. Маккав. V, 15), с тех пор как накопившиеся там иудеи были оттуда выведены братом Иуды Маккавеем Симоном (1 кн. Маккав. V, 23), остались жить только исконные тамошние обитатели Амореи. По расе Христос был Амореом, и наружность у него была аморейская. В евангельское время Его все считали Галилеянином. Христос пришел в мир грешный спасти, и если Он проповедовал Евангелие среди евреев, то потому, что они были самые грешные, как получившие откровение истины и ее отвергшие ради „преданий старцев“ (Талмуда). В наше время колоссальной борьбы жидовства с христианством нужно особенно осторожно касаться личности Христа и Его учения, чтобы не соблазнить „малых сих“. На днях прочитал в газетах, что прекратила свое многовековое существование Киево-Печерская лавра и что все ее здания поступили в ведение „наробраза“, т. е. жидов. Кто бы мог подумать несколько лет назад, что древнейшая святыня православной Руси будет „упразднена“ по мановению какого-нибудь жиденка Янкеля Гамарника или ему подобного... Священно-архимандриту Киево-Печерской лавры митрополиту Антонию следовало бы писать об ликвидации христианства в России и о гибели там христианской культуры, а не поддерживать самомнение жидов, будто *они* нам дали Бога и дадут царя. Жиды серьезно подумывают о новом Соломоне. В Совдепии усиленно распространяется легенда, будто Лейба Давидович Бронштейн самим Богом предназначен в русские цари. На эту тему в польском юмористическом журнале „Муха“ была недавно помещена очень забавная карикатура. Перед большим зеркалом (трюмо) стоят Бронштейн (Троцкий) и Розенфельд (Каменев) и любуются собой. У Бронштейна на голове императорская корона, а на плечи наброшена подбитая горностаями порфира; под порфирой видна военная форма, на груди орден Красной Звезды. Розенфельд одет в полную военную форму, и на нем большевистская шапка в виде суконного шлема с пятиконечной звездой на лбу. Розенфельд говорит, обращаясь к Бронштейну: „Ну, ви, Лейба Давидович, взе настоящий Романов, а я буду под Николая Николаевича“.

Очень интересно также письмо Андрея Владимировича от 14 августа 1925 г., как и все его письма. Жаль, что некоторые затерялись, и я не могу привести их в хронологическом порядке. Вот выдержки из этого письма: «...Грустно, что Вы до сих пор не дождались приезда Вашей семьи и что настроение Ваше столь подавленное. В последнем письме своем от 1 мая я Вас предупреждал на основании известных мне примеров, что выбраться из Большевиин не так-то просто и что посылка сертификата является наиболее легкой из всех формальностей, какие приходится преодолевать, чтобы советская (кагальная) власть открыла перед измученными жертвами ее произвола двери своего ада. Так оно выходит и в Вашем случае. Наилучший способ покинуть Большевию – это перейти польскую границу нелегально, при помощи контрабандистов. Недавно таким образом перебрался в Польшу профессор Киевского Политехнического Института Гришкевич-Трохимовский с семьей. Пешком, через леса и болота, они, голодные и полуголые, дотянулись до польской территории и отдались здесь в руки польских властей. Очень сожалею, что мне не удастся узнать, где поселился профессор Гришкевич-Трохимовский, а то я нарочно поехал бы с ним повидаться. Я его немного знаю, так как раз или два встречал его у покойного П.Я. Армашевского, руководством которого он пользовался при достижении ученых степеней по геологии. Он с членами семьи переходили границу приблизительно в тех местах, по которым и я в свое время прошел. Жаль, что для Вашей семьи та-

кой способ недоступен. Один Толя мог бы рискнуть. На днях два мальчика, 13 и 10 лет, пришли из-под Житомира к родным, проживающим в нашей деревне. Но препятствием является то, что у Толи нет в Польше родных, которые пользовались бы здешними правами и могли бы удостоверить перед властями его личность. Придется Вам ждать развязки советской волокиты.

По слухам, доходящим до Ровна, жизнь в Киеве протекает так же уродливо, как и с начала владычества большевиков. Теперь, летом, большинство мужчин на улицах щеголяют в костюмах, сшитых из мешков. Торговля невозможна из-за налогов. Заработков совершенно нет, так как из-за уравнивания всех *по нищете* никто ничего не может ни предпринять, ни заказать. Казенные предприятия, вследствие баснословного казнокрадства, постепенно сокращаются и упраздняются. Для введения в заблуждение иностранцев (приезжающих сюда по глупости) фасады домов по улицам, ведущим от вокзала до Крещатика, заново выкрашены. И глупые иностранцы дают себя обманывать. Все хищники Европы все еще рассчитывают на какие-то сказочные прибыли от сношений с „внешторгом“ разграбленной и обнищавшей страны. Когда они наконец прозреют. Я надеялся, что затеянная московскими жидами Китайская смута создаст в Европе единый противобольшевистский фронт, но ничуть не бывало. По последним известиям Франция особенно ревностно стремится к сближению с советским правительством, и неутомимый сенатор де-Монзи опять едет в Москву, чтобы расчистить пути для французско-большевистского соглашения.

Погибла наша родина безвозвратно. Вы пишете, что никого не вините в нашей катастрофе, кроме нас самих. Нет, я с этим не согласен, виновные были. Это наши трусливые, безвольные и беспринципные *генералы*. Я не могу равнодушно вспомнить о наших генералах. Представьте себе, как все пошло бы иначе, если бы Рузский разможил револьверной пулей голову Гучкову, забрал бы царя под свою охрану и двинул на Петербург верные войска, которых тогда было много. Картина получилась бы совершенно иная, от революции не осталось бы помина. А Рузский предпочел ерзаться с глупым и подлым Родзянкою, чтобы потом своими руками копать себе в Кисловодске могилу, в которую сбросил его пьяный матрос, разрубив ему голову шашкой³⁴⁶. Память ожидаемого отца дочь его, Вера Рузская, почтила тем, что приняла жидовскую веру и вышла замуж за „сиониста“ Давидсона. Дрянь были наши генералы. Не недостаток снарядов, быстро наведенный, и не превосходство немцев, а генералы привели к военной неудаче и к гибели России.

Положение нашей эмиграции неизмеримо более трудное, чем польской после 1830-го и 1863-го гг. Во-первых, в польскую эмиграцию попали наиболее горячие энтузиасты. Масса интеллигентных поляков, особенно из помещичьих кругов, осталась по домам и всегда могла помогать окольными путями эмигрантам. Во-2-х, многие участники восстаний, бежавшие из России, находили приют в Галиции. Например, известный поэт Северин Гоцинский, автор поэмы „Замек Каниовски“³⁴⁷, которой подражал Шевченко в „Гайдамаках“, поболтавшись в Париже, перебрался в Галицию и здесь продолжал свою литературную деятельность в польской среде и с поддержкой от поляков. Русская эмиграция не может пользоваться помощью, поддержкой и ободрением с родины, а еще должна подкреплять нравственно и материально оставшихся на зачумленной родине близких – родных или друзей. Разница колоссальная. Затем и численность эмиграции разная. Эмигрировавших поляков были тысячи, и они могли объединиться в Париже вокруг „Отель Ламбер“ князя Чарторижского³⁴⁸, а русских эмигрантов миллионы. Кроме того, и эпохи различные. Такого идейного разброда, какой создавался в целой Европе теперь, не было и в помине ни в 30-х, ни в

60-х гг. XIX в. В нынешнем польском сейме, например, каких-нибудь 17 или 18 партий, а старые эмигранты довольствовались одним лозунгом: „Отчизна“. От коммунизма Польша в 1920 г. спаслась потому, что большевики оперировали слабыми силами: у них было не более 120 000 войска, разбросанного на огромном пространстве. „Чудо Вислы“ (чудо Вислы) последовало от бессилия большевиков, а не от внутренней мощи Польши и не от „иммунитета“ ее на большевичество. Злобой дня в Польше являются сейчас: падение курса на золотый и большие маневры польской армии между Бродами, Дубном и Кременцом. Государственное хозяйство Польши находится в очень плохом состоянии, и я опасаюсь, как бы падение курса не приняло затяжного характера, что отразится на вздорожании жизни, и без того невыносимо дорогой. Правительство расточительно, хочется казаться „великой державой“, заступить место России для Запада, а силенки-то мало и карман дырявый. Выходит трагикомедия. Маневры являются ответом на красноармейские маневры под Минском. Эти минские маневры представляются доказательством русского национального *маразма*. Если бы существовало русское национальное самосознание, то маневрирующая армия могла бы показать такой маневр (буквально: ручная работа) жидам, что от них только мокроенько бы осталось, и Россия была бы свободна. Но нет подъема, нет воодушевления, люди превратились в манекенов, и гниение продолжается. Вот что мне недавно писало одно лицо, приехавшее из Москвы: „России нет. Нашей русской России. Есть ее труп, над которым издеваются озверевшие безумцы. Все, что было свято, попрано и оплевано, все лучшее ушло:

Где были дубы до небес,
Там только пни торчат...³⁴⁹

Везде пятна крови невинной, и сейчас она все еще льется... в подвалах, втихомолку. Владыками стали хамы и рабы; злоба, месть, неутомимая зависть, которая никогда не может удовлетвориться, потому что раб никогда не будет выше духовно развитой личности... В Москве все живут как на болотной кочке: вот-вот опустится, и потонешь“.

Если увидите с митрополитом Антонием, то скажите ему, что напор католичества на отошедшую к Польше часть его бывшей епархии все усиливается и принимает и принимает новые формы. 14 апреля с. г. Луцкий бискуп принял на лоно католического костела православного священника Евсевия Иосифовича *Слезку*. Митрополит Антоний, вероятно, помнит его. Католическая газета сообщает о нем такие биографические сведения: родился в Черниговской губернии 22 июня 1875 г.; окончил *духовную семинарию*; посвящен в 1908 г. и последовательно был настоятелем приходов в м. Ушомир Житомирского уезда, в с. Омельне и в с. Озерах Луцкого уезда. Вместе с о. Евсеем приняли католичество его жена и дочь. Ему предоставлено право (будучи католическим ксендзом) отправлять в костелах полную православную службу, только с поминанием папы римского и с чтением символа веры с «филиокве». Сейчас он с толпой своих последователей обходит пешком костелы и служит православные обедни. 2-го августа он служил в костеле соседнего со мною м. Казимирки. Масса крестьян наполняла костел. Впечатление огромное. Все видят, что соединение церковей может произойти очень просто: нужно только, чтобы православное духовенство подчинилось власти папы. Газета пишет: „Inicjatywa iwnniosła myśl, vzucona przez ks. Słozke rosyjskiemu duchowienstwu i społeczeństwu, połączenia się z katolikami wezłem religijnym pod zwurchnictem

Papieża prwinna byo hasłem jedności I miłości chrześcijańskiej między bratnimi narodami według słów Christusa: I będzie jedna owczarnia i jeden paster". Т. е. „Инициатива выставила мысль, выраженную ксендзом Слезкою русскому духовенству и обществу, которая должна быть объединением с католиками в религиозном отношении под верховенством Папы и знаменем единства и любви христианской между братскими народами согласно словам Христа: И будет едино стадо и один пастырь". Вместе с тем идет усиленно работа по постройке новых костелов (в 23 поселениях), по ремонту опустелых и обветшавших (в 11 поселениях) и по отобранию от православных тех церквей, которые или переделаны из костелов, или были до 1839 г. униатскими (в 70-ти поселениях). Таким образом, создается 104 новых костела, кроме существовавших при русской власти, – в одной Луцкой диоцезии. Вероятно, такая же работа идет и в Белоруссии, но у меня нет о ней сведений. Если во всех костелах параллельно будут совершаться богослужения и по римскому и по греческому обряду (Иоанна Златоуста), то практически соединение церквей осуществится. В Казимирке 2 августа о. Слезка отслужил в костеле полную православную обедню, приобщал из чаши, говорил проповедь по-русски (не по-украински). Ксендзы сидели и слушали. Это было между 9 и 11 ч. у. Потом 3 ксендза начали соборне служить мшу, а о. Слезка был в числе молящихся. Из Казимирки компания (крестный ход) двинулась, с о. Слезкой во главе, в м. Степан. Прежде я, может быть, возмущался бы деятельностью католического духовенства и стремлением папы подчинить себе православных в Польше, но теперь, когда русская церковь развалилась, раздробилась на автокефалии (финляндскую, польскую, „украинскую“ – по постановлению „собора“ 1918 г. – грузинскую, дальневосточную, американскую и, может быть, еще какие, мне неизвестные), с честолюбивыми митрополитами во главе и утерьяла всякую дисциплину. Я не могу не относиться сочувственно к попыткам Пия XI собрать весь христианский мир под своею властью для борьбы с новой религией марксизма, худшей и вреднейшей, чем было в VII в. магометанство, погубившее цветущие сирийские и малоазиатские церкви. Я собираюсь побывать как-нибудь у о. Слезки и почерпнуть у него сведения о новой унии, задуманной как-то иначе, чем уния 1596 г. О служении 2 августа я знаю по рассказу бывшего там, и мне очень жаль, что никто меня не предупредил и что я не мог присутствовать там лично... Светская школа и армия стараются ополячивать русских в отданных большевиками Польше областях (в 1920). У Кобылецких (где живет А.В-ч) служит парень, недавно возвратившийся со службы в Кракове. Он усердно старается постоянно говорить по-польски. В Яриновской школе учат по-украински и по-польски. Украинские учебники австро-галицийской фабрикации написаны, как Вы знаете, почти по-польски и отличаются от польских почти только азбукою. По слухам, в наступающем году будут присланы украинские учебники, напечатанные латиницей. Учителя очень рады, так как труд их облегчается при разучивании с детьми одной азбуки вместо двух. Через несколько лет в приграничном поселении мало останется русских начал, и отошедшие к Польше области навсегда пропадут для России. Способы ополячения теперь не те, что в XVII в., и если оно будет проводиться умно, мягко и постепенно через школу, армию и общественную жизнь, то само население не заметит, как оно перестанет быть русским. А фанатики украинства и белорусинства все еще стараются поглубже отмежеваться от всего русского.

...Скучаю без Марьи Патрикеевны (жены), но чтобы вывезти ее сюда, не хватает средств, да я думаю, что ей покажется здесь хуже, чем на Рейтарской, где она прожила лет 30 подряд... О себе лично не могу написать Вам ничего интересного. Для на-

учной работы нет необходимых пособий, и приходится довольствоваться изучением Ветхого Завета да довольно обширной перепиской, чтобы не скучать в деревенской глуши»...

Говоря о причинах русского разложения, Андрей Владимирович пишет: «На фоне всей этой мути началось разложение военной среды. Появились типы, над которыми поэт Алмазов³⁵⁰: „Я генерал – я либерал“. Не из дворянской среды выходили эти генералы: Рузский, Алексеев, Сухомлинов и т. д. – „разночинцы“, если применить употребленный в Вашем письме термин. Семена жидовского посева пышно расцвели в их головах. Если бы Рузский разможил голову Гучкову и взял бы верными еще войсками Петербург, Россия была бы спасена, но он поддался Родзянку и К°. А Дума была отделением „христианского фронта“. Я сидел на хорах Таврического дворца 22 января 1908 г., когда Родичев 3 часа говорил о предоставлении жидам полноправия. Хоры были заполнены жидами, и я буквально дрожал от страха, видя злобные лица и слыша хрустение челюстей. Я был один среди моря жидов. Для этой публики говорил Родичев, и они всецело распоряжалась Думой. Этим объясняется, что за 10 лет Дума не провела ни одной полезной для России реформы. А деятельность Витте! Может быть лучше, что жида пришли к власти над Россией через коммунизм, чем путем скупки земли, начатой при Александре II. *Запас злобы против них теперь больше.* Развязка будет основательна. Тема довольно обширна, и нужно написать книгу, а не письмо. Кончаю».

С братом Андрея Владимировича Николаем Владимировичем Стороженком, с которым я был хорошо знаком по Киеву, я сидел в Лукьяновской тюрьме после переворота, я вел постоянную переписку, которая, к сожалению и по моей вине (все некогда), совсем прекратилась теперь. Н.В.-ч – очень интеллигентный человек, отлично знающий иностранные языки, а также малорусскую историю, но, в общем, это – эгоист и черствый человек; по моему желанию, он написал мне свою «одиссею», часть её сохранилась у меня, но многое пропало с переездами по квартирам; привожу здесь сохранившееся:

«Отрывки из воспоминаний Н.В. Стороженка, написанные им самим не для печати³⁵¹.

17 декабря ст. ст. 1919 г. я прибыл из Киева в Одессу, после трехнедельного путешествия, и снял комнату на 4-м этаже за 2500 руб. в месяц, в квартире члена Одесского окружного Суда В.И. Рязанова, 70-летнего старца, сына какого-то, кажется, Чебоксарского архиерея, о котором он любил мне рассказывать. Температура в комнате была –3 гр. Реомюра, т. о. я спал не раздеваясь, вода для умывания была со льдом, а так как в банях не было воды, то и помыться было негде. Жена Рязанова и ее три сына офицера, *полубольшевики*, сообщали мне ежедневно о текущих событиях, но в их рассказах не было и намека на возможность сдачи Одессы большевикам.

Не менее подробно информировал меня об этом и Андрей Владимирович (брат), который участвовал в разного рода заседаниях и, по-видимому, был в курсе дела. Когда я был у него 23-I-1920 г. по ст. ст. вечером, он мне сказал, что на всякий случай он запасся обещанием барона П.И. Менгдена, близкого к американцам, вывезти его из Одессы в момент наступления опасности. Я еще пожурил его, почему он не упомянул в разговоре с бароном и обо мне, чтобы нам не разделяться, а он сказал мне, что и он хотел бы оставить Одессу вместе со мною, хотя бы даже без жены. У меня в это время была уже английская литера на «Габсбург», который должен был отплыть 24 января утром, и я советовал ему запастись таковой в миссии, помещавшейся в доме № 10 по Воронцовскому переулку, что он и хотел сделать.

Пришедши домой от Андрея Владимировича, я по обыкновению расспросил Рязановых о положении дел, и они меня успокоили. Утром 25 января в 6 часов я проснулся от пушечных выстрелов. Я выбежал в коридор и увидел там мятущуюся полураздетую хозяйку, которая успела лишь бросить мне „большевики обстреливают Одессу“, так как я опрометью спустился на улицу, чтобы прибежать к барону Менгдену и получить от него, по указанию Андрея Владимировича, американскую визу.

Нужно было бежать на Итальянский бульвар в здание Сергиевского училища, где находилась эвакуационная комиссия генерала Ишнадзе и должен быть и барон. Это было далеко от меня, и попасть туда было не так легко, т. к. по улицам ходили пачками добровольцы, и их обстреливали то из винтовок, то даже из пулеметов. В подворотнях толпились жидаы, злобно взиравшие на добровольцев и с нетерпением ожидавшие передачи города в их руки. По дороге я купил свежий № какой-то газеты с бутафорским приказом пьяного Стесселя, которому Шиллинг сдал охрану Одессы, запродавши ее предварительно жидам, открыть немедленно все магазины, с угрозой в противном случае повесить их владельцев на фонарных столбах. Он ссылался в приказе на силы, которыми он располагает для приведения в исполнение своей угрозы, – 50000 офицеров и иностранная эскадра на рейде.

Ни Ишнадзе, ни Менгдена я уже не нашел в Сергиевском училище, а прочитал лишь приклеенное на дверях объявление, что они перекочевали на Пушкинскую улицу, 4, куда я и устремился вместе с встретившимся со мною Г.А. Вишневым. Здесь мы нашли полный хаос – комнаты были полны разного рода людьми, которые тщетно пытались получить какие-то справки у солдат, стоявших за столами, на которых были размещены ящики с регистрационными карточками. Я побежал на 2-й этаж разыскивать Менгдена, но пока я это делал и затем спустился вниз, оказалось, что [все] снизу разбежались, покинувши карточки на столах. Я устремился к выходу, где столкнулся с директором Киевской IV гимназии В.С. Еленевским и его сыном, также пришедшими за справками. Не задерживаясь, я быстро поехал на Ришельевскую и Дерибасовскую улицы по направлению к своей квартире и встречал по пути какие-то воинские части, по-видимому, куда-то отступавшие с сопровождавшими их обозами. Я обратился было к 2-3 офицерам, чтобы они и меня взяли с собою, но они грубо отказали. Тогда я побежал мимо собора домой, поднялся в свою комнату, захватил свой портплед с кое-каким бельем и спустился опять вниз.

У подъезда меня встретил учитель Киевской I гимназии В.Н. Москаленко, который умилил меня прямо сыновней заботливостью своей обо мне. Несмотря на явную опасность, он прибежал с Куликова Поля, чтобы приглашать меня к своей сестре, где он жил. Я начал колебаться, не остаться ли мне в Одессе, но оживленная пальба по улицам побудила меня решиться оставить Одессу. Мы побежали вдвоем с Москаленко по Преображенской по направлению к порту, останавливаясь каждый раз при стрельбе из пулеметов вдоль улицы. Москаленко нес мой портплед. Наконец, я уговорил его меня оставить на волю судьбы и подумать о себе. Мы трогательно благословили друг друга святым крестным знаменем, обнялись и, облобызавшись, заливаясь слезами, расстались.

Оставшись один, я выскочил из подворотни и побежал дальше, держась ближе к стенам домов, т. к. пули летели посредине вдоль улицы. У Малого переулочка я встретил какого-то офицера с женой и ребенком, перевозившего свое имущество на ручной тележке. Я бросил свой портплед на тележку, кинувши возчику, что я заплачу ему 50 руб., если он довезет его до порта, и сам бежал вслед за тележкой по тротуару. Тут я вспомнил, что Малый переулок параллелен Казарменному, где жил Андрей Владими-

рович. У меня явилось страстное желание забежать за ним, с потерей последнего моего имущества и смертной опасностью, без надежды его захватить. Усилившийся треск пулеметов и свист пуль меня удержал от этого, и я продолжал свой путь. Нужно сказать, что Андрей Владимирович заходил ко мне, как мне сказала моя хозяйка, утром, часов в 9, вместе с каким-то Адамовичем, и очень сожалел, что не застал меня.

Наконец, мы прибежали к порту. У въезда стояли пулеметчики, отвечавшие на выстрелы сверху. Я стал расспрашивать, где иностранные пароходы „Рио Падре“, „Рио Негро“ и другие, и узнал, что первый, на который я имел право сесть по выданной мне на „Габсбург“ литере, отошел еще 24 января ст. ст., а что „Рио Негро“, на который, как я узнал, был посажен полубольной Яша, и, как потом оказалось, погрузились А.В. Стороженко, семья Кочубеев, граф де-Бальмен и многие другие мои знакомые, стоял у карантинного мола. Я устремился туда и действительно увидел там эту громадину, готовившуюся поднять якорь. Я подбежал вплотную и стал кричать на всех доступных мне языках, моля, чтобы меня взяли. Но смотревшие на меня и некоторых других, также вопивших, с палубы люди были неумолимы. И пароход отшвартовался и поплыл на внешний рейд, обстреливаемый не долетавшими, правда, до него пулями.

Я остался на берегу и не знал, что предпринять. Но в это время я увидел сидевшего на своих вещах закутанного в шубу бывшего киевского городского голову В.Н. Проценка с женой. Я подошел к ним. Тут же стояли при своих вещах семьи барона Штейгера (бывшего члена Государственной Думы от Киевской губернии), барона Клодта (из Одессы), Курисов (из Херсона) и, наконец, А.И. Савенка с сыном Борей, умершим впоследствии от сыпняка на острове Халки. Я немножко успокоился. Между тем обстрел с бульвара усиливался. Все стали прятаться в здание конторы Русского добровольческого флота. Мне почему-то не было страшно, и я стоял на молу, осыпaeмый пулями, пока не увидел упавших от меня в двух шагах двух лошадей, стоявших под навесом. Нужно сказать еще, что вслед за „Рио Негро“ отплыл от мола перегруженный выше меры людьми и лошадьми громадный пароход „Владимир“. Павшие на глазах моих лошади были в числе дюжины оставшихся от погрузки. Видя такие осязательные результаты обстрела, я поспешил контору, у дверей которой столкнулся с Е.Г. Шульгиной³⁵² с сыном Димитрием³⁵³, которая, очень озабоченная, спросила меня, где Стессель... В.В. (Шульгин) с небольшой кучкой храбрецов остался в городе. Еще не все потеряно, если бы ему послали помощь. Найдите Стесселя. Я не знал, что этот геройский защитник города Одессы уже в порту, и бросился на 2-й этаж Конторы, чтобы его искать. В средней комнате 2-го этажа я увидел какого-то полковника с длинным носом, закутавшегося в поношенное офицерское пальто, сидевшего на диванчике перед столом, на котором стояли полные и пустые бутылки со спиртом, а на тарелках колбаса, окруженного офицерами, среди которых я узнал Мамонтова, Браудэ, Перехреста и других. Менял бутылки киевский В.Н. Оглоблин. Я кому-то сказал о просьбе Е.Г. Шульгиной, и сейчас же стали кого-то наряжать. К ним присоединились и Мамонтов с Оглоблиным, который успел кинуть мне: „Для пополнения запаса жидкости“.

В это время к столу подходили офицеры связи, приглашавшие о ходе уличной перестрелки. Наконец, возвратился и Мамонтов, сообщивший, что район от бульвара до Дерибасовской очищен от большевиков и что бойцы просили погреть руки о „подворотни“, что им и разрешено, о чем докладывается к сведению не начальника отряда, а полковника Стесселя. Все сидевшие за столом, по-видимому, поняли смысл заявления и одобрительно засмеялись.

Так как шел разговор о погрузке чинами полковника Стесселя его штаба и оставшихся в их распоряжении бойцов на пароход „Святой Николай“, то я подошел к Стес-

село, которого раньше я не знал, и попросил разрешения погрузиться на этот пароход. Эту мысль дал мне Савенко, который имел право на это как начальник „Освага“. На моем паспорте Стессель сделал пометку о разрешении, и я спокойно ждал дальнейшего. Когда вдруг часов в 11 ночи стало известно, что англичане отказали в погрузке, и было дано распоряжение о походе пешим порядком к румынской границе, я поднял свой портплед и приготовился идти, заранее предвидя тягость перехода под выстрелами от мола в гору, когда в это время ко мне подошел какой-то офицер и сказал: „Вы оставайтесь. Вас посадят как старого на ледокол вместе с другими стариками, женщинами и детьми и повезут в Болгарию“.

В 12 часов ночи нас повели к ледоколу, стоявшему в конце мола, и англичане стали сажать на ледокол. Нужно было всходить по эластичной доске не без риска упасть в воду, что и случилось у некоторых с вещами. Посадка была бестолковая – англичане ругались, тыкали стеками, разделяли членов семьи, так, например, 16-летнюю дочь взяли, а отца оставили на пристани. Савенко едва не лишился сына, которого не хотели пускать на пароход, и если бы не капитан Перехрест, то тот так бы и остался. Семьи Штейгеров, Курисов, Клодтов лишились всех своих многочисленных сундуков с большими ценностями. Наконец, ледокол отчалил на внешний рейд, где и сдал нас безмашинному транспорту для перевозки нефти „Баку“, громадному неуклюжему судну, битком набитому народом, прибывшим из Николаева.

Еще когда я находился на ледоколе, немного прилег на свой портплед на палубе, ко мне подошли два английских офицера и, считая меня больным, настойчиво предлагали перейти на стоявшее рядом, ярко освещенное, окрашенное в серую краску, громадное английское госпитальное судно, но я категорически отказался, опасаясь, что я попаду в общение с тифозными. Как потом оказалось, о чем я расскажу подробнее позже, я сделал ошибку, туда перешли все краснокрестные служащие с Пильцом во главе. Наш „Баку“ прикрепили медным тросом к английскому крейсеру „Аяксу“ и он потащил нас в море. Савенко, Штейгеры, Клодты, Курисы и все николаевские портовые служащие остались на „Баку“. Мы поплыли... Куда... Никто точно не знал... Продолжение, если хотите, будет следовать. Видите, что Вы наделали своим приглашением сообщить Вам подробнее о себе. Теперь и читайте.

II. ПЕРЕЕЗД ПО ЧЕРНОМУ МОРЮ

Итак, я очутился на транспорте „Баку“. Ночь. Темно. Каюты и лучшие помещения были заняты еще в Николаеве, откуда притащили этот транспорт, служащими в тамошнем порту, успевшими захватить массу багажа, до мебели и экипажей включительно. Состав этих служащих был очень разнообразный – от адмиралов до чернорабочих включительно. „Баку“ был набит живым товаром выше меры. В поисках свободного угла я с А.И. Савенко попали в отделение трюма, где руль, который, по мере движения судна, влекомого на медном тросе „Аяксом“, непрерывно работал, поворачиваясь то в ту, то в другую сторону, издавая жалобные звуки. В трюме было тепло от накопившихся, пропитанных бензином, паров, оседавших, как туман, книзу и образующих в квадратном углублении, к которому был прикреплен руль, большую лужу, которая с плеском переливалась из стороны в сторону и через которую нужно было переходить по переброшенной доске. Между рулем и кормой было небольшое возвышение, на котором были сложены колодцами толстые корабельные канаты – на возвышении поместились Савенко с сыном, а на канатах я и три латыша, служившие в

латвийском консульстве в Одессе, довольно культурные люди типа магазинных приказчиков, имевшие при себе, как потом оказалось, большие суммы денег в разнообразной валюте; один из них, как он говорил, был секретарем консульства, другой студент Рижского политехникума, а третий какой-то торговый агент.

Изнутри судно было обшито стальными листами с большими головками заклепок, которые то обмерзали, то оттаивали, и вода с них сбегала под канатами в лужу, увеличивая ее глубину; за обшивками, внутренней и наружной, бились волны, вздымаемые ревевающим штормом. Кормили нас англичане корнбифом, галетами и чаем с желтым тростниковым приторно пахучим сахарным песком. После первой же ночи, проведенной на канатах, я почувствовал кровоподтеки на всем теле, не могло быть, конечно, и речи о раздевании, от чего, впрочем, я уже отвык с Киева, производя лишь частичное отстегивание одежды для борьбы с паразитами.

Когда в первую ночь я сделал попытку из трюма попасть на палубу, то оказалось, что это было делом трудным: 1) стоять на ногах было очень трудно, т. к. нашу неуклюжую громадину метало из стороны в сторону, и она жалко стонала; 2) приходилось с трудом переступать через людей, валявшихся в припадках морской болезни; 3) на палубу падал дождь с мокрым снегом, и порывы бури были настолько сильны, что можно было быть сброшенным в воду. Но была и хорошая сторона нахождения моего в рулевом отделении – заболело, а затем умерло от сыпного тифа два пассажира, трупы их лежали в одной из кают по соседству с рулевым отделением, находившиеся на них паразиты расползлись и приводили в трепет остальных пассажиров, но мы на нашем возвышении, отделенные бензинной лужей, были неуязвимы.

Шесть суток „Аякс“ мужественно боролся с расшвыряваемыми стихиями, боясь приблизиться к болгарским берегам, около которых блуждали сорвавшиеся мины. Были минуты страшной опасности, когда нам угрожал разрыв троса, как это случилось с двумя баркасиками, прицепившимися к „Баку“ сзади, – только один из трех удалось притащить к Босфору, а два погибли. По слухам, в эти ужасные дни погибло много парусников. Стадо русских баранов, по свойству своей нелепой натуры, ляпало языком, что нас везут то в Батум, то в Трапезунд, то в Варну, а прибыли мы, наконец, к устью Босфора, у которого и простояли сутки, а затем протащили нас до Кавакианатоли, в виду которой мы простояли еще пять суток, пока нас не спустили на берег для якобы дезинфекции под холодным и грязным душем. В момент нашего причала к Каваки отошли стоявшие там под желтым флагом „Габсбург“ и „Тендра“. Вы понимаете, с каким испытующим волнением смотрел я на „Тендру“, стараясь разгадать тайну ее трюма, тем более что говорили, что на нем свирепствовал сыпняк. После дезинфекции мы снабжены были санитарными листами и посажены вечером на французский пароход, который и провез нас ночью по Босфору мимо светившегося огнями Константинополя на остров Халки, находящийся в полутора часах езды от Константинополя и входящего в состав так называемых Принцевых островов, на которых в былые времена томились в заключении опальные византийские и турецкие принцы.

Приехали мы на Халки после полуночи. Погода была отвратительная – шел дождь со снегом. Нас встретили французские офицеры и „цветные“ и погнали, как стадо, по грязи темных улиц. Влезли мы, спотыкаясь о камни и скользя по снегу, на какую-то гору и очутились в заброшенном здании Греческой духовной Академии – „семинарии“ в просторечии. Грузный Савенко в меховом пальто с двумя тяжелыми чемоданами в руках с запотевшими очками стонал и проклинал судьбу, мысленно вспоминая, вероятно, „блок“, доведший его до этого состояния.

Развели нас по сырым каменным камерам с железными решетками в окнах, с цементным полом в нижнем этаже, без коек даже и какой бы то ни было мебели, бросили нам по охапке соломы, и мы стали пленниками французов, окруженные караулом черных, регулировавших нашу жизнь трубными сигналами. Кормили нас в общей столовой. Подрядчиком по кормлению был неизбежный жид, хотя и Эдуард, обращавшийся с нами нагло и вызывавший с нашей стороны не одно проклятие по адресу милых „союзничков“. Консервированное обезьянье мясо, чечевица, фасоль, макароны и рис были нашей пищей. Помещалось нас в Академии около 400 чел., да около 1000 в городе.

Я осел в № 45 с десятью сожителями-матросами и странниками из Николаева и Херсона, что мне очень напоминало камеру № 5 на Лукьяновке (тюрьма). Ребята попались хорошие по природе, хотя с обычной, конечно, склонностью к „вину“ и крепким словцам, но зато опрятные. Жили мы по солнцу, величественно выплывавшему из-за Анатолийских гор и Мормары (Мраморного моря), умывались у колодца, удобряли высокую окружающую каменную ограду Академии рощу, ругаясь три раза в день с жидом, любясь расстилавшейся в туманной дали панорамой Стамбула и делясь воспоминаниями о несчастной родине. Так прошли 15 дней карантина».

Николай Владимирович Стороженко прекратил, к сожалению, дальнейшее описание своей «одиссеи».

1927-й год

6 января. Сочельник под Рождество Христово. Опять один, без деток и жены...

Преподаватель мужской гимназии В.С. Курочкин сообщил мне, что в их гимназию поступил из Министерства Просвещения запрос о том, как работают в учебных заведениях контрактальные преподаватели, т. е. русские, так как теперь имеется в достаточном количестве комплект своих, окончивших высшую школу. Постоянно живешь под угрозой быть выброшенным со службы, и как тут думать о выписке сюда своей семьи.

7 января. Рождество Христово, а мне так тяжело. Почему-то мне тяжело особенно в этот день, а не, например, на Пасху. Во время обедни не мог удержаться от слез, да и вернувшись из церкви и побывавши на обеде у Ипичей, опять всплакнул. Тяжело даже физически: точно воздуха не хватает. Отчего я не среди Вас, мои милые детки и Шуруна, отчего не могу целовать Ваши ласковые глазки...

13 января. Утром возвратился из Белграда, куда выехал 10 января. Был у Терebinских, А.Г. Руч, Л.В. Могилевской, А.А. Никольского и др. Л.В. Могилевская опять дала помощь для моей семьи, несмотря на мои противодействия. Милая и добрая женщина. Профессор Терebinский сообщил мне со слов одного «црнорукца» (т. е. сторонника тайной партии «черная рука»), которого лечил, что Н. Пашич, когда пошатнулась Россия, хотел изменить русскую ориентацию и перебросить мост к Австрии. Этим и объясняется, почему были казнены в Солуни «црнорукци»-русофилы. Терebinский боится жить здесь, полагая, что здесь личность может быть, благодаря провокаторству, вполне скомпрометирована, — он хочет уехать во Францию. З.И., когда мы говорили о прекрасной статье во «Времени» «Где ты, майка наша Русия», сказала: «А что же они, майку их» (она не знала, что такое выражение — крупное сербское ругательство)... Мы много смеялись.

А. Никольский много рассказывал об авантюризме г. Гриня, бывшего сельского учителя и, благодаря проворству рук, очутившегося председателем Педагогического русского общества...

Был в королевском театре, где шла опера Мусоргского «Борис Годунов». Партию Бориса прекрасно пел Юренев.

Купил бинокль Цейса, подержанный, за 800 дин.

23 января. Закончил 5-й том «Очерков Русской Смуты» А.И. Деникина. Тяжело читать. Всеобщее разложение, много себялюбцев вроде Врангеля, Кубань изменила в тылу; да и сам Деникин, как видно, был не сильной воли человек... Ночевал у меня о. Нил Малахов, говорил о Петроградском Религиозно-Просветительском Обществе. Мережковский красиво и ярко выступал там, «как пророк». Далее Малахов рассказывал, как в Карловцах поминали память Петра Великого по случаю 200-летия со дня смерти его. Малахов пришел к митрополиту Антонию приглашать его принять участие в торжестве. Митрополит,

вначале благодушный, нахмурился, вспыхнул, выругался трехэтажной русской бранью и сказал: «Чтоб я стал чествовать Петрушку... да его надо анафеме предать...»

26 января. Вчера весь день прошел в «славах» в честь сербского святителя Святого Саввы, покровителя просвещения. В нашей гимназии говорил директор Мирко Балубджич о единении дома и школы, в мужской гимназии преподаватель гимназии (ныне директор Карловацкой гимназии) Велемир Стефанович³⁵⁴ — о национальном закалении духа, причем он ссылался на примеры русской национальной дряблости, на аристократизм и отделение в России верхов от народа, в женской учительской школе — директор Марко Вилич, блестяще говоривший о задачах сербской учительницы, и выступали тут две ученицы. Особенно прекрасно и сильно было чтение из произведений Исидоры Секулич³⁵⁵, полное национальных эмоций и красоты. О, если бы мы имели хоть малую долю такого национализма сербов. Наши либералы, услышав что-либо подобное, сейчас же закричали: черносотенство.

28 января. Был на венчании в русской церкви нашей преподавательницы французского языка А.А. Розеншильд-Паулин с М.М. Сердюковым³⁵⁶, бывшим жандармским офицером.

Г-жа Розеншильд-Паулин образовала здесь русский национальный кружок, который потом был переименован с 9 марта 1923 г. в «Русскую Матицу», благодаря моим советам. Дело в том, что когда я был в Любляне, председатель Русской Матицы там, профессор Александр Дмитриевич Билимович, просил меня открыть в Новом Саду отделение. Но я, пережив много в России вследствие общественной деятельности, решительно отказался от этого и посоветовал Александру Дмитриевичу обратиться непосредственно к г-же Розеншильд, а по возвращении в Новый Сад советовал последней открыть отделение Матицы. Она послушалась, тем более что ее кружок начал замирать. И тем не менее дело у нее шло из рук вон плохо. Тогда она хотела закрыть здесь Матицу, передав ее имущество Кружку любителей изящных искусств, возглавляемому М.А. Соловьевым³⁵⁷; остальные члены Матицы не позволили этого и избрали меня председателем.

Интересно, что Розеншильды не позвали священника, так как он выглядит слишком демократически. Священника позвали к себе Курочкины, иначе ему пришлось бы где-либо маяться до поезда 4 часа.

30 января. Вчера я, о. Нил Малахов, Ф.П. Степанов и Н.М. Смирнов³⁵⁸ — прокурор Тифлисской судебной Палаты — были у секретаря колонии Г.Г. Харченко, помещика Екатеринославской губернии, бывшего владельца богатейших марганцевых руд в Криворожском бассейне.

Как-то разговор перешел на дворянство, причем я подчеркнул, что в России была дворянская система управления. Степанов защищал дворянство, отрицал такой характер управления, заявив, что помещики и крестьяне жили как «отцы и дети», что у него, например, в Московской синодальной конторе назначались не по протекции, а по способностям; а когда я это высмеял, Степанов сказал: укажите примеры. Передался ли его задор и мне, но и я резко сказал: Вы — пример. Инженер по образованию, Вы только потому, что дворянин, у которого, конечно, было много «тетенькиных хвостов», Вы были назначены прокурором *синодальной* конторы.

Надо было видеть гнев Степанова: он буквально визжал, налился кровью...

Я сказал ему: не кричите, этим ничего не докажете. Скажу Вам еще: дворянство уничижено, и на его могилу положен тяжелый камень. Довольно: старого нам не вернуть...

Харченки и Смирнов, конечно, поддерживали Степанова...

О, зубры... Ничему Вы не научились и ничего не забыли. А пора бы.

7 февраля. Был в Карловцах, обедал у о. Н. Малахова. Жена его Марья Ивановна³⁵⁹ была очень любезна. Про нее митрополит Антоний, когда я зашел к нему, сказал: «Это проститутка, но теперь, кажется, живет прилично». Митрополит Антоний настроен твердо в отношении отколовшегося митрополита Евлогия. По словам Антония, Евлогий попал в руки масонов и левого священника о. С. Булгакова, бывшего профессора политической экономии в Московском университете. А когда-то митрополит Антоний спас Булгакова, когда он, будучи студентом Московского университета, попался в какой-то политической истории.

10 февраля. С 9 февраля болею гриппом. Вследствие эпидемии гриппа распущена наша и мужская гимназия. Тяжело болеть при полном одиночестве. Митрополит Евлогий продолжает играть в «заветы патриарха Тихона» и «связь с матерью – русской Церковью», а попросту говоря, он попал в руки Булгакова, Бердяева, Карташова³⁶⁰ и «снегира» Коковцова (так прозвал его граф Витте).

Получил письмо от А.В. Стороженка от 7 февраля. После нескольких строк, посвященных моей и своей семье, и сообщения о том, что он побывал у своего сына Владимира под Кельцами, Андрей Владимирович пишет: «Только бедность очень уж нас допекает с непривычки к ней». Пишет также о том, что «в Большевиизм назревают события», «так что пожалуй теперь Вашей семье нет смысла двигаться с места». И далее: «...гонения на православную церковь в Большевиизме вообще, а в частности в Киеве, продолжаются. В октябре 1926 г. вывезли из Киева неизвестно куда трех православных епископов (не назвали мне их имен). Остались только архиепископы Василий и Димитрий, которые только служат, но ни в какие дела не вступают».

В среду духовенства протиснулось много людей революционного настроения, недостойных носить священный сан. Старое духовенство вымирает. Из моих знакомцев живы еще протоиереи Златоверховников, Вишневецкий и Глаголев. Киево-Печерская Лавра, как духовное учреждение, упразднена. Она называется теперь „Всеукраинским музейным городком“. Конечно, ответственные „совработники“ раскрали лаврское имущество. „Наркомюст“ лицемерно привлекает их к суду. Решено выселить с территории Лавры всех „посторонних“ жильцов, в первую очередь монахов. Охрана Лавры и ее исторических памятников поручена „Исполкому“.

Относительно распри между митрополитом Антонием и Евлогием я не имею никакого мнения, так как не знаю сущности ее. Кажется, как будто все вертится около личных самолюбий. Любопытно, что наши с Вами приятели о. Григорий Прозоров и епископ Тихон Лященко оказались в противных лагерях. О. Григорий, по поручению митрополита Евлогия, устранил от священнослужения ставленника митрополита Антония епископа Тихона и занял место настоятеля Берлинского православного прихода. Паства, по-видимому, на стороне протоиерея Прозорова. Не переписываетесь ли Вы с епископом Тихоном?

Самым значительным явлением здешней жизни является состоявшийся 2 февраля во Львове „Русский Съезд“. Впервые русские, живущие в пределах Польского государства, громко заявили о своем существовании и потребовали внимания к себе от правительства. Съезд был многолюдный, участвовало свыше 350 членов, из коих две трети было галичане, а одна треть русских из западных губерний России, отошедших к Польше по заключенному большевиками с Польшей Рижскому трактату. Съезд прошел с большим подъемом под председательством нашего киевлянина Б.Н. Бежавского.

Блестящую речь сказал галичанин д-р Ваврик³⁶¹. Он заявил, что вся история Галицкой Руси говорит о том, что край этот русский. Он вспомнил все то, что пришлось

русским галичанам пережить за право называть себя русскими, привел исторические доказательства единства русского народа. „Это единство не убьет никто, никакая сила. Имени русского не вырвать из русского сердца“. В качестве гостя присутствовал православный епископ из галичан Адам Филипповский и тоже произнес прекрасную речь о единстве русского народа. „В искони русском городе Львове занимается заря русского единства“. Сердце А. Царинного (т. е. Андрея Владимировича самого) может только радоваться, читая такие речи. Зато в украинском лагере вой и беснование. Поляки не знают, на какой стул им сесть, и лепечут что-то невнятное.

Вы пишете, что России все нет и нет, не видно даже ее приблизительных очертаний. Львовский съезд показал, что очертания России виднеются. Униатский священник Чайковский сказал, обращаясь к съезду: „Во Львове Вы нашли лишь развалины древних княжеских русских палат, но жив богатырский русский дух в русском городе Львове“. Не за горами то время, когда такие речи раздадутся и в Киеве, и в Харькове, и в Новочеркасске. *Европа вообще, а славяне в частности, напрасно похоронили русский народ.* Он воскреснет, и горько расскажут все эти мыши, хоронившие кота. Когда-то в молодости я был славянофилом. Потом братушки мне опротивели, и я от них отвернулся. Оказывается, у меня был верный инстинкт.

Интересно, что в Англии идет усиленная газетная кампания против СССР. „Дейли Мейл“ пишет о необходимости прекратить всякие сношения с СССР. Большевики-де всюду ведут операции против Англии и возбуждают против нее китайцев. Все советские представители должны быть немедленно выброшены из Англии вместе со своим багажом и агентами-провокаторами. Никогда мы еще не читали таких речей на страницах лицемерных и коварных английских газет.

Вы спрашиваете меня о Якове Андреевиче (сыне). Он принял югославянское подданство и служит в Белграде в Министерстве публичных работ (градевины)...

Сам я занимаюсь изучением Ветхого Завета, который считаю *ненужной гирей у ноги христианства*. Только очень немногое заслуживает в нем нашего внимания; остальное все – грязный мусор, заваливший, к прискорбию, чистый родник учения Христова. Славянский и русский переводы – очень далеки от подлинного текста, и во многих случаях являются не переводами, а переложениями, улучшающими и украшающими темный или бедный мыслью оригинал. Хотел бы написать общедоступную книжку на эти темы, но очень трудно найти надлежащий тон для изложения таких щекотливых вопросов, как отрицание пророчеств, якобы относящихся к Христу, но на самом деле говорящих о совсем ином. Пишите чаще; тогда установится более последовательный обмен мыслями и впечатлениями. Крепко целую Вас. Сердечно любящий А. Стороженко».

15 марта. В пятницу 11 марта получил из дома ужасное письмо: жена пишет, что она устала жить, что таким, как она, нет места на земле, что дети надеются только на меня, и чтобы я на нее не надеялся...

На душе у меня ужасно все эти дни. Такую душевную боль увеличило еще одно здешнее обстоятельство. Наставница Йованка Хрвачанин сказала публично в преподавательской комнате, что будто бы я не преподаватель, а бывший священник; так она слышала. Я принял это в шутку и только посмеялся, но когда она стала говорить открыто в таком смысле и дальше, я сказал: священником я никогда не был, не принадлежащего мне звания не присваивал, я не Хлестаков и прошу не называть меня «попом».

Это настолько обозлило сухопарую и обозленную старую деву, которую, кстати сказать, ученицы прозвали «вештицей» (колдуньей), что она устроила в преподава-

тельской комнате нечто вроде заговора, куда примкнули руссо-ненавистница Н. Грба, мадьярица Вилма Пуммер³⁶². Эта тройка старых дев, как бы в разговоре между собой, но громко, чтобы я слышал, стала выкрикивать «поп», «поп»...

Кто мог бы поверить, что так могут поступать лица с высшим образованием? И это называется славянством, братством, культурными отношениями к тем, которые своими костями клали камни в основу Югославии...

Это не могло не расстроить меня, но вчера явилось и утешение: наша корпорация провожала директора Мирка Балубджича, переведенного в мужскую гимназию, банкетом. Хрвачанин, как распорядительница банкета, назначила мне самое последнее место рядом с учительницей гимнастики. Против этого возражать не стал, ибо я «избеглица», нищий...

Но вот оканчивается банкет, я хочу уходить, тем более что надо было проводить двух учительниц, а время позднее, но директор Балубджич берет с меня слово, что я вернусь. Когда я возвратился, Балубджич встал и сказал такую приблизительно речь: «Господа, в нашей среде есть один человек, который обладает любящим сердцем к детям, хороший семьянин и нежный отец. Он большой патриот, любит труд и любит нашу школу.

Это – Д.В. Скрынченко. Семь лет он работает здесь, и я себе не представляю новосадской женской гимназии без Дмитрия Васильевича и Дмитрия Васильевича без нашей гимназии, я знаю, как его любят дети, и радуюсь, что наша школа имеет такого идеалиста-педагога. Обо мне, я знаю, русские говорят, что я не люблю русских, но это неправда. Я не люблю таких русских, которые ничего не делают или заняли места, на которые они неспособны. Дмитрия Васильевича же я глубоко уважаю. Сколько раз мы с ним вели разговоры о том, как улучшить дело в нашей гимназии. Все это заставляет меня выразить пожелание, чтобы страдания его скорее прекратились и чтобы скорее он увидел свою милую семью и Родину...»

Я был взволнован, благодарил; мы расцеловались. Потом теплую речь сказал мне родитель Живорад Богданович, подчеркнув любовь ко мне детей...

Эти теплые слова, совершенно неожиданно для меня, были мне большим утешением.

Н.В. Стороженко пишет мне: «...на днях просидел у меня до 1 часа ночи епископ Вениамин, рассказывал много интересного. Он не одобряет поведения митрополита Евлогия, который порвал с архиерейским синодом не по принципиальному разномыслию, а из-за упрямства и уязвленного самолюбия. Но теперь он попал под влияние религиозно-философского кружка с Булгаковым и Бердяевым во главе, находящегося в тесном контакте между прочим с И.М.Хр.А.³⁶³ Кружок этот свободомыслящий и не особенно соблюдающий догматы православия.

Епископ Вениамин называет это расхождение разделением церквей в ущерб и православию, подвергающемуся страшным гонениям в СССР. Митрополит Евлогий находит себе поддержку в русских бюрократических кругах, осевших в Париже. Положение белого духовенства, при такой архиерейской распре, затруднительное.

Епископ Вениамин прислан сюда митрополитом Антонием, так сказать, на послушание и с обычной ему энергией принялся за ведение пастырских курсов, на которых имеется пока 12 слушателей. Он заменил также о. Ф. Синькевича по настоятельству в колонийской церкви и архимандрита Феодосия, бывшего кафедрального протоиерея в Чернигове, по преподаванию Закона Божия в корпусе. Один из слушателей, бывший судебный следователь в Одессе Лампсаки, уже посвящен в иереи, а иеродиакон князь Шаховской³⁶⁴ в воскресенье будет посвящен в иеромонахи и сделается настоятелем

корпусной церкви. Чтобы боле приучить слушателей к совершению богослужения, ежедневно совершается вечерня, а по воскресеньям с акафистом, при их активном участии. Епископ Вениамин во время литургии и после вечерни произносит проповеди.

Рассказывал он мне еще о Прикарпатской Руси, где он пробыл некоторое время перед Парижем, приглашенный чешским епископом Граздом, пока Масариковское правительство не выперло его оттуда за его «русскость». Карпаторуссов имеется около полумиллиона, живут они бедно преимущественно в Карпатах небольшими поселками, занимаются земледелием и больше всего скотоводством. Епископ Вениамин объехал и обошел все их поселки и был встречен повсюду с восторгом, а когда уезжал, провожали с глубокой печалью. Ходят они в живописной национальной одежде, как лемки и гуцулы, говорят на чистейшем малорусском языке с древнеславянскими корнями, без посторонней примеси. Официально они исповедуют униатскую веру, но в действительности это православная вера, только с поминованием пап. Своих униатских попов, как они называют – «превелебних панив», – они ненавидят за их высокомерие и корыстолюбие (здаздирство). Особенностью их религиозного настроения является преданность старославянскому обряду, каковая, по мнению епископа Вениамина, и спасает их от обезнационаления. Называют они и себя и свой язык и свою веру «русскими», но когда их спрашивают, желают ли они присоединиться к России, то они, близко ознакомившись за время пребывания в плену с русским бытом, отвечают отрицательно – «хочемо бути такими, якими ми есьмо, якими були наши диди» [...]. Они заканчивают ежедневно день вечерней в церквках, срубленных из толстейших плах, которую «правлять» доморощенные дьяки, выпуская из вечерни возгласы священника. В пении участвуют все молящиеся без различия пола и возраста, и от их песнопений веет глубокой умирительной стариной.

Епископ Вениамин воспроизводил мне некоторые мотивы с своеобразными напевами и акцентуацией. У них нет интеллигенции, т. е. те немногие, которые выходят из их среды «в люди», как говорится, из-за соображений карьеристических, делают ренегатами. Им не хватает любвеобильного духовного вождя, который поддержал бы в них неугасаемый пламень русской веры. Агитаторы а ля Геровский, Ю. Яворский им не по душе по их безверию.

22 марта. Получил письмо от Неонилы Ан. Быкадоровой, приехавшей из Киева в Виши (Франция) и бывшей у моей жены раз 10. Положение семьи ужасное. Ее сюда не пускают, да и Марусечка и Толечка не хотят ехать, боясь пертурбаций в связи с переездом. Изболелось сердце...

29 марта. В письме от 27 марта Н.В. Стороженко пишет: «...Прежде всего, позвольте передать Вам поклон и благословение епископа Вениамина, который с умилением горячего, смелого члена Всеукраинского Церковного Собора, о своем с ним общении и соработе. Он усиленно работает теперь над созданием религиозного настроения у здешних кадет, которые очень запущены в этом отношении, – помогает ему в этом иеромонах Иоанн Шаховской.

Последних статей Шульгина по украинскому вопросу не читал, хотя слышал, что многие мысли его приемлемы даже для украинцев. Только что прочитал его „Три столицы“ и чтение этой книги произвело на меня гнетущее впечатление. Вообще позера Шульгина, при всей его несомненной талантливости, я не люблю и считаю его одним из больших преступников против русского народа – выступление в защиту Бейли-

са, не как такового, а как символа всего жидовства (дело Бейлиса было создано правыми не для обвинения в уголовщине какого-то безвестного жида, а для обличения всего жидовства в приготовляемом им неслыханном по жестокости кровопускании христиан, ныне ими осуществленном), создание прогрессивного блока, предавшего Россию жидам, и вынуждение у кроткого, благородного, но безвольного монарха, в маске преданного монархиста, отречения (близкие к царю-мученику говорят, что на него особенно воздействовало в этот трагический и для него, и для России момент присутствие в вагоне наряду с ненавидимым им полужидом Гучковым „монархиста“ Шульгина, просившего об отречении для блага (...страстно любимой царем России), но книга „Три столицы“ несколько смягчает его тяжкие преступления.

Он смело, открыто и рельефно сказал то, что все мы знаем, чувствуем и переживаем, что Россия заменена СССР, русский народ находится в плену жидовском, в стократ более тяжком, чем предки жидов были в плену египетском и вавилонском. И если те сидели и плакали на реках вавилонских, то как же нам, рассеянным по всему земному шару, не плакать о гибели нашей государственности и об ужасной доле родных нам по крови и по духу, находящихся там за кровавой завесой. Недаром даже такие волки в овечьей шкуре, как Пасманик, этот „истинно русский патриот“, переполошились и готовят выступление против Шульгина, и я думаю, увы, скорое и действительное а ля Шварцбарт...

Дал бы Бог, чтобы я не был Кассандрой. Может быть, протрезвившийся Шульгин был бы еще полезен для Родины.

Наконец, прочитал я „Украинское движение“ А. Царинного, и книга эта произвела на меня двойное впечатление: с одной стороны, все то, что имеет мемуарный характер, воспроизведенное при громадной памяти автора с детальной точностью, весьма ценно. С другой стороны, все то, что имеет полемический характер, свидетельствует о чрезвычайной озлобленности его. Эта сторона была бы ценна несколько десятков лет тому назад, а теперь, когда украинский, или, пусть, малороссийский (малорусский) вопрос вошел в новую фазу его развития, или, как хочется А. Царинному, пусть и увядания, такие приемы полемики, по крайней мере, неуместны. (Не надо забывать, что это пишет Николай Владимирович, брат Андрея Владимировича Стороженко. – Д.С.). К сожалению, книга эта была у меня, по условиям здешней частной библиотеки, всего три дня, так что при повседневных занятиях я успел лишь прочитать ее, но не смог сделать выписок, а потому я могу отметить лишь то, что более задержалось в памяти:

1. Русские, искони жившие в областях, вошедших в XIV–XVI вв. в состав Польско-Литовского государства, говорили в домашнем быту на *местных наречиях и говорах*, но имели и *общий письменный язык*, так называемый *западно-русский*, на котором писались все официальные бумаги. На этом языке в XVI веке были изданы все три редакции Литовского статута, а в XVII веке им пользовались в *обширной полемической литературе* в защиту православия. Русские в Речи Посполитой *очень дорожили своим языком* и требовали, чтобы всякие обращения к ним со стороны короля писались *по-русски* (западно-русски). Между тем раньше А. Царинный говорит, что „наиболее ярким образцом польско-русского жаргона являются проповеди киевского монаха Оксенича-Старушича в XVII в.“ и далее – „косноязычная мова“ будет ютиться на задворках, пока вместе с украинским идолом Тарасом не будет сдана за ненадобностью в архив человеческих заблуждений и ошибок».

2. К чему все это: а) „В семье крепостного *мужика* родился мальчик, одаренный выдающимися художественными и поэтическими способностями“, между тем как о

С. Гощинском и Б. Залесском³⁶⁵ говорит лишь „с большими поэтическими дарованиями“, далее – „*мужицкий сын Шевченко* не прошел никакой школы, потому что русских училищ на его родине не было, да ему, как крепостному, и не полагалось получать образование“ (чем же виноват был „мальчик с выдающимися способностями“, что никто не позаботился дать ему образование?); далее – опять „*мужицкий сын Шевченко*“, „Шевченко – истинный хам“, „звериный лик Шевченка“, „Кулиш переделывал стихи безграмотного Тараса“, „пьяный, безнравственный Тарас“. Как же это так случилось, что поэтический талант мужицкого сына, истинного хама, пьяницы, безнравственного, со звериным ликом Шевченка, заслужил всеобщее признание и многие его произведения вызывают всеобщее восхищение и переведены на все европейские языки?

3. Из-за „пьяного Шевченка“ достается и Малороссии: „тогдашняя пьяная Малороссия“, между тем А. Царинный говорит, что „нельзя не любить этого края“, при условии, чтобы он назывался „малороссийским“, а не украинским. Это дело вкуса. Назывался он раньше Скифией, потом Русь, далее Россия Минор, Малороссия (черниговщина и полтавщина), *Украина*, теперь УССР, со временем, быть может, будет (преимущественно Киевская губерния) называться Великая или Малая Жидовия. Каждое название имеет и будет иметь свой резон-д-этр... Важно, чтобы этот благословенный край избавился тем или иным способом от жидовского ига и не потерял сознания племенного единства с русами, россам, русскими, россиянами, русичами, русинами и т. п. А от всякого рода злобных выходок и насмешек (как справедливо говорит Шульгин, вспоминая уродливую фразу – „самопер припер до мордопысни“) лишь будут разгораться страсти, вражда и увеличиваться пропасть.

Еще Костомаров говорил, что или украинский, малороссийский тож, язык имеет право на существование, то и будет существовать и дальше развиваться, или – нет, то и замрет. Дважды императорские российские министры – Валуев в 1876 г.³⁶⁶ и Сазонов в 1916 г. изрекали с высоты своего величия, что украинского, малороссийского тож, языка „не было, нет и не будет“. И что же, один давно отправился к праотцам, а другой, предавши царя и отечество, бродит, как Агасфер, по Елисейским полям в Париже, а украинский, малороссийский тож, язык так и был, есть и, вероятно, будет, а если не будет, то не мы будем свидетелями его смерти. Я больше люблю перо Андрея Владимировича в его ученых работах, чем полемических.

Сокрушаюсь вместе с Вами воплем измученной души, помните письмецо ко мне девочки с льняными волосами и голубыми глазами – несчастные... (это его дочка. – Д.С.) и что же могу посоветовать – смирение, терпение, веру и надежду и берегите себя для детей. Ваш Н.С.».

Кстати заметить, что в только что полученном мною письме пишет уже совсем безнадежно: «СССР мы с Вами не увидим, – его судьбы и нити к ним в Лондоне, Париже и Вашингтоне. Прежнее величие навеки утрачено». (Дм. Скрынченко 8 ноября 1931 г.).

Далее сообщив, что он сдружился с простым хохлом Павлом Гузием, потомком старого запорожского рода, у которого теперь, после его женитьбы, и поселился, Н.В. сообщает и о том, что брат его Андрей Владимирович вместе с сыном Владимиром переселился в Югославию, и именно под Смедерево, а что М.Л. Гижицкий, чье имя связано с гетманом П. Скоропадским, оказался «неумным аферистом»...

25 марта. Цветет ренклюд, миндаль.

3 апреля. Я и В.С. Курочкин были у епископа Ириния Чирича. Он рассказывал о своей поездке в Прикарпатскую Русь в Чехословакии (правильнее – Подкарпатскую).

О русском народе епископ отзывался восторженно. Народ хочет быть православным и переходит в православие, но его старые храмы стоят заколоченными, ибо они считаются униатскими. Умилительны встречи народом православного епископа: изголодался он, измучился под навязанной ему и поддерживаемой австрийцами унией. Ириней был в Праге у известного Крамаржа. Вся прислуга у него русская. Крамарж, по поводу статей сербской газеты «Политики» о необходимости признать СССР и завязать с ней общение, подняв кулаки, сказал: «Разве вы, сербы, из-за которых погибла Россия, осмелитесь признать большевиков? Не смеете Вы совершить такого преступления против русского народа». Одушевление русского народа при встречах епископа было так велико, что Ириней говорил ему речи под открытым небом, на снегу, хотя у него и болело горло...

Быкадорова пишет из Франции о страшных страданиях моей семьи и всей страны под жестокой властью жидов, как она выражается.

Епископ Тихон пишет мне из Берлина, что достать для меня удостоверение о якобы постоянном моем жительстве в Германии невозможно.

Кроме того сообщает, что «евлогланцы» в Берлине, Гамбурге, Висбадене переходят к Тихону, а Дрезден колеблется...

4 апреля. Выписываю характерное стихотворение Жака Нуара³⁶⁷:

Мы – нищие на паперти Европы
 Во вретище, с протянутой рукой,
 Изведали ухабиные тропы,
 Изъедены нуждою и тоской...
 Нас не поймут – ни верный сын Корана,
 Ни чванный бритт, ни плашущий француз,
 И мучит мысль, тяжелая как рана,
 Что мы для всех какой-то лишний груз...

В попавшемся мне номере французской газеты «Журналь де деба» от 11 апреля 1925 г. прочитал следующую заметку: «Евреи и внешняя торговля Англии. В „Universe Israelite“ вот что можно прочесть о значении еврейской торговли в Великобритании: Известно ли о роли евреев в торговой экспансии Великобритании. Об этом говорят следующие цифры. Например, в экспортной торговле Ланкашира евреи занимают 90% торговли с Индией, 95% с Египтом, 95% с Ближним Востоком, 99% с Константинополем и всю торговлю с Сирией. До войны 50% торговли с Южной Африкой были в руках евреев Манчестера. Это именно заявил сэр Джон Си, старший адъютант-генерал Индии, недавно М. Натану Ласкому в Board of Deputies – евреи являются великим активом в мощи Англии».

Известный французский историк Мадлен³⁶⁸ пишет об эмиграции следующие строки: «Болезнь изгнанничества, по словам Токвиля³⁶⁹, не научает ничему и заставляет ум коченеть. В ожидании времени, когда смогут раздавить революцию, роялисты убивают монархию».

9–10 апреля. Ходил с Курочкиным в Хопов монастырь, причастились там, очень доволен. Курочкин – ревнивец и деспот. Жену свою он ревнует к нашему священнику Нилу Малахову. Дорогой он так выразился о жене своей: «У нее тяготение к кабацкой, трактирной жизни, теперь она становится кликушей, обожающей священника Нила; но скоро я все круто поверну». Ревность – страшная болезнь.

20 апреля. Был в Карловцах у митрополита Антония, о. Н. Малахова. Митрополит Евлогий не идет на примирение. Митрополит Антоний, в письме к митрополиту польскому Дионисию, признал автокефалию православной церкви в Польше, на что не имел права.

Митрополит рассказывал анекдот о Екатерине II «так нам приятно». Неприятно слышать цинизм в устах митрополита и притом старика. Про Н. Малахова митрополит Антоний сказал: «У него нет царя в голове». Говоря об одном русском эмигранте, я сказал: он девственник, на что митрополит со смехом бросил: «Значит, ни разу...»

5 июня. Вчера получил из дома ужасное письмо: жена не могла уплатить за правоучение Толечки 9 рублей, и его исключили из профшколы, могут исключить и Ирочку.

Я послал через генерала А.М. Заболотного³⁷⁰ 40 руб., а жена получила лишь 10 рублей. Значит, Заболотный, ради своих разных операций, задержал деньги, и вот результат. Когда я потребовал от него показать мне на документах, когда он послал деньги, то Заболотный не мог мне их показать. Горе мое ужасно, я просто убит, плакал как дитя...

Сегодня с ученицами 11 класса ездил в Чортановцы: это была ученическая экскурсия. Со мной был законоучитель Миливой Йованович, но его вызвали телеграммой, ибо умер его отец, и я остался один с детьми. На обратном пути около станции хлынул дождь, что было и при выходе из поезда в Новом Саду, так что мы промокли порядочно.

18 июня. С нетерпением жду из Киева ответа на мои письма от 7 и 10 июня, в которые я вложил по 5 долларов, а кроме того послал еще отдельно 30 рублей.

В. Курочкин, не получивший пособия из гимназического общества помощи на лечение «Санитас», обвиняет в русофобстве директора Мирка Балубджича, преподавателей Бакиша и Васу Стайча³⁷¹. Преподаватель Прданович Никола³⁷² объяснил мне это иначе: Курочкин не уплатил членского взноса в это общество и потому не получил помощи.

Вообще мы, русские, стали до болезненности нервны.

Фактически закончились учебные занятия; Родины все нет... Правда, бомба, брошенная в Петрограде, убийство учеником VIII класса Виленской гимназии Борисом Ковердой³⁷³ цареубийцы Войкова в Варшаве как будто что-то предвещают, но когда засияет для нас русское солнце, один Бог знает...

27 июня. Послал следующее письмо А.М. Поляковой, сестре жены Заболотного, у которой я обедал: «...Вследствие катастрофы, постигшей мою семью и меня по вине г. Заболотного, катастрофы, которую я и сейчас еще переживаю с большой мукой, у меня создалось настроение, при котором мне тяжело идти в тот дом, где Вы живете, и чувствовать там себя по-прежнему. Вы это, вероятно, заметили. Вот почему, не желая стеснять ни Вас, ни других, ни себя, я решил прекратить у Вас обедать»...

29 июня. По поводу того, что епископ Ириней, так восторженно встреченный в Подкарпатской Руси, уехал оттуда, по-видимому, под давлением чешского правительства, недовольного «русской акцией» Ириней, Н.В. Стороженко пишет: «Здесь (в Белой Церкви) гостит некто поэт Оленин, рассказывает о гонении на православие в Чехословакии, более тяжком, чем прежде...

Рассказывал много интересного о Львовском съезде и о роли на нем Глушкевича, Малеца и других галичан, которые являются более стойкими в своем национальном самосознании, чем „москвичи“.

Записываю о своем времяпровождении летом 1926 г., о чем *нашел запись* теперь.

18 июля выехал вечером в Любляну, куда прибыл на следующий день утром. 21 июля с дочерью профессора Ясинского Татьяной Михайловной и ее дочкой Аницей поехали в г. Камник; отсюда в половине 4-го часа вышли к Быстричской коче (дом в горах), куда пришли через 3 ч. 40 м. и переночевали.

Утром вышли по дождю на седло Кокру, но возвратились промокшие, сушили платье, потом в 4 ч. дня вышли на Камнишское седло, куда пришли по темноте в 8 ч. 40 м., кое-где с трудом карабаясь в гору (заблудились). Дул пронзительный ветер. От подъемов я был весь в поту, а обдувал ветер, в коче же температура была на нуле. На высоте 1400 метров пастушеская усадьба, пили чудесное молоко. Камнишское седло имеет 1900 метров над уровнем моря.

Мучения подъема были вознаграждены незабываемой красотой местности, которая предстала нам утром, при восходе солнца. Рвали эдельвейсы. В нескольких шагах – крутой обрыв, с которого лежа я смотрел в пропасть. Там внизу расстилалась красочная Лонгрева долина, налево видна гора Ринка, с середины которой падает водопад высотой в 40 метров. Левее выступает величественный и снежный Гринтовец. Вдали виднелись гребни австрийских гор. Все так красиво, величественно, так приподнимает настроение. В первый раз я был на такой высоте горной, и забыть эту красоту невозможно. 23 июля стали спускаться, возвращаясь назад, с 8 часов 15 м., в Быстрицу-кочу пришли в 10 ч. 40 м., в Камник вышли в 12 час. 5 м., куда и пришли в 3 ч. 50 м. очень усталые. Тропа все время идет около бешено мчащейся реки Быстрицы. В половине 6-го ч. вечером прибыли поездом в Любляну. Ноги утомлены невероятно.

28 июля 1926 г. Выехал из Любляны вечером; провожал профессор М.Н. Ясинский. Прибыл в Сушак на Адриатическом море и на пароходе «Загреб» отплыл в Шибеник. За полбилета уплатил 90 дин.

День пасмурный, дует ветер «бура», но плыть хорошо. Вдали виднеются отошедшие после войны острова Црес и Лошин. Проехали Крк, приближаемся к острову Рабу. Ветер крепчает, бегут белые гребешки волн, заметно качает, лица некоторых делаются бледными, плачет ребенок от тошноты, чайки уже перестали кружиться над нашим пароходом.

В 12 часов прибыли в Раб. Хорошая пристань; всюду суровый вид природы, но есть и немного зелени; над городом царит четырехугольная колокольня; на пристани видел моих учениц В. Вучкович и Бранку Радович. В 3 с половиной часа дня проехали мимо города Задара, известного особенно после Крестовых походов. Культура в нем венецианская и, по-видимому, довольно высокая. Напротив лежит остров Углан с городом Преко, принадлежащий Югославии. Вдали на берегу виднеется длинный гребень горы Велебит с верхом «Великий Малован». Слышны ружейные выстрелы итальянских солдат, упражняющихся в стрельбе...

Проехали остров Туран, Пашму, против которого лежит город Биоград на материке, город, где короновались в средние века мадьярские короли, после присоединения Хорватии к Венгрии (1102 г.). Берег на материке равнинный, почему и весь край называется «Равны Котары». В 6 часов 45 м. вечера прибываем в г. Шибеник, известный своей удобной пристанью и венецианской культурой. В Шибенике слез с парохо-

да, чтобы повидаться с епископом Данилом Пантеличем, бывшим архимандритом в монастыре Грегетг и упоминавшимся мною раньше в этом дневнике. Тут была и его сестра. Они жили над рестораном, в стесненных условиях, притом неподходящих для епископа: из ресторана несутся наглые звуки джаз-банда.

Поспавши в гостинице, я в 1 час с половиной ночи выехал на Сплит, куда приехал в 8 с половиной часов утра. Остановился в гостинице «Балкан», находящейся, в числе многих зданий, на месте «палаты» римского императора Диоклетиана. Осматривал эту палату-дворец.

Югославия может гордиться такой стариной...

Пошел дождь, и я отправился в гостиницу обедать и отдохнуть, но масса клопов не дала мне сна. После этого пошел на красивую гору «Мариан», прежде, за 30 лет, совершенно голую, а теперь, стараниями градоначальника д-ра Рачича, превращенную в чудесный парк, куда ведет роскошная бетонная лестница, на горе морской музей, зоологический сад, метеорологическая станция. На лестнице, вьющейся зигзагообразно, всюду скамеечки, откуда незабываемый вид на город, море, острова. На следующий день был в музее, созданном католическим патером Буличем³⁷⁴, 80-летним стариком. В музее предметы раскопок древнего греческого города Солина, называвшегося в римское время «Салонной». Тут преимущественно римская старина. 31 июля рано утром поехал в Солин, находящийся в 9 км от Сплита и представляющий одни развалины. Здесь когда-то билась кипучая красивая жизнь римской знати, окружавшей своего императора, а теперь все мертво...

Вот прекрасно сохранившийся амфитеатр, где бешено кружились колесницы, состязались гладиаторы и покорно и в страхе ждали своей страшной участи христиане: кругом арены шли ложи и сидения для зрителей. Тут неслись восторженные приветствия своему цезарю и народа, и гладиаторов, а он являлся сюда, окруженный особой стражей, через особые ворота, «разские», от которых сохранились лишь столбы. Вот и театр, а вдали кладбища жителей, за городской же стеной для отверженных было кладбище христиан. В этой христианской части города находится много остатков базилик, с нижними частями мраморных и гранитных колонн и вполне сохранившимися мозаичными полами художественной работы. Все говорит о том, что и христиане жили богато. Одна мозаика вне кладбища на месте, принадлежащем теперь одному крестьянину, прекрасно изображает Орфея, слушать игру которого собрались и птицы, и животные...

Христианское кладбище: сколько тут саркофагов, сделанных из местного камня, с верхними, двухскатными крышками, большей частью разбитыми: это авары и другие варвары тут шарили и грабили драгоценности. Кажется, около 136 саркофагов. На камнях часто очень интересные надписи, даже трогательные. Вот запись о двухлетней девочке-христианке, преждевременно умершей и оплакиваемой отцом, африканским проконсулом. Даже читать тяжело. Та же любовь родительская, те же страдания... Да, «суета сует», как сказал премудрый Соломон. Монсиньор Булич, который, главным образом, воскресил всю эту изумительную старину, приготовил и себе в этой части Солина саркофаг...

Купался в Сплите в море, в месте, которое называется «Бачвиц». Мелко, песочек, что так редко для Адриатического берега Балкан. Не побывать у Булича было бы просто грехом, и я в 5 часов вечера пошел к нему. И не пожалел: старик еще бодрый, очень любезный, давно уже живет на покое, на приличную пенсию, которую дала ему югославская власть. Угостил меня кофеем, затем показал свою замечательную библиотеку. По его твердому убеждению, христианство в Солине было еще в III в. Булич об-

ратил мое внимание на то, что следовало бы заняться раскопками в Среме, особенно Митровице, называвшейся Сирмиумом. Сюда приезжал из Солина и Диоклетиан. В этом богатейшем городе также был амфитеатр и также умирали христиане. Для доказательства Булич повел меня в свою библиотеку и дал прочитать тот том издания Болландистов, где перечисляются замученные в Сирмиуме христиане, в том числе некоторые епископы. Сделал себе выписку из этого тома с латинским текстом, но пока не могу найти ее. Булич поднял со мной разговор и на тему о соединении католической и православной церковей, и был приятно удивлён, увидев, что этот вопрос занимает и меня и что к разговору на эту тему я особенно подготовлен, как окончивший православную духовную Академию.

1 августа. С утренним поездом я, через Загреб, отправился в Новый Сад.

20 августа 1926 г. Прочитал в «Возрождении» (№ 441 от 17 августа) следующую страничку из борьбы «белых» с «красными»: «Убитый (белый) полковник... он двигает руками, он еще жив. Свинья подняла морду. И морда эта вдруг растет и растет, становится огромной. Кровь капает. Видишь маленькие прищуренные глазки. Она насмешливо глядит своими глазками, точно смеется, оскалив зубы. И клубы дыма застилают все. Но вот подошла она. Я еще не видел ее, но чувствовал, что это она. Она села в углу в той позе, как я ее видел у избушки. Это была старая калмычка, вся, вся сморщенная, с трубкою во рту, но это была не кто другой, как она. Губы ее не выпускали трубки, бормотали какие-то бессвязные слова, но я понимал их смысл. Она была ко всему безучастна, угрюма и глухо бормотала, как бы про себя, все те же слова. Слова эти не были обращены ко мне, но я чувствовал боль от ее укоров, острую боль в висках: „За чем царя согнали...“»

Будучи в августе в монастыре Великая Ремета, я списал копию с документа, показывающего, что оригинал портрета императора Петра Великого, бывшего в этом монастыре, отправлен в Россию и заменен оттуда копией. Вот этот документ: «Ваше высокопреосвещенство, Милостивјејши Господине и Архипастирју. Наша света обитељ Велика Ремета, у подножју Фрушке горе, у стара времена, имала је од Царева Руски годишњу припомоћ у новцу, јер иначе као убоги манастир, није се могао издржавати без помоћи Православних Царева Руски. Исти је манастир 1510 године основан, и милостињом добротних христијана издржаван. Слика Великога Петра поклоњена је (подарена) нашем Манастиру, иста је чувана уважавана као највећа светиња у Манастиру В. Ремета, и тако да не гледајући на древност, тој картини она је досада потпуно сачувана. Сада заиста жао нам је што растављамо се, али не можемо да не испунимо жељу Рускога Цара и покровитеља свих словена, тако исто и жели високо-преосвещенства у понизности (покорности) за доста учинити желимо. Наша је жеља да Г. Никанор сам собом слику (портрет) у Петроград однесе, и његовом Царском величанству Рускоме Цару преда, с тим да се копија за спомен пошаље. Ми смо наше жеље саопштили Г. Никанору Васиљевићу, од кога смо и реверс узели (Неизвестно, кто этот Никанор Васиљевич. – Д.С.). Јесмо вашег високопреосвещенства у манастиру В. Ремети 2 октобра 1800. у највећој понизности смирили молитвеници Евлогије Кузмановић игуман, Јаникија Јовановић јеромонах». На этой копии теперешний игумен Мелетий написал: «Препис је тачан. Мелетије Бабић игуман Управитељ. 17–VIII–1927».

21 июля 1927 г. Выехал 6 июля в 6 часов 55 м. утра скорым поездом и в 5 часов 10 м. вечером прибыл в Загреб, походил немного по городу, был на главной улице Илица,

и в 7 часов 16 м. вечером выехал на Сплит, куда прибыл в 8 часов 10 м. 7 июля утром; за полбилета по железной дороге заплатил 297 дин. Оставив вещи на хранение, пошел осматривать остатки дворца Диоклетиана, римского императора, любовался перистилом, мавзолеем, где теперь католический кафедральный собор, храмом бога Эскулапа, где теперь католическая крестильня (баптистерия), затем пошел гулять по прекрасной бетонной набережной, встретил новосадского католического священника и вместе пошли на пиво и обедать в гостиницу «Балкан». Священник затем поехал в Черногорию паромом, а я в 2 часа дня на пароходе «Вис» отправился на остров Брач в городе Бол, куда прибыл в 5 с половиной часов вечера, остановился в номерах ресторана Туркетто, по 15 дин. в день за комнату, а с 20 июля по 10 дин.; знакомых ни души; красиво, величественно, торжественно море, но... грустно: нет деток и жены. 11 июля прибыла «колония фериального союза» (т. е. каникулярного). Из учениц нашей гимназии — Л. Вучкович, Гаврилович, Стефанович. Познакомился с загребским адвокатом Давидэ. 1 июля прибыла группа из 32 учителей и учительниц народных училищ Словении. Они, по-видимому, сплочены, даже пронесся слух о славянском настроении среди них (словенцы сильно онемечены), позвали вечером и меня «на вино», пили за Россию, я ответил тостом за них.

20 июля меня снова позвали словенцы и просили обрисовать состояние России до революции и за время Совдепии. Я это сделал, затем с своей стороны просил словенцев ответить мне на следующий вопрос: признается ли у них необходимость национального движения и в богослужебном языке и делается ли что-либо в этом направлении. Мой вопрос вызвал у них неожиданную для меня заостренность, и я увидел, что права чешка Людмила Труксова, сказавшая мне перед тем, что словенцы признают славянское движение только за чашей вина. На мой вопрос ответил учитель Мрвлэ; с гордостью, почти дерзостью он заявил, что по-китайски ли, или по латыни молиться, для Бога это все равно, что в Словении существовала небольшая группа прогрессистов, которая хотела ввести в богослужение словенский язык, но она беспочвенна, что их традиция к латинскому языку священна и менять ее незачем, что православные всегда почему-то стремятся к славянизму в богослужении и т. п. Далее он с сарказмом напал на серба-герцеговинца преподавателя Куркича, когда тот подчеркнул важное значение Сербии и предложил прочитать 2-3 лекции о Душановом законнике и первом восстании Карагеоргия и т. п. На это предложение Мрлэ сказал, что в таких преподаваниях они, словенцы, не нуждаются, что если угодно, он, Мрвлэ, берет сам прочитать на предложенные сербом темы, но пусть сербский профессор прочитает хоть что-нибудь из истории словенцев. После такого «объединения» две сербки, две чешки и я ушли, чтобы больше уже не появляться на подобных собраниях. Даже хорват (местный управитель школы) осудил выступление словенцев. Оказывается, среди словенцев много «орлов» и «орлиц», членов гимнастического общества, созданного Римом в противодействие «Соколу»... Да, крепко держит Рим в своих когтях словенцев, как и поляков, а германская культура наложила на них свои роковые черты.

22 июля.купаюсь ежедневно, на солнце пекусь теперь от 2 до 3 часов и выдерживаю это легко. С сегодняшнего дня буду купаться два раза в день. Разговариваю со стариками-далматинцами, которые любят сидеть на скамьях перед морем. Их возраст — 72 до 86 лет. Людей среднего возраста нет: они или в Америке, или на отхожих промыслах. В море 184 сорта рыбы. Ловят ее в течение 6 месяцев. Две большие лодки (баркасы) идут с огнями, на которые ночью бежит рыба. Одна лодка с сетью-неводом (60–70 метров длины, 12 метров глубины). Стоит 60–70 тысяч динар. На освещение

лодки в 6 месяцев идет карбида на 8 тысяч динар, а керосином до 2600 дин. Думают завести электрическое освещение, а четвертая лодка идет под рыбу. Иногда рыбы так много, что наполняются и остальные лодки. Рыбаки составляют одну «задругу», места для ловли на море имеют по жребии, который выговаривают «ждраб». Сегодня думаю поехать с ними на рыбную ловлю.

Позавчера и вчера посетил монастырь доминиканцев. Один старик-инспектор министерства просвещения в бывшей Австрии, здешний житель, сводил меня в «самостан», т. е. монастырь, и дорогой рассказал следующее: остров Брач – греческая колония до Рождества Христова. Очевидно, греки назвали остров по имени г. Амфибрахии, близ залива Арты, откуда они выселились. Как называлось место «Бол», неизвестно, но с XIII в. по Рождеству Христову в монастыре имеются «Акта Боли», т. е. с теперешним названием города. По традиции этому названию дается такое объяснение: во время какой-то всеобщей болезни на острове одно место Бол оставалось, вследствие своего здорового климата и воды пресной, здоровым, и сюда устремились все больные. В районе монастыря, засаженного отчасти и виноградом, существовало до Христа кладбище. Ввиду каменистой почвы умершего просто клали в вырубленное углубление, а сверху накрывали каменной двускатной доской. Образцы таких массивных каменных досок, но уже с вырезанным крестом, свидетельствующем о христианском погребении, мы находим около колодца при общине. Будучи перевернуты на другую сторону, они оказались полезными населению, и теперь оно в них поит скот – ослов и мазгов (помесь ослицы и лошади), или полоскает белье.

При входе в монастырь, кстати сказать, отодвинутый от города и занимающий самую живописную часть его (она называется «Мартыница»), стоит маленькая церковь, итальянского типа, с каменной углубленной дугой, под которой висели колокола. Церковь эта – XI или XII века. Рядом с ней, против монастыря – кладбище города, очень небольшое, с небольшим мавзолеем, где погребаются монахи. Оказывается, каждый дом имеет фамильную могилу, в 2 – 2 с половиной метра глубины. Истлевает тело и гроб, а кости высыпаются в фамильную могилу. Затем ставится другой гроб, и т. д. Поднявшись перед самым монастырем, вы видите направо здание, где жили епископы, имевшие пребывание то здесь, то в г. Хвар, где и теперь живет епископ. Над входом в малый двор монастыря, представляющим узкую дверь, вставлены две каменные вещи: нижняя, из местного камня, представляет герб XII в., а верхняя, из белого мрамора, представляет треугольник, в котором вырезан крест, в нижней части которого, с обеих сторон креста, вырезаны голуби.

Главная монастырская церковь имеет несколько алтарей, т. е. приделов. Все алтари – с мраморными колоннами, в особенности центральный алтарь. За престолом находится на стене огромная икона Божьей Матери с окружающими ее ангелочками, принадлежащая кисти знаменитого итальянского художника Тинторетто. Вообще в церквях Далмации находятся иконы великих итальянских мастеров. Например, в г. Врбовско на острове Фар (Хвар) находится несколько икон Тициано и Паоло Веронезе. В саду монастыря растут апельсины, очень кислые. За монастырем чудесный пляж и превосходный источник пресной (живой, как здесь говорят) воды.

23 июля 1927 г. Вчера в 7 с половиной часов вечера ездил с рыбаками ловить рыбу в море.

На полуостров «Рат», или по-итальянски (а здесь все названия остались итальянские вследствие многовекового владычества Венеции) «Пункта Лонга», приехали в 8 часов, в 8 с половиной часов вечера вышли в море на глубину 60 метров, а потом

40 метров. На большой лодке 4 гребца и я. Горит фонарь (керосин с сеткой, пропитанной каким-то составом, по словам рыбаков – «радием»). Тишина и ночная красота; море точно что-то шепчет, убаюкивает, а вверху, над головой, зажжены небесные фонари, и среди этих бездн копошится жалкий человек. Особенно выделяется небесная дорога – Млечный Путь. Вдали мелькают огоньки других рыбаков.

Боже, как красиво в Твоем мире...

На огонек нашего фонаря сбегается рыба-локарда, сарделька, суша и т. п. Стоим на одном месте часа полтора, затем понемногу движемся к берегу, в это время на двух лодках нас тихо оплывают с неводом в 80 метров длины и 12 метров глубины. Лодки эти подтягивают концы невода («мрижа», как его тут называют») к берегу. Наша лодка продолжает идти в середине. Рыбе выхода нет, и в четвертую лодку ее выбрасывают. Рыбы было 150 килограммов, т. е. почти 9 с половиной пудов. Мне дают 6 локард, и я в темноте, спотыкаясь о неровности берега, ухожу домой, а рыбаки забросили невод в другой раз и поймали, как оказалось, 500 кгр., т. е. 1250 фунтов или 31 с четвертью пудов.

Впечатление от этой ночи незабываемое!

24 июля. Сегодня «шеф» нашей фериальной колонии, делая указания для упорядочения жизни колонистов, отметил, что среди словенских учителей и учительниц замечаются недопустимые явления: они выбрасывают через окна бумажки, окурки папирос, даже непотушенные, и жители соседних домов жалуются на такое их поведение. Мало того: учителя и учительницы уединяются парочками, идут ночью купаться и укрываются в укромных местах. Неловко было слушать все это при детях разных полов.

Сильная жара. 2–3 часа, которые я валяюсь на солнце, ослабляют организм, но, поспавши после обеда, чувствую себя прекрасно, бодро.

27 июля. Вчера в 5 часов 40 м. выехал на пароходе «Вис» в г. Елсу на остров Хвар. Гавань эта довольно глубокая; сейчас тут временно стояли три военных минных заградителя (торпильера), мы их бегло осмотрели.

После ужина в колонии здешнего фериального союза познакомился с преподавателем Биелинской гимназии в Боснии г. Ситниковым. Жена его также преподает французский язык. Оба жалуются на русофобство своего директора. Колония помещается в школе, вокруг которой небольшой парк с памятником винодельцу и благотворителю Дубоковичу. На набережной перед школой гуляет много далматинцев, которые невероятно, противно орут какие-то хорватские песни. По словам жителей г. Бола, далматинцы с Хвара признают себя итальянцами, все говорят и любят говорить по-итальянски. В этом я лично убедился, особенно в г. Врбовском, где на мои вопросы отвечали только по-итальянски. Ситников, жена и дочка их рассказывали мне, как они в 1922 г. бежали из Херсона в Варну на барке в количестве 26 человек, обманувши власти тем, что им якобы надо поставить на барку мотор в Одессе. Выдержали двухдневный шторм, через 4 дня прибыли в Варну, под которой простояли *больше месяца*, так как правительство Стамболийского не хотело их принять.

Я переночевал в колонии, но спать не мог: отвратительная кровать. Утром пошел по г. Врбовску, в одном месте сбился с дороги и потому пришел с опозданием. Здесь выкупался в море, осмотрел старую церковь, построенную в виде крепости против турок. В церкви 8 икон Тициана и Веронезе – одна. В 10 часов утра пошел в Старый Град, город, который итальянцы называют Чевита Веккиа, куда пришел в 11 часов 40 минут.

Одурающая жара.

29 июля. В Старом Граде пообедал, поспал, выкупался в море и бегло, под руководством управителя школы Степана Петровича, осмотрел город.

Дворец поэта далматинского Петра Гекторовича (1487–1572 гг.),³⁷⁵ где он защищался от турок, производит сильное впечатление. В церкви Святого Петра, где похоронен этот поэт, перед алтарем вырезано на камне: «Нике шта овое Вукашиновича досуда такое-г неких Дидича вчи постале би душа Бог давши свако под неби свитовна ошавши 1607» (т. е. вероятно, понимать надо так: это поставили наследники Вукашиновичей, чтобы душа ушла под святое небо к Богу, давшему все). Купил книжку о Старом Граде и П. Гекторовиче.

В 5 с половиной часов вечера отплыл на пароходе в г. Хвар, куда прибыл в 7 с половиной часов вечера. В Хваре видел нашу наставницу Любицу Маркович и гимназисток. Ужинал в находящейся тут же фериальной колонии.

30 июля. Осматривал этот чарующий город, переживший, как и Старый Град, в котором есть остатки циклопических построек, культуру греков, римлян, иллиров, венецианцев, хорватов.

В монастыре францисканцев смотрел икону кисти Франциска Крочи XVI в., пред алтарем гроб Ганнибала Лучича 1575 г., губернатора Саича 1637 г., замечательную икону Башано ди Понто: Христос на кресте, на которой написан и францисканец... икону Византийской Божьей Матери с греческой надписью [...] в трапезной каменная доска с именем папы Григория XIII и с указанием 1582 года, икона Тайная Вечера кисти Росили Манео.

В городе интересен старинный театр с ложами дворян XVI–XVII в., над городом доминирует испанская крепость, а еще выше крепость, построенная Наполеоном. В первой я был. Все массивно. Прекрасно старое здание с венецианскими львами, отведенное теперь под курзал. 2 раза купался в море.

В 4 часа утра выехал в Сплит, куда прибыл в 9 с четвертью часов утра, из Сплита – в 2 часа дня и прибыл в Бол в 5 с половиной часов вечера. В Сплите осмотрел этнографический музей, довольно слабый, и знаменитый музей древностей, который я осматривал в прошлом году.

31 июля. А.П. Хануков пишет, что умерла Э.Ц. Позднякова, киевлянка. Эта добрая женщина так надеялась возвратиться в Россию...

3 августа. Встал в 3 часа утра и в 5 часов с четвертью выехал из Бола. Останавливаемся на пристанях – Милна, Бобовиште, Сент-Иван, Су-Петар, Сплит.

В Сплите на горе Мариан посетил Зоологический музей и сад. Интересны сорта рыб моря, зубы и огромный рот акулы (6 родов), костяк усатого кита, прибитого волнами к берегу полуострова Пелешца, живые змеи-гадюки с гор, фоссилы³⁷⁶ с островов, кости медведя и рога оленя, человеческий череп из пещеры, короткоголовый.

4 августа. Ночевал бесплатно в реальном училище, где Фериальный союз имеет свою остановку. Утром пришел огромный итальянский океанический пароход «Атлантида», направляясь в Северную Америку.

Жду А.П. Ханукова.

5 августа. Приехал в Сплит А.П. Хануков. Он проводил меня на пароход, поднялась гроза, и он поспешил распрощаться. Он поедет в Бол, а я еду в Дубровник, через Хвар.

Проехали красивые места около Хвара, пристали к острову Корчуле. Тут старые венецианские башни и стены. В Груж, пристань Дубровника, прибыли в 8 с половиной часов вечера. Остановился в гостинице «Ядран». Клопы...

6 августа. Был в церкви покровителя Дубровника Святого Влаха, Богородицы, монастыре доминиканцев и миноритов. Все пахнет глубокой стариной. Купался в море за городскими стенами, обедал в русской столовой, помещающейся в одной из башен городской стены, окружающей Дубровник. Вечером был на полуострове Лапуд, покрытом маслинами, виноградниками, цветами, алоэ и т. д.

Земной рай! Тут живут на отдыхе у своих родственников Г.А. Вишневский с женой. Родственник его – бывший военный министр украинской республики, очевидно, успевший пожить в отпуске от республики, так как он купил прекрасную виллу и сдает ее приезжающим сюда на лето.

7 августа. Был в музее. Привлекает внимание челюсть кита и рот акулы с двойным рядом зубов. Интересны костюмы дубровницких князей, напоминающие старые времена русского прошлого. Ездил на остров Локрум, где и купался. Это рай, полный цветов и благоухания. Тут старинный монастырь, очень благоустроенный, в котором жил будущий мексиканский император, после расстрелянный, также жил кронпринц Рудольф, впоследствии покончивший жизнь самоубийством вместе с знаменитой Марией Вечорой³⁷⁷. На острове есть выбоина, с подземным сообщением с морем, так что здесь купаются в свежей морской воде. Посетил в Груже пещеру со сталактитами и сталагмитами, а также самое красивое место тут, именно – где целая река вытекает из-под горы и впадает в залив Омбу.

8 августа. Был в княжеском дворце и зале для заседаний дубровачского Веча, тут же посетил камеры для заключенных и комнату пыток. Некоторые камеры во время морских приливов заливались водой, и заключенный или погибал, или умирал от болезней.

В 4 часа дня выехал на г. Сараево. Узкоколейкой перевалили гору «Иван-планину», долго ехали по Попову Полю, где в октябре появляется вода и рыба, а в марте-апреле вода уходит в подземные слои, и крестьяне обрабатывают землю... Просто чудо природы.

10 августа. Прибыл в Сараево, был в знаменитом музее. Великолепны доисторический и римский отделы. Интересна одна надпись церковнославянским языком на камне надгробном. Я утерял эту переписанную мною надпись, но смысл ее таков: не наступайте на этот гроб, ибо и вы будете тем, чем я стал... Много тут древностей, раскопанных в Бутмире и Гласине. В Бутмире раскопана даже мастерская идолов. Недалеко от Сараева находится «баня Илиджа», знаменитая своими серными источниками для лечения ревматизма. Она очень благоустроена. Заходил к бывшему преподавателю нашей гимназии Санковицу, переведенному сюда в среднюю техническую школу.

В 5 часов 50 м. вечера выехал в Новый Сад. Дорогой один тип захотел занять мое место, а когда я этого не позволил, стал кричать на меня, говоря: вы, Русы, скоро будете гнать нас из нашей земли, за которую мы отдавали свою жизнь. На это я ему заметил, что нам не нужно чужого и на него мы не претендуем, но не следует забывать, что и Россия много жизней отдала за эту землю. Подобных упреков мы, русские, не заслуживаем... О, скорей бы домой...

Министерство просвещения издало следующий циркуляр относительно брака педагогов (от 21 марта 1927 № 761 просв. отдел и № 44135): «Всякого культурного человека должны вести в браке высшие мотивы: общественный союз, мораль усвершенствования мужа и жены укрепляет духовное сродство, что является самой крепкой гарантией солидного и счастливого брака. В браке не должны вести человека материалистические эгоистические мотивы; счастье семейств связано со счастьем государства и общества».

15 августа. Был у профессора мужской гимназии Васы Стаича, одного из культурнейших здесь сербов и сербского историка. Во время мировой войны австрийцы его много преследовали, интернировали вглубь страны и около 4 лет держали в тюрьме. Здесь он изучил литературный русский язык и прочитал всего Чехова в оригинале и является восторженным поклонником этого нашего писателя. В деле объединения югославянских земель г. Стаич принимал самое активное участие. Это – верный и преданный друг русских.

Он увлекается туризмом и является одним из организаторов Общества туристов по Фрушской Горе. Как представитель этого Общества, Стаич, вместе с Пасаричеком и Хроватиным, был на Конгрессе Славянских туристических Обществ в Праге, в сентябре 1926 г., и по возвращении сделал доклад, из которого я привожу следующую интересную выдержку: «...два дана расправа (работает) Конгрес Словенских Туристичких Друштава (обществ) ни једанпут није споменуто реч: Руски Народ или Русија, онако исто као што нису споменути Кинези или Хиндуси. Сем тога: асоцијација треба да узме иницијативу за образовање интернационалне федерације пре него што ступи у везу с највећим и за културу најважнијим словенским народом. Немили утисак од ових чињеница сам саопштио гг. Пасарићу и Хроватину па смо се договорили да се на трећем дану Конгреса, који се према програму имао закључи у чешко-словенској туристичкој кући у Праховским Скалама, покрене питање о примању Руса у Асоцијацију. То сам учинио, кад сам, у име наше делегације, имао да захвалим Клубу Чешко-словенских Туриста за гостољубље. Похвалио сам чешку традицију да се са Словенима споразумевају о изградњи наше будућности и споменуо године 1848 и 1918. Али сам их упозорио на велику празнину у Асоцијацији: нема Руског народа, онога који је старији и од царизма и од большевизма, и преживеће и те, и још многе друге режиме. Понудио сам Чесима аманет да они припреме улазак Руса у Асоцијацију. На те моје речи настао је *мучан тајац* (мучительное молчание). Нико није рефлектовао ни позитивно, ни негативно. Један Чех као да је хтео међу Словенима поздравити и Русе, али је учинио лапсус лингве, па је споменуо браћу *Румуне*... Као делегат Планинарског друштва Фрушке Горе, ја ћу искати мандат да питање покренем на Конгресу Савеза Планинарских Друштава СХС, и мандат да ступим у везу са *руским* туристима. Па да прво остваримо Асоцијацију свих Словенских Туристичких удружења, па тек потом Интернационалну Федерацију» (1 октября 1926 г.).

Г. Стаич говорил мне о курьезном положении того чеха, который, после слов Стаича, хотел выразить приветствие и русскому туризму, но так как в это время поляки не скрывали своего недовольства предложением Стаича, а один чех даже дернул за полу того чеха, который хотел упомянуть только о русском имени, то этот чех поперхнулся и, вместо «русских», выговорил слова «братьев *румын*». И таким образом румыны попали в число славян...

В газете «Време» от 1 декабря 1925 г. приведено следующее стихотворение Степа-на Радича (сын покойного) «Химна Хабсбурговцима»:

Боже живи, благослови
 Главу дома Хабсбургскога,
 Ред и право да обнови
 Усред копна Европскога.
 Хрватску да уједини,
 Круни Чешкој врати сјај,
 Негве скине Украјини,
 Мукам Пољске створи крај.
 Десет пука свију раса
 Хабсбургу је бедем јак
 Хабсбург свима је лука спаса
 Свима новог жића знак.
 Пољак, Хрват и Словенац,
 Чех и Словак, Бугарин,
 Украјинац, Румун, Немац,
 Још и радне пусте син (т. е. мађяр),
 Свима Дунав њиве топи,
 Свима веру даде Рим,
 Свима Исток крвцу попи,
 Немачка је узор свим.
 Бројем изнад стомиљуна
 Духом, тјелом људства цвјет,
 Хабсбуршка над нима круна,
 Према њима култура, свјет.

Это стихотворение цитировал в народной Скупщине отколовшийся от Радича Степан Уроич, который затем сказал: «Мы, хорваты, никогда не признаем Видовданский Устав»³⁷⁸.

17 августа. Редкий случай в педагогическом мире: директор мужской гимназии Васа Данилович растратил, судя по газетам, 25.000 дин., а преподаватели говорят о более высокой сумме. Суд вынес ему наказание тюремным заключением, но он как-то ускользнул от наказания.

21 сентября. Вчера в «Новом Времени», под псевдонимом «Д. Залужный», я поместил статью «Митрополит Антоний», а сегодня, когда мы от Нового Сада (Н.И. Антонов, В.И. Чаплиц³⁷⁹, Гурчин³⁸⁰, Г.Г. Харченко, В.Г. Эрдели³⁸¹, Д.Н. Чернояров³⁸², о. Нил Малахов) поднесли митрополиту Антонию подярсник, митрополит Антоний сказал мне: «Вы правду написали, и мне редко приходилось читать более верные строки». Спросил, почему я взял псевдоним «Залужный».

30 октября. Сегодня состоялось общее собрание русской колонии, где я секретарствовал. Был обсуждаем вопрос о странных порядках в русской гимназии, возглавляемой В.Ф. Шкинской³⁸³.

Это – настоящая психопатка, но так как она умеет услуживать некоторым родителям, пропуская из класса в класс малоподготовленных детей, и так как пользуется сильным покровительством сильного в Державной Комиссии В.Д. Брянского³⁸⁴, то ей все сходит с рук благополучно. Будучи ретроградкой, она в угоду левому Брянскому,

профессору Кульбакину³⁸⁵, Орешкову³⁸⁶, столпам Государственной Комиссии, упразднила Закон Божий в гимназии и не допустила о. Нила Малахова его преподавать. Она засыпает подарками Брянского, катает его с детьми школы на автомобилях на Фрушку Гору, учит детей лстыть Брянскому, говоря ему, что он для них истинный отец. Такой же тактики держался бывший при ней директор Сергей Рудольфович Минцлов³⁸⁷, левый, великий лукавец, но ставший хорошим писателем.

Правление колонии решило создать общее собрание по поводу состояния школы, и собрание постановило обо всем этом донести Государственной Комиссии, для чего избрало делегацию в составе А.Н. Веденяпина³⁸⁸, П.С. Есаулова и В.Д. Бодиско³⁸⁹. Собрание прошло бурно благодаря непристойному поведению сторонников Шкинской.

5 ноября. Делегация возвратилась из Белграда ни с чем...

13 ноября. В общем собрании членов культурно-просветительной организации «Русская Матица», образовавшейся, при моем содействии, из «Русского национального кружка», председателем избран я. Дело Матицы свелось на нет, и председательница А.А. Розеншильд-Паулин, энергичная, но крайне самолюбивая барышня, решила было передать Матицу с ее малым имуществом Кружку любителей Изящных искусств, возглавляемому М.А. Соловьевым, но общее собрание, правда, весьма незначительное, постановило продолжать дело и избрало меня в руководители, так что с *14 ноября* я буду нести на себе это дело, ставшее теперь почти безнадежным.

В «Возрождении» (6 марта 1926 г.) прочитал следующее о новых сектах: «Французское общественное мнение в настоящее время приковано к некоей Марии Мемен, проживающей в Бордо, возглавительнице секты „Плачущей Богородицы“. В 1906 г. Мария Мемен привезла в Бордо из Лурда статуэтку Божьей Матери, у которой, по ее словам, из глаз источались слезы. Хотя впоследствии и было установлено, что эти слезы были простой водой, количество уверовавших в чудо стало быстро расти, и в настоящее время секта „Плачущей Богородицы“ насчитывает свыше 2000 последователей – французов и бельгийцев. Раньше все они были правоверными католиками. Члены этой секты творят всякие бесчинства, и недавно некоторые из них высекали аббата Дэнуйе, священника деревушки Бонбон, только потому, что Мария Мемен объявила его „демоном“».

(Далее говорится о появлении близ Мадраса известного «Мессии» Кришнамурти.)

20 апреля в Новом Орлеане (Соединенные Штаты) вновь образовавшаяся секта «евреистов» предполагает провозгласить новую религию, целью которой, по словам последователей этой секты, является «приближение божества к земле». Новым богом «евреистов» будет провозглашен бывший мэр ирландского города Корка г. Суиней, борец за ирландскую независимость, уморивший себя голодом в лондонской тюрьме. Секта еврейств насчитывает многие тысячи последователей.

В газете «За Свободу» напечатан *символ веры* в русской Обновленческой церкви. Вот этот любопытный документ: «1. Верую во единую Великую Силу, сотворившую небо и землю и миры видимые и невидимые. 2. Во единое соборное человечество и среди него великого человека Бога, называемого Иисусом Христом. 3. Который всеми естествами человеческими родился от девы Марии. 4. Который ради нашего спасения пострадал за учение свое при Понтийском Пилате и был распят на древе Креста, умер и погребен был и от человеков обожествлен был за даяние свое и до неба превознесен был. 5. И в духа соборного человечества, который во всех нас пребыл Богом разума и творил великие дела мира сего. 6. Исповедую пользу очищения перед Господом чело-

веком Иисусом грехов своих и тягость сердца своего. 7. Исповедую едино крещение. 8. Исповедую единое православное российское епископство, священство и диаконство. 9. Ожидаю суда над совестью душ наших после смерти нашей. 10. Верую в будущую бесконечную жизнь духа человеческого – духа разума нашего. 11. Верую в жизненность и душеспасительность учения Христа, составленного четырьмя евангелистами – Матвеем, Марком, Лукою и Иоанном, личными свидетелями жизни и учения Христа изложенного и обожествленного.

Составлено по благодати Епископства Митрополитом Евдокимом, Председателем Московского Святейшего Синода Обновленческой (живой) церкви»...

О, человеческая умная глупость и осторожная, оглядывающаяся в нужные стороны подлость...

В «Возрождении» от 4 марта 1926 г. за № 275 напечатано следующее интересное сообщение: «Новое открытое историческое свидетельство об Иисусе Христе: бельгийская „Ревю Католик“ (№ от 22 января) сообщает о новом капитальном открытии исторической науки в области Евангельской истории. Профессор Дерптского (Юрьевского) университета Берендт нашел новый текст в переводе на древнеславянский язык Истории Иудейской войны *Иосифа Флавия* (р. в 37 г. по Рождеству Христову, ум. в 100 г.).

Как известно, до сих пор историческая наука знала только следующее место из *Иосифа Флавия*, касающееся Иисуса Христа: „В то время появился Иисус, один мудрый человек, если только его можно назвать человеком, ибо он творил удивительные вещи и учил людей, стремящихся к истине. Он привлек к себе многих евреев, а также многих людей из греческого народа. Он был Мессией (Христом). Когда по доносам старейшин из нашего народа он был осужден Понтием Пилатом на распятие, те, кто сначала в него уверовали, так и после этого продолжали в него веровать. На третий день после смерти он появился, как живой, как предсказывали об этом и других многих чудесах Божии пророки. Последователи его, названные по его имени христианами, существуют до сего дня“³⁹⁰.

Таково было до сих пор единственное неевангельское историческое свидетельство об Иисусе Христе со стороны писателя-нехристианина, бывшего почти современником Иисусу Христу. Но даже и этот малый отрывок из сочинений *Иосифа Флавия* подвергался сомнениям исторической критики относительно полной неприкосновенности его текста. Ныне открытый профессором Берендтом древнеславянский текст из другого сочинения *Иосифа Флавия* („Иудейская война“) говорит об Иисусе Христе пространнее.

Вот как читается это место: „Тогда появился один человек, если его можно назвать человеком. По внешности и по существу он был человек, но во всем появлении его было что-то сверхъестественное. Он творил чудеса при посредстве невидимой силы. Одни говорили, что он был нашим первым законодателем, воскресшим из мертвых и творившим многие исцеления и чудеса (буквально «чародейства»). Другие думали, что Бог его послал в мир. Что касается до меня, то по рассуждению о том, что он сотворил, я его назову посланником Божиим. Во многих вещах он ставил себя в противоречие с законом и не соблюдал субботы, как отцы наши. Впрочем, он ничего постыдного, ни преступного не делал, действуя во всем только своим словом. Многие из народа последовали за ним и приняли его учение. Другие же колебались в ожидании, что он освободит еврейский народ от римлян. Он имеет привычку удаляться из города на гору Оливков, и там-то он производил свои исцеления. Полтораста рабов собрались вокруг него, а также толпа из простого народа. Видя его могущество, видя, что творит своим словом все, что пожелает, они просили его войти в город, свергнуть Пилата и римских воинов и царство-

вать над ними. Однако он не захотел. Когда узнали об этом еврейские старейшины, то собрались первосвященники и сказали: „Мы слишком слабы, чтобы сопротивляться римлянам. Но уже струны натянуты. Пойдем к Пилату и расскажем обо всем, что мы слышали. Этим самым мы оправдаем себя. Если же Пилат узнает эту новость от других, то нас лишат имущества, унижат; а на детей Израиля воздвигнут гонения». И они пошли сказать Пилату. Он же послал своих людей против народа и многих велел умертвить. Что же касается до чудотворца, то Пилат приказал привести его к себе и сделать допрос. После сего римляне взяли его и распяли по обычаю своему“.

Вышеприведенный отрывок из сочинений Иосифа Флавия составил предмет обсуждения на 55 конгрессе германских филологов. Доктор Эйслер и профессор Леман-Гаупт признали этот отрывок подлинным. Появление его в старославянском переводе немецкие ученые объясняют тем, что сочинения Иосифа Флавия могли проникнуть в Киевскую Русь через армян или хазар, обращенных русскими в христианство».

17 ноября. Ф. Степанов сказал мне, что жена священника Фед. Синькевича сошлась с псаломщиком, от которого и родила, а о. Федор, уже довольно старый, считал этого ребенка Божиим благословением.

П.А. Обухов, в присутствии генерала Сенчи³⁹¹ и полковника Сорочинского А.Н.³⁹², рассказывал об уехавшей в Брюссель графине Марье Петровне Комаровской, невестке профессора Московского университета графа Комаровского.

Служа кассиршей в магазине братьев Мирославлевичей, она один раз утерала часть денег и просила вычесть утерянное из ее жалованья, при этом она говорила, как она богата была, и показала фотографию Кремля, как якобы ее собственный дворец с разными службами. Мирославлевичи поверили, раскрыли рот и... простили ей долг. Мирославлевич показал эту фотографию одному русскому и выразил удивление, насколько были богаты графы Комаровские. Русский захохотал...

Варшавский корреспондент газеты «Сегодня» сообщает: «В Люблине закончена разборка местного православного собора. Разборка эта была произведена по почину городского самоуправления несмотря на то, что собор являлся собственностью местной православной церкви и один из епископов автокефальной польской Церкви носит титул епископа Люблинского. Подряд на разборку был предоставлен группе польских офицеров – генералу Ромеру, полковнику Идецу и полковнику Ольбрыхту. По условию подрядчики отдали городу все ценные материалы, образа и т. п. и получили в свою пользу бесплатно кирпич, предназначенный ими на постройку солдатского клуба в Люблине. Долгое время разборка люблинского собора шла туго. Для ускорения ее пришлось прибегнуть к применению взрывчатых веществ, совершенно испортивших 40% полученных от разборки строительных материалов».

Католическая Польша спешит ликвидировать все памятники православия у себя. С 1925 г. идет разрушение знаменитого по своей художественной ценности православного собора в Варшаве на Саксонской площади. Принято упрекать большевиков в варварстве за то, что они продают и разрушают памятники великого русского искусства; а чем же лучше это варварство исповедующих Христа поляков. По поводу разрушения этого варшавского православного собора английский писатель Стивен Грем в своей книге пишет: «...В один прекрасный день я стоял с одним приятелем на Саксонской площади в Варшаве и смотрел на огромный русский собор. Собор сносили. По серым стенам на землю сыпалась белая пыль. Плохая реклама для религии... По ярким наружным фрескам Христа и Богородицы прошла терка разрушения. Крест, находившийся на верху собора, снят, а с куполов содрано золото. Через зияющие двери и окна

удивленные святые бросают испуганные взгляды, Святой Николай – с дождевыми каплями на щеках, Святой Георгий – с известкой на копье. Вокруг здания лишь тоненький деревянный забор. Никакого высокого сооружения, которое бы заслоняло собор от глаз. Не соблюдены даже приличия, обычные при сносе домов.

„Это напоминает мне большевистские расстрелы, – сказал мой приятель, – когда человека выводят на расстрел, снимают с него одежду и не завязывают ему глаза, даже не поворачивают его лицом к стенке...“

Теперь там каждый день на более узком пространстве происходит парад. Играют польский национальный гимн, и горе тому человеку, который не снимет шляпы. Я видел, как один молодой русский наблюдал рабочих в покоем на клетку остове собора. Он был так поглощен этим, что не заметил военного оркестра, не снял шляпы, пока играли гимн, и был схвачен одним из солдат, который с многочисленными пинками протаскивал его через толпу перед лицом конного офицера на углу Предместья.

Оказывается, можно разрушать Божий дом на глазах у всех, не извиняясь, но нельзя не снять шляпы во славу Польши. Польша, значит, важнее польского Бога. Если Бог служит Польше, ему будут возданы почести, если нет – он будет посрамлен. Я часто бродил вечером и ночью около собора. Никогда не казался мне он таким красивым, хотя всегда он был красивее обычного храма. Как хорошо построили его русские. Он нелегко поддается кирке и молоту – камень крепкий. Прошлой осенью он не производил впечатления мертвого: может быть, теперь он имеет трагический и призрачный вид трупа, но тогда он был подобен Христу на кресте, до пришествия девятого часа – невинный, величественный в своем страдании, патетический в своем отречении... Я бы желал иметь силы передать, до чего похожими на человеческое тело казались зловещие и бледные серые стены храма...

Это публичное разрушение Варшавского собора показалось мне в высочайшей степени кощунственным... Это удар не по русской церкви и по беззащитной России: это удар по Богу»...

Один русский пишет в «Возрождении»: «Всякого православного, которому приходится случайно проходить по Саксонской площади в Варшаве, невольно охватывает с одной стороны жуткое сознание, что совершено уже что-то *непоправимое*, а с другой – горькое чувство незаслуженной *обиды* при виде того, что сделано там с православным собором... Плоды глубокого религиозного чувства и вдохновения Бруни³⁹³, Васнецова³⁹⁴, Кошелева³⁹⁵, Харламова³⁹⁶, Судковского³⁹⁷, Шаховского, Райляна, Рябушкина³⁹⁸, Беляева³⁹⁹ и др., обезображенные взрывами и ударами кирок, печально смотрят со стен, возбуждая даже в этом виде восхищение во всяком понимающем и любящем религиозное искусство... Трудно оправдать такое варварство даже историческими обидами. Россия всегда щадила польское религиозное искусство. Иоанновский кафедральный собор в Варшаве спасен Николаем I, приказавшем (в 1841 г.) восстановить его за свой личный счет...

Одним из мотивов разборки собора была „непрочность постройки“. Строили его русские, говорили тогда; значит, вместо цемента известь, вместо извести песок. Однако уже первые попытки разборки показали, что обычным путем его разобрать очень трудно. Выписали из-за границы особые тараны. Но тараны иступились и попортились. Решили прибегнуть ко взрывам».

Я лично в 1913 году в июле месяце, вместе с экскурсией, устроенной Московским Обществом по распространению технических знаний, на пути в Германию был в Варшаве. Мы осматривали этот собор, это подлинное чудо русского гения. Проводником экскурсии был еврей и какой-то русский «профессор». И вот эти проводники, с ехид-

ной усмешечкой, рассказывали, что при постройке собора были невероятные хищения, что он непрочен и т. д.

Революция быстро надвигалась на Россию и, как ей полагается, подло агала.

6 декабря. В «России и Славянство» от 3 декабря № 15 Н. Цуриков пишет: «Бакуниных вообще среди дворян было очень много. Революции они устраивали часто, только не в Дрездене, а у себя дома. Например, мне известен случай, правда, это было давно, когда один помещик, очень богатый, вдруг вообразил себя мусульманином. Он приказал убрать всю мебель из дома, везде настлали ковры. Все в доме должны были садиться на пол, поджав под себя ноги „по-турецки“, сам хозяин надел чалму, собрал всех баб с деревни в гарем „для декорации“ (дело было вскоре после освобождения крестьян, так что все это ему очень дорого стоило) и, наконец, добрался до своей бедной старушки жены, облачив ее в шальвары. После этого, ввиду безуспешности уговоров священника, по телеграмме из губернского города приехали предводитель дворянства и архиерей. Первый распустил гарем и приказал внести обратно в дом мебель; а второй помолился за грешника, отслужил молебен и окропил дом святой водой. Хозяин согласился опять стать русским, а старушка надела юбку...»

29 декабря. В качестве председателя «Русской Матицы» я участвовал на торжественном прославлении 100-летия Сербской Матицы, происходившем в театре (теперь сгорел) в присутствии принца Павла. Внимание к русским было таково, что мне предоставлено было слово, тогда как многие делегации за неимением времени не могли произнести своих приветствий. Особо милое внимание было со стороны председателя Радивоя Врховца и секретаря – профессора В. Стаича.

Хочется записать лекцию некоего Ляуданского, недавно прочитанную им в Новом Саду. Я делал наброски отдельных слов и выражений, и теперь надо это изложить связно, но написано это мною так нечетко (писал в неудобном положении), что нелегко восстановить последовательность лекции, а восстановить следует, ибо она была очень интересна. Кто этот Ляуданский, неизвестно мне: он скользнул здесь каким-то метеором. По-видимому, это ученик иезуитов; от него отдает каким-то иезуитским коллегийумом. Вот приблизительно ход мыслей г. Ляуданского, которого некоторые называют профессором: серьезность и аргументированность его преподавания не подлежит сомнению:

Александрийский еврей Филон (39 г. до Рождества Христова – до 25 г. по Рождеству Христову)⁴⁰⁰ писал на греческом языке о Логосе. Его книжечка на латинском языке – Дэ вита контемплатива – является собственностью Оксфордского университета; путешествуя из Александрии, Филон наткнулся на общину, состоящую из мужчин и женщин. Во главе ее стоял старший – пресвитерос. В общине, отличавшейся высокой нравственной жизнью, совершалось таинство «вина и хлеба». Оказывание милости являлось в общине обычным. Помещение, где они собирались, называется монастырион. Известный церковный писатель Евсевий Кесарийский считает эту общину христианской («терапевты»). Профессор Луциус (в Страсбургском университете) считает эту книгу Филона подлогом на том основании, что император Адриан, путешествуя до Нубии, т. е. в пределах, которые описывает Филон, не упоминает о подобной общине; так писалось в 1879 г., а в 1895 г. лорд Кансбир совершенно опроверг профессора Луциуса.

Тенденцией ниспровергнуть христианство особенно прославился Бреславский университет. Тут же находится еврейская раввинская богословия, где особенно вы-

делился раввин Гениг. Он говорит, что на Востоке ереси известны были под общим именем «гностицизма». Одна из сект была секта «афитов» – змеепоклонников. От них именно перешла к христианству вся обрядовая сторона: таинство причащения, иконы, ношение креста. Тенденция тут одна – показать, что арийцы сами по себе бесталанны, бедны: семиты дали им не только Бога, но и ереси. Генигу отвечал на латинском языке аббат Жиро об афитах как изуверной еврейской секте в Сирии и Палестине, а профессор Тюбингенского университета Зегмюллер в 1885 г. утверждал, что Бреславская раввинская богословия поставила давно уже себе задачей развенчать христианство. В этой школе выделились: профессор Гольцман (читает новозаветную историю), Вельгаузен (читает израильскую и иудейскую историю). Раввин Джель пишет «Христианство и мы».

Сущность тенденций этих профессоров в том, чтобы показать, что арийцы душили науку и свободу, что католическую романскую культуру следовало бы взорвать, и тогда бы возникла единая истинная религия. Это будет величайшим днем в истории человечества (можно себе представить, что было бы с католичеством, с Папой, если бы большевики, т. е. евреи, овладели Римом, как владеют они сейчас Россией). Профессор Баур подверг критике все древнехристианские памятники. То же и Гарнак, выходец из России. Они стараются доказать, что апостол Павел не был личным учеником Иисуса Христа, он не слышал непосредственно Его учение, и апостол Иаков считал апостола Павла искажающим учение Христа и врагом евреев. Апостол Павел, которого христиане усвоили как главного учителя христианства, не понял Христа, поэтому христиане не являются таковыми, а последователями апостола Павла – «павликианами». Теперешнее христианство – это собственно сектантство. Далее, профессор Кафтан освобождает христианскую догматику от Христа.

И в догматике, и в ересях – все создание еврейского гения, все дал Израиль, христиане же способны лишь поедать друг друга. Чтобы дискредитировать христианство, евреи создавали разные якобы археологические открытия. Например, гробницу Девы Марии якобы нашел профессор Ниссен, говоривший, что Дева Мария была в любовных отношениях с Иосифом, от которого и забеременела. Или: в Египте нашли надпись, гласившую: здесь покоится Иисус, бежавший от преследования. Папа Захария, «типичный кельнский жид», как выразился Ляуданский, создал Апокалипсис, расходящийся с ватиканским. Апокалипсис тот найден был инквизитором Бернардом у альбигойцев⁴⁰¹. Когда этого папу сжигали на костре, он кричал: сжигайте... рано или поздно придет на замену мне другой. Мы, вами гонимые, дадим религию Разума. А чтобы были памятны вам слова мои, скажу: не пройдет и 40 дней со дня моей смерти, а Апокалипсиса этого вы не найдете – и действительно, Апокалипсис этот исчез...

Папа Иннокентий IV издал буллу об еврейских колдовствах. Иезуит Фр. Шпее, ведший это дело об иудейских сектах и колдовствах, был погублен евреями, а весь материал в 28 книгах исчез... Из 14 000 арестованных в Голландии герцогом Альбой еретиков – много еврейских имен. Непрерывно идет страшная борьба еврейства с христианством. В 1626 г. Фридрих Форнер говорил, что наступит время окончательного натиска еврейства на христианство...

Таково содержание этой лекции, которую я изложил лишь обрывочно.

Небывалый цинизм учениц нашей женской гимназии в клозете. Там исписаны были буквально все стены клозета, с самыми циничными рисунками. И это в женской гимназии!

1928-й год

С принятием на себя обязанностей председателя Русской Матицы я почти забросил ведение Дневника. В тоске по Родине и своей семье шла моя жизнь здесь. Общественная работа дала новую струю моей психологии, отвлекла мысли от личных, углубленных страданий, и я с энергией, всегда присущей мне, отдался ей. Но эта же деятельность вызвала много зависти среди «бывших» людей ко мне, привыкших в России играть роль не в силу своих дарований, а по праву рождения и происхождения, обрушила на мою голову немало клевет и злобы и причинила мне много страданий. И совершенно прав был покойный крупный наш писатель М.П. Арцыбашев⁴⁰², умерший в Варшаве. Об эмиграции он с болью в душе писал: «Все так деморализовано, опустилось и так в то же время зазналось, что страшно подумать: неужели эти люди будут строить Россию». «Припишут тебе то, чего у тебя и в мыслях не было, а потом поди, доказывай, что ты не верблюд» (Записки писателя, т. II, Варшава, 1927 г. С. 31; 140). В отношении лично меня теперь злоба как-то стихла: созданное мною крупное культурное дело у всех на виду, и почти все утихомирились. Даже А.А. Егоров⁴⁰³, создатель библиотеки «Летчиков», внешне соблюдает корректность. Злобствуют открыто лишь так называемые «кирилловцы» за непризнание Матицей и мною великого князя Кирилла Владимировича императором, за то, что в библиотеке Матицы среди императоров не висит портрет «императора Кирилла». Но Бог с ними: вести борьбу с ними я не собираюсь. Да и устал, и от жизни эмигрантской, и от того, что надвигающаяся старость уже дает себя чувствовать...

21 ноября 1931 г. Новый Сад.

8 января 1928 г. Милый Андрей Владимирович Стороженко пишет мне из Польши в письме от 6 января: «Слава Богу, что Вы здоровы, бодры и продолжаете деятельно работать не только в гимназии, но и на общественном поприще. Поздравляю Вас с наступившим Новым Годом и желаю Вам всяческого благополучия. Увы, только надежды на возвращение наше в пределы родины плохи, и, кажется, 1928-й год не сулит нам в этом отношении никаких перемен. Иностранные газеты часто пишут в таком роде: Кремлевское правительство-де – пленник Коминтерна, не отказалось от своего чудовищного идеала мировой революции, которая, если б осуществилась, задушила бы всякую цивилизацию; в этом ее истинная опасность и препятствие к организации устойчивого мира, и с этою-де опасностью обязаны бороться все люди доброй воли. Однако страх перед восстановлением могущества России у большинства западноевропейских государственных деятелей так велик, что они предпочитают закрывать глаза на угрожающую опасность и ни в чем не проявлять своей доброй воли, если даже допустить, что она у них имеется. И в этом вся суть. Московско-Кремлевская „правящая группа“ только и держится благодаря содействию западноевропейских правительств, за спинами которых стоит международный жидовский капитал, мстящий России за то, что она так долго ему не покорялась, в то время как весь Запад давно уже перед ним пал ничком и распластался.

В минувшем году я пережил много тяжелых испытаний. 7 июня прошлого года царубийца Войков был застрелен юным гимназистом Ковердою, 9 июня „Советская власть“ объявила у себя красный террор, а 15 июня мои Марья Патрикеевна и Андрей Андреевич были арестованы и посажены в тюрьму по распоряжению ГПУ. Не получая от них известий, я недоумевал. Много времени спустя третьи лица уведомили меня, в чем дело. Представьте себе мое душевное настроение.

И в нем я пробыл около трех месяцев. К счастью, потом выяснилось, что Марью Патрикеевну продержали только 11 дней и выпустили, но бедный Андрей Андреевич просидел 3 месяца и 10 дней, т. е. с 15 июня по 26 сентября. Таким образом, он провел в заключении без воздуха и солнца все лето. Подробностей всей этой истории я и до сих пор не знаю, но, по-видимому, поводом к репрессиям послужила *переписка со мною*, ибо „советская власть“, всегда готовая мучить людей, создала лицемерную фикцию, будто все живущие в Польше русские принадлежат к „заговору“ против нее и принимали то или иное участие в подготовке убийства советского полпреда в Варшаве Войкова. Значит, и ведущие переписку с пребывающими в Польше членами семьи настроены антисоветски.

Почти трехмесячное напряженное нервное состояние повело к тому, что около 20 сентября я почувствовал ослабление деятельности сердца, появились отеки на лице и на животе, вообще нарушилось мое здоровье, что, принимая во внимание мой 70-летний возраст, представляло опасность. Между тем мне, живя одиноким, в чужой семье, болеть нельзя. Чудом милости Божьей, в соседнем городке совершенно неожиданно я напал на прекрасного доктора, который лечит травами. После основательного обследования моего организма, и, в частности, состояния сердца, он назначил мне молочный и вегетарианский режим и предписал мне ежедневно настой трав. Так как в нашем доме мясо является редкостью, и я его давно уже не ем, то собственно лечение сводилось к питью настоя. Состав трав доктор сменил 3 раза, по 12 пакетов в каждой комбинации, и, представьте себе, к концу леченая отеки бесследно рассосались, сердце стало нормально работать, и теперь самочувствие у меня прекрасное. Тем временем от Марьи Патрикеевны стали приходить успокоительные вести, и устранилась самая первопричина заболевания.

Польша сейчас готовится к выборам в сейм и сенат. Идеалом является созданный Муссолини фашистский парламент в Италии. Здесь хотели бы видеть на креслах сейма и сената одних „пилсудчиков“... На нынешних выборах впервые после основания новопольского государства выступает самостоятельно „Русское народное объединение“. Оно стремится быть и стать единственной в Польше партией русской „кресовой“ (по-старому, украинской или „украинной“) деревни – объединением „тутейших“ белоруссов, украинцев, полешуков, россиян и галичан-русинов, считающих себя русскими по национальности, языку и культуре. Лозунги Р.Н.О., кроме экономических, самых важных в настоящее время, такие: русская школа и русский литературный язык в польских казенных школах на восточных кресах... Охрана традиций православной церкви и невмешательство ее в политические распри.

„Украинцы“, конечно, как псы лают на Р.Н.О., но и между собою грызутся как псы, разбившись на несколько партий. Среди „украинцев“ преобладают два течения: 1. Советофильское: для его сторонников УССР является единственным очагом подлинной „украинской“ культуры, свободной в своем органическом развитии, и, если хотите, советофилы правы, ибо, действительно, украинский крайний шовинизм нигде так не процветал, как он распустился под крылышком большевиков в Южной России. 2. Полонофильское, представляемое „Украинским народно-демократическим объединени-

ем“ (УНДО). Украинцы этого толка желают идти с поляками рука об руку на почве польской государственности. Недавно на предвыборном собрании во Львове в зале Музыкального Общества имени Лысенка между ундовцами и их противниками произошла такая драка на стульях, что вмешавшейся полицией было вынесено из залы 16 тяжело раненых. Есть еще партия монархическая (возглавляемая доктором Вациком) и гетманская (ее формирует зять Скоропадского граф Монтрезор). Центром всей этой возни является Львов. У белоруссов, кажется, еще больше партий, чем у украинцев, и вожди их дают пощечины друг другу. Хаосу в русском народе конца не видно.

Очень рад побеседовать с Вами. Целую Вас. Да хранит Вас Бог. Сердечно любящий А.С.»

Постскрипtum: «Вы спрашиваете меня, что я изучаю Ветхий Завет с тех новых точек зрения на него, какие установила новейшая библейская наука, опирающаяся на памятники клинообразной и иероглифической письменности и на археологические раскопки в Палестине. Самый главный вывод новейших исследований тот, что, уходя в Вавилонский плен в 597 и 586 г. до Рождества Христова, иудеи унесли с собою много всяких памятников израильской и иудейской письменности, но среди них не было ни Пятикнижия Моисеева, ни книги Иисуса Навина. Эти шесть книг были составлены в *Вавилоне* иудейскими книжниками, из коих самым выдающимся был Ездра, на основании древних памятников и преданий, переработанных под новым углом зрения, и под влиянием требований жизни вне родины, среди чуждого по духу населения. Древние тексты сохранены только в виде вставок, но связаны между собою и истолкованы новым изложением. Совершенно вновь написаны в *Вавилоне* главы: Исхода 25–31 и 35–40, книги Левит все и книги Чисел 1–10, 15, 17–19, 34–36. Вся работа закончена была только к 400 г. до Рождества Христова и приписана была, для придания авторитета, лицам глубокой древности, окутанным легендою, Моисею и его ученику Иисусу Навину. Вся история израильтян и иудеев ради религиозных и национальных достижений поставлена была вверх дном, и ее истинное течение может быть восстановлено только при помощи вновь открытых памятников соседних народов Передней Азии. Особенное значение имели такие находки, как: Кодекс Хаммурапи (в 1902 г.)⁴⁰⁴, таблички из Эль-Амарна (в 1887 г.)⁴⁰⁵ и архив хеттских царей⁴⁰⁶ из Бохаркио в Каппадокии (в 1906/7 гг.). При свете научного исследования выяснилось происхождение собственно жидовства и отвергнуто право жидов считать себя избранным народом, а не „одиум генерис гумани“⁴⁰⁷, по выражению Тацита... Иначе представляется и отношение христианства к иудейству. Замечательную книгу на ту тему написал бывший петербургский, а ныне варшавский профессор Тадеуш Зелиньский⁴⁰⁸: „Эллинизм и Иудаизм“...

Я чувствую себя умственно свежим и мог бы научно работать, но только где-нибудь в связи с большой университетской библиотекой. Печальная старость выпала вообще на мою долю. Материальная необеспеченность, отрозненность от семьи и постоянные неприятности в стараниях спасти крохи уцелевшего здесь имущества. Марье Патрикеевне советская власть не разрешает выезда, и, поэтому, на соединение с нею нет надежды. Между тем в старости так нужна помощь друга-жены».

9 января. В «Возрождении» напечатана заметка из Праги «„Борьба из-за правнука Л.Н. Толстого“: Под таким заголовком чешские газеты печатают подробности драмы, разыгравшейся в семье внучки Л.Н. Толстого, дочери его старшего сына, В.И. Толстой.

В.И. Толстая несколько лет тому назад вышла замуж за чешского гражданина, коммерсанта Баковского. Брак оказался несчастным и через несколько лет признан

недействительным по постановлению чехословацкого суда, установившего, что Баковский женился на Толстой при наличии другой неразведенной жены. Определяя судьбу сына Сергея⁴⁰⁹, родившегося от несчастного брака, суд решил отдать его на воспитание матери. Баковский обжаловал это решение первой инстанции, но В.И. Толстая, воспользовавшись этим решением, отправила мальчика к своей матери, проживающей на юге Франции. Отец кинулся разыскивать своего ребенка и при помощи французских детективов разыграл настоящую „кинодраму“ длиной в несколько сот километров, отделяющих Прагу от Парижа. Переодевшись нищим, он подстерег мальчика, когда тот вышел за ограду пансиона, в котором жил вместе с бабушкой, похитил его и увез с собой. Бабушка снарядила погоню, но французские административные власти стали на сторону отца, признавая за ним, доколе не будет доказано противное, преимущественное право на воспитание сына. Баковскому удалось довести мальчика до Праги, но адвокат В.И. Толстой принял меры, и на квартиру Баковского не замедлил явиться судебный пристав, который в исполнение судебного решения отобрал сына у его отца, несмотря на энергичные протесты последнего. Самой В.И Толстой в это время не оказалось в Праге. Баковский подал жалобу на действия судебного пристава и при помощи своего адвоката надеется выиграть процесс. Мальчик пока помещен в приют, а чешские газеты высказывают предположения, что суд в конечном результате отдаст мальчика в детский сад для воспитания на счет отца. Такова эта „кинодрама“, по поводу которой, впрочем, одна из газет социалистического толка обрушилась на... русскую эмиграцию. Вот, мол, какие она дела делает».

По поводу этой истории в семье внучки Л.Н. Толстого могу сказать несколько слов и я. Графиня Софья Николаевна Толстая, невестка Л.Н. Толстого, прибыла в Новый Сад вскорости после моего поступления в гимназию на службу здесь, вместе с дочерью «Верочкой», как ее все звали насмешливо, и сыном. Жили они на Железничкой улице в доме Клайна № 7, где бывал два-три раза и я у них. Софья Николаевна любила пить водку, петь и пускаться в некоторые авантюры. Она обошла известного здесь благотворителя русской знати Владу Стефановича, который дал ей в заем 39 000 крон, т. е. по теперешнему 9250 динар. Ведя распущенную жизнь, она скоро спустила эти деньги и поступила на роль трактирной певицы, под гитару, в третьеразрядный ресторан «Далмацию» на Хлебарской (ныне Милетичевой) улице. С нею стала выступать на полуэстраде и ее «Верочка», обладающая симпатичным сопрано и умевшая петь с цыганской разудалью. Для сдержанных новосадян, вышколенных Австрией, это было так необычно – выступление в трактире («бирцус»,⁴¹⁰ как говорят сербы) семьи знаменитого русского писателя-графа. В трактир повалила публика, и сама Софья Николаевна спустилась до проститутки. Тут-то и подвернулся чех Баковский, не то торговый агент, не то коммерсант, но, во всяком случае, человек с некоторыми деньгами, которые, впрочем, он начал быстро спускать. Он начал быть постоянным гостем Толстых, прошел слух о его намерении жениться, и жена его начала устраивать Толстым публичные скандалы. «Верочка», наконец, вышла за него замуж «гражданским браком», а после они уехали, к счастью для русской эмиграции здешней, в Прагу. Стыдно вспоминать это прошлое некоторых представителей русской знати здесь: неприятные минуты приходилось переживать в преподавательской комнате гимназии, где саркастически говорили по поводу подобных случаев. И чешские газеты, конечно, во многом правы, говоря о русской эмиграции. В этом-то и сила большевиков, что мы имеем подобных эмигрантов из бывшей знати. Что им Родина...

Матица отнимает у меня много времени и причиняет немало огорчений. Эмиграция ссорится, делает много интриг, о чем я писал и Андрею Владимировичу. На это

он пишет мне от 7 марта: «Вы жалуетесь, что в эмиграции нет единения, что все идут вразброд. Но теперь вообще отсутствует единение в человеческом обществе. У нас сейчас происходят выборы в представительные учреждения, и вот 35 партий предлагают выборщикам списки своих кандидатов. Одних *украинских* партий имеется семь. Можете себе представить, до чего разобьются голоса, как мало шансов на образование в сейме и сенате устойчивого большинства. Партийная борьба – это удел нашего времени». Далее Андрей Владимирович пишет: «В моей семье все, слава Богу, все благополучно. Надежды на возможность приезда сюда Марьи Патрикеевны по-прежнему слабые очень, и не знаю, когда окончится мое одиночество. В Киеве умер мой большой приятель, профессор русской истории в Нежинском историко-филологическом институте В.Г. Ляскоронский. Хороший он был человек, и обидно, что не суждено уже с ним свидеться...

Как идут дела Русской Матицы, как спорится Ваша работа?»

Тяжело, страшно тяжело живется моим в Киеве; насколько позволяют силы, ежемесячно помогаю им.

Хотел было объединить все русские организации здесь, но это оказалось непосильной задачей: склонность к ссорам и разделению среди русских оказалась сильнее, чем я предполагал. Изучивши документы, приведенные Н.М. Карамзиным (взял в библиотеке Матицы Сербской) в его знаменитой «Истории Государства Российского», я вижу, как велика и страшна эта наша язва, и невольно страшно становится за наше русское будущее. Далее, величайшие преступления Смутного времени, совершенные нашими предками, остались неискупленными. И сами преступники-перелеты благоденствовали после смуты, и их потомство стояло на вершине государственной лестницы. Невольно является вопрос, кто же должен понести кару за страшные злодеяния бояр Салтыковых эт тутти кванти...⁴¹¹ Не переложила ли на нас история выплату по этим долгам?

14 апреля. Письмо Андрея Владимировича из Польши от 9 апреля 1928 г.: «Дорогой Дмитрий Васильевич. Приближается светлый праздник Воскресения Христова, и хочу мысленно похристосоваться с Вами и приветствовать Вас священным возгласом: Христос Воскресе. Я знаю, что настроение Ваше в нынешний Праздник печальнее, чем в предыдущие проведенные в беженстве праздники, в связи с сокращением почти наполовину Вашего жалованья и лишением возможности в достаточной степени помогать семье. Однако буду желать Вам бодрости духа, крепости сил и сохранения надежды на воскресение нашей родины. Только эта надежда может вдохновлять Вас в работе по Русской Матице, за которую Вы недавно взялись. Дай Бог Вам всего наилучшего.

Вы просите сообщить Вам сведения из истории и деятельности Польской Матицы. Охотно послужил бы Вам, если бы имел возможность побывать в Варшаве и записать нужным для очерка материалом. К сожалению, при моем бюджете поездка в Варшаву неосуществима. Буду искать случая достать материал чрез третьих лиц. Во главе Матицы стоит теперь, насколько я знаю, наш киевлянин, бывший владелец фабрики и магазина печного кафеля и разных терракотовых изделий, г. Анджейовский. Вы, вероятно, помните его магазин на Крещатике в Дворянском доме, рядом с угловым магазином обоев братьев Тарнопо. Возможно, что мне удастся узнать его адрес и снестись непосредственно с ним.

Следующий Ваш вопрос касается ополчения русского населения. Конечно, оно идет с помощью всех тех орудий, какими располагает современное демократическое государство. Главными орудиями являются: обучение и всеобщая воинская

повинность. В каждом селе имеется школа, в ней учат по-польски. Каждый достигший призывного возраста парень идет в войско, и там его тоже учат по-польски. В воинских частях устроены курсы польского языка, через которые проводят новобранцев. Приняты способы обучения самые целесообразные и усовершенствованные, достигающие легкого и быстрого усвоения языка учащимися. Затем применяют старые приемы, которые практиковало, хотя очень непоследовательно, русское государство. Рекрутов посылают служить подальше от родины, в самую гущу господствующей национальности. Например, парни с Волыни служат в Кракове, Варшаве, Познани, чтобы их ополячивала окружающая густопольская среда. Далее следуют уже более слабые средства: польский язык во всех присутственных местах, начиная с гминного управления, обязательные надписи по-польски в вагонах, на железнодорожных станциях, на вывесках всякого рода в городах.

Католический клир в деле ополячивания не играет теперь той роли, какую он играл в шляхетской Польше. Не столько ведется наступление на православие со стороны католичества, сколько подкапывается русская духовная сила православия уменьшением на 30% приходов, введением в духовные семинарии преподавания на польском языке и поддержанием домогательств неистовых украинцев. Применяется не фронтальная атака, а минный подкоп, чтобы здание русского православия завалилось само по себе. Если папство рассчитывает, что после развала православия население пойдет в ограду католичества, то, я полагаю, оно ошибается. Место ослабленного православия скоро займет штунда, которая в нашей местности находит необычайное сочувствие. Апостолы ее с американскими долларами в кармане проникают в самые глухие деревни, везде оказывают материальную помощь нуждающимся, раздают русские Библии и произносят проповеди в современном духе. Большевичество также внедряется в души населения, агентами Москвы, и напрасно многие поляки думают, будто Польша от него застрахована своим патриотизмом и „западной цивилизацией“. Русское население в Польше (думаю, что в значительной степени и польское) переживает идейный хаос, и очень трудно предвидеть, куда поведет его „дух времени“. Говорить по-польски оно приучится неприметно. Год тому назад в некоторых кругах, в особенности в Галиции, началось пробуждение русского народного сознания. Образовалась организация под названием „Русское Народное Объединение“. В прошлом марте на выборах в сейм и сенат она выступила с отдельным списком № 20, за который в разных округах было подано 100 000 голосов. Отчасти по условиям выборной системы, отчасти благодаря принятым со стороны властей искусственным мерам, в сейм прошел один только русский представитель, доктор Т.И. Король. В сенат никто по русскому списку не попал. Однако выяснилось, что в Польше свыше миллиона польских граждан, чувствующих себя не украинцами и не белорусами, как бы того хотелось полякам, а *русскими*. Весьма возможно, что в будущем русское самосознание будет расти и шириться, и тогда владение польским языком не помешает воспрянуть в русском населении русским чувствам.

Из ближайших к нам местностей Большеви (окрестности Изяславля, Житомира) доходят вести, что там отчаянная нищета и нужда вследствие обременения налогами, и что жида — советские „ответственные работники“ (чиновники) — прямо беснуются в издевательстве над населением. А в заграничных газетах часто ложно пишут, будто жида подвергаются таким же преследованиям и угнетениям, как и остальные советские граждане. Это умышленное замазывание действительности...

Вы несправедливо обвиняете старое русское правительство в том, что будто бы оно из сословных тенденций затруднило для семинаристов доступ в университеты тре-

бованием сдачи экзамена на „аттестат зрелости“. Сословные тенденции тут не играли ровно никакой роли, ибо перед тем, в течение десятков лет, университеты были переполнены семинаристами, и из них сформировалось главное ядро русской профессуры. Например, в мое время на историко-филологическом факультете в Киеве блестяще преподавали незабвенные для меня профессора из семинаристов: философию – Сильвестр Сильвестрович Гогоцкий⁴¹² (Каменец-Подольской семинарии), греческий язык – Павел Иванович Аландский⁴¹³ (С.-Петербургской семинарии), историю средних веков – Федор Яковлевич Фортинский⁴¹⁴ (Рязанской семинарии), впоследствии многолетний ректор Киевского университета. А возьмите такие светила московского университета, как Сергей Михайлович Соловьев, Иосиф Максимович Бодянский⁴¹⁵, Василий Иосифович Ключевский, Александр Иванович Чупров, – все они из семинаристов. В Петербурге – Люперольский⁴¹⁶, Помяловский⁴¹⁷. Обыкновенно профессор получал чин действительного статского советника, и дети его записывались в дворяне.

В мое время в Киеве кафедру уголовного права занимал сын священника села Стольного Черниговской губернии Александр Федорович Кистяковский⁴¹⁸ (ум. 1885 г.). У него было шесть сыновей, очень одаренных, и они проходили свое жизненное поприще в звании дворян: Василий – профессор в Петербурге, Игорь и Борис – знаменитые адвокаты в Москве, Юлий и Александр – землевладельцы и земские деятели, Богдан – профессор в Ярославле и в Киеве.

Затруднен был доступ в университеты требованием аттестата зрелости *по настоянию духовной иерархии*, которая пришла в ужас вследствие поголовного уклонения духовного юношества от духовной карьеры; семинарии перестали давать кандидатов на замещение священнических мест. Иерархи думали, что затруднением продвижения в университет они удержат духовное юношество в рядах духовенства. На практике этого не случилось, потому что, отодвинутое от университетов, среднее по способностям юношество (способнейшие сдавали „матуру“ и шли дальше) ринулось в военную службу. В ряде знакомых мне священнических семейств Переяславского уезда все сыновья были офицерами. Сына протоиерея г. Переяслава о. Александра Рокинского я встречал уже генерал-майором. Он был комендантом от Деникина в Одессе. Бегство духовного юношества на светские поприща отразилось, конечно, падением уровня сельского духовенства. Пришлось посвящать в духовный сан сельских учителей из мужиков, проведенных *через пастырские курсы*. Нельзя было не придти в ужас от этих типов. В 1912 г. во время выборов в 4-ю Государственную Думу мне случилось председательствовать на съезде священников Переяславского узда. Из 92 батюшек 17 было уж *не* из семинаристов, а с пастырских курсов, и их сразу можно было отметить „на глаз“, – до такой степени вели себя они несоответственно своему сану. Страшно было даже видеть рядом высоко одухотворенного о. Романицкого, священника от отца, деда, прадеда и т. д. и такого мужицкого „чобота“, как о. Корсун. В Переяславском уезде было два священника (братья Трипольские) из потомственных дворян, прошедших курс Переяславского духовного училища и Полтавской семинарии.

Сыновья их были поручиками и исчезли с моего кругозора с начала войны 1914 г. Старое русское правительство менее всего виновато в сословных тенденциях. Только живя в демократической республике, можно из сравнения убедиться, как умно, целесообразно и справедливо было построено старое русское государство для русских. На него имели основание жаловаться только жида. Полякам нужно было *октроировать* самостоятельность заблаговременно. Заговорился я, хотя и писал в телеграфском стиле. Мысленно христосуюсь с Вами. Христос Воскресе. Сердечно Вам преданный А.С.».

17 апреля 1928 г. Николай Владимирович Стороженко пишет от 16 апреля: «Часто вспоминаем о Вас с милейшим Ф.П. Степановым и радовались Вашим блестящим успехам по Русской Матице, подробно описанным Д. Залужным в „Новом Времени“, а также скорблю по поводу уменьшения Вам содержания. Но не Вас одних постигают огорчения. Отовсюду слышен вопль несчастных сынов когда-то великой, а ныне оплеванной, запаскуженной жидами, нашей Родины.

Вот что пишет мне один студент из Праги: „Живу неважно, очень исхудал, боюсь, чтобы не схватить чахотки, так как много молодежи болеют легкими, конечно, по причине бедственной жизни на чужбине. Многие также умирают, вешаются, стреляются в связи с тяжкими условиями жизни. А кто кончил курс высших учебных заведений, бросаются во все стороны, чтобы что-нибудь заработать, но толку с этого мало, ибо или не дают виз, или учиняют какие-либо иные препятствия. Замечается тяга в Польшу, на Волынь, в Канаду, но трудно с визами. Остзейские новообразования⁴¹⁹ совсем к себе не пускают. О Чехии лучше не говорить, ибо здесь *страшная ненависть*, и разные организации запрещают принимать на более продолжительное время на службу русских, в особенности союзы инженеров, техников. (NB: Вчера прочитал в немецкой газете, что орган Бенеша проповедует необходимость широкого распространения немецкого языка среди чехов «ради хлеба насущного» и почти исключительного пользования им в сферах ученых, финансовых, промышленных, при наличии соседства с двух сторон – Германии и Австрии. (Как был прав покойный А.Н. Пыпин⁴²⁰, называя в беседе со мною в 1886 г. чехов *неславянами*. – Н.С.) Кроме того, привалило в Чехию много жидов из Бессарабии и Волыни, так как тамошние студенты, а также польские, их колотят, – они пронюхали, что наилучшие условия жизни для них в Чехо-Словацкой республике, так как чехи с жидом Бенешем во главе похожи во всем на жидов. Они приезжают сюда из Румынии и Польши, тут учатся, зарабатывают или у жидов, или у чехов, а говорят все по-русски, так что народная чешская масса считает их русскими“...

А вот какой вопль прислал мне один из моих корреспондентов, получавши его от одного из своих родственников из земного ада: „Доброго здоровья, А.В. Как Ваше там здоровье? Не забыли ли Вы, что есть страна, где живет много рабов под невероятными лозунгами и много им говорят, их мучают, а надобно как-то жить. Если б Вы теперь приехали, побыли да посмотрели на то, что Вы видели несколько лет тому назад, то и не узнали бы. Много всякого прошло, но только дурного, так что если Вы начнете там, может быть, скучать за своим селом и вообще за Родиной, то в настоящую минуту советую вам скучать. Я, как обыкновенно, сижу дома, заработать нигде не дают, а про налоги нечего и говорить, будем мы знать, что это за «земля свободная, как воздух. Живется найхуже» (орфография сохранена). Не унывайте, работайте и надейтесь“.

Июль. В начале июля выехал в Люблян к профессору М.Н. Ясинскому, пожил у него несколько дней, и, по приглашению профессора А-ра Д. Билимовича, принял участие в паломничестве под гору Присанк и Вршич, устроенном Люблянской русской Матицей на могилы погибших там русских солдат-военнопленных.

8 июля. Дивные, изумительные по красоте Юлийские Альпы, на самой границе с Италией. Гордо стоит голая, обрывистая гора Присанк, покрытая клочками снега. К ней и через нее, правильное через Вршич, проводили военно-стратегическую дорогу в 1914–1915 гг. русские военнопленные в количестве до 30.000 человек. На придорожном заграждении из камней висит крест и цифры: 1914–1915, а на одном камне: «10-

10-1915». Русских надписей нет. На одном акведукe крупно написано: «Принц Евгeнш-трассе». С гор дышит свежий воздух, и можно себе представить, как было тут зимой и во время голода, который тогда царил в Австрии. «Вот там, – показывают нам, – обрушившаяся гора погребла до 600 русских, а здесь до 300»...

С членами Русской Матицы во главе с профессором Билимовичем и со словенцами я иду по этому прекрасному пути все выше и выше. Вдруг на покато́й поляне показались деревянные кресты, а потом и сама деревянная часовенка, построенная русскими мучениками. Трудно передать охватившее меня волнение... Часовня маленькая, сделана в русском вкусе, с завитушками и украшениями над входом; покрыта березовым лубком; в середине – Распятие и больше ничего: все убого. Значит, те, которые ее делали, несли свои скорбные мысли и надежды к Распятому, а в душе ласкали и жили образами, отпечатленными на далекой, милой Родине, вот так же, как я сейчас стою здесь и живу, сердцем, болезненно живу этими образами...

Началась панихида, которую служил пришедший с нами сербский протоиерей Димитрий Янкович, и впервые, вероятно, здесь полились звуки бессмертной русской панихиды. Я поднял глаза к небу, к остроконечным шпицам. Боже, какая красота, невиданная мною красота... и какая безысходная русская тоска царила тут в 1915 г., как теперь она видна на лицах молящихся. Слезы... Вот старый малоросс из Буковины подходит к могиле «неизвестного русского вояка», целует крест и трехцветную ленту на кресте и венке. Немая, потрясающая картина. После панихиды говорили речи: председатель Русской Матицы в Любляне профессор А.Д. Билимович, организовавший это торжество и возложивший два венка, я, тоже возложивший венок от Новосадской Русской Матицы, словенка Терезина Енко, председатель югославянской чехословацкой лиги Ристо Пустослемшек, нотариус города Краньской Горы д-р Грашек, много потрудившийся для восстановления этой часовни, и русский генерал Жолтенко⁴²¹. Обращаясь, между прочим, к русским детям, во множестве стоявшим около этой неизвестной могилы, профессор Билимович сказал: «Я твердо верю, что мы, взрослые, вернемся туда, в Россию, и, может быть, этот радостный день уже недалеко, а вы, дети, несомненно вернетесь туда. И когда будете там, расскажите в кругу своих домашних, что вы здесь поклонились теням русских мучеников, и вы увидите, как там будут рады слышать это». Но особенно тронула всех вдохновенная речь словенки Терезины Енко: «Бог хотел, чтобы они, военнопленные, пришли сюда, чтобы от них, как и от русских эмигрантов, весь мир узнал великое славянское и именно русское сердце, ибо славянские народы несут в мир не жестокость, а любовь, доброту и кротость». Далее она обещала, что словенки-матери будут всегда охранять эту часовенку и могилу неизвестного русского солдата. Впечатление у всех присутствовавших было необыкновенное. Забыть его невозможно. Заметки о торжестве я напечатал в «Новом Времени» от 19 июля № 2161 и в новосадской «Заставе» 14 июля № 158. Во время панихиды и после любители фотографировали торжество, и следующая дальше фотография представляет моление у часовенки (крестиком означена моя фигура).

После торжества все поднялись дальше к так называемой «Коче на гозду», где пообедали, а около 5 часов вечера стали возвращаться пешком к станции «Краньска Гора», откуда и пришли. Краньская Гора – место, куда во множестве стекаются чахоточные для лечения горным воздухом: городок этот находится на высоте 906 метров над уровнем моря. Здесь, недалеко от станции, паломники собрались в одном большом ресторане, под открытым небом, и, попивши кто чаю, кто пива или словенского вина «цвичек», поездом вернулись в Любляну. Я возвратился к профессору Ясинскому, который, вследствие нездоровья, не участвовал в паломничестве.

12 июля. Приехал через г. Крань в г. Тржич, где думаю отдохнуть с неделей. Остановился в гостинице, по 15 дин. в день. В городе, и именно в местном училище, имеет летнее пребывание русский институт женский, прибывший из Белой Церкви, во главе с начальницей Духониной⁴²², женой убитого большевиками Верховного Главнокомандующего. Город расположен в ущелье гор. Красиво. Через город идет дорога шоссе на Австрию через «Любелький превои»⁴²³, т. е. спуск. Через город бешено мчится с гор какая-то речонка, на расположении которой находятся лесопильни: они работают механической водной силой.

13 июля. Много гуляю в окрестностях города. Чудные дороги, т. е. то, что всегда недоставало России. Население зажиточное.

16 июля. По чудесному шоссе отправился к границе с Австрией в 8 часов утра. Подъем не труден, но ни одной души на пути; это как-то угнетает. Жара, солнце немилосердно печет. Хотел было вернуться назад, но упрямство победило, и в 12 с половиной часов дня дошел до границы с Австрией, где стоят два столба. На столбе, показывающем километры и окрашенном полосками (белой и красной вкось) национальными цветами Австрии, надпись: Бундесштаат Остеррайх. Встретился австрийский солдат, он оказался словенцем, дал мне напиток воды. Я перешел на австрийскую сторону недалеко. Красиво здесь: горы и горы, перемежающиеся долинами. Все это земля словенцев, добровольно решивших плебисцитом присоединиться к Австрии. Иду назад. Один. Тишина, и среди точно застывшей природы как-то беспокойно чувствуется. Высота «превои» над уровнем моря – 1366 метров. Дошел до «коче» Аниле, закусил, растянулся под деревом и заснул от усталости и жары. Проснулся в 5 часов вечера, почитал взятую с собой книжку «Анну Каренину» и к темноте вернулся в Тржич.

17 июля. Гуляю по шоссе, ведущему на Бледское озеро. Через полтора часа увидел снежный Триглав, высоко взметнувшийся к небу. Сел под дерево, читаю «Анну Каренину». Среди красот природы мысли отрываются постоянно от красивых страниц великого художника и реют в родимой стране. За что ее постигла такая страшная судьба? Не за то ли, что все эти господа Вронские жили лишь для себя, не думая о народе, о том, как он живет, как его поднять если не до себя, то, по крайней мере, повысить... Освобождение крестьян от крепостной зависимости пришло слишком поздно, народ еще оставался младенцем, почти на примитивном уровне, и вот разразилась пугачевщина, вредная для самого народа, но разгулялся Илья Муромец, поджигаемый к тому же юркими интернационалистами, или, как выражается А.В. Стороженко, «жидами», и страна корчится в невероятных муках, а с нею и мои малые детки... Вот картинка из указанного романа: «Ты, Михайлыч, что думаешь, надо нам воевать за христиан». – Михайлыч: «Что же нам думать, Александр Николаевич, император нас обдумал, нас обдумает и во всех делах Ему видать»...⁴²⁴ Народ был младенцем и всегда надеялся, приученный историей и своей жестокой судьбой, то на «Николу Милостивого», то на «Царя-Батюшку». Но народ и доселе остался младенцем: кто же теперь «его обдумает», когда не стало ни царя, ни церкви. Об этом не подумало наше дворянство и вообще верхи, и в этом их самое страшное преступление. Но говорить об этом здесь, в эмиграции, опасно, иначе «бывшие» люди, обломки этих верхов, провозгласят вас «социалистом» и даже «большевиком», как одно время называли так меня...

18 июля. Покинул красивый, но не везде здоровый Тржич. В Тржице отравляют воздух фабрики кожи, полотна. Дым и гарь, идущая из фабрик, заполняет ущелье, в котором расположен город, и нужен сильный, соответствующего направления ветер, чтобы протолкнуть и очистить ущелье от спертых воздуха. Вот почему в Тржице много чахоточных. В 6 часов 15 м. утра приехал в г. Кран, славящийся выделкой соломенных шляп. Город лежит при сливе двух рек – Кокры в Саву, на пригорке, довольно чистый, как и все бывшие австрийские города. Над ним, как облачная тень, тянется вдали цепь Камничских гор – Сторжича, Великого и малого Гринтовца и др., но кругом города на большом пространстве тянется равнина, вся покрытая зеленью и цветами хлебов.

Мне захотелось побывать в дачном месте «Преддвор», расположенном под самыми горами и посещавшемся австрийскими состоятельными людьми. Жара. По невероятно пыльной дороге иду туда, никого не расспрашивая, на основании лишь раньше слышанного. На пути в каком-то селе выпил молока, которое не без труда нашел, и, желая избежать пыли, перешел на другую сторону речонки и иду лесом. Прохладно, чудесно. Чирикают птички и жужжат цикады, посматриваю лишь по сторонам, чтобы не наткнуться на змею, а змей здесь так много...

В 9 с четвертью часов утра пришел в «Преддвор». Как хорошо тут: на равнине колются хлеба. Малое возвышение, и я стою перед замком, где когда-то жили немецкие рыцари, а теперь замок служит для сдачи комнат. Огромное, снаружи несколько мрачное здание, как полагается зданиям средневековья. Все здесь массивно, просторно, удобно. Кругом замка на большом пространстве тянется парк, где разбросаны лонгшезы, на них валяются в ленивых позах кокетливо одетые дамы, бегают детишки. В ресторане «Гринтовец» я выпил кофею, окончил чтение «Анны Карениной». Ко мне подошла наставница нашей гимназии Невенка Грба, девица современная. О замужестве она не мечтает. Осмотревши с ними парк, я вышел обратно в Кран той же дорогой, лесом, и тем избежал едкой горной пыли. В 3 часа 20 минут дня я был уже на станции, и едва вошел в нее, как хлынул проливной дождь. Через час я был уже у М.Н. Ясинского, у которого прожил до 20 июля.

20 июля. Выехал через Карловац на Сушаке, а отсюда 21 июля товаро-пассажирским пароходом «Вардар» выехал в Сплит. Тихо едем, чудная погода, на палубе не жарко. Читаю М.П. Арцыбашева «Записки писателя». Писатель приводит следующее место из речей болтуна русского освободительного движения и русской революции князя Г.Е. Львова⁴²⁵: «Заря нашей жизни, первые дни политической и общественной деятельности моего поколения были освещены яркими лучами русского освободительного движения. Мы можем гордиться среди народов мира, что русскою душою владеет не гордость, а любовь. Да не смущаются русские сердца перед русской свободой»... Князь умер, не знаю, переживал ли он то, что переживали мы, но уверен, что его дети и родственники более чем смущены революцией, а мы ее проклинаем.

Интересно, что даже в изгнаничестве мы лепечем о «спасении всего мира, будучи совершенно растоптаны жизнью и оплеваны людьми всех наций». И мне кажется, пишет Арцыбашев, что в этот раз именно русскому гению предназначено оживить мир, влить в него струю живую, заставить его снова осознать великую ценность человеческой души. В этом смысл культуры, ибо иначе культура не нужна человечеству»... И нет в мире более правдивой литературы, чем русская... Громадность и могущество России приучили нас не бояться никого и ничего, а потому мы не боимся самой страшной правды – правды о самих себе»...

Все это так и, может быть, даже верно, но до каких пор мы будем заниматься «спасением» и «оживлением» тех, которые нас презирают... Нас именно презирают. И по внешности мы больше похожи на монголов. Идешь по улице, всматриваешься в лица и поражаешься их отточенности, правильности носа, губ, а потом встречаешь наших доморощенных «Мирхлюток» даже среди аристократических фамилий. Куда уж нам с нашим «рылом» «спасать», когда в этом спасении никто не нуждается... А ведь когда-то в молодости и я талдычил о подобном спасении, зараженный общим духом нашей литературы. В нас действительно сидит эта ненужная и вредная для нас бацилла «спасения» всех. Через нее-то именно мы и погибли и гибнем там на Родине, мечтая о всеобщем братстве. С этой бациллой положительно надо бороться и больше заняться проповедью национального эгоизма. Мы – великая нация, Бог дал нам великие способности и богатые материальные и духовные возможности. Нам надо быть национально стальными, и тогда западноевропейская гордость сама придет к нам и попросит нашего спасения, без нашего навязывания в этом отношении. Ведь подумать только: нас презирают даже славяне, даже бок о бок живущие с нами поляки и даже новоиспеченные «украинцы»... Нет, повторяю, нам надо в национальном эгоизме и самосознании стать в отношении Запада «*За чертополохом*», как провиденциально писал Краснов.

26 июля. Живу в г. Боле в старой каморке. Опять съехалось сюда много словенцев и хорватов. Сегодня вечером сербский учитель Дынич держал речь о югославянстве, говорил искренно, скромно, приглашая и словенцев, и хорватов к братскому сожительству под одной кровлей. Он даже расшаркивался перед хорватами, говоря, что хорватский язык более развит и культурен, чем сербский, и что хорваты много работали для югославянской идеи. Так говорил серб, но вот что ему ответил хорватский учитель: вы, сербы, много говорите о братстве, но не даете хорватам равноправия. Хорваты не верят словам; для хорватов теперь существует лишь одно знамя: *хорватство*... Вся Хорватия трепещет за жизнь Степана Радича (раненного в парламенте сербом). Ответом на слова сербского учителя было демонстративное выступление далматинских хорватов, которые подчеркнуто, вызываясь кричали: «живела Хрватска». 20 июля, когда был ранен Радич, вырыт еще больший ров между сербами и хорватами. Это так чувствуется всюду.

Старики-далматинцы, с которыми я так люблю сидеть на скамейке около моря и расспрашивать их о жизни и жизни моря, говорили мне, озираясь по сторонам, что жизнь стала невозможна, и что, слава Богу, в фериальную колонию прибыло мало сербианцев с их револьверами (намек на револьвер Пуниши Рачича, убившего Бассаричека, Павла Радича и ранившего Степана Радича)... Другой хорват, торговец из Сплита, говорил мне, что лишь полная автономия Хорватии удержит единство молодой державы, что Пуниша Рачич будто бы вор и разбойник, был нищим, но нагребил до 80 миллионов динар, хорват из Вараждина сказал мне: мы, все хорваты, – югославяне, но за 10 лет этой державы мы не получили равноправия... А если и дальше будет царить такое недовольство, что будет, спросил я. – Ответ: *Все может быть*...

3 августа. Прибыл в Макарску. Какое красивое приморье: с севера высокая и голая гора Биоково, а под ней чарующее море и прекрасный пляж. Лежишь спиной на воде и вбираешь в себя Божью красоту и моря и горы. Ночью завывала на море буря.

4 августа. Ходил под гору Биоково, где село Макар, и к источнику, которым питается вся Макарская. Средиземноморская растительность: маслины, розмарины, кадуля,

вон в воздухе реет гидроаэроплан и спускается на море. Боже, как красиво в Твоем мире... Только душу сосет тоска: где *они*, как живут, сыты ли, а я тут нежусь среди красоты...

6 августа. В 7 с половиной часов утра приехал на пароходе в Сплит. Поезд на Новый Сад уже отошел, и я, чтобы не терять праздное время, автобусом отправился осматривать развалины старого Солина. Осматриваю их не в первый раз, и впечатление получается все более сильное. Как величественны были христианские базилики, амфитеатр...

С больным зубом поспешил возвратиться в Сплит, был у дантиста. После обеда пошел отдохнуть в помещение фериального союза, находящееся в реальном училище. Ко мне подошел бывший мой ученик по мужской гимназии (где я преподавал 2-3 месяца) г. Ертл, красивый немец. Я его не узнал: он похудел: лежал в больнице. Будучи на острове Хвар, он заболел желудком от воды – «кишницы» (здесь в особых глубоких колодцах собирают дождевую воду, которую и пьют потом во время жаров за неимением другой). Кроме того, он лечился от укусов змей: поднявшись в гору над городом Хваром, он прилег около одного отверстия в земле, оттуда выползла змея и бросилась на него. Ертл схватил ее за шейку. Змея извивалась и сумела его укусить. Будучи отброшена, она опять бросилась на Ертла и снова укусила. В Сплите доктор дал противоядие, и температура скакнула до 40 градусов, но зато юноша был спасен. Он просил меня побывать у его матери, все рассказать и успокоить.

Вечером в тот же день выехал через Загреб на Новый Сад. Тяжелая бессонная ночь в дороге. По мере удаления от моря делалось все свежее, ночью даже холодно, а в приморье ночь так тепла, даже душна.

7 августа. Итак, я снова в Новом Саду, в некотором роде «дома». Стал читать книгу Бессонова «Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков»⁴²⁶. Это замечательная книга... Бессонов преклоняется перед величием и добротой русского солдата и рядового офицера, их храбростью, и сурово и непреклонно осуждает выродившийся барский строй в России:

«Слава Вам, русские солдаты и рядовые строевые офицеры. В мире не было, нет и не будет храбрее вас. Слава вам, умевшие умирать и с камнями в руках отбивать атаки. Слава вам всем, шедшим на войну с винтовкой. И пусть будет стыдно вам, наши штабы, верхи, руководители. Не мы, а вы ответственные за все то, что случилось»... «Социализм вел... отбросил совесть и перепрыгнул нравственность. Связал людей законом помощи друга другу и в мир пошел... Он много обещал... Казалось, там тоже был порыв к добру... Мы шли за ним... Рай впереди... Он близок... Виден... Но вот он все сказал, все сделал. Дошел до коммунизма, большевизма и стоп... Тупик... Социализм рушится»... Особенно волнуют в книге слова о коммунистах. «А знаете ли, кто близко к нам? Вам это будет непонятно. Коммунисты, да, коммунисты: не шкурники. Идейные. Ведь эти верят... А думают, что знают, что не верят... Не понимают, но все-таки стремятся к идеалу... Идут, дойдут, упрутся во всю бессмысленность учения о материи... Поймут и повернут ко Христу... Наш русский человек, – он был и Степаном Разиным, он был и Пугачевым, он был Зосимой старцем, – он вправо, влево большевик... Он сила, он стихия... Он может быть „холодным“, он должен быть „горячим“, но никогда он не был „теплым“... Но никогда не будет он „политик“... Россия широка, Россия ищет правды... Ее шатает в стороны... Шатает до конца...

И ни „варяги“ из Германии, и ни платформы, ни программочки России не спасут... Пусть каждый скажет: я христианин. Затем я – русский... И уж потом... И уж совсем потом: я – монархист, я – республиканец и т. д.»... «Хорошо, легко, по-новому было на душе... Вот она, новая весна, новая заря России... Понял я тогда. И вот здесь я... Нет Соловков, не видно России... Не видно отсюда и ее зари... Горе тем, кто создал свой закон, вместо вечного, Божественного. И весь ореол гения Ленина начал мне казаться просто жалким. *Надо мной могут смеяться, но с тех пор я молюсь за душу Ленина*» (с. 149).

Эти слова соловецкого мученика как молотком отдаются в душе и проникают до ее каких-то самых глубоких тайников, бьют своею страдальческой правдой. И какою жалкой явилась передо мною наша мелкая, претенциозная, *все наперед решившая*, со своими старыми божками, эмиграция, все эти бывшие губернаторши Токаревы-Катериничи, Келеповские, барчуки Игоря Лабинские⁴²⁷ и т. д. Дальше от них, дальше: зарыться в книги, в работу для нации, ее культуры, русской человечности, дальше от кирилловцев, от программочек...

19 августа. Гощу третий день в монастыре Великая Ремета. Сегодня праздник Преображения Господня: освящение винограда, груш, яблок, прекрасный обед. А в Киеве... В монастыре гостит и протоиерей Савва Райкович, настоятель тюремной церкви в Сремской Митровице. Он рассказывал мне следующий исторический случай, пахнущий анекдотом: Князь Милош Обренович приехал к императору Александру просить помощи от турок. На приеме распростерся перед царем, смутив его. – Встань, князь, сказал император. – Не встану, *пока Ты меня не поднимешь*, отвечал Милош.

Патриархально, но очень дипломатично: т. е. пока Ты не поднимешь и не освободишь моей земли от власти турок.

2 сентября. Выходки против меня русского офицерского общества, особенно генерала А.Н. Розеншильд-Паулина⁴²⁸, вызвавшие приезд сюда, в Новый Сад, генерала А.М. Драгомирова⁴²⁹, кончились посрамлением Розеншильда и всех вынесших против меня неосновательное и оскорбительное постановление: они должны были его отменить.

В газетах напечатано о смерти новосадского адвоката, пожизненного члена Русской Матицы, друга русских словака Людевита Мичатека⁴³⁰.

В газете «Застава» от 30 августа, № 196, напечатано следующее сообщение: «Среди русских эмигрантов Нового Сада живет и несколько дворян. Одному Всемогущему Богу известно, что им приспичило основать свое „отделение“. Разослали какой-то циркуляр, в котором, на основании одного циркуляра „главного“ правления „Объединения русских дворян“ Парижа, приглашают русских дворян Нового Сада организоваться в особое отделение. Пусть их, если некоторым из этих господ потребовалось устраивать парад со своим „дворянством“, это пожалуй еще несколько можно понять, но вносить распри и выделяться из русских эмигрантских рядов – это заслуживает уже осуждения. Неужели Черныяровы, Череповы, Харченки, Трескины, Лабинские, Альбрехты, Эрдели и прочие русские дворяне не имеют более необходимого и важного дела, чем в нашей демократической народной среде и между своими бедными братьями-эмигрантами производить разделения на дворян и недворян и тем давать большевикам случай использовать это в своих целях. По-видимому, эти господа плохо считаются с последствиями русской революции». К этим словам прибавить нечего.

5 сентября. Переэкзаменовки, экзамены, шум на коридорах, нервный подъем преподавателей, директора, масса канцелярского дела, – это значит, начался новый учебный год. А родины все нет и нет...

Мой снимок с ученицами моего класса, где я «старейшина».

16 сентября. Как председатель Русской Матицы в Новом Саде я получил 3 сентября 1928 г. приглашение Организационного Комитета по созыву Съезда русских ученых в Белграде, подписанное профессором Е. Спекторским и секретарем профессором А.В. Соловьевым, прибыть на научные заседания, имеющие быть с 16 по 23 сентября. В согласии с желанием нашего Правления я и выехал в Белград 16 сентября и прибыл на открытие съезда, состоявшееся в 4 часа дня в большом зале нового здания университета. Зал переполнен и волнуется в ожидании. Я протискиваюсь вперед и, за неимением места, стою. Стоят и профессора. За стол идет профессор Е.В. Спекторский и старейший профессор, который и объявляет Съезд открытым. Профессор Спекторский предлагает избрать председателем Съезда профессора Лондонского Института экспериментальной медицины Коренчевского⁴³¹. Последний, при аплодисментах всего зала, поднимается на трибуну и произносит прекрасную речь, начав ее так: «Первое мое слово – это слово благодарности Его Королевскому Величеству Королю Александру». Поднимаются крики «ура», «живео», бурные аплодисменты. Сразу создается подъемное настроение. Надо еще отметить, что перед началом хор поет «Сей день его же сотвори Господь». Отметив, что ученые и литераторы – это мозг народа, профессор Коренчевский заключает: «Да поможет нам Бог». В речи он звал русскую эмиграцию к объединению: «Мы устали, измучены, но Родина зовет нас; ужели мы ей откажем».

Далее начинаются бесконечные приветствия: от министра народного просвещения Милана Грола⁴³², Сербской Академии Наук (А. Белич⁴³³), патриарха Димитрия (епископ Нишский Досифей), ректора университета Чеды Митровича⁴³⁴, городского самоуправления, женских сербских обществ – Княгини Зорки, Кола Сербских сестер и т. д.

Большое возбуждение вызывает приветствие от Прикарпатской Руси о единстве всех ветвей русского племени. В конце собрания проф. Спекторский объявляет об открытии Русского Научного Института и произносит хорошую речь. Речи с выражением преданности русскому народу, цветы – все это оставляет в публике глубокое впечатление. Особенно трогательны речи сербков. Одна из них даже сказала: «Я счастлива, что дожила до этого великого дня...»

17 сентября. Утро. Начались научные работы Съезда. Я, конечно, не мог посещать всех секций, но неопустительно буду ходить на заседания в 3 и 6 часов.

На *исторической секции*, под председательством профессора Бицилли⁴³⁵, делает интереснейший доклад профессор Окунев⁴³⁶, который сводится к следующему: В VI в. при императоре Юстиниане и в X веках при династии Македонской и Комнинах Византия переживает первый и второй золотые века в развитии своей живописи. Завоевания латинян в Византии убивают это развитие, и лишь на Афоне она сохраняется до XIX в. Процветает она и в сербских церквах (в около 40 церквей) и передается и в Великий Новгород. В XIV в. опять расцвет, а перед ним в XIII в. – мрачная ночь. Так учит Кондаков⁴³⁷, Диль и др. Но, по мнению Окунева, и в XIII веке искусство стоит не ниже, только оно цветет в *сербских* церквах и монастырях – Сопочанах, Жиче, Милешеве и др. Характерной особенностью живописи является реализм, сближение с природой, разнообразие типов, движение, особенно в складках платья, живости лица, подобно тому, как и в

раннем итальянском возрождении. Есть ли это два движения? Нет, одно: на Балканском полуострове началось возрождение, и когда ему помешали варвары, оно переходит в Италию. Эти черты Окунев нашел на Охриде в храме Св. Софии, в Дафне около Струмицы (фрески XI в.). Окунев очистил старые иконы от живописи позднейшего происхождения в храме Святого Пантелеимона в Нерезах, около Скопле.

Иллюстрированная диапозитивами, лекция вызывает общий интерес.

6 часов вечера. Известный профессор истории Е.Ф. Шмурло⁴³⁸ читает лекцию на тему «Из истории сношений России с папским престолом в царствование императора Петра Великого».

До Петра I в сношениях с иностранными государствами замечен характер недоверия к ним. При Петре это постепенно меняется. Чтобы спасти свое положение после Нарвского поражения, Петр I широко идет навстречу стремлениям папского двора установить через Россию путь своим посольствам в Японию и Китай, ибо других путей почти не было. Помимо того, папский двор ищет свободы в России для католических школ и богословского преподавания, причем конгрегация да пропаганда фидэ⁴³⁹ стремится развивать свою деятельность еще в 1622 г. Русский посол в Вене князь Голицын уверяет папу, что Россия готова идти на соединение церквей, хотя и не дает категорического обещания, позволяет иезуитам построить в России церковь. Князь Куракин едет в Рим и обещает принять католичество.

По поводу этой лекции выступает известный славянофил, глубокий старик, А.В. Афанасьев, протестуя против названия императора Петром Великим и считая его антихристом. Афанасьева останавливает председатель Съезда, заявляя, что в работах и прениях на съезде принимают участие собственно члены съезда. На это Афанасьев заявляет: в таком случае ученый съезд – просто комедия... Его снова останавливает председатель и просит не оскорблять съезда. Это второй инцидент на съезде. Первый произошел в день открытия: известный полусумасшедший Сырокомля-Сопоцько⁴⁴⁰ (ныне уже покойный) получил разрешение приветствовать съезд от несуществующего «сербско-русского сокольства» и понес чепуху в повышенном до непристойности тоне. Профессор Спекторский его остановил.

А.В. Флоровский⁴⁴¹ делает доклад «Русские студенты в Праге и Оломоуце в старое время». Кстати, этот профессор по внешности представляет нечто промежуточное между мужчиной и женщиной: маленький, без усов и бороды от природы, с детским маленьким голосом. Ему можно дать и 18 лет, и 50. Рассказывают, как он вместе с другим профессором высокого роста представлялся от съезда ученых президенту Масарику. Чиновник доложил президенту: пришел представляться русский профессор с женой, почитая таковою профессора Флоровского...

По словам Флоровского, русские из Западной Руси учились в XV–XVII вв. в Пражском Карловом университете и в католическом семинаре в Оломоуце, например, из Луцка, Львова и др. Их называли «рутенами». Сильвестр Коссов, киевский митрополит, говоря об Оломоуце, пишет, что с основанием Киевской Академии теперь нет необходимости для русских ездить туда. В Оломоуце были, например, некий Лука из Луцка, Сильвестр из Перемышля, Варлаам Ясинский, впоследствии – киевский митрополит, написавший тут свой «Трактат». Палладий Роговский принял тут католичество «науки ради». Петр Великий посылал сюда Воейкова, Анохина и других в Прагу «для либеральных наук». Из Чехии к нам проникают разные книги, например, о Сивиллах, об Алексее, человеке Божьем, чешская Библия. В 1630 г. во Львове были чешские книги. Посредниками были чешские и русские купцы. Феофил Кролик мешал с русскими чешские слова, ибо учился у чешских иезуитов.

По поводу доклада профессор Шмурло сообщает, что в Ватиканском архиве есть письма Палладия Роговского на латинском языке.

Профессор Сватиков⁴⁴² прочитал «О Сибирском областничестве в XIX веке». Из доклада видно, что многие русские стремились к отделению Сибири от России или к выделению ее в особую автономную территорию. Например, Ядринцев, Потанин; даже известный Муравьев-Амурский, когда в Сибирь был сослан его родственник, известный анархист Бакунин. Обсуждал с ним в своем кабинете об отделении Сибири от России, мечтая сделаться сибирским президентом...

18 сентября. В 3 часа дня Д.М. Одинец⁴⁴³, известный по Киеву своей левизной, читает «Княжое и земское право».

Профессор М.Н. Ясинский читает «Люблянская копия Новосадской (Раковацкой) рукописи, содержащей Законник Стефана Душана». Существуют больше 20 списков этого Законника. Более полный – от 1701 г. из Раковацкого монастыря на Фрушкой Горе. Особенности памятника – в конце его письмо самого Душана с автобиографией до 1346 г. Рукопись хранилась в библиотеке Новосадской мужской гимназии, а теперь в народном музее в Праге, куда ее увез Шафарик⁴⁴⁴. В Любляне ее считали Кормчей книгой⁴⁴⁵. На одиннадцатом листе указан 6982 г. Собственно Законник занимает 18 листов, разделен на 94 статьи. Профессор А.В. Соловьев не придает особой научной ценности этой рукописи.

Профессор А.В. Соловьев читает: «Древнейший судебник юго-западных славян (Статут острова Корчулы)». Статут в оригинале написан по-латыни и помечен 1214 годом, но из предисловия видно, что он написан позже, именно в 1265 г., после примирения Корчульского князя Марсилия Дёрдя с общиной. Князь хотел разграничить права свои и общины. Дёрде, или, по-русски, Георгий, – крупный венецианский торговец, побывавший всюду в Леванте, в том числе в Палестине. В 1252 г. он завоевал Корчулу, но был изгнан в 1256 г. Опять после борьбы вернулся, разрушив город. Венецианский дож предложил Трогирскому князю помочь Георгию, чтобы его слушались «склави эт латини». Хронологический порядок статутов: венецианский от 1233 г., Корчульский 1265 г., Дубровницкий 1270 г. (в Дубровник перекочевал Георгий). Корчула была ленным владением Георгия и его потомков в течение 100 лет, но в половине XIV века перешла к венгерскому королю, даже боснийскому Твртке. Вторая редакция статута относится к 1415 г. 1214 год указан лишь для придания большей авторитетности статуту. Нормы этого статута – это варваризованное римское право или система права левантского.

В 6 часов вечера говорит профессор А.А. Кизеветтер об «Общих построениях русской истории в современной литературе». Доклад посвящен разбору книги барона Б.Э. Нольде⁴⁴⁶ «Рефлексьон сюр ле девелопман политик де ла Рюсс»⁴⁴⁷. В противоположность Нольде, утверждающему, что в России все делалось сверху, а народ представлял «пустое место», Кизеветтер в блестящей речи доказывает существование живых творческих сил русского народа в XV–XVIII вв. На вопрос Елачича⁴⁴⁸ о том, не противоречит ли этому утверждению то, что некоторых депутатов приходилось силою, даже «в кандалах» доставлять в Петербург, Кизеветтер говорит, что ничего особенного тут нет, что то же бывало и во Франции и даже в Англии. Надо нам знать всеобщую историю...

П.П. Гронский⁴⁴⁹ докладывает об истории колонизации России в Северной Америке, до Сан-Франциско и даже на Гавайских островах. Ничего нового он не говорит, много интереснее сказано у Юрия Галича «Золотые корабли» и у Крымова «Богомолы в коробочке». Видно, что некоторые наши ученые не следят за новейшей литерату-

рой: профессор Сватиков усмотрел для себя откровение в докладе и просил Гронского продолжать его исследования в том же направлении...

Д.Н. Вергун⁴⁵⁰, галичанин, известный мне по России, прочитал «Об историографии неославизма». Автор указал, в каких славянских и неславянских университетах изучается славянство, причем упрекнул старое славянофильство в том, что оно не признавало славянского равноправия, проповедуя «панславизм» в смысле преобладания России. Вергун – лукавец, ползавший пред петроградскими сильными людьми. Теперь он никого не боится: субсидий получать не от кого.

По поводу доклада профессор Спекторский указал, что есть такие «неослави́сты», которые лишь изощряются в злобе против России, например, журнал «Центральная Европа», которая требует исключения России из состава культурных земель и приветствует *советскую* Россию. А затем, подойдя после доклада к Вергуну, заметил: «Сознайтесь, что Вы заигрываете с этими нашими врагами...»

19 сентября. В 6 часов вечера профессор Н.А. Пушкин⁴⁵¹ говорит на тему «Характер будущей химической войны».

Лекция производит огромное впечатление. По мысли докладчика, как огнестрельное оружие сменило холодное, так и газовое сменит огнестрельное. В будущей войне, которая более вероятна, чем война 1914 г., газы будут применяться не только на фронте, но и в тылу. План всякого командования будет направлен на уничтожение жизненных центров тыла и на расстройство транспорта. Все это заставит противника еще до решительной битвы просить о пощаде и мире.

Газы делятся на: удушливые, слезоточивые, чихательные и нарывные. Удушливый газ – *хлор*. Он тяжелее воздуха и потому стелется по земле. Одна десяти тысячная доля вызывает смерть: идет слюна, слезы, отекают легкие и быстро наступает смерть. *Фосин* получается из хлора, который применяться в войне не будет, но входит как составная часть в более совершенный фосин. Он мягок и в 10 раз ядовитее хлора. Фосины вызывают судорожное сокращение бронхиальных сосудов. Легкие переполняются им, превращающимся тут в жидкость. Он кипит при 8 градусах. Дифосген: он кипит при 25 градусах теплоты, остается на земле довольно долго. Хлоргидрат помимо удушения вызывает слезотечение. Одна десяти миллионная вызывает рвоту и слезы. Слезоточивые газы лишают боеспособности. Ношение маски вызывает изнеможение. Чихательный газ *арсин* (хлор, мышьяк) при взрыве снаряда испаряется, кристаллизуется в тончайшие кристаллы, которые проникают через маску. Получается кашель, неудержимое чихание. Солдат в отчаянии срывает маску и отравляется. Газ *иприт* (горчичный газ) вызывает слезы, временную слепоту. Кроме того, он действует на кожу: появляется покраснение, омертвление, гнойный нарыв, который почти неизлечим, от него не спасает одежда, в которую он проникает и сгущается там, поражаются половые органы, бока, все тело. Этот газ трудно заметить: он действует через 4–6 часов, проникает через кожу в кровь и с нею во все тело, вызывает распадение тканей, атрофию сердца. Это – *король-газ*.

Один американец Люис нашел смесь газов – *люизит*, который прозвали «*росой смерти*». Газ этот настолько поражает все, что даже земля делается неплодной. Он не был применен, ибо война окончилась. Американцы потопили его в море 150 тонн. Газ *тетраитил* сходен со *стрихнином*. Он вызывает вырождение мозга. 22 апреля немцы впервые (1915 г.) сделали атаку газом хлором и в течение нескольких минут вывели из строя 12.000 человек, но не воспользовались прорывом, ибо и сами не знали силу своего страшного оружия.

Чем же защищаться? Рекомендуют маски из резины и металлические коробочки с фильтрами из слоев активированного угольного порошка. Против иприта нет защиты: резиновая одежда очень дорога и ужасна. В Великую войну еще побаивались употреблять газы, но теперь психология изменилась. Теперь все позволено и по отношению к мирному населению. 1000 газовых снарядов могут задушить весь Лондон. Один аэроплан легко может уничтожить Белград. Англичане обеспокоены. Англия больше не островная держава. При недавней примерной аэропланной атаке из 260 аэропланов замечены были лишь 16, остальных не заметили. Налет аэропланов уничтожает мирное население еще до объявления войны.

Для борьбы и самозащиты можно пока рекомендовать следующее: а) из крупных центров надо выселять население; б) нужно все население обязать иметь маски в) создать противогазовую сигнализацию; г) построить здания, непроницаемые для газов: церкви, театры, залы сделать непроницаемыми для газов; д) завести противогазовую полицию, команду с автомобилями, специальную комиссию из химиков и технических врачей; е) вести неустанную пропаганду о защите от газов.

Импровизировать защиту от газов невозможно: импровизация кончается катастрофой. «Я считаю долгом, — закончил лектор, — призвать всех позаботиться своевременно о самозащите от газов, ибо иначе будет поздно».

Октябрь. Прочитал весьма интересные «Мемуары князя Адама Чарторижского», том I. Об убийстве императора Павла он рассказывает так. Император говорит графу Палену, губернатору Петербурга: «Я получил извещение, что против меня составляется заговор». Пален: «Это совершенно невозможно, Ваше Величество, для этого надо было бы, чтобы его участником был и я». Предупреждение о заговоре получил граф Кутайсов для передачи императору, но продержал его в кармане «до завтра» (с. 213).

Было всего два заговорщических отряда. Во главе одного были Платон Зубов и Беннигсен, а во главе другого — Пален. Когда отряд Палена появился около комнаты, где спал император, солдат часовой закричал: «Измена, убийство». Павел спрятался тогда за портьеру. Его нашли, Беннигсен взял у него подписанное отречение от престола, и когда вышел с этим листком об отречении, Николай Зубов ударил императора. Затем кто-то дал свой шарф, им обвивают шею царя. «Шарф тянут за оба конца со страшной яростью. Несчастный император уже испустил последний вздох, а заговорщики все еще виснут на концах шарфа. Труп тащат, бьют ногами и руками» (с. 221). Это произошло в Михайловском дворце⁴⁵².

Чарторижский ненавидит русских, часто клеветает на них. Интересен его приговор о России: «Никогда ни одно государство, исключая русского, не вело политики более обширной, более беспокойной и более упорной, ... и Европа не в состоянии удерживать Россию на этом пути... Дух Петра Великого носится всегда над нею, и его чрезмерное честолюбие заложено в глубины сердца каждого русского».

Ноябрь. Прочитал воспоминания моего хорошего знакомого по Новому Саду Владимира Ивановича Майбородова⁴⁵³. Интересен тут рассказ об одном кавасе⁴⁵⁴ при русском консуле, болгарине, участнике войны 1877 г., 75-летнем старике. По объявлении Болгарией войны в 1915 г. он, как сторонник русских, «был интернирован и перетерпел с другими русскими массу лишений от тех, за кого он в 1877–1878 гг. проливал кровь...

Он показывал мне на улице болгарина, который сбил у него с головы форменную русскую фуражку и, сорвав с нее русскую кокарду, растоптал ее ногами... По рассказам

моего знакомого инженера, брат его, как и всякий болгарский подданный, перед выступлением Болгарии, на каком-то собрании своей партии, голосовавшей за объявление войны России, спросил лидера этой партии: А что же вы будете делать с могилами 200 000 русских, пожертвовавших свою жизнь за освобождение Болгарии? – Будем *срать* ходить на них, был ответ» (стр. 157)!!!

Запомнить: «12 марта 1919 г. Великобританское правительство выразило полное и окончательное согласие на разрешение вопроса о проливах и Константинополе согласно желаниям России» (Ю.И. Данилов в книге «Николай Николаевич». С. 98).

Декабрь. Весьма интересна книга профессора Р.А. Самойловича: «С.О.С. в Арктике. Экспедиция „Красина“»⁴⁵⁵. Говоря о банкете, устроенном «Красину» комсомольской молодежью Ставангера, Самойлович пишет: «Комсомольская молодежь преподнесла альбом с адресом. Имея в виду доставить особо приятное нашей команде, желая от души счастливого путешествия „Красину“, она в адрес написала золотыми буквами известное русское пожелание: „Скатертью дорога“. Никто, конечно, не сказал нашим друзьям, что у нас значат эти слова». Говоря о плавании судна (построенного по плану гениального покойного нашего адмирала Макарова), Самойлович пишет: «Мы проходили там, где ни одно судно мира не могло пройти» (с. 238).

О, пусть неблагодарные грубые болгары плюют на Россию; она еще покажет себя... И горе будет тем, которые не постеснялись заушать и «срать», как выразился болгарин, на Россию.

1929-й год

Не могу найти записок об этом годе, и потому группирую здесь лишь случайные заметки.

25 марта. Вчера прибыл, а сегодня выехал обратно из Сомбора. Захотелось посетить П.С. Есаулова, бывшего члена Правления Русской Матицы, переведенного на службу в Сомбор. П. С-ч всегда поддерживал меня в нелегкой борьбе за русское дело, которое старались разрушать свои же русские.

29 марта. Сегодня из Сомбора от инспектора просвещения Бачской области поступило в гимназию следующее распоряжение: П.О. бр. 4037; 26-III-1929 директору Женске гимназије. Предмет: Регулисање положаја Руса-наставника. Министар просвете је 22 марта 1929 г. о горњем предмету издао овај распис (т. е. приказ): С.Н. бр. 9747-22-III-1929. Господин Министар просвете одлуком својом С.Н. бр. 9747 од 5 марта 1929 усвојио је мишљење Главног Просветног Савета, донешено на 1630 редовном састанку од 16 фебруара 1929 г. који је једногласно усвојио стилизовани текст прелазних наређења у новом закону о средњим школама а који се односи на регулисање положаја Руса-наставника, који гласи: «Разврставање Руса-наставника у нашим средњим школама. *Штатни* учитељи у Русији, који оригиналним и неоспорним документима утврде своје квалификације, да су по свршетку осам семестара добили диплому I или II степена непосредно од Факултета (универзитета) да су именовани штатним учитељима непосредно од специјалне комисије при Министарству просвете, па су као учитељи средње школе провели у средњој школи пуних пет година или више, – кад пређу у наше држављанство, преводе се у звање професора, ослобођавају се професорског испита и напредују по годинама службе. У године указане службе код нас урачунаваће им се (будет засчитивањем) број година проведених у средњој школи у Русији...»

И в этом указе не все ясно, но, во всяком случае, он кое-что нам обещал (в составлении этого циркуляра был приглашен и мудрил профессор Антон Дм. Билимович), но вот прошло уже 2 года, а нам не только ничего не дано, но, наоборот, вышел новый закон, по которому от нас требуется держание двух экзаменов... Выходит очень странно: обещали под условием принятия подданства, мы его приняли, а нам в результате показали фигу...

Апрель. Сильное впечатление оставила на мне книга Н. Огнева «Дневник Кости Рябцева»⁴⁵⁶.

Это как бы ответ на мучительные вопросы, которые всегда задаешь себе: а что же там, в России, думает молодежь, уже еще там не родилось чувство Родины?

И вот ответ: «Сейчас в СССР идет великое встряхивание людей. Правда, в очень многих случаях, это встряхивание носит грубые, лапидарные, нелепые формы. Не беда! Будят мать Федорушку, вот что главное. И то, по-настоящему, нет уже на свете матери Федорушки...

Трясут, изо всей силы трясут, от души трясут, тракторами, аэропланами, электрификацией пронимают...

И вот, наконец, после десятивековой спячки, православная, избяная, матерная и могучая, и бессильная, и обильная – начинает просыпаться.

«Вот мы всегда, городские люди, сидим в своих клетках и тупеем. И забываем, что есть огромная, необозримая Россия, деревенская Россия, на хребте которой мы живем.

И, знаете что, Костя: деревня – не та, совсем не та, какой мы ее себе представляем и по официальным реляциям и по сказкам шептунов... Уже поздно. Случайные мои хозяева давно спят, а надо мной мерцает электрическая лампочка.

Да полно, не чудо ли это? В таком медвежьем углу вместо лучины электричество. Когда на горизонте в снежной мгле синий лес, а на другом – дальнее сияние какого-то отдаленного завода, а по трудной дороге лошадка тащит розвальни со мной, ямщиком и почтой, мне чудится какой-то смутный образ родины, и я иногда шепчу про себя: *Вперед, милая Россия, вперед*» (с. 205).

Легче и мне, эмигранту, становится на душе от этих бодрящих слов. Пробуждается от страшной спячки, в которую его насильно вгоняли своими распоряжениями министры Деяновы⁴⁵⁷. Как бы для сравнения, случайно натыкаюсь на книгу профессора А.А. Кизеветтера «На рубеже двух столетий»⁴⁵⁸, где приводится выдержка из знаменитого циркуляра армянина Деянова (в министры ставили даже армян – точно из многомиллионного русского народа некого было поставить в министры...). Деянов в этом циркуляре выражает надежду, что «гимназии и прогимназии освободятся *от детей кучеров, лакеев, поваров, кухарок, прачек, мелких лавочников, И ТОМУ ПОДОБНЫХ ЛЮДЕЙ*» (с. 165). В чьи же руки отдавалось просвещение? Преимущественно дворян, чиновников да богатых купцов. Что же, разве они были патриоты и имели патент на патриотизм? Каковы это были патриоты, нападаю, между прочим, случайно на «Записки» Ф.Ф. Вигеля⁴⁵⁹. В Москве, пишет последний, «прискорбно показалось мне, что в два или три посещения, сделанных мною Вяземскому, *не слышал я ни одного русского слова*. В городе, который нашествие Наполеона недавно обратило в пепел, *все говорили их языком* (т. II, с. 34). А вот и тогдашний министр, почти современник – Егор Францевич Канкрин⁴⁶⁰: дед его раввин (с. 15); но это, может быть, не беда. Хуже другое: «звание *немца* льстило его самолюбию, а звание *русского*, в его мнении, *унизило бы его*» (с. 187). Губернатор Инзов имел «отвращение от всего отечественного...; терпеть не мог наш простой русский народ и ненавидел его наряд» (с. 235). Во время Пушкина «в большом свете, *где не читали русского*, где едва тогда знали Пушкина» (с. 154), о русском театре «никто не смел даже думать» (с. 250). И далее: «Все отечественное не мило им, и они более и более становятся чуждыми России». Вигель в отчаянии даже пишет: «Боже милосердный! Увидим ли мы, наконец, в нашей отчизне любовь к просвещению, слитую с духом народности» (с. 324)... Страшен большевизм, навязанный нам «иерусалимскими дворянами», но преступен был и дворянский строй в России, лишь постепенно начавший исчезать и сохранившийся до самой последней революции.

18 мая. По поводу подобных моих мыслей о преступности дворянского строя в России перед русским народом и Родиной, Н.В. Стороженко пишет мне в письме от 17 мая из Белой Церкви: «Что касается Вашей антипатии к старому режиму и к российскому дворянству, то не в защиту им, но во имя правды должен сказать, что меня удивляет такое отношение к прошлому России со стороны правого публициста, историка, а теперь еще истового хранителя российской культуры. В моей природе, вероятно – с рождения, а позже и под влиянием среды, преобладает органический демократизм,

который тянул меня всегда к тесной связи (не „хождению“) с простонародьем, среди которого я часто находил настоящие жемчужины в нравственном, умственном и вообще в духовном отношении, о которых и теперь могу сказать словами Жуковского:

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: *их нет*,
Но с благодарностью: *были*.⁴⁶¹

Эти же слова я могу отнести и ко многим спутникам моей жизни наивысшей культуры, и прежде всего к моим родителям и некоторым из прародителей. Вы сами знаете, что сословный строй в России не был кастовым, что «вчерашний раб, татарин» мог сделаться «царем всея Руси», что «счастья баловень безродный» мог сделаться «полудержавным властелином», что армянин Лорис-Меликов⁴⁶² мог сделаться всемогущим диктатором, что, наконец, каждый кавалер Владимира 4 степени мог сделаться потомственным дворянином, а окончивший курс высших учебных заведений – личным.

При чем же тут «дворяне» в катастрофе крушения монархии и России...

«Не лучше ли на себя, кума, оборотиться». Не виновата ли в этом, если не смотреть на эту катастрофу как на предопределение судьбы, вне воли человеческой, интеллигенция, увлекшаяся крайними социально-политическими лозунгами и взбаламутившая народные массы. Вы пишете, что „монархический строй, но бессословный (ну, чего же лучше, как не кремлевский «совнарком»), со справедливым решением земельного вопроса и с хорошей школой, предотвратил бы катастрофу“. Прочтите „Оповещение“ № 47 за январь-февраль 1929 г. „Его Императорское Величество Кирилл I“, и оно, вероятно, Вас удовлетворит. Но и ненавидистые Вам „дворяне“ при старом режиме кое-что делали, хотя бы в области народного просвещения. Но замечательно то, что демократическая молодежь органически ненавидит центростремительную идею и проявляет центробежное настроение, которому Вы, конечно, не сочувствуете. Более всего могла бы, по-видимому, Вас удовлетворить идеология Кирилловской монархии, изложенная в вышеупомянутом оповещении приват-доцентом Н.Н. Алейниковым в следующих выражениях: „В силу новых требований, выставляемых жизнью, Верховная власть в России не должна быть ни абсолютной, ни конституционной... На смену двум отжившим типам монархии: абсолютной, сословной, бюрократической, либеральной, конституционной и парламентарной, выдвигается жизнью новый тип монархии народной и национальной, опирающейся на единую националистическую партию, исключаящую собой все другие партии, осуществляющую все функции власти и, тем самым, становящуюся правящим классом“. Но ведь в этой новой всепартии будут и молодые граждане из бывших казаков и крестьян с центробежным настроением.

Как с ними быть? Кабинетное рассуждение Н.Н.А., кстати сказать, моего знакомого и сослуживца по Константинополю, по-видимому, не соответствует условиям действительности. А ведь нужно сказать, что среди этих центробежников есть много людей безусловно талантливых, честолюбивых и уже игравших ту или иную роль во время Смуты, закаленных в борьбе»...

В вышеприведенных словах Николая Владимировича какой-то сумбур. Он и демократ по вкусам, он и высмеивает демократизм программы «императора Кирилла», и сердится, и острит, но как-то все это неудачно. Он точно не видит под носом здесь тип монархии без сословных тенденций, который вполне удовлетворяет мой монархизм.

И при чем же тут Кирилл, которого я не собираюсь признавать, и еще больше «совнарком», который и материально и духовно разрушил национальную Россию...

Далее Николай Владимирович приводит следующую выдержку из письма Андрея Владимировича: «В Киеве Десятинная церковь, где в последние годы служил о. Николай Мадиженковский, закрыта и обращена в клуб безбожников... Чтобы обессилить православие и лишить его характера русской веры (термин XVII в.), польское правительство придумало поставить во главе церковного управления грека и вызвало для этого из Константинополя епископа Фракийского Александра, окончившего Мюнхенский университет со степенью доктора философии. Такой иностранец, не имеющий никаких связей с местной православной средой, будет, конечно, безропотно исполнять распоряжения правительства, клонящиеся в конце концов к искоренению православия в Польше».

14 июня. В открытке мне сам Андрей Владимирович пишет от 10 июня: «Меня крайне удивляет, что Вы не откликнулись до сих пор на мое длинное письмо заказное от 22 мая с.г. Между тем мне было и интересно выслушать Ваше мнение по затронутым в нем вопросам, тем более что Вы, кажется, поддерживаете постоянные сношения с митрополитом Антонием. В той области, о которой я Вам писал, каждый день приносит что-нибудь новое. Хитрый грек, получивший немецкое образование в Мюнхене, сыграет, кажется, вредную роль. Украинцы подали уже ему докладную записку на якобы „понятном“ обеим сторонам немецком языке. Это чрезвычайно характерное для украинцев противопоставление: церковнославянский язык-де им непонятен, а немецкий – понятен. В то же время оо. иезуиты основали в Альбертине под городом Слонимом новициат⁴⁶³ своего ордена, в котором готовятся деятели восточного обряда. Главное внимание обращено на изучение церковнославянского языка и богослужение на нем. Оо. иезуиты берут под свою защиту древний литургический язык Кирилла и Мефодия против воюющих с ним украинцев и белорусов. Опять-таки очень любопытная постановка вопроса. Затея примирения с советской властью у митрополита Сергия провалилась, и это ставит в смешное положение его приверженцев за границей. Теперь особенно можно оценить мудрость Карловацкого Синода, сразу занявшего по отношению к митрополиту Сергию вполне ясное и отчетливое положение... Отмечу еще одну интересную для Вас подробность: труды митрополита Антония особенно тщательно изучаются в католических учреждениях, готовящихся к миссионерской деятельности среди православных (в Дубне и Слониме)».

Письмо, о котором говорит в открытке Андрей Владимирович Стороженко, мною было получено, но, за неимением времени, я на него ответил кратко, хотя, по-видимому, ответ мой получен не был. Ввиду исключительного интереса этого письма для характеристики времени, в которое мы суждены жить и быть деятельными, я переписываю его целиком: «Суббота 18 мая 1929 г. Воистину Воскресе, дорогой Дмитрий Васильевич. Очень рад был получить Вашу открытку. К сожалению, она *чересчур коротка* (курсив Андрея В-ча) и не дает мне понять, как живется Вам, заключен ли с Вами новый контракт на службу с удержанием прежнего размера жалованья, имеете ли возможность помогать семье, и как она устроилась за десятилетнее без малого Ваше отсутствие.

Десять лет – огромный срок для молодого поколения, и Ваш сын, и Ваши дочери, которых Вы покинули маленькими, теперь уже взрослые или почти взрослые люди. Имеете ли Вы представление, во что они вылились и какие жизненные пути открываются перед ними. Полагаю, что Маруся уже замужем, а Толя служит в каком-либо советском учреждении; отставши за 7 лет от условий советской жизни, я не знаю, со-

стоят ли Ирочка и Нина ученицами или уже самостоятельно зарабатывают свое пропитание. По письмам Марии Патрикеевны могу судить, в Киеве сейчас страшная *безработица и формальный голод*. Мария Патрикеевна боится высказываться подробнее, но муж моей покойной сестры, проживающий в г. Лубнах бывшей Полтавской губернии, пишет от 1 мая откровеннее: „Живем по указке, получая по казенной цене по полфунта хлеба, серого и невкусного, в день на человека, по полфунта сахарного песку в неделю на человека и т.д.“.

В связи с Светлым праздником Советская власть приналегала на *преследование христианства*. В Пасхальную ночь, например, в захолустных Лубнах во всех большевицких клубах, им же несть числа, играли оркестры и устроены были танцульки и концерты, чтобы отвлечь население от Светлой Заутрени. Постыдная примирительная политика митрополита Сергия потерпела полный крах. Я отметил для себя потери, понесенные православною церковью в Большевиизме, по газетным сведениям за последний месяц (15-IV–15-V с. г.) и составил довольно длинный список: 1) В Москве закрыты все церкви, расположенные по соседству с советскими правительственными учреждениями, под тем предлогом, что колокольный звон и отправляемые в них богослужения раздражают и развлекают советских служащих во время работы; 2) закрыт и обращен в музей храм Василия Блаженного в Москве; 3) в Харьковщине закрыты монастыри Троекуровский, Сазоновский и Троицкий, а храмовые в них строения получили иное назначение; 4) в Москве на Никольской улице закрыта церковь Богоявленского монастыря и передана в распоряжение Исторического Музея; 5) закрыт собор в г. Ижевске; 6) закрыто сразу 6 церквей в г. Витебске; 7) в Харькове закрыт кафедральный собор, а в соборном здании предположена установка радиостанции; 8) закрыт ряд церквей в гг. Изюм, Старобельск, Кременчуг; 9) Борисоглебская церковь в г. Мозыре обращена в клуб красноармейцев; 10) разобраны до основания многие древние церкви в губерниях: Ярославской, Тверской, Нижегородской и Владимирской; 11) закрыта и обращена в клуб безбожников Николаевская *Десятинная церковь в г. Киеве*; 12) вывезена из Сарова и предназначена к продаже за границу богатая утварь Саровской Пустыни Св. Серафима.

Ко всем этим распоряжениям советской власти запуганное население относилось, по-видимому, пассивно и ничем им не противодействовало. В одном только случае отмечено газетою открытое сопротивление: в с. Каменке на Запорожье *убит крестьянами* представитель „Союза безбожников“, приехавший закрыть тамошнюю церковь. В половине апреля с.г. в Большевиизме издан *новый закон* против религии. Религиозные общины, в том числе и православные приходы, лишены права юридических лиц, и им воспрещено вести хозяйственную и культурную работу, выходящую за пределы обслуживания чисто религиозных нужд. Помещения для выполнения религиозных обрядов должны быть арендуемы от коммуны. В новом законе имеется целый ряд капканов, с помощью которых можно уловить любую религиозную общину и лишить ее возможности существования.

Духовенство по-прежнему подвергается гонениям. Несмотря на пресмыкательство митрополита Сергия перед советской властью, в одних только Соловках терпят заключение 11 епископов. А сколько их мучится в Кеми и разных местах Сибири, никто в точности не знает. Как особый орган советского правительства в Большевиизме, чрезвычайное развитие получил „Союз безбожников“. Он насчитывает 250.000 членов, разбитых на 5000 ячеек и 10 000 кружков. Главные усилия „Союза“ направлены на развращение молодого поколения. Газета „Безбожник“ печатается в 2-х миллионах экземпляров, другая газета „Безбожник у станка“ – в 1 300 000 экз., „Антирелигиозник“ – в 84 000 экз. Брошюры и листовки печатаются в 2-х миллионах экземпляров.

К празднику Пасхи, по последним газетным сведениям, «Союз безбожников» успел распространить в Южной России полмиллиона религиозных летучек. *Митрополит Антоний* в письмах генералу Краснову высказал недавно вполне разделяемую мною мысль: «В одном я должен признаться (или похвалиться): я убедился в том, что наше русское духовенство (духовенство, не церковь) не способно вести церковные дела без поддержки со стороны Трона...»

Незавидно положение православия и в Польше. Православная церковь здесь совершенно бесправна и в каноническом и в юридическом отношении, а ее иерархи являются послушным орудием в руках враждебной православию светской польской власти... Недавно по случаю столетия со времени кончины А.С. Грибоедова вспоминали его взгляд на православие. Религия в сознании Грибоедова сливалась с его пламенным патриотизмом. Православную церковь он ощущал как нечто глубоко русское и в православном храме видел главный центр русской культуры. «В русской церкви я в отечестве, в России», – говаривал он *иоляку* Ф.В. Булгарину⁴⁶⁴. «Мы русские только в церкви, а я хочу быть русским». Правящие ныне поляки бессознательно, конечно, разделяют взгляд Грибоедова, который в православном храме видел главный центр русской культуры, и так как их цель – возможно быстрое ополячение отданных им большевиками в 1920 г. русских областей, то они, прежде всего, стремятся если не уничтожить, то обессилить православную церковь, а затем отнять у нее тот русский характер, который так глубоко и ясно ощущал А.С. Грибоедов. Работа ведется сразу в нескольких направлениях. В первую очередь упраздняются, где только возможно, православные приходы. Таким образом снимается с польского государства обязанность [...] ненавистные схизматические причты, а население лишается руководства со стороны пастырей, отвыкает от слушания богослужения и делается легкой добычей новоуниатов (католиков восточного обряда) и штундистов. Штундизм не особенно симпатичен правящим полякам, как вера немецкая, но все-таки, из лютой ненависти ко всему русскому, они предпочитают его православию, полагая, что штундиста легче ополячить, чем православного.

В связи с упразднением прихода закрывается и опечатывается административной властью приходский храм. Если это храм старый, который был когда-то православным, потом униатским или католическим, затем опять православным, то такой храм немедленно передается католическому духовенству. Православная духовная власть в таких случаях не смеет возражать. Так было, например, [в] старинной каменной церкви «Мурованни», построенной в селении Маломожейково, Лидского уезда, в 1407 г., после упразднения тамошнего прихода. Лидский уездный староста попросил к себе православного благочинного, усадил в свой автомобиль, привез к церкви, где уже собраны были представители католического костела, и приказал ему расписаться в принятии церковных вещей, после чего немедленно вынесены были из церкви иконы, а иконостас сломан и выброшен, и церковь переделана в костел. Предлог был тот, что церковь одно время находилась в руках униатов, хотя построена была задолго до появления унии в 1596 г. и является по своей древности одной из наиболее дорогих святынь православных. Так же точно поступает с храмами, построенными в свое время католиками или униатами, а затем обращенными в православные. Это называется *ревиндикацией*, и тут действия властей бывали всегда решительными и непреклонными. Всего обращено из церквей в костелы за десять лет существования Польши свыше 400 храмов, и в католической печати постоянно раздаются голоса, требующие новых ревиндикаций. Пусть храм был построен православными, но если он хотя временно находился во владении католиков или униатов до перехода под русскую власть запад-

норусских земель, то это уже достаточный повод, чтобы настаивать на его ревиндикации в пользу католического духовенства. Иная судьба храмов, построенных русским правительством или православными прихожанами (на добровольные пожертвования) *в новейшее время*. В больших городах такие храмы немедленно по восстановлению Польши были сломаны, как символ якобы ненавистного русского владычества. Так исчезли величественные соборы в Варшаве (на Саксонской площади), Люблине, Плоцке и во многих других городах. Немало храмов сломано и по деревням, *особенно в Холмщине*. Из 400 церквей осталось 68. Из 332 около половины ревиндцировано, остальные идут на слом. В последние недели приступлено к сломке православных церквей в с. Киевце (интересное название, уменьшительное от слова „Киев“, „Киевец“) Бельского уезда и в г. Холме по Облоньской улице. Обе церкви выстроены были на добровольные пожертвования... Таких храмов, закрытых за упразднением приходов, но не подлежащих ревиндикации, насчитывается *около 600*. Чтобы не вызывать лишних толков о нетерпимости „культурного“ и „демократического“ польского правительства к православию, особенно за границу, применяется иной способ уничтожения православных церквей, кроме немедленной сломки. *Работа предоставляется силам природы*. Храмы стоят запущенными, с выбитыми стеклами, с продырявленными крышами, *но ремонт их даже на собственный счет прихожанам воспрещен*. В таком состоянии находится, например, построенный на добровольные пожертвования собор в г. Белосток. На его крыше выросли уже большие березы и рябины. Для уничтожения таких храмов, закрытых и опечатанных, но не сломанных из-за опасения опасных толков, ждут наступления того времени, когда они станут валиться. Тогда в каждом отдельном случае будет составлен соответствующий полицейский протокол о том, что такое-то, мол, здание бывшей церкви своим возможным падением грозит общественной безопасности, и развалины будут снесены на законном основании. В общем итоге *православные лишились свыше тысячи храмов*.

Но на этом не конец. Переходит в новую унию какой православный священник (например, беженец из Черниговской епархии о. Евгений Слезко) или является в село новоуниатский ксендз и склоняет в новоунию часть прихожан. Поднимается вопрос: кому должен принадлежать приходский храм – новоуниатам или православным. Местная власть в лице поветового старосты становится на сторону, конечно, новоуниатов и передает им храм. Если спор между новоуниатами и православными из-за храма обострится, власть опечатывает храм. В селе Жабче Луцкого повета в подобном случае дошло до трагедии. Полиция опечатала церковь, но неизвестные злоумышленники (может быть, сами новоуниаты) сорвали печати и церковь обокрали. Тогда священник о. Сагайдановский, 2 псаломщика и около 100 прихожан, в том числе несколько женщин с детьми, 21 февраля с. г. заняли церковь и до 1 марта оставались в ней, несмотря на все усилия полиции их оттуда удалить. День и ночь совершались богослужения, а на требования полиции выйти запершиеся отвечали: „Нет церкви, не нужно и жизни; умирал народ за веру, умрем и мы“. В селе Жабче 179 семейств православных и только 7 семейств, перешедших в католицизм восточного обряда (новоуниатство). Тем не менее Свистальский⁴⁶⁵, министр исповеданий (нынешний премьер), не внял просьбам митрополита Дионисия и не захотел рескриптом вернуть храм православным, а потребовал, чтобы православные немедленно добровольно очистили храм, и тогда право собственности на него будет рассмотрено министерством. Много усилий стоило духовным властям уговорить православных в Жабче покинуть родной храм и выйти из осады. При выходе священник Сагайдаковский и 5 человек прихожан были арестованы полицией и привлечены к ответственности за сопротивление ее распоряжениям...

Митрополит Дионисий наградил священника Виталия Сагайдаковского за ревность к вере и мужество золотым наперсным крестом, 5 прихожан, арестованных вместе с священником, благословил иконами, а 110 прихожан, пребывавших в храме с 21-II до 1-III в непрерывной молитве вместе с своим пастырем, благословил серебряными шейными образками. Этим митрополит Дионисий страшно обозлил и восстановил против себя нынешнего премьера Свительского. По слухам, митрополит Дионисий скоро будет устранен и заменен греком Александром Зотосом, прибывшим 2 мая с. г. в Варшаву по соглашению польского правительства с Константинопольским патриархом. Выдвигается такое объяснение, что польское правительство, заботясь о спокойствии в православной церкви, заинтересовано в том, чтобы Константинопольский патриарх как верховный глава православной церкви в Польше, находящейся у него в каноническом подчинении, поручил управление ею лицу, чуждому местных церковно-общественных группировок. Александр Зотос учился в Мюнхенском университете и получил там степень доктора философии. Ни по-польски, ни по-русски он, по-видимому, не говорит, ибо в газетах было отмечено, что со стороны министерства исповедания к нему прикомандирован переводчик. Такой грек, ничего не понимающий в польско-русских отношениях и связанный только с пригласившей его польской властью, но не с православным населением, будет, конечно, игрушкой в руках власти и не задумается утверждать все проекты, какие будет подносить ему министерство исповеданий.

Министерство давно уже prepares ряд распоряжений, направленных к *дерусификации* православной церкви. Дерусификация – такое же модное слово, как и *ревиндикация*. Дерусификация – это значит устранение в богослужении церковнославянского языка и замена его, смотря по местностям, белорусской или малорусской мовой. Это во 1-х. Во-2-х, дерусификация значит восстановление в богослужебном обиходе тех заимствованных у католиков форм, обычаев и обрядов, какие действительно были приняты православной церковью в русских областях Речи Посполитой до ее разделов, но какие при русской власти были устранены в порядке очищения православия от польско-католических налетов. У нас это называлось располчением православной церкви в Западной Руси. Теперь поляки призывают на помощь церковную археологию и пытаются дать делу обратный ход.

В последние дни можно сказать, дни польские газеты обратили внимание на то, что в Холмщине существуют православные приходы, где население говорит исключительно по-польски. Припомнили, что еще в 1921 г. при переписи населения установлена была цифра 279 500 православных поляков. И вот раздался новый клич: „Не даймы русификоваць и украинизоваць православных Полякув“. Газеты требуют для православных поляков богослужения и проповеди на польском языке. Вспоминают, что еще Евлогий, будучи епископом Холмским, предписал духовенству некоторых приходов билгорайского и холмского уездов произносить проповеди по-польски. Раздавшийся клич знаменателен. Пущена в оборот мысль, что поляки могут быть православными, или, иначе, что православные могут быть поляками. Так как главная цель польской политики – возможно быстрое ополячение русских, включенных в пределы Польши, то, значит, религиозный вопрос можно пока оставить в стороне: будем стараться поскорее переделать русских путем школы в поляков, а православными поляками пусть они себе остаются. Существует в Варшаве при министерстве исповеданий и народного просвещения комиссия по переводу богослужебных книг на украинскую мову и по восстановлению „давних“ обычаев, существовавших в греко-восточной церкви времен Речи Посполитой. Председателем состоит бывший учитель гимназии Стель-

машенка в Киеве *И.И. Огиенко*⁴⁶⁶. При министре Добруцком Огиенко играл некоторую роль. Сейчас при министре Червинском он стушевался. Я предвижу, что скоро поляки бросят возню с украинцами, переведут богослужебные книги на польский язык и с помощью митрополита-грека принудят духовенство служить по-польски.

В таком духе подготавливаются кадры будущего духовенства. В двух существующих семинариях, Виленской и Кременецкой, преподавание ведется по-польски, и, например, в Виленской семинарии состав преподавателей таков: 8 католиков, 2 кальвиниста и только 3 православных. Православно-богословский факультет в Варшаве — это пародия на высшее богословское учебное заведение: только один преподаватель имеет специальное богословское образование. Зато в Дубне (на Волини), в зданиях бывшего Бернардинского кляштора, с осени 1928 г. открыта настоящая духовная семинария, чтобы готовить ксендзов для католических приходов восточного обряда (для униатов).

Весьма сложно положение православия на Балканах и на Ближнем Востоке после того, как оно осталось без политического и материального покровительства со стороны русского императора. (Мое примечание: нет, не в том дело; католицизм и уния тут наступают, используя *югославянскую идею*. Почему и бан Дунич и бан Матич не позволили мне заняться культурной работой и, значит, православной среди «Русинов» в селах Русском Крстуре и др. здесь. Исключительно потому, чтобы не раздражать католиков, т. е. хорватов и словенцев; католическое и униатское духовенство чувствует теперь свою великую силу и не дремлет, а систематически наступает. Не могу забыть того презрения, с которым отнесся митрополит Антоний к Новосадскому епископу Иринею д-ру Чиричу за то, что он отказался принять в православие униатов — жителей села Русского Крстура и Куцур, русинов, моливших об этом, боясь раздражать католиков и, главное, боясь за свою карьеру). Ватикан, этот исконный враг православия, готовится к походу на разгромленную в религиозном отношении Россию и поэтому всякими интригами *препятствует объединению балканских и ближневосточных церквей*, вообще возрождению православия и сближению его с родственной по духу англиканской церковью. В последние же дни произошло следующее: Англиканская Епископальная церковь *рассорилась с английским парламентом* из-за того, что парламент не одобрил нового служебника, над которым 25 лет работали лучшие представители английского духовенства. После этого старый Кентерберийский архиепископ ушел на покой и был избран новый: доктор Косма Ланг. Чувствуя, после столкновения с парламентом, внутреннюю неустойчивость англиканской церкви, новый архиепископ Косма Ланг задумал предпринять путешествие на Балканы и на Ближний Восток, чтобы вести переговоры о соединении англиканской церкви с восточными православными церквями. В программу его входило провести пасхальные дни в Иерусалиме в общении с тамошним православным патриархом. Но Ватикан решил с своей стороны устроить в дни православной Пасхи торжественное выступление в Иерусалим вновь назначенного папского нунция, чтобы показать могущество Ватикана, опирающегося на светский меч Муссолини. Появление англиканского архиепископа могло затмить блеск папского нунция и поэтому представлялось Ватикану нежелательным. Муссолини, который теперь смотрит на папство в итальянском королевстве приблизительно так, как смотрели наши государи на православную церковь в своей империи, взялся устранить грозящую опасность. При свидании с Чемберленом во Флоренции он склонил последнего не допустить поездки архиепископа Кентерберийского к православной Пасхе в Иерусалим, и поездка, по настоянию английского правительства, была отменена. Архиепископ Д-р Ланг вместо этого посетил Афины,

где ему была устроена торжественная встреча. В афинском соборе был отслужен торжественный молебен, на котором присутствовали все члены греческого синода и все находившиеся в то время в Афинах православные архиереи: Афинский архиепископ Хризостом выразил уверенность, что поездка архиепископа Лангла *упрочит связь между православными церквями и англиканскою*.

Кемаль-паша⁴⁶⁷ лишил константинопольского патриарха всех дарованных ему султанами привилегий и свел к нулю его политическое значение. Такое бесправное положение константинопольского патриарха у себя дома крайне вредно отражается в православном мире, ибо, всецело зависимый от Кемаль-паши в своих делах, он легко поддается соблазну вмешиваться в чужие. Отсюда объясняются такие поступки, как покровительство русским живоцерковникам или посылка в последние дни епископа Александра Зотоса в Польшу. Остальные три патриарха: Антиохийский, Иерусалимский и Александрийский, паствы которых весьма малочисленны, несмотря на свои громкие титулы, влачат без помощи императорской России жалкое существование. Недавно Ватикан через католического епископа д-Эрбиньи, знатока православных дел, склонял их признать главенство папы, но они категорически от этого отказались. В газетах писали, будто бы в июне соберется на Афоне собор представителей балканских и ближневосточных православных церквей при участии Кентерберийского архиепископа Космы Ланга для суждения о реформе календаря, о болгарской схизме, о присоединении англиканской церкви и т. д. Действительно ли состоится этот собор, мне неизвестно. Интересно было бы знать, примут ли в нем участие представители Карловацкой группы нашего духовенства. Вот что происходит в православном мире после того, как русские интеллигенты променяли великую идею „Третьего Рима“, идущую от старца Елеазарова монастыря Филофея, на чечевичную похлебку из демократической республики с приправой жидовского марксизма. А о России вот что поют укрывающиеся от советской власти в подполье:

„Здесь все смешалось:
Разврат и брак в правах уравнены,
Стыд упразднен, и то,
Что прежде крылось в темноте,
Теперь свершается открыто.
Семья в распаде:
Сойдутся на год, на месяц,
Запишутся, и Церкви благословенье примут,
И обещанье верности дадут, и разойдутся,
И в новый брак вступают.
И плачут дети,
И растут в разрухе этой, как беспризорные.
Плода в утробе истребленье
Обычным стало, законным,
Чуть не шуткой легкой.
А впрочем к предупрежденья мерам
Теперь врачи и власти призывают;
Так легче, приятней, здоровее.
И обещают то усовершенствовать
Усилиями науки.

Дети наши все это видят, узнают,
 И старятся и телом, и душою.
 Все опоганено. Поэзии любви не стало,
 И материнство вымирает, и женщина
 Блудницы облик приняла...
 И дети наши неверием растлены,
 А если и не растлены, то слух отравлен.
 И плачут матери, отцы
 По детям,
 Заблудшим, падшим“...

И на такой отравленной почве „вожди“ эмиграции предполагают воссоздавать Россию с помощью... Учредительного Собрания. Шуты гороховые... Зная Ваш интерес к церковным делам, решил поделиться с Вами своими сведениями. Глубока трагедия православия, можно страшиться за судьбу его. Крепко целую Вас. Сердечно Вас любящий Андрей Стороженко».

Какое замечательное письмо, какая наблюдательность у этого милого мудреца Андрея Владимировича. И как я доволен, что судьба столкнула меня с ним в совместной работе в газете «Киев» и в борьбе с украинством.

16 июля 1929 г. Решил посмотреть знаменитое Дердапское ущелье на Дунае, о чем так много пишется, и отдохнуть после педагогических трудов.

Из Белграда выехал пароходом в 8 часов вечера, а в 5 с половиной часов утра были в Голубце, от которого начинается ущелье (по-сербски «кисура»). От Донега Милановца ущелье делается особенно живописным и называется «Казан», при выходе из которого на каменной отвесной стене по-латыни начертано: Табула Трояна; здесь вблизи шла знаменитая дорога римского императора Траяна. Обе стороны кисуры покрыты лесом, и благодаря этому кисура производит еще более живописное впечатление. Село Текия (турецкое название, означающее нечто вроде кладбища) расположено на сербском берегу, а напротив на румынском берегу – г. Оршова.

Пароход пристает к обоим этим пунктам. Казан – узок, через него ведут особые лоцманы, ибо есть подводные скалы, а вода течет очень быстро. Румынский флаг представляет три горизонтальные полосы – красную, желтую и темно-синюю. От Оршова сербский берег называется Штрбац, а сам Казан называется Великий Дердап. Перед его началом – маленький остров, носящий турецкое название «Адакале», тут видны остатки стены, белая мечеть. Это была еще не так давно турецкая крепость, а теперь она принадлежит румынам. Замечательно, что Кемаль-паша от имени Турции лет десять назад выразил притязание на этот островок. Точно турки еще не расстались с мечтой владеть Балканским полуостровом; скоро начинается Сипский канал, сделанный среди утесов подводных и надводных на Дунае венгерским графом Сечени, который на румынской, а раньше венгерской стороне устроил живописный шоссированный путь. Теперь тут мчатся автомобили. Канал узок и неглубок; лишь один пароход может идти им, и мы должны были ждать прохождения встречного парохода. Над каналом стоит в воздухе баллон, показывающий, есть ли в канале судно. Глубина канала – 3 метра. Около села Сыпа канал оканчивается, мы его проплыли за 5 минут, по течению. За селом Сып начинается равнина, хотя заметны еще небольшие холмы, румынский берег выше здесь. Проезжаем и посещаем го-

род Кладно, известный своими прекрасными балыками и икрой от рыб дунайских. Ловится тут и осетрина.

В половине 5 часа после обеда приходим в город Прахово, где я выхожу и ожидаю на пристани поезда. Город Заечар проехал ночью, в г. Неготине высадившись, осмотрел: равнина и болота. В городе много первобытного и вообще нет того внешнего лоска, каким отличаются бывшие австрийские города. Далее ехал до ст. Метовницы, откуда узкоколейкой, проведенной французским обществом эксплуатации медного рудника в Боре, в вагоне с углем, доехал до того места, где идет дорога проселочная к «Брестовачской бане», где я хотел полечить свой старый ревматизм. «Баня» с ее живописной окрестностью оставляет прекрасное впечатление, и я искренно пожалел, что все номера гостиниц и построек оказались занятыми. Пришлось возвращаться и сидеть в поле в ожидании обратного угольного поезда. В Борский рудник не заехал, а между тем это самый богатый в Европе рудник меди, где извлекается, кроме меди, серебра и свинца, также и золото.

В ожидании поезда я закусил салом копченым, которое купил в Неготине. Оно оказалось испорченным, и я чуть не погиб: начались в поезде страшные боли, а в Парачине и понос. Я решил ехать в Врнячку баню, лечащую болезни желудка, и с трудом прибыл туда утром. Как я провел эту ночь на станции и в вагоне, один Бог знает. На пути в Парачин из Неготина поезд идет все время по живописному пределу, среди гор, и проходит мимо довольно высокой горы (около 1500 метров) Ртан, из которой теперь и извлекается уголь...

По приезде в Брньцы пошел регистрироваться в канцелярии минеральных вод, но начались такие боли желудка, что я перед кассой упал в обморок, причем разбил себе шейную кость. Когда открыл глаза, около меня копошились какие-то люди, очки мои лежали в стороне, выпал из кармана портмоне... С трудом я, в сопровождении полицейского, дошел до доктора Божидара Мирича, сербианца, который меня очень сердечно принял, ничего не взял и начал систематически и бесплатно лечить. Идя от доктора, я в изнеможении сел на скамеечку, и вдруг неожиданно ко мне подходит наша наставница пения Даринка Ковачевич⁴⁶⁸. Она была так мила, что довела меня до моего случайного жилища, и я слег, а она тем временем сообщила о моей болезни новосадыням генералу А.П. Ханукову и В.С. Курочкину, которые оказались на курорте. Последние стали посещать меня. Скоро я переехал на лучшую дачу «вилла Вера». Началось систематическое и упорное лечение.

20 июля. Во Врнячкой бане очень сильная вода, и надо лишь по совету опытного доктора ею пользоваться. Теплый источник имеет много воды, но ванны устроены здесь примитивно, в недостаточном количестве, между тем народу боле 2000 человек. Все это теснится, стоит в очередях и за билетами, и за ваннами, сердится, ссорится. Началась постройка нового многомиллионного здания под ванны, но, говорят, не рассчитали количество воды в источнике, пустили будто бы иного состава воду сюда, и теперь вода потеряла в своей целебности; но это все говорят, а на самом деле может быть и не так.

Около источников приличный парк, в котором играет оркестр музыки. Часть музыкантов, конечно, «русы», как и вообще всюду в Югославии на всякой отрасли труда – рус. Это и показывает, до какой степени мы были сильны в культуре и способны вообще. Врнячка Баня, несомненно, лежит в котле кратера; все свидетельствует о вулканическом характере местности: сиенит, гранит и т. д. С трудом получил 6 ванн, и сегодня с приятностью принял одну в половине 11 часа ночи. Вода прозрачно-зеленоватая, мягкая, щелочная; кожа делается эластичной, волосы как шелк...

22 июля. Спал непробудно до 5 часов утра, желудок мягко подействовал, слава Богу. С А.П. Хануковым ходили к одной русской женщине варить варенье из малины: и дешево, и чудесно. В первые два дня пил с промежутками по 200 грамм воды в день, далее три дня по 375 грамм в день, а с 27 июля пил по 150, 125, 75 грамм с получасовыми промежутками, а после обеда по 75 и 50 грамм.

Был в кинематографе на советском фильме «Желтая книжка»⁴⁶⁹. Великолепная картина и прекрасная игра.

27 июля. Заканчивает тут лечение бывший председатель русской колонии в Загребе Н.Н. Стреха⁴⁷⁰. Он говорил о невероятных ссорах, интригах среди русских, жульничестве. В кассу взаимопомощи не возвращают деньги. Наклонность к разделениям такова, что, например, в Сараево образовалось два отделения инвалидов русских...

29 июля. Доктор прописал употреблять по 600 грамм воды в день: 150, 125 и 100 до обеда и 125, 100 после обеда.

31 июля. Взял корзинку, чтобы, приняв воды, идти на базар. Корзинку оставил на скамейке, а сам пошел за 50 шагов к источнику. Через 5 минут вернулся, но корзинка исчезла...

2 августа. Гулял с генералом Станойловичем, русофилом, начальником авиации в Петроварадине (ныне покойным), просил помочь перевести в Новый Сад П.С. Есаулова.

3 августа. Лечится здесь и директор нашей гимназии Стеван Маргетич⁴⁷¹. Мы часто гуляем. Симпатичный человек.

7 августа. Ходил по направлению к горе Гоч; красивая местность.

8 августа. Прочитал известие о разрушении большевиками знаменитой Иверской часовни в Москве. Это означает, что не только наглость еврейская в России неизмерна стала, но что русский народ положен на обе лопатки. Вечером выехал на Белград.

16 августа. Будучи у митрополита Антония по случаю дня его Ангела, прочитал рескрипт к нему Великого Князя Кирилла, как императора в Сен-Бриаке, заканчивающийся так: «Прошу не оставить меня без советов и поддержки».

20 августа. Окончился летний отдых, началась работа и в Матице. Эта добровольно взятая на себя работа отнимает у меня много времени и сил. Чтобы создать для русских обстановку русскую, уютную, Матица устраивала для них семейные вечера, с концертными отделениями.

Много возни с этим, и разделенности и ссор русских, очень трудно объединить всех. Одни поддерживают, а другие косятся, находя Матицу слишком демократическим учреждением. Бывшие аристократы и состоятельные люди сторонятся от тех, которых считают ниже себя по воспитанию и рождению. Национального сознания, сознания необходимости служить братьям, поднять их в смысле привычек до себя — ничего этого нет. «Кто устраивает вечера? Какой-то там Скрынченко»... Конечно, не надо обращать внимания на этих «зубров» и неуморно надо делать русское нацио-

нальное дело. И я считаю себя духовно удовлетворенным, что удалось мне собрать сведения о погибших здесь, в бывшей Австрии, русских военнопленных и поставить им два памятника – один на Успенском кладбище в Новом Саде, а другой – на Петроварадинском военном кладбище. Первый был торжественно освящен 7 июля, в присутствии представителя короля полковника Сретена Тодоровича, причем говорили речи – я, сербский священник Матыяшевич, г. Сергеев⁴⁷² и Григорьев, а второй открыт был после.

13 октября. Сегодня освящен второй памятник при многочисленном собрании русских и местных жителей; освящение совершал и хорошую речь сказал митрополит Антоний. Памятники сделаны по проекту инженера Ю.Н. Шретера и под его наблюдением. Сведения об умерших здесь от голода, расстрелов и т. д. я собрал у сербского священника Матыяшевича, католического военного священника и в архиве новосадской городской думы. Деньги на постановку памятников дали местные жители, которые вообще отнеслись сочувственно. Лишь свои, русские, и здесь мешали постановке памятников. Как мешали – не хочу говорить, Бог с ними. Дело сделано. Рассеемся ли мы или умрем, но хоть эти памятники будут говорить о том, что русские эмигранты заботились здесь не только об устройении своей личной жизни...

1930-й год

26 января. Я снова избран председателем «Русской Матицы» большинством 133 голосов против 15. Против шли выкресты А. Рубинштейн⁴⁷³, И.И. Сергеев и некоторые другие.

1 февраля. Каким-то тайным силам не нравится то национальное дело, которое я упорно веду здесь, и они выставляют некоторых пешек из русских, которые не умеют разбираться. Вот пример: я вошел в пивную «Гамбринуса». Сидят трое. – «Кто это?» – спрашивает один. – «Это Скрынченко», – был ответ. – «Я сейчас дам ему в морду», – заявляет первый голос...

Слыша все это, я осмотрел группу и решил не уходить от скандала, но скандалисту ответить его же приемом. Через минуту ко мне подходит известный здесь пьяница князь С. Трубецкой⁴⁷⁴ и представляется мне. Я предложил ему сесть. – Он: «На каком основании Вы сказали священнику, что я прохожимец, мерзавец, пропойца и сволочь. Это мне говорил диакон Решетников⁴⁷⁵, которому священник запретил общение со мной». – Я: «А вы убедились, что я это говорил, спрашивали ли Вы священника?» – Он: «Вы должны доказать, что Вы этого не говорили». – Я, вскакивая в возбуждении: «Нет, потрудитесь Вы доказать, что я это говорил, а Вашей угрозы побить меня я не боюсь. Вы за это получите то, чего не ожидаете»...

Подходит член Матицы Машинский⁴⁷⁶, хочет отвлечь Трубецкого, а мне говорит, что нападки на меня идут вследствие моей активной работы в Матице... Далее подходит третий, оказавшийся югославянским офицером, и зовет князя, а потом и меня к своему столу. – Я: «В каком обществе принято говорить в публичном месте подобные слова».

Офицер: «Да, это оскорбление». Затем он начинает уговаривать нас помириться и спрашивает меня, готов ли я простить князя, если он извинится. Я отклонил его посредническую роль, и, обращаясь к князю, сказал: «Этого дела я не оставляю...» И, не подавая ему руки, вышел.

Отправился я к В.Д. Бодиске, где ночевал о. Нил Малахов. Последний, в присутствии Бодисок, С.В. Хондажевского⁴⁷⁷ и К.И. Кипп, на мой вопрос заявляет, что ничего подобного он не слышал от меня о князе. Я просил о. Нила подтвердить свое заявление письменно...

9 февраля. Сейчас прочитал для Матицы профессор И.В. Краинский⁴⁷⁸ лекцию на тему: «Сверхъестественный мир перед лицом науки». Народу было полно. Краинский говорил, что русские в Белграде не замешаны ни в каком шпионаже, как об этом настойчиво всюду говорилось; русские пострадали лишь вследствие своей доверчивости, сделавшись жертвой некоторых нерусских провокаторов. Оказывается, профессор Краинский был очень богат в России, имел недалеко от Дарницы, под Киевом, собственную лабораторию.

17 февраля. Вчера приходским советом русским был устроен протестный сбор против религиозных преследований в России. Говорили: митрополит Антоний, затем на

полтора часа затянул Э.И. Махароблидзе, далее Д-р К. Хаджи, сомборский игумен Ил-кич и, наконец, о. Нил Малахов. Сербь говорили хорошо, русские плохо, причем русские не позаботились быть понятными сербам, не знающим русского языка. Плохие мы организаторы! Сербов присутствовало около 25 человек, представителей других народностей и вер не было. В таком случае какое значение имеет это собрание? Русские не постарались о том, чтобы собрание было открыто от имени местного населения, а не от нас. Ничему мы не научились, и невольно с тревогой всматриваешься в наше будущее.

21 февраля. Уволены со службы в Петроварадинском военном складе полковник Л.И. Субботин⁴⁷⁹, полковник К.Н. Дрейер⁴⁸⁰ и г. Ширококов⁴⁸¹. Как председатель Русской Матицы я просил лично коменданта I армии генерала Докича об их оставлении. Докич послал в министерство ходатайство об их оставлении, а кроме того, я написал военному министру горячее ходатайство. Субботин сказал мне, что был у коменданта воздухоплавства генерала Р. Станойловича. Последний, раньше всегда любезный с Субботиным, сказал ему в ответ на просьбу о месте: «А Вы слышали о шпионской организации русских в Белграде?» – Субботин: «Да, слышал, но не допускаю». – Генерал: «Военный министр распорядился не принимать русских на службу». – Субботин: «И это о шпионстве говорите Вы мне, старому русскому офицеру...». И поклонившись, Субботин вышел от генерала...

А.П. Хануков сказал мне, что будто сын полковника ТUTORского⁴⁸², известный под именем Женька, замешан в какой-то грязной истории и, как больной, находится в тюремной больнице. О, Боже...

7 марта. Упоминавшийся мною князь С. Трубецкой прислал мне следующее письмо: «М.Г. Многоуважаемый Д.В. Моя доверчивость к людям вообще, а в особенности к „служителям церкви“, была причиной инцидента в кафане „Гамбринус“. Сознывая некорректность своего поступка, я приношу Вам свое извинение, которое готов подтвердить и при личном свидании, если Вы это пожелаете... Примите уверение в искреннем к Вам почтении и уважении. Кн. С. Трубецкой. 7-III-1930».

20 июня. Сегодня, после великой «матуры», были у директора вместе с М. Йовановичем и представителем министерства просвещения Радивоём Врховцем, очень милым человеком. Врховац очень резко отозвался о прот. Дерде Величе, а Мирка Балубджича, директора мужской гимназии и бывшего священника, назвал «хохштаплером»⁴⁸³, авантюристом, «парадошем» (любителем устраивать парады).

26 июля. Прочитал интереснейшие «Воспоминания» С.Д. Сазонова⁴⁸⁴. Не могу не отметить для памяти следующее место: «Я никогда не страдал германофобией, даже в самой легкой форме этого политического недуга. Причиной этого служит, может быть, тот факт, что в моих жилах есть доля германской крови (с. 42). И еще: «К счастью, нет яда, которого не мог бы преодолеть молодой и сильный организм русского народа» (с. 322).

2 июля. Сокольский «слет» в Белграде. Я был там 28 июня. Нечто замечательное.

Прочитал воспоминания С.Н. Палеолога⁴⁸⁵ «Около власти»⁴⁸⁶. Он восторгается бывшей императорской Россией в том отношении, что в ее правящий класс входили все народности мира, составляли ее дворянство. Автор увлекается в этом отношении до того, что называет Россию «вселенской державой». Для характеристики (для со-

ставления себе представления, кто правил Россией, книгу Палеолога надо считать руководящей) приведу следующие слова автора: «Министром у нас был Плеве, товарищем его барон Иксжюль фон Гильденбрандт, командиром корпуса жандармов фон Валь, директором Департамента общих дел Штюмер, вице-директорами фон Бюнтинг и Финне. Во главе земского отдела стоял Савич и т. д. ...

У нас в те времена служили: барон фон Таубе, два барона фон-дер-Остен-Сакена, два барона Гревеница, бароны: Штакельберг, Нолькен, Клейст и Бистром, Штехер, Коцебу, Шульц, Миллер, Манн; большинство лютеране. Далее шли поляки: графы – Грабовский и Ледоховский, Мицкевич, Григорович, Ивицкий; французы: Паризо-де-ла-Валет, Граве и Латернер – почти все католики. Серб Савич, болгарин Дмитри, финляндец граф Армфельд. Греки: Ханжогло, Альфераки, Кондоиди, Хартулари, Челебидаки, Ревелиоти. Итальянец Якоби. Кавказцы, князья: Андроников и Абашидзе; армянин Тер-Григорианц. *Были и русские*»... И это только по одному министерству и именно по департаменту общих дел; «такой же *младший состав* канцелярий»... То же самое идет по другим министерствам.

Рассказ г. Палеолога, лукавого византийца, доходит до нескрываемой насмешки: «были и русские»... О русском государстве инородец и иностранец Палеолог снисходительно упоминает, что «были и русские»... «Но мы иностранцами не угнетали хозяев страны – русского народа» (с. 14), пишет веселый грек, и притом пишет уже в эмиграции... Т. е. русская держава была в наших руках, в руках иностранцев и инородцев, признает сам Палеолог, но мы снисходительно не угнетали хозяина страны – русского народа. Палеолог передает и о своем товарище по московскому университету А.А. Колосове, отличавшемся скромностью и «обостренным чувством патриотизма и национализма». «Колосов поступил в 1900 году на службу в Кредитную канцелярию министерства финансов, в департамент общих дел... Колосов постоянно жаловался мне на *засилье инородцев* в Кредитной канцелярии и уверял меня, что *скоро разучится говорить по-русски*. ...

Однажды Колосов, не без гордости, сообщил мне, что он подал рапорт по начальству с просьбой, чтобы его принял по личному делу министр финансов Коковцев⁴⁸⁷. Директор, вице-директор, начальники отделений (все инородцы. – Д.С.) *всполошились* (от того, что как же смеет *русский*, вопреки их сплоченному окружению, попасть к русскому министру. – Д.С.), и каждый в отдельности пытался узнать у Колосова, какое может быть у помощника столоначальника личное дело к министру. Сперва В.Н. Коковцев предложил своему микроскопическому подчиненному передать ему «личное» дело через свое непосредственное начальство, но когда Колосов заявил, что дело у него конфиденциальное, то В.Н. Коковцев назначил ему аудиенцию.

Между министром и помощником столоначальника произошел следующий диалог: – Вы желали меня видеть. По какому делу? – У меня просьба к вашему высокопревосходительству. – Излагайте. – Я три года служу в министерстве финансов *на инородческих окраинах; хотел бы послужить в России*. – Я вас не понимаю. Мне доложили, что вы служите в Кредитной канцелярии. – Да, это верно. Но два года я пробыл в отделении, где служат *одни немцы*, и полтора года у Менжинского (кстати сказать, сын его – известный теперь чекист, поляк. – Д.С.), где, кроме меня, *русских нет*. Я хотел бы послужить хотя на *русской окраине*. – А если я вас назначу в Сибирь? – Буду глубоко признателен. Через полгода после этого разговора Колосов выдержал экзамен и был назначен податным инспектором в Читу Забайкальской области. С тех пор я его никогда не видел» (с. 13).

Вот какова это была «вселенская держава», и вот как себя чувствовал в ней русский человек на службе... Я приводил выше мнение Сазонова о том, что он не страдал

«германофобией» только потому, что в жилах его текла немецкая кровь. [...] русское государство в всех его главнейших артериях. Палеолог пишет, что как следствие революции, «рухнула без борьбы и сопротивления 300-летний царский строй, повлекший за собою в пропасть Великую Россию» (с. 102). Да почему же «без борьбы и сопротивления»? Не потому ли, что всюду на верхах сидели люди, равнодушные к России и русскому народу (а может быть, втайне и прямые его враги...), а русские Колосовы должны были бежать в Читу и вообще туда, где не чувствовалось бы это засилье и наглость иностранцев во «вселенской державе». Нет, Бог с ней, с этой «вселенскостью». После страшной катастрофы поумнеет-таки русский народ.

11 июля. Прибыл в Любляну к профессору Ясинскому. Хотел было навестить профессора А.Д. Билимовича, но он так убит смертью жены, милой Аллы Витальевны⁴⁸⁸, сестры Лины Витальевны, что никого не принимает, даже своего учителя профессора Ясинского. Я передал ему карточку; но, идя по улице, случайно натолкнулся на него и его дочь Татьяну Александровну⁴⁸⁹, бывшую в глубоком трауре. Они шли с кладбища, куда ходят ежедневно. Билимовича не узнать: так он изменился, похудел, пожелтел; горе его безмерно. От председательствования в Матице он отказался. Я убеждал его не делать этого. Председателем намечается профессор Е.В. Спекторский, который будет переведен в Люблянский университет.

15 июля. Вчера выехал для отдыха в Жировницу, поместился в гостинице «Стол», под горой Столом (2236 метров высоты), на расстоянии 1 часа и 15 мин. ходьбы от Бледского озера и курорта. Читаю В.В. Шульгина «Что нам в них (евреях) не нравится». Это блестящий публицистический трактат, но в фельетонном духе. Для киевлянина особенно интересно.

16 июля. Снял комнату за 10 дин. в день недалеко от железнодорожного переезда в селе Мостах, продолжении Жировницы. Пошел на Блед, после дождя дорога еще не просохла, шел 1 час 40 мин. Красота озера и окружающих гор изумительна. В длину озеро имеет 2 км, в ширину 1 км; проехал по озеру на лодке почти во всю длину за 20 минут; возвратился в Жировницу поездом. Сегодня 25-летие моей свадьбы. Господи, спаси их там...

17 июля. От горы Стол идет водопровод из искусственного озера Завршница. Вода тут голубая. Дивно. Около озера разбиты палатки скаутов, над которыми развеваются флаги. Озеро в длину 436 шагов, в ширину значительно уже, в глубину до 10 метров; целое лето в палатках живут немецкие и хорватские школьники, добывают дров, варят себе и делают экскурсии. Я присел отдохнуть и читаю Беседовского «На путях к термидору»; мерзок сам Беседовский⁴⁹⁰.

В пять с четвертью часов вечера пошел на водопад Виндгар по совершенно незнакомой мне дороге среди чарующей природы. В 6 часов 10 мин. был при водопаде. Шумит, пенится, дымится вода, стиснутая скалами. К обратному поезду запоздал, пришлось возвращаться пешком.

18 июля. Ходил к электрической станции, расположенной на берегу речонки Савы-Долиньки. Станция пользуется водой, бегущей по акведуку из упомянутого мною озера Завршница, построена в 1914 г., т. е. за время Австрии, фирмой АЕГ. Лесенка в 483 ступеньки ведет к ней. Разразилась страшная буря с грозой. Какие удары грома в горах.

19 июля. Прекрасное утро. Опять писал немного историю Русской Матицы, недавно мною начатую. В 9 час. пошел к Завршнице, разделся и принимал солнечные ванны до половины 12 часов. В 12 часов возвратился и обедал в гостинице «Чоп». Опять захмарило и стало холодно, пришлось надеть пальто и вернуться с прогулки. Густые сизые тучи нависли над горой Столом, а вдалеке блестит на солнце Триглав своими голыми шпицами, над которыми гуляют прозрачно-светлые облака. Боже, как красиво в Твоем мире!

20 июля. Вчера много работал над историей Русской Матицы. Сегодня встал в 5 часов утра и в 7 с половиной выезжаю в Краньску Гору, чтобы оттуда идти под Вршич к неизвестным могилам русских военнопленных. Из городка Краньска Гора вышли в 9 часов 5 минут утра, а пришли в 10 часов 37 минут. Прекрасное утро, по прекрасной шоссейной дороге русские бодро шагают среди гор и лесов. Возглавляет паломничество уже не А-р Билимович, а профессор А.В. Маклецов⁴⁹¹.

Часовня выглядит уже лучше: Матица Русская подвела под нее бетонное основание и сделала новую крышу. Часовня стоит в впадине среди гор – Присанка, Вршича (седла), Шпики, видны острые отроги Шкрлатицы, в 5 шагах бьет источник студеной воды, кругом перелесок, среди которого живописно расположились отдыхающие группы паломников. Я не в первый раз посещаю это место, но и теперь не могу не изумляться чарующей красоте его.

В 12 часов начинается панихида, служит, как и раньше, сербский священник о. Димитрий Янкович. По желанию Маклецова, и я сказал несколько слов над могилой «неизвестного русского солдата» и положил венок от Матицы нашей. После торжества все отправились к коче на Гозду, т. е. домику на возвышении Гозде, и пообедали тут, а затем многие, и в том числе я, пошли по направлению к Вршичскому перевалу по широкой военной дороге, проложенной русскими страдальцами. По пути, на расстоянии пол часа ходьбы от перевала, на возвышении стоит Риявчева коча, где я выпил стакан чудесного молока за 3 динара. Путешествие снова оставило во мне глубокое впечатление. В Краньской Горе встретил нашу наставницу Вилму Пуммер, бывшую ученицу Вучкович, дочь генерала Хрущева Н.М. Косоногову⁴⁹² и м-ме Микич из Сремских Карловцев. Оказывается, часовню под Вршичем красили цветами, рододендронами и зеленью Вучкович, Пуммер, наставница Эмилия Живанович⁴⁹³ и их знакомые, узнав из газет о предстоящем паломничестве русских. Спасибо им. Около 9 часов вечера возвратился в тихую Жировницу.

22 июля. По прекрасной «цесте» (название для шоссе, оставшееся от римских времен) ходил в село Брезницу и приписавшись в общине; туда и назад – 1 час с четвертью. Стал накрапывать дождь... Дождь полил основательно, сижу дома и пишу историю Русской Матицы, а ради отдыха читаю Троцкого-Бронштейна «Моя жизнь»⁴⁹⁴. Хороший язык. Удивительно, как евреи прекрасно овладевают языками народов, среди которых они живут. Вот и моя ученица Фелиса Кон по-сербски лучше пишет, чем сами сербки.

23 июля. Отправился через Краньскую Гору, где случайно видел нашу наставницу Э. Живанович со своей новосадской хозяйкой, к итальянской границе. От Краньской Горы шел пешком до станции Планица через селение Подкорень, где пообедал за 16 дин., с вином. Подкорень лежит на высоте 860 метров над уровнем моря. Почти сплошь идут еловые леса. От Планицы пошел на самую границу в село Ратечу. Тут служит в таможене русский А.А. Супрунов, казак.

На обратном пути от станции Планицы решил пойти к горе Понца, отрогу Триглава, из-под которой падает водопад, образующий реку Саву Долиньку... Хорошо идти после выпавшего дождика, лесом. Пробежала белка и вскочила на дерево. Вся природа молчит, точно молится Богу вершинами елей и остриями утесов. Один. Ни души. Присел на скамейку и пишу эти строки. По камням взбирался к тому месту, где из горы падает водопад и вода пропадает тут же в известковой почве, течет подземно и в виде холодных многочисленных ключей бьет около селения Подкорень и образует реку Саву. К Понце пошел в 2 часа 45 м., оттуда – в 4 часа 10 м. и в 6 часов 50 мин. пришел в Краньскую Гору. Отсюда выехал поездом до Есенице в 8 час. 20 мин. вечера, пришел на квартиру в 9 часов 50 м. вечера. Темно, но цеста все же несколько видна. Встретилось больше 10 велосипедистов. Одному все же неприятно идти ночью и по дороге, по которой никогда не ходил. Всего сегодня прошел: от Краньской Горы до Ратечи около 10 км, от границы в Ратече до истока Савы – 6 с половиной км, назад до окраины Ратечи – 6 км, от Ратечи до Краньской Горы – 8 км, от Есенице до квартиры в Мостах-Жировице – 10 км, а всего – 40 с половиной километров. Это даже для молодого достаточно.

24 июля. Дождь. Пишу письма и Историю Русской Матицы. Ноги зудят. Дождь и после обеда. Пишу дальше.

25 июля. После вчерашней грозы и ливней сегодня чудный солнечный день, но свежо. Был у озера под Столом.

26 июля. Ходил на Блед, обедал у Александра Лаврентьевича Андреева, инженера, преподавателя математики в русской гимназии в Белграде. Он живет по Колодворской цесте на вилле Оливотти. С ним пришел в Мосте, были на озере Завршнице; он восхищен видами здесь и чистотой воздуха. Это сын торговца лесным материалом в Самаре, имевшего на Волге свои грузовые пароходы.

27 июля. Заходил в католическую церковь. Бросается в глаза одинаковость этих церквей во всех странах, истовость, преданность костелу населения и его консервативность.

Опять лежу около Завршницы и принимаю солнечные ванны. Вчера окончил обзор деятельности Русской Матицы за 1928 г. Написал 71 страницу убористого почерка.

28 июля. Был в Брезнице у внучки профессора Ясинского, живущей с другими детьми в школе: летняя детская колония. Купил черники 3 литра по 3 дин. После обеда пришел А.А. Андреев. Ходили к тому месту Савы, где через нее переброшен качающийся проволочный мост для пешеходов. Скалистое ущелье, а в нем, в пропасти, рвется бешено Сава. Жутковато.

Проводил его назад до половины пути. Интересен рассказ Андреева о себе самом: он дал в заем одному русскому 77 000 динар. Занимавший клялся перед иконой в том, что непременно возвратит долг, клялся своими детьми, но... явился через условленное время и предложил Андрееву 25 000 дин... Долговой расписки Андреев не взял... А преподаватель Л.М. Сухотин одолжил одному русскому 200 000 дин. и тоже не получил обратно.

Андреев хорошо знаком с живущим в Белграде художником Колесниковым⁴⁹⁵. Он сын крестьянина Екатеринославской губернии, за выставку своих картин в Париже

в 1911 г. имеет золотую медаль. Дочь его учится в Париже петь у артистки Литвин вместе с дочерью Шаляпина, имеющего в Париже дом стоимостью 5 с половиной миллионов франков. Колесников и сам имеет дом в Белграде. Он ученик Ильи Репина, называвшего Колесникова Микулой Селяниновичем.

29 июля. Жду к себе профессора Ясинского, но не дождал[ся] и поехал на Бохиньское озеро. В Есеницах присоединился Л.М. Сухотин, живущий в Довье-Мойстране, и Андреев, приехавший из Бледа. С Сухотиным три дамы, одна из них – сербка замужем за русским доктором Пастелем. Автобусом прибыли в шикарный пансион «Светы Янез,» ели форели, которые водятся в этом озере, пешком отправились по чудесной шоссейной дороге около озера на другой его конец, до гостиницы «Златорога», на пути видели змею. Застывшее озеро чаровало нас своей красотой. Дикие горы глядели в отражении из его голубой воды. В «Златороге» стакан молока – 6 дин. На водопад Савицу не успели: время стало клониться к вечеру. Назад поехали автобусом, а далее поездом. Вернулся на свою квартиру в 7 часов вечера, а меня уже ждал профессор Ясинский. Экскурсия вышла интересная: Андреев удачно острил, много смеялись.

30 июля. Весь день дождь. С профессором Ясинским ходили обедать в гостиницу «Освальда». Культурно, удобно. Одна кровать стоит 25 дин., с пансионом – 80 дин. Ходили на живой мост проволоочный. Михаил Никитич не шел, а боязливо крался. Читал ему одну главу из истории Русской Матицы.

31 июля. Пасмурно, облачно, затем дождь. Поездом приехали с Ясинским на Блед, обедали у его знакомых русских А.И. и М.Н. Севенард. Она уже стареет, а муж [...] Они построили свой пансион, который заполнен русскими. В 5 часов вечера с М.Н. Ясинским пошли пешком из Бледа на станцию Лесце по чудной шоссейной дороге, М.Н. отправился в Любляну, а я пешком в Жировницу, куда и прибыл в сумраке в 8 часов 10 м. вечера.

1 августа. Принимал солнечные ванны на берегу Завршницы, а обедать пришел к Освальду. Из радиоаппарата слышится прелестное «Ни сна, ни отдыха измученной душе» из оперы «Князь Игорь». И это в Жировнице...

Целый день солнце, а в 6-7 часов вечера так свежо, что в летнем пальто мне холодно. Опять сильная боль в мизинце левой ноги. Михаил Никитич говорит, что это подагра. Этого еще не хватало. Не рано ли надвинулась старость?

2 августа. Солнечные ванны там же. Читаю Троцкого «Моя жизнь». Сажу над обрывом Сава. Кругом леса и горы. Шумит Сава. Прислушиваюсь к музыке природы и, очарованный, точно сливаюсь с ней.

3 августа. Отправился до станции Планицы, встретил тут наставниц Пуммер и Живанович, которые поехали в Италию посмотреть озера Фужино, на границе. В Есеницах присоединился ко мне г. Андреев, а в Мойстране Л.М. Сухотин с м-ме Пастель и сербкой наставницей Е. Живкович. С Андреевым мы осмотрели заросшие густой травой озера, которые образует выбивающаяся из-под земли Сава-Долинька, текущая пред тем 5-6 км под землей. Пришли затем в Подкорень и с присоединившимися к нам остальными спутниками отправились на австрийскую границу. Прекрасное шоссе среди леса, все время почти в гору. На границе с обеих сторон – сторожки страж-

ников, переходить нельзя. Стало нахмаривать, и мы поспешили назад, обедали у Разингора, полил дождь. Обмотав себе голову газетной бумагой, мы по дождю пошли в Крайскую Гору, чтобы успеть к обратному поезду. В гостинице «Славец» пили кофе и около 5 часов вечера поехали назад.

Сухотин пишет Историю новых веков для русских средних школ.

4 августа. Солнечные ванны около приятной Завршницы. После обеда пошел на Блед, шел 1 час 30 м., вернулся в 8 часов 20 м.

5 августа. Солнечные ванны там же, читаю II том Троцкого. После обеда ко мне пришел Андреев, хвалит книгу Тырковой-Вильямс о Пушкине⁴⁹⁶. Полил дождь, но Андреев все-таки должен был идти назад, я его проводил, возвратился мокрый как хлющ.

6 августа. Солнечные ванны. После обеда ходил под Стол собирать грибы белые.

7 августа. Ходил в Брезницу посетить внуку Ясинского Аницу. После обеда послал через Нанси в Киев 13 долларов.

8 августа. Дождь целый день. Вообще надоели дожди и холода. Надо уезжать.

9 августа. Дождь не перестает. Весь верх горы Стол покрыт снегом, который все падает там и падает, а у нас внизу дождь идет.

10 августа. Точно глубокая осень. В 10 часов 50 м. утра выехал на Любляну. Заплатил за 24 дня пребывания в Мостах у г. Робича, где «трафика» (продажа табаку), 240 дин. Это очень немного. Прибыл в Любляну, когда приехала к Ясинскому из Варшавы жена профессора Линдемана с сыном. Сегодня вечером выезжаю на Сушак, чтобы хоть два-три дня отогреться на море и покупаться. Денег осталось немного.

11 августа. Подъезжаю к морю. Печальный берег, голый, холодно и тут... Профессор Ясинский рассказывал о профессоре Линдемани следующее: к его жене, урожденной княгине Чегодаевой, зачастил профессор Образцов в Киеве, всякий день около 12 часов дня. Профессор Линдеман получил анонимку, застал профессора Образцова, вызвал на дуэль, развелся с женой, которую любил, но которая была легкомысленна, сделал случайное предложение курсистке медицинских курсов, и вот эта-то вторая жена вчера и приехала к профессору Ясинскому. Другой рассказ Ясинского: поэт Апухтин, известный толстяк, проходя по Невскому проспекту в Петрограде, нечаянно толкнул одного хлыща. — «Дурак», — вскричал он Апухтину. — «А я Апухтин», — отвечал поэт, вежливо снимая шляпу...

Прибыл в Кралевицу в 8 с половиной часов утра, нашел комнату, лежал на солнце, два раза купался, хотя тепла особого нет.

12 августа. Принимал солнечные ванны около моря и два раза купался. Познакомился с преподавателем русско-сербской гимназии в Кикинде Измайловым. Это здоровый человек, лет 35–38, готовился быть ученым при Харьковском университете, сейчас живет на горе Велебит с 60 детьми, на высоте 900 метров.

13 августа. Ночью лил дождь. Сегодня моросит, нависли тучи. Быстро собрался и еду в Цриквеницу. Вчера познакомился с Е.Н. Иванисовой, уже старухой. Она по своей

инициативе собрала 10 бедных детей, выпросила у Белича 2000 дин. денег и привезла их сюда. Дети загорели, прекрасно выглядят. Она была в Иерусалиме, имеет массу снимков, говорила о тяжелом положении русских имений в Палестине, заботах умного архиепископа Анастасия; читала в Кралевице католикам о Иерусалиме с иллюстрацией снимков при посредстве волшебного фонаря. Надо устроить ее лекцию в Новом Саду.

14 августа. После возвращения из Цриквеницы полил дождь и начался страшный ветер, известный здесь под названием «бури». Так продолжалось всю ночь. Вечером был у Миюсских, русских. Муж работает на верфи в Кралевице. Подарил их мальчику «Тараса Бульбу».

Буря продолжалась и утром, под дождем я пошел на пристань, чтобы ехать паромом на Сушак. Качки, однако, не было. За билет со льготой до Нового Сада заплатил 112 дин. 50 пара. В Загребе вышел на два часа, и как раз одновременно высадился папский нунций Пелегринетти, командированный Ватиканом на евхаристический конгресс. Тысячи народа встречают папского посланца. Музыка, фанфары, далматинцы в своих живописных костюмах, почетная стража народная верхами, представители власти.

15 августа. Утром в 8 с половиной прибыл в Новый Сад.

16 августа. С генералом А.П. Хануковым были в Карловцах для поздравления митрополита Антония со днем Ангела; у митрополита были: редактор «Царского вестника» Н.П. Рклицкий⁴⁹⁷, простоватый малый, оо. Синькевич, Неклюдов⁴⁹⁸, генерал М.А. Хрущов, русские дамы.

27 октября. Вследствие разных интриг я решил расстаться с Матицей Русской.

9 ноября. Сегодня состоялось Общее собрание членов Русской Матицы для выбора председателя и других ушедших со мною членов. По просьбе моих сторонников я вынужден был согласиться поставить свою кандидатуру в председатели. Враги мои, и в том числе поляк д-р Пожариский⁴⁹⁹, почему-то попавший в *русскую* Матицу, были разбиты и посрамлены. Но, право же, стоило ли тратить нервы и опять идти на трудную работу, раз русские настолько неблагодарны и не умеют ценить своих полезных культурных работников. На нас доселе оправдывается изречение какого-то русского XVII в.: «Русские друг друга едят и тем сыты бывают»⁵⁰⁰. Я избран большинством 116 голосов против 15.

23 ноября. Сегодня освятили и открыли при Матице бесплатную читальню для русских. Говорил речь.

1931-й год

11 января. Был в Белграде на общем собрании Русского Педагогического Общества. Председательствовал. Бедные русские педагоги из всех сил бьются, чтобы добиться уравнивания в правах и, значит, в материальном обеспечении с югославянскими педагогами – сербами, хорватами, мадьярами, немцами. Но, увы, горе побежденным, хотя бы побежденным за Сербию... Русские педагоги разделились на два Общества и тем еще больше демонстрируют перед сербами свою немощь. В первом педагогическом обществе шумит о себе какой-то Гринь⁵⁰¹, человек авантюристской складки и «на руку нечист», а в этом обществе, при добродушнейшем и честнейшем председателе профессоре А.П. Доброклонском, заправляет В.А. Оберемок, не то чешского, не то еврейского происхождения. Оберемок, как и Грин, явно преследуют свои личные цели, явно не-симпатичные, а вот командуют же. Да, мы, русские, удивительный народ. «У нас, – писал В.И. Немирович-Данченко в книге о Скобелеве, с. 12, – всякого оседлать можно. Да еще как оседлать. Сел на него и ноги свесил... Добродушие или дряблость, не разберешь. По-моему, дряблость... Из какой-то мокрой и слизистой тряпки все сделаны. Все *пассивно, косно*... По инерции как-то; толкнешь – идут, остановишь, стоят»⁵⁰².

18 января. Меня выбрали членом Приходского совета. Отбояривался, не помогло.

25 января. На годичном Общем собрании Матицы Русской снова избран председателем, большинством 126 голосов.

1–7 февраля. Болеет гриппом и ангиной. Лечила д-р Н. Мицич. Ученицы I класса прислали целую корзину сластей, с пожеланием скорого выздоровления. Трогательное внимание.

Генерал Хануков рассказывал мне, что Г.Г. Харченко торжествует, говоря, что жена бана Матича не может обойтись без Марьи Ивановны. Харченко М.И. преклоняется перед князем Гагариным⁵⁰³, основавшим русский клуб. Общество русских офицеров дало почти бесплатно свое помещение под библиотеку Летчиков.

11 февраля. Был на именинах генерала И.П. Игнатьева⁵⁰⁴, устроенных у его племянницы С.С. Полетика⁵⁰⁵. Мой тост за южнорусских женщин вызвал большое озлобление яркой кириллистки Е.М. Романовской⁵⁰⁶, и она послала своего брата ко мне с предложением извиниться. Получив отпор, злая баба стала распространять слухи, что я – «украинский самостийник»... Это я-то, которого украинцы запрятали в Лукьяновскую тюрьму и хотели приговорить к смерти...

21 февраля. Директор мужской гимназии Мирко Балубджич сказал мне по поводу моего намерения пригласить профессора университета Виктора Новака⁵⁰⁷ для произнесения речи о Достоевском: Новак – бывший католический священник, фигура вообще небольшая, но за все берется. В газете «Политика» он занялся рецензиями о

концертах певческих хоров и театров, выхватывал из энциклопедических словарей слова для рецензий иногда буквально, был уличен и удален из газеты.

Сегодня вечером приглашен к директору нашей гимназии Стевану Маргетичу.

19 марта. Директор мужской гимназии Мирко Балубджич устроил сегодня торжество в честь маршала Польши Пилсудского⁵⁰⁸. Восхвалив Пилсудского как борца за независимость Польши, Балубджич сказал, что Пилсудский порастил большевиков и тем спас Европу. «Жизнь Пилсудского – это эпопея и будет эпопеею для всех славян, пока они существуют»... Так возвел в герои вора, разбойника и грабителя услужливый серб, жаждущий славы и наград бывший православный священник. Дальше говорил по-польски председатель польско-югославянской лиги сближения поляк Кнеблевский, который, вопреки польским традициям в бывшей Австрии, даже расшаркался насчет всеславянства...

Вечером я был у д-ра Милана Петровича, этого культурнейшего серба. Был там и директор гимназии в Субботице Васа Стаич. Последний, говоря о своем пребывании в Врнячской бане, отметил, что положение русских здесь все ухудшается. Один сербиянец там, видя работающего русского, заметил: «То су стенице на југословенском телу», т. е. это клопы на теле Югославии...

1 апреля. Сегодня позвал меня директор С. Маргетич и сообщил, что во II классе в скамье ученицы Аврамович найдена записочка крайне циничного содержания. Когда Аврамович позвали к допросу, оказалось, что в классе много учениц составили цинично-развратное общество. Председательницей состоит Еремич, а члены: Арадская (дочь адвоката), Бриль (еврейка), Клука (дочь доктора медицины), Вайс (лучшая ученица в классе), Левенбергер Мира (еврейка), Вольф (еврейка) и др. Некоторые признались в том, что в клозете занимались онанизмом, для чего употребляли резиновую детскую соску («цуцу») или даже карандаш... Следствие поручено было вести наставницам девицам Паунович и Мршевич, но они, ознакомившись с невероятно циничной перепиской детей, горели от стыда и отказывались вести протокол. Более храбро вели следствие Бранислава Ковачевич (ныне Бойович) и м-ме Сердюкова. Кроме того, к следствию была привлечена вдова наставница В. Дюкич.

Сегодня закончил переписку населения 4-х улиц (Алмашской, Светосавской, Печской и Петра Кочича), начатую мною 26 марта. Очень утомительно. В одной квартире оказался живущим русский «избеглица» Петр Иванов, не оказавшийся в данный момент на квартире. Жена его – мадьярка. Какой веры ваш муж, – спрашиваю я. – Моисеевой, – был ответ. Т. е. еврей с фамилией «Иванов». Воображаю, какие теперь псевдонимы в России...

2 апреля. Сегодня во время лекции генерала Ханукова в русском Офицерском собрании обратил внимание на лунное затмение, приблизительно за четверть часа до 8 вечера Земля постепенно, снизу вверх, закрывала месяц, пока совсем не закрыла его в 8 часов 40 м. В 10 часов 30 м., когда я вышел из Собрания, нижняя часть луны, приблизительно одна треть ее, была освещена зловеще красным сиянием. В 11 часов ночи нижняя часть луны была уже совсем блестящей. В 11 часов 10 м. ночи луна была уже высоко, в виде полного блестящего круга. Завтра лекция профессора И.И. Лапшина⁵⁰⁹ о композиторе П.И. Чайковском. Поет жена профессора А.В. Соловьева, а он ей аккомпанирует.

4 апреля. Лекция прошла чудесно. Лектор почти совсем слепой.

20 апреля. Приглашал жену бана Станку Матич взять под свое покровительство устраиваемый Матицей «День Русской Культуры».

Г-жа Станка сказала мне, как русские дамы, приходя к ней, чернят одна другую – М.И. Харченко и О.Н. Токарева⁵¹⁰.

Сегодня на Общем собрании Русского Красного Креста, куда меня упросил прийти Н.И. Антонов, меня, как я ни противился, избрали в члены Правления. Вечером был в концерте, устроенном недавно сформировавшимся русским хором в сербской церковной общине, под покровительством священника Стевана Поповича. Присутствовал епископ новосадский д-р Ириней Чирич. Ст. Попович сказал речь, предлагая поддерживать доброе начинание бедных русских. Хор пел под управлением бывшего вахмистра Тарана⁵¹¹. Простой казак с рыжими усами, Таран из сборного элемента составил приличный хор, причем в него входят даже *неграмотные*, которые все учат с его голоса.

После концерта епископ Ириней сказал благодарность хору, а сербам следующие: русские – не разрушители, как многие в Европе думали. В Берлине, Париже, Америке – все изумились их творческим способностям. И многие полагают, что как византийцы, после разрушения Константинополя турками в 1453 г., разбежались по свету и создали эпоху Ренессанса, так и русские создадут какое-то новое движение в мире...

Это сказано слишком сильно, но речь произвела большое впечатление. Епископа многие из нас не понимают: ни одной копейки он не дал на беженцев, и вообще практически он не помогает русским. По крайней мере, мне неизвестны такие случаи, но с русскими он приветлив, и утешительные слова он мастер говорить. И на том спасибо.

25 июня. Позавчера закончилась «великая матура»⁵¹². Ученицы исхудали, осунулись, перепуганы. Манойлович Юлиана поразила меня каким-то отупелым взглядом. Ожидая экзаменационной очереди, она не ела пять дней...

Когда-то в молодости я был противником экзаменов. В последние годы я стал признавать пользу их; но когда увидишь эти измученные лица, когда примешь во внимание элемент случайности на них, т. е. то, что называется «везет» или «не везет», то снова задумываешься над вопросом, как уничтожить отрицательные стороны экзаменов.

Бросается далее в глаза характер крайней субъективности, налагаемый на экзамены и их ход личностью председательствующего. В этом году председательствовал начальник просветного отделения министерства просвете Милан Секулич⁵¹³. В нем есть что-то жесткое, беспощадное, и этого не могли не чувствовать дети. Ученица Вайнрих Катерина не удовлетворила его знанием сербского языка, она немка, и он разразился целой тирадой о том, что надо требовать безукоризненного знания этого предмета: «Раньше немцы нас давили своими требованиями, теперь пусть почувствуют то же самое», – сказал он в комиссии после экзамена! Как жаль, что такие личности, как Милан Секулич, своею грубостью и плохо скрываемой неприязнью к нам, русским, оставляют в душе горький осадок. Все это не может нас не оскорблять. Но пройдет время, не станет здесь русской эмиграции, и будущий югославянский историк оценит нашу работу для Югославии, добросовестную, полную любви к молодежи, и помянет нас (искренно, а не дипломатически) добрым словом.

Профессор М.Н. Ясинский зовет меня в Словению. Вероятно, поеду туда.

21 июня. Похоронили старого (86 лет) серба, протоиерея Чирича. На похоронах пел и русский хор. За гробом шел его племянник епископ Ириней.

2 июля. Выехал в Любляну, заплатил за полбилета 148 дин. 50 п., прибыл к М.Н. Ясинскому 3 июля в половине 9 часа утра.

4 июля. Был в заседании правления люблянской Матицы, где докладывал о деятельности нашего отделения. Мое впечатление – люблянский центр слабо работает с уходом Ал. Билимовича.

5 июля. Был с визитом у председателя Матицы профессора Е.В. Спекторского. Занимает он комнату у м-ме Мисляевой, бывшей Григорович-Барской, киевлянки. Она держит столовку, недовольна отношением к русским словенцев. Спекторский сказал, что с 1 сентября прекращена выдача жалованья профессору П.Б. Струве. Струве был редактором еженедельной газеты «Россия и Славянство», выходящей в Париже. Теперь редактором ее состоит выкрещенный еврей Кирилл Зайцев. Спекторский подданства не принимал, но устроен теперь хорошо, получает в месяц около 6000 динар.

Посетил я также и бывшего председателя Русской Матицы профессора А-ра Д. Билимовича. Настроение его лучше, чем в прошлом году после смерти жены, но все же он не прежний. Он печатается в иностранных журналах и выпускает большой труд по политической экономии «О конъюнктурах», часть которого и я переводил на сербский язык. С Михаилом Николаевичем и его дочкой и внучкой были на Рожнике, загородном месте Любляны, и там закусывали...

6 июля. Выехал в Жировницу и остановился в прошлогодней квартире в Мостах, только по 13 дин. в день.

7 июля. Ходил к озеру Бледу. Поражает изящество и дороговизна построек, но начался всеобщий экономический кризис, и строители сидят и без денег, и без публики. Многим грозит крах. Шикарные отели и кофейни «Топлице» и «Хотел-парк». Видна богатая публика.

8 июля. Принимал солнечные ванны около симпатичного, знакомого озера Завршницы, обедал в ресторане «Чоп», а в 3 часа 38 м. пошел к водопаду Виндгар, прошел все ущелье (сутеску), где бешено рвется в теснинах вода, текущая из Триглава, и в 7 часов 58 м. возвратился назад, т. е. более 4-х часов; туда и назад шел через проволочный мост, висящий над пропастью реки Савы. При входе и выходе из сутески находятся ресторанчики, бродят туристы и местные крестьяне, распивают вино. За стакан молока я заплатил 4 дин. и за кусочек сыру 3 дин.

9–10 июля. Принимал солнечные ванны около Завршницы. На обратном пути выгнал из кустов змею, изящную, увертливую.

Получил уже давно письмо от А.В. Стороженко, как всегда, интересное, и, как всегда, неаккуратно на него ответил: гимназия и Матица поглощают у меня все время; письмо от 12 апреля. «...Чуть ли уже не два года, как я не имел от вас никаких известий. Недавно в корреспонденции Н.З. Рыбинского⁵¹⁴ в газете „Россия и Славянство“ встретил упоминание о Вашей деятельности на посту Председателя Русской Матицы в Новом Саде. Из этого вижу, что Вы в добрый час не утратили свойственной Вам энергии и продолжаете работать на общерусском поприще.

Но что значат усилия эмиграции, когда у нас на родине положение чуть ли не ежедневно ухудшается. На всех „фронтах“, как теперь принято выражаться, марксизм уничтожает последние остатки былой России. Малая часть того, что „там“ происходит, отражается в эмигрантской печати, но и того, что до нас доходит, достаточно, чтобы испытывать ужас. Возьмите, например, под какими впечатлениями провел наш Киев

Пасхальную ночь. Союз безбожников должен был там организовать в эту святую ночь антирелигиозный „карнавал“, во время которого имели быть поставлены сцены, осмеивающие религиозные обряды всех христианских вероисповеданий. В заключение организованного шествия на костре близ Софийского собора должны были сжигать святые иконы, собранные в Киеве и окрестных деревнях. Года два тому назад многие в эмиграции мечтали о том, что „крестьянство“ отстоит Россию.

В настоящую минуту можно определенно сказать, что сопротивление крестьянства сломлено советскою властью, и самое слово „крестьянин“ вычеркнуто из обихода и заменено словечком из большевицкого жаргона „колхозник“. Те более толковые и энергичные крестьяне, которые не теряли духа и вдохновляли деревню к сопротивлению, сотнями тысяч, вместе с своими семьями, вывезены в северные тундры европейской России или в сибирские тайги на медленную, но верную гибель. Население России расслоилось на 7-8 миллионов тиранов и на 140 миллионов каторжников: Европа и Америка своими капиталами и своей техникой усиленно помогают тиранам в дальнейшем издевательствах над каторжниками. Картина безнадежная.

Что Вам сказать о себе. Живу по-прежнему в одиночестве и дряхлею. Тяжело было протянуть такую длинную и суровую зиму, какую мы имели здесь на Волини в этом году... Очень неуютно русским в Польше. Несмотря на конституционные гарантии, воинствующий католицизм и польский шовинизм проявляют себя на каждом шагу. Стесняться нечего: рядом не национальная и православная Россия, а марксистская „Триэсерия“. В этих условиях „русскость“ и православие идут на убыль. Недавно была опубликована статистика убыли храмов. До 1 января 1931 г. православные лишились 524 храмов, из коих 122 храма было закрыто для богослужения, 79 разрушено, упразднено или сгорело без видов на возобновление, переделано на другие помещения, 301 обращено в костелы, 23 передано католикам восточного обряда (неоуниатам). Ватикан объявил Польшу „миссионерской территорией“, и в 3 семинариях иезуиты и редемптористы готовят из польских и русских юношей будущих „миссионеров неоунии“ среди русского населения в Польше: в Люблинской, Дубенской и Слонимской. Польская школа и польская казарма работают над ополячением русского крестьянства. Например, по соседству с местом моего жительства есть деревня Ясный Бор. В ней нет ни одного поляка. Между тем преподавание в сельской школе ведется по-польски. Учителями и учительницами на Волини является польская интеллигенция из Галиции. Дети быстро и легко воспринимают „польскость“. Как-то осенью я ехал в течение почти суток в вагоне III класса с отпускными солдатами, возвращавшимися из полков, расположенных в коренной Польше, по домам на Волинь. Все время они распевали солдатские польские песни и разговаривали между собой по-польски, хотя и очень нечисто. Между тем это были русские крестьянские парни из приграничных с „Триэсерией“ поветов, где на местах польская примесь очень малочисленна. Казарма сделала свое дело. Сепаратизм „украинский“ и „белорусский“ прекрасно помогают полякам в искоренении „русскости“ на отданных им большевиками по Рижскому договору западнорусских землях. Грустно видеть крушение вековых усилий лучших „западнорусцев“, как выражался покойный профессор С.Т. Голубев, отстаивать веру и народность.

Ваша семья за 11 лет разлуки выросла. Напишите, как проводит жизнь Ваша молодежь и как приспособилась к советским условиям, на изменение которых нет никаких видов. Дружески Вас обнимаю. Сердечно Вас любящий А.С.».

Грустно, тоскливо, точно отдает погребальным звоном это письмо милого патриота-мудреца.

11 июля. Выехал в Довье-Мойстрану в 8 с половиной часов утра, прибыл в 10 часов 47 минут, час шел до водопада «Перичник», чьи бешено падающие воды выбили громадный глубокий котел в земле. Далее пошел к «Аляжьему дому» под Триглав, на пути ошибочно свернул через поток, потратил час времени. Усталый пришел в этот дом в 3 с половиной часа дня, отдыхал до 5 часа вечера. Затем пошел под самый Триглав до снега, из-под которого с шумом мчится по камням вода; ступил на разрыхленный ледник в 6 часов 40 минут вечера и пил тут ледяную воду. Идя назад, не заметил, как этот буйный поток исчез в песке, чтобы течь подземно.

Ученицы VIII класса нашей гимназии подарили мне свой снимок, где они сняты в национальных костюмах. Смотрю сейчас случайно захваченный с собой этот снимок и люблюсь: как интересны костюмы сербов разных краев и хорватов.

12 июля. Переночевал в Аляжьевом доме и в 4 часа 50 минут утра вышел в Мойстрану. На пути поднялся к водопаду Перичник: восхитительно! Около 8 часов утра пришел в Мойстрану, а в 11 часов утра был уже в Мостах, т. е. месте пребывания.

13 июля. Принимал солнечные ванны около Завршницы, видел здесь Т.М. Кротько, дочь М.Н. Ясинского. Она с дочерью и тремя словенками раскинули два шатра и стали тут жить, варя себе, собирая в лесу дрова. В шатер к ним заползла змея, но все обошлось благополучно.

14 июля. После обеда пришел ко мне преподаватель мужской гимназии русской в Белграде А.А. Андреев из Бледа. Оказывается, против него ведутся большие интриги, и его было лишены места. Во главе интриг — директор, профессор И.М. Малинин⁵¹⁵. Его поддерживает Л.М. Сухотин, которого в прошлом году устроил на Бледе Андреев, профессор Ан. Билимович, но заступились сербы, и дело отложено до августа. Профессор М.А. Георгиевский⁵¹⁶, благодаря своей жене, тоже руку приложил к интригам... А Сухотин, как ему не стыдно...

17 июля. Вчера и сегодня дождь. После обеда прояснилось, и я пошел на Блед. Был у Андреева, который угостил меня ягодами — земляникой с молоком и вкусным кофе. А.А.-ч опять говорил о себе: его уволили пред самыми экзаменами VIII класса, без объяснений причин. Он потребовал следствия, и оно отложено на конец августа, а пока он допущен проэкзаменовать VIII класс. Увольнением его возмущены В.Д. Брянский, профессор Салтыков⁵¹⁷, профессор Вербицкий, родители. Против особенно профессор Ан. Билимович.

Последний проделывает такие штуки: группами репетирует студентов во время зачетов или семестров, каждый ему платит по 500 дин., что дает кругленькие суммы, до 15000 дин. за один семес. А сколько семестров на разных курсах... Вообще, наши университетские профессора, не поддерживающие преподавателей средней школы и их чуждающиеся, отлично устроились! Ан. Билимович имеет прекрасный дом, профессор Салтыков то же, профессор Вербицкий — дом в Белграде и дачу на Бледе, рядом с королевской, тоже и в Любляне профессор Копылов, А-р Билимович, профессор Бубнов купается в довольстве и разъезжает по Западной Европе. Конечно, что им бедные и необеспеченные в своем завтрашнем дне преподаватели средней школы.

19 июля. Состоялось паломничество русских под Вршич к русской часовне. В 9 часов утра поезд прибыл на Краньскую Гору, и паломники, во главе с профессором Спекторским, живописными группами пошли пешком. Был сербский священник Будимирович, известная своею любовью к русским Терезия Михайловна Енко, уездный начальник Краньской Горы д-р Грашич. Пришли в 10 часов 40 м., а в половине 12 часа началась панихида в часовне.

О. Будимирович сказал хорошую речь о мучениках русских, чьей кровью создавалась и Югославия, пропели «вечную память» около могилы неизвестного русского солдата, и начались речи – профессора Спекторского, Енко, Грашич, д-р словенец, я, адвокат русский Ивановский, генерал Жолтенко. И Енко, и Грашич отметили, что теперь земля эта принадлежит русским, Русской Матице, и что около нее будет строиться ограда. В числе возглавлявших венки был и я от новосадской Матицы. Теплые речи, страдания по России, по милым сердцу там – все это вызывало особое настроение, которое я не умею выразить в словах. А красота-то какая, красота... никогда нельзя ею налюбоваться...

После торжества все пошли к «коче на Гозду», где пообедали, а затем я со студентом Белградского университета Григорович-Барским и А.А. Андреевым отправились вверх до Ерьявчевой кочи, выпили там молока и возвратились в Краньскую Гору в 6 с четвертью часов вечера. Когда подошли к своему вагону, полученному Матицей для паломничества, хлынули в вагон и молодые хорваты, в далматинских шапочках. На заявление русского студента, что этот вагон занят Матицей, хорваты подняли шум. Хорват ударил русского студента и порвал на нем пиджак. Об этом я узнал уже сидя в вагоне. Вваливаются затем сюда хорваты и начинают глумиться над русскими: высмеивали язык, кричали «вонючие руси», вон в Россию и т. п. Один хорват, беспрестанно издеваясь над русскими, вошел в такой раж, что крикнул «дайте нож» и полез в рюкзак, чтобы разделаться с русом, но его удержали. На станции Есеницы г. Ивановский и генерал Жолтенко пошли жаловаться полиции. Полицейский небольшой чин неумело допрашивал. На ст. Жировница я встал из вагона. После узнал, что русские напрасно беспокоили полицию. Ненависть, ненависть... За что?

23 июля. Спекторский мне сказал о полученном им письме от профессора Тарановского⁵¹⁸, который писал: по его инициативе профессора Белградского университета устроили общий ужин. На нем один профессор говорил в своей речи: русский царь был для Сербии то же, что и турецкий султан, ничуть не лучше. На это профессор Ф.В. Тарановский ответил: да, но с тем лишь различием, что турецкие султаны вас угнетали, а русский царь освобождал от турецкого гнета...

Профессор Ясинский живет у меня с 20 июля. Говорил о гибкости и политиканстве профессора Спекторского: Ясинский устроил когда-то Спекторского в Киев [...]

Вышел со станции Планина под гору, Понца и Яловец в 11 часов 40 м. утра, в 1 час 5 минут пришел к коче, вблизи истока реки Савы Долиньки разделся и принимал солнечные ванны, как делали и другие туристы. Какая-то радость разлита в природе, радость, прежде всего даваемая красотой. Яловец высок – 2655 метров, а Понца – 2272 метра. В коче с удовольствием выпил молока и кофе.

Прочитал новый закон о средней школе; от него дышит строгостью. Учебный год будет начинаться 24 августа.

25 июля 1931 г. С М.Н. Ясинским выехали в Блед, были у м-ме Фишер, у которой имеются русские книги в прекрасном состоянии. За бесценку я купил 21 книгу за 300 динар и с трудом принес в рюкзаке в Жировницу.

26 июля. Утром собрался ехать в Есенице, чтобы идти на гору Голицу. Из Есенице вышел в 10 часов 15 минут и пришел к нижней коче на горе в 1 час 40 м. Сначала была прекрасная дорога – автомобильная, затем она кончилась, и пришлось идти через лес по камням и кочкам. День полусумрачный. Иду один, ни души кругом, люди появились лишь вблизи кочи. Устал до изнеможения, и на самый верх (1582 м) не в состоянии идти. Переменил рубашку, отдохнул и обедал в коче за длинным столом. За другими столами сидят около 10 туристов, словенцев из Австрии, распивают вино, шутят, веселы, наслаждаются дивными дарами природы, и невольно мысли мои перенеслись *туда*, в мою родную землю, в страну теперь крови, страданий и... *молчания*.

Обед обошелся в 21 дин. Около кочи, стоящей над стремниной, дует сильный ветер, поэтому я спустился на зеленую покатошь и прилег отдохнуть. Возвращался тем же путем 2 часа 5 минут. На пути есть несколько пансионатов, один, Петра Степица, стоит на высоте 1000 метров над уровнем моря.

31 июля. Ходил на Блед, где купил газет. Возвращаясь поездом, пишу на станции. В природе нахмурилось, но [от] этого не убавилось красоты гор и окрестностей.

Получил письмо из Киева; положительно, красиво, талантливо пишет Ирочка; при других обстоятельствах этот талант у нее развился бы; есть и дар наблюдательности. Тяжело там: питаются овощами, даже яблоки недоступны.

В вагоне читаю «Ларго» Краснова⁵¹⁹. Поднял глаза и обомлел: едем в долине между горами. Над нами перекинулась дивная после дождя, яркая радуга, под которую точно хочет влететь поезд, но радуга все впереди, точно манит, лаская семью яркими цветами и множеством не поддающихся выделению переливов. А над этой радугой на некотором расстоянии другая радуга, с теми же цветами, только более слабыми и идущими в обратном порядке. Такой красоты среди общей красоты природы я еще никогда не видел.

2 августа 1931 г. Еду на водопад Савицу, исток реки Савы, Бохиньки. В поезде оказались воспитательница женской учительской семинарии Лазич и учительница музыки Бэрич. С ними я пошел к водопаду. Здесь по-прежнему величественно. Обедали в отеле «Златорог», правильнее – около отеля. Масса народа. Мои спутницы остались купаться в Бохинском озере, а я пошел пешком до станции, и путь оказался длинным. Автобус не остановился и не захотел меня взять. И я вынужден был идти более 15 км. Устал очень. В 7 часов вечера был у себя в Жировнице.

3 августа. Получил от Эппле⁵²⁰ 300 дин. за купленные для библиотеки Матицы нашей книги. После обеда принимал солнечные ванны около взгорья, читаю Семевского «Слово и дело»⁵²¹, страшно, что проделывал Петр I: настоящий большевик по приемам и жестокости, и немудрено, что народ считал его Антихристом. Его «Розыскных дел тайная канцелярия» не лучше «Чеки», а Петр Андреевич Толстой, А.И. Ушаков, Писарев – почище теперешних чекистов. Террор тогда, террор теперь, террор всегда. Без террора не делается новая история, так же как не делалась и старая.

4 августа 1931 г. Ходил на Блед, был у Зденки Фишер и купил еще книг на 445 дин., в том числе в роскошном состоянии сочинения Байрона, Шиллера, Жуковского, с трудом донес их до Жировницы, особенно через спуск и крутой подъем реки Савы. Переутомился, физически заболело сердце, не спал ночь... Так хочу чем-либо быть полезным Родине, но оценит ли кто-нибудь мою работу, или, как в Минске, будут бросать грязью.

Г-жа Фишер дала мне вина и пирожного. Очень милая чешка. По ее словам, А.А. Андреев имеет полмиллиона динар, живет с особой, которой дал в долг 70.000 динар, но она, получив деньги, сошлась с Савенардом, а возвращать долг и не думает. Это у Андреева давняя история здесь.

6 августа. Вчера опять ездил за книгами. Зашел к Андрееву, пил кофе, а затем молоко с земляникой. Оказывается, сейчас живут на Блеме профессор из Праги Вл. Анд. Францев⁵²², Спекторский, Кульбакин, киевлянин профессор Вербицкий. Кульбакин, который стоит во главе просветительного отделения Державной Комиссии, сказал Андрееву следующее: Правительство югославянское, отпускающее теперь на русских 3 000 000 динар в месяц, сокращает эту сумму до 1,5 миллиона дин. Поэтому все русские учебные заведения, в том числе институты и кадетские корпуса, будут закрыты, за исключением русской гимназии в Белграде. Андреева очень поддерживает профессор Вербицкий, который будто бы советует, чтобы я написал профессору Билимовичу А-ру о поддержке перед братом его профессором Ан. Билимовичем...

Купленные книги сегодня сдал на почту. Завтра думаю возвращаться в Любляну и Новый Сад. Каникулы заканчиваются.

8 августа. Вчера прибыл в Любляну к профессору Ясинскому. Вечером к нему пришли профессор Спекторский и профессор из Субботицы Г.В. Демченко, т. е. собрались – бывший ректор и попечитель Киевского учебного округа, бывший директор Киевских женских курсов и бывший проректор Киевского университета. Три большие *культурные силы* выбросила Родина-мать во время революции. И это то же самое, когда во время французской революции некто Кофингаль заявил: «Франция не нуждается в ученых».

Демченко сегодня уехал в Париж, где служит его сын, женатый на француженке. Будучи всегда общерусской культуры, Демченко называл себя «украинцем». Да и походит он на казака: крупные усы, без бороды, седая голова. В Киеве у него был многоэтажный дом. Много интересного рассказывал он о жизни русской колонии в Субботице: какая-то тайная рука разрушает там всякое русское начинание; председателем *русской* колонии был *поляк* Критский, и притом единственный поляк здесь. Появилась там красивая «Соня», всюду суется, вышла замуж за влиятельного серба в армии и теперь служит там зубным врачом... и все знает, что там делается... И это тем более, что она слывет за «русскую»...

Был у профессора Е.В. Спекторского. Пишет статью для «Сербского Книжного Гласника», а Словенская Матица, основанная когда-то в Любляне Аксаковым, приехавшим сюда, издает на словенском языке книгу Спекторского по философии права, написанную в Праге им... Пришел профессор А.В. Маклецов и принес мне снимок русских военнопленных, которые проводили для австрийцев военно-стратегическую дорогу к Италии через Вршич. Отмечается ухудшение отношений к русским югославян. М-ме Мисляева, по первому мужу Григорович-Барская, говорила мне о плохом отношении словенцев к русским.

9 августа. Сегодня возвращаюсь в Новый Сад. Профессор Ясинский очень плохо себя чувствует: нервен, раздражителен, ноги его слабо работают.

Андреев рассказал, что бывший наш посланник в Сербии В.Н. Штрандтман увлекся сестрой милосердия, работавшей в Словении у доктора Около-Кулака, привез ее в Белград, снял ей квартиру на улице Милоша Великого № 47, носит ей

цветы и т. п., а жена слезы льет... А он уже имеет внука: дочка его года три назад вышла замуж за князя Святополк-Мирского, сына киевлянки княгини Марьи Александровны...

23 августа. По возвращении в Новый Сад я 13–14 августа был на съезде Русского Педагогического Общества, защищал бывшего директора Киевской IV гимназии А.Д. Брюхатова, которого уволили из русской белградской гимназии с пенсией в... 500 дин., и А.А. Андреева, которого также редуцировали из той же гимназии.

После съезда проехал в Кралево к бывшему члену Правления Русской Матицы В.Д. Бодиско, где для Русской Матицы прочитал лекцию «350-летие первой русской печатной Острожской Библии». Было человек 15, председательствовал инженер Ланио. У Бодиски был с женой С.В. Хондажевский, с которыми мы ходили в монастырь Жичу, где короновались сербские цари и короли. Старый монастырь в запущенном состоянии, хотя понемногу приводится в порядок и реставрируется благодаря просвещенным заботам короля Александра I. В Жичском монастыре у святых, написанных на стенах, турками выколоты глаза, как это видим и в церкви Святой Ангелины в Крушедоле на Фрушской Горе. Сохранилось много фресок, хотя и в плохом состоянии. Из Жичи прошли в курорт Матаругу, где прекрасно излечивается ревматизм и т. п. Живописная местность; купались в реке Ибр.

28 августа. Сегодня неприятность: еврей Брайндс, сестра которого срезалась на приемных экзаменах, обвинил меня перед директором в том, что я срезал ее из-за юдофобства. Какая ложь! Я, наоборот, в комиссии говорил, что ее надо попустить, что ей, как еврейке, трудно пока овладеть сербским языком. Вот что значит быть эмигрантом... И какой провокационный прием: в передаче Брайндса я будто бы спросил его, из какой она школы. – Из еврейской, сказал он. – Из *еврейской*, будто бы логически подчеркнул я.

Между тем ничего подобного не было; я и из списка видал, что девочка окончила еврейскую начальную школу. Все это произошло на второй день после экзаменов, а вечером накануне я сказал встретившемуся мне на улице Брайндсу, что печалиться ему нечего, ибо она может поступить в гражданскую школу. Он еще молодой студент и бывший мой ученик по мужской гимназии, где я преподавал два месяца, сказал мне, что сестра его потому слаба, что родилась преждевременно, на 7-м месяце, что она, так сказать, недоносок... Я был расстроен. Но, глядя на вещи с высоты птичьего полета, нельзя не позавидовать, как евреи способны бороться за свои интересы. И ложь, и провокация, а зато часто этим побеждают. А мы, русские, почти при всякой неудаче вешаем нос на квинту. Но, может быть, научимся в изгнании большей борбенности и стойкости.

31 августа. 29 августа исполнилось 30 лет моей педагогической деятельности. После всенощной в русской церкви о. Нил Малахов отслужил молебен для меня, причем сказал теплую речь. Вечером в Русском Клубе (теперь уже не существующем) Правление Русской Матицы устроило мне банкет. Говорил речь В.Н. Вржец⁵²³, а П.С. Есаулов поднял бокал за мою семью. Секретарь Матицы В.Н. Маслов огласил приветствия от Правления Русской колонии и Сербско-Русского Благотворительного Общества. Первое гласит так:

«Правление Русской Колонии в Новом Саду. 29-VIII-1931 г. № 1069: Милостивый Государь, Глубокоуважаемый Дмитрий Васильевич. Правление Русской Коло-

нии Нового Сада приносит Вам искреннее поздравление со днем 30-летия Вашей педагогической деятельности. Давая свои знания детям, Вы, одновременно, своею любовью к ним и любовью к Родине воспитывали интеллигентных честных патриотов. Ваша энергия и ученая подготовка расширили Вашу деятельность, и, приняв на себя редакторство в периодической печати, Вы несли свет и патриотизм среди взрослого населения Юга и Юго-запада России. Ваше изучение славянского вопроса и постоянный интерес Ваш к быту, истории и культуре Ближнего Востока нашли свое широкое применение в эмиграционный сейчас период нашей жизни, когда Вы, просвещая и воспитывая детей братского нам славянского народа, проводите в жизнь цель многих русских работников-идеалистов прежнего времени, – это культурное соединение и уравнивание славянства; но и в этой работе не оставляете заботу о сохранении и внедрении черты русской самобытности в нашей эмиграционной молодежи, которую Вы, как Председатель Матицы нашей колонии, готовите к возрождению ими России. Мы знаем, что наша колония сегодня справит Ваш славный день. Примите уверение в нашем искреннем уважении и преданности. Геронтий Г. д-р Харченко».

Люблянская Русская Матица прислала следующее приветствие от 20-VIII-1931 г.: «Глубокоуважаемый Димитрий Васильевич. Осведомившись об исполняющемся в августе с. г. тридцатилетии Вашей педагогической деятельности, правление Русской Матицы единогласно постановило принести Вам искреннее поздравление ко дню Вашего юбилея и пожелать Вам, как председателю Отделения Русской Матицы, столь энергично и широко развивающего свою деятельность, сил, душевной бодрости и здоровья. Председатель Русской Матицы Е. Спекторский. Секретарь Ал. Маклецов».

Приветствия получены от профессора Спекторского, профессора М.Н. Ясинского и др. Чествование имело интимный, узкий характер, преимущественно в кругу Матицы. Тем не менее, сведения проникли и далее, и в результате я получил приветствия и от некоторых бывших своих учениц. Йованка Груич, студент философии Белградского университета, пишет: «Поштовани г. Професоре. Приликом прославе 30-годишњице свога плоднога рада, примите срдачну честитку од своје бивше ученице, која неће никада заборавити доброту свога професора». Иванка Веселинов пишет: «Високо цењећи заслуге мога бившег професора, поводом прославе најсрдачније честитам и желим, да и даље настави свој успешни и благотворни рад како у интересу школе и омладине, тако и у интересу југословенске и словенске културе».

ВАШЕ БЛАЖЕНСТВО,

Глубокочтимый и дорогой Владыка.

Вы или были расстроены, или переутомлены, но увидел у Вас и вижу из Вашего письма, что Вы не так меня поняли. Я вовсе не думал в Белграде устраивать торжества в честь князя Кн. Конча Острожского. Как человек, знающий, что значит в Польше борьба за веру православную и народность русскую, я просил Вас о том, чтобы Вы, как митрополит Киевский и Галицкий, не обошли без внимания 350-летний юбилей первой славяно-русской Библии, как памятник этой борьбы. Теснимая и сейчас поляками Галицкая Русь и Волянь нуждаются в словах подкрепления, и кто же их скажет, как не Вы, Высокий авторитет в православном мире и Галицкий митрополит. Вот почему Вам следовало бы обратиться с архипастырским посланием к православным Галиции и Воляни о значении этой борьбы. Упустить такой момент – значит пропустить весьма важный случай и повод для сильного слова, которое должно раздаться среди угнетаемых католической Польшей русских

людей. Видя Ваше настроение, я не посмел просить Вас помолиться по случаю исполняющегося 29 августа XXX-летия моей педагогической и общественной деятельности. Позвольте просить Вас об этом.

Прошу Вашего дорогого для меня Святительского благословения.

Душевно преданный и любящий Вас Д. *Скрынченко*.

28 авг. 1931 г.

Новый Сад.

1 сентября. Секретарь при русском Архиерейском Синоде Э.И. Махароблидзе, которого так баловал митрополит Антоний, называя его «кустик» (Экзакустодиан), проворовался. Его уволили, но все же, желая скрыть, особенно от сербского общества, этот скандал, назначили «юрисконсультom» при Синоде (теперь он уволен вчистую). Его заменил молодой граф Граббе⁵²⁴, ярый кирилловец.

19 октября. Переселился на новую квартиру (Караджичева 18). Наставница нашей гимназии Йованка Хрвачанин, озлобленная старая дева, не терпящая русских, переведена в Женскую учительскую школу.

Мы восхищаемся немецким национализмом. А вот что мне рассказал В.И. Майборода, служивший земским начальником под Одессой: в немецкой колонии Зелц, в 60 километрах от Одессы, пастор Нолм построил кирху. После его отношения с прихожанами испортились. Заметив, что он постоянно ходит на колокольню уничтожать гнезда птиц, пачкающих колокольню, немцы пробрались туда и... над алтарем оставили свои испражнения...

27 сентября. Скончался большой русский герой Влад. А. Ирманов, генерал от кавалерии, 79 лет, похоронен 29 сентября на Успенском кладбище. От Русской Матицы я возложил венок на его гроб.

22 ноября. По случаю выборов в Скупщину, назначенных по выработанному генералом Петром Живковичем закону, студенты Белградского университета, особенно живущие в студенческом доме, построенном на средства Короля, начали безобразничать: выкрикивали по адресу председателя Совета министров генерала Живковича бранные слова, например, «долой педераста». Когда их хотели разогнать пожарной кишкой с балконов и из окон, они поднимали портрет короля и кричали: «Живео Краль». Пожарные опускали тогда кишку, а студенты начинали кричать: «Долой диктатора»... Студенты требовали, чтобы и русские присоединились к демонстрации, но когда они отказались, не желая вмешиваться во внутренние дела Королевства, их стали ругать, даже оплевали...

Интересно, что и профессора теперь стали ненавидеть русских студентов. Вышло распоряжение Министерства Просвещения, по которому русские преподаватели, если хотят разверстаться, должны держать «профессорский экзамен». А от мадьяр этого не требуется...

25 ноября. Вчера профессор Субботического университета (отделение Белградского) читал для Русской Матицы лекцию «Л.Ф. Кони и его заслуги в области русского правосудия и русской культуры». Читал превосходно. Перед лекцией пришел ко мне на квартиру, а после мы с ним были в Русском Офицерском собрании. Ночевал у меня.

Чубинский М.П. считает себя украинцем. Он говорит, что в будущем должна быть умная русская политика по отношению украинцев. Он верит в силу, мощь и великое будущее русской культуры и России, считает, что русские в смысле приспособляемости к жизни превзошли евреев. Зятем его в эмиграции стал известный московский адвокат Игорь Кистяковский. Последний в Константинополе бросил жену и женился на дочери Чубинского. «Это два бешеных характера, но к удивлению живут хорошо», – сказал М. Пав-ч. По его словам, Кистяковский исключительный, гениальный адвокат. Украинцы смертельно ненавидят поляков. Сербь относятся к русским отрицательно, но русские ухитряются всюду выворачиваться.

Среди многих случаев плохого отношения к нам сербов Чубинский привел и следующее: когда он ехал в поезде, один интеллигентный серб, якобы из сочувствия к русским, стал говорить, что русские здесь утеснены. Чубинский молчит. – «Разве Вы не согласны?» – Чубинский воздерживается говорить. Тогда серб сказал: «Но почему Вы молчите?» – Чубинский: «Потому что не верю Вашему сочувствию...» – «Вы совершенно правы, – сказал серб. – Вы здесь не нужны и даже вредны...» Профессора Титова Ф.И. Чубинский считает «злобным». Профессор В.В. Зеньковский стал на службу «Имки»⁵²⁵, организации христианской, но внеконфессиональной. Чубинский о митрополите Антонии и кирилловцах говорит как о врагах русской культуры. Это вполне понятно: он, как после опубликовано было в одной брошюре изд. «Либр Пароль», принадлежит к масонам. «Евреев, – сказал он, – народ просто выметет из России, особенно южной».

29 ноября. После обеда был на общем собрании русско-сербского Благотворительного Общества. Русских пришло много, сербов почти нет. От сербов были только бывший градоначальник д-р Жарко Стефанович, наставница Любича Йованович, г-жа Петрович, г. Живоинович и еще две сербки. Благодаря нетактичному поведению русской председательницы Общества М.И. Харченко, которая всегда старалась устранять вступление в Общество таких русских дам, которые могли составить ей конкуренцию, возникли нелады и притом с сербками. Г-жа Харченко не нашла язык с такими личностями. Начались ссоры, и все сербки ушли из Общества, причем их ловко подобрала «кирилловка» Токарева, основавшая другое русское благотворительное Общество...

Отношение к русским, и без того сдержанное, упало еще больше.

1 декабря. Идем в церковь на праздник объединения Югославии. На пути д-р Милан Петрович рассказывал, как он во время русско-японской войны издавал газету и как его друг Сифон во всяком извещении и числе захваченных русскими в плен японцев прибавлял по нулю... Один раз в редакцию прислали карту с показанием количества населения Японии. Из карты было ясно, что русские захватили в плен больше, чем было всего населения Японии...

Уж во время Великой войны Петрович и протоиерей Георгий Велич умышленно пустили слух, что русские в одном месте Галиции взяли в плен 50000 австрийцев. Слух пронесся по Новому Саду, и к Петровичу спешно приходит его знакомый и говорит, что сейчас прибыл с галицийского фронта солдат, который сказал, что русские взяли в плен 250000 австрийцев. «Мы прибавляли во время японской войны лишь по нулику, а тут Х. хватил 200000», – сказал со смехом Петрович.

Давно не переписывался с А.В. Стороженко. Вот его письмо от 11 ноября: «Крайне был рад получить от Вас весточку. Недавно Николай Владимирович (брат А.В. Стороженко. – В.К.) прислал мне газетную вырезку, из которой я узнал, что 29 августа

с. г. Вы праздновали 30-летие своей педагогической деятельности. В связи с этим соби́рался написать Вам, чтобы принести Вам и свое поздравление с такой достопамятной годовщиной, но Вы меня предупредили. Теперь, хотя и с большим опозданием, от всего сердца поздравляю Вас и желаю Вам многие лета сохранить ту бодрость духа и ту энергию, какие Вы вкладывали всегда в каждую предпринимаемую Вами работу. Дай Бог Вам сил и доброго здоровья. Прискорбно только, что тридцатилетний юбилей службы на пользу молодежи пришлось Вам праздновать в чужом городе и в разлуке с любимой семьей, а не на родине. Вот уже четыре месяца, как мы, т. е. Владимир Андреевич (сын А.В. Стороженко. – В.К.) с семьей и я, в Югославии. На этом переселении особенно настаивал одновременно с Вами осевшийся здесь второй сын мой, Яков Андреевич, и мы не раскаиваемся, что поддались его убеждениям. Яков Андреевич подыскал и виноградник, который мы приобрели. Лежит он у шоссе, в 4 км от Смедерева, на самом правом берегу Дуная. Местоположение его возвышенное и очень красивое, с далекими видами на противоположный бывший австрийский берег реки, на окружающие виноградники по взгорьям и на развалины средневекового замка у г. Смедерева. Летом можно пользоваться чудным купаньем в Дунае.

В летние каникулы следующего года, если будем живы, Вы обязательно должны приехать к нам погостить на несколько дней, чтобы иметь достаточно времени полюбоваться нашими видами и не спеша побеседовать со мною о множестве интересующих Вас предметов. Зимой, конечно, все выглядит тусклее, да и домик наш, как все, кажется, сербские дома, плохо приспособлен для зимнего пребывания. Владимир Андреевич собственноручно сооружает в нем кирпичные печи, называемые в Малороссии грубками, и кажется, что таким образом мы избежим комнатного холода. Николай Владимирович приезжал к нам в августе, и наше жительство произвело на него очень приятное впечатление. К сожалению, он мог остаться только два дня.

С Польшей я расстался без сожаления. Очень уж неуютно там для русского человека. Поляки интеллигентных кругов дышат лютой ненавистью ко всему русскому и нестерпимым шовинизмом. Только крестьяне с удовольствием вспоминают русскую власть. Высокомерные, злые и властные ксендзы, как и в старые времена польской истории, измышляют способы, как бы истребить православие и всех польских граждан православного исповедания повергнуть под ноги Папы Римского. Придумали для того новую ловушку – так называемый католицизм восточного обряда.

С весны нынешнего года во главе этой противоправославной „акции“ поставлен посвященный в Риме епископ из русских галичан, Николай Чарнецкий. По окончании униатской семинарии в Станиславове он отправился в Рим и получил там весьма обширное и разностороннее образование, так что является солидной умственной силой, весьма опасной для православного духовенства в Польше. Ему удалось уже увлечь и уловить в свои сети многих православных священников и монахов. После некоторой обработки назначает их на приходы нового обряда. Для подготовки молодого состава духовенства для неюнии открыты с нынешней осени духовные семинарии в двух или трех городах; для Волини – в г. Дубне. Православное духовенство слабо подготовлено к борьбе, да еще разделено и разъедается украинскою язвою, переброшенной из Киева. Польское правительство все еще покровительствует украинцам, хотя они и показывают ему свои змеиные зубы. Однако ненависть к самому имени „Русь“, „Россия“ ослепляет поляков.

Зловредную роль играет близкий к правительственным кругам бывший преподаватель киевской гимназии Стельмашенка *Ив.Ив. Огиенко*. Вот Ваша Матица 30 августа поминала князя Кон. Кон. Острожского за то, что 350 лет тому назад он издал первую

печатную славянорусскую Библию; г. Огиенко в печатной статье, конечно, на „мове“, утверждает без зазрения совести, что „венцом культурной работы на Волини в XVI в. была славная українська Остріжська Библия 1581 року“. Москва-де в 1603 г. просто перепечатала „нашу Остріжську Библию“. Такие статьи, само собой разумеется, очень приятны полякам, ибо затирают всякую память о русскости Волини, о первопечатнике „Москвитине“ Иване Федорове, о привезенных из Москвы рукописях Геннадия. Русские в Польше оказываются какими-то «не помнящими родства» бродягами.

Я не имею никаких надежд на восстановление России и на возможность в нее возвратиться. Какие-то могущественные, пока еще скрытые от нас силы работали и продолжают работать над ее разрушением. Вряд ли они допустят ее воскресение. Мне кажется, что планы создаются не в голове кремлевской шайки мерзавцев, а что они приводят только в исполнение навязанные ей извне предначертания. Многие мероприятия по существу крайне невыгодны для шайки, а между тем она их проводит. Возьмите, например, раздробление русского монолита на куски. Нужно ли это марксистам, помешанным на интернационализме? А между тем русский народ упорно и настойчиво разваливается на части, которые трудно будет склеить. В знакомом Вам Минске действует теперь 9 высших учебных заведений с преподаванием на белорусской „мове“, созданной по тому же рецепту, по какому создана была раньше „украинская мова“. Имеется и „Белорусская Академия Наук“, печатающая труды на „мове“. Казанский край усиленно отатаривается, причем все русские, там живущие, могут учиться только по-татарски.

Поляки с нескрываемым восторгом относятся к этой стороне деятельности советчиков и полагают, что чем дальше удержится советская власть над Россией, тем это для них выгоднее. Система советского террора так придушила всех сколько-нибудь мыслящих людей, оставшихся в России, что они неспособны на какую-нибудь борьбу с установившимся порядком вещей, а эмиграция численно и материально слаба, чтобы что-нибудь предпринять.

Радуюсь, что Ваши труды по Матице дали столь блестящие результаты. При себе имею какой-нибудь десяток книг и ничем не могу обогатить библиотеку Матицы. Мои киевляне в Киеве чувствуют себя плохо. Очень в Киеве голодно, и мы их поддерживаем продуктовыми посылками отсюда. Советские деньги до того упали, что сто головок капусты стоят теперь, в капустный сезон, *девятьюсто* рублей. До войны красная цена была два, много три рубля за сотню. В начале сентября Марья Патрикиевна (жена) сидела под арестом около недели, неизвестно за что. Машинка Ваша имеет прекрасный шрифт. Да хранит Вас Господь. Любящий А. Стороженко».

6 декабря. Вчера был на похоронах графа Игоря Александровича Гудовича⁵²⁶. Это был старинный человек. Увлекался кирилловством, переругался с некирилловцами, а после и с кирилловцами, перестал за это кланяться и со мною. Он был у меня в Киеве, когда я во время революции организовал Союз приходских советов и вел борьбу с украинством, и предлагал придать Союзу характер монархического движения; я, конечно, отклонил это; для таких господ и церковь должна служить монархической идее; женился он здесь случайно: один раз, когда мы обдали у полковника Лашкарева, пришла в эту «столовку» краснощекая особа, вроде мещаночки, а на другой день граф сделал ей предложение... Он сторел в два дня от гриппа в связи с слабостью эмигрантского сердца.

Был у меня секретарь Русского Педагогического Общества В.А. Оберемок приглашать меня быть председателем Общего собрания Общества в январе 1932 г. По его

словам, профессор А.П. Доброклонский всю душу отдает за русское дело, но ему 76 лет, а к тому жена его болеет раком легких и скоро умрет, что от него скрывает профессор Игнатовский. Жена профессора. А.И. Шеншина тоже болеет раком. Оказывается, А.А. Андреев, уволенный от преподавательства в русской гимназии, [сказал,] что директор Малинин, бывший профессор университета, взяточник и имеет благодаря этому деньги. Державная Комиссия – это помойная яма, которую по каким-то причинам поддерживает сербский профессор А.И. Белич.

4 декабря. Для здешних мест крупное событие: покончил самоубийством известный местный историк, протоиерей Димитрий Руварац, родившийся 15 октября 1842 г. Т. е. ему уже было более 80 лет.

Я с ним познакомился вскорости после своего прибытия из России в Карловцы, в феврале 1920 г. Он заведывал патриаршей сербской библиотекой. Ум оригинальный, характера желчного, капризного. Член Матицы Сербской и, конечно, почетный член Исторического Общества, основанного Мирком Балубджичем. Руварац был недоволен порядками, пришедшими сюда вместе с Сербией-завоевательницей, чего не скрывал, и почти ненавидел сербянцев, т. е. сербов с той стороны Савы и Дуная. В русских тоже разочаровался, резко их критиковал, а русских женщин называл почти «проститутками», принесшими сюда разложение нравов. Бог ему Судья, но, очевидно, некоторые русские женщины дали для этого повод, а он, по своему темпераменту, обвинил всех. В припадке мучений от бессонницы и, как передавали мне, обиженный небольшой платой, которую он, к тому же, неаккуратно получал, Руварац ушел от этой жизни, не считаясь, очевидно, с тем, что такой уход для священника непозволителен и осужден церковными канонами.

7 декабря. Ко мне приехал пожить несколько дней сын Лины Витальевны Могилевской. Он поручик югославянской армии, переведен в Петроварадин и, за неимением квартиры, пока поместился у меня.

20 декабря. Бывший русский сенатор, а ныне профессор Белградского университета С.Н. Трегубов⁵²⁷ провел для Русской Матицы беседу «Из русской уголовной прошлой хроники». Лектор дал ряд интересных судебных процессов. Особенно интересным было сообщение об ограблении казенных денег в Фонарном переулке в Петербурге.

Дело было так: перевозились деньги Казначейства в сумме 800000 руб. в двух баулах. Вдруг нападение с бомбами, револьверами. Оба баула были, после взрыва кареты и охраны, похитителями захвачены и положены на ожидавшего лихача, но один баул упал, а другой был увезен. Судебные власти распорядились оцепить местность и опросить население. Посланы были полицейские чины осмотреть квартиры, нет ли раненых. Интересно, что население всюду отвечало «ничегонезнанием». В одной квартире оказался раненый в голову: это был француз из Аргентины. Увидев через окно картину нападения на близком расстоянии, француз открыл окно и стал стрелять в грабителей, которых отлично видел, где кто стоял и их лица. Они ему отвечали выстрелами, и одна пуля скользнула ему по голове, оставив след лишь на коже. Всех арестованных он узнал, причем оказалось, что организатором похищения был *поляк Пилсудский*, нынешний глава государства Польши. Его арестовали, но он симулировал сумасшествие, и его отправили в больницу Николая Чудотворца. Здесь поляк доктор дал ему переодеться и вместе с Пилсудским бежал...

После у одного арестованного революционера на Обуховской части Петрограда нашли приходе-расходную книгу революционеров, где точно записывались движения

сумм на революцию. Записанными тут оказались и 366000 рублей, похищенных Пилсудским и его собандитами, причем эти деньги значились в расходе так: 356000 руб. разобрали себе революционеры, причем львиная доля попала в карман Пилсудского, а на революцию пошло лишь 10000 рублей...

И такой мошенник, разбойник и грабитель стоит во главе государства, а державы Европы пожимают ему руки и устраивают торжественные приемы...

Подлое время, подлые нравы!

Во главе России – разбойник, ограбивший казначейство на Кавказе, грузин Джугашвили, назвавшийся Сталиным, а во главе Польши – грабитель Пилсудский.

24 декабря. А.А. Могилевский прожил у меня с 5 до 23 декабря.

31 декабря. Был в биоскопе. Случайно около меня оказалась жена уездного начальника Поповича. Разговорились о сербско-русском Благотворительном Обществе, куда она выбрана в Правление. Оказывается, она не посещает собраний Правления, очевидно, боясь сербок, ушедших из этого Общества из-за М.И. Харченко и перебравшихся в Кирилловское Благотворительное Общество О.Н. Токаревой. М-ме Попович мадьярка. Она мне рассказала, что недавно в биоскопе виделась с Токаревой; последняя стала поносить Марью Ивановну Харченко, называя ее кухаркой: сэ-т-ин-квизиньер⁵²⁸, выразилась она о ней. Но если Харченко кухарка, – сказала Попович, то как же надо называть грубую и малокультурную Зорку Проданович.

1932-й год

6 января 1932 г. Как ни отказывался, но должен был пойти под Рождество Христо-во к С.В. Хондажевскому. Вспомнили мою семью и его...

Прочитал книги – Наживина «Кремль»⁵²⁹, возвращенца графа А. Толстого «Черное золото», «Петр I», С. Дмитриевского «Сталин»⁵³⁰. Впечатление – рождается *там* национальная Русь. И родится. Это несомненно.

8–9 января 1932 г. Был в Белграде и председательствовал на Общем годичном собрании Русского Педагогического общества. Собрание решило энергично хлопотать о том, чтобы русские преподаватели, окончившие разные учебные заведения, были принимаемы и «разверстаемы» в чиновничьей лестнице без держания экзаменов. Но в успех нашего ходатайства не верится: отношение здесь к нам отрицательное, иной раз почти враждебное. Точно чья-то рука втайне точит против нас нож и явно вредит славянскому делу. В наше возвращение в Россию не верят, считают большевизм установившимся надолго, и поэтому с нами перестали считаться. Да и раньше-то, с самого нашего приезда сюда, австрийский дух, даже сербского населения, проявлял к нам в лучшем случае равнодушие, а обычно – полупрезрение.

И не поймешь, чем они тут кичатся. Вся цель местного населения – прекрасно, изысканно одеться, иметь хорошую кровать и сдобную жену, с 6 часов вечера запи-рать квартиру, а в половине 8 часов вечера гасить огни, чтобы не расходоваться на освещение, и ложиться спать... Кроме политиканства, никаких духовных запросов тут не видно. Характерно: сижу в биоскопе. Рядом сидит сербка загребского воспитания. Она дает уроки музыки, скопила денег и первым делом – построила домик. Домик есть, а молодость прошла и... его нет, кому бы могла отдавать личную жизнь. В био-скопе шла пьеса из жизни австрийского двора Франца Иосифа. Трагичны здесь все фигуры – и императрица Елизавета, и принц Рудольф, и сам престарелый император. И вот я вижу, что *сербка плачет*... Ее так растрогали картины близкого ей австрий-ского двора и ничто другое. Когда я увидел ее слезы, она сконфузилась.

Возвратился из Белграда в 12 часов ночи и прямо с поезда пошел к нашему дирек-тору С. Маргетичу.

14 февраля. И.В. Лабинский побил в Русском офицерском собрании распорядителя его Н.И. Сукка за то, что последний, в разговоре с Верховским, назвал Лабинского «Дрянью»...

С Курочкиным ездил 11 февраля в Белград ходатайствовать перед Скупщиной о признании нас в «профессорском» звании без экзамена. Сегодня я, П.С. Есаулов, В.Э. Эппле и П.Я. Буланов⁵³¹ поднесли А.М. Чаговцу⁵³² адрес за его безукоризненную работу в Библиотеке Матицы и 500 дин. на лечение.

Появилась снова на новосадском горизонте Э.Е. Чехович, переведенная с мужем, или, правильнее, с любовником, в Скопле. Она хотела снова попасть в нашу гимназию, но места не оказалось. Ее прикомандировали в канцелярию Просветного отделения,

ибо и в мужской гимназии не было места. Тогда она на кого-то нажала, и из Белграда приказано было дать ей место в мужской гимназии. Чехович – еврейка, в девичестве Журкина-Бабадьян. Как евреи умеют бороться за жизнь и как цепки!

17 февраля. Видел тяжелый сон: я в России. Едут возы – то ли с соломой, то ли с отрезками досок, высокие, и все за что-то цепляются и разваливаются. На одном был Толечка, и он упал. Я бегу в сарай, куда его как будто отнесли, заглядываю там направо и вижу лежащего Толечку. – Что с тобой, Толечка, – спросил я. – Ничего, папочка..., я упал с воза..., – и он заплакал. На лице его была как бы грязь. Подстрижен он ежом, и лицо его бесконечно милое, симпатичное. С бьющимся сердцем я проснулся в 1 час 23 мин. ночи. Мучительно чувствую себя весь день сегодня.

23 марта. Лепит снег. Небывалая здесь зима. Снег лежит с конца января. Дорого обходится топка. Сегодня Русская Матица устраивает лекцию А.И. Лодыженского⁵³³ «Международное положение России».

11 апреля. Вчера мне сказали, что в Белграде неспокойно вследствие недовольства режимом, особенно в среде студентов. В Белграде будто бы поставлен вопрос на очередь о федеративном устройстве Югославии. Вчера наша русская церковь справляла 10-летие своего существования в помещении архиерея д-ра Ириней Чирича. Последнему был поднесен адрес от православных в прекрасной кожаной папке; из доклада ктитора Г.Г. Харченка видно, что церковь наша за 10 лет имела на приход 569.183 динара. Митрополит Антоний не присутствовал по болезни ног.

27 апреля. Лекция, прочитанная профессором Георгиевским на тему «Эмиграция и Россия» в воскресенье, оказалась очень слабой. Он буквально предлагал нам всем брать бомбы и идти бороться с большевиками, а все наши сборы означают просто – перекалывание своей обязанности перед Родиной на других...

Психология здешних сербов нам мало понятна: законоучитель гимназии протоиерей Миливой Йованович относился ко мне хорошо. Но вот на заседании педагогического совета по одному вопросу я голосовал не с ним, а с профессором Петровицем. Этого было достаточно, чтобы Йованович перестал со мной кланяться и стал подчеркнуто, именно при мне, быть любезным с наставницей Грбой, о злобности которой в отношении меня и Петровича он знал... И это священник, и притом седой...

Сегодня после вечерних уроков распущены пасхальные каникулы – на 6 дней.

29 апреля 1932 г. Со вторника 26 апреля у меня жил И.Е. Анненков. Много интересного он рассказывал об отношении местного населения к русским. Католическое духовенство наступает по всем статьям, пользуясь югославянской ситуацией. Анненков был командирован в Субботицу для оценки церковных земель ради обложения. Православное духовенство, хотя и поворчал, встретило распоряжение правительства благодушно, но католический бискуп, земли которого были оценены в 1 000 000 динар, начал торговаться. Через своего посланца (сам он не удостоил принять комиссию к себе: предлагал расценку в 400 000, потом 500 000, даже 700 000 дин., а когда комиссия не согласилась, то он прислал язвительное письмо ей, подчеркивая, что везде страдает тут католическая церковь, и предлагая сделать расценку как и на земли православного духовенства. Комиссия, по предложению г. Анненкова, сразу же согласилась, так как расценка для католических земель была более снисходительная. Увидев, что бискуп дал маху, пред-

ставитель его поспешил к бискупу и разъяснил ему его промах. И бискуп написал самое льстивое письмо комиссии, согласившись на ее первоначальную расценку...

В.И. Майборода в прилагаемом стихотворении подвел итоги жизни русской новосадской колонии. Неприглядны эти итоги.

Вчера приехал из Киева 14-летний сын г. Козлова, очень симпатичный мальчик. Краснощекий, но очень слабый. Это точно посланец из того города, где живут мои детки. Я ощутил волнующее чувство радости, даже ощупывал его: не сон ли это.

22 мая 1932 г. Я так был поражен событиями в политике, что не мог присесть за дневник. Прежде всего: в Германии с невероятным успехом победили гитлеровцы, вроде немецких фашистов. Это событие, полагаю я, приближает нас к развязке европейского узла и русского вопроса.

Экономический кризис так сцепил Европу, что она просто задыхается и в своих конвульсивных движениях делает большие глупости, а это на руку большевикам или, правильнее, интернационалистам. Воздух пропитан революционными миазмами, и какое-то разрешение, какой-то выход должен быть найден: или всеобщий Интернационал в духе большевизма, или смерть большевизму. Усталая Европа, точно израсходовавшаяся проститутка, отмахивается от грозных вопросов «конференциями», толчет воду о «разоружении», а в это время умная Япония захватила Китай и припирает к стенке СССР. Большевики и их подголоски кричат «гевулт»⁵³⁴, даже угрожают, но ясно, что они поджали хвост. Япония – грозная сила, и желтая опасность становится реальностью.

Но такая же реальность, но лишь более страшная, – большевизм, который, в лице III Интернационала, является открытым убийцей русского народа, спешит оставить на месте России черное пятно при попустительстве целой Европы. Трагедия русского народа невыносима. На этой ли почве, или по плану приютившихся в Москве интернационалистов, 6 мая произошло убийство президента Франции Поля Думера неким русским Горгуловым Павлом⁵³⁵. Кому нужно было это невероятно-бессмысленное убийство, еще не выяснилось, но все указывает на коммунизм. Нужно ему добить русскую эмиграцию, и вот подсунут Горгулов, якобы казак из Лабинской станицы, якобы природный русский. Наша эмиграция настолько неактивна, я бы сказал – ничтожна, что мысль об убийстве ею президента Франции, патриота и друга русских и России в прошлом, является просто дикой и чудовищной.

Тем не менее, на нас стали коситься даже сербы, и, пожалуй, больше, чем сами французы, так как сейчас югославы в большинстве относятся к нам отрицательно, особенно те, которых воспитала Австрия. Ну – что ж... Выпьем до дна эту горькую чашу. Иной раз хочется крикнуть русской эмиграции – бодрее, не спускай головы, русского народа не убить! Тупицы и копеечники Европы расступятся и дадут ему его дорогу, ибо не в силах будут поставить ему преграды. Это только бары да наши цари боялись Англии и поворачивали оглобли от Константинополя, когда он уже был фактически в наших руках...

Стыдно читать историю: победы над турками в 1736–39 гг., 1768–1774 гг., 1787–1792 гг., 1806–1812 гг., 1828–1829 гг., 1856 г., 1877–1878 гг., 1915 г., – сколько крови!

20 мая. Русское Офицерское собрание имело общее собрание. Оказывается, оно дышит на ладан. Дрова покупают по 50 кг, а в саду не на что посыпать желтого песочку. Много чванства, а мало силенки. «Гвардия» (фактически г. Трескин⁵³⁶) не хотят создавать нечто общерусское, например, общерусский дом. «Голубая кровь» не хочет работать рядом с другими русскими струями. Председатель Распорядительного комитета

при Собрании полковник С.В. Иванов⁵³⁷ нарисовал удручающую картину состояния хозяйства Собрания, не верит в успех дела и полковника А.М. Молчанова⁵³⁸, большого болтуна, и считает все дело обреченным. А жаль. Такой пункт, каким было Офицерское Собрание, нам был крайне необходим.

Вчера был с ученицами II-б) класса нашей гимназии в экскурсии на Стражилове; были и I-а), II-в), III-б) и VII классы со своими классными наставниками.

23 июня 1932 г. Слава Богу, закончилась «великая матура», т. е. экзамен на аттестат зрелости. Из 21 учениц, державших экзамен, не выдержали 9 учениц. Дети были измучены, да и мы страшно устали. Представителем Министерства Просвещения был директор в отставке Мирко Попович, очень интеллигентный человек. Он – «пречанин», т. е. из краев на север от Савы и Дуная, принадлежавших раньше Австрии.

На второй день Святой Троицы директор наш Стефан Маргетич пригласил его к себе на обед, а также директора мужской гимназии Мирка Балубджича, своего кровного врага, представителя Министерства Просвещения в мужской гимназии Шеварлича, нашего преподавателя д-ра Милана Петровича с женой, преподавателя Александра Замуровича⁵³⁹.

Конечно, я, как «рус», не был приглашен. Русов теперь избегают, их хотят гнать со службы, и когда этим повеяло в воздухе, директор сразу изменил курс по отношению ко мне. Чем больше живешь в братской земле, тем более убеждаешься, что братства тут или не было, или оно выпарилось после того, как Россия сошла на нет благодаря большевикам.

Получил письмо из России. Печально там, в моей семье. Какой-то нарост появился у Ниночки вблизи желудка. Для меня это новое волнение. Удары, бесконечные удары. О, человеческое сердце... Как ты еще можешь все это переносить!

На 9 июля русские назначили прославление памяти великого нашего полководца и патриота Михаила Дмитриевича Скобелева. Я должен произнести речь о политических воззрениях этого генерала.

27 июня. В пятницу 25 июня наша гимназия получила распоряжение Министерства просвещения, которым наша гимназия закрывается и присоединяется к мужской. Это удар для нас и для города. Гимназия имеет около 800 учениц вместе с выдержавшими экзамен в первый класс, имеет свои традиции и капиталы, и вот... Что будет с нами и в частности со мной, один Бог знает. Неужели суждены мне новые страдания; трудно теперь найти заработок, при общем экономическом кризисе. Жаль и директора: он совсем осунулся, снова открылась у него язва желудка. Сегодня последнее заседание педагогического совета, а завтра молебен по случаю окончания учебного года и раздача свидетельств детям.

20 июня. Сегодня, по здешнему обычаю, был благодарственный молебен по случаю окончания учебного года. Директор в трогательной речи объявил о закрытии гимназии и попрощался с ученицами, дав им как завет – быть всегда верными чувству *долга*. Тяжело было... Благодарение Господу, я перемещен в мужскую гимназию; легче стало на душе, отпал вопрос о насущном куске хлеба. Я вместе с М.С. Эрдели⁵⁴⁰ благодарил директора за доброе отношение к нам, русским. Завтра будет собрание горожан по случаю закрытия гимназии.

10 июля 1932 г. Этими днями был у директора мужской гимназии короля Александра I Мирко Балубджича, который принял меня хорошо, как старого знакомого. Выдал мне паспорт. В.И. Майборода по-прежнему пишет стихи, и их я перепечатаваю на

машинке. Стихи при сем прилагаются. Он по-прежнему продолжает жестоко нападать на старика Смирнова Н.М.

Вчера Общевоинский Союз совместно с Правлением Колонии и Русской Матицей чествовали в прекрасном зале Матицы Сербской 50-летие со дня смерти нашего народного героя и великого патриота «белого генерала» М.Д. Скобелева.

Собственно все торжество устроила наша Матица. Торжество началось литией в 7 с половиной часов вечера, которую служили о. Нил Малахов и протоиерей Решетников; пел казачий хор. Вначале генерал А.Н. Черепов сказал несколько слов о значении воспоминания, а потом с докладом о Скобелеве выступил я, говорил около часа при напряженном внимании всего зала. Меня все благодарили горячими аплодисментами. После краткого перерыва говорил генерал Георгиевич⁵⁴¹, серб в бывшей русской армии, говорил так, что Скобелев собственно ничем особенным не выдавался, позволял войскам грабить, был беспокойный человек, легко побеждал «халатников», т. е. азиатские народы, что было не так трудно... После этого председатель Колонии Г.Г. Харченко пригласил всех поблагодарить Георгиевича и меня за наши доклады и обратил внимание молодежи на славные страницы нашей истории.

Около кафедры красовался портрет Скобелева, в бюст, художественно нарисованный членом Правления Русской Матицы полковником С.В. Хондажаевским, в прекрасной раме. Портрет стоял на мольберте, на черном суконном фоне, украшен георгиевской и национальными лентами и гирляндой из дубовых листьев, которую приготовила К.И. Хондажевская⁵⁴². Впечатление прекрасное.

Вчера в Лозанне подписан договор между Германией, Францией и Англией, по которому репарации уничтожаются, а Германия обязывается уплатить 5 миллиардов золотых марок. Трудно сказать, есть ли это начало конца большевиков. Интересно, что малые державы даже не были ознакомлены с договором и не подписали его, по мотивам якобы «спешности». Старая история игнорирования великими государствами малых, как на Венском или Берлинском конгрессах... Профессор Е.В. Спекторский прислал мне позавчера письмо, в котором делает мне как председателю здешней Матицы замечание за то, что мы выступаем как бы игнорируя их центр. Возмутительно и неумно. Я приготовил ему резкий ответ, но посылать ли, не знаю. Боюсь, как бы не вызвать развал и раскол.

12 июля 1932 г. Завтра утром еду через Загреб и Сплит на остров Хвар в город того же имени. Жара стоит невыносимая. А там еще жарче, но море манит.

Сейчас была у меня И.П. Шидловская⁵⁴³, бывшая минская вице-губернаторша. Она ненавидит нашу аристократию. С трудом существует от устроенного ею детского сада. Я ей даю оставшиеся у меня тетради географические. Чистую страницу тетрадей она использует для детей. Дети главным образом сербские. Сербь очень скупы и не любят затрачивать «пары» на детей. Снимок сада она мне дала, и я его далее наклеиваю.

14 июля 1932 г. Выехал на море вчера в 5 с половиной часов утра, прибыл в Сплит 14 июля в 7 часов утра. За полбилета заплатил за дорогу 197 дин. 50 пара. Купался 35 минут.

17 июля. Чтобы не спалиться на солнце, которое здесь просто печет, я постепенно увеличиваю количество минут лежания под солнечными лучами. Купаюсь ежедневно.

Сегодня в городе Хваре на острове того же имени Евхаристический конгресс. Пробив три дня в частной квартире, я должен был вследствие клопов переселиться в от-

ель «Оверланд», с платой вместе с городским налогом в 20 дин. в день. Отель стоит на самом берегу; постоянно прибывают на конгресс пароходы с других островов. Город кишит простыми далматинцами, преимущественно далматинками, мужчин много меньше, интеллигенции – совсем не видать. Литургию торжественно совершал на площади Хварский епископ в присутствии Шибеницкого и множества духовенства и монашества. Площадь огромная, на ней находится старинная цистерна, ибо в Хваре нет сладкой воды. Пьют дождевую, а также привозят воду пароходами из Сплита.

Хвар очень старинный город, со многими постройками из XII–XVI вв. После обедни началась торжественная процессия, которая перенесла мои мысли в XVI век. Ни один город не создает такой иллюзии религиозной жизни далекого прошлого, как Хвар. Католическое духовенство держит в своих руках народ, и это, во всяком случае, лучше кровавого коммунизма. Вечером, в ночной тишине, началось пускание на море ракет с лодок. Красиво, чарующе.

По случаю конгресса были устроены выставки старых церковных предметов. В монастыре францисканцев самым интересным предметом был знаменитый географический атлас Клавдия Птолемея II века после Рождества Христова под названием: «Клавдии Птолемеи географисэ енаррационис либри окто»⁵⁴⁴. Напечатан атлас в XVI веке. Снова любовался знаменитой огромной иконой Бассано, ученика Тициана, – «Тайная вечеря»⁵⁴⁵.

18 июля. Осматривал престольную церковь. Боковые алтари имеют картины великих мастеров, например, Уберти⁵⁴⁶. Красив алтарь, воздвигнутый семьей знаменитого поэта хварского Петра Гекторовича. Гранитовые колонны в стиле барокко, а над алтарем икона византийского письма «Матерь Божия». Под двумя проповедальницами две иконы Божией Матери опять византийского письма с добавленными внизу и после мотивами из жизни францисканцев. На улице другого знаменитого писателя XVI века Ганнибала Луичча⁵⁴⁷ находится построенный этой фамилией монастырь бенедиктинцев, женский. Кто раз вошел, т. е. принял тут монашество, тот уже погребен для мира. На той же улице находится колодезь, сообщающийся на глубине с морем. Верхняя круглая часть колодца высечена из целого камня. На боковой округлости высечен лев, держащий закрытую книгу, а закрытые книги изображались на памятниках лишь во время войн. Год высечен – MCCCCLXXV, т. е. 1475.

Интересен также герб на общинском доме: лев с раскрытой и ощеренной пастью держит в лапе книгу открытую, что делалось во время мира. Высечено MDCXI, т. е. 1611, и слова: АННО ПАЦИС⁵⁴⁸.

На площади находится знаменитая палата Лоджиа, где хварский князь устраивал собрания дворян, а потом и горожан. Над входом опять – венецианские львы. Вообще Хвар разбогател под Венецией. На левой боковой стороне лоджии опять три венецианских герба: лев держит раскрытую книгу, под одним, меньшим, гербом высечено 1488 латинскими буквами.

Познакомился с одним русским – Марушевским-Бильфордом. Он – польско-английского происхождения, но ненавидит поляков. О России и русском народе выражается так: русский народ ничего не создал в своей истории.

Пишу эти строки, а напротив сидят 12 молодых сионистов, приехавших из Вены на отдых и занявших бывшую испанскую крепость на три года. А что даем мы своей молодежи? Нет, чем больше я живу в эмиграции, тем больше понимаю и начинаю ценить евреев. Из гонимых они обратились в победителей мира, который неуклонно перестраивают в своем духе.

20 июля. Прочитал на хорватском языке книгу Грго Новака «Пучки преврат на острове Хвару», т. е. мясницкий переворот на о. Хвар. Интересна борьба за равноправие, которую вели тут крестьяне в 1510–1514 гг., борьбу кровавую, закончившуюся победой крестьян.

Это стихотворение прислал мне милейший В.И. Майбородов на остров Хвар, где я пробыл с 14 июля до 1 августа. Д. Скрынченко.

Л е т о м

Как хорошо в разгаре лета
В тени улечься на траву
И, погрузясь в полузабвенье,
Лежать без мыслей в голове.

Щебечут птички на деревьях,
Ведут свой нежный разговор,
И эти звуки составляют
Такой прелестный, дивный хор.

Как пахнет в воздухе чудесно
Прохладой влажностью земли,
А ветерок слегка колышет
Дерев верхушки надо мной.
Трепещут листья от восторга,
Как будто что-то шепчут мне.
И, предаваясь созерцанию,
Лежу я точно в полусне.

Стрекозы, бабочки и пчелки
Летают смело надо мной
И мою душу наполняют
Своею радостью земной.
Горит полуденное солнце,
Плывут по небу облака...
Тогда-то в сердце утихает
Моя всегдашняя тоска.

Цветочки, листики, былинки,
Все то, что топчем мы ногой,
Мое вниманье занимают
И улаживают мой покой.
Козявки малые, букашки
Ползут по тонким стебелькам
И потихоньку, осторожно
Все приближаются к рукам.

Так мне дает успокоенье
Природы вечная краса.
И вспоминаю с умилением
Родные наши небеса...

В.И. Майбородов.

29 июля 1932 года.

Новый Сад

Познакомился и разговаривал с 80-летним далматинцем Царичем. Он рассказывал много интересного из жизни при море. Один раз за пароходом увязалась акула. Ей бросали белые предметы – бумагу, куски старого полотна, а в это время матрос, полезши на мачту, упал, вследствие кружения головы, в море. Чтобы отвлечь внимание акулы от матроса, ей начали бросать полотенца, простыни и т. д., а в это время матросу бросили веревку и начали его тащить. Но акула видела это, и когда матроса вытащили из воды настолько, что в воде остались лишь ноги, акула бросилась на него и сразу отъела ему обе ноги.

Другой раз за моторной лодкой увязался откуда-то забредший в Адриатическое море кит. Боясь, что он может перевернуть лодку, ему тоже стали бросать белые предметы. Таким образом лодка шла от Сушака до г. Задара, где и втянулась в канал. Кит же не мог войти в узкий канал и наскочил на скалу. Боясь, что кит может сдвинуться со скалы и уйти в море, его взорвали разрывным материалом. От него остался огромный хвост, который поразил своей величиной дочь Царича. Один раз загорелся лес на полуострове Пелешце, недалеко от Дубровника. Полуостров известен как место скопления змей. Пожар начался вечером, и интересную картину можно было наблюдать с парохода, как змеи прыгали вверх, стараясь спастись от огня и падая назад.

23 июля. Вчера «Ядранска Стажа» устраивала на берегу моря концерт, но никто не желал платить, а смотрели издали. Пел хор, читала стихотворения какая-то девица, но все шло без подъема, точно это был купленный патриотизм.

На Хваре около берега моря проводится постепенно прекрасная автомобильная дорога.

24 июля. При входе в престольный храм, а также в францисканский монастырь вывешены следующие объявления: «Жена разгаљена врата (с оголенной шеей) и непокрытих надлактица (открытыми локтями) не смије у кућу Божју. Нечедна ношња увјек и свуда покудна, вређа светост храма, онемогућује приступ к св. сакараментима, саблажњује вернике, изазиваје страшне казне Божје», т. е. вызывающая одежда всегда и всюду заслуживает осуждения, оскорбляет святость храма, делает невозможным приступать к святым тайнам, соблазняет верующих, вызывает страшные наказания Божии.

Читаю интересную историю г. Хвара, написанную Гргом Новаком. Оказывается, борьба шла не только между дворянами и мещанами, но и среди самих мещан. Лукавая Венеция некоторым мещанам дала право называться «гражданами», и последние дорожили этим названием и не хотели пускать в свою среду остальных мещан...

Поразительно это стремление людей к неравенству...

Судьба занесла меня, потомка скифов, на этот берег, чтобы, между прочим, на нем, пред шумящим морем, отметить и это проявление человеческой глупости...

27 июля 1932 г. Жара. Почернел и я.

Получил письмо из Киева. Тяжело: Толечка женился на разведенной женщине⁵⁴⁹, притом некрасивой, при общем протесте всех сестер своих. Жена пишет: он чудный мальчик. Но как же это так: не испрашивает благословения на брак, ни с кем не советуется, а прямо приводит в дом матери своей постороннюю женщину и говорит: это моя жена... О себе я и не говорю: мне казалось, что и меня он мог бы известить о женитьбе, если не спросить согласия и благословения.

Сию над морем, а слезы стоят на глазах... В таком настроении написал письмо жене. Какой погром Родины и ВСЕХ ее ценностей! Жена пишет, что ждет могилы. Верю... Обесценилась жизнь и для меня, в особенности после такого письма из Киева.

28 июля. В 7 с четвертью часов утра на пароходе «Цриквеница» я поехал, вместе с другими экскурсантами, на остров Бишево осмотреть знаменитую «Синюю пещеру». Экскурсанты – преимущественно молодежь. Бишево находится недалеко от большого острова Вис, древней греческой колонии Исса... Вместе с городом Хваром он составлял, за время господства Венеции, одну общину.

Хочу развеяться от той боли, которую вчера мне причинило письмо Шуруны. О, Толечка, Толя, как ты попался, и как будешь жалеть своего неосторожного шага...

Пещера произвела на меня большое впечатление. Один выступ острова Бишева возвышается над морем. Пароход прибыл около 11 часов утра, привезя с собой из города Комижа лодочников. Пароход остановился недалеко от пролома в пещеру. Я одним из первых влез в лодку, а многие студенты и студентки бросились вплавь. При въезде в пещеру приходится немного сгибать голову. Вода в пещере из синей становится опаловой, откуда-то проникают в пещеру солнечные лучи, и вода отражается своими дивными красками на стенах пещеры, делая их синими. Потолок пещеры, пролом, находится высоко над головой, а глубина морской воды в ней доходит до 15–20 метров.

Незабываемое впечатление! 4–5 больших лодок и много плавающих молодых тел наполняют пещеру.

Я заплатил за участие в экскурсии 35 динар и не жалею, что поехал. Из новосадян были: Ковачевич с дочерью, Шикопария с женой, жена адвоката Александра Моч, Милица⁵⁵⁰, с двумя дочерьми, г-жа Йованович с дочерью, муж которой Тоша, скончавшийся в прошлом году, был членом Русской Матицы. По осмотре пещеры мы прибыли в город Комижу на Висе, славящуюся своей фабрикой консервирования морской рыбы. К сожалению, она была закрыта. Комижа – чистый город с многоэтажными домами. В половине 1 часа дня мы вышли из Комижи, направляясь в г. Вис, славящийся своими винами, особенно красным. В экскурсии были и новосадыне – генерал Владимир И. Белич, серб, прекрасно говорящий по-русски, с женой и двумя дочерьми.

В г. Висе пробыли два часа. Молодежь перепилась и вела себя неприлично: обращение с девицами было просто недопустимым и обратно. Они много пели, между прочим, и русские песни: «Волга, Волга мать родная» и «Ты мой ангел земной».

30 июля. Уехала семья генерала Белича. Приехал сюда директор русско-сербской гимназии в Белграде профессор Малинин.

На базаре сегодня видел два сорта морских раков, морского паука, без головы, красную рыбу, очень вкусную скарпину, рыбу шельпу с параллельными золотыми линиями, рыбу тарбиню, морских ужей вроде змей, сушу, сардельки, локарду...

Осматривал вместе с профессором загребского университета Мэйснером престольную церковь, под руководством патера Дон Миличича. Близ алтаря в полу вделана плита 1607 года с надписью на хорватском языке. Очень ценны церковные облачения – XIV века и позже. Есть сшитые из костюмов старых дворян, которые назывались «властела». Красивы ризы из шелка, протканного золотыми нитями, каковая материя называется «санези». Интересен епископский жезл, сделанный рукой художника из золота и серебра. Тут дана целая концепция христианского мировоззрения.

Над церковью находится библиотека; осмотр ее произвел на меня удручающее впечатление. В огромной зале все стены заставлены шкафами с книгами и рукописями старого характера. А на столе навалены книги латинской печати, которые некогда, работая тут, вытаскил Грго Новак и оставил на жертву пыли. Но не столько пыль, сколько моль и мыши уничтожают эти древние сокровища, а иногда и уникамы. Тут буквально просверлены огромные фолианты, и многие из них уже погибли для истории. Грустно, просто тяжело видеть это явление. Оказывается, работа моли и мышей идет здесь десятилетиями, а м[ожет] б[ыть] и столетиями. Бывшая Австрия не отпускала средств для очистки книг и всей библиотеки от разрушающих гнезд моли и мышей, не отпускается и теперь, а нужно, по крайней мере, как мне говорили, около 100.000 динар. Особенно жаль рукописей на пергаменте, где моль уже сделала многие слова и буквы нечитаемыми. С гнетущим чувством я покинул это древнее книгохранилище.

Дон Миличич показывал нам и рукопись речи дворянина Прибоевича на латинском языке от 1525 г. Это был один из первых крупных панславистов. Жалею, что не успел сделать выписок из этой знаменитой речи Прибоевича. Интересен и список хварских статутах, где на латинском языке дано, в сущности, географическое описание острова Хвара, с соблюдением хорватских названий...

Мысли то и дело возвращаются к Толечке, и сердце щемит, щемит...

1 августа. Пишу на пароходе «Цриквеница», на котором уезжаю в Сплит, чтобы возвратиться затем в Новый Сад. Ночь от жары провел без сна, кошмарно.

Уплатил в отель «Оверланд» 525 дин., за кофе, ужины и т. д. – 228 дин., на чай – 30 дин., за полбилета до Сплита – 19 дин., за полбилета по железной дороге до Нового Сада – 197 дин. 50 п.

В Сплите пробыл целый день. Автобусом ездил на развалины Солина, которые и теперь произвели на меня большое впечатление, особенно амфитеатр. Автобусом за 5 дин. возвратился в Сплит. С восхищением осматривал остатки дворца императора Диоклетиана. В перистиле теперь стоит памятник Нишскому епископу Гргуру (Григорию) – огромная статуя из чугуна.

После обеда в отеле «Славия» пошел к горе Мариан, но на пути присел около отеля «Бельвию», выпил чашу вина и... заснул: слишком устал и от жары, и от впечатлений.

Какой чудный парк на горе Мариан! Осмотрел морской музей, музей-аквариум, зоологический музей, а при возвращении любовался со знаменитой лестницы бетонной на город, море и два огромных военных корабля Англии и несколько меньших. На одном прочитал надпись: «Ревенсе»⁵⁵¹.

Из Сплита выехал скорым поездом в 8 часов 27 м. вечера, дорогой спал, разговаривал с чехом. «У нас всего много, но почему у нас экономический кризис, не могу понять», – сказал он и при этом подчеркнул о взяточничестве высших чиновников.

2 августа. В 7 часов утра прибыл в Загреб. Красивейший город, с дивной площадью бана Елачича и с памятником его. Осмотрел кафедральную старинную церковь Святого Стефана на Марковой площади, ходил отдохнуть в сад «Тушканац» под тень высоких развесистых деревьев. Чудесно тут!

Из Загреба выехал в 1 час дня и в Новый Сад прибыл в 12 почти часов ночи. В Загребе видел своих учениц – И. Миросавлевич, Санадер, Велинку Стефанович и других, направляющихся, как отдельная колония, на остров Крк в город Омишал. Кстати: в Сплите виделся с бывшими своими ученицами Верой и Еленой Матанович, у которых мать была русская, а отец черногорец. Их брат Шпиро, как я уже, кажется, писал в дневнике, в июне месяце убил своего отца ножом и сидит сейчас в тюрьме, поэтому сестры носят траур.

4 августа. Получил открытку от А.В. Стороженко с приглашением посетить его около г. Смедерева. Надо поехать.

5 августа. Ходил с генералом А.П. Хануковым смотреть квартиры, встретил бывшего полковника генерального штаба Влад. Яковл. Михайлова, зашли в пивную, и тут Михайлов рассказал интересную и возмутительную историю генерала Брунна⁵⁵². После смерти П.П. Кашинцева⁵⁵³, с которым, как жандармом, дружил генерал Брун, последний объявил себя старателем имущества Кашинцева. Старался он так: часть вещей продал, часть якобы раздарил, пальто, стоящее более 2000 дин., взял себе, френч тоже, украл золотое кольцо, золотые запонки, подменив их медяшками. Имущество Кашинцева было описано, по назначению Общевоинского Союза, полковником С.В. Ивановым, В.А. Гроздовым⁵⁵⁴ и Д.А. Дараганом-Мирошниченко⁵⁵⁵. Когда Правление колонии потребовало все вещи от Бруна, он стал мошенничать, например, свои старые, потрепанные порыжелые штаны заменил новыми покойника. Золотое кольцо, по его словам, исчезло так: в массивном серебряном ящике, подаренном покойному в Москве сослуживцами, хранились и запонки, и другие ценные вещи. Вот из этого-то ящика кто-то, в отсутствие Бруна, якобы вытащил кольцо. Точно вор был такой же дурак, как и сам Брун. Почему вор не похитил всего небольшого ящика, а взял лишь

кольцо, остается неумной загадкой г. Брунна. Интересно еще и то, что Брун, подменивший штаны покойного, явился в них на собрание Правления колонии; В.Э. Эппле тут же заметил генералу: да ведь эти брюки – от костюма Кашинцева... Интересно, что при разборе всех обстоятельств о поступке Брунна присутствовал и председатель суда чести при Общевоинском Союзе генерал В.М. Ткачев⁵⁵⁶, причем последний сказал: да ведь такого господина надо предать суду чести...

Но предадут ли? Генерал Черепов, во избежание скандала, хочет замять дело. «Ну и старатель, сукин сын... Постарался», – так закончил свой рассказ г. Михайлов. Мы с Хануковым много смеялись при этих словах, как ни печален сам факт генеральского воровства и мошенничества. Уж очень от сердца сказал эти слова г. Михайлов.

10 августа. 8 августа в 2 час. 14 м. утра выехал на Белград, чтобы ехать в Смедерево к А.В. Стороженко. Из Белграда пароходом в 7 с половиной часов утра выехал в Смедерево, заплатив за полбилета 10 дин. В Смедерево был в 10 часов утра. Пешком шел до виноградника «Югово» – 47 мин. Встретили радушно. Андрей Владимирович живет у сына Владимира, женатого на Елизавете Федоровне. Мальчик у них Федя. Из рассказов Андрея Владимировича: в Париже появилась книга генерала Грулева, генерально-го штаба. Он еврей, и теперь заявляет, что был и останется евреем. Выручку от своей книги завещал на евреев, объявил себя нехристианином.

Генерал Симанский по поводу этой книги писал, что он удивлен злобе Грулева, все считали последнего христианином, болгарин, ненависть его непонятна. Далее Симанский пишет, что он знает много офицеров из евреев, но они не были ненавистниками России. В числе таких он перечисляет живущего теперь в Новом Саде генерала Александра Павловича Ханукова. Стороженко сообщает следующие данные о нем: он родом из Херсона, сын херсонского мельника, учился в реальном училище. Познакомился с семьей генерала Крылова, выразил желание идти в офицеры. Крылов его крестил.

Пишущий теперь по украинским вопросам князь Волконский, бывший полковник генерального штаба, был во время мировой войны военным агентом в Италии. После войны в Россию не вернулся, а когда умерла жена, принял католичество и священник сан. Он патер и преподает в католической русской школе и насаждает новую унию, в противодействие полякам и украинцам.

Известный товарищ Обер-прокурора Св. Синода князь Жевахов, живущий в Бари в Италии, ездил в Нью-Йорк в поисках средств, изучал необходимые английские речи и слова, но они ему не понадобились, так как в Нью-Йорке живет 2 миллиона русских евреев, для которых русский язык служит жаргоном, как для них в России служил швабский язык. Дом при русской церкви в Бари Жевахов продал Италии, и там Муссолини разместил школу и гимназию итальянскую. Кто дал право Жевахову на такую продажу?

Андрею Владимировичу писали из Киева: молодой человек был командирован в Киевскую губернию в помощь врачу для борьбы с тифом, а он там делал женщинам ежедневно до 20–30 абортов, ибо детей кормить нет возможности.

Из письма Андрею Владимировичу: А: Скажите, кто вчера прошел на выборах? – В: Хацкельзон, Хофенцуккер и Иванов. – А: А Иванов – это псевдоним? – В: Нет, это настоящая фамилия. – А: Ах, и везде эта сволочь пройдет (т. е. русский).

По словам А.В-ча, основанным на письмах из России, большевики требуют от детей эмигрантов отречения от них, и такие отречения печатаются в газетах. Теперь я понимаю, почему мне не пишут Маруся и Толя.

Сегодня посетил в Белграде обсерваторию. Ряд новых прекрасных зданий и в них астрономические инструменты, прибывшие из Германии по репарациям. Теперь Белград имеет один из величайших в мире рефракторов – 10 с половиной метров длины. Репарации окончились, экономический кризис настал, и снабжение инструментами обсерватории остановилось. Познакомился с Д-ром Мишковицем⁵⁵⁷, заведующим обсерваторией. Показывал мне ассистент Доминго, словенец, окончивший Болонский университет. Повернет колесо, и раздвигается потолок сводный обсерватории, повернет другое, весь свод движется на своем основании. Словом, все устроено по последнему слову астрономической науки. Белград изумительно идет вперед.

14/27 августа 1932 г. В Сремских Карловцах в Югославии открылись заседания Архиерейского собора. К открытию Собора кроме Блаженнейшего митрополита Антония прибыли: Архиепископы: Анастасий Кишиневский и Хотинский, наблюдающий над делами Русской миссии в Иерусалиме, Серафим Финляндский и Выборгский⁵⁵⁸, Управляющий Русскими Православными Церквями в западной Европе, Гермоген Екатеринославский и Новомосковский, Гавриил Челябинский и Троицкий, Дамиан Царицынский⁵⁵⁹, Феофан Курский и Обоянский, епископы: Серафим Богучарский⁵⁶⁰, Тихон Берлинский и Германский, Николай Лондонский⁵⁶¹ и архимандрит Виктор⁵⁶², прибывший из Китая в качестве представителя Архиепископа Китайского и Пекинского. Позднее прибыл епископ Сан-Францисский Тихон⁵⁶³ и Венский Серафим⁵⁶⁴. Епископы, не имевшие возможности прибыть, прислали свои отзывы по вопросам, стоявшим на повестке. Перед началом Собора в 9,5 часов утра 14/27 августа в домовоей Церкви патриаршего дворца в Сремских Карловцах был отслужен молебен с призыванием Святого Духа. Молебен служил Блаженнейший митрополит Антоний в сослужении архимандрита Виктора и игумена Феодосия⁵⁶⁵. Затем все иерархи перешли в зал для заседаний, где были оглашены многочисленные приветствия Собору. Особенно обратили на себя внимание приветствия Белградского Братства имени преподобного Серафима и общества «Русское согласие», с большим подъемом прочитанные П.С. Лопухиным⁵⁶⁶ и генералом Н.В. Ногаевым⁵⁶⁷. Блаженнейший Председатель от имени Собора тепло поблагодарил за приветствия. От имени Собора была послана приветственная телеграмма Его Величеству Королю Александру, на которую получен Милостивый ответ. К Святейшему патриарху Варнаве от Собора ездили Преосвященные Богучарский Серафим и Берлинский Тихон. Они передали Его Святейшеству приветствия от имени Собора и благодарили за гостеприимство, которое он оказывает русским иерархам, прибывшим из всех стран мира. Его Святейшество благодарил за приветствие и, в свою очередь, приветствуя съехавшихся Архипастырей, желал им успеха в их ответственной работе.

Секретарем Собора был избран Преосвященный Лондонский Николай, а помощником – управляющий Синодальной канцелярией граф Ю.П. Граббе. Архиерейский Собор интенсивно работал в течение недели и вынес много важных постановлений, направленных на упорядочение церковной жизни в разных епархиях. Однако большая часть этих постановлений касается таких вопросов, что оглашению не подлежат. Из постановлений, имеющих интерес для широких кругов общества, наиболее может обратиться на себя внимание учреждение должности Наместника Председателя Синода. Блаженнейший митрополит Антоний поднял вопрос о порядке замещения его как Председателя Синода на случай его кончины. Хотя здоровье Его Блаженства, слава Богу, и не внушает никаких опасений, Собор признал полезной его предусмотрительность, ибо при нынешних условиях весьма важно, чтобы все было заранее предусмотрено.

Наилучшим способом к разрешению вопроса было признано учреждение должности Наместника Председателя Архиерейского Синода подобно тому, как в афонских монастырях существуют наместники настоятелей, которые, в случае кончины последних, немедленно принимают на себя начальствование в обители. Наместником Собор единогласно избрал Высокопреосвященного Анастасия, архиепископа Кишиневского и Хотинского, одного из виднейших иерархов Русской Церкви, бывшего одним из ближайших помощников Патриарха Тихона. Ныне архиепископ Анастасий пребывает в Иерусалиме в качестве Наблюдающего над делами Русской Духовной Миссии.

Собор имел суждение о работе масонства и других подобных организаций, со-вращающих многих православных людей, особенно в Западной Европе и в Китае, и осудил их. Об антихристианской работе масонов, теософов и т. д. христианского знания (Christian Science) будет опубликовано особое Соборное послание. Осудил Собор и распространяющийся в некоторых странах обычай сжигать покойников в крематории, т. к. это сжигание противоречит древнему христианскому обычаю и всюду вводится антихристианскими масонскими организациями. Ввиду того, что к Архиерейскому Собору часто обращаются с прошениями об усыновлении детей, Архиерейский Собор, по докладу Митрополита Антония, ввел для этих случаев церковный чин по «последованию в сыноположение», утраченный даже в России, но широко распространенный в сербской церкви. Исполняющуюся 2 января 1933 г. столетнюю годовщину со дня блаженной кончины преподобного Серафима Саровского постановлено во всех церквях Зарубежья отметить торжественными богослужениями. Остальные постановления Собора как чисто церковно-административного характера, хотя и весьма важные, не подлежат покуда опубликованию в печати.

Заседания Собора проходили в спокойной деловой обстановке. Отличительной чертой их были мир и продуктивность, что отмечали в своих речах Блаженнейший митрополит Антоний и архиепископ Анастасий, от имени всех членов Собора благодаривший Блаженнейшего Председателя за его труды по руководству соборной работой. Собор как начался молитвой, так и окончился. В той же капелле патриаршего дворца был отслужен епископом Донским Николаем благодарственный молебен с провозглашением вечной памяти усопшему в прошлом году митрополиту Пекинскому Иннокентию⁵⁶⁸. Члены Собора высказали радость по поводу того, что имели возможность совместно обсудить и решить много важных для зарубежной Церкви вопросов. Особенно отрадное впечатление произвело прибытие на Собор впервые за годы существования зарубежной Церкви представителя из дальнего Китая, сделавшего длинный путь для личного доклада по разным важным церковным делам и засвидетельствования, насколько на Дальнем Востоке дорожат единством Русской Зарубежной Церкви, возглавленной Блаженнейшим митрополитом Антонием.

17 августа 1932 г. Вчера был у митрополита Антония с генералом А.П. Хануковым, чтобы поздравить первого со днем Ангела.

Между прочим, я сказал митрополиту, что пора произвести некоторые перемены или выброски в церковных песнопениях, например, неприятно слышать такие слова с чисто еврейской психологией ветхозаветной, как «дщи Вавилоня окаянная, *блажен иже узмет и разбьет младенцы твоя о камень*». На это митрополит заметил стереотипной фразой, что это надо понимать иносказательно... Точно так же я указал на анахронизм и совершенную недопустимость поминать на панихидах «болярина». На это Антоний заметил, что это делается в утешение родственников умершего; его поддержал секретарь граф Граббе: поминают же, дескать, «воина», почему не поминать и

«болярина». Эти омертвевшие люди не понимают, что удержанием в церкви сословных и притом давно уже умерших типов «боляр» они стараются задержать сословность в церкви и оскорбляют остальных христиан. Антоний еще добавил: «У Вас еще остался семинарский либерализм»...

Никаких «боляр» не поминает, например, сербская церковь, а у нас осталось холопство в церкви, которая была совершенно подчинена государству. Как далеко нам, например, до католической церковной независимости.

2 сентября. Вчера в Новый Сад приезжали члены Русского Заграничного Церковного Собора по приглашению Правления колонии и Приходского Совета. Прибыли: митрополит Антоний, архиепископ Кишиневский Анастасий, ныне Иерусалимский, Серафим Финляндский, ныне Парижский; Дамиан Царицынский, ныне Болгарский; Тихон Берлинский, Серафим Богучарский, Тихон Сан-Францисский, Николай Лондонский, Серафим Венский (немец Ляде), архимандрит Виктор из Шанхая.

Из здешних присутствовали: Феофан Курский, Гермоген Екатеринославский, Гавриил Челябинский не прибыл по болезни. Председатель колонии Г.Г. Харченко почему-то пригласил бывшего нашего посланника В.Н. Штрандтмана. Местный архиерей Ириней Чирич пришел очень рано, почувствовал себя неловко, ушел и прислал своего заместителя – консисторского секретаря Миливоя Поповича. Протоиерей Нил Малахов приветствовал высоких гостей прекрасной речью. Ему ответил митрополит Антоний. Довольно бестактно говорил редактор «Царского Вестника» Н.П. Рклицкий, сказавший, между прочим, что «русская профессура является главной виновницей гибели России»... Довольно несвязно говорил Харченко, почему-то вздумавший петь хвалебные гимны Штрандтману... В половине ужина я сбежал от таких речей, да и голова болела. Присутствовало 70 человек. Все бы было хорошо, только речи были противны.

18 сентября. На банкете членов Общевоинского Союза, на который был приглашен и я, присутствовал полковник Вазаревич, произведший на меня прекрасное впечатление.

Вчера была экскурсия нескольких классов нашей гимназии в город Илок на Дунае; ехали пароходом, среди живописных берегов; ученицы пели и даже я. Осмотрели католический монастырь, закусывали в начальном училище, потом ходили осматривать сельскохозяйственную школу, были там в винном подвале, где пробовали разные местные вина. Вечером был в цирке Глайха; нечто грандиозное. Эквилибристики актеров поразительны, но не обошлось без несчастия: один актер и его партнерша упали, ибо оборвались те веревки, на которых они упражнялись. Впечатление тяжелое, и я, не досидев до конца, ушел.

А.М. Чаговец очень болен – и сердцем, и желудком. С ним – кошмары, спать не может. Не жилец он на этом свете. Завтра пойду хлопотать о том, чтобы ему дали отпуск, хотя бы и без жалованья. Тяжело на него смотреть: сидит один, тяжело дышит, нос обострился и скулы, и никого, никого около него...

21 сентября 1932 г. Хотя А.М. Чаговец принял подданство и удовлетворяет всем требованиям чиновника, ему отказано в разверстке, т. е. зачислении в чиновники по всем правилам, и он служит «дневничаром», т. е. поденно; как таковой, он, использовавший полагающийся ему отпуск, не может больше иметь отпуска, а между тем тяжело болен и ходить на службу не в состоянии; поэтому я ходил к заместителю директора

почты и телеграфа просить, чтобы Чаговцу дали отпуск хотя бы без жалованья; потом был у управителя почты; всюду обещали, хотя это зависит от Министерства путей сообщения. Когда я был у управителя почты, вызвали чиновника; он оказался русским, Прохоренко; его изругал серб и в заключение назвал «русской свиньей»... Напрасно он пошел жаловаться; наше положение таково: сиди и молчи... все русское теперь презирается здесь.

Вчера исполнилось 35 лет епископского служения митрополита Антония. Китор упросил меня поехать к нему с поздравлением вместе с Е.Ф. Ермаковым. Я с радостью и сам бы поехал, но распределение уроков у меня таково, что мне это нелегко было сделать. Между уроками я поехал автобусом и приехал уже тогда, когда белградская депутация поднесла митрополиту ряд адресов, очень трогательных, как говорит В.С. Курочкин. От новосадского прихода мы привезли Владыке бювар кожаный, стоивший 200 динар.

Поднося его и приветствуя Владыку митрополита от православных новосадян русских, я напомнил ему день его хиротонии в Казани, когда я только что поступил на первый курс Духовной Академии, а также и то, что тогда Владыка, на вопрос: «Како веруеши», звонко, восторженно-фанатически произнес символ веры. Только что мы уселись по приглашению Владыки за чай, пришел сербский патриарх Варнава со всем сербским архиерейским собором (23 епископа) приветствовать Антония. Патриарх красивый, мощный человек. Тут я познакомился с епископом Дамаскиным, действующим среди русских (русин) в Чехословакии. По его словам, русское движение растет там, хотя чехи всячески препятствуют ему и усиленно помогают украинству, отпуская ему миллионы. Даже униаты стали прибегать к помощи епископа Дамаскина, чувствуя себя бессильными перед онаглевшими украинцами и их покровителями — чехословаками.

Патриарх и епископы скоро ушли из покоев Антония, прозвонил звонок на обед, и митрополит также ушел на обед. Мы остались его дожидать. Но пришел посланный от патриарха и пригласил и нас за патриарший обед. Обедало около 50 человек. Я сидел около бывшего администратора Печской патриархии епископа Ефимия. Он удивился моему хорошему знанию сербского языка. За обедом патриарх произнес большую речь о заслугах митрополита как столпа православия на русском языке. Ему отвечал Антоний, сказавший, что мы, русские, и в частности он, теперь нищие, но сербы, патриарх и епископы не только его приютили, но даже вспомнили его служение церкви и отметили это, и что на сербскую церковь теперь пала та задача, которая лежала на русской церкви. Антоний говорил прерывающимся голосом, и по щекам его текли слезы... Мне пришла в голову мысль тоже сказать два слова приветствия Владыке и Патриарху, но Курочкин, сидевший слева, говорил, что надо сказать приветствие лишь патриарху. Я поднялся и выразил патриарху и сербскому епископату благодарность за то внимание, которое оказано ими митрополиту Антонию, видя в этом внимание к прошлой России и русскому народу. Речь моя, как сказал Курочкин и епископ Евфимий, произвела заметное впечатление. За обедом подавалось: суп, яйца под соусом, жареный поросенок, пирожные, виноград; было и вино.

Автобусом я вернулся с Курочкиным и попал на урок не запоздавши. Устал. Вечером, после всенощной, пошел к Чаговцу. Он тает. Пришел о. Нил Малахов и его причастил. Чаговец все время крестится.

26 сентября 1932 г. Вчера в 10 часов 53 мин. утра скончался бывший заведующий библиотекой Русской Матицы А.М. Чаговец, с которым я проработал в Матице три

года. Прекрасный, честный, хотя и довольно упрямый, человек, он много, очень много сделал для Матицы. Устройством похорон был занят я. Гарнизонное управление югославянского войска дало лафет, музыку и отряд войска. Гроб был в цветах; венки были возложены от Матицы, Жердевых и сослуживцев по телеграфу. Особенно было трогательно отношение сослуживцев. В огромной массе они пришли на похороны во главе с управителем почты Йованом Мишичем. На могиле речи говорили: о. Нил Малахов, я (довольно слабо, ибо не выдержали нервы) и г. Мишич.

14 октября 1932 г. Женидьба Толечки и отрицательное отношение к этому Маруси и Иры держат меня в состоянии болезненного беспокойства. Из писем жены, Ниночки и Ирочки видно, что эта женидьба – большая ошибка попавшего в сети добряка Толечки, очевидно, не отличающегося твердым характером. Жена пишет: «Он говорил мне, что чем больше он узнает свою жену, тем больше он ее любит. Я от всего сердца желаю ему счастливой семейной жизни, но, откровенно говоря, не особенно симпатична мне его жена». Ниночка отнеслась к Толе сердечнее всех, но и она считает этот его шаг большой ошибкой. А Ирочка, в виде приписки в том же письме от 25 сентября, пишет: «Несколько раз хотела тебе написать обо всем, о Толе, его поступке, но не могла. Напишу как-нибудь. Боюсь расстроить тебя, да и сама расстроиться. Знаешь – это все же большой был удар».

Мне было больно, тяжело знать о такой женидьбе любимого и единственного сына, я много выстрадал по этому случаю, но все же я не представлял себе всей трагедии, случившейся в нашей семье. И только сегодня, получив письмо от Марусечки, не писавшей мне около трех лет, я понял все несчастье в нашей семье, и мне просто физически стало больно в моем уже и без того надорванном сердце. Марусечка писала свое письмо из Корсуни на реке Роси, Киевской губернии во время своего отдыха от службы, и каждое ее слово острой болью отдавалось в моем сердце. Два раза я прочитал ее письмо и прочитаю еще не раз.

Маруся пишет: «Ты просил нас смириться и принять эту особу в нашу семью. Я прямо отвечу – нет, я не приму ее». Дальше Маруся рисует жену Толи в самых мрачных красках, как безнравственную женщину, и по всему видно, что Марусечка права: «А то, что Толя даже не посоветовался, не предупредил нас, разве это не оттолкнуло от него... Мне ужасно тяжело сознавать, что я всю свою жизнь после твоего отъезда думала о семье, работала на нее и постепенно стала чем-то вроде главы семьи. Ведь в такие годы трудно было бороться без поддержки мужчины, а Толя никогда ничем не помог мне. Он отдавал получку, и на этом все кончалось. Отстаивать комнату, везде воевать, иметь дело с домоуправлением, выкручиваться с покупками – все должна была делать я. Ты не пойми, родной, что во мне говорит такое чувство, что вот, мол, какая я. Нет, тут говорит чувство горечи против Толи... С момента женидьбы он может все сделать, но не для нас, а для Зины (жены)... Когда мама и Нина ходили без ботинок и галош, то Толя умыл руки от этого, а Иринка работала до ночи и за эти деньги купила маме галоши и туфли... Можно ли в такое тяжелое время жениться... У меня столько горечи, столько обид, что я часто плачу из-за Толи, я, никогда раньше не плакавшая. У меня бывает такое состояние – вывезу я когда-нибудь этот воз или нет. Я сейчас в лучшем состоянии, чем наши, даже поправилась, а они в ужасном состоянии. Берут сейчас обед один на трех человек, и никогда не хватает хлеба, так как норма маленькая, а купить не за что. Если бы у нас не было такое тяжелое положение, то и с Толей было бы благополучнее, но ведь бывают дни (и очень часто), когда нет ни денег, ни хлеба, ничего. И тогда надо или сидеть голодному, или занять, а продать нечего... Больше месяца у нас шла баталия, и я

с Иринкой непрерывно плакали... Знаешь, родной, у меня такое состояние, что как будто бы у меня вынули душу, никто не нравится, ничем, кроме семьи, не занята и ни о чем не думаю, а время уходит. Мне 25 лет уже, а такое состояние, что я временами думаю, зачем люди живут. Это, правда, бывает редко, я очень крепко держу себя в руках, не показываю своего настроения, а в душе пусто-пусто. Как тяжело, что я вечно работаю до ночи, чтобы не оставаться с своими мыслями»...

Боже мой. Страшно, страшно все это. Молодая, искалеченная жизнь, не выдавшая личного счастья. Бедная моя, родная моя Марусечка, бедные детки мои. Сердце разрывается за Вас. А я здесь мирно сплю и хорошо питаюсь. О, пусть будут прокляты изверги человечества – коммунисты: вы, и только вы повинны в крови, в голоде, в физических и, особенно, душевных страданиях русского народа. Девушка 25 лет, а она не видела радости, в душе ее пусто-пусто, и она боится оставаться с своими мыслями... А кругом равнодушный, подлый человеческий океан, пожимающий руки убийцам и спокойно наблюдающий, как гибнет русский народ.

Христос, где Ты, Христос, сияющий лучами
бессмертной истины, свободы и любви...
Взгляни: Твой мир поруган палачами,
и меч, что Ты принес, запятнан весь руками,
повинными в страдальческой крови...

4 ноября 1932 г. Становится все холоднее. Недавно начал протапливать комнату. Гимназия поглощает все мое время, так что некогда прочитать какую-нибудь книгу для себя. В гимназии опять шипит известная змея Грба, а ей вторит г-жа Добрила Симич⁵⁶⁹. Они горят непонятной ненавистью против русских, о чем мне сегодня сказала М.С. Эрдели со слов наставницы Эмилии Петрович⁵⁷⁰. Их возмущает, что я с успехом преподаю все предметы, которые мне дает директор, что я состою во всех почти гимназических комиссиях. Раньше напирала на то, что будто я не имею надлежащих квалификаций, теперь – шипит просто злоба. Им стало известно, что я от имени Матицы Русской ходатайствовал о снятии фильма «Распутин»⁵⁷¹ перед баном и полицией: Скрынченко-де унижает нашу державу, вмешиваясь в то, что можно ставить в биоскопе, а что – нельзя. Яркая «мадьяронка», м-ль Грба делает вид, что она патриотка, чтобы только вылить лишний раз злобу на русского.

И вот я ставлю себе вопрос: откуда эта злоба, за что? Работаем мы, русские, действительно добросовестно, как говорится «не за страх, а за совесть», и тем не менее нас плохо переваривают, а между тем мы, русские, корректно относимся к Югославии. Странная эта злоба, непонятная. И можно себе представить, что с нами сделали бы, если бы тут осилил коммунизм. Нас стали бы убивать с злобным торжеством.

Как ни тяжел экономически этот год для Русской Матицы, а она все же перебивается, библиотека растет, и это меня много радует. Правление колонии вздумало устроить для русских детей курсы по русскому языку и русской истории. Это хотела устроить Русская Матица, но Харченко, председатель колонии, полон такой активности, что взял это на себя. Мешать ему не будем, а наоборот. Преподавателями приглашены А.А. Сердюкова и я. Будет спрошено министерство просвещения о позволении нам преподавать.

3 декабря 1932 г. Из Министерства просвещения получено позволение нам преподавать указанные русские национальные предметы. Завтра в 8 с половиной часов утра

в Николаевской основной школе откроются эти наши курсы. Значит, я не буду иметь ни воскресного отдыха...

Ну что ж... Долг национальный надо исполнить.

Вчера с А.П. Хануковым были у митрополита Антония. Старееет он сильно и теряет свою замечательную когда-то память, но скоромные анекдоты еще любит рассказывать...

Стоит прекрасная теплая погода. И это декабрь. А в России что теперь...

31 декабря. Был у помощника командующего 1 Югославской армией генерала Владимира Ивановича Белича. Просил его помочь освободить от службы, с сохранением содержания, русского генерала Игнатия Петровича Игнатьева, заболевшего воспалением легких. Он мне ответил, что можете сказать Игнатьеву об освобождении его от службы в течение 3-х месяцев. Я горячо благодарил Белича за его отношение к русским.

Генерал мне рассказывал, как он предсказывал еще в 1905 году, учась в русской Академии генерального штаба, измену болгар, но, конечно, русские не хотели верить (например, близкий к Государю генерал Епанчин), как сформировывалась в Одессе сербская дивизия из военнопленных сербов, как она представлялась Царю, как боролась на добруджанском фронте и как он взял в плен одного болгарского офицера, окончившего Одесское военное училище, сфотографировал его и снимок послал Епанчину, бывшему на Кавказском фронте...

1933-й год

3 января. Сегодня схоронили генерала И.П. Игнатьева на Успенском кладбище. Глубоко жаль... Вчера приехала ко мне его племянница С.С. Полетика, вся в слезах, и сообщила, что И. П.-ч скончался от кровоизлияния горлом. Мы ездили несколько часов, делая все приготовления к погребению. Вечером в Успенской церкви о. Алимпий Попович⁵⁷² отслужил с протодиаконом Решетниковым панихиду. Сегодня у гроба были возложены венки – от Команды Воздухоплавства, нашей Русской Матицы, Русского Офицерского Собрания, Русской Колонии и др. В короткой речи я простился от имени Матицы с этим прекрасным человеком.

От милой моей Ирочки получил милое письмо; от других деток нет ничего.

5 января. 1933 г. Вчера прочитал у нас прекрасную лекцию профессор Ф.В. Тарановский, после ночевал у меня и рано утром ушел на поезд. Он огорчен трениями, возникшими между Спекторским и мной, и хочет нас примирить, советует мне держать экзамен, но я не успел ему сказать, что как окончившему Духовную Академию он не может быть мне полезным в этом деле и что мною владеет пессимизм, который мешает заняться этим вопросом. Родины нет, и я не вижу начала ее воскресения, и мною владеет какое-то безразличие. Спекторского он считает высоко порядочным человеком. Спекторский был у Тарановского шафером, и они уже 40 лет являются редкими друзьями.

Мать Тарановского полька, и все родство его живет по женской линии в Польше. Он рассказывал, что его тетка в Польше, мать плакала, когда разрушали православный русский собор на Саксонской площади. Над полуразрушенным храмом еще возвышалась заалтарная или, правильнее, надалтарная икона Божией Матери, и вот народ, проходя мимо, видел слезы Божией Матери. «Это так даром не пройдет Польше», – с ужасом говорили поляки... Тарановский совершенно правильно считает постройку православного собора на исторической польской площади ошибкой, ненужным уязвлением польских национальных чувств, но разрушать эту высокохудожественную русскую святыню поляки не смели: это уже не ошибка, а преступление.

Тарановский состоит в переписке с киевским украинским «диячем» Н.П. Василенком, председателем какого-то Отделения Украинской Академии Наук. По словам Тарановского, русский культурный дом в Белграде отстроен на средства Его Величества Короля Александра. Об этом не распространяют слухов, но это факт, о котором он знает со слов профессора университета серба А.И. Белича, фактического строителя этого дома. Тарановский верит в скорое воскресение России, ибо, сказал он, мы, русские, великий народ.

6 января. Прочитал рождественский № сербской газеты «Политика», составленный очень интересно. Много исторических справок. Особенно интересна статья д-ра Дм. Кирилловича о том, какими мерами мадьяры мадьяризировали в Воеводине славянское население. Интересна статья передовая «Рождество Христово в Советской России», подписанная словами: «Х.У.З.». Мне говорили, что под этими инициалами пишет югославянский посланник в Берлине Балубджич⁵⁷³, очень самонадеянный го-

сподин. По примеру французов, он намалевал много ляпсусов о русском народе, например, «...ошибочно во всяком случае представление, по которому Россия вся проникнута некоторым глубоким христианским, и именно христианским, чувством. Широкие слои русского народа никогда не были особенно одушевлены им. Огромная мешанина почти примитивных племен и рас на огромной территории, а еще больше, быть может, очень слабая подготовка русского духовенства не содействовали тому, чтобы в России утвердилось настоящее христианство. Навязанное силою, как чисто политический принцип, Православие осталось на поверхности всех религиозных понятий».

Надо совершенно не знать русской истории, того, что власть наша даже в своей колонизации шла духовенством, что оно и не могло навязывать никому веры, чтобы написать подобный вздор. Да и где в мире католическом не навязывали веры насилем? Желая показать примитивность русского народа, автор, перепутывая прошлое с настоящим, пишет, что будто бы и теперь ведется борьба о том, как надо креститься – двумя или тремя перстами... Штундизм, по автору, сводится к тому, чтобы «во имя Божьей правды земля была поделена и возвращена крестьянину...» И т. п. И это пишет «авторитет»...

Особенно интересен в этом № «Политики» рождественский рассказ известного комика-писателя (цыганского происхождения) Бранислава Нушича⁵⁷⁴ «Уголовное Отделение». Хотелось бы его перевести:

«Сегодня утром, пока Сима пил утренний кофе и перелистывал утренние газеты, приходит посыльный жандарм Городского Управления Белграда и передает ему одну маленькую повестку с тремя красными строчками. Повестка была из Уголовного Отделения, и Симу, при подписании расписки, нечто кольнуло в сердце. Какая-то забота бросила тень на его чело, которое было так ясно в это утро, и он начал ставить себе вопрос: почему зовет его к себе Уголовное Отделение.

Жена Милка также взяла со стола повестку, просмотрела ее бегло, и взгляд ее остановился на Симе:

– Что это может быть, Сима.

– Не знаю, – повел он плечами.

– Это не может быть пустяшным делом, раз тебя вызывает Уголовное Отделение.

– Не знаю, – отвечает Сима, и снова повел плечами. Затем Сима поднимается, несколько озабочен и задумчив, чтобы идти в канцелярию, ибо он работал в качестве частного человека в одном гуманном обществе. На пути чуть не побежал к трамваю, а два автомобиля чуть не переехали через него, в то же время один велосипед зацепил за его ногу. Это еще благополучно для него, когда он шел задумчив и поражен... И что только ни взбрело ему в голову вследствие этой повестки из Уголовного Отделения.

В канцелярии он не мог даже прилично подписаться, а тем более работать. Возьмет бумагу перед собой, обмакнет перо, проведет черту и вдруг остановится и задумается:

– Уголовное Отделение... Что у меня общего с Уголовным Отделением...

Ему приходят в голову незначительные мелочи, припоминаются некоторые мелкие случаи, но все это не уголовщина, все эти вещи не то, за что полагается отвечать. А повестка зовет лишь на завтрашнее утро; кто тут живым дожидется завтрашнего утра.

И в то время как он сидит озабочен в канцелярии, жена его Милка нервно ходит из комнаты в комнату, не может ни убирать комнату, ни что-нибудь делать. От восьми часов утра, когда она взялась за приготовление обеда, она до 9 часов три раза его позолила.

– Боже мой, да что же это такое учинил Сима, – единственно эта мысль охватила всю ее.

В полдень для них обед прошел как погребальная трапеза. Молчит он, молчит и она; он ест трижды посоленное кушанье и ничего не замечает, а она, бедняжка, и не ест ничего, а лишь глотает печенье из блюда.

— Ну хорошо, Сима, неужели все-таки ты не можешь припомнить, что ты сделал? — спросит она его, чтобы что-нибудь сказать. А он лишь фыркнет и возмущенно поведет плечами:

— Не могу.

— Ну начни по порядку припоминать все из самого детства, — говорит она. И он коснется чего-либо из раннего детства, стараясь что-нибудь припомнить из прошлого.

— Помню, как, когда еще был малышом, я украл у соседа пару случайно к нему залетевших голубей. А затем, ух, будучи уже порядочным парнем, обругал по матушке одного уездного письмоводителя и т. п. вещи.

— Но все это ничего не стоит в смысле уголовном, но что ты сделал уголовного? — спрашивает она, почти шепча от страха.

— Какое там уголовное, что я мог сделать уголовного.

Время после обеда и он и она провели еще хуже... А вечером, вечером казалось, что они как будто собрались хоронить мертвеца. Шепчут и один и другая, ходят как тени и не глядят в глаза. Этот вечер отделяет их от завтрашнего дня, когда Сима в 9 часов утра должен предстать перед Уголовным Отделением.

А как тяжела была та ночь.

Когда поздно ночью сон наконец овладел госпожой Милкой, она увидела страшный сон: как Сима достал какой-то огромный мясницкий нож, уселся посреди двора, вынул глаза и точит нож о камень. К нему подошла ее мать и совсем нежно, матерински спрашивает его: «Сима, сынок, что это ты делаешь?» А он зашипел как змея, заскрипел зубами, схватил ее мать и начал колоть ее как цыпленка.

Милка вскрикнула во сне, вскочила на кровати, проснувшись, но в беспмятстве и бледная, точно ее сосали змеи.

— Что с тобой, — спрашивает Сима, который и очей еще не сомкнул.

— Разве ты здесь, — спрашивает она недоверчиво и совсем не веря сама себе, и успокаивается лишь тогда, когда собственными глазами видит, что Сима никого не закалывает.

И пока она видит такие странные сны, бедняга Сима никак не может заснуть, но переворачивается на кровати с боку на бок, потеет и сопит как локомотив, везущий на гору. Когда утром они и встали с кровати, они казались, один и другая, только что перенесшими пытки. Сима большими шагами ходил из комнаты в комнату, курил папиросу за папиросой и ничего не видел и не слышал, что происходит около него. Наконец, часовая стрелка на стенных часах дошла до восьми, движется и дальше тихо, незаметно и уже показывает восемь с четвертью. Еще немного, и Сима должен идти, но прежде чем пойти, он на что-то решился.

— Милка, — сказал он несколько вибрирующим, но все же торжественным голосом. — Милка, как видно, уже пора мне идти. Пора, но прежде чем уйти, я хочу тебе что-то сказать. Я мучился всю эту ночь, боролся сам с собою, не спал всю эту ночь и решил сказать тебе, исповедаться перед тобою...

По всему телу Милки пробежали мурашки. Кто знает, какую кровавую историю она услышит теперь, кто знает, какое преступление откроется перед нею.

— То, что я открою тебе, является, как и сама ты увидишь, лишь одной интригой, и вот, может быть, вследствие этой интриги меня и зовут в Уголовное Отделение. Мо-

Вид монастыря
Гргетег (к записи
от 9 апреля 1920 г.)

Монастырь «Великая
Ремета» (к записи
от 14 февраля 1920 г.)

Платаны Белграда
под Топчидером
(к записи от 16 мая 1920 г.)

Нови-Сад, Петроварадин (к записи от 26 мая 1920 г.)

Нови-Сад (к записи от 26 мая 1920 г.)

Нови-Сад. Панорама города со стороны Дуная (к записи от 26 мая 1920 г.)

Памятник Бранко
Радичевичу (к записи
от 1 июня 1920 г.)

Митрополит Антоний (к записи от 1 июня 1920 г.)
Митрополит Антоний (Храповицкий),
Первоиерарх РПЦЗ (1921–1936 годы).
Фото из книги А.Б. Арсеньева Русская эмиграция
в Сремских Карловцах. Сремски Карловци. 2008.

Сремские Карловцы в 20-х гг. На переднем плане новое здание Патриархии и православный соборный храм Св. Николая. Фотография из книги А. Арсеньева Русская эмиграция в Сремских Карловцах. Сремски Карловци. 2008.

Дубровник (к записи от 23 августа 1922 г.)

САРАЕВО
(к записи от
10 АВГУСТА
1927 г.)

ПАРК «ИЛИДЖА»
ОКОЛО САРАЕВА
(к записи от
10 АВГУСТА
1927 г.)

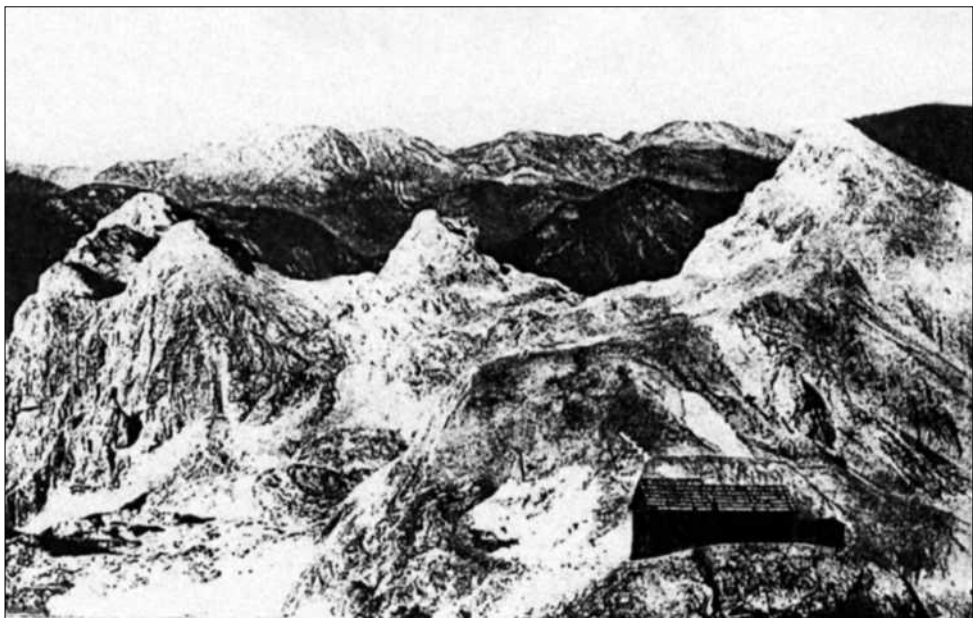

ОЗ. БЛЕД
(к записи от
28 ИЮЛЯ 1923 г.)

Бохиньское озеро (к записи от 28 июля 1923 г.)

Словенские Альпы (к записи от 28 июля 1923 г.)

Плитвичские озера (к записи от 20 сентября 1926 г.)

Сплит (к записи от 28 июля 1926 г.)

Сплит (к записи от 28 июля 1926 г.)

Сплит (к записи от 28 июля 1926 г.)

Далмация. Бол. (к записи от 21 июля 1927 г.)

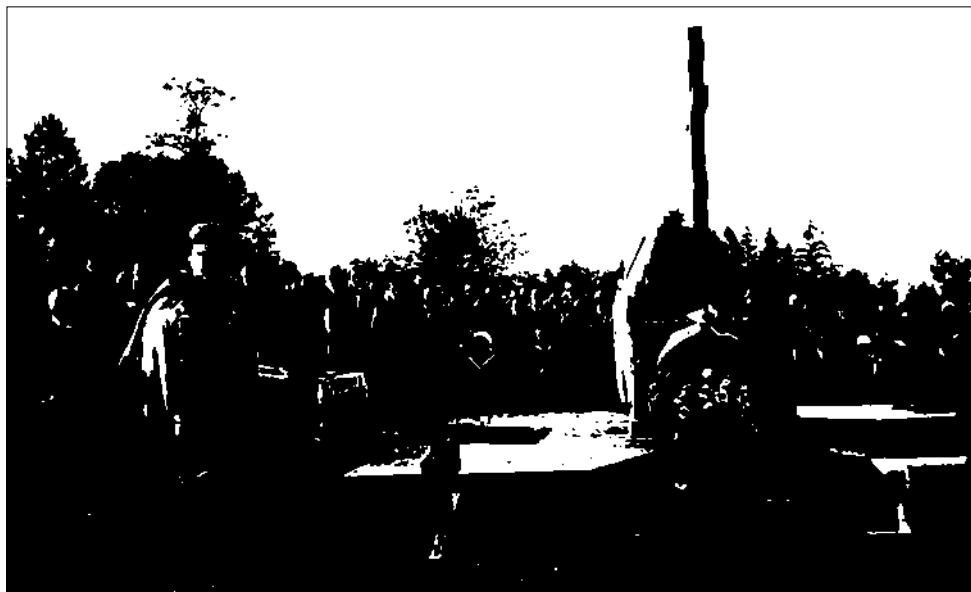

«Мой снимок с ученицами моего класса, где я «старейшина» (сентябрь 1928 г.)

Женская гимназия в Нови-Саде
(фото А.Б. Арсеньева).

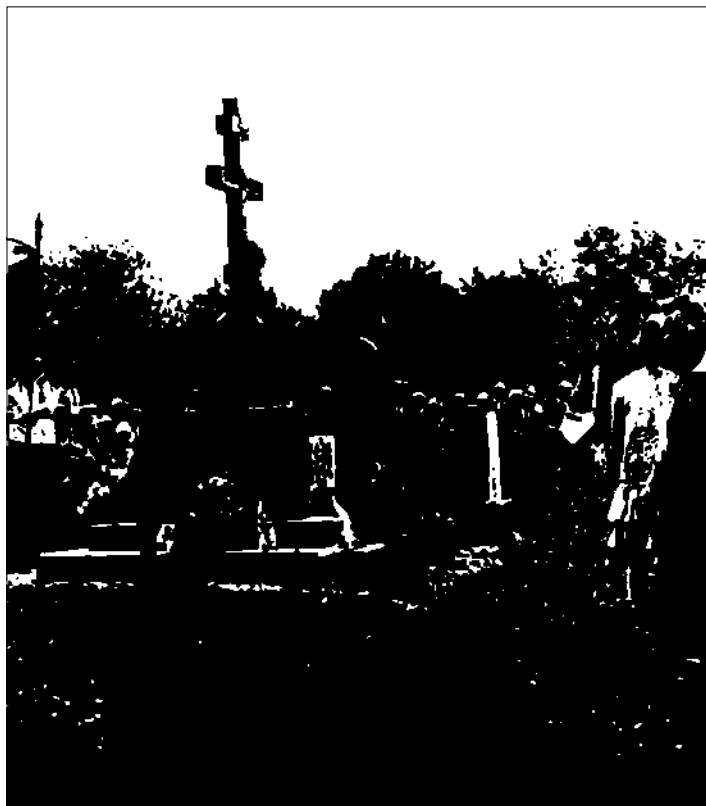

Митрополит Антоний освящает памятник русским военнопленным
в Петроварадине (к записи от 13 октября 1929 г.)

Правление Русской Матицы (Д.В. Скрынченко — 2-й слева)
у памятника русским военнопленным (к записи от 13 октября 1929 г.)

Д.В. Скрынченко
на открытии
памятника русским
военнопленным
(к записи от
13 октября 1929 г.)

Д.В. Скрынченко
на лечении
(к записи от
20 июля 1929 г.)

Фото Д.В. Скрынченко в Югославии в 1931 г.

Фото Д.В. Скрынченко в Югославии.

Хвар (к записи от 17 июля 1932 г.)

Загреб. Собор св. Стефана (к записи от 2 августа 1932 г.)

Митрополит Антоний и архимандрит Феодосий. К записи от 14/27 августа 1932 г.
Фотография из книги А. Арсеньева Русская эмиграция в Сремских Карловцах.
Сремски Карловци. 2008.

Фото Д.В. Скрынченко середины 30-х гг.

РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В НОВИ-САДЕ: М.А. СОЛОВЬЕВ, Д.М. РОТОВ, М.М. СЕРДЮКОВ, В.Ф. ГРИГОРЬЕВ, М.С. ЧЕРНЦОВ. СИДЯТ: М.С. ХИТРОВО, А.А. СЕРДЮКОВА, О. СЕРГИЙ. САМСОНИЕВСКИЙ, Д.В. СКРЫНЧЕНКО. ФОТО 1932 Г. ИЗ КНИГИ «РУССКИЕ В СЕРБИИ». БЕЛГРАД, 2009.

ЖЕНА
Д.В. СКРЫНЧЕНКО
АЛЕКСАНДРА
ИВАНОВНА С
ДОЧЕРЬЮ НИНОЙ
(20-е гг.)

ДОЧЬ Д.В. СКРЫНЧЕНКО МАРИЯ (20-е гг.).

СЫН Д.В. СКРЫНЧЕНКО АНАТОЛИЙ (20-е гг.)

Д.В. Скрынченко с детьми русской школы в Новом Саде в годы войны.

ДОМ В НОВИ-САДЕ, В КОТОРОМ
ЖИЛ Д.В. СКРЫНЧЕНКО ПОСЛЕ
ВОЙНЫ (ФОТО А.Б. АРСЕНЬЕВА).

МОГИЛА Д.В. СКРЫНЧЕНКО
НА УСПЕНСКОМ КЛАДБИЩЕ
В НОВИ-САДЕ
(ФОТО А.Б. АРСЕНЬЕВА).

жет случиться, что меня и арестуют, может случиться, что и газеты напишут обо мне и сфотографируют меня, и в таком случае, значит, разве не лучше, чтобы ты от меня услышала все, а не узнала от публики или из газет.

– Говори, говори, несчастный, – дрожа шепчет жена Милка, а дрожь пронизывает все ее тело, и она покрывается потом, как в бане.

– Это было, Милка, два года тому назад. Ты ушла в баню, а я один остался дома. У нас прислуживала та Юлка, знаешь, та маленькая Юлка...

– И... – сказала Милка и подняла голову.

– И... – смешался Сима, прислуживала маленькая Юлка, а мы оставались одни дома...

– Ну, ну, – вскрикнула Милка, и теперь ей представился Сима весь кровавым, как Джек-потрошитель, и она ужаснулась, глядя на него.

– Постой, прошу тебя, я объясню тебе все, и ты увидишь, что все это одна интрига...

– Но разве малая Юлка была здесь?

– Да.

– А ты был тут?

– Да.

– И вы были одни дома?

– Да.

– Ловко, и какая тут может быть интрига.

– Но постой, прошу тебя, и выслушай меня, и ты убедишься. Интрига – то, что случилось потом. Я, значит, и малая Юлка остались одни. Это может со всяким случиться. А затем, когда ты вернулась из бани, ты эту Юлку прогнала со службы. Хорошо, и это может случиться.

– Прекрасно, а что же есть то, чего не может случиться?

– Вот тут-то и заключается теперь интрига: эта малая Юлка один раз встретила меня на улице, подошла ко мне и говорит: «Что делать, Сима, я забеременела».

– Ох, – пригнулась Милка, схватила стул, чтобы насунуть его на его голову, но вспомнила, что в этот момент он должен идти в Уголовное Отделение, и воздержалась.

– Но верь, Милка, все это лишь интрига, и ничего больше.

– Хорошая интрига, черт бы тебя побрал. Разве ребенок – интрига?

– Верь, что интрига, и я полагаю, что ее подговорили обвинить меня мои враги.

– И за это тебя зовут в Уголовное Отделение?

– Думаю, за это.

– Иди, ступай, там тебе место, подлец, там тебе место. Ступай, и если они тебя не осудят, знай, что я тебя буду судить. Выйдет тебе эта малая Юлка боком!

– Интрига, клянусь Богом!

– Иди, когда тебе говорю, ступай с моих глаз! А оттуда, из Уголовного Отделения, если тебя не закуют в кандалы и не бросят в тюрьму, возвращайся прямо домой. Понял, прямо домой! На этой повестке имеется лишь три строчки, а на моей повестке, запомни это, есть шесть красных строчек.

Симе предстали пред глазами все шесть красных строчек, и он, понуриив голову, поплелся в Уголовное Отделение, а жена выпроводила его до ворот, плюя на него.

И, весь оплеванный и надломленный, Сима отправился в Уголовное Отделение узнать о своей большой ошибке... На пути он представлял себе, как его, с руками, связанными за спиной, а с ним малую Юлку, также с руками, связанными за спиной, го-

нят жандармы по проспекту Теразиям. Затем представлял и оковы на своих ногах и уже было почувствовал их, и ему показалось, что он не умеет в них и шагать как следует. Едва шагая так, он приходит в Уголовное Отделение.

Он недолго ждал перед дверьми, за которыми он скоро услышит свою судьбу. Письмоводитель, который вел следствие о его деле, принял его среди первых и сообщил ему, что по его, Симиной, жалобе, которую он подал в прошлом году, нельзя установить, что у него украл собачку разносчик молока, как утверждалось в жалобе. Поэтому полиция прекращает это дело, а г. Сима, если имеет доказательства, может подать уголовную жалобу.

– И это все, – прошептал Сима.

– Это все, – сказал письмоводитель и предложил ему подписать данное сообщение. Г. Сима вздохнул, с души у него скатилась тяжесть, и, подписав сообщение, твердым шагом отправился домой обрадовать жену и сказать ей, что они напрасно боялись день и ночь.

Отправился, но в пути вспомнил, что в сущности он идет не домой, а только теперь в Уголовное отделение, и начал снова потеть, и снова тяжесть та же появилась на душе.

– И зачем я только рассказал о малой Юлке, – говорил себе Сима и шагал как осужденный, когда его ведут вешать.

Подошел и к дому, но остановился пред дверьми и стал раздумывать, войти или нет. Его родной дом показался ему вроде Управления города Белграда, и он посмотрел вверх ворот, не написано ли там, может быть: «Уголовное отделение». И пока он раздумывает и борется с собой, жена его Милка увидела его через окно, открыла его и, совсем как следователь, крикнула ему оттуда: – Входи!

И он вошел.

Да поможет ему Бог...»

Очень жизненная по своей психологичности картинка и мастерски передана.

10 января. 1933 г. 8 января поехал, а 9 поздно ночью возвратился из Белграда, куда ездил на годичное Общее собрание Русского Педагогического Общества, возглавляемое профессором университета А.П. Доброклонским. Я был избран председателем Собрания и провел его довольно нервно. Дело в том, что секретарь Правления, командующий там всецело, не подготовил и не разработал материала и тем заставил Собрание заниматься ненужной ему работой. Поэтому пришлось обрывать Оберемка. Общее положение русских педагогов, которые не приняты в штат, а особенно педагогов русских учебных заведений, безотраднo, как бесправное, необеспеченное. Выяснилось, что разговоры о «братстве» – пустое занятие. Один Король и небольшая группа сербов-интеллигентов наша опора. Педагоги слабо организованы, плохо вносят членские взносы и совсем не интересуются Обществом. Все это показывает, что такая интеллигенция управлять не может. А как она любит поговорить...

Узнал, что умер и 8 января погребен бывший преподаватель Новосадской женской гимназии, а ранее управляющий московской Синодальной конторой Филипп Петрович Степанов. Умер от уремии. Он был уволен со службы и бедствовал. Перед своей смертью он добился маленькой пенсии в 600 дин.

Был у профессора А. Игнатовского. Он осматривал меня, давил живот, особенно под ложечкой, и нашел, что у меня болит желчный пузырь. Запретил есть даже молоко, а также курить и тем более употреблять спиртные напитки. Приходит старость, приносит ряд болезней.

13 января. Вчера похоронен генерал Кривцов⁵⁷⁵.

14 января. Православный Новый Год. Вчера пришла ко мне С.С. Полетика и очень просила прийти к ним и встретить вместе Новый Год. Я не решился отказать ей, зная ее тяжелое душевное состояние: муж – после операции, дядя умер. Со мной были генерал Хануков, Лисицын⁵⁷⁶, капитан русского Императорского флота, Василевский. Был хороший ужин, даже с шампанским. Я ел лишь прописанное Игнатовским.

16 января. Архиерей Ириней Чирич отличается болезненно развитым самолюбием. Его позвали на елку члены Русско-сербского Благотворительного Общества, но проворонили встретить, он повернул уходить, так что едва успели его уломать остаться. Он служил в русской церковке всенощную и молебен под Новый Год. Зная эту его болезненную черту, наш диакон Решетников, произнося на ектеньи прошение «за *Преосвященнейшего* митрополита Антония», Иринея назвал «*Высокопреосвященнейшим*». Все это смешно. 2 января мы от Приходского Совета (Н.И. Антонов, Харченко, Эрдели, Малахов, Бузинов⁵⁷⁷ и я) ходили его благодарить за службу у нас.

О, суета сует и всяческая суета...

15 февраля 1933 г. Мне больно: вчера директор позвал меня посмотреть книги, полученные гимназией от Просветного Отделения. Был и протоиерей Миливой Йованович; увидав книгу Дюррича «Метеорология», нужную мне для преподавания географии в 5 классе, я сказал, что хочу ее взять. Йованович согласился, директор молчал. С этой книгой и телефонной (я собирался разговаривать по телефону) я вышел, чтобы отнести в шкаф поступившие карты географические. Вдруг слышу крик директора: «Димитрие» (так зовет меня он). Я вошел в канцелярскую комнату; тотчас же подошел ко мне Йованович и стал пересматривать у меня и эту, и телефонную книгу. Он явно боялся, что я взял и унес еще какую-нибудь книгу... Затем книгу Дюррича «Метеорологию» он у меня взял и, ничего не говоря, положил к другим книгам. Я спросил: Разве я не могу взять? – После возьмете, – ответил Йованович, не глядя на меня. Вышло некрасиво и в высшей степени оскорбительно для меня: мне не доверяют книжку, пересматривают книги в моей руке, не стянул ли я какой-либо другой книги... Расстроился я страшно. Не могу успокоиться и сегодня. 13 лет ревностной службы, постоянное участие в разных комиссиях, например, по устройству гимназического вечера теперь, что отняло у меня много хлопот, блюение географического кабинета при условиях, при которых я отвечать не могу (карты выдаются служителем, у которого от них и ключ), а мне не доверяют жалкой книги... О, наша горькая эмигрантская доля...

Сегодня вечер нашей гимназии, а мне так хочется уйти куда-либо от всего и всех...

10 февраля. Вечер гимназии, с которым мне пришлось много повозиться, прошел с большим успехом. Особенно красиво пела ученица VIII класса Зденка Боич, хорватка, дочь униатского священника. Случайно я узнал о ее голосе и привлек к концерту. На вечере произошел инцидент: один молодой человек, говорят – студент, танцевал с нашей ученицей Лейкой Марич, дочерью судьи апелляционного суда. Подошел офицер и стал ее, так сказать, отнимать; слово по слову, и у горячих южных молодых людей полетели пощечины, и именно студент хорошо работал своими длинными руками. Собралась толпа, я хотел их разнять, чтобы они не скандалили наш хороший вечер, и удивляюсь, как и я не получил затрещины. Потом собрались и все офицеры и побежа-

ли бить студента, вышедшего в коридор, избили; вмешалась полиция, но пиджачковая молодежь целиком стала на сторону студента и против офицера, и полиция оказалась бессильной выпроводить молодого студента из зала.

19 февраля 1933 г. Тяжело, – новое горе: по распоряжению министерства просвещения от 10 февраля за № 3154 мне снова, как и в прошлом году, сокращено жалование. До какой степени, значит, мы, русские эмигранты, зажились здесь и не нужны. Магьяр Эндель, моложе меня, получает 5900 дин. в месяц, а я служу более 30 лет... А с В.С. Курочкиным поступили еще ужаснее: от него потребовали, чтобы он отказался от звания «профессора», которое за ним признало само министерство на основании решения главного Просветного Совета, и чтобы назвался «учителем вештина»⁵⁷⁸, и тогда только с ним заключат уговор...

О, Родина-мать, видишь ли, слышишь ли, как бьет нас судьба и какие результаты дает наше российское устремление в прошлом к всеславянству...

Сегодня состоялось грандиозное собрание сербов по поводу стремления словенцев («пиктации» Корошца) и хорватов («Народный клуб» Преки и Шуперины) к разделению Югославии и устройению ее на федеративных началах. Председательствовал сенатор Дака Попович⁵⁷⁹. Манифестация против сепаратистов была исключительной. В конце откуда-то выползли «казаки» Тарана, в белых рубашках, и безголово, прескверно пропели «Гей, славяне».

Было как-то неловко, непрошено: всюду мы суется. Нету у нас организованности, всякий выступает по-своему, и получается то, из-за чего приходится краснеть. Очевидно, «казаки» напросились, а сербам неудобно было отказать.

9 марта. Давно не писал. Тяжелое настроение. Мне опять уменьшили жалование, как и в прошлом году. Вместо 30993 дин. в год я буду теперь получать лишь 27893 дин. 70 пара, т. е. уменьшили на 10%; спрашивал начальника средней школы при Министерстве просвещения, не ошибка ли это; Мирко Балубджич, мой бывший директор, ответил, что не ошибка. Уменьшено в силу нового финансового закона... Магьяры уравниены с сербами и получают большое жалование, а русские, за тот же труд, вдвое меньше...

Вчера Матица Русская устроила лекцию бывшего прокурора Варшавского окружного суда Бориса Робертовича Гершельмана⁵⁸⁰ на тему «Сущность монархической идеи». Говорит красно, но дилетантски. И чего только он не касался в своей полуторачасовой лекции. Я совершенно не удовлетворен. Лекцию я устроил по желанию Н.И. Антонова. После лекции мы пошли в Офицерское русское собрание.

Гершельман рассказывал много интересного, например: как из Варшавы его, в обмен на поляка, отправили в Совдепию на Минск. По прибытии сюда он увидел, что отобранные у него деньги ему не возвращены. Он решил с разрешения польского офицера и с конвойным солдатом идти к начальнику контрразведки, у которого были его деньги, дорогой зашел к графу Чапскому, своему знакомому. Тот вступился за него, и Гершельман был спасен. Другой факт. По Рижскому договору поляков с большевиками, в Данциге, где жил Гершельман полтора года тому назад, здание русского консульства должно было перейти к большевикам. Еще до передачи здания им русские эмигранты добились у данцигских властей того, что двуглавый орел русский с этого здания был передан эмигрантам, которые поставили его на памятнике, сооруженном на могилах русских военнопленных и эмигрантов. Памятник был торжественно освящен в присутствии этих властей. Между тем прибыли большевики и потребовали, чтобы им был

возвращен двуглавый орел. Боясь не получить заказ от большевиков, данцигские власти просили русских уступить им русский герб этот для передачи его большевикам, но получили решительный отказ, и это несмотря на то, что власти предлагали на свой счет произвести снятие герба и отправку памятника. На памятнике были вырезаны слова «жертвам *изгнания*». Большевики потребовали уничтожения и этой надписи. Не получив согласия эмигрантов, данцигские власти сами разбили на памятнике герб, испортили памятник и выбили и уничтожили слова «жертвам изгнания». Русские решили не исправлять памятника, оставив его как памятник унижения России. Между тем бывшие в России немецкие военнопленные решили вместе с русскими отслужить панихиду на могилах умерших и русских, и немцев, и когда подошли к этому исковерканному властями памятнику, стали проявлять негодование против этих властей. Им стало стыдно за это ползание немцев же перед большевиками и за этот варваризм. Русские молчали... В воскресенье 12 марта я буду читать для Матицы русской лекцию на тему «Опасность, о которой меньше всего думают русские: пантуранское движение в России».

11 марта. В Правлении Русской Матицы нашей начались трения, которые неизвестно чем могут кончиться. Дело в том, что казначей Матицы В.Э. Эппле, человек деловой и полезный для нее, в последнее время принял начальнический тон в отношении нового заведующего библиотекой В.В. Гольцева-Богданова, стал делать заказы, игнорируя его, вносить предложения, вроде того, что надо не позволять С.С. Маккавееву и Е.В. Леушиной⁵⁸¹ записывать книги при выдаче и в карточки, обратив их, так сказать, в положение прислуживающих. Конечно, это их возмутило, и с большим трудом мне удалось ликвидировать инцидент, введя все в прежнее русло. Но это вызвало охлаждение между мной и Эппле, а развинченный С.В. Хондажевский стал ко мне просто во враждебное положение. Посмотрим, чем все это кончится, но нужно поставить каждого на свое место.

12 марта 1933 г. Сегодня я прочитал лекцию о пантуранском движении в России. Было около 50 человек. Лекция, как мне говорили, имела несомненный успех. После своей лекции я пошел на собрание легитимистов, где слушал речь К.В. Апухтина⁵⁸², А.А. Мариюшкина⁵⁸³ и генерала Прохорова. Речь Мариюшкина была просто блестящей. Он говорил о грехах нашей интеллигенции перед Родиной и династией.

Сегодня имел тяжелую беседу с В.Э. Эппле. Он обижен, что я поддержал не его, а В.В. Гольцева, и хочет уходить из Правления после сдачи отчета по Матице в начале апреля. Борьба, мелкая борьба самолюбий, нарушение чужих прав. Надоело мне все это. Хондажевский ушел из Правления Русской Матицы, а Эппле, им подстрекаемый, хотя и не ушел, но ведет себя холодно и как-то безразлично к Матице. Мелочи и глупости...

Задумал через Матицу заняться национальным воспитанием казаков и простых русских людей. Агитация среди казаков здесь такова, что они-де не русские люди. Их атаман полковник Петр Иванович Недбаевский⁵⁸⁴ заявил, что он – не русский...

Попробую объяснить казакам, что их обманывают.

20 марта. Было бурное Общее собрание прихода. Регент Григорьев начал кампанию против ктитора Г.Г. Харченко, желая его устранить от церкви. Грустная картина: никакого объединения, никакого благородства по отношению к Харченко, который создал у нас приход.

Как прекрасно писатель Сургучев⁵⁸⁵ передает настроение беженцев: «Главное, — пишет он, — в том, что ничто здешнее не пристало ко мне, и я ни к чему не пристал и пристать не могу: я чужд и этому городу, и этой земле, и этому небу, и даже этим звездам, которые стоят не на тех местах, на которых я знал их когда-то. Я понял (автор стоит около Нотр Дам в Париже), что мне нужно быть сейчас не здесь, а ехать в почтовом поезде из Ростова в Москву, целый час стоять в Воронеже и чувствовать перемену климата: прощайте, тополя, и здравствуйте, березы... Воронеж, Тихон Задонский, сборщицы на монастырь, темно-синие семикопеечные марки, медные пятаки, зеленые трехрублевки, коробки папирос, лапшиновские спички, и, самое главное, — русский вечерний воздух здесь, в Воронеже, на разделе севера и юга, единственный по сладости и очарованию воздух, — вот что мне нужно сейчас, вот без чего я задыхаюсь как в безвоздушном колоколе, вот о чем я тоскую днями и ночами, и не могу доискаться до причин моей болезни и моих вздохов. Пусть будут сном эти пятнадцать лет — я проснусь и услышу: Рязань, Москва, поезд на первый путь. Я не могу здесь больше жить, возле этой реки».

Да, да. Какая правда в этих словах. Я знаю, что Россия и русские теперь так переменялись, так огрубели и оживотнели, что тяжело было бы в ней ко многому приспособиться, и все же возвратиться в родную землю, подышать ее воздухом, прильнуть к ней, ее народу, родным, семье — это было бы несказанным счастьем.

6 апреля 1933 г. На днях директор мне сказал, что он представил меня к награде орденом. Конечно, его не дадут мне, как «Русу», но мне и то приятно, что директор оценил мой труд. По его предложению, мне выражена от лица Наставничкого Совета благодарность за подготовку и успешность концерта нашей гимназии 15 февраля с. г.

30 марта исполнилось 70-летие митрополита Антония. Я послал ему телеграмму от нашей Матицы.

Русские не унимаются в своих наклонностях к скандалчикам. 26 марта было Общее собрание русского прихода. Оно не закончилось благодаря возмутительному поведению регента В. Григорьева, члена Приходского совета. Продолжение было 2 апреля и тоже со скандалами. Григорьев и обманутые им простые люди, преимущественно казаки, захотели бросить церковного старосту Г.Г. Харченко и весь церковный Совет. По церкви во время службы, как утверждает И.Д. Ламзаки⁵⁸⁶ в присутствии А.П. Ханукова, разносились агитационные бюллетени. Церковному старосте поставлено было в вину то, что якобы его отчет неверен. Это заявление рассматривал Приходский совет вместе с ревизкомиссией и Григорьевым. Последний признал, что заявления о неточности отчета неверны, и тем не менее продолжал вызывая себя вести и в Совете 30 марта, и в Общем собрании 2 апреля. В Совете он позволил себе сказать священнику: «Еще неизвестно, кто больше служит Христу и Церкви — Вы или мы». Это так возмутило И.В. Лабинского, что он вскочил и хотел уйти, чтобы не слышать подобных оскорблений для священника. А на собрании он добился того, что ему стали кричать: надо Вас выгнать из церковного совета, как Вас выгнали из Матицы (Деконский⁵⁸⁷), на это Григорьев цинично ответил Деконскому: Матица теперь не Матица, а «библиотечка», т. е., что она представляет собою лишь малую библиотеку и ничем больше не занимается.

А между тем в этой «малой» библиотеке 3500 книг, и Матица по-прежнему устраивает лекции, открывает «народную аудиторию» для казаков и простого люда, содержит *бесплатную* Читальню, и это в наше тяжелое время экономических кризисов...

Собрание окончилось тем, что Харченке выражена через особую депутацию благодарность, а в Совет избраны Бузун и Буланов П.Я., Григорьев же оказался выброшенным, как того и заслужил. От имени хора он подал заявление, что хор больше не будет петь в церкви. И прекрасно. Сегодня под Благовещение в церкви пел на Всенощной хор под управлением казака Тарана...

Мелкие дела и жалкие наши эмигрантские дни и ссоры... Когда же им будет конец...

13 апреля. В этом году Пасха католическая и православная совпадают, поэтому пасхальные каникулы у нас идут вместе – с 13 апреля до 23 апреля.

Толя совсем перестал мне писать вот уже несколько лет. Не написал даже, когда женился. На мой горький упрек по этому поводу Шуруна последняя пишет: «...Ты *со временем поймешь* Толино молчание, – имей в виду, что он тебя любит и всегда интересуется твоими письмами...»

9 апреля наша Матица открыла *народную аудиторию*. После объяснения, почему она открывается, я говорил речь о понятиях «русский», «малоросс», «великоросс», «украинец». Затем ученицы нашей гимназии Таня Гурчина⁵⁸⁸ и Шура Буланова⁵⁸⁹ говорили патриотические стихотворения, а хор «Баян» под управлением С.С. Усова великолепно пропел «Калину», «Метелицу», «Вниз по матушке по Волге». Зал был переполнен; впечатление прекрасное. Меня многие благодарили, да я и сам чувствовал большой успех этого дела. Слава Богу.

17 апреля. Вчера началась Пасха в один день с католической, что является редким совпадением.

Помню, в 1916 году наша Пасха тоже совпадала с католической. Я ездил тогда на фронт близ Черновиц⁵⁹⁰. Фронт молчал, по молчаливому соглашению противников – русских и австрийцев. Лишь австрийские аэропланы высоко веяли над нами. Для нас, приехавших от Киевского учебного округа, с Василием Васильевичем Базилевичем, учителем начальных учебных классов, солдат построили в каре, и мы раздавали им подарки. Помню, слезы душили меня...

Прошло вот уже 18 лет, и я живу в бывшем австрийском городе, как беглец из России. Одно меня утешает, что не народ наш изгнал нас, а международная сволочь, использовавшая русскую революцию и изгнавшая и истребившая русскую интеллигенцию. Не верю, чтобы эта катастрофа могла уничтожить Россию. Воскреснет она после своих страшных мук. Такою же верой исполнен только что появившийся роман известного П.Н. Краснова «Цесаревна»⁵⁹¹ (1709–1762), который я только что прочитал.

14 апреля был в Белграде у доктора-киевлянина Е.Ф. Гарнич-Гарницкого⁵⁹². Он председательствует в Обществе распространения патриотической литературы. Жалуется на раздоры среди русских. Как все это мне знакомо... Он находит у меня большую слабость нервов и мышц и говорит, что мне следовало бы бросить общественную деятельность.

18 апреля. Был у митрополита Антония. Он еще бодро держится, но ноги совсем отказываются ему служить. За ним, как нянька, ходит архимандрит Феодосий, бывший простой солдат. Антоний стал капризен, и это иногда выводит из себя Феодосия. Жена протоиерея Малахова Марья Ивановна вчера рассказывала мне, например, такие случаи комичного характера. Во время какой-то постовой молитвы Антоний и Феодосий

делают земные поклоны. Антоний, как знаток церковного устава, нагнувшись, говорит, при общем молчании церкви, нагнувшемуся Феодосию: делай один поклон, чего ты сгибаешься два раза. Феодосий (лежа на полу): И два, и три, даже четыре сделаю. Это мое дело... Публика улыбается, как ни привыкла она к таким пикировкам этих лиц. Один раз, на великом выходе, при Врангеле, Антоний с Феодосием служили в храме Белой Церкви, и Антоний требовал от Феодосия, чтобы он сказал «благоверного» Государя. Феодосий, раздосадованный публичными замечаниями Антония, обернувшись в алтарных дверях к митрополиту лицом и скрываясь в алтаре, не стерпел и с ворчанием говорит Антонию по-малороссийски: «якого-с там благовірного»... Врангель и публика улыбаются.

25 мая. 14 мая умер артист Н.С. Баранов⁵⁹³, прекрасный русский человек... В Матице нашей напряженность: Эппле злобствует на меня за то, что я предпочел ему новых членов Правления.

21 мая ученицы нашей гимназии сделали сбор на улицах в пользу Матицы. Спасибо им. Собрано 1774 дин. Вчера поездом я уехал в Сремскую Митровицу к П.С. Есаулову, чтобы лучше ознакомиться с условиями открытия филиального отделения библиотеки Матицы. Митровица – симпатичный город, в зелени. Есауловы довольны. Вера Васильевна исхудала. Можно опасаться, что у нее рак, а в лучшем случае – воспаление желчного пузыря.

Позавчера наша гимназия получила циркуляр министерства просвещения, по которому русским контрактальным наставникам снова уменьшают жалованье и притом в невероятной степени: на 20%. Это сильно ударит меня. С апреля мне уменьшили в месяц на 265 дин., а с июня уменьшается на 464 дин., т. е. в месячный промежуток на 709 дин. Страшно подумать, как я теперь буду помогать моим страдальцам в Киеве... О, русское горе-горюшко...

Ради видимой справедливости, конечно, следовало бы уменьшить жалованье и югославянским чиновникам штатным, но этого нет. Положение русских контрактальных служащих становится все хуже и хуже.

24 июня. После напряженных дней кончилась, наконец, «великая матура» в нашей гимназии. Инспектором был профессор университета Душан Попович⁵⁹⁴, очень сдержанный и хитрый человек, большой выдержки и любезности, в нем видна австрийская школа. Людей австрийского воспитания я научился сразу узнавать: австрийский империализм на всякого накладывал свою печать.

21 мая закончились курсы наши по русской истории и русскому языку для русских детей, которые вели я и Алексан. А. Сердюкова; прилагаю отчет о них, который мы представили Председателю русской колонии Г.Г. Харченко.

Господину

Председателю Русской колонии в Новом Саде Г.Г. Харченко.

Милостивый Государь Геронтий Гаврилович.

Честь имеем представить при сем *отчет* о Курсах русского языка и русской истории, устроенных правлением колонии.

Названные курсы открыты были Председателем Колонии д-ром Г.Г. Харченко 4 декабря 1932 г. после молебна, совершенного о. Нилом Малаховым, в Николаевской основной школе.

После речи г. Председателя колонии преподавательница женской югославянской гимназии А.А. Сердюкова обратилась к русским детям с речью, в которой указала на

необходимость изучения родного языка, особенно в настоящих условиях эмигрантской жизни.

Затем преподаватель той же гимназии Д.В. Скрынченко провел первый урок по следующему плану: пространство России до революции и после; сколько и что потеряла Россия; кто населял русскую территорию в Европе в прошлом. О славянской прародине и русских славянах.

11 дек. 1932 г. Русский язык: русский язык Тургенева.

11 дек. 1932 г. Русская история: география русской территории; ее равнинность – Лес и Поле, континентальность, отсутствие камня; влияние природы на характер восточных славян, их религия, быт, имя, первые князья – Рюрик и Олег; соседи славян.

18 дек. 1932 г. Русский язык: происхождение русского языка.

18 дек. 1932 г. Русская история: греческие колонии на берегу Черного моря. Русские князья до Владимира Святого.

25 дек. Русский язык: народные песни.

25 дек. Русская история: Владимир Святой, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах; образование других государственных русских центров; упадок Киева.

1 янв. 1933 г. Русская история: упадок Киевской Руси; усиление других государственных центров – Галиции и Литвы: Миндовг, Гедемин, Ольгерд.

15 янв. 1933 г. Русский язык: народные сказки – чтение, разбор, переложение.

15 янв. 1933 г. Русская история: татарское нашествие и его значение для русского народа. Повторение пройденного.

22 янв. 1933 г. Русский язык: история русской азбуки, сравнение с сербским алфавитом.

22 янв. 1933 г. Русская история: враги русского народа: шведы, немцы, татары. Александр Невский и его дети. Основание Московского княжества. Юрий и Иван Данилович Калита.

29 янв. 1933 г. Русский язык: слова на «ять». Былины.

29 янв. 1933 г. Русская история: еще об основании Московского государства. Собирающие Руси. Симеон Гордый. Дмитрий Донской; Куликовская битва.

5 февр. Русский язык: духовные стихи. Калики, скomorохи, сказители.

5 февр. Русская история: Василий I, Василий II, Иван III Васильевич.

12 февр. Русский язык: Слово о полку Игореве, чтение и объяснение.

12 февр. Русская история: Василий III. Детство и первые годы царствования Ивана Грозного.

19 февр. Русский язык: правописание, аканье. Литература: древнерусская письменность.

19 февр. Русская история: Иван Грозный: внутреннее и внешнее положение России.

26 февр. Русская история: Иван Грозный: опричина; завоевание Казани, Астрахани, Сибири. Дети Грозного.

5 марта. Русский язык: древнерусская письменность. Повторение устной словесности.

5 марта. Русская история: Федор Иоаннович. Правление Бориса Годунова. Учреждение Патриаршества. Убиение царевича Дмитрия. Прикрепление крестьян.

12 марта. Русский язык: упражнения в правописании.

12 марта. Русская история: Борис Годунов как царь: закрепление Сибири за Москвой. Подозрительность и террор Годунова. Недовольство народа и особенно

бояр. Появление самозванца. Царь Шуйский и его падение.

19 марта. Русский язык: повторение древнерусской письменности.

19 марта. Семибоярщина, смута, ополчения. Первый Романов.

26 марта. Русский язык: Ломоносов. Петровская эпоха.

26 марта. Русская история: царствование Алексея Михайловича: медный бунт, Соборное уложение, Стенька Разин. Образование казачества.

2 апреля. Русский язык: Державин, оды, чтение и разбор.

2 апреля. Русская история: положение православного русского населения в Польше, братства, Брестская уния, казачество, Запорожская Сечь. Восстания: Подковы, Коссинского, Наливайки, Павлюка, Тараса Трасилы, Острияницы, Гулака Артема.

23 апр. Русский язык: Фон-Визин. Недоросль, чтение.

30 апр. Русский язык: повторение о XVIII в.

30 апр. Русская история: войны Алексея Михайловича за Малороссию. Малороссийский вопрос при Федоре Алексеевиче. Местничество.

7 мая. Русский язык: письменная работа.

7 мая. Русская история: Петр I, воспитание и борьба с царевной Софьей, церковный вопрос. Борьба за Азовское и Балтийское моря. Прутский поход.

14 мая. Русский язык: беседа о Древней Руси и ее литературе.

14 мая. Русская история: Великая Северная война. Неудачи и успехи Петра I. Мазепа. Полтава. Прутский поход.

Сообщая о предложенных русским детям курсах из русского языка и истории, нижеподписавшиеся преподаватели не могут не подчеркнуть следующего: дети посещали курсы не совсем аккуратно; средняя посещаемость была – 15 учеников. В значительной степени затрудняло преподавание то обстоятельство, что дети были разного возраста и разного развития; нужно было подыскивать язык, который был бы доступен всем. Что приковывало внимание детей 14–15-летнего возраста, то лишь скользнуло по сознанию 10-летних детей. Но и при всем том нельзя не признать, что курсы имели значение и оказали несомненную пользу для национально-культурного развития русских детей.

Преподаватели:

Д. Скрынченко

А. Сердюкова

Новый Сад, Королевство Югославия

30 мая 1933 года.

Необязательность этих предметов и устройство лекций только по воскресным утренникам отразились плохо на интересе детей к родным заданиям. Посещаемость лекций сильно упала, особенно после Пасхи, когда дети заняты своими прямыми школьными обязанностями. Надо выхлопотать перед властями то, что имеют вероучители разных исповеданий, т. е. *обязательность* этих предметов. В противном случае успехов серьезных трудно ожидать.

Прилагаю при сем копию интересного документа – распоряжение Правления Общества русских офицеров Генерального Штаба о том, чтобы они прекратили участие в требовании о погребении останков Государя Николая II и членов его семьи. Останки эти хранятся где-то в Париже, В. Маклаков почему-то считает себя призванным держать останки скрытно от русского общества, неизвестно для него и, может быть, в ненадежном месте. Какая-то тайная рука нависла над русской жизнью даже в эмиграции и все так устраивает, чтобы унижать наше национальное самолюбие и попирали наши святыни...

1. Циркулярное предписание начальника IV Отдела Р. Об.-Воин. Союза Председателям Обществ и Начальникам частей и групп, 21 марта с.г. № 80.

В настоящее время в Белграде и провинции распространяется (пропущено слово, очевидно, «обращение»), в коем всем русским людям предлагается присоединить подписи к ходатайству о предании христианскому погребению *останков Царя Мученика и Его Августейшей Семьи*.

Предлагаю всем председателям офицерских обществ и начальникам частей и групп поставить в известность подчиненных чинов о моем предложении *воздержаться* от присоединения подписей к упомянутым обращениям по следующим мотивам:

1. Вопрос этот столь важен по своему содержанию, что за все долгие истекшие годы он не мог пройти *незамеченным* нашим командованием, которое, следовательно, имеет *вполне основательные причины* не прибегать к решению, предлагаемому «обращением».

2. Чины Р. О. В.Союза *не должны давать* свои подписи в одиночном порядке и тем демонстрировать *в столь серьезном* вопросе отсутствие солидарности. Дача подписей возможна только с ведома и одобрения нашего командования.

3. *Мы совершенно не осведомлены*, а потому и не можем что-либо категорически утверждать, *по вопросу хранения*, а равно установления *подлинности останков* Царственных мучеников.

4. Наличие эмиграции в Югославии, исчисляемой в 25–30 тысяч человек, не вправе разрешить вопрос, существенный для всей русской эмиграции, исчисляемой *в миллионах*.

Вместе с тем довожу до сведения, что 16 сего марта я имел свидание с заместителем председателя Общества памяти императора Николая II генералом от инфантерии Флугом⁵⁹⁶, который обещал дать и мне, и для печати соответствующее разъяснение.

Сообщая изложенное для руководства, предлагаю всем гг. председателям и начальникам возможно более широко оповестить всех членов по содержанию сего.

(Штампано у Канцеларији Удружења руских ђенерал шт. официра,
ул. Краља Милана 12 у авлији).

При всех затруднениях, которые кем-то чинятся, мне в моей культурной работе для русской эмиграции Матица Русская показывает несомненные успехи, и это меня радует и служит великим утешением. Хоть это я могу показать перед Родиной, когда она потребует от нас отчета в том, чем мы занимались в эмиграции; мы не только грызлись между собой, но и ЕЕ, любимую, никогда не забывали и делали для НЕЕ что могли. А если что-либо было не так, пусть Она, великодушная и великая, простит нас и оправдает. Я не понимаю, почему на нас смотрят здесь как на излишний груз и сильно бьют по самолюбию и... карману, постоянно уменьшая нам жалованье.

6 июля 1933 г. После окончания учебного года 28 июня мне пришлось много повозиться с устройством спектакля Дуван-Торцова⁵⁹⁷ «Свадьба Кречинского», и я, и без того переутомленный, совсем переутомил себя.

5 июля утром выехал в Врнячку Баню, в Белграде пробыл день, познакомился с бывшим регентом хора Врангеля Сергеем Васильевичем Гурьевым, который в России был самарским адвокатом. Теперь он много пьет и постепенно опускается на дно. В 10 часов вечера выехал и прибыл в Баню в 6 часов 47 м. утра, остановился на вилле «Блед», принадлежащей русскому армянину-инженеру Карагьянцу, где управляет

жена русского доктора Елена Александровна Чернозубова. За комнату, снятую для меня А.П. Хануковым, плачу 10 дин., а с обедом как-либо устроюсь на хозяйственных началах. Воду из теплого источника начал пить с 50 грамм. В Бане в инвалидном доме живут – М.В. Борисова, Полтавцева, Н.А. Боборыкин и много других русских.

6 июля. Д-р Сергиевский⁵⁹⁸ прописал мне пользоваться минеральной водой так: утром 50 грамм и через полчаса 50 г, в 11 час. 100 г из холодного источника, в 4 часа дня 5 г из теплого источника, купанье в теплой минеральной воде через день.

Живу на вилле «Блед», за комнату в день – 10 дин. Тут живут и Курочкины.

8 июля. Виделся с профессором М.П. Чубинским. Он говорил, между прочим, что мир живет в веке иррациональности и потому трудно предугадать, что будет с Россией. Винит Францию в плохой политике, видит в гитлеризме стремление немцев вернуть себе самосознание, которое было до 1918 г., т. е. что немцы – высший народ в мире. С СССР Германия не порвет, потому что там немецкие военные заводы. Говорил далее, что новый ректор Белградского университета А.И. Белич – из иудеев, о чем говорят уже одни его уши, что положение русских здесь еще ухудшится, что русские много сделали для культуры: русские разработали план переустройства Белграда, создали науку славянского права и т. д., но сербы это замалчивают и просто приписывают себе.

12 июля. Идут дожди, холодно; чувствую себя плохо, какое-то давление на мочевой пузырь, и моча как-то странно идет.

15 июля. Боли продолжают, но уже чувствую себя лучше. Прочитал Анольдова «Китай, как он есть»⁵⁹⁹, и начал читать «Историю украинского народа» Ефименки⁶⁰⁰.

Познакомился с «генеральшей», как ее зовут здесь, Габриэлью Альфонсовной Грек. Она презирает одинаково и сербов и русских, живя по-царски на русских хлебах. Познакомился с Антониной Порфирьевной Маньковской, женой покойного нашего черноморского адмирала. Теперь она – сестра милосердия. Она – двоюродная племянница И.С. Тургенева, сестра ее Галахова живет в Дубровнике.

В Шибенике, по случаю пребывания английской эскадры в водах города, пригласил к себе на ужин английских офицеров и сказал им следующую речь: «Югославия отстала от западных народов в материальной культуре, ибо ее прошлое было тяжело, но она не отстала в понятиях чести, личности, гордости, речи и дружбы. Жизнь и все, что имеем, мы даем за все, но личности своей не отдадим ни за что. Иметь югославян друзьями значит иметь действительных, истинных и верных друзей. Это по опыту знают все, которые являются нашими друзьями или были ими...» Замечателен этот тон твердости и самонадеянности, которого у нас никогда не было. Мы сами издевались над собой: «да что уж... куда уж нам, с нашим рылом...» «Политика» (5-VII) сообщает, что повесился преподаватель гимназии в Винковцах Николай Вережников, угнетенный изменой жены и тем, что начал слепнуть.

17 июля. Учитель гражданской школы в Бачской Паланке Павел Сысоевич Харитонович рассказывал мне, что преподаватель Кузмин, вследствие того, что ему, вопреки контракту, уменьшили жалованье, предъявил иск к государству в Окружной суд и был уволен от службы по телеграфу.

19 июля. Прибыл 17 июля директор с семьей, Стефан Маргетич. Приехал и И.А. Могилевский, сын Лины Витальевны, редакторши «Киевлянина». Он говорил, что у них

живет первая жена В.В. Шульгина Е. Г-на, писавшая в газете под псевдонимом «Алексей Ежов», и что Лина Витальевна не любит вторую жену брата своего – Василия Витальевича. Л.В. купила в Белграде дом на ул. Воеводы Миленка №28 за 900 000 дин., четырехэтажный. Второй этаж взят для себя, остальные – под сдачу. Что профессор Антон Дм. Билимович построил дом за 300 000 дин. Что их гувернантка, швейцарская француженка «Зикока», умерла от рака в Панчевском госпитале. Что сотрудник А-р Гр. Москвич оказался провокатором, а А.И. Савенко беспринципным и предательским человеком.

20 июля. Был опять Могилевский. Много рассказывал о прошлом своей семьи и «Киевлянина». Между прочим, А.И. Савенко, ввиду расхождения с Д.И. Пихно по делу Бейлиса, стал сотрудничать в «Новом Времени», причем распустил молву, что «Киевлянин» проданся евреям, которые построили Шульгиным сахарный завод, между тем завод, на паях, построили Пихно, Шульгины и родственники их, завод этот разрушили бежавшие с фронта во время революции солдаты. Этим имением управляет поляк Каминский, женатый на сестре Билимовичей. Ему предусмотрительно дала доверенность на управление имением Лина Витальевна еще в 1919 г., во время бегства из Киева, в Одессе. Луцкий окружной суд был разрушен большевиками. Каминский, войдя в здание суда, увидел валявшийся на полу истоптанный документ на это имение и им утвердил Лину Витальевну на право владения в Польше этой землей. Другое красивое имение было в Овручском уезде на Горыни, сюда принадлежала и знаменитая Гоща князей Острожских. Это имение секвестрировано польским правительством.

21 июля. В Белой Церкви бросился под поезд и перерезан русский эмигрант Г. Нетребенко.

Бывший министр, основатель национальной партии теперь, Николай Узунович сказал в речи: «Наш благородный и великий народ, другого такого нет в мире».

22 июля. После принятия минеральной ванны и теплой воды я и директор Стефан Маргетич в 6 с половиной часов утра отправились на станцию, чтобы ехать в монастырь Любостыню. Без четверти в 9 часов вышли из Трстеника к монастырю.

Трстеник – довольно хороший уездный городок, с новенькими домиками, бетонными тротуарами. До монастыря шли 50 мин., пробыли почти до 11 часов, когда отправились назад. Игумен – чистенький, с белым целлулоидным воротничком, молодой, угостил нас черным кофе и объяснил нам древности монастыря. Последний построен, вероятно, в 1390–1395 гг., сейчас же после Косовской битвы с турками в 1389 г. женой убитого короля Лазаря Милицей. Конструкция монастыря красива, стены наряду с узкими окнами имеют и окна в виде католических розеток. При входе в притвор налево находится гробница царицы Милицы, а против нее – ее подруги, жены Угळेши. На внутренней стороне входной стены – фрески Лазаря и Милицы и др., а на порожке при входе в главный корабль храма имя архитектора – «протомайстора». На 4-х колоннах этого корабля фрески святого Саввы, святого Симеона (отца его), Иоанна Дамаскина, Ефрема Сирина, Феодора Студита. Фрески всюду в дефектном виде: турки повыкололи глаза. В правом углу корабля – гробница Угळेши, сына Влатка (не упомянутого мной Угळेши). Интересен бордюр около дверей и на колонках с внешней стороны храма. Колонки представляют собою измененный коринфский стиль.

Общее впечатление от монастыря – светлое, приятное. Хорош стиль, живописна кругом природа, и я очень рад, что посетил этот один из лучших памятников сербской

старины. Прогулка в монастырь меня утомила: жара, да и действие минеральной воды сказывается. Директор и во время прогулки – приятный, простой человек.

Около 2-х часов я уже обедал в обычном для меня месте – у некоей Екатерины Фроловны (вилла Мики Миковича). Тут обедают и афонский монах Николай из Ильинского скита. По его словам, греки не пускают новых русских, а старые монахи наши вымирают...

23 июля. Сегодня директор Стефан Маргетич с семьей и я сделали прекрасную экскурсию на автомобиле в Матарушку Баню и монастырь Жичу, место коронования сербских королей. В сернисто-щелочной бане в Матаругах мы осмотрели ванны. Ванны роскошны, мраморные, курорт ласкающий, на берегу р. Ибра, под горой «Стол». Ехали через Кралево, по бокам прекрасного шоссе хорошие, уютные домики крестьян, втянутые в сады. Все утопает в зелени. О такой зажиточности, красоте, культурности не имел понятия наш крестьянин. Монастырь Жича почти восстановлен. Отчасти сохранившиеся фрески свидетельствуют о славном прошлом сербского народа. Купил фотографию фресок Успения Божьей Матери, которую здесь налепливаю; в лавочке у русского купил за 5 дин. кристаллизованный самородок из цинка, угля и стекла, найденный на горе Столах. Возвратились в Врнячкую Баню в 6 с половиной часов вечера.

27 июля. Сегодня возвратился в Новый Сад через Белград.

29 июля. Инженер Кадесников⁶⁰¹ организовал здесь русский «Сокол», но начал он, под влиянием Хондажевского и Эппле, с того, что не пригласил меня как представителя Матицы на совещание. Но это не важно, лишь бы развивалось это прекрасное дело. Старостой избран генерал В.М. Ткачев, помощником его Эппле, заведующим просветительным отделением Хондажевский, членами правления – Буссов⁶⁰², д-р Пожариский, Бузун, секретарем – Кадесников, казначеем – Козловский⁶⁰³.

4 августа. Вчера состоялось многояднейшее Общее собрание нашей колонии для избрания правления. Группа В.Ф. Григорьева, Дьяченко выставила свой список против Харченко с назначенным председателем колонии полковником А.Н. Сорочинским. Группа провалилась, но все же имела значительный успех: список Сорочинского собрал 120 голосов, Харченко – 183 голоса.

Думаю ночью проехать к А.В. Стороженко, живущему под Смедеревом.

16 августа. 5 июля прибыл в Сремскую Митровицу к П.С. Есаулову, где и пробыв до 10 августа. Живут Есауловы скромно, но все есть у них, и я хорошо отдохнул. Были в гостях у Курсель, Непокойчицких. У последних читали Наживина послесловие к роману «Лилии Антиноя»⁶⁰⁴. Точка зрения автора с резкой критикой русской эмиграции и царя Николая II некоторым не понравилась, и тем не менее голосованием единогласно решено, что такая книга должна быть в нашей библиотеке. Вл. Сам. Свинарский⁶⁰⁵, у которого находится наша библиотека, сообщил мне некоторые интересные факты, например: когда он был управляющим Варшавского градоначальства, случилось следующее. В Саксонском саду г. Варшавы, около которого жил генерал Пузыревский, гуляла с гувернанткой его дочка и бросала мячик, мячик укатился в кусты, в это время один польский мальчик, из шутки, схватил мячик и забросил его дальше; девочка заплакала, что видел смотревший из окна генерал Пузыревский. Он послал жандарма, мальчика арестовали и отправили в полицейскую часть... Вечером, будучи в театре,

Свинарский увидел такую картину: перед ложей генерал-губернатора И.В. Гурко оживленно разговаривают с какой-то озабоченностью Гурко и Пузыревский. Последний затем вызвал к себе Свинарского и послал его в полицию разузнать всю историю с этим мальчиком, которому он приказал, по распоряжению генерал-губернатора, всыпать 25 розог. Свинарский сразу же выяснил, что вся эта история – детская шалость, тем не менее должен был явиться на следующее утро для экзекуции над мальчиком. Предварительно он позвал врача узнать, может ли мальчик выдержать экзекуцию. Врач-еврей сказал, что легкую может, тогда Свинарский, скрепя сердце, приказал жандарму приступить к порке. Старик жандарм, захватив мальчика ногами своими за шею, начал делать вид, что бьет мальчика, последний извивался и наконец вырвался у старика, который успел дать лишь 12 розог. Для экзекуторов явился вопрос, что же делать дальше, ибо приказание о 25 розгах не было выполнено, а мальчик убежал. Когда они рассуждали об этом с жандармом (надо заметить, что Свинарский вызвал и воспитателя мальчика-сироты, мясника, для присутствия при экзекуции), явился от генерал-губернатора чиновник, кажется, Димитревский, узнать, выполнена ли экзекуция. Во время их совещания по поводу неточного ее выполнения мясник выбежал на улицу, нашел мальчика, привел его и сам, схватив розги, стал немилосердно бить его... Его едва ли оторвали от несчастного мальчика. «Ну, что... довольны Вы теперь?» – сказал разъяренный поляк... Вот такое управление необычайно раздражало поляков и вызвало к нам страшную ненависть.

О моральном уровне эмиграции свидетельствуют следующие рассказанные Свинарским факты: жена полковника, бросив мужа в России, эмигрировала с любовником из России. На пароходе познакомилась с офицером и отдалась ему. Так втроем они прибыли в Митровицу, сняли комнату с кухней; первый любовник жил с ней в комнате, второй, некогда блестящий кавалерийский офицер, в кухне. Наконец, первый любовник женится на девице русской, потом ее бросает и снова возвращается к любовнице, и теперь уже живет на кухне, а его место в комнате занимает второй любовник... Последний, кстати сказать, нигде не работает, и второй любовник, как хороший музыкант, содержит и любовницу, и второго любовника...

Еще: жена офицера, бросив мужа, с взрослой (лет 14) дочерью и любовником уезжает на Кавказ. Проходит время, дочь стала девицей, любовник, поссорившись с любовницей, уезжает в Новороссийск. Там получает письмо, что дочка любовницы, поступив в банк, сделалась любовной жертвой директора и должна родить. Любовник едет к девице этой и, чтобы спасти ее от срама, женится на ней. Между тем оказалось, что никакого ребенка у девицы не было, это был обман, девица вообще пошла по рукам. Вся эта тройка эвакуировалась в Сремскую Митровицу, где сняли комнату с кухней. Ночью один лишь полог разделял новобрачных, и мать мучилась муками ревности и устраивала страшные сцены. Поссорившись с женой, бывший любовник перебрался за полог к первой любовнице-матери... А после молодая жена сошлась с кем-то и ушла из этой квартиры. Любовники, между тем, поступили в одно учебное заведение, причем он преподавал рисование, а она – французский язык или, кажется, рукоделие. Любовник тем временем завел другие шашни, и любовница стала страшно ревновать. Кончилось тем, что любовник ушел от нее. Тогда в гневе и от ревности она написала в Министерство просвещения донос о любовных похождениях своего милого, и его уволили...

С 10 по 13 августа прожил в винограднике под Смедеревом у А.В. Стороженка. Виноградник принадлежит его сыну Владимиру Андреевичу и жене его Елиз. Фед-не, имеющим большой дом в Белграде на Далматинской улице № 53. О многом мы беседо-

вали с Андреем Владимировичем. Интересный это старик и мудрец, ему исполнилось 76 лет. Он ненавидит украинство. Из его записной книжечки я переписал, между прочим, следующую интересную заметку:

Агафангел Крымский⁶⁰⁶ – профессор Лазаревского Института восточных языков по кафедре арабского языка в Москве, знаток Корана, родом из Киевской губернии. Во время революции он стал украинцем и членом Украинской Академии Наук.

Кирилл Студинский ездил из Львова в Киев на заседание Академии Наук, созданное для выбора президиума. Студинский жалуется на засилье русского духа: две трети присутствовавших 36-ти академиков – русские ученые. Русский язык слышался на каждом шагу. В выборах участвовало 7 членов Наркомпроса с комиссаром Н. Скрыпником во главе: 36 академиков плюс 7 членов, всего 43 голоса. Президентом избран бактериолог и эпидемиолог Д.К. Заболотный большинством 39 против 4 голосов. Этим выбором Академия обязана Наркомпросу, который отстаивал украинский характер ее, заботливо охраняет от «зазихан» (посягательств) русских ученых, иначе бы взяли верх «интриги» русских ученых и в президенты попал бы русский. Вице-президентом избран «неясный» украинец И.Г. Воблый 29 против 14 голосов, а бессменным секретарем – Агафангел Крымский – 25 против 18 голосов.

Русские ученые выступали недвусмысленно против Наркомпроса. Студинский по своей глупости не понимает сущности Советской власти и думает, что она отстаивает украинизацию Академии. Тогда как ей нужно только советизировать Академию в Киеве, как она советизирует Всесоюзную Академию в Петербурге, стремясь насадить в ней марксистскую научную мысль. Советской власти нужны в президиуме свои люди; их-то она проводит. В особенности предан Соввласти Крымский. В день празднования 10-летия Красной Армии он сказал в речи: «От имени Академии Наук могу сказать следующее: все настоящее и будущее Академии Наук Украинской связано с советской властью и с ее могучей опорой – Красной Армией. Для меня 10-летие Красной Армии является особенно великим праздником. Я с глубокой надеждой ожидал прихода красных войск, и когда в 1919 году советские войска изгнали из Киева деникинских разбойников, я на первом заседании Академии Наук сказал: „Мне хотелось бы не только бросить цветы под ноги коням, но сделать так, как делают в Индии: *самому лечь и чтобы по мне проехала колесница победителя*“...»

Далее А.В. Стороженко сказал мне, что мать папы римского Пия XI, имевшего фамилию Ритти, – голландская жидовка Липман, что известный духовный писатель моей молодости Е. Поселянин (он же Евг. Ник. Погожев)⁶⁰⁷, помогавший жить разведенной жене Николая Владимировича Стороженка, расстрелян в 1932 г. Столько лет не трогали, а потом все-таки расстреляли...

Интересен рассказ Андрея Владимировича о страшной судьбе сына покойного профессора Московской Духовной Академии Муретова⁶⁰⁸, тоже выдающегося ученого Петроградского университета. Он получил в наследство небольшой уголок, красивый очень, в Полтавской губернии. Во время смуты он отправил свою жену с детьми в это имение, а сам отправился туда позже. Под праздник, кажется, пророка Илии, жена с матерью пошла в ближайшую сельскую церковь ко всенощной, а в это время в их дом кто-то постучался. Ничего не ожидавший Муретов отворил дверь, но тотчас же пал от выстрелов одной украинской шайки. Она ничего в доме не взяла, она пришла лишь убить «кацапа». Можно себе представить состояние возвратившейся жены его и матери. Последняя тут же скончалась, а судьба дочери была такова: за ней пришли украинцы, чтобы взять ее для какого-то допроса, и повели ее силой, она все время протестовала дорогой, и тогда ее пристрелили... А что случилось с детьми, знает один Бог.

18 августа. Наш директор Стефан Маргетич очень убит тем, что его переводят в Просветное отделение, а на его место назначают д-ра Летича. Последний – крайне не-симпатичная фигура, и я очень расстроен всей этой комбинацией. Мирко Балубджич, начальник средней школы, мстит Маргетичу за какую-то мелочь.

Из Киева Шуруна пишет, что они очень нуждаются и что она хочет продать обручальное кольцо, но дети просят ее этого не делать... А я теперь почти не в состоянии помогать им после того, как мне уменьшили жалование с 1 апреля на 10% и с 1 июня еще на 20%. Я просил Мирка Балубджича устранить эту неправду, тем более что такое уменьшение жалования коснулось лишь преподавателей дунайской бановины, но Министерство просвещения распорядилось вернуть эти 20% лишь преподавателям – французским подданным...

19 августа. Перепечатаваю выдержку из интересного письма А.В. Стороженка от 22 июля с. г.: «Михаил Павлович Чубинский (профессор университета в Субботице, о разговоре с которым в Врнячкой бане я писал Андрею Владимировичу), конечно, лучше нас с Вами осведомлен о „тайных силах“, вмешивающихся в направление судеб несчастной России. Ведь он – масон. Об этом можно найти справку в брошюре Н. Свиткова: „Масонство в русской эмиграции“ (к 1 января 1932 г.), составлено на основании документов масонских, Париж 1932 г. Зачем вспоминать времена Деникина и Колчака. Смотрите сейчас, когда Советской власти начало серьезно угрожать падение после позорного провала „пятилетки“, как ее со всех сторон бросились поддерживать „пактами“.

Самый обыкновенный иудей Меер-Енох Валлах (он же Финкельштейн и Литвинов) сделался героем дня и даже состоит кандидатом на получение Нобелевской премии за миротворчество. Единоплеменник Валлаха, бежавший с советской дипломатической службы, Беседовский говорит в своих воспоминаниях, что Валлах – по натуре – „типичный умный мелкий лавочник из *еврейского предместья* Варшавы“, чрезвычайно грубый в обращении с людьми и невероятно скаредный. Казалось, чего возиться с таким типом. А между тем почитайте, как о нем пишут в газетах: „Глава советской делегации Литвинов выехал сегодня (5-VII) днем из Лондона в Париж“, „Литвинов принял официальное приглашение французского правительства и будет его гостем во время своего пребывания в Париже“, „Литвинов... был принят министром иностранных дел Поль Бонкуром⁶⁰⁹. Свидание продолжалось 45 минут... Поль Бонкур *поздравил* народного комиссара иностранных дел СССР с успешным выполнением взятой им на себя миссии – подготовить заключение договора об определении нападающей стороны... Французский министр иностранных дел *поздравил* также Литвинова с успешным ведением переговоров в Лондоне. Из министерства иностранных дел Литвинов *проследовал* к председателю совета министров Даладьё. Он имел с ним долгую беседу, при которой присутствовал Довгалеvский“ (тоже иудей, которого Беседовский характеризует как человека крайне ограниченного, с трудом усваивающего каждую новую для него мысль)...

Парижская печать считает, что Литвинов „сделал *ценный вклад* в дело умиротворения Европы...“ И т. д. Прямо тошно читать весь этот вздор. А почему Мееру-Еноху Моисеевичу так везет за границей? Потому что он масон, и сила масонства за него работает. „Английский премьер Макдональд⁶¹⁰ *отказался подать руку* Литвинову, который бежал за ним по лестнице. Макдональд тогда резко обернулся и *отпустил по адресу* Литвинова *крепкое словцо*. Но спустя несколько дней все переменялось, и

настала великая дружба". В чем дело? Да просто Макдональд по масонской линии получил приказ изменить свое отношение к Литвинову и должен был подчиниться. При таких условиях, конечно, нельзя угадать, что будет завтра, какая участь уготовлена несчастной России.

Кстати, сообщу вам некоторые сведения из семейной хроники Чубинских, моих ближайших земляков. Может быть, они Вам на что-нибудь пригодятся. Отец профессора Михаила Павловича, Павел Платонович Чубинский, был одним из крупных украинофилов восьмьсот шестидесятых годов. Он сотрудничал в журнале „Основа“, издававшемся в 1861/62 гг. в Петербурге сгруппировавшимися там украинофилами. Помещал там свои стихи за подписью „Павлусь“. Им, между прочим, сочинен украинский гимн: „Ще не вмерла Украина“ по образцу польского: „Еще Польша не згинела“. Он „ходил в народ“ в мужицкой одежде и вел нелегальную украинскую агитацию. Рассказывали, что будто однажды на ярмарке в местечке Борисполь, соседнем с хутором Чубинских, Павлуся мужики высекали за возмутительные речи. Это было не на моей еще памяти (Андрею Владимировичу Стороженко сейчас 76 лет...). В результате он был выслан на жительство в Архангельскую губернию. По окончании срока ссылки он и другие видные киевские украинофилы исхлопотали открытие в Киеве Юго-Западного Отдела Императорского Географического Общества. Организована была от имени Отдела особая экспедиция для изучения народной жизни в малороссийских и юго-западных губерниях. Во главе ее стал Павел Платонович. Экспедиция собрала огромный этнографический материал, который предполагалось обработать и издать силами Отдела. Но Отдел успел издать только 2 тома „Трудов“, как был закрыт за противоправительственное направление. Материалы перевезены были в Петербург и там появились в свет в 7 томах от имени Географического Общества. Редактором был Николай Иванович Костомаров⁶¹¹. В одном из томов напечатана была работа Павла Платоновича об экономическом состоянии Юго-Западного края. Около 1880 г. он заболел прогрессивным параличом и умер после多月чных страданий. Дети остались малолетними...

Это было пятьдесят лет тому назад, в 1883 или 1884 г. Я жил тогда у себя на хуторе вблизи м. Борисполя и занимался сельским хозяйством... От меня до хутора Чубинских было 15–18 верст. Возили копны с поля, и я распоряжался на гумне. Вдруг налетел дождь с грозой, и нужно было спрятаться в клуню⁶¹². Стою я и разговариваю с приказчиком Иваном Родионовичем. В это время, спасаясь от дождя, вбегает в клуню мальчик в гимназической фуражке и становится рядом с нами у ворот клуни. На вид мальчику лет 14, черноволосый, симпатичный. Спрашиваю, кто он такой, откуда и куда идет. Слышу в ответ: „Миша Чубинский, был у Гамалеев, иду домой“. Гамалеи – мои ближайшие соседи (3–4 версты), и там был сверстник Миши Чубинского, у которого он и был в гостях. Поговорили, пока дождь прекратился, выяснилось солнце, и можно было двигаться дальше... С Чубинскими я не был знаком, и это был единственный случай, когда я встретился и разговаривал с будущим профессором. Позднее я много раз видел Михаила Павловича то в Киеве, то на железной дороге между Киевом и Борисполем, но познакомиться не случилось. Жена его – еврейского происхождения, и сын его, Арсений Михайлович, в гитлеровской Германии не был бы признан арийцем: там арийское происхождение должно быть доказано путем свидетельства о рождении родителей заинтересованного лица, причем на этом свидетельстве *должна быть упомянута и религия дедушек и бабушек...*»

Кстати: А.В. Стороженко говорил мне, что генерал-лейтенант А.П. Хануков, мой теперешний приятель, – одесский, или точнее из города Николаева, еврей, что он

ухаживал за сестрой жены А.В. Стороженка Александрой Патрикеевной, но, когда на одном вечере у Андрея Владимировича одна знакомая из Одессы увидела Ханукова и рассказала после, кто он по происхождению, то всякая мысль о замужестве за Ханукова у Александры Патрикеевны отпала. На этом вечере Хануков делал вид, что незнаком с подругой Александры Патрикеевны. Так что А.П. Хануков – настоящий, чистокровный еврей, принявший христианство лишь в 17–18 лет, желая сделаться офицером, причем его крестным отцом был генерал Павел Крылов, поэтому-то Хануков и называется Павловичем. А.П. Хануков окончил реальное училище. Еврейского происхождения был и генерал Грулев, о чем писал в своей книге генерал Селиванский; Грулев перед смертью перешел в иудейство и завещал прибыль от своей книги о России, где он так нападал на нее, в пользу какого-то еврейского фонда.

В Киеве у моих страшная нужда. Жена пишет, что должна продать свое обручальное кольцо... Директор С. Маргетич был в Белграде у Мирка Балубджича и просил оставить его в гимназии, вместо Просветного Отделения. Оказывается, д-р Летич выставил его перед министерством гадко, как неспособного...

29 августа 1933 г. 20 августа прибыл в Новый Сад сербский патриарх Варнава. Встреча ему была устроена величественная, как умеют это делать воеводы, т. е. жители этой части бывшей Австрии, научившиеся у нее устраивать показательные торжества.

Как председатель Матицы я был приглашен в кафедральный собор в 4 часа дня. Все было переполнено. Прекрасное приветствие сказал епископ Ириней, патриарх отвечал в патриотическом духе и призывал всех к терпимости в вере. В 5 час. в покоях Ириней патриарх принимал разные многочисленные депутации. От Матицы были я и Е.П. Медер. Представлялся также русский церковный совет и Правление русской колонии. В 9 час. вечера я был, после всенощной, на которой присутствовал патриарх, в русской церковке, в покоях Ириней, где была сервирована закуска а ля-фуршет. Приглашенных – 250 человек. Перед владычным домом много народу, сенатор Дака Попович приветствовал патриарха, а последний с балкона отвечал в высоко приподнятом тоне, после того, как большой хор, составленный из членов музыкального женского общества «Нэвэна», пропел, под управлением Светолика Пашчана⁶¹³, положенную кантату и концерт.

Сейчас видел полковника Асеева. Оказывается, он около года служил коровником в русском женском монастыре в Хопове. Рассказывал, что, благодаря игуменьи Нине, куда-то исчезла старая чудотворная икона монастыря, вывезенная из Ясногорского монастыря в Польше, что наместник монастыря удален в Крушедол, монастырь передан русским, а это вызвало озлобление сербов. Ненависть к русским поразительная, даже в Ириге: русские-де отняли у нас монастырь и завладели нашими землями

1 сентября. Сегодня получил от Ирочки и Шуруны письма. Ирочка пишет, что дала согласие выйти замуж за Игоря⁶¹⁴, а жена сообщает, что это прекраснейший молодой человек. Дай Боже моей нежной Ириночке. Она просит моего благословения, и я его с радостью сегодня же послал ей. Жена пишет далее, что и у Марусечки имеется жених, но она пока это держит в секрете. Радуюсь и молюсь Богу о счастье их.

5 ноября 1933 г. Давно не садился за дневник, а написать есть что. Прежде всего, гимназия наша перешла в другое здание на Футошской улице, где в бывшей Австро-Венгрии помещалась мадьярская гимназия. Помещение довольно благоустроенное, но освещение не в порядке, ходатайство директора об отпуске кредита на освещение

не удовлетворялось больше месяца, и дети учились при ужасном освещении, наконец, кредит одобрен, но всего лишь в сумме 1800 дин., вместо 5000–6000 дин.

Ввиду перехода гимназии я снял другую квартиру поблизости, но оказалась совсем неблагоустроенной, к тому [же] в соседней комнате мясник варит мыло и вонючий воздух проникает и в мою комнату; во время дождя является течь, так что я вынужден был переселиться (ул. Братьев Рыбникаров №11). Хозяйка обещала поставить плиту с духовкой, но теперь, когда я вселился и заплатил вперед за месяц, плиту она не ставит, а предлагает жаровню... Ну и народ...

14 октября. Матица Русская устраивала «День русской культуры», посвященный памяти И.С. Тургенева; хлопот мне было очень много, все прошло хорошо и без дефицита.

16 октября. Епископ Камчатский Нестор⁶¹⁵, приехавший из Харбина, прочитал лекцию о Харбине и Маньчжурии, собравшую массу народа, но лекция была слабой; гораздо лучше говорил о Японии секретарь Нестора иеромонах Нафанаил⁶¹⁶ (сын обер-прокурора Св. Синода), выложенный, чистенький.

На съезде славянских женщин в Белграде, когда сербка и болгарка потребовали русского языка как языка междуславянского, полька Хибинская категорически восстала, говоря, что в Польше ненавидят русский язык, не понимают его, и требовала признать французский язык междуславянским... По поводу шовинистки польки Хибинской я напечатал в «Правде»⁶¹⁷ следующее письмо:

Уредништву

Поштовани г. Уредниче,

У Југословенским новинама (а сад се то прештампав у руским заграничним новинама) било је наштампано, да се на Скупштини Словенских Жена расправљало питање о заједничком за све Словене међусловенском језику, уз што су југословенске и бугарске делегаткиње тражиле да таквим језиком треба да буде *руски*. И само пољска делегаткиња пани Хибинска протестовала против тог предлога и са своје стране предложила је за међусловенски културни саобраћај *француски* језик, рекавши да у пољској *нико не разуме руски*.

Уколико је у праву пољска делегаткиња, ми, руски емигранти, добро знамо. Из писама из Пољске наших сународника види се, да сада Пољаци много више говоре руски, него што је то био случај пре великог рата. По својој скромности а може бити и пасивности ми нисмо се мешали у ово питање, па и сила је прилика у Европи за руске емигранте сада таква да ми морамо да ћутимо. Али о том ће бити реч потом... Сада ћу се вратити на говор «пани Хибинске».

Прошле године у америчким новинама писало се овако: «Изучавајте језик *нашег доба* — *руски* језик», а међутим гђа Хибинска, са поносом или мржњом, тврди, да у Пољској не разумију руски језик... Као одговор на ове речи гђе Хибинске дозволите да наведем ту извод из «Руског Голоса» (бр. 41-632 од 29 окт. 1933 г.) који излази у Лавову, т. ј. Пољској: «У Варшави постоји „Друштво Младих Словена“, организација која оствара културно зближење разних словенских народа. Енергичне вође тог Друштва организирали су бесплатно курсеве словенских језика који имају знатну популарност. Тако на проучавање чешког језика уписало се преко 100 слушаца, српског — 70 и т. д.; рекорд је тукао *руски* језик који желе да изучавају преко 400 слушаца; 4 лектора, радећи у две смене, једва могу да задовоље слушаоце; поред овог рекорд у обратном смислу тукли су слушаоци украјинског језика: њих се уписало само троје».

Ја разумем пољски национализам и чак шовинизам, немам намере да овде пропагирам руски језик, тим више што су сада многи Словени заражени шовинизмом (читају Тургенева,

Достојевског, Л. Толстоја, али презиру Русе). Овде хоћу само да покажем, уколико је у праву пољска делегаткиња.

Димитрије Скринченко, претседник одсека Матице Руске.

29 октябрия. Из России приехали две сестры покойного генерала Игнатьева Александра Петровна (76 лет) и Ольга Петровна. Жутью веет от их рассказов о России. На мой вопрос, стоят ли евреи в хвостах для покупки жизненных продуктов, О.П. ответила отрицательно. Попадают лишь случайно. И один раз в хвосте напали на одну еврейку, говоря, что жидаы управляют Россией и довели ее до гибели. Тогда еврейка сказала: «Да, управляем мы и будем управлять. Дольше русский народ не вырвется из наших рук. Мы посадили его в бутылку, и нам осталось лишь захлопнуть пробку...»

Против большевиков из Праги ведутся через всякие две недели лекции. Большевики устраивают такой шум на тех же волнах, что совершенно забывают пропаганду, и ничего разобрать нельзя...

Америка признала большевиков. В.И. Майбородов по поводу посещения г-ном Эррио России написал следующее стихотворение.

Французик из Лиона

7 ноября 1933 г. Вчера, придя в гимназию после обеда, получил следующую телеграмму: «Фр. Киев» «Папа поздрав целуем». Я сначала думал, что это составил какой-либо серб в Киеве: «поздрав» по-сербски значит привет; но мне вечером С.С. Полетика совершенно правильно разъяснила, что не «поздрав», а «поздравь», ибо мягкого знака у сербов нет. Итак, значит, Ирочка вышла замуж. По получении телеграммы я был очень возбужден, и слезы готовы были на глазах... Милая, нежная моя Ирочка уже теперь дама, а ведь я ее оставил шести с небольшим лет. Да благословит Господь и Царица Небесная ее и ее мужа Игоря новую жизнь. Кстати, мне так и не сообщили, какова его фамилия. Печально лишь то, что сестры не простили Толечке его брака, и он даже не знает о выходе замуж Ирочки...

26 ноября 1933 г. С ноября по воскресеньям я и А.А. Сердюкова ведем курсы русского языка и русской истории для русских детей. Один класс для этого дал директор нашей гимназии Стефан Маргетич. Эти занятия все же меня утомляют: не имею ни одного дня отдыха.

Из Киева не получаю писем после свадьбы Ирочки, состоявшейся 5 ноября. Я так и не знаю фамилии ее мужа.

Стихотворения В. Майбородова, напечатанные в «Царском Вестнике» от 26 ноября 1933 г.

1 декабря 1933 г. Это один из сложных дней. Утром в гимназии, на торжестве объединения южных славян, в 9 с половиной часов – в католической церкви по наряду от гимназии (были Бан Добрица Маткович⁶¹⁹ и командующий армией Воислав Николаевич), в 11 часов на торжественном прославлении этого дня югословенскими соколами; не дослушав интересную речь члена апелляционного суда Владимира Беляйчича, ушел в 11 с половиной часов поздравлять Бана, после зашли с др-м Миланом Петровичем к Штольцу на пиво, затем пообедал налегке, растопил печь и в 4 часа был в Матице Сербской на прославлении серба из Баната Михаила Пупина⁶²⁰, ныне профессора Нью-Йоркского университета.

Прочитан был доклад Пупина о необходимости развивать в благодатной почве Югославии индустрию овощей и фруктов, ибо Югославия для этого более подходит, чем даже Калифорния, которая богатеет от разведения садов и овощей. По принятому у югославян обычаю председатель Матицы Радивой Врховац приветствовал меня, как председателя Матицы Русской, в числе других гостей.

Завтра рано утром ученицы гимназии идут причащаться в Алмашскую церковь в 6 с половиной часов утра. Надо не проспать.

В.И. Майбородов написал стихотворение, которое идет дальше у меня, а от А.Г.Б. я переписал три стихотворения, написанные лет десять назад. Он клеймит Врангеля, «зубров», выставляющих себя теперь монархистами и предавших Царя, а народ державших в рабстве.

Союз Культурных Обществ, куда входит и наша Матица, прислал нам следующий циркуляр (№856 от 22-XI-1933): «В воскресенье 26 этого месяца наш город посетит Еврейское певческое Общество из Скопле и устроит вечером концерт вокальный в „Свободе“. Прибытие этого Общества в столицу, а затем и в Новый Сад, не есть обычный визит лишь для устройства концерта, но манифестация *наших евреев* из южных краев ради национальных идеалов всех югославян, за каковые идеалы и *они*, плечо к плечу

Как-то вздумал раз моншер
Прокатиться в Три-эС-эР
И без лишних разговоров,
Избегая долгих сборов,
Чмокнув наскоро мамзель,
Покатил себе в Марсель.
Там он сел на пароход.
Провожал его народ.
Все платочками махали
И восторженно кричали:
«Бон вояж, шер камарад».
Словом, был большой парад.
И французик из Лиона
сразу стал красней пиона
и с поднятым гордо носом
Поплыл весело к пендосам.
Греки все народ соленный,
Видят сразу: тип прожженный;
Покричавши «зито» с жаром,
Быстро сплавляли к болгарам.
Там на съезде демократов,
Всех своих родных собратов,
Вел большие разговоры,
Всем морочил помидоры.
Словом, врал как сивый мерин.
Пароход «Большой Чичерин»
Его ждал уже в Босфоре:
Значит, этот тип в фаворе
У московских воротил,
И туда он покатил.

Как приехал в Цареград,
Там опять большой парад:
Турки все кричат «аман»
И свой щупают карман,
Пока сел на пароход...
Осторожный там народ...
Так приехал он в Одессу
И наполнил здесь всю прессу
Восторженными речами
Он о том, что зрел очами.
— Тю э бо а Одеса,
— В ней сплошные чудеса.
— В ней все в роскоши живут
— И как мухи мирно мрут
— И кругом везде колхозы
— Процвetaют точно розы.
— Все товарищи богаты,
— У всех бороды лопатой.
— Ничего от вас не скрою:
— Там разводят даже сою
— И невиданные злаки,
— И все сыты как... собаки...
— И отлично так одеты,
— А толсты все, как скелеты.
— А в колхозе «Красный Луч»
— Жизнь кипит, как горный ключ...
И он ездил сам на Днестр,
Там встречал его оркестр.
Под развесистую клюквой
Пили чей внакладку с брюквой...

Видно, там советский пахарь
 Упразднил давно уж сахар.
 Там французский диалект
 Понимают все перфект...
 И теперь там все паны:
 На троих одни штаны...
 Видеть все он был готов:
 Киев, Харьков и Ростов,
 Лишь забыл про Березовку,
 Где французам потасовку
 Дали раз большевики
 И разбили их полки,
 Где полковник грозный Жэ
 Едва спасся неглиже,
 Где французов так честили,
 Что всех раненых добили...
 А в Москве сему герою
 Закатили пир горою,
 Говорили тосты, речи
 И торжественно на плечи

Вздели новенький мундир, –
 Полковой стал командир
 Наш французик из Лиона,
 И расцвел как жезл Арона.*
 Так сгорая от восторга,
 Приняв «нечто» от Внешторга,
 Он спешит к себе домой
 Прославлять Советский строй.
 Это все достойно смеха...
 Пожелаем же успеха
 Испытать на своей шкуре
 Все, что видел он в натуре.
 Жал Литвинов его в лапах.
 Нюхал Ленина он запах
 И нашел, что сэ плю фор,
 Чем французский сыр рокфор.

Владимир Майбородов.

19-IX-1933 г.

Новый Сад, Югославия

вместе с храбрым войском Великого Короля-Освободителя, кровь свою проливали и отдавали свою жизнь. Ихнее посещение Нового Сада в настоящее время тем значительней, что они желают войти в возможно более тесную связь со здешними евреями и примером показать своим братьям по крови и вере результаты своей деятельности на национальном и культурном поприще. Поэтому и новосадская [еврейская] побожная община готовится для гостей сердечный прием и банкет после концерта в ресторане Королевы Марии. Союз Культурных Обществ, который принял на себя техническую задачу по приему и устройству концерта, желает, чтобы это посещение увенчалось во всех отношениях успехом, и потому приглашает Союзные Общества, чтобы они, во 1-х, приняли самое горячее участие в деле продажи входных билетов, и самое меньшее 5 билетов, 2 – чтобы в лице своих делегатов присутствовали при встрече на станции, 3 – певческие общества корпоративно и со *знаменами*, и чтобы прислали своих делегатов на банкет, 4 – чтобы всякое Общество прислало по 10 дин. на *венки*. Будучи уверены, что Новый Сад имеет понятие и о таковой манифестации, которая глубоко внедряется в сферу нашего национального и патриотического престижа, а не только тогда, когда появляются иностранные трупы или лица, мы ожидаем, что представители наших Обществ проявят полную активность к тому, чтобы гости вынесли из Нового Сада самые лучшие воспоминания. Председатель дивизионный генерал в отставке Живан Митрович, секретарь Стеван Попович» (кстати сказать, священник...)

Что это, высокая политика и дипломатия или заискивание? Говорят, что евреи обещали за такой прием средства на постройку Дома культуры...

О т к л и к и

Два великана
 В новом фраке и цилиндре
 Старый, добрый Дядя Сам

Поджидает к себе гостя
 Из далеких чуждых стран.
 За морями, за долами
 Уж гремел о нем рассказ,
 Но в Америку с визитом

Едет он лишь в первый раз.
 То ли не было охоты
 Посетить сей континент,
 Или попросту стеснялся
 Его видеть президент.
 Но под нашим зодиаком
 Изменилось все теперь,
 И Америка широко
 Распахнула свою дверь.
 В ожидании прибытия
 Сего важного лица
 Янки все в большим восторге,
 Их надеждам нет конца.
 Он накормит безработных,
 Укрепит опять доллар,
 И японец не посмеет
 Роковой нанести удар.
 И приехал из-за моря
 Разудалый молодец
 Вор, мошенник и грабитель,
 Первой гильдии подлец.
 «Гип, гип, гип, ура!» – кричали
 Янки громко все кругом,
 Когда гостя провожали
 К Президенту в Белый Дом.
 И с почтительным поклоном
 Снял цилиндр сам Президент
 И с учтивою улыбкой
 Произнес свой комплимент.
 – «Хау ду ю ду, дир сэр Литвинов,
 – «Ай эм глэд нау ту си ю,
 И по старому обычью
 Руку дал пожать свою.
 «Гип, гип, гип, ура!» – кричали
 Янки бешено кругом,
 Красным светом озаряли
 В Вашингтоне Белый Дом.
 За тюремную решеткой
 Старый вор Аль-Капоне
 Прочитал в своей газете
 Описание турне.

Прочитал и возмутился:
 – «Вот подняли кутерьму,
 А меня за те же шутики
 Посадили здесь в тюрьму».
 Но, подумавши немного,
 Рассмеялся старый плут:
 – «Ведь с ответным-то визитом
 К ним меня в Москву пошлют»...

Роковой герб

Не в торжественных одеждах,
 Не в порфире и венце
 Заседает сей товарищ
 В императорском дворце.
 Не имеет славных предков
 Этот вождь большевиков,
 Но ведет свою породу
 От кавказских ишаков.
 Голос крови этих предков
 Говорит всегда ему,
 Чтоб не делал он уступок
 Никогда и никому.
 И поэтому с упорством
 Упершился в стену лбом,
 Весь разрушить мир желает,
 Держит молот над серпом.
 Но напрасны все усилья:
 Не свалить ему стены,
 Дни кровавого режима
 Уже роком сочтены.
 Невозможно бесконечно
 Истязать чужой народ,
 Скоро в гневе уничтожат
 Весь ослиный, гнусный род.
 Сам советский герб поможет
 Уничтожить Исполком:
 Серпом глотку перережут,
 По лбу стукнут молотком.

В.И.М.
 2-ХІ-І933.
 Новый Сад.

В.И. Майборода написал еще одно стихотворение «На Родине», в виде элегии, рисующей современное положение на нашей Родине.

На Родине⁶¹⁸.

Ты знаешь край, где все печалью дышит,

Где слезы льются чище серебра,
 Где ветерок степной бурьян колышет,
 Которым поросли все хутора.

Ты знаешь наш народ великодушный,
 Который всех свободу защищал,
 И был всегда сердечный, прямодушный
 И за других так часто умирал.
 Ты знаешь край, откуда так поспешно
 Вывозят хлеб, картины, серебро,
 И продают ведь всегда успешно
 Отнятое народное добро.
 Ты знаешь край, где песен нет и смеха,
 Где люди все угрюмы и мрачны,
 Где смерть для всех желанная утеха,
 Где жизнью все теперь изнурены.
 Ты знаешь край, где реки свои воды
 Среди берегов осиротелых льют,
 Где рушатся церквей старинных своды
 И где святынь родных уже не чтут,
 И где орел двуглавый ниспровергнут
 И заменен он молотом с серпом,
 И в рабство наш народ родной повергнут
 С ужасным принудительным трудом,
 Где призраком обманчивым свободы
 Людей ожесточили, как зверей,
 Где страшный, полный голод длится годы,
 Где матери едят своих детей.
 Ты знаешь край, откуда высылают
 На север дикий тысячи людей,
 И где они в мученьях умирают

Под неусыпным оком палачей,
 Где все живут под страхом вечным казни
 И где расстрелы слышны без конца,
 Где сын родной из страха и боязни
 Готов предать и погубить отца.
 Ты знаешь край, где по большим дорогам,
 Среди родных, непаханных полей
 И в дождь, и в стужу в рубище убогом
 Блуждают толпы брошенных детей.
 Ты знаешь край, откуда вопли слышны,
 Откуда просят помощи у нас...
 И этот край забыл теперь Всевышний,
 И наступает там последний час,
 Где смех и песнь веселая звучала,
 Где всех кормил свободный, мирный труд,
 В стране, где все в довольстве утопало,
 Мильонами от голода там мрут.
 На этот край глядит без содроганья
 Культурный старый христианский мир,
 И чаша горькая чужих страданий
 Не нарушает общий шумный пир....
 Наш край постигнут страшною судьбою,
 Туда, туда стремлюсь я всей душою.

24-XI-1933. В. Майбородов.
 Новый Сад.

Савез културних друштава
 Број: 856.
 22 новембра 1933 год, Нови Сад

Димирије Скринченко
 Нови Сад

У недељу 26 о. м. посетиће наш Град Јеврејско певачко друштво из Скопља, и приредити увече вокални концерт у Слободи.

Долазак овог друштва у престони Град а затим у Нови Сад, није обична посета само ради одржања концерта, но манифестација наших Јевреја из јужних крајева за националне идеале свих Југословена, за које се идеале и они, раме уз раме са храбром војском Великог Краља Ослободиоца крв своју пролевали и животе своје залагали. Њихова посета Новом Саду је у данашње доба утолико значајнија; што они желе да дођу у што тешњу везу са нашим Јеврејима и примером покажу својој браћи по крви и Вери резултате свога рада на националном и културном пољу.

Зато и новосадска јеврејска богоштовна општина спрема гостима срдчан дочек и банкет после концерта у ресторану Краљице Марије.

Савез културних друштава, који се примио да изведе технички посао око дочека и одржања концерта, жели да ова посета у сваком погледу донесе успеха, те стога позива Савезна друштва,

В а н ь к а - К а и н

Жил на свете парень бедный,
 Молчаливый и простой,
 С виду сумрачный и бледный,
 С преподлейшею душой.
 И ходил он в черной блузе
 С очень тонким ремешком
 На своем плебейском пузе
 Под широким пиджаком.
 Космы длинные висели
 У него всегда со лба,
 Глаза сумрачно глядели,
 В них таилась злоба.
 Знаем мы: он в раннем детстве
 Чашу горькую испил,
 Но уже он с малолетства
 дар великий проявил.
 И по свету прогремела
 Слава громкая трубой,
 Его имя облетело
 Весь огромный шар земной.
 И он стал богат и знатен,
 Как талантливый певец,
 Хоть не всем был и приятен
 Его типов образец.
 Он в своих произведениях
 Воспевал все босяков,
 Говоря об униженьях
 Этих жалких бедняков.
 Полупьяных и голодных,
 Опустившихся на дно,
 Из углов своих холодных
 Свет не видевших в окно.
 Буревестником отважным
 Сам себя он называл,
 А на деле же продажным
 Себя миру показал.
 Вместе он с большевиками
 Заставляет наш народ
 Чашу горькую годами
 Лить себе насильно в рот.
 Голод, ссылки, даже казни,
 Зверства все большевиков
 Не находят неприязни
 В сердце друга босяков.
 Он спокойно наблюдает
 Из заморского дворца,

Как народ родной страдает,
 Терпит муки без конца.
 И теперь уже в России,
 С легкой Горького руки,
 Времена совсем другие,
 Стали все там босяки.
 Дутой слава оказалась
 Из-за медного гроша.
 Так в конце концов сказала
 Его подлая душа.
 Буревестник стал пингином
 И гнездо свил на Капри,
 Окруживши его тыном,
 Чтоб спокойно жить внутри.
 А кругом гнезда гуано
 Скоро кучи наложил.
 Среди красного тумана
 Свою славу погубил.
 За сношения с Торгсином
 Народ Горького клянет.
 И уж больше не Максимом,
 Ванькой-Каином зовет.

I-XII-1933.

*В. Майбородов.***А. Г. Б.**

О чем вы шумите, тихие волны,
 Словно тоскуете вместе со мной,
 Словно вы тоже в изгнании бродите,
 Словно вы тоже гонимы судьбой.
 И вы, как и я, вы покоя не знаете,
 Идете вперед неизвестной тропой,
 Живете моментами, минутой одной,
 О будущем темном и вы не гадаете.
 Сегодня вы ласковы, меня приласкайте,
 Оплачьте мой жребий холодной слезой,
 Возьмите к себе, меж собой укачайте,
 Несите туда, где в дали голубой,
 Холодный, неласковый месяц восходит,
 Где зори в туманах до времени спят,
 Где годы за годами незримо проходят
 И звезды победно над миром горят.
 (Из старой тетради А.Г. Б-ца).

Барону П. Н. Врангелю

Кому я верил... Кому молился...
 Чей образ в сердце я носил...
 Чей голос с жадностью ловил

И за кого в сраженьях бился,
 И жизнь и силы не щадил.
 О, будь же проклят. Ты убил
 Во мне и многих все надежды,
 И многие сомкнули вежды,
 И много выросло могил...
 Ты нас идеями манил,
 Ты говорил: «Спасем Россию,
 Путь тяжек, нужно много сил»...
 Но ты, несчастный, втайне мнил
 В себе пришедшего мессию,
 И ты... России не любил.
 Ты властью бредил, ей служил
 И в жертву ей ты приносил
 И братьев, молодость и силу...
 Теперь, спокойный от трудов,
 Среди пиров ты позабыл
 Ряды сомкнувшихся крестов,
 Ряды кровавые могил.
 Так будь же проклят ты вовек,
 Презренный, подлый человек.
 Монархистам
 Прочь уберите ваши руки:
 Не вам, создателям всей муки
 И разрушителям страны,
 Родную ниву вновь пахать,
 Не вам Россию создавать.
 Кто вы? Что можете сказать

Теперь в свое вы оправданье,
 Что нас постигло всех изгнанье
 Да, вы обязаны страдать.
 И это слабо наказанье.
 Не вы ли к гибели вели
 Страну десятки долгих лет?
 Вы скажете: конечно, нет!
 Не вы ль народ во тьме держали
 И веру в Бога убивали,
 Когда шпионством окружали
 Вы церковь – Божью благодать,
 Не вы ль, Евангелие, как там,
 По-своему перечертали
 И, как хотели, толковали
 Не вы ль? Теперь вы *то* пожали,
 Что долго слишком создавали!
 Для поддержания власти твердой
 Вы извратили старину:
Рабов вы создали страну
 И вы *убили дух народный*...
 Теперь кричите: «Нам Царя»...
 Но где же, просто говоря,
 Где были вы в тот миг ужасный,
 Когда Он весь, как день прекрасный,
 Навстречу смерти смело шел?
 Тогда никто вас не нашел...
 Куда от страха вы бежали?
 Зачем тогда вы не кричали?!

1) да узму најживља учешћа око продаје улазница међу својим члановима, а најмање 5 комада.

2) да са делегатима присуствују дочеку на Жељезничкој станици (Тачан час доласка објавићемо кад добијемо одговор од друштва).

Певачка друштва корпоративно и са заставама.

3) Да пријаве делегате за банкет најдаље до петка у подне.

4) да свако друштво приложи по 10 дин. за венац.

У уверењу, да Нови Сад има разумевања и за манифестације, које дубоко засецају у сферу нашег националног и патриотског престижа, а не само када је у питању страна трупа или особа, очекујемо, да ће претставници наших друштава уложити пуну активност, како би гости однели најлепше из Н.Сада.

Секретар   Претседник
 С. Поповић   Живан Митровић
                          Див. ђенерал у пензији

5 декабря 1933 г. Вчера, пользуясь праздником Введения во храм Пресвятой Богородицы, я с генералом Хануковым ездили к митрополиту Антонию. Последнему я передал 300 дин., которые прислал ему на церковные нужды Д.В. Шульгин, сын Василия Витальевича. Митрополиту я прочитал стихотворение В.И. Майбородова «Ты

знаешь край», рисующее современное ужасное положение России. Стихотворение так удачно и сердечно написано, что митрополит плакал... Эгоизм г. Ханукова неприятно действует на нервы, чего я не мог скрыть, возвращаясь домой. В вагоне было сильно натоплено, а на дворе – сильный ветер, так называемая «кошава»⁶²¹, и я простудился: болит голова, насморк, и т. п. Придется не идти в концерт, устраиваемый сегодня хором из Загреба под управлением Комаревского⁶²², конечно «Руса». Поставлены будут все русские церковные композиторы. С вчерашнего дня наступила настоящая зима. Температура в 8 ч. у. – 7 градусов ниже нуля, а снегу нет, поэтому и чувствуется очень холодно.

28 декабря. Сегодня утром, когда я еще не успел одеться как следует, пришел из гимназии служитель Пая и принес телеграмму №1531, посланную из Киева в 15 слов 27 декабря в 14 час. 43 мин.; телеграмма гласит: «Папочку целуют, просят благословить счастливые молодожены Маруся и Павлик»⁶²³. Радости моей не было конца. Итак, и Марусечка вышла замуж. От всего сердца благословляю моего первенца и молю Господа, да благословит Он этот брак. Детки мои постепенно выпархивают из родного гнезда. Пусть будут счастливы, счастливы. А я вчера после обеда видел во сне Марусечку и с рыданиями умолял ее примириться с Толечкой. По получении телеграммы послал письмо с благословением на этот брак.

1934-й год

Я так занят и перегружен работой, что не имею возможности хоть изредка заносить на страницы дневника заслуживающее внимания. А в этом году многое привлекает внимание наше. Особенно крупны события, разыгравшиеся во Франции 6 февраля в связи с мировым мошенничеством российского еврея Стависского⁶²⁴: невероятная подкупность высоких личностей в парламенте и служебной иерархии, народное возмущение в Париже, демонстрации против парламента и стрельба полиции и гард-мобиль в народ, убийство судьи Прэнса накануне разоблачений им банды Стависского, убийство депутата Гальмо 5 лет тому назад бандой того же Стависского, восстание социал-демократов в Австрии и война с ними Дольфуса и его правительства, и т. д.

Личная моя жизнь идет в непрерывной работе для гимназии и Русской Матицы. Нужны деньги для покупки книг, содержания библиотеки и бесплатной читальни. Вчера был у Бана Добрицы Матковича и просил у него субсидии для Матицы. Как ни надоели мы, русские, здесь, но Бан принял меня симпатично и направил к начальнику социальной политики д-ру Яковлевичу. Получит ли Матица что-нибудь, [неизвестно,] но и то хорошо, что нас еще принимают. Русские сами во многом виноваты, что делаются на партии и лезут в «вожди» и тем возмущают сербов. Вот, например, образовалось третье русское благотворительное Общество – казачье: мало двух...

На сегодня Матица назначила лекцию полковника Генерального Штаба Бориса Николаевича Сергеевского⁶²⁵, а в это время белградские «трам та-ра-рам», крикуны из легитимистов и «младороссов» 40-летнего и 50-летнего возраста устраивают шумные выступления по поводу отречения Царя Николая II, не считаясь с нашей лекцией. Пришлось отказаться нам от лекции. Приехали издатель «Царского Вестника» туполобый Н.П. Рклицкий, которого поддерживает наивный политик митрополит Антоний, граф И. Толстой⁶²⁶, Кутырин⁶²⁷ и др.

Недавно мне прислан из министерства контракт. По-видимому, опять уменьшат жалование на 20%, ибо получился запрос из министерства просвещения о нашем жалованье.

Получил письма от Маруси и ее мужа – Павлика. Маруся очень огорчена моим письмом, в котором она увидела поддержку с моей стороны Толи. Нелады среди детей по случаю женитьбы Толи меня очень волнуют. Я послал теплое письмо Марусечке, которое писал со слезами на глазах. Мне жалко всех их, но умирить их между собой я, конечно, не могу. Марусе я бесконечно благодарен за то, что она спасала нашу семью с ранних лет своей жизни – с 14 лет, в страшные годы развала России, когда меня не было среди них...

В «Правде» (сербской газете) профессор Белградского университета Бранко Попович⁶²⁸ напал на русских, считая, что они отнимают хлеб у сербов, а особенно на то, что они портят сербское искусство. Особенно достается епископу русскому Митрофану (Абрамову, моему земляку по Воронежской губернии)⁶²⁹. Русских он называет иностранцами, которые «губят наше искусство» (3 марта 1934 г.). На этот выпад ответил знаменитый скульптор-хорват Иван Мештрович⁶³⁰. Он пишет в той же газете от 17 марта: «...я не вхожу в оценку ценности русских, которые прибыли к нам и работы ко-

торых могут нам не нравиться, если плохи, но исключать их с клеймом *иностранцы* и несправедливо, и неуместно. Спрашиваю вас, разве русские считали и хоть когда-либо югославянина за иностранца, по крайней мере, в духовных вещах?»

Хорваты, как известно, еще хуже относятся к русским, но за эти слова большое спасибо великому скульптору. Я не знаю, чем испортил сербское искусство епископ Митрофан в монастыре Раковице, но нужно посмотреть храм на Опленце, который украсили внутри русские художники, чтобы сердце ваше гордо забилося при взгляде на этот памятник великого русского искусства. И я невольно спрашиваю себя, неужели серьезно профессор Б. Попович не понимает этот шедевр русского искусства на Опленце, а если понимает, то почему так ненавидит русское искусство. Зависть или что тут замешано, трудно сказать; вероятнее всего то, что русские художники все-таки имеют много заказов даже во время этого экономического кризиса, как имеют много пациентов и русские доктора: Вербицкий, Игнатовский⁶³¹ и др.

31 марта 1934 г. М.С. Эрдели, преподавательница нашей гимназии, рассказала мне, что наставница мужской гимназии Надежда Пашчан в разговоре с ней заявила, что русских надо всюду гнать со службы...

Известный профессор П.Б. Струве, бывший издатель марксистского органа «Освобождение» и живущий теперь в Белграде, на русском собрании в Белграде был жестоко укорен младороссом графом И.И. Толстым. Публика вступилась за Струве, и Толстой должен был покинуть зал.

Теперь «Политика» сообщает, что на вступительной лекции в Белградском университете П.Б. Струве студенты устроили ему колоссальную обструкцию, забросали тухлыми яйцами и буквально вытащили из аудитории. Это уже было дело коммунистов. Бьют бывшего марксиста и справа и слева.

3 апреля 1934 г. Ночевал у меня И.Е. Анненков⁶³², агроном в Бачкой Тополе. От него потребовали, после того как он был уже «разверстан» по службе, т. е. определен в штат, доказательства, что он окончил среднюю школу в России. В высшей (Сельскохозяйственный Институт в пределах бывшей Польши) сомнений не было. В Главном Просветном Совете потребовали, чтобы русские профессора письменно подтвердили, что Харьковское Земледельческое училище есть средняя школа. Анненков принес такое доказательство; тогда потребовали доказать, что он в Институте был, письменным свидетельством профессора, преподававшего в этом институте. Анненков принес свидетельство профессора Т.В. Локтя. Тогда потребовали оригинального диплома, зная, что его теперь достать невозможно. Чем все это кончится, трудно сказать. Балыц⁶³³ сказал мне сегодня, что отпущены от службы в «Гигиенском Заводе» молодой Корбе⁶³⁴ и К.А. Лабинский.

Интересен № 54 журнала «Современных Записок». Оказывается, не пустил в Англию Царскую семью Ллойд-Джордж, запугавший английского короля могучими быть волнениями в Англии вследствие приезда русского царя... Французский посол при Временном правительстве оказался крайним украинофилом, уверенным в том, что вопрос о независимой Украине, по падении большевиков, станет на международную почву и что Украина будет очень нужна Франции, ибо может выставить «миллион солдат». Этот Нуланс соперничал с англичанами в расхищении русского леса на севере России во время интервенции... А некий Рожер Тессаран даже пустился в исторические дебри и стал доказывать, что украинцы – совсем особый от русских народ..., причем хватил такую фразу: Украина – «земля Владимира Св., Мазепы и Петлюры»... Жалкий французик: он явно не понимает, что пишет. Что бы г. Тессаран сказал, если

бы кто-либо выразился: Франция – «земля Наполеона, Картуша (разбойника вроде Пугачева в XVIII в.) и Стависского...»

Был у Бана Добрицы Матковича и просил помощи для Русской Матицы. Бан принял меня внимательно и отпустил 2000 дин., сумму, которую я сам назвал. Спасибо ему за этот культурный жест.

Уж несколько дней у меня флюс на щеке. Не выхожу из квартиры, а на дворе неожиданно холодно, даже падали сегодня хлопья снега, сейчас же и таявшие. И это после того, как деревья покрылись листвой и отцвели плодовые деревья.

Послал в Киев 500 дин. через парижскую контору А. Годованникова.

В кинематографе «Аполло» идет советский фильм «Тихий Дон»⁶³⁵, о котором много шумела и здешняя печать как о блестящем достижении советской техники.

4 марта 1934 г. Давно собирался занести в свой дневник выдержки из письма А.В. Стороженка. Делаю это теперь: «...в Вашем интимном письме от 18 августа прошлого года упоминалось, что Вы на именинах у митрополита Антония познакомились с русским игуменом из Гамбурга Никоном⁶³⁶, бывшим в миру тобольским губернатором Ордынским-Танаевским, и что он рассказывал Вам много интересного о Хитлеровском движении и о склонности новой Германии помочь созданию мощной России как емкого рынка для сбыта германских товаров. Я давно слышал, что этот Ордынский-Танаевский, служа в г. Перми на должности председателя Казенной Палаты, сблизился, подобно епископу Феофану, с Распутиным, подчинился его гипнотическому влиянию и сделался его горячим поклонником. Принятие Ордынским-Танаевским монашества свидетельствует, что его натуре, действительно, были свойственны религиозные порывы и искания. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Распутин овладел его душой. Когда Распутин устроился в Петербурге и завязал сношения с некоторыми высокопоставленными, но мелкими духом петербургскими сановниками, он не забыл об Ордынском-Танаевском.

Вот что я вычитал по этому поводу в книге (Царь и Царица) покойного хорошо осведомленного Вл. Иос. Гурко⁶³⁷: „Прямых ходатайств со стороны Распутина о предоставлении кому-либо ответственных должностей не поступало. Известен лишь один случай, когда, по просьбе Распутина, покровительствуемый им УПРАВЛЯЮЩИЙ ПЕРМСКОЙ КАЗЕННОЙ ПАЛАТОЙ ОРДЫНСКИЙ-ТАНАЕВСКИЙ был назначен губернатором и причем в его родную Тобольскую губернию, о чем Распутин известил своего поклонника облетевшей всю Россию, столь характерной для него, телеграммой: «Доспел тебя губернатором». Беседа с игуменом Никоном, Вы, б. м., и не подозревали, какую известность Вы перед собою видите. Только что я вспомню Распутина, как Владимир Андреевич (сын) указал мне в сербской газете „Време“ от 17 января известие о кончине в Лондоне в крайней нищете на 70-м году жизни Анны Александровны Танеевой-Вырубовой. В последнее время нужда заставила ее служить гардеробщицей в лондонском баре „Пикадилли“. Вырубова уверовала в Распутина после того, как он исцелил ее от ран и увечий, полученных при крушении поезда. В.И. Гурко признает, что Распутин в необычайной степени обладал силой гипнотического внушения. Несомненно, что в 1912 и в 1916 г. Распутин спасал жизнь Наследника Цесаревича в такие моменты, когда все искусство врачей было уже исчерпано и смерть казалась неотвратимой. Весьма понятно, что императрица, испытывая, по своей нервности, постоянную повышенную боязнь за здоровье сына, дорожила присутствием поблизости человека, который в критическую минуту мог его спасти. Отсюда проистекали дальнейшее влияние и значение Распутина. Лично к Царственной Чете он не обращался ни с советами, ни с ходатай-

ствами. Посредницей служила Танеева-Вырубова. Через нее шли вредные внушения. В.И. Гурко говорит в упомянутой книжке, что нельзя определить, кто из двух людей, Распутин или Вырубова, [нанес] больший реальный вред престижу императорской власти. В сущности, сила их слагалась из согласованной совокупности их действий. Положение Вырубовой, как друга Императрицы, тешило ее честолюбие, и возможно, что она была убеждена вполне искренно, будто она служит интересам Царствующей Четы, если сообщает ей мысли и мнения святого Божьего человека, каковым представлялся ей Распутин. Я полагаю, что психические силы Распутина нужно поставить в связь с азиатским шаманством. Возможно, что в его жилах, как сибиряка, текла даже шаманская кровь. Новейший русский путешественник по внутренней Азии, известный художник Н.К. Рерих, передает удивительные, но вполне достоверные рассказы о силе волевого напряжения шаманов. Например, в юрте шамана в темноте слышится ржание целых табунов коней, словно прилетают стаи орлов, и шипят бесчисленные змеи. По желанию шамана в юрте идет снег. Шаман может устроить так, что когда враги настигнут закланных им людей, то эти люди покажутся своим врагам придорожными камнями, и враги пройдут мимо, не причинив закланным никакого вреда (книга Рериха: „Сердце Азии“. 1929 г.)⁶³⁸. Последнее слово о сущности Распутина далеко не сказано. Во всяком случае, он не был только лишь хитрым шарлатаном.

В немецкой газете „Дер Штюрмер“⁶³⁹ от 6 января с. г. пишут, что после некоторого перерыва руководящие посты в Советском правительстве опять заняли [еврей], что этим объясняется сближение Советского правительства с американским (точнее: вашингтонским), где центральное место при Рузвельте занял [еврей] Моргантау в качестве министра финансов... В письме от 7 января с. г. А.В. Стороженко перечисляет, кто теперь правит Россией (выписку прилагаю).

РАДИ ИНФОРМАЦИИ

Из частного письма:

«...Александр Яблоновский⁶⁴⁰, бывший сотрудник „Киевской мысли“, недавно обмолвился („Возрождение“ № 3120: „Во всяком случае пока *что судьба России в руках КАГАНОВИЧА*“.

Каганович – это по первоначальной профессии *шорник* из Гомеля. Тупой грузин Джугашвили является только лишь ширмой, за которой действует юркий еврей *Каганович*, подпираемый сонмищем „насих“. Из них выделяются:

Наркоминдел Меер-Генох Валах (Литвинов),

Его заместитель *Бриллиант* (Сокольников),

Нарком внешней торговли *Розенгольц*,

Политрук Красной Армии *Шифрис*,

Наркомзем *Эпштейн*,

Замнарком в тяжелой индустрии *Каганович младший* (брат самодержавного),

Заведывающий лесной промышленностью Фишман,

Начальники новостроек *Франкфурт и Каган*.

В немецкой газете „Дер Штюрмер“ от 6 сего января пишут, что после некоторого перерыва руководящие посты в Советском правительстве опять заняли евреи и что этим объясняется сближение Советского правительства с американским, где центральное место занял еврей *Моргантау* в качестве министра финансов.

Далее он пишет: «...Библией Ветхого Завета я с удовольствием занимаюсь, и, быть может, сделанное мною исследование некоторых ветхозаветных тем пригодится кому-

нибудь, когда в России явится возможность свободной религиозной жизни, и вокруг Ветхого Завета завяжется такая борьба, какая в данную минуту разгоралась в Германии из-за него между „Библейской церковью“ и „Немецкой церковью“. А несомненно к этому придет, когда явный вред для христианства от традиционной связи его с иудейством станет входить в общее сознание. Варшавский проф. (быв. петер.) Ф. Фр. Зелинский правильно провозгласил: „Античная религия является настоящим ветхим заветом христианства“.

8 мая 1934 г. Генерал А.П. Хануков, прикидывавшийся в течение ряда лет моим приятелем, вдруг стал ко мне в явно враждебные отношения. Мало того, он чисто по-еврейски показал себя настоящим провокатором: он объявил меня социал-революционером, доселе будто бы ловко скрывавшим свою принадлежность к этой партии. Он останавливает на улице моих знакомых и приятелей – С.В. Лисицына, М.В. Полетику⁶⁴¹, идет к М.С. Эрдели, Сенчам, Антоновым и т. д. и всюду сеет свою ложь.

В чем же дело и почему это? Еврей, выкрест, добравшийся, как пролаза и нахал, до генеральского чина и даже ордена св. Георгия, он необыкновенно самолюбив, и в случае расхождения с ним во взглядах злится, видя в этом неуважение к его генеральству. Я прочитал ему выдержку из № 54 журнала «Современных Записок» о том, что Кирилл Владимирович – «опереточный император» и что пора Романовым сбросить с себя, как приглашает это сделать Великая Княгиня Мария Павловна, гордость и – «фантастические костюмы» и заняться в качестве обыкновенных людей добыванием себе куска хлеба. Я сказал, что это совершенно правильно и что Кирилл Владимирович – действительно опереточный император, принизивший своим императорством то высокое достоинство, и Хануков как «кирилловец» разозлился, а между тем сами же кирилловцы исключили из своих рядов Ханукова как интригана. Жадный, дрожащий над копеечкой, торгующийся со всякой бабой на базаре из-за полдинара, ничем не интересующийся, Хануков своим пролазничеством и нахальством достиг того, что, будучи здоровяком, не служит, а получает около 2000 дин. в месяц и живет как бы на пенсию. Для этого он облазит адвоката Игнатия, Павласа⁶⁴², протоиерея Велича, втирается в их доверие и всюду выставляет себя русским, а им и в голову не приходит, что пред ними типичный еврей...

А.В. Стороженко пишет мне в письме от 13 апреля: «Возвращаю вам перевод брошюры Матыевича. Очень рад, что в здешней стране нашелся человек, который познакомил своих соотечественников со смыслом и значением хитлеровского противожидовского движения в Германии. Для меня в этой брошюре не было ничего нового, т. к. все сведения Матыевича почерпнуты из немецких источников, более или менее мне известных. Первым, кто стал разъяснять немцам грозящую им от жидов опасность, был мельнично-строительный инженер *Теодор Фрич*, родившийся 28-X-1852 г. и умерший 8-IX-1933 г. С необыкновенным упорством с молодых лет собирал Фрич всевозможные сведения о вреде деятельности жидов для Германии и составил руководство или настоящую книгу по жидовскому вопросу (*Хандбух дер юденфраге*)⁶⁴³. Книга до настоящего времени выдержала 34 издания, и каждое издание автор, пока был жив, пополнял новыми сведениями, пользуясь сотрудничеством выдающихся ученых и писателей одного с ним направления. Это, можно сказать, *классический* труд, сообщивший германскому народу в ученой, но доступной форме солидные знания о свыше чем двухтысячелетнем стремлении жидовства к господству над миром. Не будет преувеличением сказать, что именно книга Фрича была тем источником, из которого вытекло все огромное, охватившее всю Германию, противожидовское хитлеровское

движение. Оно прямо было бы невозможно, если бы его не подготовил Фрич, которого немцы справедливо называют „Дойчландс Альтмайстер дэс фёлкишен Кампфэс“, что значит приблизительно: „маститый создатель борьбы за народность в Германии“. Заслугу Фрича перед Германией считают прямо бессмертной (дас инштерблихе вердинст). Я не сомневаюсь, что Матыевич широко пользовался последним изданием книги Фрича. Не знаю, какая численность жидов в мире установлена в последний раз Фричем, так как не видел 34-го издания его книги. Вообще я думаю, что точной цифры установить нельзя, во 1-х, потому, что жида всегда стараются укрыться от переписей; во 2-х, потому, что ни одна статистика не зачисляет крещеных жидов в общую их массу. Крещеные жида причисляются к господствующей национальности каждой страны. В № 29 венской газеты „Дер Штюмер“ от 3 марта 1934 г. помещена статья: — „Панюде“, в которой, на основании сведений 1924 г., даны такие цифры: всех жидов, жидовской же религии, в мире — 15.518.598; в том числе: в Европе 10536755, в Америке 3850122, в Азии 599581, в Африке 508295, и в Австралии 24045. Теперь эти цифры необходимо повысить, присчитывая, во 1-х, естественный прирост за 10 лет, во 2-х, значительный процент укrywшихся, и в 3-х, крещеных жидов, которые, принимая крещение по разным соображениям, нисколько не изменяют от этого своей жидовской природы. В № 18 газеты „Дер Штюмер“ рассказывается любопытный случай. В 1931 г. умер крещеный жид, доктор *Макс Лиор*. Он был *профессором протестантского богословия* в Кенигсберге и *проповедником* соборной кирхи в Берлине. Таким образом, просвещал в религии и студентов, и прихожан собора. Что же потом выяснилось? А вот что: он регулярно *посещал жидовскую синагогу и праздновал субботу* по строго жидовскому обряду *в течение всей жизни*. Чем далее, тем более укрепляется воззрение, что крещеных жидов следует причислять при крещениях к жидам, наравне с их единоплемениками, оставшимися при старой религии. То религиозное движение, которое охватило всю Германию и получило название „германского христианского движения“, стремится, главным образом, к освобождению христианства от влияния Ветхого Завета и связанных с Ветхим Заветом представлений. Оно также ведет свое начало от *Теодора Фрича*, который в 1912 г. издал книгу: „Ложный Бог“ (Дер фальше Готт) полемического содержания: в ней он доказывает, что только по недоразумению последователи Христа могут считать иудейского национального бога Яхве тождественным с Богом-Отцом, которого явил человечеству Единородный Его Сын, Суций в недре Отчем, Господь Иисус Христос (Иоан. 1: 18). „Ложный Бог“ — книга замечательная; и она, наверное, будет переведена на русский язык, когда русский народ очнется от жидовского угара и начнет восстанавливать свою подлинную народную душу. Суды по жалобам жидов несколько раз осуждали [его] на тюремное заключение за оскорбление жидовской религии, но он не сдавался. Теперь деятели хитлеризма рассматривают дело Фрича как первый удар молотом с немецкой стороны по жидам с целью освобождения человечества от жидовского ига (дер эрсте дойче Хаммершлаг).

Вы спрашиваете, что я читаю. Да вот, как видите, усердно прочитываю каждый номер еженедельника „Дер Штюмер“. Когда я писал последние строки, мне принесли присланный Вами № 21 газеты „Завтра“. Благодарю Вас. Об этой газете я уже знал и имею 4 ее номера. Такая же противожидовская газета издавалась до последнего времени в Кишиневе, под названием „Воскресение“. К сожалению, под давлением сильных представителей румынского жидовства, она недавно закрыта распоряжением министра внутренних дел Инкульца. Я слышал, будто бы этот Инкулец состоял в свое время членом Московского Совнаркома и чекистом, пройдя „агитшколу“, а теперь будто бы является главным проводником советских влияний в Румынию. Газета „Дер

Штюмер“ гораздо обширнее и серьезнее „Завтра“ или „Воскресения“, которое будет заменено „Русской газетой“...

В последние дни читаю замечательную книгу Альфреда Розенберга: „Миф XX века“⁶⁴⁴, заключающую в себе, как говорит подзаглавие, „оценку душевно-духовных-преобразовательных борений нашего времени“. Розенберг – ближайший сотрудник Хитлера, назначенный в феврале на должность „заведующего интеллектуальным и философским развитием германской молодежи“. В книге много места отведено резкой критике римского папства и политики Пия XI. Вследствие этого католическая печать обрушилась на Розенберга, и папа распорядился внести его книгу в „Индекс либрорум прохибиторум“⁶⁴⁵ для католиков.

Недавно прочел историю семи месяцев гетманского „правления“ в Киеве в 1918 г., написанную на мове одним из бывших гетманских „министров“, Д.И. Дорошенком. Освещение „правления“ дано панегирическое и далеко не соответствующее действительности. Насколько я помню события, избрание митрополита Антония на киевскую кафедру описано совсем неправильно. Вот почему я писал Вам в открытке, что следует Вам, как лицу ближе моего стоявшему к делу избрания, записать обстоятельства этого дела, чтобы со временем восстановить истину. Убийство митрополита Владимира приписано всецело большевикам, между тем как в действительности оно было делом рук украинцев, нашедших сочувствие среди Лаврской братии.

Зимой мы действительно сильно зябли в нашем ветром подбитом домишке. Христос Воскресе. Любящий Вас А. Стороженко».

10 мая 1934 г. Час в день посвящаю изучению французского языка. Это я стал делать со второй половины февраля сего года. После обеда ко мне приходит В.И. Майборода, и мы один час [читаем] статейку из Брейля и Берлица. Иногда даже пробуем перекидываться простенькими фразами. Интересно, что может получиться от таких повторительных уроков, но факт, что мне доступнее стало разбираться при чтении французского текста.

Генерал-еврей А.П. Хануков продолжает убеждать моих знакомых в том, что будто я соц.-революционер... Старый дурак и интриган. Я снова вижу, что дух какого-то беспокойства, интриги и непонятных нам моральных качеств или, правильнее, безнравственности заключен во всяком еврее, и крещение, какое принимают, ничего не дает их природе в смысле нашем, христианском. Добраться до генеральских чинов, прикинуться приятелем, а потом и стать «кирилловцем», и во имя этого мнимого легитимизма заняться обливанием нас помоями – это ли дело русского генерала? Кстати, о евреях-перекрещенцах пишет мне в письме от 29 апр. с. г. А.В. Стороженко следующее: «Случаи с Левитаном и генералом Грулевым мне известны. В 1930 г. Грулев выпустил в Париже книгу: „Записки генерала-еврея“. В ней он задним числом *иронизирует* над русскою властью, которая-де просмотрела, что он *притворно принял христианство, и не переродился из еврея в русского*, а пользовался только служебным положением для устройства приятной жизни и для удовлетворения честолюбия. Генерал П.Н. Симанский, разбирая книгу Грулева (Грулев настолько искусно скрывал свое жидовство, что Симанский, до появления книги, считал его *болгарином*) (газета „За Свободу“, № 210 от 5-VIII-1930) перечисляет, кстати, офицеров-евреев в русском Генеральном штабе [и] среди этих немногих лиц называет Александра Павловича *Ханукова*, добавляя: „Сестра его вела мелкую торговлю в Одессе“. По моим сведениям, Хануков принял христианство *по окончании реального училища* в Херсоне, где отец его был хозяином мельницы, и крестным отцом выбрал для себя отставного генерала Крылова (возможно, что память

мне изменяет), который и исхлопотал для своего крестника право поступить в военное училище. Для дальнейшего движения по службе, как говорит Симанский, в российской императорской армии не существовало никаких препятствий.

И интересно, что даже в такое время, когда внимание русских в отношении еврейства обострено, генерал-еврей, вместо того чтобы сидеть спокойно, нахальничает, переходит в наступление против русских же – генерала Черепова, дискредитирует Антонова, Харченко, Рупперта (последнего он называет большевиком агентом здесь). Активность этой нации поразительна: потому она и побеждает. Но, кажется, она слишком зарвалась в своем стремлении ко всемирному владычеству. Эта активная и замечательная нация, несомненно, верит в свое *избранничество и господство* в мире. Это есть бредовая идея, но она может стать реальностью, если другие нации вырождаются и болеют от вырождения. Такое гордое самосознание надо оканивать холодной водой, и тогда она может служить службу другим нациям своими торговыми способностями и капиталами. Ее только надо держать в постоянных шорах и не пропускать ни в какие государственные ткани, иначе будет горе такому государству, национально обанкротившемуся. Слопают они его беспощадно, как клопы».

В том же письме Андрей Владимирович пишет: «24 сего апреля получил и, не откладывая в долгий ящик, изложу Вам, как представляет Д.И. Дорошенко (бывший министр украинский при гетмане Скоропадском) дело выборов митрополита Киевского в мае 1918 г. Книга его, под заглавием „Українська Гетьманська Держава 1918 року“, является, по его плану, 2-м томом „Иллюстрированной истории Украины“ за 1917–1923 гг. и издана в Ужгороде на Карпатской (правильнее: Подкарпатской. – Д.С.) Руси в 1930 г. Иные тома не появлялись. На с. 323 начинается такой рассказ: „После убийства большевиками Киевского митрополита Владимира, Киевской епархией временно управлял Чигиринский епископ Никодим. По соглашению с Москвою, он вел такую тактику, чтобы выборы киевского митрополита произвести до Собора на Киевском Епархиальном Съезде. Этот съезд состоялся в половине мая 1918 г.“».

По поводу этих слов Дорошенко я с своей стороны замечу следующее: да, верно, киевской митрополией управлял чигиринский епископ Никодим, мой хороший знакомый, кстати сказать, и человек слабой воли, всего боящийся, озирающийся на все стороны, но очень добрый, честный, хороший в русском смысле слова, т. е. человек душевной красоты; но неверно то, что будто он вел какую-то «тактику». Киевская епархия была именно епархией, возведенная лишь ради исторического значения Киева в ранг митрополии, как она была *епархией* и в церковной зависимости от константинопольских патриархов до половины XVII в. А в России был такой порядок замещения архиереев (покажу это на конкретном примере, чему свидетелем и участником, если можно так выразиться, я был). Когда умер Минский архиепископ Михаил, Св. Синод, как высшая церковная власть, назначил викарного виленского епископа Иоанна (Помера⁶⁴⁶, латыша) временно управлять минской епархией и произвести выборы на минскую кафедру (раньше Синод сам назначал). Так же было и в деле замещения киевской кафедры. Убийство киевского митрополита Владимира произошло в период заседаний Всероссийского Церковного Собора, который представлял тогда высшую церковную власть. Канонический порядок замещения епископской или митрополичьей кафедры остался таким же, управляющий киевской епархией епископ Никодим иначе и не мог поступать, как по каноническим правилам, и о «тактике» тут не приходится говорить. Канонические правила остались прежними, но изменились политические обстоятельства в России: в Киеве сидел, поддерживаемый штыками германского генерала Эйхгорна, гетман Павло Скоропадский, гетман никогда не существовавшей,

как политическая независимая единица, Украины; он-то со своим «правительством» и хотели, чтобы киевский митрополит был не митрополитом Киева, а *всей Украины*.

Дальше из письма: «Зеньковский, только что назначенный на должность министра (добавлю: исповеданий. – Д.С.), хотел отложить выборы и, от имени правительства, предложил их отсрочку. Он мотивировал свое предложение тем, что выборы эти являются выборами первосвященника *Украинской Церкви*, а не просто выборами киевского митрополита. Между тем организация украинской церкви еще не установлена, и функции киевского митрополита еще не определены. Кроме того, выборы киевского митрополита, как первосвященника Украинской Церкви, должны состояться при участии избирателей от *всех украинских* епархий, а не только от одной киевской. Зеньковскому ответили, что выборов отложить нельзя (так было решено в Москве) и что созвать собор до осени также нельзя».

По поводу этих слов Дорошенка. Да, Зеньковский Василий Васильевич был назначен таким министром. Я помню его еще профессором Киевского университета, помню его публичные лекции из области педагогики. Это человек некрупный, очень самолюбивый, принадлежал к кадетской партии Милюкова, по-малорусски, или, как теперь выражаются, по-украински не говорил и сейчас не умеет говорить. Такой человек, не разбираясь в церковных канонах о замещении архиереев и митрополитов, как «министров» не существующей и не признанной русским народом Украины, требовал всеукраинских выборов Киевского и всея Украины митрополита, но, конечно, высшая всероссийская власть, в лице заседавшего в Москве всероссийского церковного Собора, не могла поступать так же легкомысленно, как поступал гетман Скоропадский, Зеньковский и все «правительство» Украины, и в домогательствах этих отказал, как ни старался, между прочим, для таких целей лукавый и ловкий Одесский митрополит Платон, великий честолюбец, подготавливавший всеукраинскую митрополию для себя; кстати сказать, этот интриган, произведший раскол в русской эмигрантской церкви вместе с митрополитом Евлогием и взбунтовавшийся против всезаграничного русского Синода, умер на днях в Соединенных Штатах Северной Америки.

Дальше из письма. «Выборы происходили 19 мая. По указанию из Москвы, для избрания кандидату нужно было получить две трети голосов. Но устроители съезда удовлетворялись обыкновенным большинством. Уже заранее все было устроено так, чтобы устранить тех членов епархиального съезда, которые могли бы голосовать против кандидатуры харьковского митрополита Антония. Избрание его было предрешиено. Так, например, устранен был священник Соломенко из Канева, горячий сторонник украинского национального течения. На избирателей производился всяческий нажим. Перед самыми выборами явился на съезд Зеньковский и снова, от имени правительства, предложил отсрочить выборы и заняться обыкновенными епархиальными делами. Он грозил неудовольствием со стороны власти. Предложение министра, поставленное на голосование председателем съезда архиепископом Евлогием, собрало за себя только 10 голосов. Остальные избиратели или высказались против, или воздержались от голосования. И выборы состоялись. Однако же, несмотря на бешеную агитацию, кандидатура митрополита Антония не получила крупного большинства голосов: из 290 голосов съезда за него голосовали 160; остальных 130 голосов подано было за уманьского епископа Димитрия. Избрание митрополита Антония нарушало каноны: не было необходимых двух третей голосов за него, как этого требовало постановление Всероссийского Церковного Собора 1917 г. Когда Зеньковский факт избрания митрополита Антония довел до сведения Совета министров, то тут, после продолжительного совещания, принята была такая, предложенная Зеньковским,

формула: правительство не признает выборов правильными, потому что избрать киевского митрополита вправе только Всеукраинский Церковный Собор; в вопрос о каноничности или неканоничности правительство не желает вмешиваться. Вместе с тем правительство уполномочило Зеньковского обратиться с письмом к московскому патриарху Тихону, в котором Зеньковский должен был объяснить патриарху Тихону, почему украинское правительство не одобряет выборов 19 мая и настаивает, чтобы патриарх отложил выборы до Собора. Но сторонники митрополита Антония успели, с помощью некоторых хитростей, предупредить патриарха и настоять, чтобы избрание митрополита Антония было им немедленно утверждено. На письмо Зеньковского патриарх ответил только через месяц, что выборов отсрочить он не может и избрание митрополита Антония утверждает».

«На этот абзац замечу следующее. До каких глупостей может договориться даже неглупый человек, а таковым надо считать Д.И. Дорошенка.

Прежде всего, надо заметить, что в каноничности и законности выборов Антония киевским митрополитом никто не мог сомневаться: выборы были произведены по всем правилам и в согласии с общими требованиями, установленными Всероссийским Собором; большинство голосов у митрополита не искусственное, а законное. Никого не надо было устранять с Собора, кроме тех самозванцев, которые самочинно хотели, никем не выбранные, пролезть на епархиальный съезд. Я имею в виду пресловутую «церковную Раду», состоявшую из групп почти политиканствующих, большей частью гимназических законоучителей, как напр. Нестора Шараевского, Филиппенко, Тарнавского, возглавляемых полусумасшедшим попом с Соломенки Липковским, объявивших себя вдруг «церковным украинским правительством» под именем «церковной рады». Этих господ съезд не допустил до голосования не потому, что они могли быть опасны для митрополита Антония, а исключительно потому, что они самозванцы, не имевшие никакого права участвовать на епархиальном съезде. О каком «нажмем» на депутатов может идти речь, когда украинская «власть» была против съезда, а депутаты никакими реальными силами не обладали, кроме разве одного: их было большинство, а большинство во всех парламентах выносит свои решения. Нажим, даже террор употреблял именно министр Зеньковский, требуя от епархиального съезда не выбирать митрополита; но съезд не устранился этого «министра». Съезд поступил в отношении власти корректно: он мог бы совершенно не считаться с вмешательством г. Зеньковского, между тем предложение его об отсрочке выборов поставлено было председателем епархиального Собрания на голосование, но собралось за себя только 10 голосов... Приводя эти цифры, г. Дорошенко не замечает, как сам же побивает себя этими цифрами: на многолюдном собрании нашлось лишь 10 голосов, поддержавших вышеназванных проходимцев и г. Зеньковского. Да и в самом деле: кто, когда признал какую-то особую «украинскую церковь», для которой следовало выбирать всеукраинского митрополита. Что же касается того, что епископ уманьский Димитрий собрал порядочное количество голосов, но не 130, а, насколько помнится, 97, то это было не потому, что хотели именно его выбрать в митрополиты (об этом никто серьезно не думал); а потому, чтобы не обидеть этого уважаемого пастыря, сделавшегося по недоразумению игрушкой кучки оголтелых украинцев. Ничего нет удивительного и в том, что все шаги «украинского правительства» в лице г. Зеньковского перед московским патриархом остались безрезультатными. Патриарх, блюдя именно церковные каноны, не мог, не смел не утвердить выборов митрополита Антония, и, вопреки утверждению г. Дорошенка, сторонникам м. Антония не нужно было прибегать к «некоторым хитростям». Вообще, эти выборы показали, что народ в своей массе не помешался на революционных лозунгах, а вот

сволочные «министры», развращенная еврейскими мозгами интеллигенция и испорченная аристократия погубили и Царя, и Родину, и себя...

На с. 325 рассказ продолжается таким образом: «Между тем дело митрополита Антония вступило в новую фазу. Митрополит Антоний заявил, что он желает приехать в Киев, чтобы вступить в отправление обязанностей киевского митрополита. Приезд митрополита Антония был весьма нежелательным для правительства. Дело в том, что избрание митрополита Антония в киевские митрополиты вызвало огромное неудовольствие, в украинских кругах он был издавна очень непопулярным. Эту непопулярность особенно усилила деятельность его во время мировой войны в Галичине, отличавшаяся грубыми насилиями над верою тамошнего украинского населения. Да и после революции митрополит Антоний как будто нарочно все делал, чтобы оскорбить и раздражить украинские национальные чувства. Так, когда на Пасху 1917 г. некоторые представители харьковского духовенства обратились к нему за позволением прочитать Евангелие в первый день Светлого Праздника на украинской мове, то он ответил, что не может согласиться, чтобы читали Евангелие на базарной мове. С другой стороны, украинское правительство не могло забыть того неуважения к нему, какое было проявлено в самом ходе выборов, приведших м. Антония на киевскую кафедру. Поэтому Совет Министров посвятил особое внимание приезду митрополита Антония в Киев. Некоторые члены Совета Министров высказывались за то, чтобы силою не допустить этого приезда. Но большинство склонилось к мысли Зеньковского: не прибегать к силе, чтобы не раздражать известной части православного населения Киева и чтобы не создавать м. Антонию ореола преследуемого, но просто не считать его митрополитом Киевским, а продолжать относиться к нему как к митрополиту Харьковскому, пока вопрос не будет разрешен Церковным Собором. В таком духе написано было постановление Совета Министров. Никто из членов правительства и даже никто из чиновников министерства исповеданий не встречал митрополита Антония. Ввиду того, что сторонники митрополита Антония готовили ему торжественную встречу, агенты министерства путей сообщения, по собственному почину, *задержали на какой-то глухой станции на целых 10 часов поезд*, которым ехал митрополит Антоний из Харькова. Вместо того чтобы прибыть рано утром, митрополит Антоний прибыл в Киев поздно вечером. Таким образом устранены были как все подготовленные манифестации, так и возможные контрманифестации».

Что приезд митрополита Антония в Киев был весьма нежелателен для так называемого «правительства», которого, кстати сказать, никакая авторитетная власть не назначала и не выбирал народ, это вполне понятно: митрополит был в эту смутную эпоху единственной *законной* церковной властью, а вот эти украинские круги и правительство неизвестно откуда появились, манифестируя собою не что иное, как развал русской государственности, а не законное начало. Да и этих «украинских кругов» была такая горсточка, что просто смешно принимать ее всерьез: и выборы митрополита Антония, и выборы в украинский Церковный Собор, и гетманское правление, и легкое свержение гетмана и появление на сцене другого авантюриста – Петлюры и его разбойничьей шайки, занимавшейся лишь погромами населения и грабежами в настоящем ленинском духе («грабь награбленное»), – все это ясно показывало, что население против всяких украинских властей, быстро вскакивавших после революционных дождей и быстро же погибавших; единственной реальной силой был германский штык: умный немец, которому была на руку вся эта разруха и неразбериха, лишь посмеивался в свой ус.

Невероятная ложь и в том, что будто деятельность митрополита Антония во время войны отличалась насилиями над верою украинского населения в Галиции. Прежде

всего, в Галиции управлял не м. Антоний, а м. Евлогий. Второе: там вообще не было никаких насилий. В Галиции живет русское население, часть которого признает себя украинским; русское население, переведенное насильно бывшей Австро-Венгрией в унию, теперь в массах стало переходить в православие. Было ли это искренно или нет, это другой вопрос; вероятно, было много и таких, которые на этих переходах в православие хотели делать себе карьеру; можно собственно нам, православным, пожалеть, что бы тут не делалось строгого отбора; но время было исключительное, и отказать населению возвратиться в лоно своих отцов было невозможно; переходившие в православие, под влиянием успехов русского оружия, думали, что Австрии пришел конец, и спешили приспособиться к новому господину, а когда русские войска стали откатываться из Галиции, то такие скороспелые «православцы» стали забегать перед австрийскими властями и [говорить им,] будто их насильно перевели в православие... «Базарная мова»... А разве это не так? Ведь идеология митрополита, как и вообще русских, в отношении русского народа такова, что все ветви его составляют единое целое – русский народ; все они выработали единое литературное наречие, а главное-то: все они употребляли и употребляют в течение веков один священный язык – церковнославянский; что же переменилось в церковной жизни этого народа, чтобы отказываться от веками освященного языка и заменять его «базарным», т. е. тем, на котором говорят в житейской обстановке, на базарах. Ведь употребляет же католическая церковь непонятный народу, но освященный веками латинский язык; отчего же нам, православным, надо отказываться от веками освященного церковнославянского языка, притом вполне всем понятного.

Украинское правительство не могло якобы забыть неуважения, проявленного к митрополиту на выборах. Подумайте, какие печальники митрополичьего достоинства. Как участник в выборах митрополита, должен заявить, что никакого неуважения к митрополиту проявлено не было. Была некоторая страстность со стороны оголтелых и притом немногих, но это бывает на всяких выборах, в том числе и на церковных, и во всех странах. Кто изучал церковную историю, тот это хорошо знает.

Силой хотели некоторые из «правительства» не допустить м. Антония в Киев... Да где же была эта сила? Все отлично знают силу немецких штыков на Украине, но все также знают, что гетман не имел своих штыков, а сидел на немецких. Украинская сила была такова, что она была бы просто смята православным населением, если бы гг. Зеньковские вздумали воспрепятствовать приезду м. Антония в Киев. Что касается задержки поезда м. Антония на 10 часов на какой-то глухой станции, благодаря чему будто бы м. Антоний приехал в Киев „поздно вечером“, то могу сказать лишь одно: митрополита встречал весь Киев и встречал днем, а не вечером; надо было видеть эти огромные массы народа, стоявшего на панелях улиц, по которым шел митрополит Антоний крестным ходом от вокзала до Софийского собора; это было действительно грандиозное шествие. Благостный архипастырь, на лице которого было обычное ему доброе выражение и в то же время какая-то трогаящая за сердце печаль, торжественно шел улицами старого, седого и святого Киева, благословляемый тысячами народа... Незабываемое зрелище... Я лично тогда, зная злобу некоторых „украинцев“, с радостью, но вместе и с тревогой наблюдал это шествие, невольно думая: куда идешь ты, наш добрый пастырь, не на заклание ли...»

Сейчас с В.И. Майбородовым был в Сремских Карловцах у митрополита Антония, чтобы расспросить его подробнее о встрече его при приезде в Киев. Он тоже подтвердил, что его вагон где-то забили в тупик. Это было, но что прибыл он в Киев днем и торжественно встречен огромной массой народа. Ясно, что Дорошенко говорит не-

правду. Митрополит не помнит лишь час встречи, как не помнит и только вернувшийся из Палестины протоиерей Федор Синькевич, бывший сейчас у митрополита вместе с Рклицким, графом Граббе, архимандритом Федором; кстати, когда мы пили чай, вошел с папкой бумаг П.В. Скаржинский.

Митрополит просил Майбородова прочитать свое стихотворение «Ты знаешь край, где все страданьем дышит». Майбородов не помнил, тогда Граббе это нашел и дал прочитать Рклицкому; последний читал как пономарь, но Владыка, как и раньше, прослезился, а подхалим Рклицкий, вторя Владыке, сделал вид, что и его горло сжимают спазмы...

Но возвращусь к письму Стороженка. «„Когда митрополит Антоний делал визиты гетману и членам правительства, то его принимали как митрополита харьковского. Вообще он получил крайне холодный прием“, – пишет Дорошенко.

Митрополит встретил не только холодный прием, но и хуже того: гетман не принимал его 2 раза. И вдруг германский командующий генерал Эйхгорн приглашает к себе Антония, встречает его необыкновенно торжественно (от подъезда вверх были разостланы ковры), и тогда уже и гетман понял свой глупый поступок и принял Антония».

Стороженко пишет далее: «В этом рассказе, как и во всей своей книге, Д.И. Дорошенко представляется мне лягушкой, стремящейся раздуться в вола. Все эти пышные, или, употребляя иностранное слово, помпезные названия: украинская держава, гетманская власть, совет министров, министр исповеданий и пр. – весьма мало подходят группе лиц неопределенного духовного облика, служивших марионетками в руках всевластного, опиравшегося на штыки, германского командования. Хозяйничали в стране немцы, а марионетки сидели в своих канцеляриях и изводили стопы бумаги на писание разных проектов, протоколов, уставов, законов, договоров и т. п., от которых никому не было ни холодно, ни жарко. Громоздкий канцелярский механизм работал впустую и тешился только тем, что он работает на „мове“. Между тем немцы вывозили из страны, насколько позволял железнодорожный подвижной состав, все, на что только простиралась их жадность, до черной перегнойной земли включительно.

В самом рассказе об избрании митрополита Антония я усматриваю ряд неточностей. Может быть, Вы найдете их и больше. Митрополит Владимир был убит не большевиками, а *украинцами*, при сочувствии Церковной Рады и некоторой части лаврской братии. Если бы братия единодушно и энергично выступила на защиту своего священно-архимандрита, убийство не могло бы совершиться.

Совершенно верно. Да и следствие, назначенное Советом Союза Приходских Советов, где работали помощник ректора Духовной академии архимандрит Тихон, член окружного суда Александр Модестович Чечот, мировой судья г. Харькова Иван Михайлович Бич-Лубенский (после расстрелянный большевиками), а также и следствие, назначенное от украинского церковного собора, ясно показало, что убийц надо искать среди лаврских монахов. 2) Напрасно Д.И. Дорошенко старается как-то укрыть от внимания читателя тот факт, что роль Зеньковского в церковной жизни летом 1918 г. была нулевая. Да и сам Зеньковский – это ходячий ноль, личность склизкая, вихлястая, говоря в переносном смысле: без позвоночника. Теперь он жидолюб, и в январе месяце с. г. выступал в милюковских „Последних Новостях“ против тех немецких профессоров, которые не соглашались крещеных жидов поставить на одну доску с христианами-немцами. Между тем факты говорят, что крещеный жид никогда не перестанет быть жидом. Если ныне Зеньковский в применении к жидам отрицает важ-

ность национального принципа, то почему в 1919 г. он соглашался ломать церковный уклад в Южной России в угоду нелепому украинскому шовинизму, поддержанному в ту минуту немцами, ради возможности пограбить южнорусские богатства в пользу отошавшей, изнуренной войною Германией? 3) Д.И. Дорошенко говорит о каких-то *хитростях* со стороны приверженцев м. Антония. Мне они неизвестны, но, быть может, Вы объясните, в чем тут дело, и какие хитрости имеет в виду Дорошенко». Никаких хитростей с нашей стороны не было и не могло быть. Была лишь жертвенность и гордая преданность русскому национальному делу. Ведь было просто стыдно переживать то, что униатский поп Мазюкевич стал претендовать на заправление русской церковной жизнью. Да в хитростях и нужды не было: все видели, что почти все сплошь население православное не желает того, к чему стремилась Украинская Церковная Рада, как и Рада пана Грушевского. С нами был подлинный народ, и бояться и хитрить нам незачем было. «4) Мне помнится, что в митрополиты киевские мы баллотировали не 2-х, а 3-х лиц, и митрополит Антоний получил большинство. Забыл, какие еще были кандидаты; как будто епископ Димитрий *не* состоял в их числе». Нет, и епископ Димитрий выставлен был украинцами в кандидаты на митрополита; был кандидатом и архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий). «5) Разрешение на встречу м. Антония я сам лично получил в германском штабе на углу Крещатика и Думской площади накануне вечером, и она состоялась утром. Ясно припоминаю, что все мы встретили митрополита Антония на паперти Владимирского собора, а потом вместе с ним прошли пешком из Владимирского собора в Софийский и там его „интронизовали“. К Зеньковскому никто и не обращался. По-моему, в этом случае в рассказ Дорошенка попала какая-то досужая сплетня „зализничников“ (железнодорожников, руководимых неистовым и обалдевшим от чрезмерного украинства Бутенком (умер в 1926 г.)).»

Я тоже отлично помню, что встреча митрополита была в ясное солнечное утро, около 10 час., ибо я встречал митрополита от Приходских Советов в Дарнице. Митрополит сказал мне позавчера, что его вагон действительно загнали в какой-то тупик, но это недолго продолжалось.

Жаль, что я не имею книги Дорошенка. Как участник в выборах митрополита Антония и вообще всех эксцессов украинского шовинизма я мог бы сделать существенные примечания.

Вчера ездил в Белград, чтобы посмотреть оперу Глинки «Жизнь за царя», поставленную в доме Императора Николая II артистом Ильей Слатиным⁶⁴⁷. Прекрасный зал был полон русскими, было лишь несколько сербов наперечет. Сусанина исполнял очень хорошо бас Коровников⁶⁴⁸, Ваню пела прекрасно Лидия Гавриловна Кармазова⁶⁴⁹, по сцене Аксенова, остальные партии, например Антонины, прошли бледно, костюмы были скромны, но в общем спектакль прошел успешно и делает честь тем, которые его поставили. Играл оркестр королевской гвардии.

Сегодня в Новом Саде хоронили главного католического священника Фата. Я когда-то был у него, спрашивал, где похоронены на католическом кладбище русские военнопленные и сколько. Хотя погребения эти здесь были несомненны, и вначале моего приезда сюда я сам видел кресты с именами русских военнопленных, Фат сказал, что таких погребений на этом кладбище не было, и он ничего об этом не знает...

Сегодня директор Стефан Маргетич пригласил меня на ужин к себе, на котором будет присутствовать и инспектор, ревизующий нашу гимназию, профессор Белградского университета д-р Станко Шкерль⁶⁵⁰, словенец. Придется идти, хотя и не хотелось бы.

19 июня. Давно не видал митрополита Антония, поэтому сегодня вечером ездил в Сремские Карловцы. Я нашел, что митрополит чувствует себя лучше, чем раньше, посвежел, даже стал ходить самостоятельно в церковь. У него я застал новохириотонисанного епископа Шанхайского Иоанна (Максимовича),⁶⁵¹ из дворян и светских: окончил кадетский корпус и университет. Сестра секретаря митрополита графа Юрия Павловича Граббе, как жительница Польши, рассказывала о тяжелом положении там русских, причем интересно то, что многие русские как бы отрешиваются от всего русского, переходят в католичество и унижительно ведут себя перед поляками. Какая-то трусость и отсутствие национальной гордости...

На мой вопрос митрополиту, можно ли считать вопрос о примирении с митрополитом Евлогием состоявшимся и объединение Парижской и Белградской церковью русских predetermined, митрополит ответил отрицательно: «Да ведь, – сказал митрополит, – этому мешает Коковцов граф и ему подобные, а сам Евлогий – человек ненадежный, материалист, беспринципный, „жрет“ скоромное целый год. Это был один из самых слабых моих учеников. Я даже не имел права без соборного решения вступить с Евлогием в молитвенное общение, а он это не оценил, и разобщение его не беспокоит».

Архимандрит Феодосий сказал мне, что митрополит Евлогий прислал письмо сербскому патриарху Варнаве, в котором пишет, что из подчинения константинопольскому патриарху он не выйдет. Экспансивный митрополит Антоний, прервавший общение с Евлогием, а затем неожиданно как-то пошедший перед ним в Каноссу, остался снова разочарованным. Нервы у него совсем ослабли: он вспомнил стихотворение Майбородова об Украине, ее приволье, и заплакал.

Вновь поставленный епископ Шанхайский, Иоанн Максимович, в разговоре с митрополитом все употребляет слово «государь», относя его к великому князю Кириллу Владимировичу. Значит, для этой среды (митрополит Антоний, граф Граббе, епископ Иоанн) Кирилл Владимирович является настоящим царем. Что это – сумасшедшие или наивные люди. Я почувствовал, что попал в чуждую мне среду. Дворянство наше, обанкротившееся на службе настоящему царю, создает себе «хоть какого-нибудь», по выражению людей боярских XVII века, или устремляется в монашество для занятия епископских мест...

21 июня наша корпорация чествовала представителя Министерства просвещения д-ра Станка Шкерля, профессора Белградского университета, банкетом в ресторане при купальском парке. Было все просто, интимно. Наставницы некоторые много пели, в том числе русские песни, под моим, так сказать, руководством. Удивительно, как привились тут русские песни и какую массу знают их сербы.

26-VI-1934. Стоит дивная погода, а я вынужден сидеть дома с колоссальным флюсом. Лечусь у доктора Райковича⁶⁵². От Ирочки получил письмо. Я радуюсь счастьем моих деток – Ирочки и Марусечки. Дай Боже Марусечке благополучно разрешиться от бремени. Тяжело ей теперь в такую жару. Сын Толечки⁶⁵³ просто прелестен. Я невольно улыбаюсь, смотря на его милую мордочку.

6 июля 1934 г. Сегодня вечером выехал в Словению и именно в Жировницу, заплатил за половину билета 155 динар до Жировницы, где остановился на старой квартире (Мосте 35, у Робица). На пути заехал в Люблян, был в библиотеке Русской Матицы. Она имеет всего лишь 3633 книги, а у нас около 4100 книг. Библиотекарь Вл. Ник.

Первого получает 500 динар, да еще 18% с прихода от иногородних подписчиков. За квартиру Матица платит 100 динар, за записочку в пересылаемой книге Матица была оштрафована почтой в 141 динар.

8-VII выехал в 6 часов 44 мин. под Вршич к памятнику русских погибших солдат, в поезде разговаривал с профессором Александром Дмитриевичем Билимовичем, указывавшим на необходимость образовать Комитет содействия активному движению среди русской молодежи. От Краньской Горы (станция) до русской часовни шел 1 час 40 мин. Загребский митрополит Досифей освятил антиминос, отслужил обедню, а после – панихиду на могиле неизвестного русского воина. Прекрасно говорил о русских жертвах для славян митрополит Досифей. Говорили далее профессор Спекторский и профессор Билимович. Последняя речь значительна. Славянство переживает сейчас роковое время, в котором решаются его судьбы. Уже румыны протянули руку русским убийцам, чехи тоже, посмотрим, что будет дальше. Речь Билимовича – голос предупреждения славянству, но кто его услышит... Речь меня потрясла. Досифею Русская Матица преподнесла адрес, художественно выполненный студентом К.П. Григоровичем-Барским, киевлянином. После торжеств митрополита и видных гостей пригласили на обед в туристическом доме «на Гозду», где говорились речи. Я воздержался от слова. Русско-словенский хор под управлением словенца пел русские песни – «12 разбойников», «Волга» и т. п.

9-VII. Сiju среди природы и читаю умный роман Кельчевского «После урагана»⁶⁵⁴. Я стар уже, а все же так хорошо, так дивно наблюдать эту изумительную красоту природы. Я поднялся к знакомому мне озеру «Завршница» под горой «Стол», по бетон[ов]анному обрыву каскадами падает вода, а в душе проносится целый рой мыслей: сколько тут раньше я передумал, перечувствовал о Родине, семье, я – изгнанник... Как живет там моя семья. Ведь подумать только, скоро моя Марусечка, которую я оставил в Киеве 12 лет, будет матерью. Помогите ей, Господи, исполнить святой долг материнства. Около озера шатры скаутов, слышен рог, сзывающий на ужин. Озеро застыло в своей синеве, как мое сердце застывает постепенно в своих желаниях... А для чего-то я еще живу...

11-VII. Сегодня ходил на Блед к м-ме Фишер, чтобы купить у нее русских книг для нашей Библиотеки, но она отказалась что-либо продать, однако мне кое-что подарила, например, латинско-русский словарь Шульца. Был на вилле Оливотти, где мне предлагали комнатку за 10 динар в день. Здесь познакомился с м-ме Ляхно, женой присяжного поверенного в Белграде. Она рассказывала историю своего бегства из России и мытарства в Польше. С мужем она из Харькова добралась через Киев до Винковцев, откуда шли они ночью, неся 2-х летнего ребенка через границу. В Польше все русские должны были каждые 2 недели являться в полицию. Благодаря одному знакомому поляку муж сделался адвокатом при окружном суде, но вдруг, через 6 лет, неожиданный приказ – выселиться из Польши, иначе всех отправят по этапу в СССР... Раз, гуляя около своей квартиры под Варшавой (в Варшаве русские не имеют права жить), она встретила с конной полицией, которая потребовала у нее легитимации. Легитимация была дома, и полиция хотела гнать ее в полицейскую часть, отстоящую за 18 километров. Едва-едва она умолила зайти к ней на квартиру, где и показала свою легитимацию (паспорт). По телеграфу им удалось получить визу в Югославию (тогда еще Югославия давала, хотя и с препятствиями, визы. Теперь получить визу и в Югославию для русских очень трудно).

15-VII. Получил вчера письмо из Киева. Оказывается, у Ирочки женская болезнь. Откуда это? Меня это взволновало. Сегодня я приехал в Любляну, покинул милую Жировницу, где заметно посвежел. Был у профессора Е.В. Спекторского, председателя Русской Матицы. Он пишет уже 9 лет дневник политических событий, поскольку они имеют отношение к России. Профессора Билимовича не застал: он был на панихиде по Григоренке, киевлянине, бывшем управляющем канцелярией киевского генерал-губернатора. Я отправился затем к профессору Ясинскому, куда зашел и профессор Билимович пригласить меня на обед. Ясинский пять дней назад возвратился из Нишской бани, которую считают радиоактивной. Он очень постарел, с трудом двигается, подобно митрополиту Антонию. Нишская баня его подкрепила, но он заметно разрушается, а по словам профессора Вербицкого, переданным мне Спекторским, Ясинский может умереть всякую минуту и может прожить лишь два года. Будучи в Жировнице, я посетил свои любимые места – висячий мост через реку Саву, ездил в Ратечу на итальянскую границу, оттуда прошел через Подкорень на австрийскую границу, где теперь построен великолепный отель «Пристavec Теодор», где комната с пансионом стоит 65 динар в день. Но дует тут, видимо, постоянный ветер (это «Коренско седло»). Высота над уровнем моря – 1073 метра).

Ходил из Жировницы и к селу Бегунье. На входе в кладбище в селе Брезницы надпись: «Кар сте ви, смо били ми. Кар смо ми, то бисте ви», т. е. «Как теперь вы, мы когда-то были, а как теперь мы, будете и вы»...

23-VII-1934. Пью воду «донат», «стирию». Действие желудка прекрасное. Мешают постоянные дожди. В хорошие дни принимаю солнечные ванны и обливаюсь душем. Строится чудесный бассейн для купаний. Обедал с каким-то немцем из Австрии. Все его симпатии на стороне хитлеровцев и Хитлера, но за успех его дела, при общем мировом бойкоте со стороны евреев Германии, он боится; а другой молодой человек, назвавшийся словаком, а в действительности «из наших», говорит, что в Германии будет большевизм. Заканчиваю читать «Парижскую Коммуну» Лиссагарэ⁶⁵⁵. Для меня теперь яснее, почему так жестоки большевики: они, между прочим, мстят русской буржуазии за свой французский разгром. Поражает фанатическая вера парижских коммунаров в мировое переустройство. Познакомился с настоятелем Белградской русской церкви о. Петром Беловидовым. Он также осуждает митрополита Антония и его окружение за внесенный в церковь легитимистский партикуляризм. Благодарил меня за статью в «Русском Голосе»⁶⁵⁶ против профессора Краинского.

25-VII. В.В. Богданов в письме сетует, что в Правлении Русской Матицы никто не работает, а публика крайне неблагоприятна, с претензиями, а платить деньги не желает. Да и я разочарован в своей работе. Рогашка Слатина лежит в 34 километрах от Целя и в 85 – от Загреба.

28-VII. Говорил с отцом Беловидовым. Это он создал русскую церковь в Белграде. Сначала он служил в русской гимназии и вообще в разных местах, а затем, служа в капелле С. Марка, он пригласил русских создать свою церковь. Пожертвования потекли, от патриарха Димитрия получилось разрешение построить церковь на Новом сербском кладбище. Русские сразу приступили к делу, наняв сербских рабочих, и вывели церковь до крыши. Между тем патриарх Димитрий, приехав служить в Маркову капеллу на «славу» (вроде престольного праздника), увидел постройку русской церкви. Это его возмутило, и он приказал рабочим сломать постройку. Но рабочие сказали: мы

знаем лишь [как] строить церкви, а не разрушать их... Патриарх вернулся в Карловцы и через митрополита Антония вызвал к себе о. Беловидова. Ругал меня, сказал о. Петр, так, как никто в жизни. «Русские, – кричал патриарх, – подлецы, мошенники, обманщики; я им разрешил строить часовню, а они строят церковь». Выслушав спокойно гневного патриарха, о. Беловидов сказал, что у нас есть его разрешение на постройку именно церкви. Патриарх кричал: это подлог, обман.

29-VII. Был здесь в сербской православной церковке, а затем на освящении купального бассейна. Длина его – 33,3 м, ширина 12,5 м, глубина 3,90 м. Много народа. Католический каноник произнес краткую речь, прочитал краткую молитву, а у нас бы затянули: о мире всего мира, путешествующих...

14-VIII-1934 г. С.Г.Г. Харченко посетили митрополита Антония и о. Нила Малахова, а через день епископа Бачского Ириней. Антоний заметно стареет, особенно поражает ослабление его памяти, еще недавно замечательной. Он разрешил, чтобы в нашей церкви служил священник Борис Селивановский⁶⁵⁷, профессор богословия в Сремских Карловцах. Отец Нил очень ослабел. У него несомненная чахотка, и едва ли он поправится. Патриарх Варнава⁶⁵⁸ был так к нему внимателен, что, не подвергая его экзамену, утвердил его штатным преподавателем Карловачской богословии в пятую группу, т. е. о. Нил будет получать около 3500 динар в месяц. Это хорошо, и семья его обеспечена. Ириней был также очень внимателен и удивился, что я до сих пор не зачислен штатным преподавателем.

В.И. Майбородов помирился с Хануковым: последний подошел к нему и заговорил как ничего между ними не было. Майбородов переехал на новую квартиру. Сейчас я у него был. Были еще В.И. Фененко и И.Д. Салямков. Со смехом они рассказывали, как Хануков принес Майбородову подарок на новоселье: коржики; конечно, коржики были горькие и необыкновенно соленые. И вот их-то он и принес на новоселье. Майбородов не стал их есть, а отдал бедняку Фененко, а последний тоже не мог есть и отдал их своему безработному сожителю К.Н. Хоминскому, бывшему полицейскому приставу в Черниговской губернии. Хоминский попробовал, отплевался и выбросил их в сорную яму... Смеялись все мы до упаду над подарком русского генерала-еврея.

Хожу на Дунай принимать солнечные ванны и купаться в реке.

19-VIII. В «Политике» напечатан список лиц, получивших ордена по случаю посещения города Е.К.В. Александром I. Это ряд имен общественных деятелей Нового Сада. Ни одного русского имени тут нет, хотя списки руководителей русских организаций были своевременно затребованы. Очевидно, злобное отношение или во всяком случае полупрезрение к русским заставляет чью-то властную руку, дающую представление о наградах, вычеркивать русские имена. В списке есть имена награжденных евреев, нет только русских... Вчера я говорил с начальником просветительного отделения при городской думе о пособии для Матицы. Пособие самое незначительное, в сумме лишь 1350 динар. Такую сумму Матица получила в прошлом году. Городская дума, так сказать, отпихнулась этой жалкой подачкой от русской организации, находящейся под покровительством Короля. А в этом году градоначальник Бранислав Борота⁶⁵⁹ даже в этой сумме отказал.

22-VIII. 20 и 21 августа был в Белграде, видел инженера А.Л. Андреева⁶⁶⁰, посетил А.В. Могилевскую. Встретила меня сердечно и оказала помощь детям моим. Бесконеч-

ное ей спасибо. Она также возмущается окружением митрополита Антония, как и другие. С кем ни говорил, все не переносят редактора «Царского Вестника» Н.П. Рклицкого, считая его жуликом. Известному проходимцу Гриню снова разрешено министерством просвещения открыть *второе* русское педагогическое общество, а между тем и одно-то мертво.

3 сентября 1934 г. Вчера был в Карловцах, где собрались на церковный Собор следующие архиереи: митрополит Антоний, старый, согбенный, из Иерусалима – архиепископ Анастасий, из Парижа – архиепископ Серафим, из Берлина – архиепископ Тихон, из Шанхая – епископ Иоанн, американский епископ Виталий (Максименко)⁶⁶¹, архиепископы – Гермоген, Феофан, Сергей. Я попал в русскую церковь, после обедни служился акафист Курской Божьей Матери (Знамения). За обедом говорил епископ Иоанн Шанхайский и говорил плохо, мертво, как ученик. После обедни я пошел к митрополиту Антонию, где были и Анастасий и Виталий, а также из Бельгии Котляревский. Я застал такую картину: Виталий что-то говорит, а митрополит ему: «ты ничего не знаешь». Вид у митрополита раздраженный, почти злобный; прислушиваюсь и слышу, что речь идет о митрополите Евлогии. Виталий говорит, что примирения жаждут миряне. Митрополит: «Ничего миряне не знают и ничем не интересуются... *его* надо *отлучить* от церкви (т. е. митрополита Евлогия). ...сукины сыны они, – в запальчивости выкрикивает Антоний. «А дальше что, – говорит Виталий, – когда у нас нет никакой реальной власти?» Я стоял позади, не желая мешать спору. Антоний, наконец, замечает меня, Котляревского и Анастасия и приглашает садиться. Я приглашаю Архиерейский Собор пожаловать в Новый Сад 6 сентября в 7 часов вечера и получаю согласие. Сел затем. Антоний требует кофе (было уже после 12 часов дня). Феодосий говорит, что кофе нет, что сейчас надо идти на обед. Митрополит просто отталкивает поставленную ему чашку чая. Ее предлагают мне. Я отказываюсь. Антоний: «Пейте, будете знать мои мысли». Я: «Я их и без того знаю и вижу Ваше настроение. Я никогда не видал Вас в таком настроении». И дальше я: «Владыка Виталий прав. Надо найти выход из создавшегося положения в церкви. Надо снять с митрополита Евлогия запрещение богослужения». Митрополит опять говорит взволнованно о безразличии к церкви и данному расколу мирян, а епископы Тихон Берлинский и Феофан Курский возбужденно возражают против моих слов о снятии запрещения. Зовут на обед членов Собора, и я ухожу к отцу Нилу Малахову. Он, по-моему, безнадежно болен. Чахотка делает свое разрушительное дело, но он все же думает ехать в Вурбург в дом туберкулезных... Жена его говорит, что в начале обедни Антоний громогласно обращается к прибывшим архиереям, кто из них будет говорить проповедь, и когда последовало молчание, митрополит кричит: «У меня много архиереев, а никто не хочет проповедовать»... Митрополит становится капризным до нестерпимости и смотрит на церковь, как на свою вотчину; это похоже на барское самодурство.

5 сентября. Вчера опять ездил в Карловцы информироваться, что делается на Соборе русских архиереев. На заседании была приглашена группа представителей общественных организаций г. Белграда; были например профессор А.И. Шеншин⁶⁶², редактор «Русского Голоса» полковник Пронин⁶⁶³, председатель Русских «Соколов» Дрейлинг⁶⁶⁴ и др. Они просили Собор достигнуть примирения с митрополитом Евлогием и снять с него запрещение без всяких условий. На Соборе им ответили, что запрещение будет снято, если только митрополит Евлогий приедет на Собор, причем Собором была послана митрополиту Евлогию следующая телеграмма: «Одушевлен-

ные искренним желанием восстановить церковный мир за рубежом, Собор зарубежных русских архиереев единогласно просит Вас и ваших викариев прибыть в Сремски Карловцы для совместного братского обсуждения столь жизненного для Церкви вопроса». О снятии запрещения, к сожалению, не сказано ни слова, и как бы этот призыв не остался повисшим в воздухе. Представители общественных организаций также послали телеграмму: «Делегация ряда русских общественных организаций, после посещения Патриарха Сербского и Архиерейского Собора, умоляет Вас и Ваших викариев отозваться на призыв Патриарха и Собора и прибыть на Собор для совместного братского обсуждения вопроса восстановления церковного мира». Телеграмма эта составлялась в ресторане Шароневича, была принесена в комнату профессора Н.Н. Глубоковского⁶⁶⁵, где был я, профессор Шеншин, профессор С.Н. Троицкий, секретарь Варнавы Маевский⁶⁶⁶, и мы ее также подписали.

Шеншин рассказывал, что когда делегация была на Соборе, митрополит Антоний сказал о Евлогий: «Пусть приедет и покается», а епископ Феофан Курский, останавливая объяснения, даваемые делегации епископом Иоанном Шанхайским, сказал: «Довольно объяснять, пусть убираются...» Шеншин дальше сказал, что Антоний совершенно впал в детство и им управляют темные личности: Рклицкий, Грин, Лопухин, бывший патриарший кучер, поставленный митрополитом Антонием в архимандриты – Феодосий; до чего онаглел последний, видно из следующего акта. Когда Антоний что-то объяснял в своей квартире делегации, Феодосий вдруг: «Да что Вы говорите? вовсе не так, и узнают все, что не так, и будут говорить, что митрополит Антоний – старый дурак и выжил из ума». По словам Шеншина, Антоний стал грязным циником. В Белграде к нему приходят раз три дамы по какому-то делу. Антоний: пришли разводиться? Имеете новых любовников. А это чей любовник? говорит он, указывая на пришедшего с дамами мужчину. Одна из дам расплакалась от такого оскорбления.

Профессор Глубоковский подарил мне свои три книги на болгарском языке.

Все мы были подавлены тем, что видели и что слышим. А положение для зарубежной Церкви грозное: Патриарх Варнава находится в общении с московским митрополитом Сергием, отлучившим зарубежных архиереев. Что же дальше будет?

7 сентября 1934 г. Вчера, по приглашению Новосадской русской Колонии и Приходского Совета, прибыли в Новый Сад к 7 часам вечера члены Церковного Архиерейского Собора во главе с митрополитом Антонием, а именно: архиепископ Парижский Серафим, Берлинский Тихон, Шанхайский Иоанн, Американский Виталий (бывший знаменитый Почаевский архимандрит Максименко), живущие на Фрушкой Горе по монастырям Феофан Курский, Гермоген, Сергей (впадающий в детство, полунормальный), а с ним вместе архимандрит Феодосий (бывший кучер патриарший), секретарь Синода граф Граббе Ю.П. Ужин был сервирован в Русском Офицерском Собрании и состоял из постных блюд. Приветственную речь, очень хорошо составленную и в духе высоко почтительном, произнес председатель Колонии и церковный староста Г.Г. Харченко. Затем приветствовал от Общевоинского Союза генерал-майор А.Н. Черепов. Речи их создали такое настроение, при котором о пожеланиях прихожан как-то неуместно было говорить, и я, которому было назначено также говорить, решил молчать. Но и Харченко, и Черепов, сидевшие со мною рядом, стали настаивать, чтобы и я сказал. Тогда я решил сказать то, что у нас всех наболело. Я говорил о необходимости созвать собор с участием мирян, как это было на соборах Московском и Украинском, каковой собор теперь был бы особенно нужен для прекращения крайне вредного церковного раскола, причем я подчеркнул, что и нам, мирянам, не-

безразличен этот раскол, наоборот – он доставляет нам тяжкие душевные мучения. Мир в Церкви должен быть достигнут какой угодно ценою, и прежде всего необходимо снять запрещение с митрополита Евлогия *без всяких условий*. Речь моя, я это чувствовал, овладела публикой, и некоторые меня за нее благодарили. Мне говорил архиепископ Гермоген, причем он отметил, что они готовы примириться с Евлогием и снять запрещение, но Евлогий отказался приехать. Гермоген не удержался, чтобы не придать своей речи обвинительный характер против Евлогия. После ужина, подойдя ко мне, он спросил: «Вам моя речь не понравилась». – Да, отвечал я, очень не понравилась; я вижу, что, при таком настроении, нельзя ожидать того, чтобы наши архиереи пересилили себя и стали выше счетов мелких, чтобы они сделали необходимый жест смирения и великодушия.

В 10 часов гости выехали обратно. Обедало всего до 100 человек. Часть гостей-прихожан была, за неимением места, размещена в другой комнате и, конечно, была очень недовольна. Места не хватило потому, что Харченко приглашал сербов, а они не пришли... И сделал это самолично, без ведома Приходского Совета. Сегодня директор нашей гимназии Стеван Маргетич подарил мне следующие два снимка на память о посещении нами в 1933 г. монастыря Любостыня.

9-Х-1934. Будучи у С.В. Лисицына, слушал по радио сообщение из Чехословакии, что король Югославии Александр I убит во Франции в Марселе двумя выстрелами в живот каким-то хорватом; убит Барту и два генерала – сербский и французский. Друг русских убит.

11 октября. По случаю трагической кончины югославянского короля Александра I вечером в русской церкви отслужена панихида при огромном стечении русских; стояли на лестнице, в воротах, даже на улице. Служил священник Борис Селивановский, профессор Карловачской богословии.

Сегодня в Сремских Карловцах схоронили о. Нила Малахова, умершего 9 октября. Литургия началась в 8 час., около 11 с полов. час. гроб был опущен в могилу. За обедней со слезами на глазах говорил священник Волобуев⁶⁶⁷, а над могилой ученик богословия. Русских из Нового Сада было немного. Я возложил венок от Русской Матицы. Не стало хорошего, сердечного, проникновенного священника, человека.

14 октября. Возбуждение всюду сильное по случаю смерти короля. В городе в магазинных окнах всюду портреты убитого короля в черном трауре. Бальцу вчера говорил в Белграде сенатор Томич, что убийца Келемен имеет особенности: он обрезан по ритуалу; утверждая то же самое, «Царский Вестник» от 14 окт. сообщает, что нет никакого сомнения в том, что он – еврей.

21 октября. 17 октября я ездил в Белград. В городе невероятное скопление народа. Сыро, холодно. Был в Старом Дворце; на все ушло около 3 часов.

В городе слышал, что Лебрен привез заем для Югославии, так говорили в толпе. И еще, что Узунович-министр⁶⁶⁸, по получении страшного известия, собрал министров и хотел выбирать Наместничество, но князь Павел, под угрозой его арестовать, заставил его приехать во дворец и принять присягу королю Петру и выслушать завещание короля о наместничестве. Будто генерал П. Живкович, видя такое поведение Узуновича, занял угрожающее поведение по отношению к нему, но и сам был разочарован, узнав, что не попал в наместничество.

Слышал также, что профессор Шеншин в острых отношениях с профессором Раденком Станковичем, одним из наместников теперешних. Шеншину вдруг уменьшили содержание вопреки контракту. Он отказался принять уменьшенное жалованье и пошел объясняться с министром просвещения Станковичем. Министр обращался с Шеншиным грубо и кричал: «Вы, русы, больше нам не нужны, мы держим вас из милости»... Шеншин выдержал и ушел молча. При заключении нового контракта с ним ему было совсем отказано в службе. Тогда он написал горячую жалобу королю, указав, что ему сначала уменьшили содержание, а теперь и контракт не заключают, а в то же время заключили контракты с бежавшими из Германии профессорами, назначив им оклады по 12–18 тысяч в месяц. Тогда Шеншин снова был принят на службу и по новому контракту ему увеличили жалованье до 5000 дин. в месяц, а германским профессорам уменьшили, а скоро и министр был уволен. Теперь, когда Р. Станкович стал одним из наместников, Шеншину едва ли сдобровать.

1935-й год

10 января 1935 года. Давно не принимался за дневник. Все как-то некогда. А между тем много событий интересных – и личных, и политических. Личных: моя Марусечка родила сына – Игоря⁶⁶⁹, своего первенца. Слава Богу, она здорова, как и ее ребенок. Другое – очень увлекся радио. Это, действительно, величайшее завоевание мира. Я даже брал себе для пробы на квартиру аппарат «Минерву», прекрасный звук, но надо уплатить 4900 дин., а я их не имею, и пришлось аппарат возвратить. Больше всего я интересовался, конечно, Россией, ее жизнью и ее достижениями – и социальными, и художественными. Вижу, что страна, с несомненностью, неуклонно прогрессирует, в особенности в области промышленной жизни. Как воронежца, для меня было неожиданностью узнать, что даже г. Воронеж, мой родной спящий, потонувший в дворянской маниловщине, стал центром большой индустрии. В нем фабрики сахарные, спиртовые, даже для выделки из спирта каучука... Но все это достигается, конечно, путем гибели и умышленного уничтожения населения. Да большевики и сами не скрывают своих изъянов. В родной Воронежской области погибло больше 51% лошадей... Театральная часть в России продолжает быть на большой высоте. Видим крупных новых артистов оперных: Катальская⁶⁷⁰, Козловский⁶⁷¹, Максакова⁶⁷², Озеров⁶⁷³, Обухова⁶⁷⁴, Бутенина⁶⁷⁵, Лемешев⁶⁷⁶, Зорич и др.

7 января. Наступила здесь у нас зима, а на второй день навалило снегу. Окончился мой рождественский отдых. Завтра опять ученье. Моя бывшая сотрудница по обучению в Вышгороде, под Киевом, детей галичан, бежавших перед наступающими австрийцами, Нина Онуфриевна Орлова прислала для нашей Матицы 13 № прекрасного историческо-художественного журнала старообрядцев «Родная старина». В письме она пишет по поводу таинственного сожжения архиепископа Рижского Иоанна Поммера, много боровшегося с большевиками, следующее: «...Безвременная, трагическая кончина Владыки нашего архиепископа Иоанна произвела на всех нас потрясающее впечатление, от которого невозможно освободиться. Не знаю, каков был он в прошлом (он был мой личный враг, не стеснявшийся ни в каких средствах против своих противников. Он, например, руководил в Вильне «Союзом Русского Народа», и когда туда прибыл кадетский лидер Родичев для какого-то доклада, Иоанн, тогда еще ректор семинарии, приказал забросать его тухлыми яйцами. – Д.С.), здесь же был он великим тружеником, объединителем и устроителем здешней православной церкви, единственным смелым и стойким защитником русского меньшинства перед местными властями. Каждый почти из нас обязан ему и личным вниманием, помощью, ободрением; мне особенно больно и ужасно представить себе то, что от него осталось – такого сильного, умного, деятельного, как часто я его видала. Руки злодеев, ночных палачей превратили его в груду золы и обгорелых костей. Ни образа, ни подобия человеческого. И все осталось загадкой, ходят только слухи, но все пути ведут к тем марксистам, с которыми Владыка вел упорную, яростную, одинокую борьбу. Гибель Царской Семьи, исчезновение генерала Кутепова, убийство Короля Александра, уничтожение нашего Владыки – на всех этих смертях лежит боль-

шевистский штамп. Жизнь в стране нашей для нас лично стала много сложнее, никогда еще здесь *приниженность* наша и зависимость» ... «Очень жаль, но смелая и правая газета „Завтра“, имевшая такой большой успех, больше уже не выйдет, значит, и ее предполагавшиеся издания, вроде „Истории масонства“, не увидят света. Комедия процесса в Швейцарии должна снять с избранного племени новый навет, значит – все идущее в разрез с требованиями момента, будет провалено»...

2 апреля 1935 г. Наша Матица устраивала, по поводу своего 10-летия, торжественное собрание. Перед началом наш новый священник о. Сергей Самсониевский отслужил молебен в сербской церковной общине. Были представители и сербских организаций, а от министра просвещения директор мужской гимназии Бранко Магарашевич⁶⁷⁷, от бана же д-р Димитрий Кирилович⁶⁷⁸. Я говорил речь о необходимости для нас яркого национального самосознания, особенно ввиду опасностей, надвигающихся на Россию при сепаратистических тенденциях разных народностей России, причем я указал, что в нашем прошлом наши верхи и некоторые цари (Петр III, Павел I и Александр I) – не водили национальной политики. Такое упоминание о царях вызвало возбуждение среди некоторых махровых монархистов, которые, в лице г. Гурчина, стали собирать подписи, чтобы сбросить меня с председательствования в Матице. Эти подлецы и притом крайне невежественные считают даже политику Петра III славной для России. Девиз этих господ – монарх какой бы то ни было... Критиковать монарха они не позволяют. Я жду этого их заявления и дам бой этим обанкротившимся пакостникам, а потом уйду: не заслуживают они такой работы для них, которую я веду, не щадя себя, в течение многих лет. А пока я отказался от преподавания на курсах истории для русских детей и от участия в приходском совете. Наша преподавательница французского языка Маргарита Сергеевна Эрдели, довольно впрочем подлая и каверзная баба, бывшая фрейлина при царице Александре Федоровне, сообщила мне, что профессор д-р Летич, у которого на квартире жила семья генерала Чеснокова, донес в Финансискую дирекцию, что м-ме Чеснокова⁶⁷⁹ имеет радиоаппарат, что-де опасно для государства, ибо она иностранка, и что она имеет много уроков французского языка, а налогов не платит. Он привел имена учениц, учащихся у нее. Очевидно, тщательно вел, на всякий случай, такой учет. В своем доносе он, конечно, не упомянул, что м-ме Чеснокова преподавала французский язык и его дочери Вере и писала для нее сочинения на задаваемые темы... А вчера м-ме Чеснокова лично и мне рассказала об этом гнусном доносе, заявив, что ее уже вызывали в Финансискую дирекцию, причем сказали, что будет привлечен и сам Летич, дочери которого она преподавала, а между тем он об этом своевременно не сообщил властям... Летич – бывший секретарь прежней радикальной партии здесь, т. е. «пашичевец», т. е., так сказать, славянофил. Очевидно, это своеобразное славянофильство.

18 апреля 1935 г. Отец Сергей Самсониевский просил меня и от себя, и от приходского Совета остаться в нем; на его сердечное письмо я ответил письмом, копию которого сохранил для себя (см. прибавление к этой стр.).

Новый Сад, 24 марта (6 апреля) 1935 г.
Господину Члену Церковного Совета
Профессору Д.В. Скрынченко

Глубокоуважаемый Димитрий Васильевич.

Церковный Совет, заслушав в заседании своем от 22 марта (4 апреля) с. г. заявление Ваше о выходе из состава Совета, единогласно постановил обратиться к Вам

с покорнейшей и неотступной просьбой пересмотреть свое решение и не оставлять высокополезной своей работы в Совете на благо Святой церкви и братьев своих во Христе.

Исполняя это постановление Совета, я прошу Вас и лично о том же, и позволяя себе выразить надежду, что Вы не лишите меня своего официального сотрудничества и поддержки, которые мне в одинаковой степени сейчас необходимы и незаменимы.

С истинным к Вам почтением и любовью

*Всегда богомолец Ваш
Свящ. Сергей Самсониевский*

*В. и. д. Настоятеля Русской
православной Общины и Церкви в городе Новом Саде.
№ 210*

Его Высокоблагословению,
Настоятелю Русской Православной церкви в Новом Саде и Председателю Приходского при ней Совета о. Сергию Самсониевскому.

Ваше Высокоблагословение,
Глубокоуважаемый о. Сергей.

Уже несколько дней собираюсь ответить на любезное приглашение Приходского Совета остаться в нем для дальнейшей совместной работы, приглашение, которому Вы лично придали такой симпатичный, сердечный тон. Не мог доселе на него ответить не потому, что колеблюсь в своем решении: решение мое определенное – возвратиться, по крайней мере теперь, не могу; а потому, что не легко мне выразить то, что выразить хотел бы.

Прежде всего, мне глубоко жаль, что именно при Вас, при Ваших первых шагах служения в Новосадской русской церкви, я осуществляю свое давнишнее намерение уйти из Приходского Совета. Не зная Вас близко, я сердцем почувствовал, что Вы тот пастырь, который именно нужен новосадской русской пастве и который отвечает и моим лично взглядам на пастырское служение здесь. Радуюсь, что здешние эмигранты полюбили Вас, и буду надеяться, что они все сделают для того, чтобы Вы поскорей стали *постоянным* настоятелем, а не «вр. ис. долж».

И тем не менее я ухожу из Приходского Совета. Постараюсь это объяснить.

Полагаю, что поразившая русское государство и русский народ катастрофа должна открыть всем глаза на то, что церковь наша должна стать *национальной*. Это и Сам Христос подсказал христианам: «Идите прежде всего к погибшим сынам дома Израилева». А у нас все еще не изжита попытка к вселенской необъятности. Наш епископат скандально разделил «церковные ризы»: наши «князья церкви» то запрещают друг друга и готовы анафематствовать, то устраивают любопытные картины примирения, которого в действительности нет. Они точно решились затенить кристально чистый образ нашей Великой Святыни – Православной Церкви. И это везде: и здесь, и в Америке, и в Париже, и в Германии. И некому сказать нашим епископам: куда вы идете и ведете нас... Когда вникаешь, кто управляет нашей русской заграничной церковью, какое *окружение* около митрополита Антония, как оно толкает этого великого старца к опрометчивым действиям, то страшно становится. Не подумайте, что я, из-за какой-то оппозиции, хочу умалить авторитет м. Антония. Нет, не то. Имейте в виду, что я три года был учеником митрополита в Казанской Духовной академии, знаю его великие

дарования, слышал его высокоталантливые лекции и блески ума, люблю его и теперь, но люблю скорбя, видя, какая публика делает теперь церковную политику. Господа, чье прошлое для меня, да и для многих других, неизвестно, вовлекли митрополита в политику и политиканство, и вот мы видим, что митрополит спустился до Рклицких и т. п. Политиканство идет из Карловцев, и это тем более, что и остальной, в общем довольно бездарный, наш епископат ему поддакивает. И это вместо того, чтобы заняться чисто церковными делами и постепенно готовить те необходимые поправки в

нашей обрядовой церковной жизни, которые уже давно
Виктор Бополонский Вазар

пора сделать. Громы небесные разразились над Русской землей, потрясены все старые основания нашего бытия, а свободная заграничная русская церковь еще не может обойтись без того, чтобы в царство небесное провожать с титулом «болярина», хотя это резко противоречит самому чину погребения; этот пережиток от времен «крестцовых попов» XVI века сделался чем-то неприкосновенным, и митрополит, в личной беседе со мной, защищал его тем, что он нужен «утешения ради оставшихся в живых», а *граф* Граббе, почему-то попавшей в секретари Архиерейского Синода, внушает митрополиту, что устранение «болярина» – это пахнет революцией...

Я мог бы привести много Вам подобных явлений в церковной нашей жизни, требующих устранения, но это заставило бы меня написать Вам целый трактат, для чего у меня нет времени.

Теперь я хочу коснуться нашей новосадской русской среды.

Часто совершенно невежественная, зачисляющая себя в ряды интеллигенции, считающая себя солью русской земли, она лишь потому представляется нам интеллигентной, что внешне покрыта дворянским лаком. Она совершенно не национальна, и часто не без удовлетворения говорит, что в жилах ее течет много нерусской крови. Ей мало дела до русского народа; им она не интересовалась *тогда*, не интересуется им и теперь; лишь бы ей вернуть все *старое* и господственное положение, которое она занимала в монархии, а о том, какова должна быть эта монархия и монарх, ей дела нет. Здесь много таких, которые именно подготовили катастрофу Родины, но они этого не признают и вовсе не собираются каяться, хотя именно теперь всего естественнее бы, чем прежде, появиться «кающемуся дворянину».

При таком настроении здешней эмиграции, при явном нежелании ее загладить грехи прошлого, слиться со всеми слоями эмиграционного общества, неудивительно, что разные «полукровные» или прямые инородцы втираются в русские организации и проводят там идеи не укрепления и развития всюду национального самосознания, а лишь возвращения к старому, при котором разные Каульбарсы, Гриппенберги, а в далеком прошлом Нессельроде, Канкрины управляли судьбами русского народа, нисколько не заботясь о просвещении его, о поднятии его до своего уровня. Да и монархию-то они любят не потому, что она полезна нашему народу, а потому, что она выгодна именно им. Вот почему такие господа – и «полукровные» и кровно-русские, но закоренелые в старых привилегиях и предрассудках, являются союзниками и со всей жестокостью набрасываются на тех, которые осмеливаются критиковать не монархию как таковую, а ее недостатки, отсутствие в ней при некоторых наших царях национальной политики.

То, что случилось со мной 17 марта, когда я сказал голую истину о ненациональной политике Петра III, Павла I и Александра Благословенного, меня особенно убедило в том, что эти люди ничему не научились и ничего не забыли, что они остались теми же «зубрами», какими были и прежде. Криком души своей я, после долголетней работы, кричал о необходимости национального самосознания, показав, как губительно

было отсутствие его в нашем прошлом, но на это мне ответили клеветой: будто бы я «ругал русских царей»... Национализмом, беспредельной любовью к моему русскому народу бьется каждая жилка моего организма; во имя его я не щадил своих сил и с упорством, какого Вы себе и представить не можете, я делал свое дело, и Бог благословил его успех. Но его не ценят или полученят. И я решил уйти от всякой общественной работы и в том числе из Приходского Совета. Разумеется, с внешней стороны, нет никакой связи между тем, что произошло 17 марта, и работой в Приходском Совете, но, принимая во внимание все вышесказанное, существует тут глубокая связь, и я хотел бы, пища Вам эти строки, чтобы Вы ее поняли, не осудили меня, не объяснили моим излишним самолюбием, и потому не настаивали бы на том, о чем Вы так сердечно писали мне в своем письме. Потому же я оставил и курсы русской истории, тем более что русские дети, благодаря неразвитости национальной их родителей, посещали эти курсы в непростительно минимальном количестве.

Другого толкования моим решениям прошу Вас, которому лично я только и пишу и назначаю эти строки, не иметь.

Да хранит и поможет Вам Бог в Вашем нелегком служении.

Искренно Вас уважающий и почитающий

14 апреля 1935 года.

Новый Сад.

В приходский Совет Ново-Садской русской церкви

Выражая глубокую благодарность Приходскому Совету Русской Церкви в Новом Саде, считаю долгом снова заявить, что состояние здоровья не позволяет мне остаться в составе Совета. Пользуясь случаем, позволяю себе выразить пожелание, чтобы Приходский Совет возбудил теперь же ходатайство о том, чтобы наш глубоко ценимый всеми настоятель о. Сергей Самсониевский был утвержден постоянным священником нашей церкви; по моим информациям, такое утверждение не замедлит последовать.

Прошу принять уверение в моем уважении и горячее пожелание расцвета нашей приходской жизни и церкви, этого единственного всех объединяющего центра.

16-IV-1935 г.

«Пятница, 12-го апреля 1935 г.

Дорогой Дмитрий Васильевич! Спешу поблагодарить Вас за то большое удовольствие, которое Вы мне доставили присылкой брошюры В.Р. Ваврика о жизни и деятельности галичанина Ив. Ник. Вагилевича. Содержание ее дало мне очень немного новых сведений сравнительно с тем, что я знал из давних своих славянских изучений. Мне памятливы статьи о Вагилевиче Я.О. Головацкого⁶⁸⁰ в „Киевской Старине“, к редакции которой я близко стоял; экземпляр „Русалки Днестровой“, прекрасно сохранившийся, имелся в моей библиотеке. В погибшем архиве моего деда А.Я. Стороженка читал я письма к нему Вагилевича.

На с. 24 брошюры Ваврика сказано: „Вагилевич стал редактировать непопулярного «Дневник»^а, который на № 9 прекратил свое существование“. Речь идет о еженедельнике „Dnewnyk Ruskij“, печатавшемся латинскими литерами. А вот моему деду „Дневник“ нравился. Перебрав некоторые славянские газеты, оживившиеся в связи с движением 1848 г., он писал из Варшавы 25/IX (7/X) 1848 г.: „Но все же любопытнее для меня и ближе по сочувствию «Дневник Русский», издаваемый в Лемберге⁶⁸¹. Не только язык его, но и юмор отзываются нашу Малороссию“.

Недавно в одном из листов его был помещен рассказ старика, как он служил в австрийском войске. „Меня, – говорит он, – однажды поставили на часы у длинных турецких чугунных пушек, лежащих недалеко от корчмы с незапамятных времен. Я стоял; но вдруг полился проливной дождь; схопылась буря; измокли и продрогши, я начал рассуждать, – продолжает старик, – что за дурни эти немцы? Какой черт украдет никуда не годные пушки? да это просто на смех меня тут поставили; попробую, можно ли утащить хотя одну пушку? Пытаюсь силы, где там, и во сто человек не подымешь; призываю людей из корчмы, покупаю им водки и целою громадою пробуем тяжесть негодного чугуна; когда удостоверился я, что будут себе лежать благополучно, как лежали, пошел в корчму, чтобы обогреться; вдруг бежит ефрейтор, и закричал: где часовой? Прошу его до корчмы, объявляю дело, но меня не слушают, ведут к командиру, и там вцепили в спину столько палок, что и доселе болит“ – Не правда ли, что это рассказ наш?

Мой дед так заинтересовался языком, на котором Вагилевич вел свой „Dnewnyk Ruskiy“, что написал о нем целую газетную статью, которая под заглавием „Язык Юго-Западной Руси“ напечатана была в „Северной Пчеле“ от 19-го октября 1848 г. Он был одним из немногих людей своего времени, ясно сознававших русскость галичан; ему, по его же собственному выражению, „всегда было досадно, что у нас не знают даже, как пишут Русины“; и вот статья имела целью познакомить читателей „Северной Пчелы“ с этим вопросом.

Вот и меня более всего заинтересовал и обрадовал язык брошюры Ваврика. Живет ее автор в Польской республике, правительство которой покровительствует украинцев и как огня боится „*moskwicyzmu*“, „*zmoskwiczenia języku*“; печатает свое исследование во Львове, объявленном твердой полонизма на востоке; и однако изложение ведется на литературном русском языке, довольно правильном и чистом. Значит, русскость в Галичине, официально называемой Восточной Малопольшей, не умирает, и русский язык еще жив. Очень редко попадают под перо автора слова польские: „служащую“ (*służycu*) вместо „служанку“, „из писем“ (*z pism*) вместо „из сочинений“, или провинциальные галицкие: „нагонка“ вместо „преследование“, „нашелся“ вместо „оказался“, „ведомости“ вместо „сведения“, „с ядренным переводом“ вместо „с вполне точным переводом“, „когдашний“ вместо „когда-то бывший“ (малороссийский – „колишний“). Исследование В.Р. Ваврика и со стороны добросовестного содержания, и со стороны правильного языка заслуживает всяческой похвалы и уважения.

Если некоторые галичане, судя по брошюре Ваврика, стойко отстаивают свою русскость, то митрополит Дионисий Валадинский, великорус, уроженец Владимирской губернии, под нажимом польской власти, постепенно сдает все русские позиции в церкви. Может быть, Вы читали в декабрьских нумерах здешнего „Русского Голоса“ статью А. Поповой: „За полгода украинского наступления“. В этой статье яркими красками было изображено, как изгонялся „московский дух“ из православной церкви на Волыни при помощи неистовых украинцев, поддерживаемых местными администраторами, и при полном попустительстве со стороны митрополита. Теперь, судя по неясным известиям сербских газет, подготавливается замена церковнославянского языка в православном богослужении польским. Поручено особой комиссии заняться переводом богослужебных книг с церковнославянского языка на польский, а пока что введено пение гимнов и особых молитв на польском языке в дни польских национальных праздников, а также в дни рождения и именин маршала Пилсудского и президента Мошинского. Трудно, конечно, гадать о будущем, но, наблюдая те меры, какие польское правительство проводит в церкви, в школе, в армии и в общественной жизни, доби-

ваясь возможно полного ополячения русского населения восточных окраин польской республики, приходится останавливаться на той мысли, что часть русского народа, попавшая в такую переделку, через одно-два поколения утратит свою русскость навсегда. Как во все области человеческой деятельности, за время моей жизни, внесены самые неожиданные и просто невероятные усовершенствования, так усовершенствованы и способы претворения одной народности в другую. Поэтому на старые примеры народной стойкости в охране языка и быта трудно теперь ссылаться.

По Бернскому процессу обвиняемые, с помощью германских знатоков жидовского вопроса, собрали столь обширный защитительный материал, что жида, чтобы затушевать дело, ищут уже путей к окончанию процесса миром. Милюкова и прочих русских жидолюбов ожидает полное посрамление. Судебное заседание по процессу должно состояться в конце апреля.

В Европе опять запахло войной. Для утверждения полного мира в Европе нужно только одно: сговор Франции с Германией. Хитлер многократно говорил об этом и предлагал наладить франко-германское сотрудничество. Но управляющие Францией жида не хотят допустить такого сотрудничества из-за злобы к Хитлеру, который сорвал покорение Германии жидом (после революции 1918 г. они занимали 90% мест в германском правительстве!) и вышвырнул из Германии наиболее вредных из них. На мести Хитлеру строится вся политика официального Парижа, одинаково вредная как для немцев, так и для французов. Для мести Хитлеру привлекаются и московские Валлахи и Кагановичи, терзающие несчастный русский народ. Справедливо на днях сказал немецким журналистам генерал Людендорф: «Я полагаю, что все народы, в том числе французы и немцы, чувствуют потребность в мире, но их толкают на войну оккультные силы (т. е. жида), которые скрытно стремятся покорить себе весь свет. Все эти конференции и пакты, доводящие государственных людей Европы до умопомешательства, только увеличивают шансы войны. Не дай Бог нам с Вами и нашим близким переживать опять все военные ужасы!»

Вскоре, вероятно, еще до Светлого Праздника, я оставлю Белград и переселюсь на все лето на виноградник. Если напишете мне к Празднику, то адресуйте: Ulica Kralja Petra, broj 13, dućan Petra Petrovića, Smederevo, Dunawka (по рассеянности написал латиницей). Крепко целую. Сердечно Вас любящий А. Стороженко».

А.В. Стороженко, которому я послал брошюру Ваврика о Вагилевиче, пишет мне, что его дед, по поводу «Дневника Русского», издававшегося в 1848 г., писал 25-IX-1848 г.: «Но всех любопытнее для меня и ближе по сочувствию „Дневник Русский“, издаваемый в Лемберге. *Не только язык, но и юмор отзываются нашей Малороссией*». А.В.-ч пишет: «Меня более всего заинтересовал и обрадовал язык брошюры Ваврика. Живет ее автор в Польской республике, правительство которой покровительствует украинцев, и как огня боится „москвичизму“, „змосквицения ензику“, печатает свое исследование во Львове, объявленном твердыней полонизма на востоке; и однако изложение ведется на литературном русском языке, довольно правильном и чистом... Трудно, конечно, гадать о будущем, но, наблюдая те меры, какие польское правительство проводит в церкви, школе, армии и общественной жизни, добываясь возможно полного ополячения русского населения восточных окраин польской республики, приходится останавливаться на той мысли, что части русского народа, попавшие в такую переделку, через одно-два поколения утратят свою русскость навсегда. Как во все области человеческой деятельности, за время моей жизни, внесены самые неожиданные и просто невероятные усовершенствования, так усовершенствованы и способы претворения одной народности в другую. Поэтому на старые примеры народной

стойкости в охране языка и быта трудно теперь ссылаться... По Бернскому процессу (о „Сионских Протоколах“) обвиняемые, с помощью выдающихся германских знатоков жидовского вопроса, собрали столь обширный защитительный материал, что жида, чтобы затушевать дело, ищут уже путей к окончанию процесса миром. Милюкова и прочих русских жидолюбов ожидает полное посрамление... В Европе опять запахло войной. Для утверждения прочного мира в Европе нужно только одно: сговор Франции с Германией».

20 апреля 1935 г. От бывшего моего сотрудника по «Минскому Слову» Кирилла Георгиевича Мункевича получил из Риги письмо, где он разъясняет неприглядную роль архиепископа Иоанна Поммера, сожженного, как известно, в Риге. «Положение Владыки Иоанна во время – незадолго до его трагической кончины – в обществе и среди паствы стало поистине трагикомическим. Политическая деятельность покойного Владыки привела к острым столкновениям его с социал-демократами, которые восстали против него и публиковали данные, неприятные уж очень-очень. Потом стали ползти слухи романического характера, называли имена женщин и среди них несовершеннолетних учениц, и это закончилось тем, что одна подала жалобу на Владыку прокурору; дело прекратили, ибо сама ученица добровольно посещала его и насилия не было, и т. д., но морально это все же было ужасно. До выступления этой девицы имели место столкновения Владыки с неким Ильиным из Парижа и архиепископом (будто бы) Сан-Францисским Николаем в момент проезда последнего через Ригу в Америку. Кроме того, Владыка сцепился еще со священником Четвериковым из Парижа, который приезжал как идейный руководитель студенческого православного объединения. Кончилось тем, что этим лицам был прегражден путь в Латвию. С архиепископом Николаем было хуже: он не получил визу в Америку, т. е. в Сан-Франциско, а вынужден был уехать в Южную Америку в Монтевидео, где *публично предал* анафеме Владыку Иоанна и протоиерея Балода. Владыка стал страшно подозрителен и заподозрил в кознях против него своего лучшего помощника и соратника по упорядочению дел православия в Латвии – митрофорного протоиерея Кирилла Зайца, обвинил его публично с трибуны сейма в воровстве миллионов церковных сумм, запретил в священнослужении и собирался уже лишить его сана. Но Зайц обратился в светский суд и сам, просил привлечь его к ответственности в растрате церковных сумм, чтобы таким путем реабилитировать себя. Трагическая смерть архиепископа Иоанна затормозила это дело, но оно еще не кончилось. Протоиерей Дорин был осужден на 6 месяцев в тюрьму за растрату 2500 латов денег Православного Петропавловского Братства. Суд постановил при выносе приговора поддержать просьбу осужденного о помиловании, если он будет просить об этом президента государства. Благодаря вмешательству Владыки, президент в помиловании отказал, и Дорин уже свои 6 месяцев отсидел. Что касается деятельности Владыки после революции на пользу православия здесь, то в первые годы, так с 1921 до 1925 г., она была плодотворна, успешна и по всей линии положительна. Но с 1925 г. все стало быстро идти в отрицательную сторону и окончилось трагической смертью Владыки и расстройством православия. Я лично считаю православие среди *латышей* в Латвии *до того расшатанным, что восстановить его уже нельзя*. В сельских местностях православие растаяло – остались старики, молодежь ушла. Владыка за все время своего правления церковью не удосужился посетить хоть бы один латышский православный сельский приход. Ему до этого не было ни охоты, ни времени. Была проклятая „политика“. В письме нет возможности описать всю эту горечь и тяжелое чувство религиозных православных людей... Момент такой,

что верующие и я в том числе не могут посещать храма, — такова ненависть, почти презрение к служителям церкви за их деяния и проч... Думаю, что со временем, когда все будет выяснено, все материалы доступны, картина для личности покойного Владыки будет очень невзрачная».

Нарисованная Мункевичем картина о деятельности и характере архиепископа Иоанна вполне совпадает с тем представлением, которое я имею о нем. Политикан, маловерующий, самодержец, как все наши архиереи, приученные низкопоклонством самих русских к произволу, архиепископ Иоанн был злобный человек, как злобны все латыши, а в то же время садист, находящий удовольствие в страданиях других и умевший изыскано причинять страдания почему-либо не понравившимся ему лицам. Долготерпение Божие кончилось, почему Иоанн понес жестокое, но вполне заслуженное им наказание.

Сейчас возвратился с сербского детского праздника. В 2 с половиной часа дня дети шли за вербой, которую отнесли в церковь. Дорогой мне сказал директор, что по телеграмме уволен от службы служащий Йованович за то, что во время предвыборного собрания не закрыл собрание. На собрании говорил бывший влиятельный министр Божя Максимович, бросивший, что правительство виновато в убийстве короля Александра; Йованович сделал предупреждение бывшему министру за эти слова, но этого было мало, и он был уволен. Русские пожалеют, и в том числе я как председатель Русской Матицы, об его уходе: честный человек — он был другом русских.

Сегодня разнесся слух, что в Хигиенском заводе (гигиеническом учреждении) арестованы три начальника или вообще три лица за причастность к коммунизму. Очевидно, это последствия ареста доктора Араницкого⁶⁸². Надо глубоко скорбеть и удивляться тому, как в коммунистические лапы попадают интеллигентные сербы. Просто непонятна сила увлечения коммунизмом за границей. Русский народ погибает, но никто этому не верит. Страшно жить, видя такую слепоту.

28 апреля 1935 г. Сегодня 16-ая Пасха, которую я провожу вне Родины, Киева, семьи. Там, на Родине, торжествуют, обгадывают Россию и русский народ евреи, по образному выражению В.В. Розанова⁶⁸³, а здесь — ссоры, мелочность, остатки былой аристократии, ничтожной, неумной, но монархической пар эксаланс⁶⁸⁴, не любящей наш народ, а в монархии лишь видящей средство своего безбедного, господственного существования. А сколько тут одних полковников: что ни Русь, то полковник... Придя в Успенскую церковь к Светлой Заутрени, разговаривал с А.В. Сперанским⁶⁸⁵. Он напомнил мне, как в Новом Саде Харченко, Эрдели, Черепов и др. хотели организовать дворянский союз; а между тем, сказал Сперанский, Харченко — даже не дворянин, а сын разбогатевшего кулака...

Прочитал в «Журналь де Дэба» от 22 апреля 1935 г. в № 111 следующее интересное описание совершения литургии пасхальной Папой: Папа сегодня утром (21 апреля) отслужил торжественную мессу пасхальную в базилике Святого Петра. Бесчисленная толпа провожала папский кортеж криками и аплодисментами при входе в базилику. Когда кортеж прошел главную дверь, серебряные трубы играют «Триумфальный марш» Лонджи⁶⁸⁶. Он пересекает огромный неф среди двойного ряда палатинских гвардейцев; по прибытии в капеллу Святых Тайн кортеж останавливается. Папа сходит, преклоняет колена и молится перед Святыми Тайнами распростершись. Затем шествие продолжается до папского алтаря, где папа, до самого увенчания его тиарой, надевает митру и всходит на трон, находящийся слева. Затем происходит церемония облачения кардиналов, архиепископов и епископов. Папа, поддерживаемый

двумя кардиналами-иподьяконами, сходит с трона и, направляясь к папскому алтарю, начинает служить мессу. Во время возношения Святых Тайн *серебряные трубы играют с высоты купола*. Гвардейцы знатные, находящиеся при алтаре, преклоняют колено до земли, опускают саблю и по-военному отдают *честь* левой рукой. После благословения Святых Даров кардинал-помощник читает формулу последовавшей индульгенции, затем с высоты Лоджии Святой Вероники три каноника показывают главные реликвии Страданий, т. е. полотно с ликом Христа, дерево креста и копье. Церемония закончена, кортеж снова строится, и, среди *криков*, Папа выходит из базилики. Он занимает залу Бенедиктинцев, где остается некоторое время, чтобы дать толпе выйти и собраться на площади Святого Петра. Члены дипломатического корпуса, представители римского дворянства отправляются в Лоджия Богородицы, расположенную над правым портиком. На лестнице базилики выстроены папские жандармы и отряды дворцовой гвардии со знаменами и музыкой. Папа, несомый на Садия Гэстаториа, появляется в главной ложе. *Крики* толпы становятся невероятными. Музыка *играет папский гимн*. Верховный Первосвященник одет в папскую мантию, с тиарой на голове. Он делает левой рукой жест, чтобы все смолкло. Толпа, *почти совершенно вся на коленях*, смолкает. Тогда Папа произносит слова ритуала, которые при посредстве громкоговорителей, помещенных на обелиске площади Святого Петра, раздаются всюду.

Папа царь царей, верховный Жрец, со всеми атрибутами мирского царя; интереснее всего толпа: кричит, аплодирует, становится на колени... Все эти знаки папского достоинства имеют огромное значение для толпы и не только для толпы. Но какая разница с нашим смиренным православием. Но это с парадной стороны. А по существу – наши архиереи – сплошь самодержцы, неограниченные, а всемогущий папа ограничен курией кардиналов; ему не позволят говорить богословскую отсебятину, как позволяет себе, например, митрополит Антоний.

10 мая 1935 года. 5 мая происходили выборы в Югославянскую Скупщину; голосовал и я и именно за нашего министра просвещения почтенного Стевана Чирича⁶⁸⁷. По сведениям газеты «Време», правительственный блок победил, и именно: он собрал 1 738 390 голосов, а оппозиционный блок д-ра Влатка Мачека⁶⁸⁸, хорвата, собрал 983 246 голосов; другие два списка – Лиотича⁶⁸⁹ и Максимовича – провалились, Лиотич собрал 23 814, а Максимович 32 720 голосов.

Эта статистика весьма интересна; она показывает, что хорватский сепаратизм вещь очень серьезная: Мачек победил в Хорватии и Далмации; это значит, что, как и прежде, существуют фронты – сербский и хорватский. Хорваты вовсе не увлечены политическим и культурным единством с сербами, и нужно еще много времени страданий, чтобы дело, за которое погиб король Александр, восторжествовало и наступило подлинное национальное единство единого племени, разделенного лишь верой. Интересно и то, что Мачек получил достаточно много голосов и в сербских областях. Очевидно, сербы тут, вследствие недовольства правительством, голосовали против Сербии. Старый политикан Давидович точно не понимал, на чью мельницу он льет воду, Мачек может лишь самодовольно посмеиваться; интересно и то, что Словения дала малое количество голосовавших. Говорят, что известный Корошец⁶⁹⁰, недовольный сербами, в день выборов выпустил ленточки с призывом к населению католическому воздерживаться от участия в выборах...

Ситуация Югославии сложна; а что бы было, если бы дозволили проявиться социалистическому и коммунистическому фронту...

Картина этих выборов интересна и для нас, русских: кто из нас доживет до восстановления России и доведения ее до нормального состояния, тот увидит сильный фронт украинский и вообще объединенный инородческий блок. По-моему, если русский народ хочет иметь такое государство, которое он имел, то должен сделать следующее: отказаться от республиканской формы правления с ее жалким «демократизмом», отказаться от монархии с ее безразличным отношением к главенствующему, т. е. русскому народу, на долгое время, приблизительно лет на 100, должен установить у себя беспощадную диктатуру не партии, не личности, а русского народа: все в государстве должно быть лишь в руках русских, все чиновники, особенно на высших постах, должны быть лишь русские, инородцы могут приниматься лишь на маленькие, и то незначительные, должности, вроде здешних контрактualных чиновников, каковыми являемся в большинстве мы, русские, язык государственный и литературный может и должен быть только русский и, конечно, прежде всего русская школа. Никакой другой школы быть не должно. Все инородцы должны быть перемешаны с русским населением и утратить свои национальные особенности. Известная нация никуда не должна быть допущена в крещеном ли или некрещеном виде, и особенно не должна быть допущена до образования в государственных школах, а частных школ вообще не должно быть. Государство должно быть сильным, могущественным; да и теперь уже работают в этом смысле все государства, за исключением разве Англии, французы офранцуживают бретонцев и в колониях, поляки ополячивают русское население, то же делают никчемные румыны, даже татары, грузины и т. д. идут теми же стопами империализма, лишь лживо прикрываясь принципами «демократизма». Русскому народу лгать незачем, и он раз навсегда должен обеспечить свое будущее от возможности тех катастроф, которые над ним разразились; терпимый, благодушный ко всем инородцам, он, в годы своего неисчерпаемого несчастья, вызывает к себе лишь ненависть во всех инородцах, которые заключают теперь всякие блоки против него, лишь бы разорвать большое теперь тело России. Посмотрите, что делают в Париже украинцы, грузины, татары, калмыки и пр. («Руски Архив», 1935 г., кн. XXX–XXXI, Београд), и вы поймете, что другого политического пути для русского племени нет.

25 мая. Вчера был в Белграде, чтобы посмотреть на торжественные похороны костей русских офицеров и солдат, погибших на Солунском фронте. Белградский Комитет по переносу костей героев никого не приглашал, кроме «кирилловцев», поэтому пришлось поехать лишь для наблюдения. Молодой офицер Скородумов⁶⁹¹, но почему-то увешанный разными орденами (когда и где их он успел получить?), затеял все это дело с известным здесь проходивцем Н.П. Рклицким, редактором «Царского Вестника», увлек в это дело помощника городского головы г. Богдановича, пользуясь тем, что сербы не разбираются в русских делах, и вот все это состряпалось. Главную роль играли Скородумов, Рклицкий, а бывший русский посланник Штрандтман был лишь «приглашен», поэтому шел в числе гостей вместе с важно шагавшим Урсати. Они двое были в цилиндрах, и это бросалось в глаза. «Кирилловцев» возглавлял полковник К.В. Апухтин в генеральской форме (произведен Кириллом Владимировичем). Представителей Общевоинского союза, как вообще русских офицеров, было немного, да и вообще русских, так как г. Скородумов и Рклицкий всем делали вызов, и вот вышло все коряво. Сербов было порядочно, но не очень, представителей правительства из министров никого не было. Они ждали в этот день французских моряков и английских епископов, а русы..., они и без того надоели... Перед краткой панихидой говорил Патриарх Варнава, и как говорил: вот наш истинный друг и друг России. Прекрасно

говорил от имени городского самоуправления писатель Душан Николаевич⁶⁹², но особенно горячо г. Богданович, и я, как и многие русские, прослезился.

«СТОЛЕТИЕ КИЕВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА СВЯТОГО ВЛАДИМИРА»

Только что вышла из печати книжка под вышеприведенным названием, составленная профессором Е.В. Спекторским и изданная Комитетом киевских профессоров в Любляне.

От первой до последней страницы книжечка эта (104 страницы) читается с захватывающим интересом, больше того: огорчением, болью, страданием. Страшна была судьба этого университета при большевиках; каждая страница книги, согретая теплотой и душевной болью автора, щемит душу читателя. Какие красочные типы тут выведены, точно это роман, а не действительность: вот университетский комиссар еврей Мицкун, самого себя «зачисливший на второй курс физико-математического факультета», а потом скрывшийся из Киева, «захватив деньги, предназначенные для застекления университетских окон» (университет пострадал от пушечной стрельбы и взрывов). Вот другие властодержцы университета – Гольдфарб, Каган, Бродский, Мейер, Гальперин; вот правители Киева: «палач в смокинге» болгарин Раковский, поляк Менжинский, еврей Иоффе, «который, отправляя свою жену на роды в Красный Крест, потребовал, чтобы для нее все было приготовлено так, как будто будет рожать императрица Мария Феодоровна». Сколько погибло и профессоров, и студентов; с волнением читаешь строки о расстрелянных профессорах – деликатном и милом П.Я. Армашевском, Т.Д. Флоринском; с негодованием о том, что когда киевские профессора хотели ходатайствовать пред украинским правительством «о разрешении переселиться в Киев целому ряду пожилых членов Российской Академии Наук, погибавших в Петрограде от недоедания, дело сорвал Д.И. Багалей (в Харькове этого профессора звали Водолей), возразивший, что это не украинские, а русские ученые».

Но не только конец, закат, но и самое рождение киевского университета было тяжело, я бы сказал – постыдно для русской власти. Как известно, Белоруссия и Юго-западный наш край – Малороссия были отданы для ополячения графу Чацкому и князю А. Чарторижскому, а они всячески противодействовали основанию русского университета в Киеве, ибо считали эти края польскими. Но замечательно не это, а то, что русский министр просвещения граф Завадовский «признал, что юго-западный край есть *законный район для польской школы*», и, по случаю открытия польского учебного заведения в русском Кременце, восхвалял «гений Чацкого, воскрешающий на польском Парнасе музы, умершие в Аттике»... С пафосом, так сказать, поэтически, русский министр отдавал на съедение полякам землю русского богатыря Богдана Хмельницкого.

На эту слюнявую политику русской власти поляки ответили тем, что в 1830 г. Варшавский Сейм вынес постановление «о низложении Романовых с польского престола и о присоединении к Царству Польскому северо-западных и юго-западных губерний России», и начали наступательную войну против нее. Как же отнеслось к такому поведению поляков русское мыслящее общество? «Мы радовались, – пишет Герцен, – каждому поражению Дибича», а декабрист князь А.И. Одоевский «воспринимал каждый успех польского оружия как „небесный звук спадающих оков“»..., и лишь некоторые, как например, поэт Тютчев, возмущенный внутренней политикой русской власти, с горечью писал: «Не за Коран самодержавья кровь русская лилась рекой...»⁶⁹³.

Несмотря на краткость, сжатость изложения, очень показательно изложены от-

делу: академическая работа университета, общественное призвание его, университет и государство, киевское студенчество, война и революция.

По поводу некоторых мест книжки профессора Спекторского я позволил бы себе сделать некоторые примечания. В книжке говорится: «На всеукраинском церковном соборе, вопреки *протестам* таких его членов, как проф. Ясинский, был поставлен вопрос об *украинизации* церкви»; на это замечу, что вопрос шел не только об украинизации, а гораздо дальше: об автокефалии, т. е. полном отделении от всероссийской церкви; под таким знаменем созывался, благодаря настояниям Украинской *церковной* Рады, этот собор, но население ответило на эти домогательства тем, что послало на Собор подавляющее большинство противников украинства, так что и протестовать не было нужды, да я, член Собора, не помню, чтобы подавал протест в указанном смысле почтеннейший проф. М.Н. Ясинский; Церковная Рада на Соборе настолько провалилась, что после речей Д. Скрынченко и архимандрита Вениамина была целиком исключена из состава Собора...

Автор книжки считает И.И. Огиенко одним из тех, которые «бережно относились к своей „альма матер“», т. е. университету. Может быть, но симпатичные строки не подходят к этому господину: служа в монархической пар экселанс гимназии священника М.А. Стельмашенко, г. Огиенко, с началом революции, поспешил заменить трехцветный флаг «жовто-блакитным», и теперь так энергично работает в Варшаве под покровительством польского правительства. Он, впрочем, не один; вот еще проф. киев. университета В.В. Зеньковский, бывший при гетмане «министром исповеданий»; как он домогался от Собора автокефальности украинской церкви, с каким жаром поддерживал жалкую кучку украинских церковных сепаратистов – протоиерея Василия Липковского, Филиппенко, Мазюкевича и т. д. – и с какой ненавистью к сторонникам единой русской церкви, а когда немецкие штыки, поддерживавшие жалкого гетмана, опустились, он и гетман заговорили о федерации с Россией...

15 июня 1935 г. По поводу смерти польского главы государства Пилсудского как-то случайно заговорил с генералом В.И. Сенча. Оказывается, Сенча чуть не захватил Пилсудского в плен; Сенче вестовой сообщил, что какие-то солдаты на австрийской стороне убили несколько казаков. Сенча с своими частями, узнав, где приблизительно должны находиться эти враги, рысью и галопом бросился вперед, к одному польскому имению; во дворе польского пана оказались «пилсудчики», почти дети; их всех перекололи, хотя они плакали, умоляли пощадить их жизнь; а Пилсудский задним двором вырвался и скрылся в темноте. Жаль: имя Пилсудского осталось бы неизвестным в истории, кроме разве того, что он известен ограблением русских денег в Фонарном переулке, о чем в свое время нам так красочно говорил профессор Трегубов. Другой факт, переданный г. Сенчой, не менее интересен: во время приготовления к преследованию пилсудчиков один солдат, на котором лежали материальные заботы и который имел в своих руках войсковые деньги, вдруг говорит, чтобы у него взяли все казенные вещи, так как сегодня он будет убит. Все изумились такому заявлению и спросили, почему у него такое настроение. Он ответил, что сегодня ночью к нему явился во сне его умерший отец и сказал, что он будет сегодня убит. Как ни неожиданно было желание этого солдата, но настойчивость его заставила взять у него казенные вещи и денежный ящик. Началось преследование пилсудчиков, они были перерезаны, части Сенчи вернулись назад и расположились на вольном воздухе ужинать. Развели костры и делились впечатлениями дня, а также вспомнили и то, что говорил солдат. Все шло с шуточками, и вдруг этот солдат падает, сраженный пулей. Откуда залетела эта шаль-

ная пуля, никто не знал, но все были поражены точностью исполнения слов убитого солдата. В самом деле, что это, если принять безбожную и антимистическую идеологию современности?

В. Сенча принес мне вырезку из какой-то сербской газеты: представлен портрет молодого человека, а внизу подпись: Петр Барабич, кандидат *во святые*... Что это – цинизм ли опустившейся под влиянием модернизма печати, или же дикость?!

29 июня 1935 г. Вчера закончился учебный год в нашей гимназии, а 15 лет моей здесь службы. Дети были на молебне, после – речь г-жи Максимович, а затем раздача свидетельств и плач некоторых детей. Я вырываю верхние зубы, для того чтобы поставить протезу, а в нижнем ряду надо поставить мосты; станет все это очень дорого, но ничего не поделаешь; зубы совершенно испортились и болят. Где и как буду проводить лето, и сам еще пока не знаю.

17 июля. Испорчены мои каникулы: до сих пор нам, контрактуальным преподавателям, не выдали жалованья. Поэтому сижу в Новом Саде и нервничаю.

Около нашей русской церкви водится острая борьба: новый священник хочет, чтобы приход жил по Уставу, поэтому из состава Приходского Совета выбран казначей, а церковный староста Г.Г. Харченко, привыкши властвовать, возбудил часть прихода, и она подала священнику письмо, требующее отмены «новшества». Харченко вызывает своим поведением страшное недовольство среди сторонников священника. О Харченке говорят, что он оперирует церковными деньгами и получаемыми миссией для своих торговых операций. Правда ли это, не знаю, но все говорят об этом. Я могу сказать, что мои деньги за преподавание на курсах русским детям он задерживает; Сердюковой выдал, мне нет.

По поводу смерти председателя Югославянского Государственного Совета, высшей административной судебной инстанции в Югославии Д. Радойловича, один оратор на могиле сказал: «Умро је судија *сила као Бог*, човек добар *као срце Хрстово*», т. е. скончался судья сильный (т. е. вероятно, праведный) как Бог и добрый как Христово сердце... Вероятно, оратор не отдает себе отчета в смысле своих слов; или же такие сравнения здесь приняты?

В газете «Ошишани (т. е. остриженный) Еж» от 13 июля 1935 г. напечатана следующая картинка под словами «Руска побожност» (т. е. русская религиозность из Государственной Ко): т. е. портрет Ленина кадится сверху, а под портретом стоит юноша в порванной рубашке и молится; подпись говорит: «древние домашние алтари (божницы в большевистской России)». Что хотел сказать этим автор, трудно понять. Лишнее издевательство над бедной нашей Родиной...

Домой я не посылал денег, всем задолжал, стыдно как-то смотреть в глаза, а жалованья все нет и нет.

19 августа 1935 г. С 29 июля по 7 августа включительно пробыл в Рогашкой Слатине; больше [не] хватило денег жить тут, хотя минеральные воды для меня очень полезны. Жил в Обчинском доме, за комнату платил 20 дин., 9 динар куртаксы, обедал в разных местах – Старой, Новой Швейцарии, Поште, Огрызке, экономил всячески. Посетителей курорта масса. Из знакомых: А.А. Корсини, И.А. Могилевский с женой, В.М. Петров, профессор Василий Григорьевич Демченко⁶⁹⁴, В.В. Хруцова, профессор Вячеслав Сигизмундович Жардецкий⁶⁹⁵ с женой, А.И. Ксюнин⁶⁹⁶.

Корсини мне много говорила о Москве, где она работала при большевиках. Они

ей предлагали ехать в Америку, пропагандировать их «достижения». — Но я не понимаю ваших идей; моя специальность археология, искусство, могу читать о Москве, Петербурге. — Никакой Москвы нет и не будет; она скоро будет уничтожена... Корсини полагает, что всем управляют евреи, что Сталин — лишь пешка в их руках, что тайный еврейский совет управляет в Москве мировыми движениями, а не только Россией, русский народ разложился совершенно и погибнет: ни характеров, ни честности; вообще она самого низкого мнения о русских; для них было бы счастьем, если бы пришел Хитлер, которого она просто обожает. Из-за такого презрительного [отношения] и к нам я прекратил разговоры с этой интересной, в смысле знаний мира, женщиной. Она резка в суждениях обо всем; вследствие того, что она, за отсутствием живого ее дела и денег, сидит без дела, она начинает хандрить, даже плачет.

5 августа. Я читал свой доклад о Петре I Василию Григорьевичу Демченко. Он вполне его одобрил и, в качестве иллюстрации к докладу, где говорится об унижении с Петра нашего национального самосознания, рассказал следующее. Будучи директором женских курсов, Демченко был приглашен на вечер. Тут один талантливый актер, еврей, читал стихотворение, составленное на тему русских глаголов — драть, жрать, тибрить и т. п. Смысл слов до того был полон хамского издевательства над русским народом, до того бил по его щекам, что Демченко не выдержал и ушел с концерта, а толпа гоготала и разражалась бурными аплодисментами. Далее Демченко передал следующее: в революцию 1905 г. в Варшаве, где он был профессором университета, были безобразные демонстрации, на улицах, в печати, университете, против всего русского. Университет не работал. Общим польским криком было: русские, убирайтесь отсюда с вашей культурой и университетом, она нам не нужна и противна. Ввиду этого Демченко составил доклад о необходимости перевода университета в один из русских городов. Доклад встретил одобрение профессоров, кроме профессора Платона Андреевича Кулаковского⁶⁹⁷, крайне правого человека, говорившего, что мы не должны сами себя лишать такого средства культурного воздействия на поляков, как университет. Требования поляков об уходе из Польши русского университета продолжали[сь]. Тогда депутация профессоров поехала в Петербург ходатайствовать о переводе университета или в Саратов, или в Воронеж, куда университет обратился с предложением принять университет и запросил, на какие материальные жертвы эти города пойдут для университета. Русские города стали всячески домогаться, чтобы университет этот был к ним переведен, но Петербург холодно отнесся к предложению профессоров, кроме П.А. Столыпина, которому реферат об отношении поляков к русскому университету и русским спешно составил, на основании польских периодических и других изданий, Демченко. Товарищ министра народного просвещения Герасимов, хотя и кадетской партии, был на стороне профессоров, да и Столыпин, поняв дело, стал на их сторону. Препятствие к переходу университета из Варшавы пришло с неожиданной стороны. Поляки, узнав о ходе профессоров, начали отбой. Они-де не против университета, а против русских профессоров, и начали действовать перед царем Николаем II через влиятельных придворных поляков, и... университет остался, и, как теперь показала история, все его научное богатство (а это был другой⁶⁹⁸ по научным ценностям университет в России) навсегда погибло для русских... Вот результат отсутствия национального самосознания у русских начиная от престола до простого народа...

И.А. Могилевский, сын редакторши-издательницы «Киевлянина» Паулины Витальевны Могилевской, сестры знаменитого Василия Витальевича Шульгина, того «Киевлянина», где прославился своими статьями патриотическими редактор Д.И. Пихно

и где В.В. Шульгин сделал свое нашумевшее выступление в пользу Бейлиса против прокурора Чаплинского и министра юстиции Щегловитова, сказал мне, что на похоронах Д. Пихно в 1913 г. был венок «от семьи Бейлиса».

Вообще русские дамы очень выделялись на курорте своими экстравагантностями: артистка Ракитина⁶⁹⁹, дочь профессора Тарановского, ныне Жардецкая, стали надевать вычурные, кричащие штаны и появляться среди многочисленной публики, прилично, но скромно одетой. «Рускине, глядите», — шепталось кругом неодобрительно, но безумству милых соотечественниц нет предела.

22 сентября 1935 г. Итак, моя Ирочка уехала с мужем в Азию, в Душанбе⁷⁰⁰. Где это, не знаю. Воображаю, как тяжело было прощание с родными, и особенно Шуруной...

А.В. Стороженко пишет мне, что его сын в Киеве Андрей сидел в тюрьме с конца апреля до половины июня неизвестно за что. «В Киеве снесены до основания все храмы и здания Златоверхого Михайловского монастыря и огромное здание „присутственных мест“ и очищена площадь почти в 10 десятин для постройки новых зданий, в которых должны разместиться советские социалистические учреждения так называемой Украинской Республики. Памятник Богдана Хмельницкого снят со скалы и поставлен внутри ограды Софийского собора... но жилых домов не прибавляется и пресловутое «уплотнение» на всеобщую муку продолжается.

«В Вашей открытке Вы затронули, — пишет Андрей Владимирович, — очень интересный вопрос о деятельности российской дипломатии начиная со времен Екатерины. По моему мнению, беда не в том, что среди российских дипломатов попадались не русского, а иностранного происхождения, а в том, что по смерти Екатерины вся иностранная политика российского правительства не была самостоятельной, не строилась на твердом основании здания России во всем многообразии ее народов с их насущными нуждами и пользами, не одушевлялась горячей любовью к России, не преследовала ясно и определенно поставленных целей, а гонялась за призраками, ловко выдвигаемыми то извне, то изнутри, и попадала непременно в гибельные ловушки. Только вооруженные продвижения на Кавказе и в Среднюю Азию были необходимы и полезны для России, войны же, какие российские цари вели на западе, только тормозили развитие России, а последняя привела к катастрофе. Русские послы за границей, не руководимые твердой рукой в Петербурге, поддавались обыкновенно влиянию государственных деятелей тех стран, где они пребывали, и причиняли вред России, сами того не замечая. В 1875–1877 гг. вышел такой казус, что Николай Павлович Игнатьев вел из Константинополя одну политику, а Евгений Петрович Новиков из Вены — диаметрально ей противоположную, в Петербурге же об этом и не догадывались. Министры иностранных дел времени Николая II Александр Петрович Извольский и Сергей Дмитриевич Сазонов не были какими-нибудь инородцами вроде Нессельроде, а между тем политику вели масонскую, явно гибельную для России. Все это происходило оттого, что петербургский „кабинет“ не имел разработанной национальной программы действий, а подпадал влиянию то одной из придворных клик, то какой-нибудь иностранной державы, то жидов через масонские ложи. С огромным интересом слежу я за борьбой с жидами, какую ведет обновленная Германия. Вы не можете себе представить, до чего обширна и научная, и пропагандная литература на немецком языке, направленная против жидов. Немало места в этих писаниях отводится Советской России как политическому телу, управляемому жидами. Во всех больших германских городах вдоль улиц на особых щитах наклеиваются печатные информации о происходящем в Советской России для внушения немцам отвращения к

коммунистическому строю. Чрезвычайно интересна книга Эрта, богато иллюстрированная, о том, как близка была Германия в январе 1933 г. к большевицкому перевороту. В одном из последних №№ газеты „Дер Штюмер“, издающейся в Нюрнберге, приводится следующая справка: „В Советской России имеется круглым счетом 550 высших должностных лиц, которые управляют государственной машиной; из них 447 – жиды“. Любопытно, что в Германии иезуиты и жиды поддерживают друг друга“. По поводу возможной войны между Англией и Италией А.В. пишет: «Будущее представляется мне загадочным и мрачным».

Письмо Андрея Владимировича нисколько не опровергает моей точки зрения на вред инородческого засилья в России и внутри, и среди дипломатии. Да потому-то российские дипломаты и «не воодушевлялись любовью к России, не преследовали ясно и определенно поставленных целей», что в жилах их текла безразличная и даже враждебная нашим интересам кровь. Неужели явный враг России поляк кн. Адам Чарторижский, как это видно из его воспоминаний, или поляк Поклевский-Козелл, или граф Бенкендорф, не умеющий говорить по-русски, могли защищать интересы России? Не понимаю, как это не поймет серьезно такой ум, как Андрей Владимирович. Из того, что Игнатьев и Новиков вели разнообразные политики, а Извольский легкомысленно, под влиянием масонов, вел Россию к войне: «Это – моя война», – говорил он, – вовсе не следует, что мы должны ставить инородцев или иностранцев во главе наших жизненных артерий и интересов.

16 октября 1935 г. 13 октября был на торжестве по случаю 50-летия служения в священных чинах митрополита Антония. Прибыл в Белград прямо к обедне, которая должна была служить в патриаршей соборной церкви. Церковь еще была полупуста. После 9 часов принесли на кресле митрополита Антония; несли архимандрит Феодосий и диакон; печальное зрелище. Служба с молебном закончилась ровно в час дня. Простоял я с трудом. Около меня была княгиня Татьяна Константиновна, по мужу Багратион-Мухранская⁷⁰¹, с сыном, который только что окончил югославскую военную академию; рядом с ней стоял заместитель Короля, подполковник; еще в начале службы, когда публика уже наполнила церковь, с Татьяной Константиновной сделалось дурно, она упала, и ее вынесли на воздух, по распоряжению патриарха Варнавы. Служили: кроме Антония, который делал лишь возгласы, архиепископ Анастасий, митрополит Ливанский араб Илья и 8 архиереев с массой священников. После молебна прочитано приветствие от антиохийского митрополита Александра, далее по-арабски говорил ливанский митрополит, по-русски патриарх Варнава, приветствовал представитель Короля. В 4 часа дня в зале Дома императора Николая II начались остальные приветствия; представитель Короля передал через патриарха Варнаву орден Югославской Круны I ст., а митрополит Ливанский – орден Ливанской республики. Прекрасно говорил по-русски патриарх Варнава. Ввиду многочисленности приветствий оглашены были лишь первые 11, об остальных лишь было объявлено. Распоряжались всем фактически кирилловцы – Рклицкий, Граббе, Лопухин, а потому все получило какой-то полукирилловский характер. После приветственной телеграммы великого князя Кирилла Владимировича архимандрит Феодосий почему-то затянул «Боже, Царя храни». После других телеграмм, вел. княгинь Анастасии и Милицы Николаевны, начались обычные приветствия; любопытно, что Рклицкий перед чтением телеграмм Кирилла Владимировича и княжон приказал: «Встать»..., точно публика была настолько не воспитана, что сама этого не сделала бы. Говорили генералы – Зегелов⁷⁰², Флуг, князь Вадбольский⁷⁰³ и др. Мое впечатление таково, что будь на месте Антония другое, более вы-

дающее лицо, но не дворянского происхождения, то таких приветствий не было бы.

Митрополит или впал в совершенное детство, или был настолько уморен, что безучастно смотрел на происходящее, и не издал ни одного звука, только иногда плакал, когда, вероятно, приходил в себя; даже не поблагодарил за приветствия по окончании торжества.

ПРОГРАММА

Торжественного собрания в честь митрополита Антония

13 октября 1935 года

I.

1. Молитва.
2. Вступительное слово Владыки Архиепископа Анастасия.
3. Поднесение книги.
4. Приветствия от представителей церквей Афинской, Кипрской.
5. Приветствие от Болгарского Синода.
6. Архиепископ Виталий.
7. Архиепископ Серафим.
8. Епископ Димитрий.
9. Сербский иерарх.
10. Представитель Богословского факультета – д-р Маркович.
11. Представитель Сербского Красного Креста – д-р Пр. С. Димитриевич.
12. В.Н. Штрандтман.
13. Предсоборная Комиссия.
14. Епископский Совет – Протоиерей о. П. Беловидов.
15. Обще-Воинский Союз – ген. Зегелов.
16. Общество Памяти Императора Николая II.
17. Русский Научный Институт, проф. Ф.В. Тарановский.
18. Русский Комитет, П.В. Скаржинский.
19. Союз инвалидов – кн. Вадбольский.
20. Сербь – ученики русских учебных заведений – проф. Раич.
21. Донское Казачье Войско – полк. Краснов.
22. Церковные общины: Белградская – прот. О.П. Беловидов.
23. Земунская, Панчево – прот. Голубятников.
24. Новый Сад – о. Самсониевский.
25. Белая Церковь, Вршец – арх. Мелитон.
26. Крагуевацкая церковная община – А.И. Дегтярев.
27. Православная миссия на Карпатской Руси – игумен Серафим.
28. Мильковский монастырь – игумен о. Лука.

Пение хора генерала Апухтина.

II.

29. Комитет по сооружению костурницы – Г. Н. Богданович.
30. Русская колония – Е.Е. Ковалевский.
31. Народно-монархическое объединение – Н.В. Краинский.
32. Общество попечения о духовных нуждах – А.И.Щербаков.
33. Мариинское сестричество – кн. М.А. Святополк-Мирская.
- 33а. Русская Матица в Новом Саду.

34. Общество памяти Иоанна Кронштадтского – В.Я. Ильяшевич.
35. Русское народное ополчение – полк. Н.М. Матюшин.
36. Союз Галлиполийцев.
37. Союз участников великой войны – ген. Семенов.
38. Союз трудящихся – Г.Г. Маткевич.
39. Союз младороссов – инж. Тарасов.
40. Братство Св. Креста – И.К. Гопузов.
41. Татьянинский Комитет.

Пение хора.

III.

42. Лига офицеров запаса – И.А. Аносов.
43. Всероссийская Фашистская партия – г. Рычков.
44. Союз «Молодая Россия»
45. Студенты богословы – г. Бертошевич.
46. Женская гимназия.
47. Группа детей.
48. Стихотворение Н.Н. Кадына.
49. Перечисление поступивших приветствий.

Пение славы, заключительное слово, многолетие.

На следующий день был назначен банкет в ресторане «Аквариум»; я не пошел, видя, что кирилловцы захватили торжество в свои руки.

Видел Лину Витальевну Могилевскую. Она очень постарела: ей 71 год. Прилагаю список приветствий митрополиту.

12 ноября 1935 г. Закончился собор русских заграничных архиереев за границей, и именно в Сремских Карловцах. Энергичное участие в созвании этого собора принял сербский патриарх Варнава; кроме митрополита Антония и пребывающих в Югославии архиереев, в соборе приняли участие пребывающие в Париже архиепископ Серафим и митрополит Евлогий, американский архиепископ Феофил и Виталий, берлинский архиепископ Тихон и маньчжурский Димитрий. Особенно противится объединению митрополит Евлогий, но патриарх его крепко держит в своих руках. Он даже послал вселенскому патриарху константинопольскому письмо о том, чтобы он освободил Евлогия от своей юрисдикции. По-видимому, настойчивость сербского патриарха даст благие результаты и закончит русский церковный скандал.

18 ноября. Купил себе в рассрочку от Офнера радиоаппарат «Колумбус» фабрики «Ингелен»⁷⁰⁴ за 4600 динар. Заплатил предварительно 1000 динар, а остальные 3600 динар буду уплачивать по 300 динар ежемесячно. Офнер уступил мне, как бывшему наставнику его дочери, аппарат за эту сумму вместо 5200 динар, и за установку антенны взял лишь 100 динар вместо 150 динар.

Ученицы моего IV класса, по случаю праздника Святого Димитрия Солунского, поднесли мне письменный мраморный прибор и хризантемы. Я их пожурил за то, что они сделали такой подарок и притом так, что это стало известно всем наставницам, а это может вызвать зависть.

6 декабря 1935 г. От А.В. Стороженка получил из Белграда (ул. Сање Живановића,

бр. 27, кварт. XIII) письмо, из которого делаю выдержки: «Мне подтвердили здесь, что г. Душанбе (где теперь живет Ирочка с мужем) находится близ афганской границы, километрах в 50–60 от Памирских высот...

Я не знал до получения Вашего письма о существовании в Белграде журнала „Руски Архив“, выходящего на сербском языке, а следовательно, не мог и читать помещенной в нем статьи о проникновении немцев на Восток. Подобные статьи не вызывают во мне никакого сочувствия, так как в данную историческую минуту они могут быть полезными лишь для захватчиков России – жидобольшевиков, и, по всей вероятности, ими поощряются, или даже вдохновляются. Многие русские и славяне не отдают себе ясного отчета в том, что нынешняя Германия не граничит непосредственно с бывшей Россией, как это было до мировой войны: между ними залегло тридцатидвухмиллионное, превосходно вооруженное польское государство – Жечпосполита Польска. Не далее как вчера во французском журнале „Ревю де Дэ Монд“ прочитал я статью французского генерала Нисселя, долго служившего военным инструктором в Варшаве, о том, как великолепно устроена, обучена и снабжена польская армия – по последнему слову военной науки, и как она сильна *напряженным* патриотическим духом своего командного состава. Сознывая и учитывая военную мощь Польши, Хитлер, по приходе к власти, и заключил с нею союз на 10 лет. Решимость подписать такой акт показывает, что Хитлер, по крайней мере, на обозримое будущее, отказался от своих прежних мыслей: о колонизационном продвижении немцев на Восток, ибо этот Восток отодвинут от Германии на всю ширину Польши. Только казенная советская печать, в своих целях, продолжает долбить, что пресловутый план проникновения на Восток является официальной доктриной фашистского правительства Германии (№ Известий от 12 июля 1935 г.).

Книга Хитлера „Моя борьба“ для сегодняшнего дня является уже устарелой, потому что автор ее, окунувшись с головою в практику государственной деятельности, во многих пунктах отошел от тех идей, какие он в ней развивал. Год тому назад он сам говорил французскому депутату Жану Гуа: „Книга эта написана 12 лет назад. Вы – французы – тогда находились в Рурской области. Я должен был выразить настроение Германии, встревоженной ростом коммунизма. Теперь я стремлюсь к миру“. Альфред Розенберг – самый плодовитый из всех немецких писателей хитлеровского направления. С февраля 1934 г. он занимает должность заведывающего „интеллектуальным и философским развитием германской молодежи“. В то же время он главный редактор хитлеровской газеты „Фелькишер Беобахтер“⁷⁰⁵, пристально следящей за всем, что делается в Советском Союзе. По происхождению Розенберг – русский немец из Прибалтийского края. Он родился в г. Ревеле и получил русское образование. Вот почему в своих сочинениях он так свободно рассуждает о русской литературе, ее течениях и представителях, начиная от Чаадаева до Достоевского, Толстого и Горького. Он является одним из важнейших членов существующего в Германии враждебного бывшей России „Балтийского Братства“. В 1918 г. он был в Киеве и стоял близко к Скоропадскому, строя вместе с гетманом планы издания правой, монархической (с династией Скоропадских), но германизированной „Украины“. Тогда же он, с украинским паспортом, перебросился в Швейцарию и тратил большие деньги на издание на французском языке и распространение во Франции печатного органа, разлагающего волю французов к войне. По-видимому, в 1933 г. Розенберг разочаровался в полезности украинской идеи для Германии, признал украинское движение в симпатичной ему форме мертворожденным, а украинскую комбинацию с гетманом несерьезною. „Каждый может ошибаться, особенно в современной международной политике“, – говорят почитатели

Розенберга. „Надо только вовремя понять свою ошибку. Вовремя найти новые пути“. Я никогда не сомневался, что [идея] правого монархического „украинства“, какую развивали русский генерал Скоропадский, прибалтийский немец Альфред Розенберг и волынский поляк Вацлав Липинский, не имеет под собой никакой реальной почвы. Украинское движение выросло из „мужикопоклонства“, из идеализации до степени обоготворения малорусского мужика, из того душевного настроения, которое поляки называли „хлопоманией“. Прививка аристократического начала к такому ультрадемократическому учению, как украинское, заранее обречена на неудачу. Все равно как прививка благородной грушевой щепки к вербе. В начале ноября, когда я был еще на винограднике (близ Смедерева), по довольно странному случаю, попал ко мне выпуск пражского украинского ежемесячника „Розбудова нації“, и в нем я нашел длинную статью о Скоропадском, его правительстве в 1918 г. и планах на будущее. Статья показывает, что в глазах „самостийников“ Скоропадский – человек ненавистный и политически конченный. Никакой поддержки со стороны немцев „самостийники“ не желают допустить, рассчитывая исключительно на рост собственного украинского национализма. С своей стороны и хитлеровцы перестали связывать с „украинцами“ какие-либо расчеты. Последний процесс об убийстве „украинцами“ польского министра внутренних дел Перацкого вскрывает, где теперь украинцы находят сочувствие и помощь: в Литве и Чехословакии. Хитлеровское движение симпатично и ценно для русских тем, что оно устремлено против коммунизма и жидовства; т. е. тех сил, которые губят и уничтожают русский народ. Если Хитлер или Розенберг высокомерно трактуют русских, то мы этого заслужили, легкомысленно погубив свою великую империю».

Андрей Владимирович Стороженко имеет сейчас 77 лет, но по-прежнему он является великим мудрецом, и перо его по-прежнему полно свежести и глубочайшего интереса.

Директор наш представил меня к ордену, вместе с прот. Йовановичем М., профессором д-ром Миланом Петровичем. Но, конечно, враждебное к русским чиновничество Министерства просвещения, особенно масон Мирко Балуджич, начальник среднего Отделения Министерства, меня вычеркнул; жаль только, если из-за меня будут вычеркнуты и вышеуказанные заслуженные наставники.

1936-й год

26 февраля 1936 г. Давно не вел дневник, а между тем кое-что следует отметить. Прежде всего, в русской колонии здесь идут изумительные нелады. В центре раздора стоят муж и жена Харченки. Сам Харченко – и церковный ктитор, и председатель колонии. Масса его обвиняет в присвоении денег и фаворизировании аристократам. Назначенный священник о. Сергей Самсониевский был им встречен крайне недоброжелательно, а так как он не хотел смотреть из рук Харченка, то начались недоразумения, между тем священник очень хорошо служит, приветлив, внешне красив, полон желания сделать для церкви; приход разделился между симпатиями к Харченко и к священнику, и вот на выборах ктитора на новое трехлетие русская колония манифестировала свое ничтожество; слетели аристократические налеты, и бывшие люди показали себя самыми обычными скандалистами; на общем собрании 9 февраля присутствовало более 400 человек; священнику кричали: «Мы вам не верим», «Вы – масон» (В. Антонова⁷⁰⁶, Эрдели, Лабинский И.В.), а по адресу председательствовавшего протоиерея Беловидова Медер кричал: «Вы – демагог» и т. д. В.В. Антонова, считая меня своим сторонником, пред выборами, боясь за их успех, сказала мне: *«Нам выгодно на собрании делать скандалы»*. Кончилось тем, что Харченко выбран был всего лишь большинством 12 голосов. Я лично не голосовал, уйдя со скандального собрания, не щадящего и церковь.

Более 10 дней болит у меня ухо и вообще переживаю нечто вроде скрытого гриппа, тем не менее, хожу на уроки. И вдруг 21 февраля директор назначает мне *два* урока заменять больных преподавательниц, а я сам имел своих 4 урока. Один час я заменил, а другой был не в силах и не пошел в гимназию. Тогда директор, которому я оказывал много личных услуг, прислал мне следующую бумагу: «25-II-с. г. Прошу на этом же акте ответить, почему вы отказались подписать в книге распоряжений приказ № 226 от 21-II, которым Вы были назначены, как наставник-специалист, провести в VI-а классе урок географии, вместо заболевшей г-жи Мирков Радмилы⁷⁰⁷, суплента этой гимназии, а также и то, почему вы не провели этот урок. Если было какое-либо основательное препятствие, почему вы об этом своевременно не сообщили. Директор Стеван Маргетич». Возмущен был я страшно таким бессердечием и несправедливостью, тем более что некоторые наставники никогда не призываются им для замещения больных, а некоторые имеют всего лишь по 8 уроков в *неделю* (Миятович, Корунович); я ответил следующее: «На вышеуказанный акт за № „служебно“ от 25-II честь имею сообщить след.: 1. 21-II, как и в продолжение всей последней недели, не чувствую себя хорошо, вероятно имея скрытый грипп, а особенно вследствие болезни уха, о чем я Вам говорил в частном порядке в канцелярии, где работает профессор Миливой Йованович. Но, несмотря на это, я точно посещал уроки, полагая, что нельзя пропускать уроки не только ради интересов гимназии, но и ради того, чтобы не быть в тягость своим коллегам, которые должны бы были меня заменять. Вам известно, что я никогда, за исключением весьма редких и самых необходимых случаев, не пропускаю уроков, как не пропускал их в течение своей 16-летней службы здесь. Теперь же, приходя в послед-

нее время в школу, я каждый раз боюсь, в состоянии ли буду провести урок и чтобы не идти домой с уроков. 2. Я – человек, который хорошо знает, что такое и насколько необходима дисциплина, и потому всегда и охотно исполнял и такие Ваши желания, которые не входят в круг моих обязанностей, например шел видеть фисгармонию 3 раза к владелице и 2 раза к Труппелю, нанимать залу для концерта, расплачиваться с лицом, ведающим „авторским правом“, и т. д., и делал это по любви к школе. 3. 21-II, при указанном своем состоянии, я получил приказание провести, помимо своих четырех уроков, еще два урока замены в тот же день: один не по своей специальности (урок гимнастики) между первым и вторым уроком, и другой – по своей специальности – после обеда в VI-а классе. Первый урок я провел, второй же нет, так как достаточно ослаблен своей болезнью. Да и полагаю, что и для здорового человека провести 6 уроков в один день нелегко. 4. Я не подписал распоряжение о втором уроке замены, ибо видел, что не буду в состоянии его провести, полагая, что надо подписывать лишь ту замену, которую я мог выполнить, и поэтому я подписал первую замену, а вторую нет; быть может, такое мое понимание о подписании ошибочно, но я был уверен, что вторую замену не нужно подписывать, если не в состоянии ее выполнить, иначе я подписал бы вторую замену. 5. Я полагал, что служитель Йован, давший подписать указанное распоряжение, видел, что я нездоров, ибо я как-то ему сказал, что в последнее дни возвращаюсь домой после уроков слабым».

Не знаю, каковы будут последствия этой переписки, но считаю себя очень оскорбленным таким отношением директора. Жестокие нравы и люди.

27 февраля 1936 г. Вчера присутствовал на открытии в мужской гимназии противокommунистической выставки „За Бога“ (Про Део). Складную речь сказал сенатор М. Попович о гонениях на религию в России и о пропаганде во всем мире безбожного коммунизма. Но сама выставка, составленная по указаниям Г.Г. Митковича (имеющего богатый магазин золотых вещей в Белграде), очень убога: плохенькие вырезки из газет. Не то сделали бы евреи на нашем месте.

18 апреля 1936 г. Что-то невероятное творится с русской колонией Нового Сада: она разделилась на две враждебные части – одни стоят за священника, другие за церковного старосту Г.Г. Харченко. Дошло до того, что харченковская группа, возглавляемая В.В. Антоновой, генералом Череповым, Н.А. Павловским, собрала около 300 подписей и требует удаления о. Сергия Самсониевского, прекрасного и священника и человека. Но людская злоба слепа, толпа жестока, и явно делается злое дело и притом мелкое, и в то время, когда весь мир занят и бурлит около великих мировых вопросов, а мы тут вертимся около ненужного домашнего спора. Стыдно, больно.

С 7 апреля до 14 был с ученицами нашей гимназии в экскурсии в Южную Далмацию: Дубровник–Котор и дальше в Черногорию. Путь шел через Сараево, Мостар, а от Белграда через Горний Милановац, Чачак, Вышеград, Вардыште. В Сараево пробыли один день и осмотрели музей, знаменитую синагогу, мечеть и пр. В Дубровнике остановились в Женской Задруге (Побиянова 1): чисто, хорошо, над самым морем. Осмотрели дворец Ректора – князя этой средневековой республики, церковь Св. Госпы (Богородицы), Св. Влаха, францисканский монастырь, старые городские стены, военный флот – миноносцы, подводные лодки, были на красивом острове Локрум, полуострове Лападе, ездили в Цават (дохристианская греческая колония Эпидавр), оттуда начинаются знаменитые Конавли с их виноградниками, идущими до Эрцега Нового, посетили тут церковь, где находится изумительная икона Буковца – Стабат

Матэр, Скорбящая Божия Матерь, музей Буковца, мавзолей Мештровича, ездили в Котор на пароходе, а отсюда – на автотакси, по серпантинной дороге, узкой очень, отправились в Цетинье и Будву. Какая тут красота! В Цетинье были в старом монастыре и во дворце бывшего короля Николы, друга России. Дворец превращен в музей. Все тут связано с Россией: портреты Александра I, II, III, Николая II, Великого Князя Николая Николаевича и др. Волнение охватило меня, и я едва удержался от слез.

По словам одного русского, постоянно живущего в Цетинье и занимающегося шоферством, черногорцы теперь относятся к русским нехорошо, даже враждебно... На пути много пели любимую мною песенку «Черго моя чергице», даже ученики из Земуна, причем прощались со мной той же песенкой...

Черго моја чергице,
Од чађава платна,
Ту си моја кућица
Сребрна и златна.
Гуди гуди гудалом
Поврх танких жица
Уста су нам препуна
Слађаних песмица.
Господски су дворови
Непомичне стене,
Черга прати цигана
Куд год се окренеш.
Гуди гуди гудалом
Поврх танких жица
Уста су нам препуна
Слађаних песмица.

От Белграда ехали плохо: народу было масса, мы стояли, среди своих чемоданов, вдруг вваливается пьяный толстый серб из Шумадии, начинает приставать к нашим ученицам, одной даже предложил деньги, чтобы она с ним поехала, щипал ее за бока; она в крик, запищала и другие, я в негодовании закричал на нахала, и тогда он, потрясая палкой в мою сторону, ворчал: «Ебем твою майку Русию, осчастливил нас, иди в свою Русию», и опять грубые слова. Я думал позвать контролера, позвал, но он не обратил внимания..., хотел было жаловаться, но сдержался и молчал, потому что, зная здешние сербские нравы и их нынешнее почти враждебное отношение к русским, мог ожидать, что, в конце концов, окажусь виноватым я. Я ожидал, что он меня ударит, но этого, слава Богу, не случилось, так как и я ответил бы этому животному. Этот инцидент испортил мое настроение.

2 мая. 1936 г. Скончался от разрыва сердца прекрасный человек – Николай Гавва⁷⁰⁸, служивший в «Путнике». Он принадлежал к украинскому кружку здесь.

Был несколько раз у М.С. Чернцова. Он мне читал письма разных лиц, преимущественно судейских. Письма очень интересны, например, известного левого деятеля Челищева. М.С. дал мне эти письма для переписки: так они характерны, чтобы понять, какой сдвиг произошел с этими лицами из русского радикального лагеря. Вот выдержка из письма Челищева: «С твоей верой не страшны никакие испытания: они лишь очищают нашу душу, которая, при благополучии, начинает мирно дремать и грезить лишь

о земном. Во вторник вечером я соборовался, а вчера приобщался. Старинный обряд общего соборования очень торжественен и трогает душу, которая раскрывается пред Богом, и в ней родится та любовь к Отцу Небесному, которую так трудно почувствовать и в которой заключается первая и самая важная заповедь Христа... В Париже есть чему поучиться, бьет здесь сильно и религиозная мысль... (135, рю Брока, Пари 13)»...

Сын графа Льва Николаевича Толстого Илья Львович пишет из Соединенных Штатов Америки: по поводу смерти общего их друга – судьи С.П. Карпова:... «Грустно думать, что больше никогда не увижу его, этого милого умного человека. Я заметил, что Вы его называли „верным и неизменным“, и мне это приятно. Утешает также и то, что смерть его была легкая, безболезненная»...

Какое утешение осталось нашей эмиграции... А теперь нету в живых и самого И. Толстого.

А вот письмо Н. Вернадской, дочери графа А.Н. Толстого, от 10-XI-1931: «Дорогой С.П. (Карпову). Спасибо за Ваше письмо и теплые слова о моей матери. Мне ее память так бесконечно дорога, что все, кто ее знал и может вспомнить о ней, через нее делаются ближе. И вместе с тем сейчас все воспоминания о ней отравлены для меня теперь чувством вины перед ней, что она умерла в больнице одна. Теперь что бы ни вспомнить Воронцовку, ее любовь к нам, ее лучезарную доброту, – и сейчас же встает мысль: А мы-то, мы-то что сделали? И охватывает отчаяние. Никак не справлюсь с этим горем, оно „в моей душе чем старей, тем сильнее“, а грех это, надо думать, как другим помочь, пока еще не поздно. Но и тут беспомощность. Сестре моей писать боюсь, посылать что-нибудь боюсь, а, может быть, она нуждается. Очень невыносимо все это. А так жизнь здесь идет. Конечно, здесь кризис и все помаленьку катится вниз, и американцы разоряются, и жалованье сбавляется (даже в университетах), и многие выкидываются с мест. Но все таки здесь есть с чего скатываться, и пока жизнь более нормальная, хотя и с неизменным уклоном вниз... Мне кажется, я никогда не вернусь в Россию, что бы ни случилось. Зима эта [столь] трудна, что Георгий (муж, профессор университета) уезжает каждую неделю на 3 дня в Харвардский университет. Работает он за двоих, а денег получает за одного, *как полагается русскому*, но и то слава Богу. Очень без него скучаю, но американские дамы стараются развлекать. Пою много, пение главная держава мира жизни. Александра Львовна сегодня, может быть, приедет к нам. Страшно ее ждем... В ее записках (читаю только в „Современных Записках“) я согласна, что не все ладно. Но это не только в отношении матери, а вообще она слишком откровенна, говорит все обо всем, когда это вовсе не нужно и часто вредно. Но при этом, и, может быть, именно от этого, в ней есть большой шарм искренности и чистоты. С матерью, конечно, отношения ненормальны с обеих сторон... Но нельзя же такие интимные вещи рассказывать чужим, особенно если иностранцы, враги наши, прочтут. Очень неприятно...»

А вот еще живой документ из Москвы от судьи Бельского С.П. Карпову и М.С. Чернцову с женой последнего: «... Милые и дорогие С.П., М.С., А.В., Т. и В. Наконец-то 19 апр. мне привезли письмо из Москвы С. П-ча от 21-III с. г. Боже мой, до чего мы были обрадованы этой неожиданной весточкой... Ведь за все эти года, как Вы уехали из Москвы, об Вас были только смутные слухи... Как часто с тоской вспоминали мы всех Вас и незабвенные дни в Кайдакове, и сердце обливалось кровью и грудь сжимала дикая физическая тоска, и к этому почти полная неизвестность... Я имею уже письма из Лондона, Цюриха, Нью-Йорка, а от Вас ничего не было, а это навело меня не раз на грустные размышления: живы ли Вы все. Тяжело и горько было узнать о смерти В.П. Так и вижу его, жизнерадостного, краснощекого, веселого и живого, вечно с шуткой и

улыбкой... Но теперь скажу одно: он счастлив, и мы все можем только позавидовать ему. Ну, теперь попытаюсь рассказать Вам о себе: в Москве я служил в Продовольственном Отделе с Груздевым, Крапоткиным, Шевелкиным и др. в Юрисконсульском Отделе до 1 августа 1918 г., когда перешел юрисконсултом в Государственный Контроль. Это было еще сносное время, когда 1 фунт сливочного масла стоил 12 руб. и можно было доставать продукты, даже кофе, чай, сахар и пр. Зима 1918–1919 гг. прошла тоже сносно. У нас в доме топили, не был уплотнен, и жили по-прежнему с тетей Сашей, Олей и будущим ее мужем П.П. Русаковым. Лето 1919 г. было уже хуже. Часто не было хлеба (черного, а белый исчез давно), а если и был, то суррогат, в котором, кажется, было все, кроме ржаной муки. Мясо исчезло, но была еще конина... С весны 1919 г., состоя в должности юрисконсульты Госконтроля, я был сделан председателем Народного Комиссара при В. Ч. К., чтобы следить за делами наших сотрудников, арестованных по тому или иному поводу, и выручать лиц, попавших зря. Потом Народный Комиссар Карл Ив. Ландер, человек, очень симпатично относившийся ко мне, передал мне все дела и прошения, поданные в Совет Народных Комиссаров и Ленину по поводу арестов разных лиц, и тогда пришлось уже хлопотать о всех, а потом открыли Бюро жалоб, куда могли обратиться все, и меня назначили Помощником Заведывающего специально по жалобам на В. Ч. К. Работы было гибель и в самых тяжелых условиях. Зима 1919–1920 гг. была ужасна; купить негде, ничего нет, дом без топки, канализация и водопровод замерзли, все съютились в трех комнатах на двор, комнаты по улице закрыли, и там был на стенах снег и иней и 3 град. мороза, по Реомюру. Грелись и готовили на железных печурках. А. Н-на (жена) тоже служила со мной машинисткой, хворала брюшным тифом, но осталась жива с обритой головой. Это был сплошной кошмар по всему: холод, голод, адская работа, тоска и уныние. Таскали на себе на 6-й этаж дрова по сажени длины, пилили, кололи, таскали нечистоты и помой на улицу, спали в страшной сырости, и все-таки я не подох, но бедная тетя Саша не выдержала: медленно истощалась и гасла, перестала почти совсем есть (гнилую, мороженую с навозом картошку, почти без масла, без сахара, с осьмушкой или четвертью хлеба), потом совсем ослабела, полежала два дня и тихо отошла в вечность в ночь на 15 янв. 1920 г. Отпели и свезли ее в гробу на деревянных салазках в Данилов монастырь я и ее брат, мой дядя С.В. Барков, провожала Оля. В феврале я измучился физически и нервно до припадков, истерики и обмороков и решил уехать из Москвы, так как так продолжать жизнь было невозможно. Подвернулось место Заведывающего учебно-воспитательной частью в 1-й Московской Трудовой Колонии для лишенных свободы, и я, не видя Колонии, тотчас взял его и 25-III-1920 г. уехал с А. Н-ной из Москвы. Эта Колония в 10 верстах от ст. Столбовой, бывшей Молоди, по Курс. ж. д., третья за Подольском, близ Моск. Окружн. Психиатр. Больницы при селе Троицком. Начальником Колонии мой брат Алексей с 1918 г. Ранее тут была „Грачевка“, имение Патроната над вышедшими из мест заключения, а в 1918 г. здесь образовали Колонию для взрослых заключенных. Это просто загородная сельскохозяйственная тюрьма, но без решеток, замков, стен и стражи, на полусвободном режиме. Сюда переводят из тюрем из „образцового“ разряда. Я поселился в маленьком деревянном домике с балконом в 3 кельи, кухня, чулан. Домик стоит в березовой роще над ручьем у обрыва в три четверти версты от главных корпусов Колонии. Тепло, есть дрова, керосин, вода. Физически я вздохнул свободно, отоспался, стал лучше есть (молоко, масло, овощи, хорошая картошка, изредка мясо, сахар). А.Н. (жена) почувствовала себя совсем хорошо, так как занялась хозяйством и не служила. Но вскоре же началось и другое: работа оказалась очень нервной, работать с братом Алексеем тоже оказалось тяжело, т. к. он и всегда-то был неврастеник, а здесь изму-

чился еще больше и стал раздражителен до чрезвычайности, а тут, главное, я безумно затосковал по Москве и москвичам... В 21 г. почувствовал себя еще хуже, настроение все падало и падало, надежды иссякали, перспектив никаких, питался бромом и вальерьянкой. Появились пароксизмы чисто физической тоски: в груди – камень, жжение, кожа холодная, руки и ноги трясутся, слабость страшная, внутри все дрожит, тошнит и т. п., и все это сопровождается жгучей, смертельной тоской и невыразимым чувством тревоги и страха. Много раз приходило в голову покинуть эту планету, и если бы не А.Н., то, кажется, давно бы сделал это... А сколько наших товарищей-судей сошло в могилу за это время... Островский (выкrest) живет хорошо... Ах, дорогие и милые друзья, увидимся [ли] с вами на этом свете. Все разбросаны, рассеяны, как вихрем, завидуешь мертвым... Часто, часто вспоминаю всех Вас, глядя на закат или сидя вечером в наших кельях под вой, свист вьюги. И все умерло, все в прошлом... Как хороши, как свежи были розы... И. Бельский и А. Исаенкова...»

Из письма от 16-X-1922 г... «В Москве квартир нет... Бедный Халютин: приехал в Москву, получил место на жел. дор. на 250 милл. руб. и теперь через месяц уезжает обратно к себе в Ржев, т. к. не мог найти себе комнаты... Теперь служу в Архиве Инос. дел, очень доволен, работа очень интересная – разбор документов и бумаг, тихо, спокойно, но очень мал оклад – 60 милл. ... Дорогие мои, как часто, глядя на закат, вспоминаю вечера на Рождество перед камином в Кайдакове... Боже мой, ведь все это было наяву, все умерло невосвратно. Какая мучительная боль и тоска охватывают душу и сердце... С нетерпением жду конца своего земного пути и испытаний. Сколько близких людей сошло в могилу, сколько рассеяно по лицу земли, а мы, оставшиеся, на что нам надеяться, к чему и ради чего жить... Если б не мои убеждения, взял и пустил бы с наслаждением себе пулю в лоб...»

От 26-X-1922 г. «Совершенно не знаю, как буду жить, на чем варить пищу и выберусь ли из этого крушения (письмо из Москвы). Пожалуй, что не выберусь и придется добровольно уйти из этого мира, т. к. бороться нету сил... И разве все это можно назвать жизнью. Одна непрерывная волчья борьба за существование при полной неуверенности за завтрашний день и в троглодитском состоянии. Нет, смерть – величайшее из благ. Боже мой, с какой жгучей тоской вспоминаю былые Кайдаковские вечера и дни, Вас. Пав-ча с его шутками и остроумием... А сейчас, что впереди. Мрак, холод, [...] старость... А главное – хронический вечный, неизбывный ужас перед жизнью и сознание, что никогда больше не увидишь дорогих, близких лиц, а все те, кого видишь, ушли в себя, одичали, очерствели, потеряли всякую способность реагировать на что-либо кроме дров, хлеба, цен, комнат и т. д. „Наш век прошел. Пора нам, братья. Иные люди в мире пришли, иные чувства и понятия они с собой принесли“. Помните монолог Сенеки из „Трех смертей“ Майкова: „Жизнь хороша, когда ты в мире необходимое звено, со всем живущим заодно, когда не лишний ты на пире“...⁷⁰⁹

3 июля 1936 г. В предшествующих письмах очерчено, какая жизнь наступила там, в России, после большевистского переворота. В нижепечатаемом письме дается характеристика жизни эмиграции, которая все потеряла и живет лишь воспоминаниями прошлого и которой остались лишь глаза, чтобы выплакивать свое бездонное горе. Письмо это пишет С.П. Карпов, умный московский судебный деятель, кадет по своим политическим взглядам, помещик и дворянин по рождению. Он много лет платонически влюблен в А.В. Ч-ву, бывшую красавицу, ныне тоже «избеглицу», уехавшую в Египет к своему сыну в Каир.

«Торжа. 13 января 1930 г. Завтра наш Новый Год. Сейчас 7-ой час вечера. Я один, и мне так бесконечно грустно. М.С. ушел к Середе (занимается молочным делом в Тор-

же), заходил генерал, тащили и меня, но я уклонился: ведь завтра, как всегда, вставать в 5 час. (Карпов тоже работал в молочном предприятии М.С. Чернцова, мирового судьи г. Москвы), и что я там буду делать, пить водку, есть малороссийскую колбасу, которую соблазнял генерал, и слушать их глупости. Эх, как я далек от всего этого, как все это мне чуждо. Я один, один, всегда один... Я „пробрался“ в Вашу комнату, там еще стоит Тусина (дочери А. В-ны) елка, после их отъезда она не зажигалась... Я зажег эту елочку, посидел в Вашем кресле с синей подушкой, походил по комнате, потом стал тушить одну свечу за другой. И так мне живо представлялось, что вот и Вы сидите в другом кресле и тоже смотрите на елочку. Вы так любили, когда останется одна свеча. Вспомнилась Кайдаковская елка, громадная в громадной комнате, сверкающая, а окна разрисованы морозом. А тут и Лучинский, и Мелких, и Вас. Григ., и о. Григорий, и много, много всякого народу, и Вы с цветком у корсажа (мне представляется, что у Вас был цветок, а м. б. его и не было), Вы такая молодая, такая красивая, такая для всех желанная... Да, да, все это было. Где все это? Мне почему-то вспомнилась именно Ваша елка, только сейчас я сообразил, что ведь много, много лет тому назад около этой елки была встреча Нового года в эти часы (т. е. начиналась уже встреча). Господи, как было пышно, как богато, как хорошо. А теперь... убогая комната, убогий, ничем не покрытый стол (клеенку я снял, п. ч. до 5 час. делал пакеты – для завертки масла), убогий чайник поет на плите, кот лежит на убогой постели, утром была холодная, сырая, промозглая молочная [погода] и завтра утром будет она же... Ну, а Вы? „Где Вы теперь, кто Вам целует пальцы?“ Тоже встречаете новый год? В роскошной квартире? Ковры, бананы? Я не завидую, видит Бог, не завидую, если это так. Но ведь и Вы, наверное, вспоминаете сейчас другую, далекую встречу нового года, другую, далекую елку, другое, далекое время, когда так было хорошо, так было хорошо... Что если бы тогда около той елки явился Мефистофель и, подобно тому, как он показал Фаусту Маргариту за прялкой, показал мне меня самого, как я сижу и пишу Вам в моем теперешнем антураже, и сказал бы: вот как ты будешь встречать новый год через... (не могу сейчас точно установить, через сколько лет, должно быть через 15). Вероятно, я не поверил бы ему... Пишу Вам быстро, быстро, как Вы обыкновенно пишете Ваши письма. И мне почти хорошо, я вроде как бы говорю с Вами. И говорю не так, как стал говорить последние годы, нудно, тяжеловато, а как говорил, бывало, в далекое время, когда был золотой ковер, была лампа под красным абажуром, была елка в Кайдакове, было „бежать“. Было, так много было и так мало осталось... Настроение падает, обрывать письмо не хочется, а писать уже как будто нечего. Ведь не писать же про кур, про Блюма, про Розы. Помечтать, что ли? Вилла около Ниццы (куры все-таки...), пальмы, голубое небо, голубое море, пляж, тепло, не надо идти в молочную, мы с Вами идем по Променаде де-з-Англэ, есть, кажется, такая в Ницце. Нет, конечно, молодости, нет прежних сил, здоровья, но все-таки мы еще не рухлядь, что-то еще есть, мы спокойны, мы не переругиваемся, мы (собственно я) не шипим, мы улыбаемся, что-то как будто вернулось из далекого прошлого, и Вы говорите мне: С.П., посмотрите кругом. Ну, думали ли мы когда-нибудь в Торже, что это будет. А ведь это есть, есть, ведь это не сон. – Да, отвечаю я Вам, улыбаясь, я бы голову дал на отсечение в Торже, что так жить, как я сейчас живу, мне уже не придется... Но, увы, я смотрю на чайник, на „инструменты“, которые сушатся на другом столике, на кота, на высокое темное окно и знаю, твердо знаю, что этого не будет, что песенка спета, что если что-нибудь и будет после Торжи, то нечто такое, когда и о Торже будешь вспоминать как о счастливых днях Аранжуэца...⁷¹⁰ Но Вам ведь пока хорошо, и слава Богу... П.С.: Перечитал свое письмо. Оно безалаберно, но настроение мое передает, кажется, хорошо. Вот Ваше

настроение уже не узнаешь... Если бы я дал себя уговорить и пошел к Серее, то этого письма я, конечно, никогда бы не написал, а я думаю все-таки, что оно Вам будет приятно. А может быть, это самомнение?»

Все в прошлом, так можно охарактеризовать настроение нашей эмиграции: в прошлом молодость, красота, воспитанная красивая русская женщина, которую старый холостяк любит до смерти, никогда ее не имея, ради которой он бросил родную семью, родную Москву, откуда мог и не бежать, красивая богатая жизнь и т. д. В настоящем – сырая комната, кот, «инструменты», полная необеспеченность и непроглядная тоска... Где лучше – там, в России, или здесь за границей? Да, тысячу раз да: скучно на этом свете, господа.

9 сентября 1936 г. Время идет. Вот уже кончились каникулы, переэкзаменовки, 13 сентября будет молебен перед учением, а 14 начнутся занятия. Нас, контрактualных профессоров гимназии, все пугают тем, что с 1 апреля 1937 г. нас или уволят, или переведут на поурочную плату, а это значит значительное сокращение жалованья. Это не может не беспокоить, но лучше не думать о будущем.

Испания сделалась ареной гражданской войны. Убийства, сжигания церквей, монастырей, выбрасывания мощей, расстрелы – все как в России, а может быть, и хуже. Страшное будущее готовит себе человечество, и интереснее всего то, что все почти народы увлекаются коммунизмом. Несчастья других народов – России и Испании – многим ничего не говорят.

Александра Львовна Толстая, дочь Льва Николаевича, написала ряд статей в «Современных Записках», где грубо, почти цинично, издевается над своей родной матерью, Софьей Андреевной. Конечно, это во многих русских вызывает осуждение, например, у культурнейшей женщины А.В. Чернцовой. Последняя сумела настроить в этом смысле своего старого друга С.П. Карпова, и он также стал осуждать, в письмах к дочери Родичева, известного депутата Государственной Думы, поступок Александры Львовны, и это тем более, что Карпов был другом семьи Толстого. В ответ на такие мысли Карпова дочь Родичева, такая же кадетка, как и Карпов, пишет ему следующее письмо:

«5 окт. 1931 г. Теперь я разбогатела газетами и могу Вам высылать „Возрождение“. Мне его дает наша русская соседка по комнате, и пока она тут живет, я буду Вам высылать. Мы получаем 4 газеты, но их у нас сразу отбирают, т. к. в Лозанне много неимущих русских. Папе же присылают даром... А „Руль“ я посылаю на Кипр. Там идут записки Лагери смертей. Это такой ужас – описание Соловецкой каторги. Как подумаешь, что там был Игорь, так мороз по коже проходит. Все думаю, что бы сделать, чтобы облегчить их участь, и ничего не придумать. Из Москвы мы получаем только открытки, ничего не значащие, т. о. ничего не знаем и не имеем правильного понятия об их жизни. А я и совсем туда не пишу – боюсь. Родители пишут туда открытки о здоровье. Возвращаюсь к А.А. Толстой. Вы верно не знаете, что она очень помогла Игорю, и благодаря ей он до сих пор живет в Ясной Поляне. Вообще, она выдающийся человек и делает много добра. Я думаю, Вы не читали просто ее записок, оттого так и судите. Вы о ней пишете, как будто она заодно с Чертковым, между тем как она совсем им не очарована и ссорилась из-за него с отцом, находя, что он насильничает над ним. Два фельетона о Чертковых были в „Последних Новостях“, а вообще ее записки печатаются в „Современных Записках“. Они прекрасно написаны, очень интересны и переносят в прошлое. Она пишет лучше всех детей Толстого. Я читала всех и нахожу, что она одна унаследовала от отца его искренность и выразительность. Не г-ну Ренникову про нее говорить „лучше бы не писала“. Мне хочется всегда это сказать про самого Рен-

никова. Если кто исписался тут, так это он сам. Кроме того, меня просто оскорбляет, что про любимую дочь Толстого пишут в таком тоне. Я думаю – у русской эмиграции два основных чувства: злость и зависть. Поэтому ее суждения о литературе никуда не годятся, да и вообще суждения современников несправедливы. Вспомните, как травили Пушкина. Чего только не писали про „Полтаву“, про „Руслана и Людмилу“. А про самого Толстого, про „Анну Каренину“: записки А.А. оценят будущие поколения, ведь подумайте, если бы у нас были записки брата и сестры Пушкина, да даже его жены. Ведь это был бы клад. А тут дочь Толстого пишет – когда все прошлое погибло и живет только в памяти – вдруг какие-то бесталанные, тупоголовые репортеры поднимают на нее травлю вместо благодарности. Заметка Ренникова – образец пошлости. Я читала это самое место записок А.А. совсем с другим чувством, чем он. Он высмеивает и А.А., и Толстого, а у меня было чувство жалости к Толстому, п. ч. (причем – ред.) А.А. ясно дала понять, как тяжела была ее отцу его обстановка и бессилие предотвратить гонения на его последователей. Я вспомнила речь своего отца в Думе по поводу высылки Столыпиным секретаря Толстого – Гусева. Папа тогда сказал, что высылка Гусева вызвала слезы на глазах дорогого всей России старца и слезы эти будут сиять в венце того (т. е. царя), кто это сделал. Ренников так пишет, п. ч. не любит и не понимает Толстого. Он по духу своему ближе к своему товарищу по „Новому Времени“ Ал. Столыпину, который Евангелием оправдывал смертную казнь и которому Толстой написал одно слово: „Стыдно“. Лучше бы он это помнил, когда писал свою пошлость. И еще Ренников пишет глупость, что дети толстовца Асеева, по всей вероятности, безбожники и комсомольцы. А я думаю, не они, а те стражники из Ясной Поляны перекрасились в комсомольцев, которых он защищает. Вероятно, Ренников не читал статьи секретаря Т. Булгакова (NB: я этого Булгакова совсем не люблю), но он написал правду, как большевики расстреливали толстовцев за их убеждения и отказ от воинской повинности. Один из убиваемых сказал палачам: „Убивая мое тело, вы убиваете свою душу“... Я была в Москве до 1920 г. и знаю, что толстовский кружок был единственное во всей России место, где открыто осуждался террор и смертная казнь. Я обязана толстовцу и спасением жизни своего отца, и своему приезду сюда из СССР, и знаю, что моральная сила последователей Толстого – может быть, самое лучшее, что тогда было в России. Судите же сами, как меня до глубины души возмутило грубое и подлое невежество Ренникова, а главное – я не верю, чтобы он ничего этого не знал. Он лжет умышленно, знает, что лжет, но делает это в угоду монархистам, по ново-временски впитав в себя мужицкое холопство (чтобы не сказать – хамство) Суворина. И я не понимаю, как Вам самому не противна была эта заметка. Я вижу 10 лет людей в здешней эмиграции ультраправых, черносотенно придворных, которые даже Евлогия считают дьяволом, не то что Толстого. Глядя на них, только удивляешься, почему они не с большевиками, п. ч. природа у них одна – та же злоба, невежество и любовь к насилию. А к Толстому у них ненависть хуже всех. Именно поэтому я больше, чем когда-нибудь, ценю Толстого, его моральную проповедь, работу над человеческой совестью, отвращение к насилию и его необыкновенную прозорливость к судьбе России. Если внимательно его читать, только поражаешься, как он был прав и пророчески ясновидящ. Я знаю, что Александра Львовна любила своего отца больше всего на свете и потому заслуживает глубочайшего уважения и преданности. Я лично считаю великой честью, что она делится с вами воспоминаниями о своем отце. Ее же отношение к матери вполне искренне и правдиво, если она ее не любила, так она этого и не скрывает. Но какое дело всем до Софьи Андреевны? Та ведь тоже не любила дочери, и если ее дочь не любила, то это ее вина. Простите, что я так расписалась. Мне хотелось Вам показать, что я на сторо-

не Толстого, несмотря на революции и большевизм, и не вижу никакого основания считать его виноватым в русском несчастье. Всего хорошего. Родители шлют привет. А. Родичева». Так пишет дочь Родичева, дочь взбалмошного кадета. Отец сумел воспитать ее в своем духе.

26-XII-1936 г. Давно не принимался за дневник. Как-то охладел к нему. На этот раз хочу сделать выписки из интересных писем В.М. Чернцова из мест, куда посылаала судьба этого эмигранта. Прекрасно воспитанный, элегантный, красивый, г. Чернцов попал в Египет и, благодаря прекрасному знанию французского, немецкого и английского языков, устроился там очень сносно и приспособился к тропическому климату... «Устроиться здесь я могу, и легко, и мне предлагают место на 25 фунтов, но если мне [не] дадут 60 фунтов в месяц, я не останусь ни за что. Не буду пугать Вас тем, что я переживаю здесь, но когда приеду, дам Вам ясную картину здешней каторги, и Вы поймете, почему 25 фунтов не прельщают меня, и я стремлюсь вырваться отсюда как можно скорее. С большой охотой буду служить и работать на 3–4 фунта где-нибудь в белой стране. Сейчас настало самое плохое время перед дождями, каждый день дует сильнейший ветер, после которого идет дождь, настоящий тропический ливень, каких я еще не видел в жизни до моего приезда в Судан. Так как все страшно сухо, то с ветром идет гора пыли и днем становится темно; тогда скорее ложись и закрывай голову полотенцем или чем-либо еще. Дует такая пыль в продолжение часа, двух и даже больше, потом гроза с непрерывными ударами грома, и молнии бьют в землю повсюду несколько раз в секунду. В первый раз это было так: я сидел с одним инженером и ужинал; вдруг все слетело со стола, задуло лампу, и начался рев, вой и ад. Когда ветер немножко стих и мы зажгли лампу, я посмотрел в зеркало и увидел черную как смоль рожу и белые глаза. Все было покрыто слоем пыли в два вершка, потом ливень прошел через соломенный шалаш, и все обратилось в грязь; особенно печальный вид приняла кровать; поверх простыни стояла жидкая грязь. Мой шалаш был в 100 метрах, но крышу унесло, палатку моего слуги и повара унесло на несколько сотен метров, несмотря на то, что она была вбита железными колами в полтора метра глубиной. Кровать мою, стол, стул и т. д. сломала крыша, и вид был плачевный. Спал я эту ночь в доме шейха деревни, но ругал, как извозчик, и Судан, и службу, и все и вся. Печально и грустно стало после этого Хабуба, т. е. ветра, но наутро опять на работу, забыл вчерашнее происшествие, набрался силы, и все стало лучше и яснее. Как ты мне говорила, дорогая моя мамочка, когда я был мальчиком в Койдакове и нужно было ехать в Феллинг, что никогда в жизни не бывает сплошного горя или счастья, а одно следует другому. Дай нам Бог силы и крепости. Молитвы твои поддерживают меня и дают надежду на избавление... Я нахожусь на 13 с полов. градусов широты».

Из письма от 19-VII-1921 г. «...У меня вкоренились твои слова: будь честен, а там уже все само собой устроится... Я чувствую себя здесь по временам одиноко, но тогда стоит только горячо помолиться, и все проходит. Как приятно и хорошо на душе, когда есть вера в Бога... У меня сердце щемит, когда вспоминаю Кайдаково, сенокос, все наши любимые уголки, вечер, ужин, прогулки после ужина, и вот, когда я пишу об этом, я совершенно уношусь туда, *живу опять*, чувствую *запах всего нашего*, и даже когда вот оторвешься, то не верится, что ты в *Палестине*, у англичан, далеко от Вас... Кошмар... Иногда я вижу во сне себя в России, но знаю, что я сплю, и потому не веришь тому, что видишь»...

Из письма от 21-IV-1925 г. из Египта: «...Страшный ветер, жара, пыль... Воды нет, верблюд мой часто исчезает, т. е. его вожак, на 2–3 дня, а там делай как знаешь. Бывает

часто так, что не только вымыться, а попить нечего, и приходится пить воду из канавы, совершенно мутную, и это представляется раем, но и этой воды не всегда найдешь. О том, чтобы вымыть тело, и думать нельзя, и я часто мечтаю о воде, ванне и моюсь только раз в месяц, когда езжу в Медани, там есть в домах нашей Ирригэшен ванны... Потом, если исключить жару, змей, скорпионов, ветер и др. вещи, то жизнь здесь чересчур тяжелая. Всегда один, вот уже с ноября я один, утром работа, после работы в 3 часа в палатку, днем гулять нельзя из-за жары, сумерки очень короткие, и значит сидишь в палатке, читаю, пишу письма, но и это не заполнит время... мечтаю о будущем, и сон нейдет... Вот я пишу Вам, вдруг порыв ветра, пыль лезет в глаза, я схватываю стол, чтобы не улетел, и опять продолжаю писать... Пить можно бесконечное количество, но как только выпьешь что-нибудь, все сейчас же выходит потом. Судан очень велик и интересен, но нужно очень много денег, чтобы увидеть хотя бы маленькое количество... По окончании контракта поеду в Макмар, это там, где плотина, и там же живет один суданский царек из потомков Эль-Магди, с которым воевал генерал Гордон» (я видел памятник ему в Лондоне, кажется, на Трафальгарской площади, хотя этот генерал запятнал себя грабительством и воровством, но для Великобритании он присоединил Судан и тем оказал большие заслуги. — Д.С.).

Из письма от 27-III-1927 г. из Египта: В.М. Чернцов вырвался из Судана и живет в Хеллополисе, откуда пишет: «Вчера приехал Масарик (президент Чешско-Словацкой республики), и меня послали к нему в охрану (как знающего иностранные языки. — Д.С.), и с момента его приезда до отъезда я был с ним... Приехал он и сейчас же отправился в отель около пирамид. Там нас встретили, мне дали комнату, еду, и на следующий день он поехал к королю, потом оттуда вернулись в Чешское посольство, и король приехал, затем поехали к Наместнику, обратно и мне дали автомобиль и повезли в тот ресторан, куда я хотел [пойти] пообедать, затем обратно к пирамидам, я с револьвером все время в его автомобиле. Поехали потом в пустыню, потом мы возвратились, и он уехал в Луксор (где раскопки пирамид. — Д.С.) и приедет через несколько дней. При отъезде поблагодарил меня и сказал, что надеется, что опять увидимся. Он здесь останется еще 4 дня».

Как играет судьба с русскими эмигрантами. Кстати сказать, г. Чернцов не вынес Египта и возвратился в «белую страну», а теперь живет в Париже.

1937-й год

ПУШКИНСКОЕ ТОРЖЕСТВО В НОВОМ САДЕ

И Новый Сад торжественно отметил 100-летие со дня смерти А.С. Пушкина. 10 февраля 1937 г. в Сербском кафедральном соборе сербским и русским духовенством была отслужена величественная панихида по А.С. Пушкине, в присутствии представителя г. подбана и представителей югославянских и русских организаций. Прекрасную речь о значении Пушкина для славянства произнес протопресвитер и заместитель архиерея Ириней Чирича Владислав Янкулов. Продолжение торжества было 7 марта, когда в Спомен-доме Короля Александра I состоялось в 8 часов вечера торжественное заседание, по программе, выработанной Пушкинским Комитетом при Русской Матице. Торжество это любезно изволил принять под свое покровительство Заместитель Бана подбан г. Светислав Раич, который и присутствовал на торжестве, как и новосадский епископ д-р Ирней Чирич; присутствовали также представители югославянских и всех русских организаций. Гостей встречали председатель Матицы и Пушкинского Комитета проф. Д.В. Скрынченко, председатель Колонии генерал Ф.В. Данилов⁷¹¹, генерал А.Н. Черепов и члены Правления Матицы. Пушкинский Комитет принял меры к тому, чтобы и самые бедные из русских эмигрантов могли посетить это торжество, ради чего роздано было много бесплатных входных билетов, а цены на билеты вообще были минимальные.

Торжество открыл председатель Матицы Д.В. Скрынченко; в краткой речи оратор между прочим сказал, что напрасно большевики стараются присвоить себе Пушкина, который ни по своему воспитанию, ни по мыслям, ни по целям не подходит к большевистской идеологии. «Пушкин – наш», он поэт белого знамени, если можно так выразиться, а не красного. Далее оратор выразил благодарность всем югославянским гостям за великое участие в этом торжестве, и прежде всего г. подбану, представителям гражданской и военной власти, архиерею д-ру Иринею, представителям культурных и общественных организаций, лекторам и участникам концерта.

После этого с содержательной и интересной речью выступил от имени старейшей славянской организации Сербской Матицы д-р Лаза Секулич⁷¹², заместитель председателя Литературного Отделения при Матице. Оратор приветствует русскую Матицу как представительницу русской здесь эмиграции. «Последняя, прославляя Пушкина как носителя русской и всеславянской мысли, готовится и должна готовиться к освобождению Матушки России».

Представитель Союза Культурных Обществ Влада Витошевич⁷¹³ говорит о влиянии Пушкина на югославянскую поэзию, подчеркивая, что славянская идея, которую выражают лучшие умы отдельных славянских народов, загорится, наконец, пламенем в том будущем, которое, несомненно, принадлежит славянству.

Прекрасную, приковавшую к себе всеобщее внимание речь произнесла А.А. Сердюкова, профессор Женской гимназии. Прославление Пушкина во всем мире – это невиданное доселе явление в культурной истории человечества; это в сущности тре-

тье рождение его, рождение для человечества; первое – это его физическое рождение, второе было после 50-летия со дня смерти, когда великие русские писатели Тургенев, Достоевский отдали ему наибольшее признание.

На сербском языке говорил также и профессор М.П. Чубинский и, как известный оратор, привлекал к себе внимание всей огромной аудитории.

На русском языке произнес речь профессор М.А. Георгиевский, который отметил тщетные попытки большевиков присвоить себе Пушкина. Закончил свою речь оратор эффектным жестом: «Слава Пушкину, ангелу-хранителю русской души».

Наконец, ученица VI кл. югославянской гимназии Нина Селиванова⁷¹⁴ продекларировала стихотворение местного русского поэта В.И. Майбородова, написанное к данному случаю.

Все ораторы были награждены горячими аплодисментами.

Этим закончена была первая часть торжества. Далее начался концерт, состоявшийся из декламаций и вокальных номеров из пушкинских произведений.

С большим успехом декламировали Е.П. Борисов-Морозов и Н.К. Рудь, артистка русского драматического театра. Известная здесь пианистка Милица Моч прекрасно исполнила несколько музыкальных номеров на рояле. Заслуженный успех имела С.Р. Драусаль⁷¹⁵, исполнившая арию из оперы «Руслан и Людмила» и из композиций Рахманинова и Римского-Корсакова, а известная артистка Е.И. Попова блестяще исполнила письмо Татьяны из оперы «Евгений Онегин», «На холмах Грузии» Римского-Корсакова и др.

Концерт, как и все торжество, прошел с выдающимся успехом. Огромный зал Спомен-дома Короля Александра I был переполнен; присутствовало до 1000 человек. На сцене был поставлен бюст поэта, украшенный венком и национальными лентами. Торжество оставило на всех неизгладимое впечатление, и многие югославы выражали председателю Пушкинского Комитета Д.В. Скрынченко свою благодарность и восхищение.

20 марта. Сделал замечательную, незабываемую экскурсию на Змаевац, где и переночевал.

25 апреля 1937 г. Доселе министерство Просвещения не возобновляет со мной нового контракта, хотя я послал прошение об этом в самом начале февраля. Начальник по делам средних учебных заведений при Министерстве в частном письме обещал мне все устроить скоро и не беспокоиться (я был учителем его дочери в Женской гимназии), а между тем контракта доселе нет. Ничего подобного еще не было со мной все эти 17 лет. Начинаю беспокоиться. Директор Бранко Магарашевич не проявляет никакого внимания ко мне в этом направлении, Профессорское Общество здесь тоже, а между тем без контракта я не могу получить легитимацию для льготного проезда по железным дорогам, как получают мои коллеги. Не понимаю, что все это значит.

19 апреля. Был на Общем Собрании Союза Культурных Обществ Нового Сада. Судили д-ра Слободана Матича за то, что он резко нападал на масонов, на ненациональную политики сербов здешних: «Продавшиеся души, – писал он Обществу „Народной Одбраны“ (Национальной Защиты), – к сожалению, люди нашей крови уничтожают у нас веру и государство, убивают всякий культ нации, пачкают наши величайшие святыни и национальные блага», причем «Народная Одбрана» здесь наталкивается на самых подлых врагов не в лице мадьяр и евреев, но в лице православного попа Стефана Поповича, секретаря Союза Культурных Обществ Нового Сада»... Резкие выходки д-ра

Слободана Матича против названного Союза и отчасти самой «Народной Одбраны» вызвали осуждение его в «Народной Одбране», причем последняя исключила его из своего состава и напечатала об этом в своем журнале 28-III-1937 г. № 13.

Открывая заседание, председатель д-р Игнат Павлас, в спокойной речи, призывал Собрание спокойно обсудить поступок д-ра Слободана Матича, подчеркнув, однако, что «действиями, подобными опубликованным в „Народной Одбране“, подвергся нападению весь культурный Новый Сад».

Первым говорил по этому поводу старейшина «Сокола» д-р Тома Йованович. Употребив цицероновское выражение «доколе же будут злоупотреблять тут нашим терпением», до каких пор будут здесь авторитеты наших лучших людей, которые бережно хранили и взращивали здесь, при тяжелых условиях, сербскую культуру. Тут нет «пречанского фронта», т. е. фронта сербов против сербиянцев. Затем пора перестать делить граждан на первосортных и второсортных, пора перестать нападать на мадьяр, немцев и евреев, которые проявляют к нашему государству полную лояльность. Подчеркнув, далее, заслуги перед Родиной председателей Союза Культурных Обществ Нового Сада д-ра Йована Ненадовича, генерала Живана Митровича и д-ра Игната Павласа, оратор восклицает: вот единственная благодарность, которую заслужили у нас наши патриотические деятели эти, и предлагает исключить д-ра Матича из всех Обществ Нового Сада. Живорад Богданович, известный масон, произносит острую речь против системы «доносов и разрушения». Мы дожили до того, что не знаем, кто и из какого угла нападает на вас. СКО держится принципа «полной терпимости», и это хорошо с государственной точки зрения. Всех подозревать и кричать о «жидомасонстве» – это «постыдный и безумный поступок» (Богданович, полковник в отставке, присоединяется к резолюции Т. Йовановича).

Представитель словенского общества «Истра», состоящего из беглецов из оккупированных Италией областей Истрии и Словении, становится на позицию СКО и, значит, против д-ра Слободана Матича.

Бывший председатель СКО генерал Ж. Митрович резко осуждает поведение Матича и ему подобных: я – сербиянец, как и д-р Матич, и я заявляю, что «пречанский фронт» создали негодные элементы – и сербиянцы, и воеводяне (жители северных областей, бывших под Австро-Венгрией). «Таких господ, вредных для государства и мирной жизни общества, надо выгнать из Воеводины».

Председатель Общества молодежи «Карагеоргий» Деян Лучич в горячей речи доказывает, что резкие нападки Слободана Матича не относятся на СКО, что судить его за это нельзя, что мы должны бы его позвать сюда, а не разбирать этого дела без обвиняемого, что «проданных» душ тут действительно много, и под такими словами Матича и он подписывается, что «пречанский фронт» действительно существует, а игнорировать это явление – вовсе не значит уничтожить его, что нельзя отрицать, что 75% воеводян служат иностранному капиталу, что пусть государственный суд разберется во всем этом деле, а что он как представитель Общества «Карагеоргий» заявляет, что в случае осуждения д-ра Матича Общество «Карагеоргий» выходит из состава СКО.

Живорад Богданович снова и еще резче обрушивается на д-ра Матича и ему подобных, видя, сводя с ними личные счеты. Он заявляет, что приемы этих господ просто нестерпимы, что к нему в дом пробрались тайком какие-то господа, взломали ящик от письменного стола и похитили одно письмо, которое имело доверительный характер и которое, по мнению этой клики, могло дискредитировать г. Богдановича.

Преподаватель Мужской гимназии (тоже масон) Марич⁷¹⁶ говорит, что тут речь идет о моральном осуждении, что имеет сделать наше Общество. Нас нельзя упрекать в том, что будто мы не националисты и не защищаем нашу национальную культуру,

но нельзя же допускать «торговлю национализмом. Речи, подобные опубликованным, есть „хула на нас“, и они тем более вредны, что подрывают и дискредитируют и самый национализм, как бы ни было здорово его ядро». Марич предлагает избрать комиссию для выработки резолюции.

Очень резко и возбужденно говорит адвокат Яковлевич: общественный суд – выше суда государственного; мы не позволим учить нас национализму, как делает г. Матич и подобные ему. Защищая Матича, Лучич выставляет себя так, точно он подкуплен. Кто хочет нас учить национализму, пусть убирается отсюда.

Д. Лучич крайне возбужденно: мы имеем такое же право на этот край, как и «пречаны». Вы пришли сюда при Арсении Чарноевиче, мы – при Александре Карагеоргиевиче (убитом в 1934 г. во Франции). Я, сербиянец, по проискам ненациональных элементов, должен был уйти в отставку, прослужив лишь 15 лет, т. к. я националист и сербиянец. В деле с Матичем я вижу проявление не христианского принципа любви и мира, а совсем другого: «око за око, зуб за зуб». Удивляется тому, как не хотят видеть здесь, что «пречанский фронт» создали не сербиянцы, а мадьяры, немцы и др., удивляется далее, как сербиянец генерал Митрович мог предложить «выгнать отсюда (наюрить)» сербиянца же – Матича.

В зале появляется д-р Черемов, служащий в городском Физикате⁷¹⁷. При его появлении увеличивается нервность в зале. Кричат многие, особенно Живорад Богданович. Слышны слова особенно последнего: «Кого представляет этот тип? Выгнать его вон» и т. п. На эти слова не менее резко реагирует д-р Черемов. При общем шуме он кричит: надо выгнать отсюда «жидомасонов и прежде всего Живорада Богдановича, их прихвостня. Вы дружите с жидами, которые разьедают нашу общественность и государственность». Стоит непрерывный шум, крики, энергичные жесты. Председатель Павлас спрашивает Черемова, кого он представляет, и предлагает ему покинуть зал.

«А *кого* Вы, милостивый государь, представляете?» – кричит Черемов, обращаясь к Павласу, и, продолжая выкрикивать и жестикулировать, покидает залу. Павлас призывает к успокоению, просит пройти мимо этого инцидента, подчеркивает, что он в начале речи просил не касаться лично д-ра Матича, а лишь принципиально говорить о приемах безудержной борьбы в Новом Саде, что у нас тут нет «пречанского фронта», что нет тут подразделения на «мы» и «вы».

Директор Общества «Путник» г. Грачанин говорит, что он доволен выступлением Деяна Лучича в защиту Матича, что дает нам возможность лучше проконтролировать себя. Я – один из основателей СКО, и хорошо, что в него вошли и евреи и др. народы. Это счастливая с государственной точки зрения мысль. Сербский народ всегда был толерантным, не спрашивая никого, «какой он веры» («брат е мио, кое вере био»), и призывая все народности к сотрудничеству; мы на своей шкуре испытали в Австро-Венгрии, что значит быть отброшенными от государственной жизни; в данном случае мы не собираемся судить Матича, а подобные методы, силу которых мы ощущаем на собственной коже [...]

Далее с короткими заявлениями выступали еще генерал Митрович, Д. Лучич, Богданович, д-р Субботин, Теодорочич, Павлас. Священник Ст. Попович тоже против личных осуждений, предлагая каждой организации и личности, оскорбленным д-ром Матичем, иметь суждение в дисциплинарном порядке и в суде державном.

Собрание затем выбирает комиссию для выработки резолюции по данному случаю в составе профессора Марича, д-ра Т. Йовановича, Деяна Лучича и Грачанина. Резолюцией осуждены приемы действия д-ра Матича [и] ему подобных (см. газету «Дан» от 21 апреля 1937 г. № 90).

Представляя на Собрании Матицу Русскую, входящую в состав СКО, и видя, что в Новом Саде происходит жестокая борьба двух фронтов – националистического (своего рода фашистского) и антinationалистического (своего рода «народного фронта»), считая далее, что нам, беженцам, не к лицу выступать в роли судей в подобном деле, и это тем более, что мы на каждом шагу чувствуем себя гражданами именно второго сорта, я вместе с М.С. Чернцовым покинули Собрание во время перерыва, назначенного для выработки резолюции. От русских остался в Собрании некий Вурумзер⁷¹⁸, да и М.С. Чернцов хотел остаться, но я его отвлек от этого неосторожного шага. Знаю, что Ст. Попович и деятели СКО не одобряют моего поведения, но иного выхода я видел, как покинуть Собрание.

10 августа 1937 г. Это лето, правильнее 4 недели, отдыхал преимущественно в Врднике, где и купался в сернистой воде недавно открытого бассейна. Температура воды – 32–37 градусов. Купанье отличное, портят все лишь грязные местные бабы да беспокойные дети. Они имеют иногда наросты или скрытные болезни, так что некоторые купающиеся получили лишаи. Боясь заразы, и я должен был, как и другие, прекратить купания, а жаль. Врдник – место в высшей степени живописное, и прогулки, да еще в приятном обществе, доставляли мне высокое наслаждение. Пробыл в отсуствии с 7 июля по 5 августа, унося оттуда неизгладимые впечатления.

События в Белграде 19 июля, когда полиция напала на православный крестный ход, устроенный для моления о больном патриархе Сербском Варнаве. Тогда полицейские, набранные из католиков и мусульман, по распоряжению министра внутренних дел – католического священника Корошца, штыками стали разгонять народ, разорвали несколько церковных знамен, избили Шабачского епископа Симеона д-ра Станковича. События в Белграде произвели всюду потрясающее впечатление. Они вызваны принятием в Скупщине конкордата с Папским Римом, предоставляющим католицизму несомненные преимущества перед православием и остальными религиями, конкордата, против которого восстал Патриарх Варнава и весь архиерейский Синод. К тому же вскорости скончался патриарх, по распространившемуся мнению, кем-то отравленный. Состоялись грандиозные похороны, причем неслась разорванная 19 июля церковная хоругвь, что производило потрясающее впечатление. «И под Турками не было чего-либо подобного», – кричалось в народе. Правительству пришлось официально заявить, что все слухи об отравлении патриарха лишены основания, но народ этому не верит, как и заявлению лечивших патриарха докторов. Заявление подписал и русский профессор Игнатовский, что вызывает крайнее возмущение, так как приглашенный венский профессор, осмотрев больного патриарха, заявил об его несомненном отравлении и не стал лечить больного. В народе ходит сильно разоблачающая брошюра депутата священника Воислава Янича, хотя ее правительство приказало конфисковать. Ползут разные опасные для властей слухи, и чем все это кончится, пока трудно сказать, но несомненно, 19 июля и день смерти патриарха явятся какой-то важной исторической датой. И можно от всего сердца пожелать братской Югославии, чтобы ее миновали потрясения, чтобы коммунистические элементы не использовали этих событий.

Моя просьба о сдаче нашей Русской Матице квартиры в старом здании Сербской Матицы не увенчалась успехом. Сербь сладко говорят, но явно подчеркивают свое нерасположение к русским. Сербская Матица предоставила свое помещение «Народной Одбране», Музыкальному Обществу, но не сродной организации культурной, каковой является наша Матица, хотя последняя предложила за помещение более высокую

сумму, чем получаемые от сербских организаций. Ничего не поделаешь: такова судьба русских эмигрантов.

Получен в гимназиях циркуляр-запрос о контрактуальных русских преподавателях. Есть слухи, что нас всех уволят со службы... Пожалуй, к этому идет. Мне, например, доселе не прислали контракта. Что ж, выпьем и эту горькую чашу.

Сегодня передал директору нашей гимназии д-ру Бранку Магарашевичу, как члену редакционного комитета Летописи Матицы Сербской, свой ответ на статью преподавателя нашей гимназии Жарка Каленича⁷¹⁹, женатого на польке. Г. Каленич напал на императора Николая I за его противоположную политику, а также на наместника в Варшаве Великого князя Константина Павловича, любившего будто бы грубые наслаждения и оскорблявшего поляков. Но интереснее всего, что г. Каленич считает западнорусские наши края «польскими». В своем ответе, который я составил с помощью А.В. Стороженка, я в самой корректной форме показал, что Каленич не знает того предмета, о котором пишет. Каленич обозлился на меня, что я показал его невежество в данном вопросе, и мне, как говорят некоторые русские, может угрожать опасность быть отсюда переведенным.

15 августа 1937 г. Толки о коллизии между руководителями Православной сербской церкви и правительством не прекращаются. Хотя правительство и издало распоряжение о том, что подобные толки будут караться строго, югославяне, хотя и сдержанно, шепотком, говорят об отлучении 9 министров и 150 депутатов от церкви, о разрушении имущества некоторых депутатов, голосовавших за конкордат, и т. п. Как православные и искренно любящие Югославию, как бы плохо ни относились к нам отдельные личности или учреждения, мы с тревогой смотрим на происходящее, желая, чтобы пережитые события не оказались для государства опасными и способными потрясти его.

Считаю полезным занести на страницы своего дневника письмо мудрого А.В. Стороженка от 18 июля с. г.

«Дорогой Д.В. В одном из писем к Вам по „украинскому вопросу“ я говорил, что ничего не знаю о том, в каком направлении развивалась деятельность Галицкого униатского митрополита графа Андрея Шептицкого за 10 последних лет, когда он, после долговременного пребывания в С.А.С. Штатах и в Риме, при папском дворе, возвратился обратно на свою кафедру во Львов. Недавно в мои руки попала пачка номеров краковской польской газеты „Иллюстрированы Курьер Додзенны“, и по помещенным в ней статьям можно судить о том, сколько вредно продолжает быть работа митрополита Шептицкого и его окружения для русского национального дела. При всеобщей переписи, произведенной в Польской Речи Посполитой осенью 1931 года, русское население Галиции или, по официальной польской терминологии, Восточной Малопольши, разделенной на воеводства Львовское, Тарнопольское и Станиславовское, обнаружило свое национальное самосознание таким образом, что 1.674.000 душ записалось „украинцами“, а 1.138.000 „русскими“. Приведенные цифры показывают, каких внушительных результатов достигло принудительное насаждение „украинства“ в Галиции, предпринятое полвека тому назад венским правительством и продолженное без перемен с 1919 г. правительством Речи Посполитой. Орудиями „украинизации“, как прежде, при австрийской власти, так и теперь, при власти польской, являются низшие и средние школы с преподаванием на разработанной Михаилом Грушевским и К° „мове“ и возглавляемая митрополитом Шептицким униатская церковь. Я уже писал Вам, что в моем сознании центральными фигурами в деле создания и насаждения украинского

сепаратизма [являются] митрополит граф Андрей Шептицкий и профессор, русский ренегат, Михаил Грушевский. Украинскую работу в Галиции ведет теперь по путям, проторенным покойным Грушевским, Украинское Народно-демократическое Объединение (УНДО), пропагандирующее свои идеи через свой печатный орган – распространенную в Галиции газету „Дило“. В ведении УНДО находится область светской политики „украинцев“. Весьма естественно, что церковная политика сосредоточена в руках митрополита Шептицкого. И он сам, и ближайшие его помощники, особенно епископ Хомишин, *стремятся не только окончательно украинизировать галицкую униатскую церковь, но и латинизировать ее*, постепенно заменяя восточные обряды и обычаи западными. Уже в 1919 г. священников-русинов было в униатской церкви только 30%, в 1926 г. их оставалось только 15%, а в 1937 г. они составляют только лишь 5% всего униатского духовенства. 95% священников – ярые украинцы. Молодых людей русского настроения униатские духовные семинарии не принимают в состав своих воспитанников. Даже если какой-нибудь русин и попадет в семинарию, то все равно по окончании ее он не получит посвящения. Священники-украинцы отличаются от прежнего духовенства крайне низким нравственным уровнем и занимаются больше политикой, чем удовлетворением религиозных потребностей своих пасомых. Чтобы показать, в какой степени униатская церковь, благодаря Шептицкому, завоевана украинцами, польская газета приводит цифры, относящиеся к Лемковщине, где население состоит исключительно из русских крестьян. Там 111 приходов. Из них только в 20 священники русины, а в 91 украинцы. Область лемков даже не подведомственна непосредственно митрополиту Шептицкому, так как в ней церковною жизнью управляет особый „апостольский администратор“, назначаемый из Ватикана. Администратором состоит в настоящее время русин, и ему приходится бороться со священниками-украинцами, которые вводят в церковь политику, склоняя прихожан петь украинский гимн: „Боже великий, Украину спаси“ и украшать иконы желто-голубыми лентами, цвета которых заимствованы из флага, пожалованного Францем Иосифом русским галичанам за их верность и храбрость, выказанные в бурные дни австрийской революции 1848 г. и венгерского восстания 1849 г. Украинские „диячи“ и их печатный орган жестоко травят „апостольского администратора“ за проявляемое им противодействие украинским домогательствам священников. Если венское правительство покровительствовало Шептицкому, надеясь использовать в качестве плацдарма украинского сепаратизма, долженствующего в конечном итоге привести к отделению всей Малороссии от России и присоединению ее к короне Габсбургов, то польское правительство поступает точно так же из ненависти ко всему русскому. В глазах польского правительства латинизация униатской церкви и украинизация школы – это пути к отчуждению галицких русских от будущей восстановленной России. Однако в униатской церкви имеются круги противников как латинизации, так и украинизации ее. Еще в 1935 г. я читал в газете, что часть этих противников находит выход из создавшегося положения в переходе в православие; так, после перерыва в несколько столетий восстановился православный приход в г. Галиче, где в православие из унии перешла вся местная галицко-русская интеллигенция. Другая часть, не желая рвать с унией и с Ватиканом, в том же 1935 г. делала попытку добиться от Ватикана изменения той украинской политики, какую ведут митрополит Шептицкий и К°. Представители двух главных галицко-русских организаций – Ставропигийского Института и Русской Селянской организации – обращались к папскому нунцию в Польше архиепископу Мармадони с ходатайством о разделении униатской церкви в Галиции на приходы русские и приходы украинские и о назначении для русских приходов епископа-русина. Ватикан на это ходатайство, кажется, не отозвался.

Летом 1934 г. украинцы убили польского министра внутренних дел Перацкого только за то, что он обещал некоторые уступки русинам. Однако и это убийство не изменило общего благосклонного отношения польского правительства к украинцам. Когда в сентябре 1935 г. происходили выборы депутатов в сейм по новой конституции, которая дает возможность правительству составить сейм только из угодных ему людей, то правительство не пропустило в сейм ни одного русина, но все 14 мест от трех воеводств предоставило УНДО-хомишинцам, т. е. самым ярым украинцам, сочувствующим украинизации и латинизации униатской церкви. Пять депутатских полномочий от Волыни получили также украинцы – Певный, Тимошенко, Бурый, Скрипник и священник Волков, сторонники украинизации православной церкви, типа деятелей киевской „Церковной Рады“ былого времени. Таким образом, в польском сейме имеется 19 украинцев 2-х групп. Лидерами галицкой группы являются редактор „Дила“ Мудрый и Целевич, а волынской – Певный и Тимошенко. Русины никем не представлены.

Недавно обнаружился факт, по поводу которого „Иллюстрированы Курьер Додзенны“ бьет в набат. Оказывается, среди верных, казалось бы, Польше и ее правительству УНДО-хомишинцев существует спортивно-гимнастическое общество „Лучи“, организованное по типу „Союза Стрелков“, организованного Пилсудским перед войной 1914 г. в той же Галиции для подготовки кадров будущей польской армии. Из „Союза Стрелков“ вышел и нынешний вождь Польши Рыдзь-Смиглый⁷²⁰. „Лучи“ готовят кадры украинской армии с всеукраинской идеологией, т. е. с целью создания „Всеукраины“ от Дона по Сан. Конечно, поляков такое открытие очень взволновало. „Курьер“ вопиет, что до такого явления довело излишнее потворство украинцам со стороны польского правительства, и настаивает на том, что для нейтрализации украинского движения в Восточной Малопольше необходимо сделать уступки „старорусинам“, тем более что они не русские, а рутены. Как Вы знаете, идеологи польского национализма, вопреки всем доводам беспристрастной науки, выделяют «великороссов» в особый народ „москалей“ или „россиян“, а украинцев, белорусов и русинов в Галиции считают не имеющими никакого родства с „москалями“...

Ягелло умер 82 лет от роду 1 июня 1434 г. в Городке близ Львова, когда возвращался, после побывки в Вильне, в столичный Краков. В память этого события Городец поляки называют Грудек Ягеллоньский».

Канва для романа из действительной эмигрантской жизни: в Панчевачском русском госпитале умер 78-летний русский генерал Удовиченко⁷²¹. О нем мне много говорил покойный, живший в Новом Саде, полковник П.А. Обухов⁷²², умерший от рака в паху своего организма. Кстати сказать, Обухову даже отрезали детородный член, спасая от рака. Так вот, генерал Удовиченко был женат на богатой женщине, очень воспитанной, обладавшей драгоценностями, многими шубами из соболей. Г-жа Удовиченко, очень добрая женщина, устраивала большие приемы и угощения русским и сослуживцам мужа. Ее простоту использовал один сербский офицер так: он явился к ней один раз страшно расстроенный, говорил, что он попал в безысходное положение, поручившись за своего приятеля на сумму 480 000 динар. Нужно эту сумму уплатить спешно да еще 80 000 динар процентов. Упав на колени перед г-жой Удовиченко, офицер умолял спасти его, иначе ему остается лишь пуля, причем обещал возратить эти деньги после одной верной денежной операции. Конечно, русская доброта, которая всегда была «хуже воровства», пришла на помощь негодяю: русская дама отдала офицеру драгоценностей на сумму больше полмиллиона, без всяких расписок и векселей. И теперь этот негодяй разъезжает на собственном автомобиле, вызываясь держит себя по отношению к этой русской дуре.

С г-жой Удовиченко произошел и следующий случай, достойный стать темой интересного романа. Посещая своего мужа в Панчевачском госпитале, болевшего сужением мочевого канала, она увидела, что рядом с мужем лежит один бедный русский. Один раз, придя в госпиталь, дама увидела, что этот русский умирает. Последний подозвал ее к себе и умолял не оставить без своего попечения его дочь 12 лет, которая находилась в одной бедной сербской семье. И дама обещала умирающему, что она не оставит сироту без своего попечения. Бедняк, сказав это, умер. Дама отправляется по адресу дочери умершего и видит, что она представляет собою совершенную дикарку и очень плохо говорит по-русски. Дама предлагает дикарке пойти к своему умершему отцу и лишь с трудом добивается этого, причем сообщает ей, что она становится по отношению к ней в положение приемной матери. Любопытно, что за несколько дней до смерти этого бедняка дама видит во сне, что умирает ее муж, его кладут в комнату умерших при госпитале и покрывают простыней, ибо у него ничего не оказывается из одеяний. С тревогой она поспешает к этой комнате, открывает простыню и видит под ней лежащим не мужа, а этого бедняка. Вся в поту дама проснулась, отправилась к умершему и нашла всю обстановку, в которой находился умерший русский бедняк, совершенно одинаковой с той, которую она видела во сне.

Генералу Удовиченко одно время стало несколько лучше, и он переехал на квартиру к жене. Во время его болезни часто приходил к нему выдающийся сербский рентгенолог Чайкич, который влюбился, говоря тривиально, в жену генерала. Удовиченки взяли к себе сироту девочку и стали ее воспитывать и отучать от ее диких привычек, а затем нашли за лучшее отдать ее в один хороший французский пансион. Дитя быстро развивалось, и дикарка рано обращается в физически развитую красавицу со смуглой кожей. Между тем генерал Удовиченко снова должен был лечь в Панчевачский госпиталь для лечения, где и, после безнадежного лечения, скончался. Оставшись одинокой, генеральша находила утешение в постоянном посещении могилы мужа, и как ни старался серб отвлечь ее от страданий по муже, это ему не удавалось. Генеральша (Марья Леонидовна), ценя внимание преданного ей серба, оставалась равнодушной к его вниманию как влюбленного и не соглашалась стать его женой. Наконец, страдая от одиночества, она вышла за него замуж, сказав ему, что любит только своего первого мужа.

Проходит три года. Сирота Таня делается настоящей девицей и притом очень красивой, постепенно приобретая хорошие привычки и манеры. Генеральша очень радовалась этому, считая Таню своей дочерью и надеяя ее разными подарками, не щадя средств для ее воспитания. Но однажды к генеральше звонит по телефону управительница пансиона и сообщает, что уже 10 часов вечера, а Таня еще не возвращается в пансион. Она попросилась пойти к Вам по Вашему желанию. Генеральша была смущена всем этим и сказала, что все это выдумка и что Тани у нее нет. Чайкич предложил сообщить о пропаже девицы в полицию, но генеральша упросила это пока не делать. И действительно, через полчаса является приемная дочь и говорит, что она с своей подругой и ее братом были в кинематографе, а начальнице пансиона она сказала, что идет к приемной матери. Генеральша была очень возмущена и потребовала, чтобы дочь немедленно отправлялась в пансион, причем отвезла ее на автомобиле. Прошло небольшое время, и та же история повторилась. Серб захотел физически научить уму-разуму эту девицу, но добрая мать умолила его не делать этого. Девица наотрез отказалась пойти в этот вечер в пансион и переночевала [у] генеральши, а утром, постучав к дочери, генеральша обнаружила, что она исчезла, причем исчезли и драгоценности генеральши, лежавшие на ее туалетном столике.

Чайкич поднял целую бурю и хотел предъявить эту историю в полицию, но и тут генеральша умолила его не делать этого. Между тем генеральша позвонила в пансион, и оказалось, что Таня туда не возвращалась. Генеральша накануне вечером все же добилась от Тани, куда и с кем она ходит в кинематограф. Оказалось, что она ходит на Чукарицу к одному русскому, у которого была намазанная сестра. Отправившись туда в поисках за Таней, генеральша нашла, что квартира этого молодого человека закрыта, оставлена, причем жильцы куда-то исчезли. Генеральша и теперь не хотела обращаться в полицию.

Но вот через некоторое время Таня возвращается к приемной матери, худая, бледная. Принимает она бесцеремонный, наглый тон по отношению к своей матери.

— Где ты была?

— А Вам какое дело, — переходя на «Вы», отвечает дерзко дочь. — Вы живете с любовником, и я имею также любовника...

— Таня, что ты говоришь? Это ложь, скажи, что ты нагала на себя.

— Нет, это не ложь, я действительно имею любовника и уже беременна...

С генеральшей чуть не дурно делается. Но она взяла себя в руки.

— Таня, вернись к прежней жизни. Все, что ты говоришь, гадко, гадко; я уже и не говорю о том, как ты гадко поступила, обокрав меня.

Чайкич страшно волновался, слыша этот диалог, и требовал у генеральши позволения проучить воровку и неблагодарную воспитанницу. И, не получая ответа, схватил Таню, отвел в соседнюю комнату и избил порядочно. Таня исчезла, а серб заставил генеральшу поехать в полицию и предъявить туда этот скандальный случай. На пути генеральша выскакивает из автомобиля, не желая передавать дело в полицию.

— Ну, черт с Вами, русами, если Вы имеете такую психологию.

Прошло около года, а о Тане не было никаких вестей. Наконец, до генеральши дошел слух, что Таня, вместе с ее любовником и его сестрой, бежала в Кралево; там ворованные драгоценности были истрачены ее негодяем на какое-то «предприятие», причем Таня очутилась в больнице.

Генеральша едет в Кралево, причем оказывается, что Таня действительно лежит в больнице. Это была уже изможденная женщина, иссохшая, брошенная своим любовником и зараженная им сифилисом. Таня скоро тут умерла. Генеральша и тут не оставила свою приемную дочь, ухаживала за ней в ее последние дни и сама же ее похоронила, причем поставила на ее могиле прекрасный памятник. Все это не вымысел, а действительная жизнь, жизнь, в которой интересны две психологии — безудержно доброй русской женщины, полюбившей чужую девочку, и этой последней, постоянно тянувшейся на дно и опустившейся, наконец, на это дно, как ни боролась с этой странной, непонятной тягой прекрасная русская женщина Марья Леонидовна.

17-VIII-1937 г. Получил открытку от А.В. Стороженко с приглашением приехать к нему на виноградник под Смедерево. Хотя стоит дождливая погода, однако хочется поехать навестить этого мудрого человека, большого патриота и знатока польско-украинского вопроса. Вероятно, завтра утром выеду до Белграда, а далее на пароходе.

Вот уже оканчиваются каникулы: 24 августа заседание Наставнического Совета и начало переэкзаменовок. Лето около месяца провел на Фрушкой Горе, преимущественно в Врднике, и провел прекрасно, в романтической обстановке. Наступила старость, а между тем так много красоты, жажды жить. Это лето останется самым прекрасным воспоминанием в моей жизни. Это — как осенью, когда так ценны, красивы, очаровательны цветы.

Получен из Парижа № 15 «Иллюстрированной России», где находится и наш снимок с Пушкинского торжества. Снимок этот я здесь помещаю.

21 августа 1937. 18–19 августа был у А.В. Стороженко под Смедеревом. С большим духовным удовольствием провел эти дни, слушая речи и воспоминания этого большого русского мудреца. Особенно он знает польский и украинский вопросы. По его мнению, если Россия и русский народ окажется не в состоянии преодолеть свои сепаратизмы, то судьба его будет обречена на полный государственный и культурный закат. Далее А.В. подчеркнул, что Хитлер и Германия не представляют опасности для России, что первый отказался от Дранга нах Остен, тем более что Германия отделена от России довольно сильными теперь Польшей и Румынией; русский вопрос, по его мнению, решается и будет решаться на Востоке, на восточносибирских и китайских полях.

А.В. Стороженко исполняется 25 августа 80 лет, но он выглядит бодро, а память у него просто поразительна. У него совершенно нет заскоков, как, например, у меня.

Обратно я ехал по железной дороге, а не пароходом, в незнакомых краях. И эти края Югославии очень плодородны и богаты. Дорогой слышал разговоры крайнего недовольства и раздражения правительством Стоядиновича. В разговоры я совершенно не вмешивался, хотя меня и втягивали сербы, говоря: «Вы – русский? Вы потеряли своих защитников – и Короля Александра, и Патриарха Варнаву». С возмущением говорилось о кровавых столкновениях правительства с народом в Младеновце и Кралеве. В последнем будто бы убито 60 жандармов и еще больше народа, так что вместе с ранеными и убитыми было до 200 человек. От конкордата запахло кровью. О случае в Младеновце [пишет] и Ужгородский «Русский Народный Голос» (18-VIII-1937 № 172), причем в той же газете несколько раньше сообщалось, что на православных членов правительства и депутатов, голосовавших за конкордат с Римом, наложено отлучение от церкви, и это провозглашено во всех церквях. Отказались провозгласить лишь: Иосиф Скоплянский, Ириней Новосадский, Василий Банялучский и митрополит Черногорский Гавриил Дожич.

Из Киева нет писем, поэтому и я не пишу туда. Очевидно, там свирепствует террор.

24 августа начнутся переэкзаменовки в нашей гимназии и начало нового года. А я доселе не получил контракта. Есть слух, что всех контрактualных преподавателей уволят. Интересно, что мне придется тогда делать, при полном неимении денег и в моих уже старых годах. Но Бог не без милости..., лишь бы не лежать больным.

26 августа 1937 г. – 1 сентября. Во франц. газете «Тан», а также в подкарпатских газетах сообщается, что произошли народные волнения в связи с конкордатом в Крагуевце, Чачке, Шабце, Валева. Пролита и кровь. Вероятно, тут не обходится дело и без пропаганды левых элементов.

Идут увольнения от службы контрактualных преподавателей. Да минует меня чаша сия, молю Бога.

8-IX-1937 г. Положение русских в Югославии все ухудшается. Начались увольнения в разных ведомствах. Особенно это проявилось в Министерстве Народного Просвещения. В нашей гимназии уволен учитель Боден⁷²³. Среди русских пронесся слух, что уволен и я. Между тем директоры и Женской гимназии С. Маргетич, и нашей Мужской д-р Бранко Магарешевич уверены, что я не буду уволен. Дай Бог. Но, во всяком случае,

желая более или менее обеспечить свое будущее, я решил уплатить за вторую половину времени от 30 мая 1922 г. до 1 апреля 1932 г. (первая мне засчитана, ибо я уплачивал в Кранкенкассу) неуплаченные еще 2583 д. 1 пару; досель, начиная с 1 января 1935 г., я уплачивал по 129,13 д. ежемесячно, т. е., за 3 месяца до октября 1937 г. уплатил 4261 д. 29 п.; деньги 2583,1 дин. я послал сегодня чековым рачуном № 51093 на имя державной Гипотекарной банки, Отделение фондов и капиталов № 3085, в Потпорный фонд помочног особля у службы државе; препроводительный акт об этой посылке отправит завтра наша гимназия под деловод. броем 2185 от 8-IX-1937 г. Такая уплата даст мне возможность, в случае потери трудоспособности или увольнения по случаю болезни, получать ежемесячно из Потпорного фонда 40% из моего последнего жалованья годового, каковое составляет сумму в 26219 дин., т. е. ежемесячно по 873 д. 95 п., если не будет каких-либо вычетов; а на эти деньги скромненько можно кое-как жить. Молю Бога, чтобы меня еще не увольняли и чтобы я успел уплатить долг в 2600 д., сделанный мною у М.С. Чернцова. На чековном рачуноу уплатни брой по дневнику показан 180.

12-IX-1937 г. Директор Бранко Магарашевич сказал мне, что мне угрожает опасность быть уволенным со службы, так как своих кандидатов на преподавательские должности имеется 1400. Директор будто бы кого-то просил отстаивать меня до последней возможности, но я так разуверился в искренности здешних людей, что и теперь не чувствую спокойствия. Но пусть будет что будет; надо надеяться на милость Божию, хотя в голове постоянно доминирует мысль, как мне, имеющему 63 года, жить дальше и не придется ли как-либо сократить свою жизнь. Страшная мысль, но она все-таки стала забредать в мою голову.

Вчера после обеда похоронили члена Правления Русской Матицы Александра Прокофьевича Аредова⁷²⁴, инженера. Умер он 9 сентября около 9 часов вечера. Это был прямой, честный, национально настроенный русский человек. Большая потеря для Матицы и для эмиграции. В числе других и я говорил речь перед его гробом. После погребения ко мне неожиданно подошел Е.П. Медер, бывший товарищ председателя Матицы, начавший поход против меня, и заговорил со мною. Подошла и его жена и сказала: протяните руки друг другу. Мы уже протянули, сказал Медер, причем пригласил меня посетить их. Мы помирились, и сегодня я был у них. Чем меньше злобы, особенно среди несчастной эмиграции, тем легче жить. Слава Богу за все.

1938-й год

25 августа 1938 г. После почти годового перерыва записываю кое-что в этот дневник.

Наша русская Колония продолжает делиться и ссориться. Значительная часть ее отделилась от церкви даже и приписалась к Сербской Успенской, относясь злобно к священнику Сергию Самсониевскому. Хотя последний допускает много бестактностей и не вызывает теперь во мне симпатий, но все же подобное деление – постыдное наше дело.

Месяца три назад умер в Панчевском русском госпитале Н.И. Антонов, очень умный и образованный человек, член Государственной Думы от Харьковской губернии.

Граф П.А. Гудович, младоросс, написал в Русскую Матицу чрезвычайно резкое письмо по поводу того, что мы отказали его – «второй советской партии» – дать место в здании Матицы для объявлений его неприятной и вредной партии, к сожалению – поддерживаемой Династией. Копию его письма я переслал генералу Ф.В. Данилову, председателю Колонии и Объединенного Комитета русских национальных организаций в Новом Саде.

Вчера, 24 августа 1938 г., в Сремских Карловцах закрылся Заграничный Церковный Собор, работавший с 14 августа под председательством митрополита Анастасия. Собор прошел в общем гладко. Муслировавшийся легитимистами вопрос о признании Великого Князя Кирилла Владимировича императором не был поставлен на обсуждение ввиду заявления самого Представителя династии. Редактор «Царского Вестника» Н.П. Рклицкий поднимал вопрос в пленарном заседании 20 августа о признании Императора Николая II святым, но и этот вопрос был отставлен. Я разговаривал с Берлинским архиепископом Тихоном. Он удален митрополитом Анастасием из Берлина за то, что будто бы возбудил против себя большинство эмиграции. Я говорил по этому поводу с генералом Бискупским⁷²⁵. Последний выставил Тихона грубым, бестактным и лжецом; такого же мнения и архимандрит Филипп (Гарднер)⁷²⁶, переводчик на церковнославянский язык литургии Святого Апостола Иакова, Брата Господня. Но Колоссовский⁷²⁷, бывший и членом Московского церковного Собора, крайне возмущен поведением Бискупского, считает гонение на архиепископа Тихона возмутительным, особенно ввиду тех приемов, которыми пользуется Бискупский. Например, последний, видя, что большинство паствы стоит за архиепископа Тихона, стал угрожать его сторонникам, что их вышлют из Германии, с которой у Бискупского самые тесные отношения. В ноябре 1937 г. тайная полиция вызвала Колоссовского и приказала ему в определенный день покинуть Германию, не указывая за что. Тогда Колоссовский обратился лично к Герингу, с которым был знаком, и тогда Геринг отменил распоряжение тайной полиции. Возмущена поведением Бискупского и г-жа Александра Митрофановна Вюрглер, русская, замужем за швейцарским протестантом, жившим прежде в России. Сегодня она мне сказала, что Тихон – прекрасный человек, искренно верующий и умеющий создавать русское православное настроение. Бискупский, по ее словам, – человек, заслуживающий осуждения и неуважения; он был мужем известной

певицы Вьяльцевой. Даже на Соборе он, по ее словам, ухаживал, и очень бесцеремонно, за одной русской, что вызывало среди некоторых членов брезгливое отношение к этому «легитимисту». Но не вследствие легитимизма она возмущена Бискупским, будучи и сама настроена легитимистски, а за его недобросовестные приемы.

Члены Собора отправились сегодня в Опленец, поклониться праху Короля Александра I.

21 сентября 1938 г. Вчера была экскурсия учеников нашей гимназии. Мой класс, где я состою классным наставником, вместе с учениками 7-ми других отделений ездил на пароходе «Штрессмаер» в Борово (близ Вуковара) для осмотра обувной фабрики Бати. Экскурсию сопровождали наставники: Жарко Попович, Душан Предоевич, Данило Радович, Светозар Георгиевич, г-жа Тышма. Выехали в 4 часа 20 м. утра, прибыли в 12 часов 15 м. к пристани Борово. Обратно выехали в 5 часов 15 м., прибыли в Новый Сад в 9 часов 40 м. Впечатление от осмотра фабрики большое. Фабрика грандиозна. Поражает чистота, порядок. Осмотрели резиновое и кожное отделение для выделки обуви, где работает 1630 человек. Для рабочих устроены отдельные дома с прекрасными квартирами (3 комнаты, ванная, кухня, теплый клозет для каждого семейного рабочего). Всюду цветы, бетонированные пути и дорожки. Удивительно прекрасна 8-миклассная школа народная для жителей завода, построенная Батей: исключительно удобные скамьи, стулья, доски, предметы наглядного обучения, светлость, чистота классов. Еще лучшую школу Батя построил в самом селе. Фабрика эта – лучшее доказательство исключительного значения для культуры личности, а [не] коллектива.

27 сентября 1938 г. В субботу 24 сентября в Новом Саде присутствовал начальник РОВСа генерал А.П. Архангельский⁷²⁸. Генерал Черепов устроил ему ужин, на который были приглашены представители всех военных и общественных организаций русских. От Русской Матицы были – я, М.С. Чернцов, А.Г. Попов и С.С. Маккавеев⁷²⁹. Генерал Архангельский, в ответной речи, отметил, что мы все должны сплотиться, что общество или тыл должно быть едино с армией, а представителей последней призывал учиться и вообще работать над всем тем новым, что дает современная новая военная наука. Оценив огромную пользу, принесенную Солоневичами для Родины разоблачением большевизма, генерал Архангельский подчеркнул и тот вред, который они принесли РОВСу последними своими статьями.

Русская Матица готовится к устройству чтений из русской литературы для низов эмиграции. Хочется что-нибудь для них сделать, чтобы они национально не погибли для России и не чувствовали себя брошенными.

1939-й год

12 мая 1939 г. Поздно вечером повесился на чердаке старого дома Сербской Матицы делопроизводитель Аэроклуба югославянского Мартин Павлович Чаплаков. 14 лет он добросовестно и честно делал свое дело, но отношение к нему изменилось к худшему после выбора председателя Аэроклуба Яши Дердевича и секретарем Вучковича, воздухоплавных офицеров. Чаплакова стали гнать, сначала уменьшив жалование, а потом просто решив его уволить. Правление Аэроклуба, используя создающееся противорусское настроение, хотело запутать Чаплакова в денежных делах, но это не удалось: запутанным оказалось третье лицо, а не Чаплаков, но вся эта история так подействовала на бедного русского человека, к тому же имеющего больную, почти ослепшую жену, что нервы его не выдержали, и он наложил на себя руки... Когда, будучи при погребении, я выразил сочувствие несчастной вдове, она твердила: «Они его распяли, распяли...»

Интересно отметить, что 14 апреля я собирал по улицам Нового Сада пожертвования в пользу Русской Матицы; русские дамы, под разными предлогами, отказались собирать. Вот если их нарядить в «сокольские» петушинные формы, то они готовы гарцевать. Русские не додумались, чтобы, в качестве русских «соколов», носить простые траурные рубашки, отвечающие нашему положению вне Родины, но собирать для культурного дела – фи... Но меня выручили ученицы нашей гимназии, среди которых было *восемь евреек*. Они сами захотели собирать и собрали больше всего... Активная нация, активность во всем и всюду.

Вот факт, который бросается в глаза и который замалчивать нельзя. Во всяком случае я им, как и другим нашим ученицам, премного благодарен. Конечно, тут играют, вероятно, роль и другие мотивы, и в частности мои добрые отношения с детьми.

21 июня 1939 г. Эмиграция дикой ненавистью ненавидит И.Л. Солоневича за его статьи о РОВСе, где он в «Нашей Газете» нападает на эту воинскую организацию за ничегонеделание и банкеты, за кастовый характер нашего офицерства. А мне представляется, что Солоневич прав, а кроме того, он во всех нас поднял веру в возрождение России и скорое свержение большевизма. И интересно отметить, что и РОВС, и вообще эмигранты нападают на Солоневича, а обходят молчанием «младороссов», эту подлую, продажную, «вторую советскую» организацию, которая почему-то взята была под крылышко покойного Великого Князя Кирилла Владимировича. П.С. Есаулов писал мне еще в 1938 г.: «В „Кирилловцев“ и их потомство не верил и не верю. Обалделые люди. Да и времена не те и, думаю, никогда не вернуться. Убежден, что Россия начнет строиться с самого фундамента»... По поводу приезда генерала Архангельского и банкетизма Есаулов писал: «Уж очень у нас много „чинов“ и самолюбий.... о каких-либо наших походах едва ли приходится думать: и не с кем и не с чем».

Письма ко мне А.В. Стороженко настолько интересны и серьезны, что их следовало бы сохранить для памяти потомства. Но как сохранить? Умрешь, и все это развееется.

Скоро уже «Видов дан», когда формально закончится учебный год. Этот год для меня как преподавателя не был тяжел. Вообще в мужской гимназии гораздо лучше и легче чувствуется, чем в женской, где немало было злобных змей, вроде Йованки Хрвачанин. И эта старая дева, озлобленная и мстительная, рассуждает в «Гласнике профессорского друштва» о личности наставника; сотканная из злобы, какое влияние на детей может оказать эта фигура, кроме отрицательного.

Меня очень радует мое детище – Русская Матица: расширяется наша библиотека. В своем помещении мы сплотили: Правление Русской Колонии, НТСНП, русское Сестричество, Приходский Совет, Рус. Инвалидов, Церковный хор. Матица поистине стала центром русской эмиграции. А как прежде в меня бросали камнями господа из белой кости и голубой крови, в особенности здешний РОВС при председателе его генерале Розеншильд-Паулин. Да, все проходит, все проходит...

7 сентября 1939 г. Я совершенно охладел к своему дневнику, да и работа общественная меня настолько поглощает, что некогда за него браться. А между тем наступили исключительные события: Новая Мировая Война. Разгоралась она из-за Данцига и польского коридора. Поляки, по своему чванному характеру и грандиозности, не уступили немцам, в течение годов кричали о еврейско-большевистской опасности, а потом, на удивление всему миру, заключили с ними «пакт о ненападении». Куда девалась их идеология? И не ясно ли, что их обошел Сталин, обольстив их нейтралитетом и тем ввергнув в кровавую завирюху, в надежде, конечно, пожать коммунистические плоды, когда вся Европа обескровлеет. В этой новой мировой вспышке, помимо Польши, виновата вечно коварная Англия. Тем более что темные мировые силы, действующие через Англию, заставили ее, как и Францию, сделать это. На чьей стороне стоит русская эмиграция? Бессильная, сброшенная со счетов истории, на чьей стороне может она стоять? Она только наблюдатель мировой катастрофы и исполняет роль и приказы той страны, где должна жить. Сербь, по крайней мере некоторые из них, полагают, что русские эмигранты – сплошь хитлеровцы. В лице Хитлера можно наблюдать одно явление: точно неведомая сила бросила его теперь, как орудие наказания, Польше за все ее издевательства над русскими и русской культурой. История точно освобождает Россию от необходимости рассчитаться с поляками за тысячи разрушенных православных храмов, оскверненных антиминов, за поруганные наши святыни.

Лето провел во Врднике главным образом, с 1 июля по 12 августа. Но не чувствую, чтобы я особенно окреп.

Запомнить: новая Мировая война началась 1 сентября 1939 года, ровно через 25 лет после первой таковой же. Бедное, жалкое, мятущееся человечество, куда ты идешь?

1940-й год

3 июля 1940 года. Совершенно охладел к дневнику. А между тем, уже успели за это время отыгаться события колоссальной мировой важности: Германия уничтожила Польшу за 18 дней, Норвегию, взяла Данию, разгромила Голландию, Бельгию и даже Францию – последнюю, чудо чудное, всего лишь за 16 дней: 22 июня Франция в лице Петэна подписала перемирие с Германией, потеряв большую часть своей территории и колоссальное количество военного материала.

17 августа 1940 г. 9 июля уехал отдыхать во Врдник, где пробыл до 4 августа. 4 августа уехал в Словению, посетил Любляну и стал отдыхать в моей милой Жировнице, куда прибыл 5 августа. Жил в пансионе Митии Грилца, около железнодорожной станции, платя за все 50 дин. в день. Из Жировницы делал много прогулок: один раз слонялся около озера Завршницы, как и в прежние годы, несколько раз был в селе Врбе, около дома, где родился словенский поэт Прешерн⁷³⁰. Раз 5 побывал на Бледе, был в Краньской Горе, где гулял по дороге, ведущей под Вршич к часовне, построенной русскими военнопленными в 1915 г. Пребывание в Жировнице, среди чарующей, опьяняющей своей красотой природы, оставило во мне сильное впечатление.

В Белграде начинается наступление на масонов, хотя и как-то нерешительное. Газета «Време» определенно выступила против масонов и евреев, не боясь проиграть в этой небезопасной борьбе с мировой силой. Газета поместила статьи 22 и 26 июля, и в августе: 12, 13, 16, 17 августа. Масонские ложи закрыты в Белграде, Загребе и во всех отделениях – Крагуевце, Новом Саде, Субботице и других городах. Считая, что иностранство и особенно Франция наделила Югославию масонством, «Време» пишет: «Теперь вообще нетрудно видеть, что сам французский дух был выражением одной эпохи и одного состояния культурной дезорганизации, упадка, которая была лишь выражением биологической и социальной дегенерации самой французской нации, государства, и как таковой не мог положительно творчески влиять и на других».

Что значит бежать в панике пред врагом, лучше всего знают русские эмигранты, бежавшие от злодеяний большевиков. Нас обвиняли в трусости и т. п., но послушайте, что говорит француз о беженстве французов перед немцами. Культурная нация дает еще более страшную картину панического бегства. Газета «Време» от 21 июля 1940 г. дает выдержки из дневника одного француза событий беженских между 12 и 23 июня. «Когда, – говорит „Време“, – немецкие войска в своем наступлении пробили 5 июня Вейганову оборонительную линию, началось поспешное эвакуирование Парижа. Сотни тысяч мужчин, женщин и детей на возах, автомобилях, на повозках и пешком двинулись к югу». А указанный француз в своем дневнике пишет: «Вчера, 11 июня, после полудня в 1 час я покинул Париж. Проезд на повозках был почти невозможен. Драма началась уже при самом выезде из города. На этой дивной дороге, по которой обычно проезжает по 8 повозок параллельно, теперь их было по 10, 12, по два и по три автомобиля, сцепленных один с другим, как близнецы, двигались этим забитым путем. Каждый автомобиль походил на нагруженного верблюда: вверху на

крыше связаны: подушки, чемоданы, детские коляски, велосипеды, расставные стулья, канты с бензином и т. п. Впереди на охладителе налево и направо на защитниках, позади: корзины, сундуки, набитые мешки, швейные машины, игрушки, собаки, кошки, птицы в клетках. Внутри в повозках в качестве похороненных заживо под кучей коробок, пакетов и покрывал – люди. Более двух миллионов парижан покинуло свои дома еще 2 дня тому назад.

Уже на Итальянских воротах захватил меня поток может быть в тысячу, а может быть в 100.000 автомобилей и понес меня вниз по дороге. От одного часа пополудни и до двух часов ночи, значит за целых 13 часов, я успел проехать на своей повозке лишь 20 километров.

Вдруг передо мной появились из темноты военные чудовища – танки. Какие-то солдаты закричали:

– Место дайте.

Места? Господи Боже! Показался один старший офицер, сдвинул фуражку на затылок и попробовал восстановить порядок. Мы передохнули. После одного часа восстановления порядка стояло более 50 огромных повозок поперек дороги среди массы частных автомобилей. Теперь уже было невозможно двинуться ни вперед, ни назад. Казалось, что пришел конец света. Ночь. Насколько может охватить глаз, видны лишь верхи повозок, перегруженные всяческим скарбом... Или перевернутые автомобили с одной и с другой стороны дороги. Светает. Плачут дети. Мужчины ругаются. В нескольких метрах от меня сидит на краешке дороги одна молодая дама в белых перчатках. Черное шелковое платье, мокрое от дождя и росы, прилипло к ее телу. Ее лицо испачкано черной и красной краской. Мне кажется, что я имею перед собою какого-нибудь индейского вождя. Подхожу к ней. Это красная краска ее рта и черная с бровей стекла длинными струями вниз лица. Это одна из тех парижанок, которые вчера вечером должны были покинуть театр или кофейную.

Среда, 12 июня, в девять часов вечера. Стоим под одним тополем целых четыре часа. С четырех часов вчерашнего дня проехал около 60 килом. Несколько ранее 5 час. один офицер направил нас на одну сельскую дорогу. С этого времени начинается блуждание вдоль и поперек. То я ехал 5 километров к Орлеану, а затем опять через поля и луга в обратном направлении. Каждый раз, когда мы пробовали попасть на главное шоссе, натыкались на военные транспорты. Слышались крики и приказания. Нас гнали назад. Многие и без приказаний поворачивали назад. И я с ними. Если как-нибудь и успевали попасть на шоссе, то после нескольких метров должны были свернуть на поля и левады.

Что будет с нами? Все повозки должны сойти долой с дороги, а кто не успел уклониться своевременно, оставляя в яру свою повозку лежать до окончания войны. Сломаны оси, порвана резина. Я с трудом отделился от своего тополя. Мы направились вперед на Божью волю, но при этом подвиге один из десяти автомобилей оставался на дороге.

Что же теперь делать? Мы должны будем, во всяком случае, провести ночь на каком-нибудь лугу. Огромные транспорты военных повозок, тяжелые и легкие пушки, пехота, полевые кухни, противоаэропланная артиллерия, танки, санитарная колонна... Куда идут эти войска?.

Около полночи пронеслась страшная буря. Дождь лил как из ведра. Темнота была густа как тесто. По шоссе ковыляли повозки при невероятном крике и шуме. Я втянулся в свой автомобиль и заснул на руле.

Четверг 10 июля. Девять часов вечера. Мы прибыли в Белеград, т. е. 90 километров южнее Парижа. С пяти часов сегодняшнего утра мы сделали всего 150 кило-

метров. Тысячи и тысячи повозок блуждают в закрытом четвероугольнике: Мелун – Этамп – Белеград – Монтаржис. Сотни тысяч мышей в одной мышеловке. В этом страшном хаосе нельзя пробиться к Луаре. Солнце печет точно сумасшедшее. Нет ничего ни для еды, ни для питья, и ни одной папиросы. В обоих направлениях движутся по шоссе военные транспорты. Насколько могу судить, в этот момент в движении находится от пяти до шести дивизий. Сегодня после полудня беженцы стали появляться со всех сторон на главном пути. Выглядят они страшно. Крестьянские повозки запряжены волами, лошадьми и коровами. Ручные коляски, велосипеды, дети, пешком непроглядными толпами мчатся... бегут... спасаются...

Перед Питивьером над нами и в первый раз пролетело несколько германских аэропланов, и притом очень низко. Я мог ясно различить немецкие цвета. Солдаты разбежались по полям и легли. Некоторые легли под пушки и камионы. Но большинство не сдвинулось с места. Беженцы остались в своих повозках, так как нельзя было вылезти из той массы пакетов и чемоданов. Лишь крестьяне могли сойти со своих повозок. Немецкие авиаторы как будто остались удовлетворенными, наблюдая эту ужасную драму. Они возвращались три или четыре раза. Не была брошена ни одна бомба, не был выстрелен ни один снаряд. Я видел несколько сжатых кулаков. Женщины плакали. Солдаты делят хлеб матерям, а детям коробки консервированного молока. Один автомобилист предложил мне за 10 литров бензина 1000 франков. У меня в моем резервуаре было всего лишь 4 литра.

Матери плачут и ищут своих потерявшихся детей. Их голоса теряются в страшном гуле моторов. Некоторые собаки лают, вероятно, ища своих хозяев. Бензин... бензин для завтрашнего дня. Мы теряем сознание...

Я опять перед Белегардом. Мертвый от усталости, я упал на траву и заснул. Проснулся окоченевшим от холода. К западу, значит, в направлении к Орлеану, слышалась пушечная стрельба. Я разбудил жену, которая сидя спала в автомобиле. Один человек, спавший около меня, обратился ко мне; это был какой-то торговец из Орлеана. Этот человек сделал мне симпатичное предложение. Если мы перельем его шесть литров бензина и моих четыре в один автомобиль, то будем иметь десять литров: свяжем один автомобиль с другим и переедем Патру по мосту у Сили. Сказано – сделано. Я управлял автомобилем. В его автомобиле, который мы всевозможными веревками привязали к моему, были его жена и дочь, державшая на руках дитя 15-ти месяцев. Отец этого ребенка ушел на фронт и доселе не явился. По пути мы взяли в автомобиль еще две парижских работницы. Обе они пришли пешком от Парижа до Белегарда. Они шли босыми, и ноги их были в крови.

Целых три дня мы были отделены от целого мира. Солдаты, которых мы видели, шли от Амбена, Арраса, Реймса, Парижа, с Соммы, Сены, Марны. К вечеру солдаты и беженцы перемешались. Пешие и велосипедисты пробирались между повозок с пушками и амуницией. Кто не имел больше бензина, привязывал свой авто за пушки и санитарные повозки.

Подошла ночь, страшная ночь...

От полночи до 11 час. утра наши автомобили, будучи привязаны один к другому, проехали всего лишь один километр, причем мотор бездействовал... А там вдалеке зеленеет Луара.

Воскресенье 16 июня. Небо голубое, воскресное небо. Я лежу около леса под дубом в 40 приблизительно километров южнее Луары.

Когда мы проезжали через городок Сили, солдаты бросили нам шоколаду, коробку сардинок и несколько пар ботов. Насколько я могу судить, в ту ночь мимо нас прошло

от трех до четырех сот тысяч солдат в разных направлениях. Количество беженцев, оставшихся на той стороне моста Луары, превышает полмиллиона.

То, что я видел в последние 20 часов, невозможно выразить одним словом. Трагические, грандиозные, страшные и героические моменты нанизывались один на другой, как в каком-нибудь плохом фильме. Я видел 20 камионов с постельным бельем, сундуками для амуниции, телефонными аппаратами, ружьями, колючей проволокой, и во всей этой массе – 30 марокканских солдат, и среди них десятки плачущих. За ними шло несколько полевых пушек без людей при них. Бесконечные караваны санитарных повозок с ранеными. Несколько сот негров на велосипедах. И снова санитарные повозки. Тяжелая артиллерия, а около пушек женщины, держащие на груди детей.

Крик: германские «штуки»! Это восклицание внесло страшное волнение. Над нашими головами кружили германские самолеты. Паника была страшная. Невоенные повывтаскивали белые носовые платки, а истерические выкрики раздирали уши. Некоторые автомобилисты использовали момент, чтобы втянуться в солдатскую колонну. Но и они не отъехали далеко.

Я со своей женой легли в пшеницу. Мертвая тишина. Самолеты перелетели через нас. Ни одной бомбы, ни одного выстрела. Я видел самолеты, как они быстро поднимаются, а затем стремглав спускаются к Луаре. Страшный взрыв. Как я узнал позднее, бомба упала непосредственно около среднего столба моста. Ни один из беженцев не пострадал.

И этой ночью проходили войска и повозки через мост. Но перед зарею германские летчики снова забросали мост бомбами. Они причинили ему повреждения, но не разрушили.

Где мне достать бензина? Мы пробовали толкать автомобиль, чтобы его двигать, но не могли. Наклон был слишком велик. Пошел я бесцельно, но с желанием достать горючего материала во что бы то ни стало. Через полчаса вернулся с пустыми руками... и застал своего товарища, как он льет бензин в мой автомобиль. Около него стояли два пустых жбана. Я смотрел на него пораженный. Мы скоро объяснились. Он украл бензин из одного камиона за перевоз амуниции. И лишь одно сказал мне:

– Это я сделал не ради себя или тебя, но ради этих женщин и ребенка.

Понедельник, 17 июня.

Перед нами на несколько километров на дороге рвутся бомбы. Затем сразу же канонада противоавиационной артиллерии.

Что это?

Пробую всевозможными путями достать бензина. Мы проехали через Ля Мот-Буврон. С трудом мы пробрались через загруженные улицы. На все стороны развалины, дверей и окон. Марокканцы на перекрестках продают беженцам папиросы, вино, ботинки, чулки, макароны, велосипеды, кухонные вещи, шоколад... все в полцены. Настоящая ярмарка.

После полных три часа мне удалось получить от одного солдата один литр бензина. Женщины были более счастливы. Около девяти часов мы имели один полный резервуар.

Вирзонн, понедельник вечером 17 июня. Мы стоим перед въездом в городок. Приблизительно 150 километров южнее Луары. Всюду около нас сотни тысяч беженцев, бесконечные караваны и необозримые лагеря. Крестьяне с стоическим спокойствием своим гнали свои полевые повозки в этом нескончаемом хаосе. С левой и правой стороны шоссе слышались лишь восклицания: хлеба, воды, бензина. Никто ничего не давал. Никто ничего и не мог дать.

Точно в полдень случилось чудо. Люди вдруг начали петь, плясать и кричать. Женщины, точно ошалелые, вертелись в кругу, мужчины бросали кепки вверх. Солдаты бросали повозки и пушки и легли в травы, разбросав ноги и руки. Многие обнимали один другого, шлепали по плечам и лицу.

Безумие толпы!

Перемирие подписано!

Жена упала мне в объятия:

– Кончена война.

– Подписано перемирие.

Тотчас же мы услышали, что Петэн запросил перемирия и что на железнодорожной станции бесплатно раздают бензин.

Опять домой. Есть вещи, которые случаются и которые возможны лишь в последние четверть часа после потерянной войны. На железнодорожной станции перед огромными бензинными танками стояли мужчины, женщины и дети с мисками, и всевозможными посудами, чтобы налить бензина, который тек из широкой трубы. Сразу образовался семейный совет и вынес решение: остаться там, где мы оказались, и дождать[ся] немецкое войско, которое, судя по всему, шло быстрее французского войска в бегстве и нас.

Четверг вечером 20 июня. Сегодня утром около 10 часов сюда пришли германские войска из Вирзонна. Проходя мимо нас, приветствовали нас дружески.

Только что пришли германские отряды в город, со всех сторон стали появляться наши солдаты. Сначала их было сотни, затем тысячи, а потом их нельзя было усчитать.

У кого еще сохранилось ружье, тот ломал его о километровые столбики, ранцы, револьверы и все из военной оправы, что ему теперь было не нужно, бросал через заборы в траву, колючки или в лужи. После нескольких моментов все дети игрались газовыми масками.

Наши солдаты очень вежливо расспрашивали германских солдат о сборных пунктах и направлялись туда. Немцы отвечали дружелюбно и угощали наших солдат папиросами.

Порядок у победителей.

Париж, воскресенье 23 июня.

Вчера в субботу вечером я прибыл в Париж благополучно. 200 километров этих от Вирзонна через Орлеан до Парижа я проехал в 8 часов. Всюду на дороге строгая дисциплина. На всяком перекрестке по одному солдату с красно-белым показателем дороги.

В пятницу утром я отправился в местную команду в Вирзонне. На стене уже был наклеен плакат на французском языке: «Время передвигается на один час вперед, и гражданам воспрещается выходить из домов после 8 часов вечера».

В команде с раннего утра было очень живо. Перед входом стояло несколько сот мужчин и женщин с детьми очень бедного вида. Мои бумаги просмотрели. Француз. В апреле, вследствие болезни, освобожден от военной службы. Все в порядке. Получил 10 пачек папирос. Офицеры спросили меня, не хочу ли я добровольно быть переводчиком.

Я стоял в нижнем этаже при открытом окне. Передо мной непрестанно росла толпа мужчин и женщин. За мной в комнате три германских офицера. Первое сообщение, которое я перевел, следующее: «Все беженцы должны самым коротким путем и воз-

можно скорее возвратиться домой». Но многие из них должны были оставить свои велосипеды или автомобили около дороги, как старое железо, или уступить их силой солдатам. Каждый из них, кто потерял свой велосипед или уступил, получил новый. Должен лишь доказать, что он проехал 100 или больше километров. Настал радостный вой и крик. Я сообщил беженцам еще кое-что. «Хлеб будет раздаваться еще перед обедом, а молоко для детей лишь завтра утром».

К вечеру я хрипел как сельский полицейский и потел как лошадь. Меня спросили, желаю ли я что-либо для себя. Я сказал, будучи убежден, что напрасно говорю:

– Я бы охотно завтра поехал в Париж... если б имел... бензин.

Я получил бон на 50 литров.

Пятьдесят литров! Столько мне не требовалось. Я тотчас же дал своему товарищу из Орлеана 20 литров. Он меня так благодарил, что точно я подарил ему парижский кафедральный собор. В субботу вечером двинулся в путь домой в Париж».

Это импровизированное описание любопытно. Нас, русских, свои же укоряли, что мы делаем панику, беспорядок при отступлении, что мы непатротичны и т. п. А вот культурные французы: ломают ружья, запружают дороги, как стадо, бегут в панике, как ошалелые, а когда узнали о перемирии, хотя и страшном для национального самолюбия, солдаты начинают бросать через заборы военную амуницию, плясать, петь, бросать кепки вверх и т. п. И совершенно прав автор этого дневника, говоря: «безумие толпы»...

Интересно, что германские солдаты обращались с французами дружелюбно, интересно, что французы как дети радовались перемирию и не злобствовались на немцев. А вот прочитайте, как чувствуют себя в отношении немцев и вообще иностранцев поляки («Новое слово», Берлин, 4 августа 1940 г. № 32): «В Варшаве и через 10 месяцев после сдачи не встретить улыбки. Выражение лиц полно нескрываемой злобы. Это не горечь побежденного, не страдание неудачника. Нет, ожесточенная злоба, почти нескрываемое презрение решительно ко всем, кто теперь является свидетелем покорения Польши. Куда исчезла слащавая любезность, приторная вежливость. На улице никто не даст ответа на вопрос, если заметит, что вопрошающий иностранец. В лавке обслуживают молча, с обиженно сжатыми губами, словно боящимися раскрыться и выпустить хотя бы одно слово»...

24 августа 1940 г. Заседание Педагогического Совета нашей гимназии. Начинается новый год моей педагогической работы, и именно *сороковой!* Большой путь пройден и проходится, и, насколько я могу прямо сказать, пройден добросовестно и честно, честно перед Родиной – Россией.

1941-й год

4 февраля 1941 г. Давно, очень давно не писал дневника. Даже не написал о своем пребывании в милой Словении, а оно оставило во мне самое приятное воспоминание. На этот раз в Словении пробыл всего лишь 12 дней и посетил: несколько раз Блед, Есенице, Краньску Гору, село Врбу, где родился словенский поэт Прешерн, озеро Завршницу, где в прежние годы ежедневно я слонялся. Но, к сожалению, не посетил Бохиньское озеро, Планицу, Подкорень, Ратече. Но большую часть летнего отдыха пробыл во Врднике. Пожить в Нише на минеральных водах не удалось, так как все гостиницы были переполнены.

Сегодня во II Мужской реальной гимназии, где я служу с 1936 года, по случаю годовщины рождения дяковского епископа католического Иосифа Юрая Штросмайера в 8 с половиной часов утра я говорил речь перед учениками и преподавателями во главе с директором Светиславом Маричем. Штросмайер – один из великих сынов югославянского народа: он, во время иезуитского гнета славянских народов Австрии, открыто и смело поднял и проповедал вопрос объединения южных славян, больше того – он вперял свои глаза даже на православный северо-восток, к России. Из преподавателей, насколько я запомнил, присутствовали д-р А.И. Шпаковский⁷³¹, русский, Д.М. Ротов⁷³², русский, Милан Йованович, Жарко Попович, Миленко Шувакович⁷³³, Аника Юлий, Предоевич, Жарко Зличич⁷³⁴, Димитрий Перлич, Лоран Клер, француз, Богдан Чиплич⁷³⁵. Директор очень лестно отозвался о моем преподавании, находя, что я сумел в сжатой форме охватить существенные стороны жизни и деятельности Штросмайера. Г. Шпаковский сказал, что он, без всякой лести, признает мое преподавание не шаблонным, как обычно бывает в таких случаях в гимназиях здесь, но полным интереса и в такой широкой постановке, а Миленко Шувакович, один из самых искренних сербов Воеводины, сказал, что я показал себя как настоящий лектор и оратор и что таковых до сих пор в нашей гимназии он не видел. Так или нет, важно то, что преподаванием остались все довольны, и в том числе я сам, а это самое главное.

Случайно попалось мне письмо покойного митрополита Варшавского Георгия, который в 1920 году жил в монастыре на Фрушкой Горе Раванице и которого я иногда посещал. Он потом пробрался в итальянский город Бари и Рим, вошел, по-видимому, в сношения с польским послом там и ватиканскими кругами, обещал им не препятствовать католизации православной церкви в Польше и за это был убит архимандритом Смарагдом. Удивительно: те, которые были призваны стоять на страже православных интересов, часто их продавали за чечевичную похлебку. Таковы в прошлом – епископы Кирилл Терлецкий⁷³⁶, Ипатий Поцей⁷³⁷, митрополит Киевский Рагоза⁷³⁸, а теперь митрополит Дионисий. Вот его письмо, содержание которого небезынтересно и для истории: «Дорогой Димитрий Васильевич. Как Вы поживаете и как себя чувствуете? Здоровы ли, благополучны ли? Мы все поджидали Вас в Раванице, но, очевидно, Вы заняты по училищу и не имеете времени для посещений. Недавно в Раванице был архимандрит Григорий (мое примечание: я с ним в 1920 г. жил в монастыре Великая Ремета. Это очень беспринципный, даже с примесью цинизма человек, и хотел толь-

ко одного – поскорее от него избавиться. – Д.С.) с Митрофаном (епископом. – Д.С.), ночевал у нас. Ничего интересного я от него не слышал, кроме того, что его несколько притесняют в монастыре и желают его выжить (не дают свечей, спичек, дров и т. д.), и дело дошло даже до того, что он грозил жаловаться патриарху. Он занимается составлением рефератов о частной собственности и о труде – по Библии и Св. Отцам.

В „Последних Новостях“ было напечатано, что крымские архипастыри эвакуировались из Крыма и теперь благополучно пребывают в Константинополе на Пантелеймоновском подворье во главе с м. Антонием. Намерены ли некоторые из них поселиться в Сербии, об этом ничего не знают в Белграде. Ваш „друг“ прот. Титов получил кафедру „Библейской Истории и Археологии“, к которой по предыдущим своим ученым занятиям не имеет никакого отношения, – однако это его нисколько не смутило, и в настоящее время он якобы уже пребывает в Белграде. В „Церковном Гласнике“ (сербском. – Д.С.) он пишет статьи „Прежняя и настоящая русская патриархия“. Признаться, кое-что в этих статьях мне не нравится. Прочитайте. Интересно знать Ваше мнение. Статьи еще не окончены.

Были ли Вы в Гргетеге или Ремете?

Мы весьма скучаем в Раванице и желали бы куда-либо уехать из гостеприимной Сербии, но куда. Была у меня мысль *уехать в Бари, да и теперь еще есть...* Но как там жить? На какие средства? Вот это-то и удерживает, хотя в Италии, несомненно, жить интереснее, чем в Сербии.

Желаю всяких благ. Отец Александр (архимандрит, молодой, легкомысленный, увлекался лишь костюмами и пуговичками на сербских подрясниках. – Д.С.) шлет Вам привет. Пишите и приходите. Ваш архиепископ Георгий. 26 ноября – 9 декабря. Монастырь Раваница».

Второе его же письмо 27–30 декабря 1920 г. «Срем, Врдник, монастырь Раваница. Дорогой Димитрий Васильевич. Очень жаль, что Вы до сих пор еще не чувствуете себя совершенно здоровым. В наших условиях лечиться вещь довольно трудная, однако уверен, что, с помощью Божией, Вы скоро будете совершенно здоровым и сможете даже посетить м. Раваницу. ...Чем дальше идет время, тем я все более и более чувствую себя плохо. Вопрос: что дальше? – страшно тяготит меня. Сербские иерархи, поместив нас в монастырях, успокоились и не желают давать нам никакой работы. *А ведь здешние монастыри – тюрьма для души; в них можно с ума сойти.* Было у меня намерение уехать в Бари и там поселиться, – но, кажется, барийское предприятие расстроилось. Возникла также у меня мысль поселиться в той части своей епархии, которая отошла к Польше, но также думаю, что едва ли что-либо из этого выйдет. Нужно разрешение польского правительства, но это не так-то легко добыть.

Недавно получил письмо от архиепископа Евлогия из Белой Церкви (он там преподавал Закон Божий в Кадетском корпусе. – Д.С.). Пишет, что живет ему хорошо, что все к нему относится хорошо. Желал бы только иметь помощника, который преподавал бы Закон Божий в низших классах и был бы регентом, но не может найти подходящего человека. К сожалению, и я не знаю такого человека. Из письма епископа Митрофана (Абрамова, жившего тогда в монастыре Раковице близ Белграда. – Д.С.) узнал, что в Константинополе пребывают митрополит Антоний, митрополит Платон, архиепископ полтавский Феофан (тот самый, который ввел Распутина в Царскую Семью. – Д.С.), епископ Курский Феофан, еписк. Вениамин, еписк. Царицынский Дамиан и недавно рукоположенный в Симферополе епископ Лубенский Серафим, бывший ректор Воронежской семинарии. В Крыму остались: архиепископ Димитрий, архиепископ бывший Нижегородский Иоаким, архиепископ Агапит

(Екатеринославский, объявивший себя при Петлюре украинцем. – Д.С.), епископ Мариупольский Андрей и епископ Никодим, викарий Киевский, мой хороший знакомый, часто вызывавший меня в Киеве по вопросам украинизации церкви в Малороссии. Вызвал он меня, когда в Киев от Московского Церковного Собора прибыли для переговоров с украинцами и для умирения их митрополит Платон Одесский, большой лукавец, проф. Котляревский⁷³⁹ и бывший обер-прокурор Св. Синода князь Григорий (Трубецкой. – Д.С.).

Породица⁷⁴⁰ прот. Титова прибыла также из Крыма вместе с другими в Константинополь, а ныне она уже находится в Гргетеге – жена и дочь. Вместо одного Титова монастырь получил двух. Умеет устраивать о. прот. ... Думаю, что и в Белграде он имеет даровую квартиру и стол.

О. Александр приветствует Вас и шлет лучшие пожелания к наступающим праздникам. Всего лучшего. О Ваших близких с радостью буду молиться. Ваш архиепископ Георгий».

Ту страну, в которой живешь, надо знать, а особенно Югославию, которая сделалась нашей второй родиной. Вот почему перевожу здесь с сербского на русский язык следующую интересную статью из газеты «Време» от 3 июля 1940 года:

«„Удивительные народные обычаи в Поречье“, Дони Милановац, июль. Удивительные и интересные обычаи господствуют в окрестности Донего (Нижнего) Милановца. По этим обычаям почти все села отличаются одно от другого. В некоторых селах люди не расстаются с топорами. С топором спят, идут на работу, на ярмарку, свадьбу и крестную славу, в церковь на молитву, в школу к учителю и в общину к председателю. Топор – единственное оружие и единственная защита. Кто не имеет топора, того считают совершенным бедняком и страшным трусом...

Интересны обычаи ухаживания. Существует село, где парубки ухаживают за замужними бабами, а девки лишь за женатыми мужиками. В некоторых селах не существует любовь среди молодежи...

Есть места, где не доят коров, так как это считается грехом и баксусом⁷⁴¹. В некоторых селах не работают целыми днями. Празднуются разные праздники, каковыми объявили колдуны как дни, когда надо молиться Богу, чтобы народ спасся от грома и молнии, скот от заразы, а полевые хлеба от засухи...

В некоторых селах женщины не смеют рожать в доме, так как это самый большой грех и срам. Разрешение от бремени должно совершиться во дворе, невзирая на непогоду или большой холод. Как только женщина родит, должна сразу же выкупать и себя, и ребенка...

Интересен случай в селе Горнянах в Горнем (верхнем) Поречье, где девицы охотно выходят замуж за парубков моложе себя. В Горнянах девицы редко выходят замуж за женатых. Больше они любят парубков, но не тех, которые старше их. Они считают себя счастливыми лишь тогда, если возьмут себе молодого парубка... Есть случаи, когда родители женят ребят, которые только что окончили начальную школу, на девицах, которые старше их намного и сильнее, и то лишь для того, чтобы иметь в доме рабочую силу.

Интересны крестные [...] (родовые обычаи) и свадьбы в Клокочевце и Црнайке. Свадьбы продолжаются по несколько дней. Во время свадьбы молодая не смеет взять в руки ничего железного, так как это приносит несчастье новобрачным. Особенно следует остерегаться ножа и вилки. Если молодая возьмет один из этих предметов, то будет самая несчастная женщина на свете. Она будет рожать лишь калек, и дети поумирают.

В свадьбе длиннее всего тянется церемония расставания. Сваты с трудом расстаются. Часто их насилиу разгоняет хозяйин. Сваты всегда удлинняют расставание, напиваясь и веселясь. Наконец, когда наступит расставанье, все сваты, вместе с новобрачными, прозябают под одним плодородным деревом. Кум (по-нашему – шафер. – Д.С.) покрывает новобрачных большим белым покрывалом и благословляет.

Пусть родится столько детей женского пола, сколько черепашек на леведе, и столько мальчиков, сколько имеется клиньев в поречском мосту... Лишь только кум выговорит эти слова, сваты тотчас же разбегаются и свадьба прекращается.

День крестной славы, в некоторых селах поречского уезда, редко празднуют старшие. Празднуется этот день накануне крестной славы, когда много угощают и пьют до изнеможения. В день свадьбы лишь молодежь поет и играет. И крестные славы, и свадьбы часто кровавы. Крестьяне являются на свадьбы, славы, празднества и торжества с топорами. Таков обычай нескольких сел, напр. в Крокочевце, Мосне и Црнайке. Между тем как в горных селах и поселках не носят топоры, а большие железные палки. Их носят пастухи, которые имеют на головах невероятно большие овечьи шапки. Крестьяне, приходящие с топорами, ни в каком случае не выпускают их из своих рук. С топорами стоят, едят, разговаривают, спят. Топор для них все. Другого оружия они не имеют. А когда разразится ссора, топор делает свое. Удивительно то, что с топорами крестьяне приходят и в школу, и в церковь, и в общину. Всегда с топорами. Когда в Клокочевац назначен был священником один молодой черногорец, он удивлялся, когда видел, что в церковь приходят молиться Богу крестьяне с топорами, которые у них привешены на левых руках. Позже ему было это объяснено. Его жена, после, всегда брала у каждого крестьянина его топор из рук, когда он являлся к священнику. И это была единственная женщина, которая разоружала крестьян и которой они не противились.

В некоторых заброшенных селах скотоводы никогда не доят коров. Это считается грехом. Опасно подоить корову, так как тотчас же наступит несчастье.

Удивительны обычаи в отношении защиты скота от разных болезней, плохой погоды и краж. Всякий месяц имеется какой-либо праздник, празднуемый скотоводами для защиты скота. Так, напр., на Юрьев день берут самого лучшего барана и приставляют ему на рога зажженные свечи и гадают целый день. Гаданию присутствуют лишь домашние, а ни в каком случае и другие скотоводы, так как божье благословение может быть перенесено на ихний скот. Крестьяне молятся часто Богу о хорошей пахотбе и хорошем урожае сена весьма интересными способами. Из-за скота во многих селах около Донега Милановца празднуется 12 пятниц и 13-я черная пятница пред Юрьевым днем.

Точно так же интересны и колдовства ради спасения народа и скота от громов и стихийных явлений. Крестьяне празднуют несколько праздников как дней, которые защищают народ от громов и гроз. Так, напр., празднуется зеленый четверг и чертова пятница. Интересен обычай лечения скота с помощью колодезной воды. Гадалки объявляют некоторые колодези минеральными, и скотоводы перевозят такую воду на телегах, чтобы поить свой скот и лечить...

В приселках села Клокочеваца интересен обычай рождения детей. Когда женщина захочет разрешиться от бремени, не смеет сделать это в доме, так как это приносит несчастье и дети сразу умрут. Женщина должна родить на дворе. И как только родит, должна и себя и ребенка выкупать сразу же, хотя бы был самый большой холод. В других селах женщина может рожать в доме, но должны сразу же выкупаться вне дома, если это произошло днем, а если ночью, то выкупаться тотчас же, как только рассве-

тет, чтобы дитя было долговечно... Конечно, вследствие такового обычая страдают и женщины, и дети. Часто случается, что роженица, в зимние дни, получает воспаление легких, рождая на снеге, во время дождя или мороза. Точно так же и дети быстро умирают. Отсюда следующее явление: редко женщины этого предела доживают до глубокой старости. Женщины умирают молодыми. Редко какая доживет до старости. Конечно, причиной этого являются роковые обычаи рождения и другие обычаи...

Женщин редко когда приводят к доктору даже при самой тяжелой болезни. По селам имеется много колдунов и знахарей и акушеров, которые лечат заболевших женщин. Но их лекарства часто приводят больных к смерти.

Кражи тут часты. И можно с радостью констатировать, что в настоящее время кражи стали уменьшаться, а воров появляться реже. Воры в этом крае дерзки. И немилосердны. Они воруют все. Иногда уничтожают даже молодые плодовые деревья и поджигают сено и дома. Это не природные воров. Это мстители. Если какой-либо крестьянин погрешил против другого, он доживет то, что у него ограбят дом, украдут или истребят скот, порубят ночью целый сад, подожгут дом, хутор или сено... Какова дерзость таких воров, лучше всего видно из того, что они дают знать ограбленным, чтобы они не возмущались, иначе они причинят им еще бед. Если воров украдут овец, они мех порежут, а на воротах дома оставят кишки или кожу, или унесут лишь кожу, а оставят мясо. Это знак, что они снова вернутся, если ограбленный будет возмущаться...

Интересны клятвы, или, как они называют, „бласти“. Когда неизвестно, кто воров, тогда пострадавший собирает все село, раздает свечи каждому взрослому жителю села, способному воровать. Особенно обращается внимание на то, чтобы присутствовали те, на которых падает подозрение. Тогда хозяин берет камни и бросает их в одну каменную глыбу, около которой происходит клятва. Хозяин бросает камень. Это делают и остальные. Хозяин клянет воров, что делают и остальные присутствующие, держа зажженные свечи в левой руке. При этом следят за подозрительными, чтобы и они бросали камень на глыбу и клялись. И когда закончится клятва, прекращается подозрение, и хозяину делается легче. И особенно интересно то, что случается, что во время таких заклинаний находятся воров, которые сами объявляются или не в состоянии выдержать заклинаний, падают в обморок и таким путем выдают себя...» («Време» 3 июля 1940 г. № 6622).

Похоже на обычаи африканских джунглей...

28 сентября 1941 г. Увидел. Вчера был в Петроварадине у д-ра Алексея Георгиевича Иванова. Здесь много говорят в русских кругах, что Сараево, как и вся Босния, находится под осадой четников и коммунистов, что Белград отрезан с трех сторон четниками и коммунистами и что жизнь там вообще и особенно для русских становится невыносимой. Русские призваны в казармы для самоохраны.

Работы и заработка нет, становится все острее вопрос, как жить дальше. Заявил домарке⁷⁴², что покидаю насиженную прекрасную квартиру, а ведь я на нее потратил немалые деньги: переделал печку, поставил новую клозетную чашку, ремень на жалюзи, поставил антенну для радиоаппарата и т. д. Перейду на жизнь в помещении Русской Матицы, где я работаю 14 лет; буду в виде сторожа наблюдать за порядком в библиотеке.

Гуляя в сторону Дуная, нашел жалкий остаток подошвы и ее сам же употребил в виде заплаты на свои поношенные ботинки. Смеясь, мне знакомые говорят: вы это запишите в свой Дневник. Записываю. Из Белграда пришли вести, что двое юношей русских, только что окончивших русскую гимназию, пошли купаться на Дунай, но их

нашли убитыми и приколотыми записками: «Это вам за пятую колонну»... Сербы считают русских шпионами; но интересно, что и некоторые мадяры считают русских шпионами в пользу Сербии. Офицер-мадяр, выдающий пропуска для поездки в Белград, назвал В.С. Курочкина «сербским шпионом». Горькая судьба русского эмигранта: нам остается, чтобы и на Родине, после нашего туда возвращения, нас также преследовали, и можно ожидать, что это будет.

Странно как-то: живу без службы, без работы. Сначала страдания нестерпимые, животный страх, чем платить за квартиру и как питаться, но теперь как-то отупел. Продаю лишнее: бутылки, банки, тазы.

16 октября 1941 г. Сегодня в 6 часов вечера в помещении Русской Матицы состоит первое заседание Педагогического Совета русских среднеобразовательных классов, разрешенных венгерским правительством для подготовки русских детей, оставшихся вне школы. Занятия будут вестись на русском языке. Разрешение это дано Русскому Красному Кресту здесь. Главной инициаторшей была О.Н. Сементовская⁷⁴³, эта довольно странная женщина, желающая играть роли. В состав преподавателей приглашены: управителем – инженер Г.Б. Броневский⁷⁴⁴, священник Владимир Родзянко⁷⁴⁵ – ул. Вилта, 18, А.А. Сердюкова – Алькотманя 50 – Уставска, М.С. Эрдели – Вилта – Н. Тесле 20, г-жа Родзянко, Скрынченко – Орсасгасло 2, А. Ревва⁷⁴⁶ – Лютера Мартина Тер 17, М.А. Соловьев – Кошута 10 – Милетичева, Ротов Д.М. – палата Силесия, кв. 15, Г.А. Орлов – Нитра – 11 – Косовска, Чернцов М.С. – Гр. Циано 3 – Суворовска, Ф.Ф. Калишевский – Ужоки 35, Ушаков В.С. – Этвеш Тер 5, Курочкин – Хителер 5 – Кр. Александра, Пирадов⁷⁴⁷ – Лютер Тер 17.

9 ноября 1941 г. Сiju без службы и без работы, а как-то все нет времени вести дневник. 1 ноября состоялся молебен по случаю открытия среднеобразовательных классов реальной гимназии для русских. Служили три русских священника – о. Сергей Самсониевский, о. Владимир Родзянко и монах. После молебна говорили речи: генерал К.В. Апухтин, как председатель Красного Креста, которому эти классы и разрешены, директор Г.Б. Броневский, инженер, генерал А.Л. Мариюшкин, я и председатель Родительского Комитета И.И. Шевцов⁷⁴⁸. На этих классах сейчас пока лишь 35 человек, в 8-м классе один – Г. Сементовский, а в 7 классе – ни одного ученика. Я преподаю географию, космографию и математику в 2 классе.

Вчера Апухтин сделал доклад о том, что ему мадяры и немцы разрешили формирование военных русских частей и отправку их в Белград; задача – бороться с коммунистами на всякой территории. Всем назначается приличное содержание, жены и дети формируемых будут обеспечены.

1942-й год

22 января 1942 г. Совершенно охладел к своему дневнику, а между тем есть немало интересного. 22 декабря 1941 г. в Белград отправилась первая партия казаков в Охранный корпус – Шюцкор – для борьбы с большевиками, на какой бы территории они ни находились. После этого были еще три отправки. Всего ушло около 450 человек.

7 февраля 1942 г. Большой смерч разразился 21, 22 и 23 января над Уйвидеком, причинивший много смертей. Из состава русской эмиграции погибли: И. Губанов с женой, В.Э. Эппле с женой Марией Михайловной, сестрой нашего библиотекаря К.М. Думнова, Протопопов с женой и тещей – Федотовой, Головинский с женой, тестем полковником Ивановым и с тещей, Карпов, Вознесенский, жена и ребенок казака Доронина, ушедшего в особый корпус в Белград. Говорят, погибли еще некоторые русские. Головинских, Эппле, Ивановых я знал как прекраснейших и культурных людей. Сегодня отправилась в Белград 4-ая партия русских добровольцев в особый корпус.

7 октября 1942 г. Погода стоит удивительная для осени: тепло, приятно. Вчера я и Чернцовы ходили купаться. Вода в Дунае хотя и несколько свежевата, но приятна. Только что возвратились с купания, как пришел князь Трубецкой и сообщил крайне тяжелую весть: умер милейший д-р Алексей Георгиевич Иванов в Петроварадине – от голода и тропической лихорадки. Сообщение между Петроварадином и Уйвидеком крайне затруднено, и я не знаю, удастся ли быть на похоронах доброго доктора и прекрасного русского человека. Сколько раз оказывал он мне помощь, сколько раз мы вместе играли в винт, сердились из-за пустяков, правда – на самое короткое время, и вот этого человека уже нет, и сердце сжимается от боли. А как он рвался в Россию, записывался в Загребе у генерала Драценко, хотел попасть в Особый Русский Корпус в Белграде... Родины он не увидал... Прощай навек, милый, дорогой Доктор, умерший в крайнем одиночестве, обстоятельств и самой судьбой. С самого утра мне не по себе, ничего не могу делать. А.В. плачет.

1943-й год

17 января 1943 г. Мадыарское правительство да и вообще мадыары относятся к русским не только корректно, но и хорошо: наряду с местными чиновниками русские также получают пенсии и пособия. Только почему-то задержка происходит с контрактальными чиновниками, хотя они считались по своему рангу в Югославии выше дневничаров.

С начала 1942–1943 гг. я директорствую [в] Русской гимназии, но это мне стоит много нервов: учащиеся наши удивительно недисциплинированны, и часто я просто не знаю, что делать; какая мы странная нация: решаются мировые судьбы, а у нас и дети, и родители их проявляют недисциплинированность.

В декабре я подавал в учебный округ [о] разрешении учащимся в здешних учебных средних заведениях русского происхождения посещать в нашей гимназии, в особо назначенные дни, уроки из национальной группы предметов, т. е. русский язык, русскую литературу, историю и географию. Вчера получился за № 2921 ответ, который, в переводе с мадыарского, сделанном Ф.Ф. Калишевским, гласит так: «На Ваше представление под вышеуказанным № 8 извещаю уважаемую дирекцию, что постоянные ученики уйвидекских средних школ не могут посещать русские частные курсы, потому что государственные учащиеся (т. е., конечно, учащиеся в государственных школах) могут быть учениками только одной школы». Подписал: Мюллер Иштван.

21 апреля 1943 г. Некогда заниматься дневником, а все же иногда хочется кое-что отметить. В нашей гимназии проявилось среди учащихся стремление к скаутизму, причем они, и без того слабые в науках и неусидчивые в занятиях, стали пренебрегать своим прямым учебным делом; я долго терпел это ненормальное явление, но потом своей властью запретил им ходить для занятий скаутизмом. Отсюда посыпались интриги. Томашевский⁷⁴⁹ написал в Будапешт несколько лживых доносов, и в результате ко мне пришел заведующий скаутизмом здесь мадыар Ресснер и потребовал от меня объяснения, почему я мешаю скаутизму, покровителем которого является сам Глава государства Миклош Хорти. Ему будто бы один из родителей сказал, что будто я говорил [...] Этот явный вздор нечего было и опровергать. Г. Ресснер обещал до лета уволить от занятий скаутизмом тех наших учащихся, которые плохо успевают. Это меня удовлетворило, и я изъявил согласие не мешать нашим русским учащимся заниматься скаутизмом.

В газете «Нова пошта» от 21 апреля с. г. напечатано об аресте Георгия Ильича Нестайки, русского эмигранта, управляющего патриаршим имением в Ковыле. Этот Нестайко – несомненно, честнейший человек, но имел неосторожность взять себе в помощники крещеного еврея, который вскоре начал проворовываться, и уволил его; тогда иудей начал донимать Нестайку лживыми доносами, и в результате Нестайку отправили в тюрьму якобы за растраты. Тяжело ему, русскому эмигранту, не знающему государственного языка, вынести эту неправду, да еще в страстную неделю и притом при жене, страдающей нервным расстройством, почти сумасшествием. Бедная наша эмиграция.

12-Х-1943 г. 6 октября исполнился год, как умер доктор Алексей Георгиевич Иванов. Очутившись после перемен политических в Уйвидеке в апреле 1941 г. без работы, доктор Иванов решил перебраться на службу в «Хорватскую Независимую державу», и именно в Петраварадин. Обстановка жизни там сложилась так, что он заболел, возобновилась старая болезнь, полученная на острове Кипр, – тропическая лихорадка, и вот милого доктора не стало. К несчастью, больного не позволили обстоятельства посещать и даже быть на похоронах... За две недели до смерти доктор Иванов писал следующее горькое письмо:

«Петроварадин, 25 сентября 1942 г. Дорогие мои друзья, бывшие. Пишу – „бывшие“, ибо думаю, что я забыт. Недавно я совсем умирал, и никого возле меня не было, ибо и местные заняты своими делами, и посещать больного некогда, или при встрече извинимся: „Я так виновата перед Вами, все собиралась к Вам и не смогла“. Но мне от этого не легче. Правда, меня не бросал Владимир Викторович Бойчук (прислуживавший ему. – Д.С.), но одно его появление вызывало тоску и печаль своим мрачным видом.

Итак, у меня был 4-й припадок тропической малярии, которую я захватил в 1921 г. на Кипре. Ну и припадок был, хай ему, чертяка: 3 дня температура плюс 40,5; 40,6; 40,8; следующих: 39,4–8, и только после 6 дней снизилась на 38. Лечил меня Пожариский, посещал аккуратно, и чего-чего не давал тут: и обычная хина, и инъекции хинные, и атебрин, и плазмехин, и, в конце концов, малярию сбили, но так как и обычная малярия не красит, то тропическая тем более, в общем я в Хорватии потерял 40 килограммов, на русский вес – подумать даже страшно: ведь это два с половиной пуда. Силы исчезли совершенно, и я не мог ходить, все тянулся к кровати. Но, слава Богу, мой начальник Пожариский, и он все давал мне возможность отдыхать, благо в больнице не было много работы, особенно хирургической, так что понемногу, очень мало, силы возвращались, и теперь я хожу от 9–12 в больницу каждый день и даже оперирую, и сегодня тоже, а уж вечером не хожу, если нет чего-либо спешного, т. е. не привезут раненых, ибо повстанцы еще в лесах и постоянно постреливают. Последний раз дня три назад было 2 раненых и 9 убитых. С ними борются, но почти безуспешно, разве когда немцы помогают и распоряжаются, но об этом подробно при возможном свидании. У меня возобновилось прежнее решение, что когда постарею и буду болеть, то отправиться к праотцам, так как *кому я нужен?* А болезни следуют одна за другой, то ревматизм, то желудочно-кишечные, ибо сала не стало и кишки вертятся, как хотят и как не нужно, то печенка и т. д.; совершенная тряпка стал, а не человек. Вдобавок и в материальном отношении скверно: мне платили 3500 кун, на ваши деньги это 160 пенге, не так, как в кунах, то здесь на эти деньги прожить совершенно невозможно; цены у нас ужасающие, даже не хочется приводить примеры, а главное, что и дорого достать ничего нельзя. А тут еще беда: только перестала малярия, а мне отказали от квартиры, конечно, благодаря *сплетням некоторых русских*; набрехали, что я не офицер, и что у меня снимает квартиру В.В., и начальство, не проверив, а поверив, отказало; правда, дали другую квартиру на 2 этаже и в другом доме, не так роскошно отделанную, но для меня в смысле расположения комнат удобнее. Потолки сводчатые. Но и на них глаз наметался – тут были до 1932 г. квартиры, затем превратили их в склады, а у хорватов казармы, и такие умные люди: паркет вымазали нефтью, так что теперь ничем не отмоешь... топить нечем, ибо ни дров, ни угля достать нельзя. И это в Хорватии, которая снабжала лесом всю Югославию и соседние державы. В общем, докатились мы до советского рая. Переезд выхватил 1000 кун, и это почти из дома через улицу в

дом. Это в августе, а затем в сентябре сразу взяли за два месяца за квартиру, и это тоже 900 кун, вот и живи как знаешь с такой платой. Я и решил протестовать, и написал в Министерство, чтобы мне прибавили, а оттуда – это, мол высшая ставка контрактных врачей, ибо они имеют право на частную практику и на побочные места, чем и могут улучшить свое материальное положение, а того не соображают, что не город, а Петроварадин, где ни того, ни другого иметь нельзя. Я еще больше накалился и послал в Министерство отказ от службы с 6 сентября. Пока ответа еще нет, в общем, мое положение «фе» (отказали. – Д.С.). Денежных запасов нет, и как буду дальше жить, не знаю, но не отказаться я не мог: было бы нелогично. На переправе свирепствуют и отбирают почту, так что кто едет в Н.С.⁷⁵⁰ писем не берут, вот Филевский⁷⁵¹ храбрец согласился перевезти...

Теперь я вижу, что решение Д.В. не переезжать сюда было разумнее, чем мой совет, правда, год прожил тяжело, но теперь отдохнет и поправится.

...желаю всех благ всем Вам и помнящим меня. Немцам в России мы не нужны и вряд ли скоро туда попадем... Ваш д-р А. Иванов».

На этом записи в дневнике Д.В. Скрынченко обрываются.

КОММЕНТАРИИ

- 1 *Дочка Марусечка* – Мария Дмитриевна Соболева, урожд. Скрынченко (9.01.1907, Минск – 1988, Буэнос-Айрес), в эмиграции с 1943 г., с 1948 жила в Буэнос-Айресе.
- 2 Могилевская, урожд. Шульгина, Павла (Лина) Витальевна (около 1865 – 1945), вдова штабс-капитана, сестра Василия Витальевича Шульгина. В Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев чиновница «Государственной статистики» в Белграде.
- 3 *Жена* – (Шуруна) Александра Ивановна Скрынченко (20.04.1884 – 20.06.1979, Буэнос-Айрес), эмигрировала с семьями дочерей Марии, Ирины и Нины (семья сына Анатолия осталась на Родине).
- 4 Сын Толечка – Анатолий Дмитриевич Скрынченко (4.03.1909, Минск – 7.07.1991, Киев).
- 5 «Она умерла почти от голоду...» – теща Д.В. Скрынченко – Доброславская Александра Павловна скончалась 13.03.1924.
- 6 Терebinский Владимир Ипполитович (1879–1950), врач-хирург. Профессор Киевского университета (1917). Эмигрировал в Королевство СХС (1920). Военный врач в Белграде (1920–1927). Переехал во Францию, в Париж (1927). Его (невенчанная) жена – З.И. Ткач-Бурлак, сын – Сергей.
- 7 Стороженко Николай Владимирович (?–1944), директор Киевской I гимназии.
- 8 *Сидел я в Лукьяновской тюрьме* – в Лукьяновскую тюрьму Д.В. Скрынченко брошен был петлюровцами за активное осуждение деятельности Церковной Рады на Всеукраинском Церковном Соборе 1918 г.
- 9 Шульгин Василий Витальевич (1878–1976), журналист, общественно-политический деятель, публицист, депутат II, III и IV Государственной Думы (лидер правого крыла), мемуарист, писатель. В эмиграции жил в Турции, Болгарии, Польше, Франции, Югославии (с перерывами: 1925–1944). В декабре 1944 г. в Сремских Карловцах был арестован органами НКВД-СМЕРШ и отправлен в Москву. В 1956 г. освобожден из тюрьмы во Владимире без права жительства в больших городах СССР.
- 10 Платон (Рождественский Порфирий Федорович, 1866–1934), с 1907 г. архиепископ Алеутский и Североамериканский, с 1917 г. митрополит, с 1923 г. управляющий приходами РПЦ в Америке, Канаде и Аляске.
- 11 Демченко Григорий Васильевич (1869–1958), профессор Киевского университета, с 1920 г. профессор юридического факультета в Суботице, одно время – декан. Член Русского научного института в Белграде.
- 12 Ясинский Михаил Никитич (1862–1945), историк, профессор кафедры русского права Киевского университета, проректор (1912–1917). Ординарный профессор Люблянского ун-та (Словения).
- 13 Спекторский Евгений Васильевич (1875–1951), юрист, социолог. Профессор энциклопедии права и истории философии права Варшавского университета (1903–1913), профессор Киевского университета (с 1913), ректор (1918). В 1920 г. прибыл в Королевство СХС. Профессор Белградского (1920–1930) и Люблянского (1930–1945) университетов. Одно время – профессор Карлова университета в Праге. Из Италии в 1947 г. переехал в США. Основатель и профессор русской Духовной Академии в Нью-Йорке, первый председатель Российской академической группы в США.

- 14 Поснов Михаил Эммануилович (1873–1931), историк церкви. Профессор Киевской Духовной академии (с 1908). В 1919 г. эмигрировал в Болгарию. Профессор Софийской Духовной семинарии (1920–1924) и Богословского факультета Софийского университета (1924–1931).
- 15 Ардашев Павел Николаевич (1865–1922), историк, профессор Киевского университета, член Совета Киевского клуба националистов.
- 16 Богаевский Петр Михайлович (1866–1929), юрист, этнограф. Профессор государственного права Томского университета. Один из основателей «Свободного университета» в Софии.
- 17 Зеньковский Василий Васильевич (1881–1962), историк философии, психологии и русской культуры, богослов и священник (с 1942). Профессор психологии и философии Киевского университета (1915–1919), министр вероисповеданий в правительстве П. Скоропадского. В 1920 г. эмигрировал в Королевство СХС. Профессор Белградского университета. С 1923 г. директор русского Педагогического института в Праге. С 1926 г. жил в Париже. Декан Православного богословского института Св. Сергия (с 1944), многолетний председатель Русского христианского студенческого движения (1923–1962).
- 18 Бубнов Николай Михайлович (1858–1943), историк, декан исторического факультета Киевского университета, профессор Философского факультета Люблянского университета.
- 19 Брюхатов Андрей Дмитриевич (около 1869 – 1933), преподаватель истории и латинского языка Русско-сербской гимназии в Белграде. (Директором этой гимназии не был.)
- 20 Афанасьев Георгий Емельянович (1848 или 1850 – 1925), историк, славянофил, действительный статский советник. Профессор Новороссийского университета в Одессе и Университета Св. Владимира в Киеве, с 1896 г. директор Киевского отделения Государственного банка, министр финансов и начальник Главного контроля Украинского правительства (1918). Профессор общей истории Философского факультета Белградского университета.
- 21 Стороженко Андрей Владимирович (1857 – после 1939), русский историк (специалист по Юго-Западной Руси), деятель церкви, публицист. В эмиграции с 1919 г.
- 22 Вишневский Георгий Апполинариевич. Доктор юридических наук. Член IV Государственной Думы от Киевской губернии. С супругой Екатериной Яковлевной проживал в Нови-Саде. Чиновник (с 1928 г. судья) Городского апелляционного суда.
- 23 Никольский Александр Александрович (1868–1942), журналист, сотрудник ряда русских газет в Белграде.
- 24 Тихон (Лященко Тимофей Иванович; 1875–1945), архиепископ. Профессор Киевской Духовной академии (1912–1918), архимандрит (1914), инспектор Киевской Духовной академии (1914–1918). Эмигрировал в Болгарию (1919), жил в Белграде (1921), назначен настоятелем Воскресенской церкви в Берлине (1921–1938), епископ Берлинский (1924), архиепископ Берлинский и Германский (1936). На покое проживал в сербском монастыре Раковица под Белградом (1938–1944). Снова выехал в Германию (1944).
- 25 Никодим (Нагаев Николай, 1883–1976), епископ, в эмиграции первоначально проживал в Белграде.
- 26 Гижицкий Михаил Львович (?–1941), в эмиграции занимался виноградарством.
- 27 *На каком-то старом корабле «времен Очакова»...* – по имени «Тендра».
- 28 Чириков Евгений Николаевич (1864–1932), русский писатель, с 1917 г. в эмиграции.
- 29 Федоров Александр Митрофанович (1868–1949), русский писатель, поэт, переводчик, драматург.
- 30 Буров Христо, болгарин, выпускник Казанской духовной академии 1901 г., удостоен звания действительного студента.
- 31 Ренненкампф Владимир Николаевич (около 1862 – 1925), историк, юрист. Профессор государственного права Новороссийского университета. Директор Международного института в Одессе. В 1919 г. эмигрировал в Болгарию. Профессор социологии Софийского университета.

- 32 Крум (803–814), Омортаг (814–831), правители древней Болгарии.
- 33 Маринкович Павле (1866–1925), юрист, сербский политический деятель. Основатель и главный редактор белградской газеты «Правда», министр просвещения (1919–1920).
- 34 Артамонов Виктор Алексеевич (1873–1942), генерал-майор, военный агент Русской миссии в Белграде (1909–1920, с перерывами).
- 35 Досифей (Васич, 1877–1933), епископ Нишский (1913–1932), митрополит Загребский (с 1932). Видный покровитель русских беженцев в Королевстве СХС.
- 36 Бобринский Владимир Алексеевич, граф (1867, Петербург – 1927, Париж), богородицкий предводитель дворянства, крупный помещик, член II–IV Государственной Думы от Тульской губернии. Эмигрировал в Королевство СХС (жил в имении Белье и в г. Нови-Сад). Представитель вел. кн. Кирилла Владимировича в Королевстве СХС. В 1924 г. переехал во Францию.
- 37 Георгий (Летич, 1872–1935), доктор теологических наук (1897), с 1903 г. епископ Тимишварский, управляющий Карловацкой митрополией (1918–1920), профессор Карловацкой семинарии.
- 38 Титов Федор Иванович (1864–1935), доктор богословия, историк церкви, протоиерей. Профессор Киевской Духовной академии (1905–1918), настоятель Андреевского собора. Профессор богословия и догматики Богословского факультета Белградского университета (1921–1935).
- 39 Ремета (серб.) – пустынь.
- 40 Викентий (Вуич Василий, 1874–1939), архимандрит, преподаватель и ректор Карловацкой Духовной семинарии, доктор богословия. Епископ Моравский (1936), профессор Богословского факультета Белградского университета, епископ Банатский (1936–1939).
- 41 Руварац Димитрий (1872–1931), священник, историк, библиотекарь Патриаршей библиотеки (с 1899), управляющий Сербской монастырской типографией в Сремских Карловцах, редактор периодических изданий Сербской православной церкви.
- 42 Георгий (Бранкович, 1830–1907), митрополит Карловацкий, Патриарх Сербский. Епископ Тимишварский (1882). На Народно-церковном соборе избран патриархом (1890). Обновил монастыри на Фрушка-Горе, заботился об образовании монахов, открывал духовные школы, направлял монахов в духовные академии (Черновцы, Афины), основатель Сербской монастырской типографии, газет и журналов Сербской церкви, содействовал строительству церковно-административных зданий в Сремских Карловцах.
- 43 Йованович Павле-Пая (1859–1957), известный сербский живописец, реалист.
- 44 Арсений (Чарноевич, ок. 1633 – 1706), Патриарх Сербский (1674–1690), первоиерарх православных сербов в Австрии (1690–1706).
- 45 Николич Владимир-Влада (1857–1922), видный сербский архитектор. По его проектам выполнены многие общественные здания в Сремских Карловцах, Нови-Саде и др.
- 46 Хрущев Михаил Алексеевич (1881–1972), генерал-майор Генерального штаба Русской армии. В эмиграции с семьей постоянно проживал в Сремских Карловцах.
- 47 Стоянович Любомир-Люба (1860–1930), видный сербский политик, филолог. Премьер-министр Королевства Сербии (1905), министр просвещения, внутренних дел. Член Сербской Королевской академии наук.
- 48 Ристич Йован (1830–1899), сербский государственный деятель, глава либеральной партии, историк, дипломат. Делегат Сербии на Берлинском конгрессе (1878).
- 49 Милан (Обренович, 1854–1901), князь (1868–82) и король Сербии (1882–89). Похоронен в монастыре Крушедол на Фрушка-Горе.
- 50 Маркович Светозар (1846–1875), сербский политик, социалист, последователь Чернышевского. Учился в Петербурге, Цюрихе, в 1870 г. возвратился в Сербию. Издатель газет с социалистическим уклоном.

- 51 Гарашанин Милутин (1843–1898), видный сербский политик, промышленник, дипломат, журналист. Премьер-министр (1884–87). Член Сербской Королевской Академии наук.
- 52 Пашич Никола (1845–1926), выдающийся сербский политик, инженер, дипломат, премьер-министр.
- 53 Заједница (серб.) – объединение, союз.
- 54 Врховац Радивоје (1863–1946), общественный деятель, литератор, педагог, филолог, историк литературы. Преподаватель (с 1886) и директор Карловацкой гимназии (1903–1929, с перерывами). Председатель Матицы Сербской (1920–35).
- 55 Шиллинг Александр Иванович. Полковник гвардии. В 20-х гг. проживал в Белграде.
- 56 Митрофан (Бан Марко, 1841–1920), митрополит Черногорский (с 1887), церковный писатель, реформатор Сербской церкви в Черногории. Принял хиротонию в Петербурге (1885). Первый председатель Архиерейского Собора Сербской православной церкви (после восстановления патриаршества в 1919 г.).
- 57 Илларион (Зеремский Владимир, 1865–1931), магистр богословия Московской Духовной академии (1890). Профессор Карловацкой Духовной семинарии (с 1891), историк. Архимандрит (с 1904), настоятель монастырей Хопово, Раковица. Викарный епископ Сремских Карловцев (1912). Один из самых образованных архиереев Сербской православной церкви.
- 58 Илларион (Радониц Жарко, 1871–1932), епископ Зворничко-Тузланский (1909–1922), экзарх Далмации, епископ Банатский (1922–1929).
- 59 Станоевич Станое (1874–1937), историк, редактор «Народной энциклопедии СХС». Профессор Белградского университета (с 1900). Сотрудник Русского археологического института в Константинополе. Один из основателей Югославского исторического общества. Действительный член Сербской Королевской академии наук.
- 60 Мефодий (Субботин). Иеромонах. Игумен монастыря Привина-Глава на Фрушка-Горе. Эконом Патриаршего дворца в Сремских Карловцах.
- 61 Федоров Иван Павлович, юрист, публицист. Бывший товарищ прокурора Петроградского окружного суда. Эмигрировал в Королевство СХС. Первый председатель русской колонии в Сремских Карловцах. Сотрудник сербских газет (под фамилией Федорович).
- 62 Максимилиан (Хайдин Милан; 1879–1936), епископ Далматинский (с 1928), ГорнеКарловацкий (с 1931). Председатель Духовной консистории Сербской православной церкви в Сремских Карловцах (1906–21).
- 63 Милетий (Бабич, 1874–?), иеромонах. Управляющий и игумен монастыря Велика-Ремета (с 1919).
- 64 Короленко Владимир Галактионович (1853–1921), русский писатель. Рассказ «Без языка» был написан в 1895 г.
- 65 Штрандтман Василий Николаевич (1877–1963), русский дипломат, первый секретарь Русской миссии в Белграде (1911–1915), посланник в Королевстве СХС (1919–1924), в 1924–1941 гг. делегат при Государственной комиссии, ведающей интересами русских беженцев в Королевстве СХС – Югославии (1924–1941).
- 66 Данило (Пантелич Душан; 1865–1927), архимандрит, настоятель монастыря Гргетег. С 1920 г. епископ Далматинский и Шибенский.
- 67 Антоний (Храповицкий Алексей Павлович, 1863–1936). Митрополит Киевский и Галицкий. Ректор Московской Духовной академии (1890–1894), Казанской Духовной академии (1894–1900), архиепископ Житомирский и Волынский (с 1902), Харьковский и Ахтырский (с 1914). Член Государственного совета (1906–1907), доктор богословия (1911). В 1920 г. покинул пределы России. Первоиерарх Русской Православной зарубежной церкви.
- 68 Троицкий Сергей Викторович (1878–1972), церковно-общественный деятель, историк канонического права. Приват-доцент Новороссийского ун-та (1919–1920). Эмигрировал в Ко-

- 85 Базаревич Сергей Йосифович (?–1960), полковник инженерных войск, галлиполиец. Проживал в Белграде.
- 86 Диссалович (Джисалович) Веселин (1873–1945), доктор филологических наук, преподаватель греческого, латинского и венгерского языков и философии. Автор учебников и словарей, переводчик. Инспектор Министерства просвещения в Нови-Саде (1919–1925).
- 87 Катеринич Ольга Ивановна, вдова бывшего харьковского губернатора. Эмигрировала в Королевство СХС.
- 88 Стойков Моисей, доктор богословия, преподаватель церковной истории и истории Сербской церкви, ректор Карловацкой Духовной семинарии (1920).
- 89 Дюрич (Джурич) Николай, выпускник Киевской Духовной академии, профессор богословских предметов, русского и церковнославянского языков Карловацкой Духовной семинарии (1902–1920-е гг.).
- 90 Агапит (Вишневский) Антонин, 1867–1924), с 1911 г. епископ Екатеринославский, украинофил.
- 91 Славянский Дмитрий Александрович (наст. фамилия Агренов, 1834–1908), народный певец, пропагандист русской и славянской песни.
- 92 Речь идет о Капповском путче 10 марта 1920 г., неудавшейся попытке консервативных и военных кругов пересмотреть итоги Ноябрьской революции в Германии и установить военную диктатуру.
- 93 Гроссу Николай Степанович (1867 – после 1928), протоиерей, профессор Киевской Духовной академии, историк церкви, византист.
- 94 Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924), председатель III и IV Государственной Думы. Октябрьист. С марта 1920 г. жил в сербском городе Вране, затем в городах Вршац, Панчево, Нови-Бечей и в с. Беодра (близ города Нови-Бечей). Похоронен в Белграде.
- 95 Корнелий (Зубович). Настоятель монастыря Мала-Ремета на Фрушка-Горе.
- 96 Стефанович Димитрие (1882–1945), протоиерей, профессор, доктор богословия. Учился в Нови-Саде, Сремских Карловцах, Черновцах. Преподаватель Духовной семинарии в Сремских Карловцах (1907–1920), профессор Богословского факультета Белградского университета (1921–1945), редактор журнала «Богословие», переводчик Нового Завета на современный сербский язык.
- 97 Неточная цитата из стихотворения в прозе И.С. Тургенева «Русский язык».
- 98 Еврем (Бойович; 1851–1933), епископ Жичский (1920–1933). Окончил Московскую Духовную академию (1879). Продолжил учение в Германии.
- 99 Николай (Велимирович) Никола, 1880–1956), епископ Охридский и Жичский, сербский святой. Учился в Валево, Белграде, Берне, Женеве. Во время Второй мировой войны немецкие оккупанты заключили его в монастырь Войловица (близ Белграда), а в сентябре 1944 г. отправили в лагерь Дахау. После освобождения из концлагеря епископ не возвратился в коммунистическую Югославию. Жил в Англии и США. В 1991 г. его останки были перезахоронены в Сербии.
- 100 Ириней (Чирич, 1884–1955), епископ Бачский (1922–1955). Окончил Московскую Духовную академию. Докторскую диссертацию защитил в Вене. Библиотекарь Патриаршей библиотеки в Сремских Карловцах (1909), преподаватель Ветхого Завета, еврейского языка и литургии в Духовной семинарии, переводчик на сербский язык и комментатор Ветхого Завета. Епископ Тимоцкий (1919–21), затем Бачский. Изучал церковное пение, переводчик с еврейского, латыни, греческого, французского, русского, немецкого и венгерского языков. В 1927 г. Сербская церковь доверила ему устройство Православной церкви в Прикарпатской Руси (Чехословакия). После Второй мировой войны был несправедливо обвинен в сотрудничестве с оккупантами и находился в домашнем заключении, а после освобождения публично был сильно избит. Русским беженцам Нови-Сада в 1922 г. он уступил для богослужений часовню Св. Василия Великого в городском епархиальном доме.

- 101 Димитрие (Павлович Димитрие, 1846–1930), епископ Нишский (1884–1888), Шабацкий (1898–1905), архиепископ Белградский и митрополит (1905–1920), патриарх Сербский (1920–1930).
- 102 Радичевич Бранко (Алексей, 1826–1853), известный сербский поэт-лирик. Учился в Сремских Карловцах, Тимишваре, Вене. Молодым скончался от туберкулеза.
- 103 Караджич Вук Стефанович (1787–1864), известный сербский фольклорист, реформатор азбуки и правописания сербского языка. Автор Сербского словаря (1818, 1852), перевел Новый Завет на сербский язык (1842).
- 104 Анатолий, архимандрит. Управитель сербского монастыря Крушедол на Фрушка-Горе. Ранее управитель Пакрацкой епархии Сербской православной церкви.
- 105 Биалимович Александр Дмитриевич (1875–1963), экономист. Профессор политической экономии и статистики Киевского и Люблянского университетов, профессор УНРРА университета в Мюнхене (1944–1947), с 1948 г. жил в США, где преподавал в Институте славяноведения Университета в Беркли.
- 106 Могилевский Иван-Ваня. Сын Павлы Витальевны Могилевской, племянник В.В. Шульгина. В начале 20-х гг. проживал в Белграде.
- 107 Августин (Бошнякович Александр, 1867–1950), архимандрит, составитель словаря церковнославянского яз. Учился в Нови-Саде, Сремских Карловцах, Йене, Черновцах. Настоятель монастыря Хопово (1903), архимандрит (1906), временный (1921–1922) и постоянный управляющий монастырем Гргетег (1922–1933).
- 108 Спалайкович Мирослав (1869–1946), дипломат, министр, общественный деятель. Посланник Королевства Сербии в Петербурге (1913–1917), Москве (1917), Королевства СХС – Югославии в Париже (1926–1935).
- 109 Доброклонский Александр Павлович (1856–1937), доктор церковной истории. Privat-доцент Московского и Новороссийского университетов, профессор Богословского факультета Белградского университета (1920–1937).
- 110 Лавров Сергей Васильевич (ок. 1872 – 1944), педагог. Директор одной из петроградских гимназий. Директор Первой русско-сербской мужской гимназии в Белграде.
- 111 Кишенский Дмитрий Павлович (1856–1933), врач-бактериолог, патологоанатом. Ректор Новороссийского университета в Одессе (1912–1918). Жил в Белграде (1919–1923), прозектор Державной больницы. С 1923 г. проживал в Праге.
- 112 Обрадович Доситей (ок. 1739 – 1811), писатель, просветитель, культурно-общественный деятель. Учился в Германии. Основатель «Великой школы» (университета) (1808) и семинарии (1810) в Белграде. Первый министр просвещения Княжества Сербии (1811). Писал и публиковал книги на народном языке, находился под влиянием европейских рационалистов.
- 113 Рейн Георгий Ермолаевич (1852 или 1854 – 1942), врач-гинеколог. Член Государственного совета, бывший министр здравоохранения, профессор и ректор Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге, член II и IV Государственной Думы. Эмигрировал в Болгарию. Ординировал в «Доме матери» в Софии.
- 114 Бутенко Петр Эрстович (1880–1960), инженер. Окончил Киевский политехнический институт (1903). Член партии Народной свободы (кадеты), летом 1917 г. избран гласным Киевской городской управы, в 1919 г. киевским городским головой. Из Югославии переехал в Польшу.
- 115 Фингергут К.Г. (ок. 1865 – 1932), юрист. С женой и племянником в 20–30-х гг. проживал в городе Сомбор, севернее Нови-Сада.
- 116 Летич Петар (1893–1967), доктор философских наук, педагог. Учился в Нови-Саде и Будапеште. Преподаватель латыни и математики в новисадских гимназиях (1916–1929). Директор женской гимназии в Нови-Саде.
- 117 Льотич Павле. В 20-е гг. начальник новисадского отдела Министерства просвещения.

- 118 Якишич Джура (1832–1878). Известный сербский поэт и живописец. Учился в Тимишваре и Вене.
- 119 ...*Учатся ли Ирочка и Ниночка* – Ирина Дмитриевна Бабанина (10.12.1911, Минск – 10.02.1970, Гарин). В эмиграции с 1943 г. (Вена, Мюнхен), с 1948 – Буэнос-Айрес. Похоронена в Гарине, пригороде Буэнос-Айреса. Нина Дмитриевна Савинская (10.11.1912, Житомир – 11.11.1999, Буэнос-Айрес).
- 120 Врховач Радивое (1863–1946), литератор, педагог, филолог, историк литературы, культуролог. Учился в Сремских Карловцах, Загребе, Граце, Вене. Преподаватель (1886) и директор Карловацкой гимназии (1903–1929, с перерывами). Председатель Матицы Сербской в Нови-Саде (1920–1935), инспектор при Министерстве просвещения.
- 121 Лазаревич Лаза (1851–1891), известный сербский прозаик, юрист, врач. Учился в Белграде и Берлине. Сильное влияние на его литературное творчество оказали русские писатели-реалисты. Считается родоначальником сербской психологической прозы.
- 122 Скерлич Йован (1877–1914), выдающийся сербский историк литературы, публицист, политический деятель югославской ориентации. Учился в Белграде, Лозанне. Профессор сербской литературы Белградского университета (1905–1914). Состоял под влиянием русской реалистической критики и французского позитивизма. Первый биограф сербских писателей.
- 123 Яновский Дмитрий Гаврилович (ок. 1870 – 1942), вице-губернатор Киевской губернии, губернатор Екатеринославской губернии.
- 124 Левитская Фотина (Фотиния) Николаевна (1873–1935), военный врач. В 1920 г. эмигрировала в Королевство СХС. Врач в гг. Битола, Чуприя, в Военной больнице в Белграде (1921–1927), Нише (1928–1935).
- 125 Питирим (Окнов Павел Васильевич), митрополит Петроградский и Ладожский (1858–1919). Известен связью с Г. Распутиным. Духовный писатель.
- 126 Сарма (серб.) – голубцы.
- 127 Бермет (серб.) – вермут.
- 128 Шептицкий Андрей (1865–1844), граф, с 1901 г. униатский митрополит Галиции, активно сотрудничал с Австрией и Германией с целью оторвать Малороссию от России. После занятия Львова русскими находился в ссылке в Киеве, Новгороде, Курске, а затем в Спасо-Евфимьевском монастыре в Суздале. Освобожден после Февральской революции.
- 129 Сельак (серб.) – крестьянин, мужик.
- 130 Читанка (серб.) – книга для чтения, хрестоматия.
- 131 Антонов Николай Иванович (1859–1938), юрист, почетный мировой судья, действительный статский советник, член III и IV Государственной Думы от Харьковской губернии, помещик. Чиновник в Нови-Саде.
- 132 Кирило (Митрович, 1867–1931), епископ Захумско-Рашский (1908), Боко-Которский и Дуброваничский (1920). Учился в Будве, Которе, Задаре, Черновцах.
- 133 Никола Петрович Негош (1841–1921), князь, с 1910 г. король Черногории.
- 134 Синђел (серб.) – сингел, звание черного духовенства, даваемое иеромонаху с высшим образованием.
- 135 Нестор (Оштрич), игумен монастыря Бешеново на Фрушка-Горе.
- 136 Прибичевич Милан (1877–1937), офицер, политик. Лидер Самостоятельной демократической партии.
- 137 Прибичевич Светозар (1875–1936), политик. Основатель Демократической партии, затем – Самостоятельной демократической партии. Первый министр внутренних дел Королевства СХС (1918–1920), министр просвещения (1920–1922, 1924–1925). В 1931 г. эмигрировал, жил в Париже, Праге, Швейцарии.
- 138 Валериан (Прибичевич Василие, 1870–1941), архимандрит, настоятель монастыря Язак. Окончил Киевскую Духовную академию. Преподаватель Монашеской школы при монастыре Хопово, принял монашество (1894). Преподаватель сербской гимназии в Констан-

тинополе (1897–1899), изучал византологию в Вене и Лейпциге. Профессор Карловацкой семинарии. Сербский депутат Хорватской скупщины (1914), депутат скупщины Королевства СХС (1918–1929). Епископ Сремский (1938).

139 Цитата из стихотворения М. Волошина «Мир».

140 Бележник (серб.) – нотариус.

141 Иричек (Йиричек) Йосип-Константин (1854–1918), доктор исторических наук (1876), известный чешский историк, изучающий историю Болгарии, Сербии, Далмации.

142 Гаврило (Змиянович, 1847–1932), епископ Вршацкий (1896–1932). Учился в Сремских Карловцах, Альтенбурге. Архимандрит монастыря Крушедол на Фрушка-Горе (1894).

143 Иоаким (Чупич), архимандрит. Настоятель монастыря Беочин на Фрушка-Горе.

144 Черновицкий университет (г. Черновцы, Украина) был основан указом императора Австро-Венгрии Франца Иосифа в 1875 на базе духовной семинарии в составе 3 факультетов: богословского, юридического и философского.

145 Димитрие (Бранкович Добриной, 1868–1938), епископ Задарский (1913–1920). Учился в Задаре, Сремских Карловцах, Афинах. Преподаватель Духовной семинарии в Сремских Карловцах (1895–1898), настоятель монастыря Кувеждин (1899–1900) и монастыря Беочин (1900–1912).

146 Досифей (Попович), игумен монастыря Раковац на Фрушка-Горе (в 1920-е гг.).

147 Святополк-Мирская, урожд. Гудим-Левкович, Мария Александровна, княгиня (1876–1959), вдова (с 1906), посвятила себя служению Церкви и занималась благотворительностью. В 1920–1930-х гг. жила в Белграде.

148 Вениамин (Федченков Иван Афанасьевич, 1880–1961), епископ Симферопольский, викарий Таврической епархии (1919), епископ Армии и Флота на Юге России (1919–1920). Настоятель сербского монастыря Петковица (1922–1923), руководитель православной миссии в Прикарпатской Руси (1923–1924), с 1925 г. в Париже, при митрополите Евлогии. Основатель и первый настоятель храма Трехсвятительского подворья в Париже (Московской Патриархии, 1931–1933). Архиепископ (1933), экзарх МП и управляющий Северо-Американской епархией (1933–1947). Митрополит (1939). Переехал в СССР (1947) на Рижскую кафедру. Митрополит Ростовский (1951), Саратовский (1955).

149 Вербицкий Федор Васильевич (1881–1971), врач-бактериолог. Профессор Саратовского (1911–1914), Киевского (1914–1920) университетов. В Югославии – личный врач короля Александра Карагеоргиевича. Профессор и декан Медицинского факультета Интернационального университета в Мюнхене. С 1949 г. жил в Аргентине, работал в институте микробиологии в Буэнос-Айресе (1951–1965). Член Русской академической группы в США.

150 Викентий (Йованович, 1689–1737), митрополит Карловацко-Белградский. Епископ Арадский (1726), митрополит (1731). Борец против Унии, основатель сербских школ, в которых преподавали учителя, выписанные из России.

151 Павле (Ненадович, 1703–1768), митрополит Сремско-Карловацкий. Епископ (1742), митрополит (1749). Один из самых образованных иерархов Сербской церкви, заботился о сербском просвещении, литературе, науке. Отличный организатор, основатель консисторий, епархиальных и митрополичьих архивов, библиотек, восстанавливал православные храмы и монастыри. Был противником переселения сербов в Россию.

152 Буздован (серб.) – булава, палица.

153 Крушевич, учитель в местечке Игиг на Фрушка-Горе.

154 Чета (серб.) – отряд.

155 Воронцов Федор Васильевич, граф (1856–1921), генерал-майор. Жил в Нови-Саде.

156 Хануков Александр Павлович (1867–1943), генерал-лейтант Генерального штаба. Проживал в Нови-Саде.

- 157 Армашевский Петр Яковлевич (1851–1918), геолог-петрограф, с 1885 профессор геологии Киевского университета, которому Киев обязан разработкой сети артезианских колодцев. Расстрелян в период «красного террора» летом 1919 г. в Киеве как товарищ председателя Киевского клуба русских националистов.
- 158 Павловский Николай Александрович (ок. 1870 – 1941), бывший служащий Начальника отделения в Канцелярии Госдумы. Жил в Нови-Саде. Повесился в припадке безумия.
- 159 Романов Константин Константинович, великий князь (1858–1915), генерал-адъютант, президент Императорской Российской Академии Наук (с 1889), поэт, подписывался инициалами К.Р.
- 160 Йованович Милан (1849–1935), юрист, педагог, литератор, общественный деятель, переводчик. Учился в Сремской Митровице, Сремских Карловцах, Нови-Саде, Будапеште. Преподаватель истории, географии, философии, математики, латыни, французского языка в гимназии в Нови-Саде (1873–1916), гонорарный преподаватель Женской гимназии (1919–1924), председатель Педагогического совета этой гимназии. Автор учебников.
- 161 Феофан (Гаврилов Федор Георгиевич, 1876–1943), архиепископ Курский и Обоянский (1917–1919). Эмигрировал в Королевство СХС (1920), жил в Сремских Карловцах, затем в монастырях на Фрушка-Горе (1921–1941). Секретарь Архиерейского Синода РПЦЗ (1924–1943).
- 162 Соловьев Александр Васильевич (1890–1971), историк славянского и византийского права, славист. Учился в Варшаве, Ростове-на-Дону, Белграде. Профессор Белградского университета. После Второй мировой войны первый декан Юридического факультета в Сараево. В 1951 был вынужден покинуть Югославию, выехал в Швейцарию. Профессор славистики Женевского университета (1952–1961).
- 163 Шапшаль Илья Федорович (1878–1949), врач-хирург. Доцент Новороссийского университета в Одессе. Эмигрировал в Болгарию (1920), а затем в Королевство СХС. Профессор анатомии Медицинского факультета Белградского университета (1921–1922). В 1924 г. возвратился в Софию.
- 164 *Divide et impera* (лат.) – разделяй и властвуй.
- 165 Русский гимн «Б.Ц.Х.»... – «Боже, Царя храни» – гимн Российской Империи до февральской революции.
- 166 Долазе, долазе (серб.) – идут, идут (букв. приходят).
- 167 Милованов Стеван (1855–1946), педагог. Учился в Нови-Саде и Будапеште. Преподаватель математики, физики и химии в Сербской гимназии (1878–1914), директор (1918–1920) женской гимназии в Нови-Саде. Автор учебников.
- 168 *Герцен А.И.* Дневник 1842–1845 // *Герцен А.И.* Собр. соч. в 9 тт. Т. 9. М., 1958. С. 34.
- 169 Маркович Лаза (1876–1935), врач, инспектор здравоохранения Воеводины, культурно-общественный деятель. Учился в Нови-Саде, Будапеште, Германии. В Нови-Саде занимался частной практикой (1904–1935), пользовался большим уважением. Во время Балканских (1912–1913) и Первой мировой войн военный врач. Основатель Сербского общества Красного Креста в Нови-Саде (1918).
- 170 Емельянов, консул при Российской миссии в Белграде (1920).
- 171 Коич, в 20-х гг. преподавательница новисадской женской гимназии.
- 172 Плищенко Павел Иванович (1881–1943/1944), врач. Окончил Медицинский факультет в Одессе (1908), старший врач Черноморского флота в Севастополе. С 1920 г. проживал в Королевстве СХС. Врач на курорте Враньска-Баня, в городе Нови-Сад, военный врач в Кратово (Македония).
- 173 Конституанта (серб.) – учредительное собрание.
- 174 Вербицкий о. Василий Дмитриевич (1854–1927), протоиерей Харьковского соборного храма (1881–1919). Протоиерей русского храма в Земуне под Белградом, 1921–1927.

- 175 Шишич Фердо (1869–1940), историк, педагог, политический деятель. Учился в Вене, Загребе. Профессор древней истории Загребского университета. Основной труд «История хорватского народа» (1906–1913).
- 176 Яворский Юлиан Андреевич (1873–1937), славист, историк, исследователь Карпатской Руси. Преподавал в Киевской I-й гимназии, приват-доцент Киевского ун-та. Редактор газеты «Прикарпатская Русь». С 1925 г. жил в Праге, где и скончался.
- 177 Билимович Антон Дмитриевич (1879–1970), математик. Профессор Новороссийского университета (1915–1920), профессор математики и теоретической механики Белградского университета, член Сербской Академии наук и искусств (с 1946).
- 178 Погодин Александр Львович (1872–1947), славист, историк литературы. Профессор Варшавского (1896–1906), Харьковского (1910–1920) и Белградского (1920–1944) университетов.
- 179 Матица Сербская, культурно-просветительская организация, была основана в 1826 г. для материальной поддержки журнала «Летопис», который издавался в Нови-Саде с 1824 г. В основе семантики названия лежал образ пчелиного улья (по-сербски одно из значений слова «матица» – пчелиная матка) как символ национального очага.
- 180 Радойичич Никола (1882, Кузмин, Срем – 1964, Белград), историк Югославии. Профессор Люблянского университета (1920–1941). Академик Сербской Академии наук и искусств.
- 181 Келеповский Аркадий Ипполитович (1870–1925), шталмейстер, чиновник при вел. кн. Сергее Александровиче. Бывший губернатор в Риге. Председатель русской колонии в Нови-Саде. В эмиграции служил чиновником на государственной службе.
- 182 Неделькович Вера, преподавательница истории и географии новисадской женской гимназии (1925–1927).
- 183 Беляева-Долинская Людмила Л. (Львовна?), оперная певица. В начале 1920-х гг. проживала в Нови-Саде, открыла частную школу вокала.
- 184 Сибирякова Варвара Александровна (ок. 1892 – ?), оперная певица. Солистка Новисадского (1920) и Белградского оперного театра.
- 185 Ширай Василий Сергеевич (1885–1960), офицер гвардии. Окончил юридический факультет, учился в Петербургской консерватории (класс пения). Солист Новисадской оперы, баритон (1920–1922). Из Королевства СХС с семьей выехал во Францию.
- 186 Григорьев Виктор Иванович (?–1925), полковник Генерального штаба, военный юрист, оперный певец (лирический тенор). Солист Новисадской оперы.
- 187 Мичатек Ольга, старшая дочь адвоката Людевита Мичатека.
- 188 Рот Лазарь, преподаватель немецкого языка новисадской женской гимназии (1921–1924).
- 189 Толстая, урожд. Философова, София Николаевна (1869–1934), невестка Л.Н. Толстого, первая жена Ильи Львовича Толстого («американца»). В начале 20-х гг. с группой родственников прибыла в Королевство СХС. Одно время проживала в Нови-Саде, где открыла мастерскую по пошиву белья.
- 190 Усов Сергей Сергеевич (1872–1943), сын приват-доцента Московского университета. Друг детства писателя Андрея Белого (Бориса Бугаева). В эмиграции служил чиновником на государственной службе. Вторым браком женился на сербке из Нови-Сада.
- 191 Невеждин И.Д., в начале 20-х гг. проживал в Нови-Саде.
- 192 Горская Вера Николаевна, оперная певица, меццо-сопрано. Член Московской оперы (Зимины?). Солистка Новисадской (1920–1922) и Загребской оперы. Преподаватель вокала в музыкальном училище в Загребе (с 1925).
- 193 Волконский (Верон-Волконский) Михаил, оперный певец, баритон. Солист Новисадской оперы (1921–1925).
- 194 Валина Валентина, прима-балерина Новисадской оперы (1921–1923).

- 195 Бурцев Владимир Львович (1862–1942), известный журналист, общественный деятель. С 1906 г. занимался разоблачением провокаторов в русском революционном движении.
- 196 Зиновьев Григорий Евсеевич (наст. фамилия Радомысльский, по др. сведениям Апфельбаум, 1883–1936), революционер, советский политический и государственный деятель.
- 197 Мощи св. Митрофана были вскрыты в 1919 г., мощи Тихона Задонского до 1931 г. находились в Задонском монастыре.
- 198 Стефанович Владимир-Влада, сын известного новисадского купца Любомира Стефановича (1842–1919). В 20-х гг. продолжил дело отца – держал богато оснащенный продуктовый магазин на главной улице Нови-Сада. Оказывал щедрую помощь русским беженцам.
- 199 Николаевич Сергей, русский оперный певец. Солист Новисадской оперы (1921–1925).
- 200 Задорин, в начале 20-х гг. проживал в Нови-Саде. Выступал на публичных вечерах, играл на балалайке.
- 201 Великий князь Николай Николаевич младший (1856–1929), Верховный Главнокомандующий русской армией в Первой мировой войне, с апреля 1919 г. проживал в Италии, с 1922 г. во Франции.
- 202 Гавриил (Чепур Григорий Маркелович, 1873–1933), архиепископ Челябинский и Троицкий (1918). Эмигрировал в Сербию через Константинополь (1920), жил на покое в Панчевском монастыре. Член Заграничного Архиерейского Синода (1922–1933). Специалист по истории православной литургики, богослужебному уставу и церковному пению.
- 203 Черепов Александр Николаевич (1877–1964), генерал-майор. Окончил Орловский им. Бахтина кадетский корпус, Одесское военное училище и вышел в 136-й пехотный Таганрогский полк. Полковник и командир 282-го пехотного Александрийского полка (1917), генерал-майор (1917). В Добровольческой армии командир 1-го добровольческого отряда, сформированного им в Ростове-на-Дону. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. Черноморский военный губернатор в Новороссийске (1919). Тяжело раненным был отправлен в Королевство СХС. Поселился в Нови-Саде, где возглавлял отдел Союза участников 1-го Кубанского похода. В 1941 г. со своим сыном и группой добровольцев из Нови-Сада одним из первых вступил в Русский охранный корпус, в котором командовал батальоном, затем – полком. После войны проживал в Мюнхене, а с начала 50-х гг. в США.
- 204 Махароблидзе Эзкакустодиан Иванович (1880-е гг. – 1960), церковно-общественный деятель. Окончил Тифлисскую духовную семинарию и факультет восточных языков Петербургского университета. Управляющий Канцелярией протопресвитера военного и морского духовенства. Из Болгарии прибыл в Королевство СХС. В Сремских Карловцах стал управляющим Канцелярией Высшего Церковного Совета, позднее – Св. Синода (1922–1931). Редактор журнала «Церковные ведомости» (1924–1930) и «Церковное обозрение» (1932; 1936–1939). Эмигрировал в Германию (1944). Член епархиального совета и епархиальный секретарь Германской епархии РПЦЗ (1950–1960), староста Св. Николаевского кафедрального собора в Мюнхене (1950–1960).
- 205 Бостунич Григорий В., публицист. В начале 20-х гг. проживал в Белграде, публично выступал с лекциями о масонстве и роли евреев в истории России. Уехал в Германию.
- 206 Трубецкой Евгений Николаевич, князь (1863–1920), религиозный философ, культуролог, общественный деятель. Окончил юридический факультет Московского университета, приват-доцент Юридического лица в Ярославле, доктор философских наук (1897). Профессор Киевского и Московского (1906–1918) университетов. Вступил в ряды Добровольческой армии. Автор «Воспоминаний» (София, 1921).
- 207 *Гиппиус* З. Литературный дневник (1899–1907). СПб., 1908.
- 208 Петров Григорий Спиридонович (ок. 1868–1925), писатель-публицист, священник, религиозный оратор. Член II Госдумы, прогрессист, был близок к кадетам. Лишен священни-

- чешского сана (1908). В эмиграции жил в Болгарии и Королевстве СХС, объезжая города и деревни, читал лекции.
- 209 Хаджи Константин-Коста (1868–1942), доктор юридических наук. Известный новисадский адвокат, русофил, всесторонне оказывал помощь русским беженцам в Нови-Саде.
- 210 Мармарош-Сегедские процессы (1912 и 1914 гг.), судебные процессы, инспирированные австро-венгерскими властями над закарпатскими священниками и рядовыми православными русинами, обвиненными в государственной измене.
- 211 Баковский Олдрих Адольфович, чех, магометанского вероисповедания. Владелец салона легковых машин в Нови-Саде, супруг Веры Ильиничны Толстой (внучки А.Н. Толстого). Брак был расторгнут.
- 212 Толстая, в зам. Баковская, Вера Ильинична (1903–1999), внучка А.Н. Толстого, дочь Ильи Львовича Толстого («американца»). С матерью С.Н. Толстой выехала в Королевство СХС. В 1921 г. окончила Харьковский девичий институт в г. Нови-Бечей (Королевство СХС), вышла замуж за чеха Олдриха Адольфовича Баковского (брак вскоре был расторгнут). Из Нови-Сада уехала в Прагу, а затем в Париж, где под именем Вера Тол (Вера Мансурова) стала эстрадной певицей. При содействии Толстовского фонда в Нью-Йорке после Второй мировой войны переехала на жительство в США. Работала на радио «Голос Америки». В 1991 г. посетила Ясную Поляну.
- 213 Сиротинин Василий Николаевич (1856–1934), врач-терапевт, лейб-медик. Профессор Военно-медицинской академии в СПб. (с 1894). Военный врач в Белграде (1921–1924). С 1924 г. жил во Франции.
- 214 Комаровский Леонид Сергеевич, граф. С родителями в начале 20-х гг. проживал в Нови-Саде.
- 215 Траснянский Александр Михайлович (ок. 1884 – 1936), оперный певец, артист Большого театра в Москве. Окончил Новочеркасское духовное училище, Донскую семинарию, Мариупольскую гимназию. Солист Новисадской оперы (1921–1924). Уехал в Италию, где был регентом в Флорентинском соборе. Последние годы прожил в Париже, служил в одном из частных банков.
- 216 Фигуровский Павел Александрович (1889–1959), есаул Кубанского Казачьего Войска. Регент Оперного хора, церковных и любительских хоров в Нови-Саде.
- 217 Погорецкий Николай Прокофьевич, инженер-механик. В 20-е гг. работал в городском Управлении строительными работами Нови-Сада.
- 218 Ермаков Евгений Федорович (1869–1946), инженер. Епархиальный архитектор в Киеве. Жил в Нови-Саде, чиновник Управления строительными работами.
- 219 Позднякова Эмилия Целестиновна (ок. 1870 – 1927), вдова. Жила в Нови-Саде.
- 220 Харченко Геронтий Гаврилович (ок. 1880 – 1941), врач, крупный помещик, сахарозаводчик. С супругой Марией Ивановной поселился в Нови-Саде. Избирался председателем новисадской русской колонии.
- 221 Харченко, урожд. Хоружинская, Мария Ивановна (1888–1963), супруга Г.Г. Харченко. Председательница Дамского русско-сербского благотворительного комитета в Нови-Саде.
- 222 Колович Бранислав, бывший секретарь посольства Королевства Сербии в Петербурге.
- 223 Скаржинский Петр Васильевич (?–1957), статский советник, камергер, черниговский губернатор. В эмиграции жил в Белграде. Председатель Общества распространения русской национальной и патриотической литературы. Председатель Высшего монархического совета. Под конец Второй мировой войны покинул пределы Югославии.
- 224 Петрович Матвей Антонович, бывший редактор «Жизни Воыни» (Житомир). В начале 20-х гг. жил в Белграде.
- 225 Брких Лазарь, чиновник Министерства просвещения Королевства СХС (1921).
- 226 Марков Николай Евгеньевич (Марков 2-й) (1866–1947), общественно-политический деятель, землевладелец, член III и IV Государственной Думы. Один из лидеров монархиче-

- ских организаций «Союз русского народа» и «Союз Михаила Архангела». В эмиграции руководитель Высшего монархического совета (до конца 1922), лидер русских монархистов в Берлине.
- 227 Локоть Тимофей Васильевич (1869–1942, Земун), агроном-лесовод и селекционер. Профессор Ново-Александринского сельскохозяйственного института. Член I Государственной Думы от Черниговской губернии, трудовик. В 1920 г. эмигрировал в Королевство СХС. Профессор Белградского университета.
- 228 Трепов Александр Федорович (1862–1928), член Государственного совета, статс-секретарь, егермейстер при императрице Александре Федоровне, председатель Совета министров, министр путей сообщения.
- 229 Безобразов Владимир Михайлович (1857–1932), генерал-адъютант, генерал от кавалерии.
- 230 Гербель Сергей Николаевич (ок. 1856 – 1939), гофмейстер Высочайшего Двора. Член Государственного совета. В эмиграции жил в Белграде.
- 231 Ирманов (Ирман) Владимир Александрович (1852–1931), генерал от артиллерии. Комендант Владивостокской крепости (1906). С семьей проживал в Нови-Саде. Начальник Новисадского района Корпуса Императорской Армии и Флота.
- 232 Пряслов Вячеслав Сергеевич (?–1923), полковник. Жил в Киеве, в эмиграции жил в Сремских Карловцах.
- 233 Розов Владимир Алексеевич (1876–1940), историк, литературный критик, публицист. Окончил Историко-филологический факультет Киевского университета. Приват-доцент Киевского университета (с 1906), профессор Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине, профессор Таврического университета. С 1920 г. в эмиграции в Королевстве СХС. Преподаватель гимназии и духовной семинарии в Сремских Карловцах. Лектор русского языка на Философском факультете в Скопле, а с 1930 г. в Загребе.
- 234 Кармазов В.А., киевлянин. В эмиграции жил в Королевстве СХС, состоял секретарем русской колонии г. Тител (1921).
- 235 Феофан (Быстров Василий Дмитриевич, 1874–1940), архиепископ Полтавский и Переяславский (1913), магистр богословия и доктор Петербургской Духовной академии (1909). Эмигрировал в Королевство СХС (1920), жил в монастыре Гргетег, настоятель монастыря Петковица (1923–1925). Переехал в Болгарию (1925–1931), затем жил в Кламаре под Парижем (1931), а с 1939 г. вблизи г. Тур, где жил затворником в пещере.
- 236 Екатерина (графиня Ефимовская Евгения Борисовна, 1850–1925), основательница (1885) и игуменья Св. Богородицкого Леснинского женского монастыря в Седлецкой губернии (Польша). В начале Первой мировой войны монахини были эвакуированы в Петроград, затем – в Кишиневскую губернию, а с осени 1920 г. нашли приют в Королевстве СХС, в сербском монастыре Ново-Хопово на Фрушка-Горе.
- 237 Нина (Косаковская Наталия Григорьевна, ?–1949), игуменья. С 1908 г. соигуменья Св. Богородицкого Леснинского монастыря в Седлецкой губернии (Польша), с осени 1920 г. нашедшего приют в монастыре Ново-Хопово в Королевстве СХС.
- 238 Князь Ухтомский – Андрей (Ухтомский Александр, 1872–1937), выпускник Московской духовной академии (1895), инспектор Александровской миссионерской семинарии (1897). Наблюдатель Казанских миссионерских курсов в сане архимандрита (1899). Епископ Сухумский (1911), епископ Уфимский и Мензелинский (1913). Епископ Томский (1921), в управление епархией не вступил. Арестован (1922), сослан в Среднюю Азию (1923), перешел к старообрядцам (1925). В 20–30-х гг. неоднократно пребывал под арестом. Расстрелян в Ярославской тюрьме (1937). Реабилитирован (1989).
- 239 Каракашевич Бояна, преподавательница математики и физики новисадской женской гимназии (1919–1923, 1945–1947).

- 240 Поздняков Александр Николаевич (1870–1942), врач-гинеколог. Окончил Медицинский факультет Казанского университета (1895). Управляющий городской больницы в г. Орск (1897). Военный врач Акушерско-гинекологической клиники Киевского университета. Возглавлял Русский госпиталь в Тунисе (1920). С начала 20-х гг. жил в Королевстве СХС, в Белграде (1924–1942). Гинеколог поликлиники Российского Красного Креста в Белграде (1927–1942).
- 241 Анастасий (Грибановский Александр Александрович, 1873–1965), епископ и архиепископ Кишиневский и Хотинский (1915 и 1916), наблюдатель за делами Русской духовной миссии в Палестине (1925–1936), митрополит (1935). Первоиерарх РПЦЗ (1936–1965).
- 242 Суплент (серб.) – младший преподаватель гимназии.
- 243 Спекторская Мария Константиновна (ок. 1862 – 1922), жена Е.В. Спекторского, ректора университета Св. Владимира в Киеве.
- 244 Попович Павле (1868–1939), известный сербский историк литературы. Учился в Белграде, Женеве, Париже. Профессор Белградского университета (1905–1938).
- 245 Пашеног (серб.) – свояк.
- 246 Рибар Иван (1881–1968), юрист, хорватский политик, доктор юридических наук (1904). Учился в Загребе, Праге, Вене. Приверженец объединения южных славян. Один из основателей Демократической партии. Председатель парламента Королевства СХС (1920–1922). В 1939 г. принимал участие в формировании Общества дружбы Югославии с СССР и состоял его председателем. Член компартии Югославии, состоял при Верховном штабе Тито. После Второй мировой войны председатель Народной Скупщины Югославии (1946–1953).
- 247 Краснощеков А.М. (Тобельсон, 1880–1937), один из руководителей борьбы за установление коммунистического режима на Дальнем Востоке.
- 248 Дягилев Сергей Павлович (1872–1929), русский художественный и театральный деятель.
- 249 Розеншильд фон Паулин, в зам. Сердюкова, Александра Анатольевна (1893–1978), педагог, литератор, поэт, литературный критик. Училась в Царском Селе и Петербурге. С семьей в 1920 г. эмигрировала в Королевство СХС. Преподаватель французского языка в гимназии в Которе и в женской гимназии в Нови-Саде, а после войны – французского и русского языков в гимназии. Первый председатель Новисадского отделения «Русской Матицы» (1925–1927). Редактор всех новисадских изданий «Русской Матицы». Преподавала русский язык в Русской начальной школе и Русской реальной гимназии Союза городов в Нови-Саде. Занималась литературной деятельностью, сотрудник сербских и русских газет и литературных журналов в Югославии.
- 250 Живонович Йован (1870–1926), преподаватель, драматург, литературовед. Учился в Нови-Саде и Будапеште. Преподаватель сербского и немецкого языка. Первый мэр Нови-Сада после Первой мировой войны, директор мужской гимназии (1924–1926).
- 251 Вандышева Митродора Васильевна, урожденная Скрынченкова (1865, с. Песковатка Воронежской губернии – после 1934 г.), сестра Дмитрия Васильевича Скрынченко.
- 252 Данилович Василие-Васа, в начале 20-х гг. преподаватель и директор новисадской мужской гимназии.
- 253 Маринкович Владимир, экзаменатор по географии выпускниц новисадской женской гимназии.
- 254 Петрович Велько (1884–1967), известный сербский писатель, историк литературы, переводчик, военный корреспондент. Учился в Сомборе, Будапеште. Служащий Министерства просвещения в Белграде по вопросам культуры (с 1920), директор культурной редакции Белградского радио. В годы Второй мировой войны был заключен в лагерь. После войны директор Национального музея в Белграде (1945–1962), председатель Матицы Сербской (1953–1956).
- 255 Сражение между сербскими и турецкими войсками в ходе Первой Балканской войны 23–24 октября 1912 г., закончившееся победой сербов.

- 256 Гольцев-Богданов Варлаам Васильевич (1879–1955), есаул Кубанского казачьего войска. Чиновник в Нови-Саде.
- 257 Добровольский Григорий Григорьевич, полковник гвардии. Офицер Елисаветградского кавалерийского училища. В 20–30-х гг. проживал в Белграде.
- 258 Стефанович Жарко (1875–1952), доктор юридических наук, адвокат. Мэр Нови-Сада (1921–1925).
- 259 Турецкий султан Мехмед II в 1453 г. взял Константинополь, что означало падение Византии.
- 260 Юренев Георгий Матвеевич (1891–1963), оперный певец, баритон, педагог. Окончил Московскую консерваторию. Дебютировал в 1917 г. Совершенствовался в Италии и Франции. Солист Белградской оперы (1921–1928) и Русской оперной труппы князя Церетели в Париже. После Второй мировой войны преподавал вокал в Брюсселе.
- 261 Волевач (Валевач) Неонила Григорьевна (1891 – ок. 1980), оперная певица, сопрано. Солистка Мариинского театра в Петрограде (1914–1920). Солистка Белградской оперы (1921–1928). Пела в «Русской опере» в Париже (1929–1937).
- 262 Вилич Марко (1877–1943), юрист, общественно-политический деятель, редактор газеты, преподаватель. Учился в Нови-Саде и Будапеште. Преподаватель латыни, географии и истории в гимназии (1904–1920), директор женской гимназии в Нови-Саде (с января 1923 г.).
- 263 Николич Коста (1893–1963), священник, педагог, регент, театральный критик. Учился в Нови-Саде и Сремских Карловцах. Преподаватель Закона Божьего в новисадской женской гимназии (1919–1925) и мужской гимназии (1925–1933). С 1933 г. жил в Белграде. Во время Второй мировой войны в Нови-Саде был арестован, перебрался в Тимишвару (Румыния), в 1948 г. вернулся в Югославию, был преподавателем югославской литературы в г. Пула (Хорватия).
- 264 Смарагд (Латышенко), архимандрит. Ректор Холмской Духовной семинарии. Ярый противник самостоятельности православной церкви в Польше. В 1923 г. убил митрополита Варшавского и Польского Георгия, выступавшего за автокефалию.
- 265 Заболотный Аркадий Моисеевич (1872–1928). Генерал-майор Генерального штаба. Служащий Управления строительными работами в Нови-Саде. Занимался денежными переводами и отправлением продуктовых посылок в Советскую Россию.
- 266 Арсеньев Николай Сергеевич (1888–1977), доктор богословия, историк, религиозный мыслитель, деятель экуменического движения. Профессор Саратовского (1919–1920), Кенигсбергского (1921–1924), Рижского, Варшавского (1926–1938) университетов, Парижского православного института Св. Дионисия (1945–1948), Св. Владимирской Духовной академии в Нью-Йорке (1948) и Монреальского университета. Председатель Русской академической группы в США (1970–1977).
- 267 Кумануди Коста (1875–?), юрист, политический и общественный деятель. Министр финансов (1921–1923), просвещения (1923), мэр города Белграда.
- 268 О родительским зборовима и комитетима // Гласник Професорског друштва. Београд, 1923. Књ. III. С. 1–4.
- 269 Гермоген (Максимов Григорий Иванович, 1861–1945), епископ Екатеринославский и Черноморский (1919). В эмиграции проживал в Сербии в разных монастырях Фрушка-Горы, близ Сремских Карловцев. Во время Второй мировой войны возглавлял самозваную Хорватскую православную церковь в звании митрополита Загребского и всей Хорватии (1942), за что был запрещен в священнослужении Архиерейским Синодом РПЦЗ. В конце войны был арестован и расстрелян.
- 270 Синькевич Федор Николаевич (1876–1945), священник, протоиерей. Окончил Киевскую Духовную академию (1904). В эмиграции в Сербии (с 1920). Настоятель русских приходов в Нови-Саде (1921–1924), Белой Церкви (1924–1927), Земуне (1927–1937).

- 271 Аносов Иван Александрович (1883–1953), инженер-технолог, священник, писатель, поэт. Окончил Харьковский технологический институт. В Белграде служил в Гидротехническом отделе и преподавал в техникуме. Участник 1-го и 2-го зарубежных церковных соборов. Эмигрировал в Мюнхен (1945), священник (1948), переехал в США (1950), преподаватель Троицкой Духовной семинарии в Джорданвилле (1951–1953), духовник Покровской женской обители в Блафоне (1953).
- 272 Миревич Сергей Васильевич (1892–1955), полковник гвардии. В эмиграции в Нови-Саде чиновник на государственной службе.
- 273 Комаровский Сергей Леонидович (1877–?), граф. С супругой Марией Петровной и четырьмя детьми в начале 20-х гг. проживал в Нови-Саде. Председатель Литературно-художественного кружка.
- 274 Стамболийский Александр (1879–1923), болгарский политический и государственный деятель.
- 275 Новгородцев Павел Иванович (1866–1924), философ права, историк, публицист, статский советник. Профессор Московского университета, директор московского Коммерческого института и профессор Высших женских курсов. Первый декан Русского юридического факультета в Праге.
- 276 *Бердяев Н.А.* Конец Ренессанса // София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии. Сборник / Под ред. Н.А. Бердяева. Берлин, 1923. С. 21–46.
- 277 Шретер Георгий (Юрий) Николаевич (1888–1976), инженер-архитектор. Окончил архитектурное отделение Института гражданских инженеров Императора Николая I в Петербурге (1914). В военные годы строил военный госпиталь в Одессе. Весной 1919 г. с семьей эмигрировал в Королевство СХС. В Нови-Саде служил в городском Управлении строительными работами, а позднее работал на армию и в штабе военной авиации. В середине 30-х гг. переведен с штабом в Земун (пригород Белграда). Проектировал и строил жилые дома, виллы, общественные здания и военные объекты на территории Югославии. В Нови-Саде преподавал рисование в Русской реальной гимназии (1922–1928). Во время Второй мировой войны работал в строительной фирме в Граце (Австрия), строил в Словении. В 1948 г. с дочерью и зятем (архитектором) переехал в Чили, где продолжил работу по специальности.
- 278 Радецкий Йозеф (1766–1858), австрийский военачальник и государственный деятель, в 1831–1857 гг. главнокомандующий австрийской армией в северной Италии.
- 279 Ошибка. Конгресс Священного Союза проходил в Любляне (Лайбахе) в январе–марте 1821 г.
- 280 Кнорринг Владимир Романович, фон (1861–1938), барон, генерал-лейтенант. Окончил Пажеский корпус, кавалергард. Служил в гвардейской кавалерии. Шталмейстер Высочайшего двора.
- 281 Трубецкой Владимир Владимирович (1868–1931), князь. Капитан 1-го ранга (контр-адмирал Черноморского флота – ?). Окончил Морской корпус в Петербурге (1891). В эмиграции жил в Королевстве СХС, в Словении, где занимался торговлей.
- 282 Статуты – наименование группы законодательных и правовых памятников Средневековья.
- 283 Лойко Иван Александрович (1892–1936), военный летчик, полковник. Участник Первой мировой войны и Белого движения. По эвакуации из Крыма в 1920 г. обосновался в Королевстве СХС, в Нови-Саде, где, вместе с многими русскими летчиками, был принят на работу летчиком Югославской военной авиации. С летчиком-механиком Павлом Федотовичем Качаном на самолете совершил побег-полет в Советскую Россию. Перипетии этого угона самолета и судьбы летчиков описаны в книге: *Лойко А.Н., Лойко Е.Н., Лойко А.Н.* Неоконченная повесть: История о русском летчике Иване Лойко. Томск, 2006.
- 284 Лабинский Кирилл Алексеевич (1887–1967), гвардии капитан Егерского полка. В межвоенные годы жил в Нови-Саде.
- 285 Ежедневная газета «Вера и верность» выходила в Нови-Саде в 1923–1925 гг.

- 286 Бехтеев Сергей Сергеевич (1879–1954), поэт, монархист. Учился в Александровском лицее. В начале 1920-х гг. с семьей проживал в с. Футог, близ Нови-Сада. Редактор новисадской монархической газеты «Вера и верность» (1923–1925). Переехал во Францию. Сборники его поэзии публиковались в Сербии, Германии, Франции, а с недавнего времени переиздаются в России.
- 287 Йованович-Змай Йован (1833–1904), известный сербский поэт-лирик, врач, культурно-общественный деятель. Учился в Нови-Саде, Братиславе, Вене, Будапеште, Праге.
- 288 Копитар Йерей (1780–1844), выдающийся словенский филолог, публицист. Учился в Любляне, Вене.
- 289 Стефан (Стратимирович, 1757–1836), митрополит Сербской православной церкви. Учился в Нови-Саде, Будапеште, Вене. Архимандрит монастыря Крушедол (1784), епископ Будапештский (1786), митрополит Карловацкий (1790), борец против унии. Много сделал в плане сербского просвещения. Основатель семинарий, епархиальных школ, гимназий, боролся за освобождение сербского народа от турецкого ига и венгеро-австрийской зависимости, за восстановление сербского государства под защитой России. Занимался вопросами языка, этнографией, историей. Основал так наз. «Карловацкий круг» – общество ученых, создал ценную библиотеку.
- 290 Вандышев Николай Георгиевич (1890 – после 1935 г.), сын М.В. Вандышевой.
- 291 Статья Д.В. Скрынченко под псевдонимом Д. *Залужный*. Слышишь ли, батько? // Вера и верность. 1923. № 8.
- 292 Суворин Михаил Алексеевич (1860–1936), журналист, драматург. Сын издателя А.С. Суворина. Редактор «Нового времени» в Санкт-Петербурге (с 1904). В эмиграции издавал в Белграде газету «Новое время» (1921–1930).
- 293 Ляуданский Валентин Андреевич, доктор (врач?), приват-доцент. В начале 20-х гг. проживал в Белграде.
- 294 Санкович Йован-Йоца, преподаватель философии женской гимназии (1923).
- 295 Приходченко Михаил Степанович (1885–1923), подпоручик, чиновник. В Нови-Саде играл в русских оркестрах балалаечников. В ресторане убил трех русских музыкантов и трех музыкантов ранил, затем застрелился. Преступление совершил в приступе ревности.
- 296 Волконский Николай Петрович, князь (1897–1924), поручик лейб-гвардии Гусарского полка. Военный чиновник в Нови-Саде. Убит венгром-солдатом на службе в Югославской армии.
- 297 Жупан (серб.) – начальник области.
- 298 «...В игре художественников...» – имеется в виду Московский Художественный театр.
- 299 Германова Мария Николаевна (1884–1940), русская актриса, с 1919 г. в эмиграции.
- 300 Масалитинов Николай Осипович (1880–1961), русский актер, режиссер, педагог.
- 301 Грич Йован. В 20-е гг. преподаватель в новисадской Сербской гимназии.
- 302 Степанов Филипп Петрович (1857–1933), тайный советник, прокурор Московской синодальной канцелярии, камергер Высочайшего Двора, паж. Помещик Тульской губ. Преподаватель математики в женской гимназии в Нови-Саде. Библиотекарь новисадского отделения «Русской Матицы». Король Сербии Петр I Карагеоргиевич в 1908 г. пожаловал ему орден Св. Саввы 2-й ст. за помощь, оказываемую сербским храмам (книги, церковная утварь) и сербской учащейся молодежи в России.
- 303 Хрвачанин Йованка (1899 – ок. 1990), публицист, педагог, переводчик, поэт, редактор книг для детей. Преподаватель сербского, французского языка и истории в новисадской женской гимназии (1925–1931).
- 304 Попова Елизавета (Лиза) Ивановна (1883–1967), оперная певица, сопрано. Солистка Мариинского театра в Петербурге (1912–1918), Москве (1918–1919), Белградской оперы (1922–1942). После Второй мировой войны выехала в СССР.

- 305 Пашчан Надежда, преподавательница сербского языка, истории и географии новисадской женской гимназии (1925–1930, 1936–1940). Жена музыковеда Светолика Пашчана.
- 306 Статья Д.В. Скрынченко под псевдонимом Д. *Залужный*. Смута 300 лет назад и ее главные причины // Вера и верность. 1924. 22 дек. № 70. С. 2–3.
- 307 Беловидов о. Петр (1869–1940), протопресвитер. Основатель и первый настоятель русско-го прихода (1921) и храма Св. Троицы в Белграде (1924–1940). Член 1-го и 2-го зарубежного церковного собора в Сремских Карловцах.
- 308 Максич Невенка, преподавательница новисадской женской гимназии (1923–1925).
- 309 Грба Невенка, преподавательница математики, химии, философии и чистописания в новисадской женской гимназии (1925–1940).
- 310 Сухотин Лев Михайлович (1879–1948), историк, педагог, культурный деятель. Окончил Московский университет. Преподаватель и директор Русско-сербской гимназии в Белграде. Автор книг и учебников истории для русских и югославских школ.
- 311 Нелюбов Алексей (1879–1937), протоиерей. Духовник обители Свято-Богородицкого женского монастыря в монастыре Хопово на Фрушка-Горе (Сербия).
- 312 Миросавлевич Велько-Веля (1868–1930), протоиерей, педагог, историк Сербской церкви, переводчик (А. Чехова и др.). Учился в Нови-Саде, Осиеке, Сремских Карловцах, Клуже (Румыния). Преподавал Закон Божий в гимназиях, настоятель Успенского храма в Нови-Саде (1898–1930).
- 313 Успенский Леонид Митрофанович (1884–1925), полковник Кубанского казачьего войска. С супругой Софией Севериновной проживал в Нови-Саде.
- 314 ШрETER Мария Александровна (1890–1929), супруга архитектора Юрия Николаевича ШрETERа. На их новисадской квартире встречались артисты, литераторы, музыканты-любители, заезжие гастролеры.
- 315 Курочкин Владимир Семенович (1883–1943), живописец, иконописец. Окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Преподавал рисование в гимназиях Одессы, работал в городском музее Одессы. В эмиграции жил в Нови-Саде, где преподавал рисование в мужской гимназии (1922–1930), в гимназии Сремских Карловцев (1931–1933), в новисадской женской гимназии (1933–1930) и прочих училищах Нови-Сада. Участвовал в выставках русских и югославских художников.
- 316 Балубджич Мирко (1884–1948), священник, преподаватель. Учился в Нови-Саде, Будапеште, Сремских Карловцах, Загребе, Белграде. Преподавал Закон Божий в Сомборе (1906–1908), Пакраце (1908–1909), служил священником (1910–1915). В Нови-Саде преподаватель мужской гимназии (1919–1923), третий директор женской гимназии (1925–1927), затем директор мужской гимназии (1927–1933), в Белграде начальник отделения по средним учебным заведениям Министерства просвещения (1932–1936) и директор мужской гимназии им. Короля Александра I-го (1933–1941).
- 317 Травань Гавра, преподаватель новисадской женской гимназии (1920–1925).
- 318 Чехович, урожд. Журкина-Бабадьян, Эмма Е. С супругом эвакуировалась из Одессы в Королевство СХС. Преподавательница сербской женской гимназии в Нови-Саде.
- 319 Чехович Евгений Петрович, преподаватель Коммерческого училища «Трговачка академия» в Нови-Саде.
- 320 Лашкарева (Лошкарева) Аделаида Павловна, жена полковника гвардии. В начале 20-х гг. в Нови-Саде давала обеды русским беженцам.
- 321 Соколова, урожд. Жуковская, Стефания Ромуальдовна (1894–?), зубной врач в Нови-Саде.
- 322 Скоропадский Георгий Васильевич (1873–1925), юрист. Почетный мировой судья. Член III и IV Государственной Думы, октябрист. В эмиграции жил в Нови-Саде, работал чиновником на государственной службе.

- 323 Мельгунов Михаил Эрастович (1869–1926), генерал-лейтенант. В Добровольческой армии начальник штаба войск Юго-Западного края. В эмиграции чиновник на государственной службе в Нови-Саде.
- 324 Чубинский Михаил Павлович (1871–1941), юрист-криминалист. Профессор Петербургского университета. В эмиграции профессор Юридического факультета в Суботице (при Белградском университете). Составитель и комментатор законов Королевства СХС.
- 325 Пашич Радомир, сын Николы Пашича.
- 326 Стоядинович Драгиша (1886–?), юрист, журналист. Инспектор Министерства торговли и промышленности (1918), сотрудник многих газет. Его статьи доводили до потрясений в рядах политических партий.
- 327 Нилус Сергей Александрович (1862–1929), русский духовный писатель и общественный деятель.
- 328 Гинцберг Ашер (1856–1927), еврейский мыслитель и публицист, идеолог «культурного сионизма».
- 329 Димитриевич Дракутин-Апис (1876–1917), полковник сербской армии. Организатор военного заговора и убийства сербского короля Александра Обреновича и королевы Драги (1903), после чего на сербский трон снова вступила династия Карагеоргиевичей.
- 330 Терпигорев С.Н., псевдоним Атава (1841–1895), русский писатель, автор книги «Оскудение. Очерки, заметки и размышления тамбовского помещика».
- 331 «Протоколы сионских мудрецов», появившийся в начале XX в. сборник текстов, представленный как протоколы докладов участников некоего сверхсекретного конгресса всемирной еврейской организации, ставящей целью превратить мир в единое государство под управлением евреев. Признаны фальшивкой.
- 332 Герцль Теодор (1860–1904), основатель политического сионизма и создатель Всемирной сионистской организации.
- 333 Нордау Макс (1849–1923), немецкий писатель, философ, критик.
- 334 Берлиц Максимилиан (1852–1921), немецкий лингвист и педагог, разработчик методики обучения иностранным языкам.
- 335 Радич Степан (1871–1928), видный хорватский политик и публицист. Учился в Загребе, Карловаце, Праге, Будапеште, Париже. Основатель Хорватской народно-крестьянской партии (1904), позднее Хорватской крестьянской партии.
- 336 Малахов Нил Михайлович (1884–1934), протоиерей, кандидат богословия. Окончил Петербургскую Духовную академию. Эмигрировал в Королевство СХС. Преподавал в Русском кадетском корпусе в Сараево. Позднее профессор Духовной семинарии в Сремских Карловцах (с 1924), одновременно состоял настоятелем русского прихода в Нови-Саде (1924–1934).
- 337 Курочкина, урожд. Британова Лидия Герасимовна (1892–1961), жена художника В.С. Курочкина, солистка русского церковного хора в Нови-Саде (сопрано).
- 338 Есаулов Павел Степанович, полковник Кубанского казачьего войска. С супругой, Верой Васильевной, в 1920–30-е гг. проживал в Нови-Саде.
- 339 Григорьев Василий Федорович (1884–1970), капитан. Войсковой старшина Кубанского казачьего войска. Регент русского церковного хора в Нови-Саде, секретарь отделения «Русской Матицы» в Нови-Саде.
- 340 Ковалевский Николай Викторович (1869–1926), статский советник, мировой судья Киевского округа. Гласный Городской думы. В эмиграции чиновник на государственной службе в Нови-Саде.
- 341 Крстич Видосава, преподавательница сербского, французского языков и географии новисадской женской гимназии (1925–1928).
- 342 Трускова Людмила, чешка. Преподавательница гимнастики новисадской женской гимназии (1925–1932).

- 343 Штросмайер Иосип Юрай (1815–1905), римо-католический епископ, хорватский политический и культурный деятель, сторонник югославизма. Инициатор создания Югославянской Академии наук и искусств (1867) и Загребского университета (1874). Содействовал развитию культурных связей Хорватии с Россией. Почетный член Московского университета (1875).
- 344 Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933), историк, публицист. Приват-доцент Московского университета, член I Государственной Думы. В 1922 г. выслан из Советской России. С 1923 г. профессор русской истории Русского юридического института и Карлова университета в Праге.
- 345 *Яхонтов А.Н.* Тяжелые дни. Секретные заседания Совета Министров. 16 июля – 2 сентября 1915 года // Архив Русской Революции. Т. VXIII. Берлин, 1926.
- 346 Рузский Николай Владимирович (1854–1918), генерал от инфантерии. В первую мировую войну командовал армией, войсками Северного фронта, поддержал отречение Николая II. Как заложник расстрелян в Пятигорске.
- 347 Гоцинский Северин (1801–1875), польский поэт-романтик, автор поэмы из жизни гайдамаков «Каневский замок».
- 348 Чарторижский Адам (1770–1861), польский и русский государственный деятель, после польского восстания 1830–1831 гг. в эмиграции. Отель «Ламбер» – парижская резиденция А. Чарторижского.
- 349 Неточная цитата из поэмы Н.А. Некрасова «Русские женщины».
- 350 Алмазов Борис Николаевич (1827–1876), русский поэт-пародист.
- 351 Отрывок письма Н.В. Стороженко к Дмитрию Скрынченко приведен в его мемуарах: *Стороженко М.В.* «3 мого життя». К., 2005. С. 425–428.
- 352 Шульгина, урожд. Градовская Екатерина Григорьевна (1879–1934), журналист, сотрудник газеты «Киевлянин». Первая супруга В.В.Шульгина. Зимой 1921 г. перешла польскую границу и прибыла в Белград. В состоянии депрессии покончила жизнь самоубийством. Похоронена в Любляне.
- 353 Шульгин Дмитрий Васильевич, сын В.В. Шульгина и Екатерины Григорьевны Шульгиной. В 30-е гг. жил в Любляне, а после Второй мировой войны в США.
- 354 Стефанович Велимир (1880–1944), историк, культурно-общественный деятель, преподаватель латыни и истории. Директор гимназии в Сремских Карловцах (1929–1932) и мужской гимназии в Суботице (1932–1941).
- 355 Секулич Исихора (1877–1958), сербская писательница, литературный критик, переводчик, педагог. Считается одной из самых культурных женщин сербского народа. Училась в Нови-Саде, Сомборе, Будапеште. Докторскую диссертацию защитила в Гейдельберге. Подолгу жила в Англии, Франции и Норвегии.
- 356 Сердюков Михаил Михайлович (1881–1943/1944), ротмистр, железнодорожный чиновник. Жил в Нови-Саде.
- 357 Соловьев Михаил Алексеевич (1877–1950), юрист. Судья Округного суда в Нови-Саде. Проживал в Нови-Саде (1923–42). После Второй мировой войны жил у своих двух дочерей в Цавтате.
- 358 Смирнов Николай Михайлович (1870–1939), юрист. Прокурор Тифлисской и Московской Судебной палаты. В эмиграции с семьей проживал в Нови-Саде.
- 359 Малахова Мария Ивановна (1889–1964), матушка о. Нила Малахова.
- 360 Карташов Антон Владимирович (1875–1960), протоиерей, богослов. Последний прокурор Св. Синода (1917). Министр исповеданий Временного правительства (1917). Эмигрировал во Францию (1919). Один из основателей Русского православного богословского комитета в Париже (переименованного в Св. Сергиевскую духовную академию), где преподавал. Автор книг «Очерки по истории Русской церкви» (1959), «Вселенские соборы» (1963) и др.

- 361 Ваврик Василий Романович (1889–1970), выдающийся галицко-русский писатель, литературовед, историк, представитель галицко-русского движения, утверждавший историческое единство Галиции и России.
- 362 Пуммер Вильма, преподавательница рисования новисадской женской гимназии (1925–1939).
- 363 «...Находящегося в тесном контакте смежду прочим с И.М.Хр.А.» – имеется в виду американская молодежная организация YMCA (Young Men's Cristian Association), во главе которой стоял масон Дж. Мотт, финансировавший практически всю деятельность Свято-Сергиевского института в Париже.
- 364 Шаховской Иоанн (Дмитрий Алексеевич, князь, 1902–1989), архиепископ. Окончил Историко-филологический факультет Лувенского университета в Бельгии (1926). Пострижен в монашество (1926), иеромонах (1927), помощник настоятеля русского храма и законоучитель в Крымском кадетском корпусе в Белой Церкви (1927–1930). Строитель русского храма Св. Иоанна Богослова в Белой Церкви, основатель Православно-миссионерского издательства в Белой Церкви (1928–1930). С 1930 г. разъездной священник во Франции, настоятель Св. Владимирского храма в Берлине (1932–1945), игумен, архимандрит (1935). С 1945 г. жил в США. Настоятель русского храма в Лос-Анджелесе (1946–1947), епископ Бруклинский, ректор Св. Владимирского богословского института в Нью-Йорке (1947), епископ (1950) и архиепископ (1961) Сан-францисский.
- 365 Залесский Богдан (1902–1986), польский поэт-романтик «украинской школы».
- 366 Ошибка. П.А. Валуев издал циркуляр, приостановивший публикацию книг на малороссийском языке за исключением принадлежавших к области изящной словесности. В 1876 г. Александр II, находясь в Эмсе, подписал указ о запрете издания книг на малорусском языке.
- 367 Жак Нуар – псевдоним Якова Окснера (1888–1941), поэта-сатирика, фельетониста. Печатался в популярных русских журналах, после 1917 г. работал в Кишиневе, с 1936 г. жил в Бухаресте.
- 368 Мадлен Луи (1871–1956), французский историк, автор 16-томного труда «История консулата и империи».
- 369 Токвиль Алексис де (1805–1859), французский государственный деятель, историк. Теоретик либерализма.
- 370 Заболотный Аркадий Моисеевич (1872–1928), генерал-майор Генерального штаба. Служащий Управления строительными работами в Нови-Саде. Занимался денежными переводами и отправлением продуктовых посылок в Советскую Россию.
- 371 Стаич Васа (1878–1947), известный общественно-политический деятель югославской ориентации, историк, литератор, юрист, педагог. Учился в Будапеште, Париже, Лейпциге. Председатель Матицы Сербской (1936, 1945–1947).
- 372 Праданович Никола (1883–1964), педагог. Учился в Сегедине и Будапеште. Преподаватель сербским детям во Франции (после Первой мировой войны) и в женской гимназии в Нови-Саде (с 1920–1946).
- 373 Коверда Борис Софронович (1907–1987), учился в Русской гимназии в Вильно, служил корреспондентом-переводчиком антикоммунистической газеты. После 1920 г. издавал газету в Вильно. В 1927 г. убил советского полпреда П.А. Войкова в Варшаве. Освобожден в 1937 г. С 1937 г. жил в США, работал в редакции газеты «Новое русское слово» (Нью-Йорк).
- 374 Булич Фране (1846–1934), археолог, историк, реставратор. Исследователь древностей городов Задар и Сплит (Далмация).
- 375 Гекторович Петр (1487–1572), хварский поэт.
- 376 Фоссилы – остатки костей.
- 377 Кронпринц Рудольф Габсбург (1858–1889), сын австрийского императора Франца Иосифа, наследник австрийского престола. В 1889 г. покончил жизнь самоубийством вместе с любовницей баронессой Марией Вечера.

- 378 Имеется в виду конституция 1921 г., получившая название Видовданской, поскольку была принята в Видов день — день битвы на Косовом поле.
- 379 Чаплиц Владимир Иустинович (1871–1930), полковник гвардии. Избирался председателем русской колонии в Нови-Саде.
- 380 Гурчин Валериан Николаевич (1898–1984), гвардии поручик. Проживал в Нови-Саде.
- 381 Эрдели Владимир Георгиевич (1883–?), юрист. В 20–40-х гг. проживал в Нови-Саде.
- 382 Чернойоров Диодор Николаевич (1864–1929), генерал-лейтенант. Окончил Павловское военное училище и вышел в 89-й пехотный Беломорский полк, переведен в лейб-гвардии Гренадерский полк (1885). С 1895 г. — воспитатель в Александровском кадетском корпусе, а с 1900 г. — в Пажеском корпусе (был воспитателем королевича Александра Карагеоргиевича, будущего короля Югославии). Генерал-майор (1914), назначен комендантом Ростова-на-Дону. В Добровольческой армии с 1918 г. После эвакуации Крыма жил с семьей в Королевстве СХС, в Нови-Саде. Находился на службе чиновником при штабе 1-го армейского округа Королевства СХС. Председатель новисадской русской колонии (1923–1927).
- 383 Шкинская Вера Федоровна (1885–?), закончила Смольный институт в Санкт-Петербурге. Начальница Русской реальной гимназии в Нови-Саде.
- 384 Брянский Виктор Диодорович (1868–1944), статский советник. Товарищ Московского городского головы. Председатель Всероссийского союза городов, представитель Земгора в Белграде, заведующий Русской публичной библиотекой в Белграде.
- 385 Кульбакин Степан Михайлович (1873–1941), филолог, славист, палеограф. Профессор Харьковского университета. С 1920 г. профессор старославянского языка Белградского университета (Скопле, Белград), член Сербской Королевской академии наук.
- 386 Орешков Борис Михайлович (около 1881 — ?), инженер путей сообщения. Секретарь Державной комиссии по делам русских беженцев в Белграде.
- 387 Минцлов Сергей Рудольфович (1870–1933), писатель, библиограф, педагог. Директор Коммерческого училища в Санкт-Петербурге, чиновник особых поручений при Министерстве земледелия. С 1918 г. в эмиграции в Финляндии, затем в Сербии. Жил в Земуне (пригород Белграда) и Нови-Саде, где состоял директором Русской гимназии (до 1925). Переехал на жительство в Ригу. Автор нескольких десятков книг.
- 388 Веденяпин Александр Николаевич, инженер-механик, выпускник Политехнического института в Петербурге. В эмиграции жил с супругой в Нови-Саде. Работал инспектором самолетов, закупаемых для югославского военно-воздушного флота. В начале 1930-х гг. уехал в Бейрут, а затем в Триполи. Занимал ответственный пост в ливанской авиации. После выхода на пенсию с супругой проживал в Русском старческом доме в Сан-Рафаэле, на Лазурном берегу Франции, где и скончался.
- 389 Бодиско Василий Дмитриевич, капитан Императорской Русской армии. В 1920-е гг. с семьей проживал в Нови-Саде.
- 390 Иосиф Флавий. Иудейские древности. 18, 3:3. Современный перевод см.: Иосиф Флавий. Иудейские древности. В 2 т. / Пер. с греч. Г. Генкеля. М., 2000.
- 391 Сенча Владимир Иванович (1868–1954), генерал-майор Генерального штаба. Жил в Нови-Саде. Давал частные уроки математики, известный новисадский шахматист.
- 392 Сорочинский Александр Николаевич (1881–?), полковник. В 20–40-х гг. жил в Нови-Саде. В 1950 г. с супругой был выслан в Болгарию.
- 393 Бруни Федор Антонович (1800–1875), известный русский художник.
- 394 Васнецов Виктор Михайлович (1848–1926), русский живописец.
- 395 Кошелев Николай Андреевич (1840–1918), исторический, портретный и жанровый живописец.
- 396 Харламов Федор Сесонович (1835–1879), архитектор.

- 397 Судковский Руфим Гаврилович (1850–1885), живописец-пейзажист.
- 398 Рябушкин Андрей Петрович (1861–1904), русский живописец.
- 399 Беляев Дмитрий Федорович (1846–1901), филолог-античник.
- 400 Филон Александрийский (ок. 20 г. до н. э. – ок. 50 г. н. э.), античный философ, представитель иудео-греческой философии. Упоминается его работа «*De vita contemplativa*» («О жизни созерцательной»).
- 401 Альбигойцы, секта в христианстве, ветвь ереси катаров в Лангедоке, появились в первой пол. XII в. Отрицали таинства, троичность Бога, считали земную жизнь «творением сатаны». Борцом с ересью альбигойцев выступил в 1147 г. Бернар Клервоский.
- 402 Арцыбашев Михаил Петрович (1878–1927), русский писатель, драматург, публицист.
- 403 Егоров Александр Андреевич, капитан. В 20–40-х гг. с семьей проживал в Нови-Саде. Создатель библиотеки Общества офицеров военно-воздушного флота в Королевстве СХС.
- 404 Свод законов Вавилонии, созданный в царствовании Хаммурапи около 1760 г. до н. э.
- 405 Эль-Амарнский архив – клинописные таблички египетских фараонов XVIII династии, источник по истории Египта и Ближнего Востока XV–XIV вв. до н. э.
- 406 Богазкёйский архив – собрание более чем 15 тыс. глиняных таблечек, найденных в столице хеттского государства Хаттушаше.
- 407 *Odium generis humani* (лат.) – ненависть к роду человеческому.
- 408 Зелинский (Тадеуш) Фаддей Францевич (1859–1944), русский историк-античник, после 1918 г. жил в Польше.
- 409 Баковский Сергей Ольдрихович (Толстой Сергей Владимирович) (р. 1922), сын Ольдриха Адольфовича Баковского и Веры Ильиничны Толстой (внучки Л.Н. Толстого). После Второй мировой войны переехал в США. В 1991 г. с матерью посетил Ясную Поляну.
- 410 Бирт (серб.) – трактир, пивная.
- 411 Эт тутти кванти – *et tutti quanti* (итал.) – и все прочие.
- 412 Гогоцкий Сильвестр Сильвестрович (1813–1889), русский философ гегелевского направления.
- 413 Аландский (1844–1883), специалист по античной литературе и истории.
- 414 Фортинский Федор Яковлевич (1846–?), русский историк.
- 415 Бодянский Осип Максимович (1808–1877), русский филолог и историк.
- 416 Люперсольский Петр Иванович (1836–1903), русский историк античности.
- 417 Помяловский Иван Васильевич (1845–1906), филолог-античник, археолог, византист.
- 418 Кистяковский Александр Федорович (1833–1885), русский историк и теоретик права.
- 419 Остзейские новообразования – имеются в виду прибалтийские государства (Литва, Латвия и Эстония), которые возникли после 1917 г.
- 420 Пыпин Александр Николаевич (1833–1904), русский историк общественной мысли и литературы, этнограф.
- 421 Жолтенко Владимир Семенович (1867–?), полковник, командир 56-го пехотного Житомирского полка. В эмиграции жил в Королевстве СХС, в Любляне. Автор книги «Улыбки жизни» (Любляна, 1935).
- 422 Духонина, урожд. Вернер Наталия Владимировна (1881–1968), вдова Верховного Главнокомандующего Российской армии ген. Духонина, убитого в 1917 г. В Добровольческой армии сестра милосердия, в Сербии начальница Мариинского донского девичьего института в Белой Церкви (1922–42).
- 423 Превој (серб.) – горный перевал.
- 424 *Толстой Л.Н.* Анна Каренина. Ч. 8. Гл. XV.
- 425 Львов Георгий Евгеньевич (1861–1825), князь, русский политик, кадет, глава первых двух кабинетов Временного правительства.
- 426 *Бессонов Ю.Д.* Двадцать шесть тюрем и побег с Соловков. Paris, 1928.

- 427 Лабинский Игорь Викторович (?–1984), штабс-ротмистр 3-го драгунского Новороссийского полка. Между двумя войнами жил в Нови-Саде.
- 428 Розеншильд фон Паулин Анатолий Николаевич (1860–1929), генерал-лейтенант. Окончил Николаевскую военную академию Генштаба (1887). Участник Русско-японской войны. В Первую мировую войну – начальник 29-й пехотной дивизии. В гражданской войне командовал Одесским отрядом и армейской группой на Киевском направлении. В эмиграции жил в Нови-Саде.
- 429 Драгомиров Абрам Михайлович (1868–1955), генерал от кавалерии. В Первую мировую войну Главнокомандующий армиями Северного фронта. Эвакуировался в Сербию, с 1931 г. жил во Франции, где руководил особой работой РОВСа. Приезжал в Нови-Сад в 1928 г.
- 430 Мичатек Людевит (1874–1928), словак. Доктор юридических наук, адвокат, политик, публицист. Учился в Прешове, Дебрецене, Будапеште. Защитник прав словаков в Австро-Венгрии, секретарь Сербско-словацкой партии в Воеводине, стоял во главе югославских словаков (1918), первый председатель Чехословацкого культурного общества в Нови-Саде, председатель Чехословацкого союза в Королевстве СХС (1921), председатель Словацкой народной партии.
- 431 Коренчевский Владимир Георгиевич (1880–1959), врач-патолог, фармаколог, бактериолог. Окончил Военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге (1903), приват-доцент Московского университета. Эмигрировал в Англию. Профессор Института превентивной медицины в Лондоне (1920–1945). В 1945 г. основал Оксфордскую геронтологическую лабораторию, основатель Международной геронтологической ассоциации.
- 432 Грол Милан (1876–1952), политический деятель, писатель, театральный критик. Учился в Белграде, Париже. Директор и драматург Национального театра в Белграде, министр просвещения Королевства СХС (1928–1929, 1940), председатель Демократической партии (с 1940).
- 433 Белич Александр (1876–1960), выдающийся сербский и югославский славист. Учился в Белграде, Одессе, Москве. Докторскую диссертацию защитил в Лейпциге (1900). Профессор Белградского университета, член и председатель Сербской Академии наук и искусств.
- 434 Митрович Чедомир-Чеда (1870–?), юрист. Учился в Москве, Вене, Тюбингене. Профессор и ректор Белградского университета (1928).
- 435 Бицилли Петр Михайлович (1879–1953), историк. Приват-доцент всеобщей истории Новороссийского университета (1912), профессор Софийского университета.
- 436 Окунев Николай Львович (1886–1949), историк, археолог, историк искусства. Профессор Новороссийского университета в Одессе (1917–1920), философского факультета в Скопле (1921–1925), сотрудник Института Кондакова в Праге. С 1925 г. проживал в Праге.
- 437 Кондаков Никодим Павлович (1844–1925), историк искусства. Профессор кафедры истории и теории искусств Новороссийского университета в Одессе (с 1877) и Петербургского университета (1888–1897). Один из организаторов центра византиноведения – Русского Археологического института в Константинополе (1895). В 1920 г. эмигрировал в Софию, а с 1922 г. обосновался в Праге, где после его кончины был создан знаменитый научно-исследовательский центр «Seminarium Kondakovianum».
- 438 Шмурло Евгений Францевич (1853–1934), историк. Профессор русской истории Юрьевского (Дерптского) университета (1891–1903). С 1924 г. жил в Праге. Основатель Русского исторического общества.
- 439 Fides (лат.) – вера.
- 440 Сопочько-Сырокомля Михаил Аркадьевич (ок. 1869 – 1938), врач, публицист, издатель. Врач в деревне Любимовка, Курской губернии. В эмиграции жил в Королевстве СХС. Работал сельским врачом в деревнях Нададь, Кисач, Уляник (Славония). Писал и издавал политические памфлеты, под псевдонимом «Мих. Аркадьев».

- 441 Флоровский Антоний Васильевич (1884–1968), историк. Окончил Историко-филологический факультет Новороссийского университета в Одессе. В 1920 г. эвакуировался в Болгарию, а через год переехал в Прагу. Член Русской учебной коллегии, профессор Русского юридического факультета. Один из основателей Русского исторического общества в Праге, член Кондаковского семинария, профессор Карлова университета.
- 442 Сватиков Сергей Григорьевич (1878 или 1880 – 1942), историк, общественный деятель. Совместно с В.А. Бурцевым занимался проверкой списков провокаторов и охранников. Автор «Истории казачества». Профессор истории в Сорбонне.
- 443 Одинец Дмитрий Михайлович, историк. Приват-доцент Петроградского университета. В эмиграции жил в Париже.
- 444 Шафарик Павел Йосиф (1795–1861), историк-славист, специалист по Сербии, этнограф, педагог, деятель чешского и словацкого национального движения. Учился в Йене. Преподаватель и директор Сербской гимназии в Нови-Саде (1810–33). Переехал в Прагу, где стал библиотекарем Чешского музея. Основные труды: «История славянского языка и литературы на всех наречиях» (1826), «Славянские древности» (1837).
- 445 Кормчие книги – сборники апостольских, соборных и епископских правил и посланий, законов светской власти, являвшихся руководством при управлении церковью в славянских странах.
- 446 Нольде Борис Эммануилович, барон (1876–1948, Лозанна), юрист, дипломат, публицист. Профессор международного права Петербургского университета. В эмиграции жил во Франции.
- 447 *Réflexion sur le developpement politique de la Russie* (фр.) – Размышления о развитии политики России.
- 448 Елачич Алексей Кириллович (1892–1941), историк, педагог. Приват-доцент Петроградского университета (1917–1919) и лицея в Каменец-Подольске (1919–1920). В 1920 г. эмигрировал в Королевство СХС. Преподаватель гимназии в Скопле (1920–1924), Плевле, Приштине (1924–1925), Загребе. Профессор Философского факультета в Скопле (при Белградском университете) (1925–1941).
- 449 Гронский Павел Павлович (1883–1937), юрист. Приват-доцент Петербургского университета. Член IV Государственной Думы от Тверской губернии (кадет). С 1920 г. жил во Франции. Преподаватель истории в русской гимназии в Париже.
- 450 Вергун Дмитрий Николаевич (1871–1951), публицист, историк, сотрудничал в «Новом времени», после 1917 г. жил в Праге, скончался в США.
- 451 Пущин Николай Антониевич (1875–1947), доктор химических наук. В России профессор Электротехнического института в Санкт-Петербурге, в эмиграции профессор Белградского университета.
- 452 См.: *Чарторижский А.* Мемуары. М., 1998. С. 170, 176.
- 453 Майбородов Владимир Иванович (1879–1963), юрист, судья, в эмиграции чиновник на государственной службе в Нови-Саде.
- 454 Кавас, кавасы – мусульманские почетные стражи, облеченные низшей полицейской властью, которые в Турции приставляются к дипломатическим агентам всех рангов, а равно к высшим турецким сановникам.
- 455 *Самойлович Р.А.* S.O.S. в Арктике. Экспедиция «Красина». Берлин, 1930.
- 456 Огнев Н. (Михаил Григорьевич Розанов, 1888–1938), русский советский писатель.
- 457 Деянов Иван Давыдович (1818–1897), в 1882–1897 гг. министр народного просвещения в России.
- 458 Книга *А.А. Кизеветтера* «Исторические силуэты. Люди и события». Берлин, 1931.
- 459 Вигель Филипп Филиппович (1768–1856), чиновник Министерства внутренних дел, близкий к литературным кругам. Автор «Записок». Т. 1–2, М., 1928.

- 460 Канкрин Егор Францевич (1774–1845), в 1823–1844 гг. министр финансов.
- 461 Стихотворение В.А.Жуковского «Воспоминание».
- 462 Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1825–1888), русский государственный деятель.
- 463 В католической церкви период послушничества для вступающих в монашеский орден, а также помещение в монастыре для отбывающих новициат.
- 464 Буларин Фаддей Венедиктович (1789–1859), русский журналист, писатель, по происхождению поляк.
- 465 К. Свистальский был премьер-министром Польши с 14 апреля по 7 декабря 1929 г.
- 466 Огиенко Иван Иванович (1882–1952), ученый и политик, в 1915–1918 приват-доцент Киевского университета. Сторонник украинизации образования и церкви. Был сторонником С. Петлюры и занимал руководящие посты в правительствах Украинской народной республики. С 1920 г. в эмиграции. С 1944 г. митрополит Украинской автокефальной православной церкви. В 1944 г. эмигрировал в Словакию, затем в Швейцарию и в Канаду. Митрополит Виннипегский Украинской Греко-Православной Церкви в Канаде.
- 467 Ататюрк Мустафа Кемаль (1880–1938), основатель и первый президент Турецкой республики.
- 468 Ковачевич Даринка, преподавательница пения, чистописания и гимнастики в новисадской женской гимназии (1927–1928).
- 469 «Желтая книжка» – советский кинофильм 1927 г. с Анной Стэн в главной роли.
- 470 Стреха Николай Николаевич (1870–1941), судебный полковник Российской императорской армии, военный инвалид. Председатель русской колонии в Загребе (1929).
- 471 Маргетич Стеван (1883–1977), педагог, преподаватель латыни и истории. Учился в Будапеште. Директор женской гимназии в Нови-Саде (1927–1941).
- 472 Сергеев Иван Иванович (ок. 1895 – 1970), поручик. Преподаватель женской гимназии и Учительской школы в Нови-Саде. Член Ревизионной комиссии отделения «Русской Матицы».
- 473 Рубинштейн Александр Эммануилович (1876–1949), с супругой проживал в Нови-Саде, где держал ресторан.
- 474 Трубецкой Сергей Александрович, князь. В 20-х гг. с супругой жил в Нови-Саде.
- 475 Решетников Яков Федорович (?–1939), протодиакон Русского православного прихода в Нови-Саде (1925–1931), священник-настоятель храма Преп. Серафима Саровского в г. Шелль (1938–1939).
- 476 Машинский Петр Николаевич, капитан. Член новисадского отделения «Русской Матицы».
- 477 Хондажевский Сергей Васильевич (Тихонович?) (1879–1944), полковник. С супругой проживал в Нови-Саде. Похоронен в Белграде.
- 478 Краинский Николай Васильевич (1869–1951), врач-психиатр. Окончил Медицинский институт в Харькове (1893). Эмигрировал в Королевство СХС. Профессор университета в Загребе, позднее профессор судебной медицины Юридического факультета Белградского университета (1931–1943).
- 479 Субботин Александр Иванович, полковник. С семьей в 20–30-х гг. проживал в Нови-Саде.
- 480 Дрейер, фон Константин Дмитриевич (1862–1947), полковник.
- 481 Ширококов Николай Матвеевич (1874–?), с семьей долгие годы жил в Нови-Саде (1920–1945).
- 482 Тугорский Евгений Александрович (1913–1934), сын полковника. С родителями прибыл в Королевство СХС. Учился в кадетском корпусе. Умер от туберкулеза.
- 483 Hochstapler (нем.) – мошенник, авантюрист.
- 484 Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927), русский государственный деятель, дипломат. Имеется в виду его книга «Воспоминания». Париж–Берлин, 1927.
- 485 Палеолог Сергей Николаевич (1877–1933), дипломат, общественный деятель. Камер-юнкер, чиновник особых поручений при Министерстве внутренних дел. Бывший уполномоченный посол

- Юга России в Белграде, затем уполномоченный по делам русских беженцев в Королевстве СХС (с августа 1920). Сотрудник белградской газеты «Царский вестник». Автор книги воспоминаний «Около власти: Очерки пережитого» (Белград, 1929; переиздание: Москва, 2004).
- 486 *Палеолог С.Н.* Около власти. Очерки пережитого. М., 2004. С. 30–32.
- 487 Коковцов Владимир Николаевич (1853–1943), русский государственный деятель.
- 488 Билимович, урожд. Шульгина, Алла Витальевна (1874–1930), жена проф. Александра Д. Билимовича, сестра В.В. Шульгина.
- 489 Билимович Татьяна Александровна, дочь проф. Александра Д. Билимовича.
- 490 *Беседовский Г.З.* На пути к термидору. Париж, 1931.
- 491 Маклецов Александр Васильевич (1884–1948), юрист, публицист. Профессор уголовного права Харьковского университета (1912–1919). Эмигрировал в Королевство СХС, жил в Белграде (1920–1921), уехал в Прагу, где состоял секретарем и профессором Русского юридического факультета (1922–1926). Профессор уголовного права Университета в Любляне (1926–1930), секретарь «Русской Матицы» в Любляне (с 1929).
- 492 Косоногова, урожд. Хрущева, Надежда Михайловна (1908–?), дочь генерала М.А.Хрущева, замужем с 1929 г.
- 493 Живанович Эмилия, в 30-х гг. преподавательница математики и физики в новисадской женской гимназии.
- 494 *Троцкий Л.* Моя жизнь. Опыт автобиографии. Берлин, 1930.
- 495 Колесников Степан Федорович (1879–1955), художник. Окончил Одесское художественное училище и Императорскую Академию художеств в Санкт-Петербурге. С 1920 г. жил в Сербии. Один из самых известных и популярных русских живописцев в Югославии. В 2003 г. в Москве опубликована монография-альбом его работ.
- 496 *Тыркова-Вильямс А.В.* Жизнь Пушкина. Т. 1. Париж, 1929.
- 497 Рклицкий Николай Павлович (в монашестве Никон, 1892–1976), юрист, архиепископ. Редактор журнала «Военный вестник», газеты «Царский вестник», журнала «Двуглавый орел». Окончил Богословский факультет Белградского университета (1925), близкий сотрудник митрополита Антония (Храповицкого). Из Германии в 1946 г. переехал в США. Личный секретарь архиепископа Виталия. Епископ Флоридский (1948), архиепископ (1959), секретарь Архиерейского Синода РЗЦ (1965–1975), епископ Вашингтонский (1964). Автор десяти томной биографии митрополита Антония (Храповицкого) и издатель его трудов.
- 498 Неклюдов Владислав Григорьевич (1899–1949), протоиерей. Окончил Богословский факультет Белградского университета. Священник русского храма Св. Троицы в Белграде (1924–1948). В 1949 г. был арестован, умер (убит?) в тюрьме.
- 499 Пожариский Петр Феликсович (1883–1966), врач. Окончил Медицинский факультет в Москве (1911). В эмиграции военный врач и врач новисадского отдела «Русского сокола».
- 500 Неточная цитата из сочинения Григория Котошихина «О России в царствование царя Алексея Михайловича».
- 501 Гринь Владимир Игнатьевич, педагог, общественный деятель. В эмиграции проживал в Земуне, пригороде Белграда. Председатель Союза русских педагогов в Королевстве СХС–Югославии. Председатель Лиги русских офицеров и солдат запаса за границей.
- 502 *Немирович-Данченко В.И.* Скобелев. Личные воспоминания и впечатления. 1-е изд.: СПб., 1882.
- 503 Гагарин Борис Владимирович, князь (1875–1966), капитан. Чиновник особых поручений при московском генерал-губернаторе. Автор романа «Князь мира».
- 504 Игнатьев Игнатий Петрович (1866–1933), генерал-майор. В эмиграции с супругой проживал в Нови-Саде.
- 505 Полетика, урожд. Успенская, София Севериновна (1892–?), в 20–40-х гг. с супругом проживала в Нови-Саде.

- 506 Романовская Елена Михайловна, вдова генерал-лейтенанта Ивана Павловича Романовского. В 20–30-х гг. жила в Нови-Саде.
- 507 Новак Виктор (1889–1977), хорватский историк, музыкальный критик, доктор философских наук. Учился в Загребе и Риме. Профессор философского факультета Белградского университета (1924–1959), академик Сербской Академии наук и искусств (1961).
- 508 Пилсудский Юзеф (1867–1935), польский политический деятель.
- 509 Лапшин Иван Иванович (1870–1952), историк, философ. Профессор Петербургского университета. В 1922 г. выслан из Советской России. Жил в Праге.
- 510 Токарева Ольга Николаевна, председательница Русского благотворительного общества в Нови-Саде. Переехала на жительство в Париж.
- 511 Таран Петр Моисеевич (1892–1973), вахмистр, ефрейтор. Регент русских церковных и казачьих хоров в г. Суботица и Нови-Саде. После Второй мировой войны жил в США.
- 512 Матура (серб.) – выпускные экзамены.
- 513 Секулич Милан, начальник просветительного отделения Министерства просвещения. Инспектор на выпускных экзаменах учениц новисадской женской гимназии.
- 514 Рыбинский Николай Захарович (1887/1888–1955), литератор, драматург. Окончил Киевский университет. Один из основателей Общества галлиполийцев. В эмиграции жил в Белграде, занимался журналистикой. Сотрудник «Нового времени», «России и славянства», «Возрождения», «Иллюстрированной России», «Часового», «Слова», «Сегодня». С 1951 г. жил в Нью-Йорке.
- 515 Малинин Иван Михайлович (1883, Одесса – 1961, Пловдив, Болгария), педагог, доцент Новороссийского университета в Одессе. Директор Русско-сербской гимназии в Белграде (1925–1941) и преподаватель философии и латыни. В 1948 г. или в 1949 г. был изгнан из Югославии.
- 516 Георгиевский Михаил Александрович (1888–1950). Историк, лингвист, политический деятель. Окончил Историко-филологический факультет Петербургского университета (1913), приват-доцент Петербургского и Варшавского университетов (в Варшаве и Ростове-на-Дону). В 1919 г. эмигрировал в Королевство СХС. Профессор древнееврейского языка на Богословском факультете Белградского университета, преподаватель латыни в Русско-сербской гимназии в Белграде. Член-основатель Русского археологического общества в Королевстве СХС (1921), член Русского научного института в Белграде (1928), исследователь памятников ассирийского законодательства. Генеральный секретарь Исполнительного бюро Национально-трудового союза нового поколения (НТС) и его идеолог. В конце войны был арестован органами СМЕРШ Красной армии и отправлен в Москву. Казнен.
- 517 Салтыков Николай Николаевич (1872–1961), математик. Профессор Технологического института в Томске, Политехнического института в Киеве, Харьковского университета, Национального грузинского университета в Тифлисе и Белгородского университета. Академик Сербской Академии наук и искусств.
- 518 Тарановский Федор Васильевич (1875–1936), историк славянского права. Учился в Варшаве. Преподавал в Демидовском лицее в Ярославле, профессор Дерптского и Петербургского университетов. В эмиграции обосновался в Белграде. Занял кафедру истории на юридическом факультете. Изучал средневековое сербское право. Один из основателей Русского научного института в Белграде. Действительный член Сербской Королевской Академии наук.
- 519 Краснов П.Н. LARGO. Paris, 1930.
- 520 Эппле Василий Эрнестович (1876–1942), владелец галантерейного магазина в Нови-Саде. В период венгерской оккупации с супругой Марией Михайловной пострадал в массовом геноциде над жителями Нови-Сада.
- 521 Роман М.И. Семевского «Слово и дело! 1700–1725».

- 522 Францев Владимир Андреевич (1867–1942), славист, литературовед. Эмигрировал в Чехословакию. Председатель Русского научного института (с 1924), председатель Русской академической группы в Праге (с 1927).
- 523 Вржещ Виктор Николаевич, с семьей проживал в Нови-Саде.
- 524 Граббе Юрий (Георгий) Павлович, граф (епископ Григорий, 1902–1995), заведующий Канцелярией Архиерейского Синода РПЦЗ (1931–1975). С родителями эмигрировал в Сербию (1920). Член-основатель Белградского православного кружка, Братства Преп. Серафима (1923), окончил Богословский факультет Белградского университета (1926). Священник (1944), секретарь Архиерейского Синода РПЦЗ (1945–1962), принял монашество (1979), епископ Манхэттенский Григорий (1979), епископ Вашингтонский и Флоридский (1981).
- 525 *В.В. Зеньковский стал на службу «Имки»* – Василий Васильевич Зеньковский уже в начале 20-х гг. участвовал в деятельности Русского Студенческого Христианского Движения, связанного с аналогичным американским союзом Y.M.C.A. (Young Men's Cristian Association). Об этом подробнее см.: *Зеньковский В.В.* Пять месяцев у власти. Воспоминания. М., 1995.
- 526 Гудович Игорь Александрович, граф (1878–1931), ротмистр гвардии. Участник Русско-японской и мировой войн. Монархист.
- 527 Трегубов Сергей Николаевич (1866–?), юрист-криминалист, сенатор. Ординарный профессор уголовного права Александровской военно-юридической академии и Училища правоведения в Петербурге. Профессор уголовного права Юридического факультета Белградского университета, преподаватель Высших военно-научных курсов ген. Н.Н. Головина в Белграде.
- 528 *C'est une cuisinière* – это кухарка (фр.).
- 529 Наживин Иван Федорович (1874–1940), русский писатель, после 1917 г. в эмиграции. Автор романа «Кремль. Хроника XV–XVI веков».
- 530 *Дмитриевский С.* Сталин. Стокгольм, 1931.
- 531 Буланов Петр Яковлевич, есаул. Член Правления новисадского отделения «Русской матицы» и Приходского совета Русской церкви в Нови-Саде.
- 532 Чаговец Александр Михайлович (1890–1932), почтовый чиновник в Нови-Саде. Член Правления новисадского отделения «Русской Матицы».
- 533 Лодыженский Александр Ильич (1891–1954), видный общественный и политический деятель. В эмиграции жил во Франции, сотрудничал с Международной антикоммунистической лигой («Лигой Обера»), член Русского трудового христианского движения (РТХД) и др.
- 534 *Gewalt* (нем.) – насилие.
- 535 Горуглов Павел Тимофеевич (1895 – 1932), русский эмигрант, 6 мая 1932 г. убил президента Франции П. Думера.
- 536 Трескин Леонид Николаевич (ок. 1888–1957 или 1969), полковник гвардии. Во время Второй мировой войны вступил в «Русский охранный корпус» в Сербии. После войны жил в США.
- 537 Иванов Сергей Васильевич, полковник. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1907). Эвакуировался в Королевство СХС в составе 2-го кавалерийского полка. С супругой Еленой Васильевной и сыном Николаем в 20–30-х гг. проживал в Нови-Саде.
- 538 Молчанов Алексей Михайлович (1873–1942), полковник. Чиновник Городского управления Нови-Сада.
- 539 Замурович Александар (1881–1940), преподаватель латыни, географии, истории. Учился в Будапеште. Преподаватель женской гимназии в Нови-Саде, гимназии в Врбасе (1930–1934).
- 540 Эрдели, урожд. Хитрово, Маргарита Сергеевна, придворная дама в Петербурге. Преподавательница французского языка новисадской женской гимназии (1928–1949).
- 541 Георгиевич Михаил Милошевич (1883–1969), генерал-майор Генштаба русской армии. По происхождению серб. Ветеран Первой мировой и гражданской войн. Галлиполиец. Чиновник югославской армии в Нови-Саде. Военный писатель, автор воспоминаний «Свет и Тени» (Австралия).

- 542 Хондажевская Клавдия Ивановна, супруга полковника С.В. Хондажевского.
- 543 Шидловская, урожд. Франц, Наталия Петровна, вдова минского вице-губернатора. Заведующая собственным французским детским садом в Нови-Саде.
- 544 Claudii Ptolemei geographice ennarationis. Libri octo. – Клавдия Птолемея географические рассуждения. В восьми книгах (лат.).
- 545 Бассано Джакомо да Понте (1510–1982), художник венецианской школы, испытал влияние Тициана.
- 546 Уберти Пьетро (1671–1762), художник венецианской школы.
- 547 Луич Ганнибал (1482–1553), хварский патриций, слагал любовные стихи, переводил Петрарку.
- 548 Anno racis (лат.) – год мира.
- 549 «...Разведенной женщине» – жена сына Д.В. Скрынченко Анатолия, Зинаида Александровна (5.08.1909, Санкт-Петербург – 5.06.1995, Киев), имела от первого брака сына Романа Всеволодовича Белевича (2.12.1931, Киев – 8.11.1991, Киев). Анатолию жена родила шестерых детей (Дмитрия, Лидию, Ирину, Сергея, Надежду и Владимира) и прожила с ним в любви и согласии почти 60 лет супружеской жизни. Происходила она из старинного украинского дворянского рода Марковичей (*Модзалевский В.А. «Малороссийский родословник»*. К., 1912. Т. 3). Похоронена вместе с мужем на Байковом кладбище г. Киева.
- 550 Моч Милица (1893–1983), пианистка, педагог. Училась в Вене. Супруга известного новисадского адвоката Александра Моча. Основательница Женского музыкального общества в Нови-Саде (1927), преподаватель Музыкального училища (1948–1960).
- 551 Ravenous (англ.) – хищный.
- 552 Брунн Анатолий Андреевич (ок. 1863 – 1936), генерал-майор, галлиполиец. Проживал в Нови-Саде.
- 553 Кашинцев Павел Петрович (1864–1932), полковник, бывший начальник губернского жандармского управления в Оренбурге.
- 554 Гроздов Василий Александрович (ок. 1892 – 1969), поручик. В эмиграции с семьей поселился в Нови-Саде. После Второй мировой войны переехал в США.
- 555 Дараган-Мирошниченко Дмитрий Антонович (1898–?), подпоручик. С супругой Евгенией Викторовной и братом Василием Антоновичем в 30–40-х гг. проживал в Нови-Саде.
- 556 Ткачев Вячеслав Матвеевич (1885–1965), генерал-майор. Один из пионеров российской военной авиации. Участник Первой мировой и гражданской войн. Начальник авиации при Верховном Главнокомандующем русской армией ген. П.Н. Врангеле. В эмиграции проживал в Королевстве СХС, в Нови-Саде, позднее в Земуне (пригород Белграда). Председатель Общества офицеров российского военно-воздушного флота в Королевстве СХС (возникло в 1922 г. в Нови-Саде). Работал инспектором авиации Королевства СХС. Один из руководителей организации «Русский сокол» в Югославии. После освобождения страны в октябре 1944 г. был арестован органами СМЕРШ Третьего Украинского фронта Красной армии и отправлен в Москву. В 1955 г. освобожден из 10-летнего заключения, поселился в Краснодаре. Писал воспоминания. Автор повести о летчике П.Н. Нестерове («Русский сокол», опубликована в 1960) и воспоминаний о прошлом русской военной авиации 1910–1917 гг. («Крылья России», опубликованы в 2007 г. в Петербурге).
- 557 Мишкович Воислав (1892–1976), астроном. Учился в Белграде, Нови-Саде, Вене и Франции. Профессор Белградского университета, основатель и директор Белградской обсерватории.
- 558 Серафим (Лукьянов Александр Иванович, 1879–1959), архиепископ. Ректор Таврической, затем Саратовской семинарий, епископ Сердобский (1914), архиепископ Выборгский и Финляндский (1920–1924), настоятель Лондонского прихода и викарий Западно-Европейской епархии (с 1926), епископ Парижский, митрополит (1938). В 1945 г. примкнул в Московскому патриархату. Патриарший экзарх в Западной Европе. В 1954 г. вернулся на Родину.

- 559 Дамиан (Говоров Дмитрий Григорьевич, 1855–1936), епископ Царицынский. Эмигрировал в Болгарию (1921). Настоятель ставропигиального монастыря Св. Кирика в Странимаке (1922–1933). Архиепископ (1931).
- 560 Серафим (Соболев Николай Борисович, 1881–1950), церковный деятель, епископ Лубенский, в 1912–1918 гг. ректор Воронежской духовной семинарии. Епископ Богучарский, управляющий русскими приходами в Болгарии (с 1921), архиепископ (1936). Перешел в юрисдикцию Московской патриархии (1945). Причислен к лику святых болгарскими старостильниками (2002).
- 561 Николай (Карпов Иван Ильич, 1891–1932), епископ. Окончил Московскую Духовную академию (1917). В эмиграции служил при сербских приходах Королевства СХС. Преподаватель Битольской Духовной семинарии (1921–1927). С 1928 г. настоятель русского прихода в Лондоне, с 1929 г. епископ.
- 562 Виктор, архимандрит Русской Православной Церкви за рубежом. Представитель архиепископа Пекинского и Китайского на Архиерейском Соборе РПЦЗ в Сремских Карловцах (1932).
- 563 Тихон (Троицкий Александр, 1883–1963), архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский. Инспектор Харьковской духовной семинарии (1916). Эмигрировал в Королевство СХС, преподаватель Духовной семинарии в Сремских Карловцах (1921–1924), член братии русского Введенского монастыря в Мильково (1926–1930), епископ Сан-Францисский (1930), архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский (1934).
- 564 Серафим (Ляде Альберт Оскарович, 1883–1950), епископ Венский, митрополит Берлинский и Германский. Окончил Московскую Духовную академию (1916). Преподаватель немецкого языка в Харьковской Духовной семинарии (1916–1918). Пострижен в монашество (1924). Покинул СССР около 1930 г. Митрополитом Антонием (Храповицким) направлен епископом в Вену, настоятель Покровского храма (1931–1936), епископ Потсдамский, викарий Германской епархии (1938–50), архиепископ (1939), митрополит (1942).
- 565 Феодосий (Мельник Федор Ефимович, 1891–1957), игумен, архимандрит. Келейник (1919–1936) митрополита Антония (Храповицкого). Пострижен в монашество (1921), протодиакон (1921), архимандрит (1932), помощник настоятеля русского храма в Сремских Карловцах (1922–1940), член епископского совета управления русскими приходами в Югославии (1938–1940), принят в клир Сербской церкви (1940), настоятель монастыря Високи-Дечани в Косово (1940).
- 566 Лопухин Петр Сергеевич (1885–1962), журналист, публицист, историк Церкви. Чиновник Канцелярии Св. Синода РПЦЗ в Сремских Карловцах и Белграде (1931–1944). После Второй мировой войны проживал в Швейцарии. Секретарь Западно-Европейской епархии, в Париже (1950–1962).
- 567 Ногаев Николай Васильевич, генерал-майор. С супругой Верой Владимировной в 20–30-х гг. жил в Белграде.
- 568 Иннокентий (Фигуровский Иван Аполлонович, 1863–1931), митрополит Пекинский и Китайский. В 1896 г. назначен начальником Русской духовной миссии в Китае, с 1929 г. митрополит. Перевел на китайский язык все богослужебные книги, составитель русско-китайского словаря.
- 569 Симиц Добрила, преподавательница истории и географии новисадской женской гимназии (1931–1933).
- 570 Петрович Эмилия, преподавательница математики и физики новисадской женской гимназии (1930–1934, 1946–1947).
- 571 Возможно, речь идет о фильме «Распутин» (Германия/США, реж. Н. Ларин, в роли Распутина Г. Хмара. В Германии фильм шел под названием «Dornweg einer Fürstin»).

- 572 Попович Алимпие (1888–1967), священник, общественный деятель. Настоятель Успенского (1931–1953) и Алмашского (1953–1958) новисадских храмов. Первый мэр Нови-Сада после освобождения города (1944–1949), депутат парламента Сербии (1947).
- 573 Балубджич Живоин (1868–1943), юрист, дипломат, журналист. Учился в Женеве. Посланник Королевства Сербии в Афинах, Риме и Берлине.
- 574 Нушич Бранислав (1864–1938), известный сербский писатель-комедиограф, юрист, дипломат. Директор Национального театра в Белграде, Нови-Саде и Сараево.
- 575 Кривцов Пантелеймон Прокофьевич (1863–1933), генерал-майор Кубанского казачьего войска.
- 576 Лисицын Степан Васильевич (1879/1880–1944), капитан 1-го ранга Российского Императорского флота. Атаман Новосадской обще-казачьей станицы. После освобождения Нови-Сада в 1944 г. арестован органами НКВД-СМЕРШ Третьего Украинского фронта Красной армии, вероятно расстрелян.
- 577 Бузинов Михаил Михайлович, полковник. В 1920–30-х гг. с семьей проживал в Нови-Саде. Член Приходского совета русской церкви.
- 578 Вештина (серб.) – искусство, мастерство, умение.
- 579 Попович Дака (1886–1967), инженер-архитектор, политик, историк. Учился в Сегедине и Будапеште. Первый управляющий Дунайским округом (1929), сенатор (1932), основатель новисадской газеты «Дан» (1935).
- 580 Гершельман Борис Робертович, коллежский советник, бывший прокурор Варшавского Окружного суда. В 20–30-х гг. проживал в Белграде.
- 581 Леушина, в зам. Федорова Елена Васильевна (1912–?), дочь полковника, библиотекарь Библиотеки новисадского отделения «Русской Матицы».
- 582 Апухтин Константин Валерианович (1881 – 1945 или 1946), генерал-лейтенант. Окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Генштаба. Служил в лейб-гвардии Уланском полку. Участник Первой мировой войны и Белого движения. Начальник штаба гарнизона Одессы, командир Сводной конной бригады, начальник штаба 5-й пехотной дивизии. В 1920 г. командовал запасным кавалерийским полком в Крыму. В Королевстве СХС служил в пограничной страже, позднее чиновником в Нови-Саде, где руководил филиалом Корпуса Императорской Армии и Флота. Вступил в ряды Русского охранного корпуса, в составе которого в 1944 г. покинул Югославию.
- 583 Мариюшкин Алексей Лазаревич (1880–1946), полковник Генштаба. С семьей проживал в 1920–40-х гг. в Нови-Саде. Председатель новисадского отдела Общества офицеров Генштаба в Королевстве СХС – Югославии, член новисадского отдела Союза монархистов-легитимистов, сотрудник белградской газеты «Русский голос». В 1944 г. арестован органами НКВД-СМЕРШ Третьего Украинского фронта Красной армии и отправлен в Москву.
- 584 Недбаевский Петр Иванович (1887–?), полковник Кубанского казачьего войска. Атаман Новосадской казачьей станицы.
- 585 Сургучев Илья Дмитриевич (1881–1956), русский писатель, с 1919 г. в эмиграции. Цитата из «Эмигрантских рассказов» (Париж, 1927).
- 586 Ламзаки Иван Дмитриевич (1863–1955), с семьей проживал в Нови-Саде.
- 587 Деконский Юрий (Георгий) Евгеньевич, в 20–30-х гг. проживал в Нови-Саде. Служил картографом в штабе 1-й Армии Королевства СХС. В 1931 г. вышел из печати его план города Нови-Сада.
- 588 Гурчина Татьяна Валериановна, дочь поручика, 1-м браком – Думнова, 2-м браком – Губарева. В 20–40-х гг. с родителями проживала в Нови-Саде.
- 589 Буланова Александра Петровна, дочь есаула. Ученица Русской реальной гимназии в Нови-Саде.
- 590 Об этом событии Д. Скрынченко сообщал в ряде статей (*Скрынченко Д.* На фронте в дни пасхальные // Киев. 1916. № 824, 826, 827).

- 591 *Краснов П.Н.* Цесаревна. Париж, 1933.
- 592 *Гарнич-Гарницкий Евгений Федорович* (1859–1936), доктор медицины, общественный деятель в Киеве. Основатель и руководитель спортивных организаций. В эмиграции проживал в Белграде.
- 593 *Баранов Николай Сергеевич* (1893–1933), оперный певец, баритон. Солист Одесской и Новисадской оперы.
- 594 *Попович Душан* (1894–1965), историк, доктор исторических наук. Учился в Сремских Карловцах, Загребе, Вене, Брюсселе, Лондоне, Париже. Профессор Белградского факультета. В Нови-Саде редактор исторического журнала «Гласник историјског друштва» (1928–1940). Автор капитального труда «Сербы в Воеводине» (3 тома).
- 595 *Полтавцев Владимир Николаевич* (1875–1937), генерал-майор Генерального штаба. Окончил Академию Генерального штаба (1904). Эвакуировался из Крыма в 1920 г. Член РОВС. Жил в Белграде.
- 596 *Флуг Василий Егорович* (1860–1955), генерал от инфантерии. Окончил Николаевскую академию Генштаба (1890), служил в Порт-Артуре (1898–1904), участник Русско-японской войны. Военный губернатор Приморской области и наказной атаман Уссурийского Казачьего Войска. В Первую мировую войну командовал 2-м армейским корпусом, 20-й и 9-й армией. В 1920 г. в Крыму состоял в резерве чинов Русской армии ген. П.Н. Врангеля. Эмигрировал в Королевство СХС. В конце войны проживал в Австрии, с 1949 г. в США.
- 597 *Дуван-Торцов Исаак Эздрович* (1873–1939), актер, режиссер Московского Художественного театра, актер «пражской труппы» МХТ. Актер, режиссер, антрепренер. Окончил юридический факультет Киевского университета. Член труппы МХТ, пражской труппы МХТ и Русского общедоступного театра в Белграде.
- 598 *Сергиевский Петр Александрович* (1874–?), врач, специалист по внутренним болезням. Учился в Лозанне. Ординатор Городской больницы в Саратове (1902–1925). В 1925 г. поселился в Печуе (Венгрия), где продолжал работать врачом. В 1928 г. прибыл в Королевство СХС. Был врачом в д. Яша-Томич (1928–1929), г. Баина-Башта (1929–1931), г. Брнячка-Баня (1933) и Белграде.
- 599 *Арнольдов Л.В.* Китай как он есть. Гоминдан. Коммунизм. Война. Наблюдения. Факты. Выводы. Шанхай, 1933.
- 600 *Ефименко А.Я.* История украинского народа. СПб., 1906. Ефименко Александра Яковлевна (1848–1918), выдающийся русский историк и этнограф, почетный доктор русской истории.
- 601 *Кадесников Николай Зотикович* (1895–1971), инженер-механик, лейтенант флота. В эмиграции жил в Королевстве СХС, инженер югославской авиации. Преподавал математику в гимназии, позднее основатель и секретарь «Русского сокола» в Нови-Саде (1933). С 1955 г. жил в США, служил инженером, в русской гимназии в Нью-Йорке преподавал историю. Автор ряда книг.
- 602 *Буссов Константин Николаевич* (1904–1971), военный летчик Югославской королевской армии. Член правления «Русского сокола» в Нови-Саде (1933). По освобождении города в 1944 г. был арестован органами СМЕРШ и препровожден в СССР. В лагере в Воркуте пробыл 12 лет.
- 603 *Козловский Николай Сергеевич* (ок. 1900–1979), казначей «Русского сокола» в Нови-Саде (1933).
- 604 *Наживин И.* Лилии Антиноя. Брюссель, 1933.
- 605 *Свинарский Владимир Самойлович*, поручик Полтавского полка, бывший управляющий Варшавского градоначальства. Под конец весны с семьей обосновался в Королевстве СХС, в городе Сремска-Митровица, где в центре города торговал молочными продуктами.
- 606 *Крымский Агафангел Ефимович* (1871–1942), историк-арабист, писал стихи и прозу на украинском языке.

- 607 Погожев (литературный псевдоним Поселянин) Евгений Николаевич (1870–1931), яркий церковный писатель, журналист.
- 608 Муретов Митрофан Дмитриевич (1851–1917), профессор Московской духовной академии, специалист по экзегетике, переводил святоотеческие творения.
- 609 Поль-Бонкур Жозеф (1873–1972), французский политик, в 1933–1934 гг. был министром иностранных дел.
- 610 Макдональд Джеймс Рамсей (1866–1937), английский государственный и политический деятель.
- 611 Костомаров Николай Иванович (1817–1850), русский историк, этнограф, писатель.
- 612 Клуня – помещение для молотбы хлеба и складывания снопов.
- 613 Пашчан Светолик (1892–1971), регент хоров, музыковед, композитор. Окончил консерваторию в Загребе. Регент многих хоров в Нови-Саде (1923–1940) и хора Белградского радио.
- 614 Игорь – муж дочери Д.В. Скрынченко Ирины Игорь Всеволодович Бабанин (1908, Курск – 18.04.1970, Гарин). Похоронен вместе с женой в Гарине, пригороде Буэнос-Айреса.
- 615 Нестор (Анисимов Николай Александрович, 1885–1962), православный миссионер на Дальнем Востоке, переводчик на тунгусский язык. Архиепископ. Игумен (1914), епископ Камчатский. С 1922 г. проживал в Харбине. Архиепископ (1933). В сентябре 1945 г. после занятия Харбина Красной армией принял гражданство СССР. Митрополит Харбинский и Маньчжурский (1946). В 1948 г. был арестован и приговорен к 10 годам заключения. Освобожден в 1956 г., назначен на Новосибирскую и Барнаульскую епархию, в 1958 г. уволен, назначен на Кировоградскую и Николаевскую кафедру.
- 616 Нафанаил (Львов Василий Владимирович, 1906–1986), иеромонах, архиепископ. Окончил Высшие богословские курсы в Харбине. В 1929 г. принял монашеский постриг. Секретарь епископа Камчатского Нестора (Анисимова) в Харбине. В 1936 г. возведен в сан архимандрита. Начальник православной миссии в Коломбо на Цейлоне (1935–1939), казначей Пекинской Духовной миссии (1939). Война застала его в Сербии, откуда он перебрался в Словакию. Редактор журнала «Православная Русь» (1941–1944), настоятель храма в Гамбурге (1945–1946), епископ Брюссельский, управляющий епархиями РПЦЗ в Западной Европе (1946–1950), епископ Гаагский (1950–1952), настоятель Воскресенской церкви в Тунисе и управляющий приходами в Северной Африке (1952–1954). Настоятель Покровской церкви в Берлине (1963–1967), настоятель монастыря Св. Иова в Мюнхене (1966–1971), епископ Венский, управляющий епархиями в Австрии (1974–1986), архиепископ (1981).
- 617 Имеется в виду сербская газета «Правда», в которой публиковались статьи Дмитрия Скрынченко.
- 618 Реминисценция стихотворения И.В. Гете «Ты знаешь край...» («Kennst Du das Land...»).
- 619 Маткович Добрица, бан (правитель) Дунайской бановины (области) в Нови-Саде (1933–1935).
- 620 Пупин Михайло (1854–1935), известный сербский и мировой ученый-изобретатель, физик. Профессор Нью-Йоркского университета.
- 621 Кошава (серб.) – северо-восточный ветер с низовьев Дуная.
- 622 Комаревский Борис Викторович (1893–1945), капитан. Окончил Духовную семинарию в Симферополе. В эмиграции в Королевстве СХС. Преподавал пение в Крымском кадетском корпусе (1921–1923). В 1927 г. окончил Музыкальное училище в Загребе (пение, скрипка, ф-но). Корепетитор Хорватского национального театра в Загребе, а с 1932 г. регент греко-католического церковного Кирилло-Методиевского хора в Загребе. Расстрелян коммунистами.
- 623 Павлик – 1-й муж Марии, дочери Д.В. Скрынченко Павел Эмильевич Гершельман (1902 – 19.10.1937, Киев), инженер, из дворян, потомок немцев-колонистов, был расстрелян по обвинению в шпионаже в Быковнянском лесу, под Киевом. – «Сосни Биківні свідчать: злочин проти людства». Київ. Український Центр духовної культури. Кн. 1. С. 20; Кн. 3. С. 22.

- 624 Ставиский Александр (1886–1934), русский эмигрант, известен как финансовый аферист.
- 625 Сергеевский Борис Николаевич (1883–1976), полковник Генштаба. Из Константиновского артиллерийского училища вышел в артбригаду. Окончил Николаевскую академию Генштаба и Археологический институт. Участник Первой мировой войны. В Гражданскую войну сражался в Добровольческой армии. В эмиграции жил в Болгарии (1921–1923), затем в Королевстве СХС, где преподавал в кадетских корпусах. Директор и преподаватель истории в Русско-сербской мужской гимназии в Белграде (1931–1944). Преподавал на Высших военных курсах ген. Н.Н. Головина в Белграде. После Второй мировой войны переехал к сыну в США (1951), где преподавал в Русской школе в Сан-Франциско. Автор воспоминаний и статей на военно-исторические темы.
- 626 Толстой Илья Ильич (1896–1970). Граф, внук А.Н. Толстого, морской офицер, славист. Окончил Морской корпус в С.-Петербурге. Участник Белого движения, был адъютантом Каппеля. В 1921 г. прибыл в Королевство СХС с Дальнего Востока. С семьей проживал в Србобране, Вршаце, Белграде, Нови-Бечее. Подрабатывал как сапожник, писал статьи для газет, работал в фирме «Югославское педагогическое кино» (с 1931), один из учредителей Союза русских писателей и журналистов в Белграде (1925). В начале 1942 г. с семьей из Белграда переехал в городок Нови-Бечей. Под конец войны участник Народно-освободительного движения. В 1945 г. с семьей уехал в СССР. В Москве преподавал сербский язык в университете. Автор сербскохорватско-русского словаря (1957).
- 627 Кутырин Владимир Владимирович (?–1951), полковник. Атаман Донской казачьей станицы в Белграде, редактор белградской газеты «Царский вестник».
- 628 Попович Бранко (1882–1944), живописец, архитектор, профессор Белградского университета (1905–1944). Учился в Белграде, Мюнхене и Париже. Видный культурный деятель межвоенного Белграда.
- 629 Митрофан (Николай Иванович Абрамов, 1877–1944), епископ Сумской, викарий Харьковской епархии. Д.В. Скрынченко знал Н.И. Абрамова по Казанской духовной академии, которую тот окончил в 1902 г.
- 630 Мештрович Иван (1883–1962), известный югославский скульптор, общественный деятель. Учился в Вене, Париже. Ректор Художественной академии в Загребе. После Второй мировой войны жил в США.
- 631 Игнатовский Александр Иосифович (1875–1955), врач-хирург. Профессор Медицинского факультета в Одессе (1908–1912), Варшаве (1912–1918) и Ростове-на-Дону. В 1920 г. эмигрировал в Королевство СХС. Профессор Медицинского факультета в Белграде (1921–1941) и Скопле (с 1947). Основатель Первой клиники по внутренним заболеваниям в Белграде (1921).
- 632 Анненков Иван Евдокимович, агроном. Член правления русской колонии в городке Бачка-Топола, на севере Королевства СХС. В эмиграции работал по специальности.
- 633 Бальц Анатолий Григорьевич (1894–?), лейтенант флота. Чиновник Государственного гигиенического института в Нови-Саде. Секретарь новисадского отделения «Русской матицы» (1932).
- 634 Корбе Владимир Александрович, чиновник Гигиенического института («Хигиенски завод») в Нови-Саде.
- 635 Фильм «Тихий Дон» режиссера О. Преображенской, 1930.
- 636 Никон (Ордовский-Танаевский Николай Александрович, 1860–1950), архимандрит. Бывший губернатор Тобольской губернии (1915–1917). Эмигрировал в Сербию (1920), диакон и священник (1923). Переехал в Германию (1928), настоятель храма в Гамбурге (1928–1938), в 1939 г. возвратился в Сербию. С конца войны снова в Германии, настоятель Св. Николаевского храма в Мюнхене-Пассинге (1945–1947). Незадолго до кончины принял схиму под именем Никодима в обители Преп. Иова Почаевского в Мюнхене.

- 637 *Гурко В.И.* Царь и Царица. Париж, 1927.
- 638 *Рерих Н.К.* Сердце Азии. Southbery (Conn.), 1929.
- 639 *Der Stürmer* (нем.) – «Штурмовик». Орган движения «Штурмовые отряды» (SA).
- 640 Яблоновский Александр Александрович (1870–1934), журналист, писатель. Эмигрировал в Египет, переехал в Париж. Сотрудник многих газет русского зарубежья.
- 641 Полетика Михаил Владимирович (1896–?), в 20–40-х гг. с супругой проживал в Нови-Саде.
- 642 Павлас Игнат(ий) (1885–1942), доктор юридических наук, адвокат в Нови-Саде (1912–1941). Учился в Загребе и Будапеште. Основатель Общества альпинистов «Фрушка Гора» (1924), старшина областной организации «Сокол». Убит венгерскими оккупантами.
- 643 *Handbuch der Judenfrage* (нем.) – Справочник по еврейскому вопросу.
- 644 Розенберг Альфред (1893–1946), идеолог национал-социализма, автор книги «*Der Mythos des 20 Jahrhunderts*», München, 1930.
- 645 *Index librorum prohibitorum* (лат.) – индекс запрещенных книг.
- 646 Поммер Иоанн Андреевич (1876–1934), епископ Слуцкий, викарий Минской епархии. Учился в Киевской Духовной академии, в 1903 г. принял постриг. В 1907 г. в сане архимандрита назначен ректором Литовской духовной семинарии и настоятелем Виленского Свято-Троицкого монастыря. В 1912 г. хиротонисан в епископа Слуцкого, викария Минской епархии. Епископ Старицкий (1917), епископ Пензенский и Саранский (1918). В 1921 г. назначен на Рижско-Митавскую кафедру. Погиб в 1934 г.
- 647 Слатин Илья Ильич (1888–?), пианист, дирижер, композитор, педагог, сын известного русского дирижера, пианиста и педагога И.И. Слатина (1845–1931). Дирижер в Московской консерватории (1912–1918). Вместе с двумя братьями (скрипач и виолончелист) проживал в Белграде. Оперный дирижер в Белграде (1921–1923), некоторое время в Люблянском и Сплитском оперных театрах. Руководитель русского хора им. М.И. Глинки, один из основателей Русского музыкального общества в Белграде. Преподавал в музыкальном училище, русско-сербской гимназии, работал на Белградском радио. Братья Слатины («Трио Слатин») и их супруги (певицы) оставили заметный след в музыкальной жизни межвоенного Белграда. Перед началом Второй мировой войны покинул Югославию.
- 648 Коровников Сергей Николаевич, оперный певец, бас. Солист Новисадской оперы. Выступал и в Белграде.
- 649 Кармазова Лидия Гавриловна, оперная певица, меццо-сопрано, по сцене – Аксенова. Солистка Новисадской (1921–1923) и Белградской оперы (30-е гг.).
- 650 Шкерль Станко (1893–1975), филолог, доктор философских наук. Учился в Нови-Саде, Вене. Профессор романской филологии Белградского (1930–1946) и Люблянского (с 1946) университетов. Инспектор просвещения.
- 651 Иоанн (Максимович) Михаил Борисович, 1896–1966), архиепископ Шанхайский, Сан-Францисский и Западно-Американский. Окончил Полтавский кадетский корпус и юридический факультет Харьковского университета. Эвакуировался в Королевство СХС. Окончил богословский факультет Белградского университета. Преподаватель Битольской духовной семинарии. С 1934 г. епископ, назначен епископом Шанхайской епархии. В 1949 г. эмигрировал с паствой на остров Тубабао (Филиппины), с 1951 г. проживал в Версале (Франция), архиепископ Брюссельский, возглавляя Западно-Европейскую епархию РПЦЗ (1951–1963). Архиепископ Сан-Францисский (с 1963), постоянный член Архиерейского Синода РПЦЗ (1963–1966). Причислен к лику святых РПЦЗ (1994).
- 652 Райкович Михайло (1888–1953), новисадский врач-стоматолог. Учился в Нови-Саде, Будапеште, Берлине.
- 653 Дмитрий Анатольевич Скрынченко (25.08.1933, Киев – 30.01.1999, Киев) окончил факультет радиофизики Киевского университета. Дети – Галина (9.04.1956) – от 1-го брака и Елена (1.10.1971) – от 2-го брака.

- 654 Кельчевский Евгений Анатольевич (1888–1935), полковник Генерального штаба. В эмиграции жил в Париже, работал таксистом и занимался литературной деятельностью. Автор романов «После урагана» (1927), «Дмитрий Оршин» (1929), «В лесу» (1930).
- 655 *Лиссагарэ П.О.* История Коммуны 1871 г. М., 1905.
- 656 «Русский голос» позиционировала себя как национальная, общественная и военная еженедельная газета. Издавалась в 1931–1941 гг. в Белграде.
- 657 Селивановский Борис Константинович (1894–1966), священник, протоиерей. Профессор Духовной семинарии в Сремских Карловцах (1922–1937) и Духовной семинарии в Сараево (с 1937). Священник Сербской православной церкви.
- 658 Варнава (Росич Петар, 1880–1937), епископ Велеско-Дебарский (1910), митрополит Скопьянский (1920), патриарх Сербский (1930–1937).
- 659 Борота Бранислав (1888–1945), доктор юридических наук, судья, переводчик. Учился в Будапеште. Мэр Нови-Сада (1927–1936), адвокат (1936–1941).
- 660 Андреев Александр Лаврентьевич (?–1958), инженер-механик. Жил в Белграде, преподавал в Первой русско-сербской гимназии.
- 661 Виталий (Максименко Василий Иванович, 1873–1960), архиепископ Восточно-Американский и Джерсийский (1950–1960). Архимандрит Почаевской лавры. Прибыл в Сербию в 1922 г. из Польши, жил в разных монастырях. С 1923 г. переехал в Словакию, обосновался в деревне Ладомирово, где основал обитель Преп. Иова Почаевского. Епископ Детройтский, управляющий приходами РПЦЗ в Северной Америке (1934). Архиепископ (1934). Основатель Св. Владимирской Духовной семинарии в Нью-Йорке (1938).
- 662 Шеншин Алексей Иванович (ок. 1892 – после 1945), агроном-лесовод. Профессор Белградского университета. В конце 30-х гг. уехал в Константинополь, а затем в Египет.
- 663 Пронин Василий Михайлович (1882–1965), полковник Генерального штаба, общественно-политический деятель, журналист. Служил в штабе Киевского военного округа. Помощник начальника управления Генштаба при генерале А. Деникине. В эмиграции жил в Белграде. Основатель Общества ревнителей военных знаний, редактор журнала «Военный сборник», газеты «Русский голос». Автор воспоминаний.
- 664 Дрейлинг Роман Константинович (?–1945), полковник Генерального штаба, общественный деятель. Окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Генштаба, где и преподавал. Полковник лейб-гвардии Конно-гвардейского полка. В гражданскую войну начальник штаба 1-й конной дивизии. Эмигрировал в Королевство СХС. Преподаватель Высших военно-научных курсов ген. Н.Н. Головина в Белграде, член Правления Союза Первопоходников. Староста Русского сокольства. Арестован органами СМЕРШ Третьего Украинского фронта Красной армии и отправлен в Москву.
- 665 Глубоковский Николай Никандрович (1863–1937), доктор богословия, историк церкви. Ординарный профессор Петербургской Духовной академии. Профессор Софийского университета (1923–1937), приглашенный профессор Парижского Св. Сергиевского богословского института (1925–1931).
- 666 Маевский Владислав Альбинович (1893–1975), штабс-капитан лейб-гвардии Саперного полка, историк, публицист, церковно-общественный деятель. В 1920 г. эвакуировался из Одессы в Королевство СХС. В Белграде окончил богословский и юридический факультеты. Библиотекарь Патриаршей библиотеки, секретарь сербского патриарха Варнавы. После Второй мировой войны через Швейцарию выехал в США (1945). Преподаватель в Св. Тихоновской Духовной семинарии в Суф-Канаане. Автор около 30 книг.
- 667 Волобуев о. Борис Георгиевич (1890–1980), протоиерей. Преподаватель церковной истории в Духовной семинарии в Ср. Карловцах (1928–1939). Принял священнический сан во время Второй мировой войны. Служил на сербских приходах недалеко от Белграда.

- 668 Узунович Никола (1873–1954), политик, один из основателей и руководителей Югославской национальной партии (1932). Неоднократно состоял министром и премьером Королевства СХС – Югославии.
- 669 Мария Дмитриевна родила сына Игоря в ноябре 1934 г. В настоящее время Игорь Павлович Соболев (по фамилии 2-го мужа матери, который и усыновил его) проживает с семьей в г. Сан-Паулу (Бразилия). Жена – немка Леонор, дети – Елена и Павел.
- 670 Катувская Елена Климентьевна (1888–1966), советская певица, колоратурное сопрано.
- 671 Козловский Иван Семенович (1900–1993), советский певец, лирический тенор.
- 672 Максакова Мария Петровна (1902–1974), советская певица, меццо-сопрано.
- 673 Озеров Николай Николаевич (1887–1953), советский певец, лирико-драматический тенор.
- 674 Обухова Надежда Андреевна (1886–1961), советская певица, меццо-сопрано.
- 675 Бутенина Маргарита Федоровна (1902–1953), советская певица, сопрано.
- 676 Лемешев Сергей Яковлевич (1902–1977), советский певец, лирический тенор.
- 677 Магарашевич Бранко (1892–1986), филолог-славист, писатель. Учился в Загребе и Лейпциге, доктор наук Министерского университета в Германии (1931). Директор мужской реальной гимназии в Нови-Саде (1937–1941). Во время Второй мировой войны работал в Государственном архиве Сербии в Белграде, а после войны переехал в Загреб, где преподавал латынь на юридическом факультете.
- 678 Кирилович Димитрие (1894–1956), историк, литератор, библиотекарь. Учился в Будапеште, Загребе, Праге. Управляющий Государственным архивом в Нови-Саде (с 1926), сотрудник белградской газеты «Политика». Во время Второй мировой войны жил в Белграде, а после войны возвратился в Нови-Сад.
- 679 Чеснокова, урожд. Макарова, Нина Александровна (1894 – после 1960), преподавательница французского языка в Нови-Саде. В 50-х гг. уехала в Хорватию (г. Риека?).
- 680 Головацкий Яков Федорович (1814–1888), поэт, ученый, фольклорист, священник, представитель москвофильства в Галиции.
- 681 Лембергом в Австро-Венгрии называли Львов.
- 682 Аранички Милош (1900–1996), врач-эпидемиолог. Учился в Вене, Праге, специализировался в Загребе, Гамбурге, Берлине, Испании, Италии. В 1924 г. в Вене примкнул к коммунистической партии Австрии, а позднее к компартии Югославии. В 30-х гг. преподавал гигиену в новисадской женской гимназии. После судебного процесса в 1935 г. был освобожден, но уволен с государственной службы. Работал в частной бактериологической лаборатории в Нови-Саде. Участник Народно-освободительного движения. После войны профессор Медицинского факультета в Сараево, затем Медицинского факультета в Нови-Саде (1963–1968).
- 683 Розанов Василий Василевич (1856–1919), выдающийся русский философ, публицист, литературный критик. Стоял на консервативных позициях.
- 684 *Par excellence* (*фр.*) – по преимуществу.
- 685 Сперанский Александр Викторович (1887–1970), капитан. В эмиграции с семьей проживал в Королевстве СХС в г. Вршац, затем в Нови-Саде. Чиновник военного ведомства. Похоронен в Белграде.
- 686 Триумфальный марш, сочиненный в 1857 г. австрийским композитором В. Халлмайером, был официальным гимном Ватикана и получил название Понтификального гимна. С 1949 г. официальным гимном Ватикана является Понтификальный марш (ит. *Marcia Pontificia*), написанный французским композитором Ш. Гуно.
- 687 Чирич Стеван, министр просвещения Королевства Югославии (1935).
- 688 Мачек Влатко-Владимир (1879–1964), юрист, политик. Предводитель Хорватской крестьянской партии (с 1928), хорватский националист.

- 689 Льотич Димитрие (1891–1945), сербский политик, юрист, министр юстиции Королевства Югославии (1931). Основатель Югославского национального движения «Збор» (1935, запрещен в 1940), близкого идеям национал-социализма. Погиб при отступлении своих вооруженных отрядов, боровшихся во Второй мировой войне с партизанами Тито.
- 690 Корощец Антун (1872–1940), римо-католический священник, видный югославский политик. Основатель Католической народной партии в Штирии, позднее предводитель Словенской народной партии, министр в Королевстве СХС и Королевстве Югославии (до 1940), премьер-министр (1928).
- 691 Скородумов Михаил Федотович (1892–1963), полковник, генерал-майор лейб-гвардии Павловского полка. В Первую мировую войну был тяжело ранен, взят немцами в плен, после войны инвалидом вернулся на родину. Участник гражданской войны на юге России. Эмигрировал в Болгарию, затем в Королевство СХС. Инициатор создания «Памятника русской славы» в Белграде. Основатель и первый командир Русского охранного корпуса в Сербии (осень 1941).
- 692 Николаевич Душан (1885–1961), литератор, драматург, публицист, переводчик. Учился в Мюнхене, Лейпциге.
- 693 Строки из стихотворения Ф.И. Тютчева «Как дочь родную...», написанного в 1831 г. по поводу взятия Варшавы русскими войсками.
- 694 Ошибка. Следует читать Григорий Васильевич Демченко.
- 695 Жардецкий Вячеслав Сигизмундович (1895–1962), математик, астрофизик. Окончил Физико-математический факультет Новороссийского университета (1917). В 1920 г. эмигрировал в Королевство СХС. Профессор теоретической физики, теории векторов и гидромеханики на кафедре прикладной механики философского факультета Белградского университета, сотрудник Белградской обсерватории. Профессор Университета в Граце (1943–1950), профессор геофизики Колумбийского университета в Нью-Йорке.
- 696 Ксюнин Алексей Иванович (1882–1938), журналист, военный корреспондент. Сотрудник «Нового времени» (Петербург, Белград), сербской газеты «Политика» (1920–1938). Председатель белградского Союза русских писателей и журналистов в Королевстве СХС (1925).
- 697 Кулаковский Платон Андреевич (1848–1913), русский историк и филолог-славист.
- 698 По-сербски *други* – второй.
- 699 Ракитина, урожд. Шацкая, Юлия Валентиновна (1892–1977), драматическая актриса, режиссер, супруга режиссера Юрия Львовича Ракитина (1982–1952). В 1929 г. основала труппу «Театр русской драмы» в Белграде.
- 700 В Душанбе Ирина Дмитриевна в ноябре 1935 г. родила дочь Светлану. В настоящее время Светлана Игоревна проживает с семьей в Буэнос-Айресе (Аргентина). Муж – Михаил Царевский, дети: Василий, 1963, Сергей, 1966, и Мария, 1969 гг. рождения.
- 701 Багратион-Мухранская Татьяна Константиновна, княгиня (1890–1979), дочь великого князя Константина Константиновича. Жила в Белграде. В 1946 г. постриглась в монахини под именем Тамары. Монашествовала в Гефсимании, с 1951 г. игуменья Вознесенского Елеонского монастыря.
- 702 Зегелов Александр Александрович (ок. 1858 – 1942), генерал от инфантерии. Окончил Константиновское военное училище и Николаевскую академию Генштаба. Служил в лейб-гвардии Московском полку. Участник Первой мировой войны. Командовал 33-й пехотной дивизией, 3-м армейским корпусом. В эмиграции жил в Белграде.
- 703 Вадбольский Николай Петрович, князь (1869–1944), генерал-лейтенант. Окончил Павловское военное училище и Николаевскую академию Генштаба. Служил в лейб-гвардии Павловском полку. Участник Первой мировой войны, командовал бригадой, дивизией, 7-м кавказским армейским корпусом. Участник Белого движения, командовал терской каза-

чьей дивизией. В эмиграции с 1921 г., жил в Белграде. Председатель Союза русских военных инвалидов в Королевстве СХС–Югославии.

- 704 Дмитрий Васильевич приобрел популярный радиоприемник «Columbus»-35 производства «Ingelen Elektrotechnische Fabrik Ing. Ludwig Neumann» GmBH, Wien.
- 705 «Völkischer Beobachter» – «Народный наблюдатель», официоз нацистской партии.
- 706 Антонова, урожд. Комаровская, Вера Владимировна (1866–1941), вдова юриста Н.И. Антонова.
- 707 Мирков Радмила, преподавательница географии новисадской женской гимназии (1933–1937).
- 708 Гавва (Гава) Николай Ефимьевич (1895–1936), офицер. Служащий в Нови-Саде.
- 709 Неточная цитата из поэмы А.Н. Майкова «Три смерти» (1851).
- 710 *Миновали золотые дни Аранхуэса (Аранжуэца)* – с этих слов начинается трагедия Шиллера «Дон-Карлос, инфант Испанский». Речь идет о пребывании Дон-Карлоса в увеселительном дворце Филиппа II в Аранхуэсе близ Мадрида. Выражение употребляется в значении: прошло беззаботное время.
- 711 Данилов Федор Владимирович (1875–1949), генерал-лейтенант Кубанского казачьего войска. Председатель русской колонии в Нови-Саде в 1930-е гг.
- 712 Секулич Лазар (1861–1941), юрист, судья. Окончил Юридический факультет в Будапеште (1890), секретарь Патриархии в Сремских Карловцах (1894), заместитель председателя Матицы Сербской (1920–1924). Судья Апелляционного суда в Нови-Саде (до 1927).
- 713 Витошевич Влада, член Союза культурных обществ Нови-Сада (1937).
- 714 Селиванова Нина, ученица сербской гимназии в Нови-Саде.
- 715 Драусаль, в замужестве Лаптева, София Рудольфовна (1893–1991), оперная певица (колоратурное сопрано). Солистка Одесской, Новисадской и Белградской опер (1920–1928), «Русской оперы» в Париже (1931). Гастролировала в Испании и Марокко.
- 716 Марич Светислав (1895–1973), философ, историк культуры. Профессор философии, математики и физики. Директор Второй мужской реальной гимназии в Нови-Саде (до 1941). Как офицер югославской армии всю Вторую мировую войну провел в германском плену. Профессор математики Пединститута в Нови-Саде (1946–1959). Заместитель председателя Матицы Сербской (1946–1947; 1949–1956).
- 717 Физикат (серб.) – санитарно-гигиеническая инспекция.
- 718 Вурумзер Евгений Вячеславович (1891–1972), корнет, геодезист. Служащий в Нови-Саде.
- 719 Каленич Жарко, в 30-х гг. преподаватель новисадской женской гимназии.
- 720 Рыдз-Смиглы Эдвард (1886–1941), польский политический и военный деятель, после смерти Пилсудского фактический диктатор Польши.
- 721 Удовиченко Михаил Дмитриевич (1878–1934), генерал-майор. В 1920 г. с супругой Марией Леонидовной эвакуировался в Королевство СХС.
- 722 Обухов Павел Александрович (1874–1936), полковник. Жил в Королевстве СХС.
- 723 Боде (Боде-Бодей) Евгений Евгеньевич, преподаватель музыки в сербских гимназиях Нови-Сада, дирижер духового оркестра «Сокольские фанфары» в Нови-Саде.
- 724 Аредов Александр Прокофьевич (1892–1937), инженер.
- 725 Бискупский Михаил Васильевич (ок. 1876–1943), полковник гвардейской конной артиллерии. Жил в Белграде. Бывший председатель Константиноградской земской управы.
- 726 Филипп (Гарднер Иван Алексеевич, 1898–1984), архимандрит, композитор, музыковед, церковно-общественный деятель. Эмигрировал в Королевство СХС. Окончил богословский факультет Белградского университета и Музыкальную консерваторию (1928). Преподаватель Духовной семинарии в Цетинье (1927–1930), пострижен в монашество (1931), иеромонах, член Русской Иерусалимской Миссии (1934–1937), игумен (1936), настоятель русского храма в Вене (1937–1940), архимандрит (1939), настоятель русского Воскресенского собора в Берлине (1940–1944), епископ Потсдамский, викарий Германской епархии (1942). Снял сан

- (1945), регент хора русского храма в Зальцбурге (1950), преподаватель истории церковного пения и славянской палеологии в Мюнхенском университете. Видный знаток и композитор русской церковной музыки.
- 727 Колоссовский Сергей Михайлович, член Церковного собора Русской Православной Церкви (Москва, 1917–1918), Первого (1921) и Второго (1938) всезаграничного собора РПЦЗ в Сремских Карловцах.
- 728 Архангельский Алексей Петрович (1872–1959), генерал-лейтенант Генштаба (1917). После эвакуации Крыма начальник отделения личного состава штаба Главнокомандующего ген. П.Н. Врангеля (1920–1926). С 1927 г. из Сремских Карловцев переехал в Бельгию. Начальник РОВСа (с 1938).
- 729 Маккавеев Сергей Сергеевич (1904–1944), инженер-архитектор. После освобождения Нови-Сада, осенью 1944 г., арестован органами НКВД-СМЕРШ Третьего Украинского фронта Красной армии. Вероятно, расстрелян.
- 730 Прешерн Франце (1800–1849), словенский поэт-лирик.
- 731 Шпаковский Анатолий Игнатьевич (1895–1988), доктор философских наук, педагог, социолог. Учился в Москве, Нанси (Франция), Любляне. Преподавал философию и французский язык в городах Югославии Велика-Кикинда, Велики-Бечкерек, Второй мужской гимназии в Нови-Саде (1937–1943). Публиковал труды на философские, социальные, педагогические и литературоведческие темы, писал стихи. В военные годы покинул Нови-Сад и уехал в Германию, а с 1951 г. жил с США, где стал профессором социологии Джексонвилльского колледжа. Публиковал научные труды в США и Европе, член Американского социологического общества, Общества славянских наук в США, Королевского философского института в Лондоне, Общества Канта в Германии.
- 732 Ротов Дмитрий Михайлович, педагог. В межвоенные годы проживал в Нови-Саде. Преподаватель математики, физики, химии, географии и гигиены в сербской мужской гимназии. Одно время преподавал в гимназии г. Рума.
- 733 Шувакович Миленко, преподаватель и директор новисадской сербской мужской гимназии.
- 734 Зличич Жарко (1909–1980), педагог, спортсмен. Преподаватель гимнастики и математики в гимназиях Сремских Карловцев (1933–1938) и Второй мужской гимназии в Нови-Саде (1938–1941). Военные годы провел в германском плену. После войны продолжил педагогическую деятельность, был тренером, инструктором, спортивным судьей (член югославской команды судей на Олимпиаде в Риме 1960 г.).
- 735 Чиплич Богдан (1910–1989), литератор, драматург, переводчик, поэт, педагог. Окончил философский факультет в Белграде. Преподаватель гимназий в Тимишваре, Велика-Кикинде, преподаватель мужской гимназии в Нови-Саде. Директор Сербского национального театра в Нови-Саде (1947–1949).
- 736 Кирилл Терелецкий, епископ Луцкий, обратился в 1595 г. к папе Римскому с просьбой об объединении (унии).
- 737 Игнатий Поцей, епископ Владимир-Волынский, был активным сторонником унии.
- 738 Рагоза Михаил (?–1599), митрополит Киевский и Галицкий, в 1596 г. вместе с пятью епископами подписал акт объединения с католической церковью (унию).
- 739 Котляревский Николай Михайлович (1890–1966), статский советник, юрист. Служил в Министерстве юстиции. Секретарь ген. П.Н. Врангеля. Инициатор сооружения в Брюсселе храма-памятника памяти Царя-мученика Николая II и русских людей, убиенных большевиками.
- 740 Породица (серб.) – семья.
- 741 Баксуз (серб.) – неудачник, человек, приносящий несчастье.
- 742 Домара (серб.) – управляющая домом.
- 743 Сементовская, урожд. Дорофеева, Ольга Николаевна, в 1920-х гг. проживала в Нови-Саде.

- 744 Бронеvский Георгий Борисович (1891–1961), инженер-полковник. С 1932 г. член правления отделения «Русской Матицы» в Нови-Саде.
- 745 Родзянко Владимир Михайлович (1915–1999), священник, епископ. С родителями в 1920 г. эмигрировал в Королевство СХС. Окончил богословский факультет Белградского университета (1937), рукоположен в 1941 г. Священник Русского православного прихода в Нови-Саде (1941–1944), священник Сербской православной церкви в деревнях на севере Югославии (с 1945). Просидел 4 года в югославской тюрьме и по ходатайству архиепископа Кентерберийского был освобожден. С 1955 г. жил в Англии, где вел религиозные передачи на Би-Би-Си на русском языке. В 1978 г. принял монашеский сан с именем Василия. Епископ Вашингтонский (1980), Сан-Францисский и Западно-Американский при Американской православной церкви.
- 746 Ревва Федор Онисимович (1890–?), преподаватель физики и математики в гимназиях Нови-Сада (1928–1941).
- 747 Пирадов Михаил Йосифович (1891–1956), в эмиграции с семьей проживал в Нови-Саде.
- 748 Шевцов Иван Иванович (?–1957), юрист. С семьей жил в Сремских Карловцах и Нови-Саде.
- 749 Томашевский Михаил Викентьевич (1896–?), офицер. Чиновник новисадской полиции.
- 750 Новый Сад.
- 751 Филевский Георгий Георгиевич (1891–1957), лейтенант флота, филателист. Чиновник финансово-налогового отдела Городского управления Нови-Сада.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авсенов Д.В. 28
Августин (Бошнякович А.) 44, 361
Анастасий (Грибановский А.А.) 85, 231–233, 287, 307, 369
Анатолий 42, 53, 67
Андреев А.А. 199, 200, 201, 208, 209, 211, 212, 218, 392
Анненков И.Е. 113, 121, 170, 221, 390
Антоний (Храповицкий А.П.) 34, 37, 40, 42, 54, 56, 59, 61, 75, 76, 82–85, 87, 93, 94, 96, 97, 108, 114, 120, 121, 123, 124, 126, 134, 136, 137, 143, 153, 183, 185, 188, 192–194, 202, 214, 215, 221, 231–234, 237, 243, 246–248, 267, 271, 275, 277, 278–283, 285–288, 293, 300, 307–309, 346, 358
Аносов И.А. 95, 309, 371
Антонов Н.И. 55, 64, 205, 243, 244, 276, 335, 362
Антонова урожд. Комаровская В.В. 63, 312, 313, 395
Апухтин К.В. 245, 301, 308, 350, 387
Араницки М. 299, 393
Ардашев 29, 356
Аредов А.П. 334, 395
Арсений (Чарноевич) 31, 42, 48, 326, 357
Арсеньев Н.С. 94, 370
Артамонов В.А. 30, 357
Архангельский А.П. 336, 337, 396
Атанасов 29
Афанасьев Г.Е. 29, 356

Багратион-Мухранская Т.К. 65, 307, 394
Базаревич С.И. 38, 360
Баковский О.А. 77, 162, 163, 367
Баковский С.О. 378
Балубджич Ж. 238, 387
Балубджич М. 111, 114, 135, 138, 201, 204, 218, 223, 245, 257, 259, 373
Бальц А.Г. 270, 289, 390
Баранов Н.С. 248, 388
Безобразов В.М. 368, 382
Белич А. 174, 218, 238, 252, 379
Беловидов о. Петр 108, 285, 286, 308, 312, 373
Бельговский К.П. 71
Беляев Д.Ф. 157, 378
Беляева-Долинская Л.Л. 73, 75
Бенеш 167
Бехтеев С.С. 101, 372
Билимович урожд. Шульгина А.В. 197, 382
Билимович Александр Д. 43, 46, 52, 100, 108, 135, 167, 168, 197, 198, 206, 208, 284, 285, 361
Билимович Антон Д. 71, 93, 180, 208, 211, 253, 365
Билимович Т.А. 197, 382
Бискупский М.В. 335, 336, 395
Бицилли П.М. 174, 379
Бобринский В.А. 30, 32, 58, 59, 67, 83–85, 96, 101, 357
Бобаевский П.М. 29, 356
Боде (Боде-Бодей) Е.Е. 333, 395
Бодиско В.Д. 154, 212, 377
Борис 38
Борота Б. 286, 392
Босняк М. 31, 32
Бостунич Г.В. 76, 366
Бркич Л. 79, 367
Броневский Г.Б. 350, 397
Брунн А.А. 229, 385
Брюхатов А.Д. 29, 212, 356
Брянский В.Д. 153, 154, 208, 377
Бубнов Н.М. 29, 43, 99, 208, 356
Бузинов М.М. 243, 387
Буланов П.Я. 220, 247, 384
Буланова А.П. 247, 387
Булгарин Ф.В. 185, 381
Булич Фране 145, 146, 376
Буров К. 29, 356
Бурцев В.А. 74, 366
Буссов К.Н. 254, 388
Бутович В. 29, 38, 46, 50–52
Бутенко П.Э. 46, 361

- Ваврик В.Р. 96, 97, 136, 295, 376
 Вагилевич 96, 97, 295
 Вадбольский Н.П. 307, 308, 394
 Валериан (Прибичевич В.) 57, 106, 108, 362
 Валина В. 74, 365
 Вандышев Н. 102, 372
 Вандышева, урожд. Скрынченкова М.В. 90, 369
 Варнава (Росич П.) 231, 234, 259, 283, 286, 288, 301, 307, 309, 327, 333, 392
 Веденяпин А.Н. 154, 372
 Вениамин (Федченков И.А.) 60, 62, 85, 122, 138, 139, 303, 346, 363
 Вербицкий В.Д. 70, 95, 364
 Вербицкий Ф.В. 61, 89, 93, 208, 211, 270, 285, 363
 Вергун Д.Н. 177, 380
 Викентий (Вуич Василий) 41, 357
 Викентий (Йованович) 61, 363
 Виктор 231, 233, 386
 Вилич Марко 93, 105, 106, 111, 135, 370
 Виталий (Максименко В.И.) 287, 288, 308, 392
 Витошевич Влада 323, 395
 Вишневский Г.А. 29, 129, 151, 356
 Волевач Н.Г. 107, 370
 Волконский (Верон-Волконский) М. 74, 365
 Волконский Н.П. 104, 372
 Волобуев о. Б.Г. 289, 392
 Волошин М. 58
 Воронцов Ф.В. 63, 71, 72, 363
 Врангель П.Н. 44, 51, 66, 68
 Вржеш В.Н. 212, 384
 Врховац Р. 49, 72, 195, 262, 358, 362
 Вурумзер Е.В. 327, 395

 Гавва (Гава) Н.Е. 314, 395
 Гавриил (Чепур Г.М.) 75, 84, 85, 231, 233, 366
 Гаврило (Змиянович) 60, 62, 363
 Гагарин Б.В. 203, 382
 Гарашанин Миутин 31, 358
 Гарнич-Гарницкий Е.Ф. 247, 388
 Георгиевич М.М. 224, 384
 Георгиевский М.А. 208, 221, 324, 383
 Георгий (Бранкович) 31, 48, 357
 Георгий (Летич) 30, 32, 37, 39, 43, 50, 53, 55, 59, 60, 357
 Георгий (Ярошевский Г.Г.) 37, 359
 Гербель С.Н. 82, 87, 368
 Гермоген (Максимов Г.И.) 95, 106, 231, 233, 287, 288, 289, 370
 Герцен А.И. 67, 104, 302, 364
 Гершельман Б.Р. 244, 387
 Гижицкий М.А. 29, 39, 44, 50, 141, 356
 Гинденбург 40
 Глубоковский Н.Н. 288, 392
 Головацкий Я.О. 295, 393
 Гольцев-Богданов В.В. 245, 370
 Горская В.Н. 74, 75, 78, 366
 Граббе Юрий (Георгий) П. 214, 231, 237, 281, 283, 288, 294, 307, 384
 Грба Н. 109–112, 121, 138, 170, 236, 373
 Грибоедов А.С. 185
 Григорьев В.Ф. 121, 254, 374
 Григорьев В.И. 73, 74, 78, 243, 365
 Гринь В.И. 203, 382
 Грич Й. 105, 372
 Гроздов В.А. 229, 385
 Грол М. 174, 379
 Гронский П.П. 175, 177, 380,
 Грулев 230, 259, 275
 Грушевский С.Г. 29, 45
 Гудович И.А. граф 217, 335, 384
 Гурчин В.Н. 153, 292, 377
 Гурчина Т.В. 247, 387
 Гучков А.И. 45, 64, 125, 128, 140

 Дамиан (Говоров Д.Г.) 231, 233, 346 386
 Данило (Пантелич Д.) 33–35, 39, 48–55, 145, 358
 Данилов Ф.В. 323, 335, 395
 Данилович Василие-Васа 90, 152, 369
 Дараган-Мирошниченко Д.А. 229, 385
 Деконский Юрий (Георгий) Е. 246, 387
 Десянов И.Д. 181, 380
 Демченко Г.В. 29, 45, 73, 211, 304, 305, 355
 Деникин А.И. 44, 45, 51, 120, 134, 166
 Димитрие (Бранкович Д.) 60, 363
 Димитрие (Павлович Д.) 41, 44, 71, 83, 108, 106, 174, 285, 361
 Димитриевич Дракутин-Апис 114, 374
 Димитрий 136, 168, 198
 Диссалович (Джисалович) В. 39, 110, 360
 Добровольский Г.Г. 91, 370
 Доброклонский А.П. 45, 203, 218, 242, 361
 Доброславская А.П. 356
 Досифей (Васич) 30, 32, 33, 37, 38, 50, 52, 60, 66, 174, 284

Досифей (Попович) 60, 64, 84, 363
 Драгомиров А.М. 173, 374
 Драусаль, зам. Лаптева С.Р. 324, 395
 Дрейер, фон К.Д. 195, 381
 Дрейлинг Р.К. 287, 392
 Дуван-Торцов И.Е. 251, 388
 Духонина, урожд. Вернер Н.В. 169, 378
 Душан 56, 176
 Дюрич (Джурич) Николай 39, 41, 43, 44, 47, 50–53, 360

Евлогий (Георгиевский В.С.) 43, 47, 51, 53–55, 57, 58, 60–62, 64, 64, 67, 85, 121, 122, 130, 138, 142, 143, 146, 187, 277, 280, 283, 287–289, 309, 320, 359.

Еврем (Бойович) 41, 360
 Егоров А.А. 160, 378
 Екатерина (графиня Ефимовская Е.Б.) 83, 368
 Елачич А.К. 176, 380
 Еленевский 29, 129
 Емельянов 68, 364
 Ермаков Е.Ф. 78, 79, 234, 367
 Есаулов П.С. 121, 154, 180, 212, 248, 254, 337, 374

Жардецкий В.С. 304, 394
 Жевахов Н.Д. 38, 39, 46, 52, 230, 359
 Железнов И.А. 46
 Живанович Эмилия 198, 382
 Живойнович Йован 91, 122, 369
 Жолтенко В.С. 209, 378

Заболотный А.М. 256, 370
 Задорин 75, 366
 Замурович А. 223, 384
 Зегелов А.А. 307, 308, 394
 Зеньковский В.В. 29, 43, 46, 52, 61, 66, 120, 215, 277–279, 281, 282, 303, 356
 Зличич Жарко 345, 396

Иванов С.В. 223, 384
 Игнатовский А.И. 218, 242, 243, 270, 327, 390
 Игнатъев И.П. 203, 237, 238, 261, 382
 Илларион (Зеремский В.) 32, 33, 43, 44, 358
 Илларион (Радонич Ж.) 32, 358
 Иннокентий (Фигуровский И.А.) 232, 386
 Иоаким (Чупич) 60, 67, 303
 Иоанн (Максимович М.Б.) 283, 391
 Иозефи В. 29, 66

Ириной (Чирич) 35, 41, 64, 65, 86, 93–95, 105, 108, 120, 141–143, 188, 205, 221, 233, 243, 259, 286, 323, 333, 360
 Иричек (Йиричек) Йосип-Константин 60, 363
 Ирманов (Ирман) В.А. 82, 214, 368

Йованович Йован-Змай 101, 372
 Йованович М. 65, 69, 84, 90–92, 96, 345, 364
 Йованович Павле-Пая 31, 357

Кацесников Н.З. 254, 388
 Каленич Жарко 328, 395
 Караджич Вук С. 42, 54, 361
 Каракашевич Б. 84, 86, 368
 Кармазов В.А. 82, 83, 368
 Кармазова Л.Г. 282, 391
 Карташов А.В. 84, 136, 375
 Катеринич О.И. 39, 52, 360
 Кашинцев П.П. 229, 230, 385
 Келеповский А.И. 74, 84, 105, 112, 365
 Кельчевский Е.А. 284, 392
 Кемаль-паша 189, 190, 391
 Кизеветтер А.А. 123, 176, 181, 375
 Кирило (Митрович) 55, 362
 Кирилович Д. 292, 393
 Кирста 29
 Кишенский Д.П. 45, 71, 361
 Клемм О.В. 38, 52
 Кнорринг В.Р., фон 99, 371
 Ковалевский Н.В. 121, 374
 Ковачевич Д. 191, 381
 Коверда Б.С. 143, 376
 Козловский И.С. 291, 393
 Козловский Н.С. 254, 388
 Коич 68, 364
 Коковцов В.Н. 196, 382
 Кокорев А.В. 29
 Колесников С.Ф. 199, 200, 382
 Колович Б. 79, 367
 Колоссовский С.М. 335, 396
 Комаровский А.С. 78, 156, 367
 Комаровский С.А. 94, 96, 104, 371
 Комаревский Б.В. 268, 389
 Кондаков Н.П. 174, 379
 Копитар Й. 101, 372
 Корбе В.А. 270, 390
 Коренчевский В.Г. 174, 379
 Корнелий (Зубович) 41, 42, 56, 360

- Коровников С.Н. 282, 391
 Корошеч А. 300, 394
 Корсаковский А. 29
 Косоногова, урожд. Хрущева Н.М. 198, 382
 Котляревский Н.М. 287, 347, 396
 Краинский Н.В. 194, 285, 308, 381
 Кривцов П.П. 243, 387
 Крстич В. 121, 374
 Кругликов-Гречаный 29
 Крушевич 62, 263
 Ксюнин А.И. 304, 394
 Кульбакин С.М. 154, 211, 377
 Кумануди К. 95, 370
 Курочкин В.С. 111, 121, 134, 135, 141–143, 191, 220, 234, 244, 252, 350, 373
 Курочкина, урожд. Британова А.Г. 121, 252, 374
 Кутырин В.В. 269, 390
 Кушакевич 29
- Л**
 Лабинский И.В. 173, 220, 244, 246, 312, 379
 Лабинский К.А. 101, 270, 371
 Лабутин 29
 Лавров С.В. 45, 361
 Лазаревич А. 51, 362
 Лазарь 51, 362
 Ламзаки И.Д. 99, 246, 387
 Лапшин И.И. 204, 383
 Лашкарева (Лошкарева) А.П. 112, 373
 Левитская Фотина (Фотиния) Н. 51, 362
 Ленин В. 66, 74, 79, 83, 87, 173, 263, 304, 316
 Летич П. 46, 361
 Леушина, в зам. Федорова Е.В. 245, 387
 Липеровский А.В. 29
 Лисицын С.В. 243, 273, 289, 387
 Литвинов 257, 258, 263, 264, 272
 Ллойд-Джордж 221, 384
 Лодыженский А.И. 221, 384
 Лойко И.А. 101, 371
 Лойола И. 99
 Локоть Т.В. 85, 368
 Лопухин П.С. 231, 288, 307, 386
 Львов Г.Е. 179, 378
 Льотич Д. 300, 394
 Льотич П. 46, 361
 Ляуданский В.А. 158, 159, 372
- М**
 Маевский В.А. 288, 392
 Магарашевич Б. 292, 324, 328, 334, 393
- Мазюкевич П. 34, 282, 303
 Майборода В.И. 178, 222, 223, 261–267, 280, 281, 283, 286, 324, 380
 Маккавеев С.С. 246, 336, 396
 Маклецов А.В. 198, 210, 213, 382
 Максимилиан (Хайдин М.) 33, 59, 72, 358
 Максич Н. 109, 111, 373
 Малахов Н.М. 121, 134–136, 142, 143, 153, 154, 374, 375, 194, 195, 212, 224, 233, 234, 243, 247, 248, 287, 289
 Малахова М.И. 136, 375
 Малинин И.М. 208, 218, 228, 383
 Маргетич С. 192, 204, 220, 223, 252–254, 257, 259, 282, 289, 312, 333, 381
 Маринкович В. 90, 369
 Маринкович П. 30, 357
 Мариюшкин А.А. 245, 350, 387
 Марич С. 325, 326, 345, 395
 Мария Федоровна 82
 Марков Н.Е. (Марков 2-й) 82, 103, 122, 367
 Маркович А. 67, 105, 364
 Маркович С. 31, 357
 Масарик 66, 322
 Маткович Д. 261, 269, 271, 389
 Махароблидзе Э.И. 75, 195, 214, 366
 Мачек Влатко-Владимир 300, 393
 Машинский П.Н. 194, 381
 Мельгунов М.Э. 113, 323
 Менжинский 198, 302
 Мефодий (Субботин К.П.) 32, 39, 358
 Мештрович И. 269, 390
 Милетий (Бабич) 33, 358
 Милованов С. 67, 69, 86, 91, 93, 94, 104, 364
 Минцлов С.Р. 154, 377
 Мирков Р. 312, 395
 Мирович С.В. 96, 371
 Мирославлевич Велько-Веля 110, 373
 Митрович Чедомир-Чеда 174, 379
 Митрофан (Абрамов Н.И.) 37, 63, 346, 390
 Митрофан (Бан Марко) 32, 358
 Мичатек А. 173, 379
 Мичатек О. 74, 75, 365
 Мишкович В. 231, 387
 Могилевская, урожд. Шульгина Павла (Лина) В. 27, 37, 39, 44, 45, 51, 60, 64, 66, 69, 71, 86, 93, 102, 106, 121, 134, 286, 309, 355
 Могилевский Иван-Ваня 52, 304, 305, 361

Молчанов А.М. 223, 384
 Москаленко 29, 129
 Моч М. 228, 324, 385
 Мусолини Б. 119, 161, 188

Нафанаил (Львов В.В.) 260, 389

Невеждин И.Д. 74, 365
 Недбаевский П.И. 245, 387
 Неделькович В. 73, 121, 365
 Неклюдов В.Г. 203, 382
 Нелюбов А. 109, 373
 Нестор (Анисимов Н.А.) 260, 389
 Нестор (Оштрич) 56, 262
 Никодим 29, 34, 38, 54, 60, 71, 83, 276, 347, 356
 Николаевич Д. 302, 394
 Николаевич С. 75, 366
 Николай (Велимирович Н.) 41, 360
 Николай (Карпов Иван Ильич) 231, 386
 Николай I 87, 99, 103, 157, 328
 Николай II 34, 64, 66, 82, 99, 106, 109, 114, 115, 250, 251, 254, 269, 305–308, 314, 335
 Николай Черногорский 55, 362
 Николитч Владимир-Влада 31, 357
 Николитч К. 93
 Никольский А.А. 29, 51, 66, 93, 134, 356
 Никон (Ордовский-Танаевский Н.А.) 271, 390
 Нина (Косаковская Н.Г.) 83, 368
 Новак В. 207, 383
 Новгородцев П.И. 96, 371
 Ногаев Н.В. 231, 386
 Нольде Б.Э. 176, 380
 Нушич Б. 239, 387

Обрадович Д. 45, 361

Обренович М. 31, 42, 48, 80, 87, 173, 357
 Обухов П.А. 156, 330, 395
 Обухова Н.А. 291, 393
 Одинац Д.М. 176, 380
 Одоевский А.И. 302
 Окунев Н.А. 174, 175, 379
 Орешков Б.М. 154, 377
 Остряб 29

Павлас Игнат(ий) 325, 326, 391

Павле 61, 363
 Павле (Ненадович) 61, 363
 Павловский Н.А. 64, 313, 364

Палеолог С.Н. 195–197, 381, 382
 Пасманик 140
 Пашич Н. 85, 120, 122, 134, 358
 Пашич Р. 114, 374
 Пашчан Н. 107, 270, 373
 Пашчан С. 259, 389
 Петлюра С. 44, 45, 85, 100, 270, 279, 347
 Петр I 34, 89, 134, 146, 175, 178, 210, 220, 305
 Петров Г.С. 70, 366
 Петрович В. 369
 Петрович М.А. 79, 221, 367
 Петрович М. 36, 40, 67, 69, 90, 121, 204, 215, 223, 261, 311, 359,
 Петрович Э. 236, 386
 Пирадов М.И. 350, 397
 Платон (Рождественский П.Ф.) 29, 36–45, 47, 50, 56, 60, 277, 346, 347, 355
 Плищенко П.И. 68, 69, 94, 103, 364
 Погодин А.А. 71, 365
 Погорецкий Н.П. 78, 367
 Пожарский П.Ф. 202, 353, 382
 Поздняков А.Н. 85, 369
 Позднякова Э.Ц. 79, 150, 367
 Полетика М.В. 273, 391
 Полетика, урожд. Успенская С.С. 203, 238, 243, 261, 382
 Полтавцев В.Н. 251, 388
 Попов Н.А. 36, 359
 Попова Елизавета (Лиза) И. 107, 324, 373
 Попович А. 238, 387
 Попович Б. 270, 390
 Попович Досифей 60, 64, 84, 363
 Попович Дака 244, 387
 Попович Душан 248, 388
 Попович П. 88, 369
 Поснов М.Э. 29, 40, 75, 356
 Прибичевич В. 57, 362
 Прибичевич М. 56, 362
 Прибичевич С. 57, 362
 Приходченко М.С. 103, 372
 Прданович Н. 143, 376
 Пронин В.М. 287, 392
 Протич С. 38, 102, 359
 Пряслов В.С. 82, 368
 Пуммер В. 138, 198, 200, 376
 Пупин М. 261, 262, 389
 Пушин Н.А. 177, 380
 Пыпин А.Н. 167, 378

- Радич С. 120, 122, 171, 374
 Радичевич Б. 42, 54, 361
 Радойчич Н. 72, 365
 Райкович М. 283, 391
 Раkitина, урожд. Шацкая Ю.В. 306, 394
 Распутин Г. 52, 82, 83, 105, 109, 236, 271, 272, 346
 Ревва Ф.О. 350, 397
 Рейн Г.Е. 45, 66, 361
 Ренненкампф В.Н. 30, 356
 Решетников Я.Ф. 194, 238, 243, 381
 Рибар И. 89, 369
 Ристич Й. 31, 357
 Рклицкий Н.П. (в монашестве Никон) 202, 269, 281, 288, 294, 301, 307, 335, 382
 Родзянко В.М. 350, 397
 Родзянко М.В. 40, 81, 89, 125, 128, 360
 Розанов В.В. 299, 393
 Розеншильд фон Паулин, в зам. Сердюкова А.А. 90, 135, 154, 369
 Розеншильд фон Паулин А.Н. 173, 338, 379
 Розов В.А. 82, 102, 103, 308
 Романовская Е.М. 203, 383
 Рот Л. 74, 97, 98, 103, 365
 Ротов Д.М. 345, 350, 396
 Рубинштейн А.Э. 194, 381
 Руварац Д. 108, 111, 218, 357
 Рыбинский Н.З. 206, 383
 Рысс П.Я. 37, 359

 Савенко А.И. 29, 39, 64, 131, 132, 253
 Сазонов И.И. 46
 Сазонов С.Д. 141, 195, 196, 306, 383
 Салтыков Н.Н. 208, 383
 Санкович Йован-Йоца 103, 106, 107, 108, 112, 113, 114, 120, 121, 372
 Сватиков С.Г. 176, 177, 380
 Свинарский В.С. 254, 255, 386
 Святополк-Мирская, урожд. Гудим-Левкович М.А. 60, 61, 66, 69, 83, 95, 308, 363
 Секулич И. 135, 357
 Секулич Л. 323, 395
 Секулич М. 205, 383
 Селиванова Н. 324, 395
 Селивановский Б.К. 286, 289, 392
 Сементовская, урожд. Дорофеева О.Н. 350, 398
 Сенча В.И. 156, 303, 304, 377
 Серафим (Лукьянов А.И.) 231, 308, 309, 385
 Серафим (Ляде А.О.) 287, 288, 386
 Серафим (Соболев Н.Б.) 85, 386
 Серафимов 34
 Сергеев И.И. 193, 194, 381
 Сергеевский Б.Н. 269, 390
 Сергиевский П.А. 252, 388
 Сердюков М.М. 135, 375
 Сибирякова В.А. 73, 365
 Симич Д. 236, 386
 Синькевич Ф.Н. 96, 101, 122, 138, 156, 202, 281, 370
 Сиротинин В.Н. 77, 89, 93, 367
 Скаржинский П.В. 47, 79, 85, 90, 223, 281, 308
 Скерлич Й. 51, 88, 362
 Скородумов М.Ф. 301, 394
 Скоропадский Г.В. 112, 373
 Скрынченко А.И. (Шуруна) 33, 43, 46, 47, 49, 50, 54, 55, 57, 58, 59, 62, 63, 68, 74, 76, 84, 87, 97, 106, 113, 134, 227, 247, 257, 306, 355
 Скрынченко А.Д. 46, 49, 53, 54, 87, 106, 228, 355
 Скрынченко И.Д. 46, 49, 53, 54, 57, 63, 87, 259, 306, 362
 Скрынченко Н.Д. 46, 49, 57, 59, 63, 97, 362
 Слатин Илья Ильич 282, 391
 Смарагд (Латышенко) 94, 345, 370
 Смирнов Н.М. 135, 224, 375
 Соболева, урожд. Скрынченко М.Д. 27, 355
 Соколова, урожд. Жуковская С.Р. 112, 375
 Соловьев А.В. 66, 174, 176, 204, 364
 Соловьев М.А. 135, 154, 350, 375
 Сопочько-Сырокомля М.А. 175, 379
 Сорочинский А.Н. 156, 254, 377
 Спалайкович М. 44, 108, 361
 Спекторская М.К. 369
 Спекторский Е.В. 29, 37, 38, 50, 52, 66, 71, 87, 93, 95, 100, 105, 174, 175, 177, 197, 206, 211, 213, 224, 238, 284, 285, 302, 303, 355
 Сперанский А.В. 299, 393
 Стаич В. 143, 152, 158, 204, 376
 Сталин 219, 220, 305, 338
 Стамболийский А. 97, 149, 371
 Станоевич С. 32, 41, 42, 49, 51, 56, 58, 358
 Степанов Ф.П. 106, 111, 114, 135, 167, 242, 372
 Стефан (Стратимирович) 101, 372
 Стефанович В. 135, 375
 Стефанович Владимир-Влада 75, 76, 82, 84, 105, 163, 366
 Стефанович Д. 41, 360

Стефанович Ж. 92, 215, 370

Стойков М. 39, 360

Стороженко Н.В. 51, 100, 118, 119, 128, 133,
138–140, 143, 167, 181, 355

Стороженко А.В. 39, 91, 108, 114, 117, 137, 160,
183, 190, 206, 216, 217, 229, 230, 254, 256,
258, 272, 273, 275, 281, 297, 306, 311, 332,
334, 356

Стоядинович Д. 114, 374

Стоянович Любомир-Люба 31, 357

Стреха Н.Н. 192, 381

Струве П.Б. 206, 270

Субботин А.И. 195, 381

Суворин А.С. 320

Суворин М.А. 102, 372

Суслов 29

Сухомлинов 50, 128

Сухотин А.М. 109, 199, 200, 201, 208, 373

Таран П.М. 205, 244, 247, 383

Тарановский Ф.В. 209, 238, 306, 308, 383

Теребинский В.И. 27, 29, 30, 37–39, 43, 50, 60,
66, 71, 77, 78, 89, 93, 95, 134, 355

Тимошок 29

Титов Ф.И. 30, 33–44, 47–59, 357

Тихон (Лященко) 29, 37, 75, 136, 142, 287, 335,
356

Тихон (Троицкий А.) 231, 233, 386

Ткачев В.М. 230, 254, 385

Ткач-Бурлак З.И. 27, 29, 43, 91, 106, 121

Токарева О.Н. 205, 215, 219, 383

Толстая, в зам. Баковская В.И. 162, 163, 367

Толстая, урожд. Философова С.Н. 74, 77, 84, 365

Толстой Илья Ильич 269, 270, 390

Томашевский М.В. 352, 397

Травань Гавра 111, 373

Траснянский А.М. 78, 367

Трегубов С.Н. 218, 303, 384

Трепов А.Ф. 82, 368

Трескин А.Н. 173, 222, 384

Триумфов 29

Троицкий С.В. 351

Трубецкой В.В. 99, 371

Трубецкой Е.Н. 76, 366

Трубецкой С.А. 194, 195, 381

Трускова Л. 121, 374

Туторский Е.А. 195, 381

Тютчев Ф.И. 302

Удовиченко М.Д. 330, 331, 295

Узунович Н. 253, 289, 393

Урсати Н.С. 38, 31, 359

Усов С.С. 74, 247, 365

Успенский А.М. 110, 373

Файбишенко 29

Федоров А.М. 29, 356

Федоров И.П. 33, 358

Феодосий (Мельник Ф.Е.) 231, 247, 283, 287,
288, 307, 386

Феофан (Быстров В.Д.) 83, 94, 346, 368

Феофан (Гаврилов Ф.Г.) 66, 78, 111, 231, 233,
287, 286, 346, 364

Фигуровский П.А. 78, 367

Филевский Г.Г. 354, 397

Филипп (Гарднер И.А.) 335, 395

Филофей 189

Фингергут К.Г. 46, 361

Флуг В.Е. 251, 307, 388

Флоровский А.В. 175, 380

Фон-Раабен (Рабен) Н.С. 37, 45, 60, 66, 359

Франц Иосиф 35, 48, 62

Франц Фердинанд 35

Францев В.А. 211, 384

Хаджи Константин-Коста 76, 195, 367

Хануков А.П. 63, 79, 111, 150, 191, 192, 195,
202–204, 229, 230, 232, 237, 243, 252, 258,
259, 267, 268, 273, 275, 286, 363

Харченко Геронтий Гаврилович 79, 96, 101, 113,
135, 153, 203, 213, 367

Харченко, урожд. Хоружинская М.И. 79, 203,
205, 215, 219, 221, 223, 224, 236, 243, 367

Хондажевская К.И. 212, 224, 385

Хондажевский С.В. 194, 212, 220, 245, 254, 381

Хорти М. 82, 352

Хрвачанин Й. 106, 112, 137, 138, 214, 338, 372

Хрущев М.А. 31, 198, 357

Цыцварич К. 65, 66

Чаговец А.М. 233, 234, 384

Чаплиц В.И. 153, 377

Чемберлен 188

Черепов А.Н. 75, 83, 224, 230, 276, 288, 299, 313,
323, 336, 366

Черненко М.С. 29
 Чернотуров Д.Н. 153, 173, 377
 Чернышевский Н.Г. 31
 Чеснокова, урожд. Макарова Н.А. 292, 393
 Чехович Евгений Петрович 112, 373
 Чехович, урожд. Журкина-Бабадьян, Э.Е. 112, 220, 221, 373
 Чиплич Б. 345, 396
 Чириков Е. 29, 356
 Чирич С. 300, 393
 Чубинский М.П. 114, 215, 252, 258, 324, 374

Ш
 Шапшаль И.Ф. 66, 364
 Шафарик П.Й. 176, 380
 Шаховской И. 138, 139, 376
 Шварцбарт 140
 Шевич М. 37, 46, 50
 Шевцов И.И. 350, 387
 Шеншин А.И. 218, 287, 288, 290, 392
 Шидловская, урожд. Франц Н.П. 224, 385
 Шиллинг А.И. 32, 51, 129, 358
 Ширай В.С. 73, 74, 78, 365
 Ширококов Н.М. 195, 381
 Шишич Ф. 70, 365
 Шкерль С. 282, 391
 Шкинская В.Ф. 153, 154, 377
 Шкуро 51
 Шмурло Е.Ф. 175, 176, 379
 Шпаковский А.И. 345,

Шретер Георгий (Юрий) Н. 98, 371
 Шретер М.А. 11, 373
 Штрандтман В.Н. 33, 37, 38, 41, 58, 83, 109, 211, 233, 301, 308, 358
 Штросмайер Й.Ю. 121, 345, 375
 Шувакович М. 345, 396
 Шульгин В.В. 29, 39, 43, 45, 50, 60, 64, 130, 139, 140, 197, 253, 305, 306, 355
 Шульгин Д.В. 267, 375
 Шульгина, урожд. Градовская Е.Г. 28, 130, 375

Щ
 Щербина К. 29

Э
 Энвер 66
 Эппле В.Э. 210, 220, 230, 245, 248, 254, 351, 383
 Эрдели В.Г. 153, 243, 299, 312, 377
 Эрдели, урожд. Хитрово М.С. 223, 236, 270, 273, 292, 350, 384

Ю
 Юренев Г.М. 93, 134, 370

Я
 Яблоновский А.А. 272, 391
 Яворский Ю.А. 71, 73, 76, 84, 87, 139, 365
 Якшич Д. 47, 362
 Яновский Д.Г. 51, 362
 Ясинский М.Н. 29, 43, 50, 51, 58, 64–66, 72, 73, 75, 85, 98, 99, 100, 144, 167, 168, 170, 176, 197, 199, 200, 201, 205, 208, 209, 211, 285, 303, 355

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Скрынченко Дмитрий Васильевич

Обрывки
ИЗ
МОЕГО ДНЕВНИКА

Издательство «Индрик»

Оригинал-макет и оформление

Г.А. Шнэт, А.С. Старчеус

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other INDRIK publications

may be ordered by
e-mail: market@indrik.ru
or by tel./fax: +7 495 954-17-52

Налоговая льгота —
общероссийский классификатор продукции (ОКП) —
95 3800 5

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.
Формат 70×100 ¹/₁₆. Печать офсетная.
27,0 п. л. Тираж 500 экз.

